

Краснодарский университет МВД России

ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА
Хрестоматия

Краснодар

2021

УДК 340(075.8)
ББК 67.0я7
П68

Титульный лист	Аннотация	Содержание	Полный текст	Выходные данные

ISBN 978-5-9266-1788-4

Составители:

О. А. Миронова (введение, разделы 7, 8); *Д. Р. Хаваджи* (разделы 1, 2);
Д. В. Климова (разделы 3, 4); *С. В. Кисс* (разделы 4, 5);
Е. К. Обринская (раздел 6)

Рецензенты:

А. И. Овчинников, доктор юридических наук, профессор (Ростовский юридический институт МВД России);
А. И. Мелихов, кандидат юридических наук, доцент (Волгоградская академия МВД России).

Правовая теория государства [Электронный ресурс] :
П68 хрестоматия / сост.: О. А. Миронова, Д. Р. Хаваджи, Д. В. Климова [и др.]. – Электрон. дан. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021. – 1 электрон. опт. диск.

ISBN 978-5-9266-1788-4

Хрестоматия включает основные произведения известных философов, политиков, юристов, посвященные вопросам правовой теории государства. Подготовлена в соответствии с тематическим планом и программой курса «Правовая теория государства» и предназначена для использования в качестве учебного пособия.

Для профессорско-преподавательского состава, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

Правовая теория государства [Электронный ресурс] : хрестоматия / сост.: О. А. Миронова, Д. Р. Хаваджи, Д. В. Климова [и др.]. – Электрон. дан. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021. – 1 электрон. опт. диск.

© Краснодарский университет МВД России, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	1
Раздел 1. Идея правового государства в античной философской и общественно-политической мысли.....	13
Гомер	13
Илиада	13
Одиссея.....	19
Платон.....	28
Законы	29
Аристотель.....	75
Политика	76
Цицерон Марк Туллий.....	103
Культура и слово речи против Верреса.....	103
Гай	119
Институции Гая.....	119
Раздел 2. Развитие идеи правового государства в период Средневековья	132
Фома Аквинский.....	132
О правлении государей.....	132
Марсилий Падуанский	145
Защитник мира.....	146
Никколо Макиавелли	157
Государь	157
Раздел 3. Формирование концепции правового государства в Новое время.....	240
Гуго де Гроот Гроций.....	240
О праве войны и мира.....	240
Томас Гоббс	253
Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского.....	253
Джон Локк.....	260
Два трактата о правлении.....	260
Жан Жак Руссо	266
Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми.....	267
Об общественном договоре, или Принципы политического права.....	271
Шарль Луи де Секонда, Барон де Ла-Бред и де Монтескьё	291
О духе закона.....	291
Георг Фридрих Пухта	297

Энциклопедия права.....	298
Раздел 4. Становление теории правового государства как целостной философской и политико-правовой концепции	304
Иммануил Кант	304
Метафизика нравов.....	304
Учения о праве.....	310
Георг Вильгельм Фридрих Гегель	335
Философия права.....	335
Философская пропедевтика.....	366
Философия духа	384
Иеремия Бентам	388
Введение в основания нравственности и законодательства.....	388
Основные начала уголовного кодекса.....	393
Джон Стюарт Милль	395
О свободе.....	396
Джон Остин	408
Определение области юриспруденции.....	408
Бенжамин Констант	412
О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей.....	412
Курс конституционной политики.....	417
Алексис де Токвиль	420
Демократия в Америке.....	421
Фридрих фон Гумбольдт	438
Опыт установления границ деятельности государства.....	439
Огюс Конт	445
Система позитивной политики	445
Анри де Сен-Симон	451
О промышленной системе	452
Катехизис промышленников	455
Шарль Фурье	460
Открытие всеобщих законов движения.....	460
Роберт Оуэн	467
Конституция общины «Новая гармония»	467
Революция в сознании и деятельности человеческого рода, или грядущий переход от неразумия к разумности	472
Фердинанд Лассаль	473
О сущности Конституции	474
Карл Маркс	476

К критике политической экономии.....	476
Критика Готской программы.....	481
Фридрих Энгельс	484
Происхождение семьи, частной собственности и государства	485
Карл Маркс, Фридрих Энгельс	489
Манифест Коммунистической партии	489
Рудольф фон Аурих Иеринг	508
Борьба за право.....	508
Цель в праве.....	518
Раздел 5. Реализация принципов правового государства в законодательстве первых буржуазных государств.....	530
Конституция США 1787 года.....	530
Билль о правах.....	546
Декларация независимости Соединенных штатов Америки.....	549
Статьи конфедерации.....	553
Декларация прав человека и гражданина 26 августа 1789 г.	566
Конституция Франции 1791 г.	568
Франсуа-Мари Вольтер	606
Философские письма	606
Чезаре Беккариа	609
О преступлениях и наказаниях	609
Раздел 6. Развитие идей правового государства в дореволюционной России	613
Десницкий Семен Ефимович.....	
Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи (1768)	613
Радищев Александр Николаевич	618
Путешествие из Петербурга в Москву.....	618
Чичерин Борис Николаевич	624
О народном представительстве	624
Лавров Петр Лаврович	629
Вперед! – Наша программа (март 1872-март 1873 гг.)	629
Бакунин Михаил Александрович	636
Государственность и анархия.....	636
Ткачев Петр Никитич	641
Анархическое государство	641
Кропоткин Петр Алексеевич	645
Современная наука и анархия.....	645
Шершеневич Габриэль (Гавриил) Феликсович	649

Общее учение о праве и государстве.....	650
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич	652
Государство и революция.....	653
Раздел 7. Концепция гражданского общества в теории правового государства.....	658
Джон Локк	658
Два трактата о правлении	658
Карл Маркс, Фридрих Энгельс	718
Святое семейство.....	718
Кант Иммануил	727
Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане.....	728
Гуго Гроций	737
О праве войны и мира.....	737
Раздел 8. Проблемы формирования правового государства в современной России.....	748
Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 2 ноября 1991 г. «О проекте Декларации прав и свобод человека и гражданина»	748
Постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-I «О Декларации прав и свобод человека и гражданина»	748
Декларация прав и свобод человека и гражданина (принята постановлением ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-I).....	749
Декларация прав и свобод человека (принята Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. № 2393-I).....	759
Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г.....	764
Закон РСФСР от 31 октября 1990 г. № 293-1 «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР».....	767
Конституция Российской Федерации	771
Список использованной литературы	848

ВВЕДЕНИЕ

Хрестоматия предназначена для использования в качестве учебного пособия по правовой теории государства и теории государства и права.

Современная действительность не обособлена от прошлого и будущего. Она лишь новая, важная веха в истории. Соответственно, чтобы понять современные государство и право, нужно знать, как они возникли, какие основные этапы прошли в своем развитии, какие причины влияли на их образование, становление, развитие, изменение их содержания.

Решение задач, практических ситуаций невозможно без знания исторических фактов, являющихся фундаментом историко-правовой науки. Работа с историческими фактами предполагает знание, стимулирует изучение методов исторического исследования.

В хрестоматии содержатся нормативные документы, которые являются одним из важнейших видов исторических фактов. Они расположены в порядке изучения тем, определенном рабочей учебной программой, и дают возможность обстоятельно изучить возникновение, становление и развитие идеи правового государства.

В первом разделе размещены произведения мыслителей Античности и Средневековья, которые особое внимание уделяли проблемам правового государства. Среди них выделялись такие, как: «Что такое правовое государство? Когда появилась его идея и как она развивалась? Каковы его основные признаки и черты? Каковы цель и назначение правового государства?». Эти вопросы практически всегда находились в поле зрения философов, мыслителей, независимо от их взглядов и суждений, а также от того, как определялось это государство – государством закона и справедливости, государством всеобщего благоденствия или же государством законности.

Целый ряд положений, значимых для последующих представлений о правовом государстве, был разработан античными авторами. Их труды представлены в первом разделе хрестоматии. В их числе положения о власти

закона как сочетании силы и права (Аристотель); о различии правильных и неправильных форм правления, о смешанном правлении и о роли права в типологии государственных форм (Сократ, Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон); о соотношении естественного и волеустановленного права (Демокрит, софисты и др.); о равенстве людей по естественному праву (некоторые софисты, римские юристы); о государстве (республике), как «деле народа», как правовом общении и «общем правопорядке» (Цицерон).

В знаменитой работе «Законы» Платон писал: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государством боги».

В эпоху перехода от феодализма к капитализму решающее значение приобретают проблемы политической власти и ее формально равной для всех правовой организации в виде упорядоченной системы разделенных государственных властей, соответствующей новому соотношению социально-классовых и политических сил.

Если проследить становление теории правового государства, то нельзя не отметить работы Гераклита, Платона, Аристотеля, Цицерона. Так, например, Марка Туллия Цицерона многие исследователи практически единодушно относят к числу мыслителей – основоположников концепции правового государства. Одна из центральных тем его знаменитых диалогов «О государстве» и «О законах» – соответствие государства и права справедливым началам. Будучи глубоко убежденным и последовательным сторонником естественного права, Цицерон исходил из того, что права и свободы человека не даруются и не устанавливаются кем-то и по чьему бы то ни было желанию или велению, а принадлежат ему по самой природе. Данное положение явилось основой практически всех Конституций. Весьма важным в плане формирования идей, заложивших базу и составивших впоследствии основу теории правового государства, явился сформулированный Цицероном правовой принцип, согласно

которому «под действие закона должны подпадать все», а не только некоторые «избранные граждане».

В период начавшегося разложения феодализма идеи правовой государственности с позиции историзма изложили прогрессивные мыслители того времени Н. Макиавелли и Ж. Боден и др. С их трудами можно ознакомиться во втором разделе хрестоматии. В своих теориях мыслители предприняли попытку объяснить основные принципы политики, осмыслить движущие силы развития политической жизни общества, с тем, чтобы изобразить контуры идеального государства, наилучшим образом отвечающего потребностям его времени. Цель государства – обеспечение безопасности для каждого своего гражданина и возможности свободного пользования личным имуществом.

Третий раздел хрестоматии освещает формирование концепции правового государства в Новое время.

Идеи правовой государственности в Новое время развивались в русле достижений предшествующей политико-правовой мысли и прежде всего естественно-правовых представлений о свободе и правах человека, о приоритете естественного права перед позитивным правом и государством, о правовых формах и пределах осуществления государственной власти, о разграничении властных полномочий различных органов государства и т.д.

В раздел вошли произведения представителей рационалистической школы естественного права: Г. Гроций («О праве войны и мира»); Т. Гоббс («Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского»); Д. Локк («Два трактата о правлении»).

Отражена разработка новых представлений об организации государственной власти в трудах Ш. Монтескье («О духе законов»), политическое решение проблемы социального неравенства, и концепция народного суверенитета в трудах Ж. Руссо («Об общественном договоре или принципы политического права», «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми»). Освещается формирование исторической школы

права и вклад представителей данного направления общественно-политической мысли в разработку правовой концепции (Г. Пухта «Энциклопедия права»).

Четвертый раздел хрестоматии охватывает период становления теории правового государства как целостной философской и политико-правовой концепции. Очевидно, что идея правового государства имеет многовековую историю. Она уходит корнями в античное общество. Философская основа теории правового государства была сформулирована И. Кантом, который и предложил термин «правовое государство». Сущность идеи правового государства – его последовательный демократизм, утверждение суверенитета народа как источника власти, подчинение государства обществу. Главное в идее правового государства – связанность государства с правом, гарантирующая предсказуемость и надежность действий государства и его органов власти.

Правовое государство как определенная теоретическая концепция и соответствующая практика имеет долгую и поучительную историю. Сам термин «правовое государство» прочно утвердился в немецкой литературе в первой трети XIX века (в трудах К.Т. Вельнера, Р. фон Моля и др.), а в дальнейшем получил широкое распространение, в том числе и в России. Но различные теоретические концепции, выражавшие идею и понятие правовой государственности, сформировались гораздо раньше.

Политические и правовые учения классиков немецкой философии И. Канта и Г. Гегеля стали новым словом в философском осмыслении идей Просвещения, французского революционного опыта и политико-юридических реалий Германии. Методологическое и теоретическое содержание их учений – своеобразный философский ответ на общественно политические и правовые проблемы Нового времени.

В конце XVIII в. И. Кант выступил с философским обоснованием теории правового государства. Центральное место в нем занимает человек, личность. Важнейшим принципом публичного права философ считал прерогативу народа требовать своего участия в установлении правопорядка путем принятия конституции, выражающей его волю. Верховенство народа обуславливает

свободу, равенство и независимость всех граждан в государстве. Правовую организацию И. Кант связывает с разделением властей на законодательную, – принадлежащую парламенту, исполнительную, – принадлежащую правительству, и судебную, – осуществляемую судом присяжных, избранных народом.

В «Метафизике нравов» И. Кантом предложена своеобразная трактовка естественного права. По мнению автора, единственное первоначальное право – свобода, из которой вытекали такие неотъемлемые свойства людей, как равенство, независимость, право собственности и т. п. Но они в естественном состоянии ничем не обеспечены, кроме физической силы индивида. Поэтому для Канта естественное право – результат развития общества.

Учение Канта о праве и государстве было создано с учетом итогов и под непосредственным впечатлением от Французской революции. Радикальные идеи Просвещения, конституционных актов революции он переплавил в своей глубоко продуманной теоретической системе в политическую программу либерализма, стройное учение о праве, правовом государстве, гражданском обществе.

Философская концепция Канта оказала значительное влияние на дальнейшее развитие политико-правовой мысли и практику государственно-правового строительства цивилизованного общества.

Грандиозную философскую систему, охватывающую всю совокупность теоретических знаний того времени, создал выдающийся немецкий философ Георг Гегель. Учение о праве и государстве изложено главным образом в работе Гегеля «Философия права». Науку о праве он рассматривает как часть философии. По его мнению, философия права не должна заниматься ни описанием существующего, действующего законодательства, ни составлением проектов идеальных кодексов и конституций на будущее. Она должна рассматривать разумность права, постичь истину о праве и нравственности. Задача науки о государстве, по мнению Гегеля, – постичь и изобразить государство как нечто разумное в себе. Не конструировать государство таким, каким оно должно быть, но как должно быть познано.

Государство, согласно Гегелю, – это тоже право, а именно конкретное право. Возводя государство в «абсолют», стоящий над личностью и обществом, Гегель доказывает, что такое государство предшествует развитию гражданского общества.

В Европе первой половины XIX в. либеральные идеи все более расширяют сферу своего влияния в обществе. Актуальной становится проблема сохранения индивидуальной свободы и ее гарантий против произвола государства с любой формой правления. Решение проблемы свободы в либеральном духе нашло отражение в трудах французского публициста, ученого и политического деятеля Бенжамена Констан (1767-1830).

Основное внимание Констан уделяет обоснованию личной свободы, которую трактует как личную независимость, самостоятельность, безопасность, право влиять на управление государством. Он различает личную и политическую свободу. Условием выражения общественного мнения, по Констану, является представительная система правления, а органом его выражения – представительное учреждение. По мнению ученого, гарантом личной свободы выступает и право. Оно призвано противостоять произволу, покушающемуся на свободу, стать «единственно возможной основой отношений между людьми».

Надежды на установление социальной гармонии, соответствующей индустриальному обществу, разделял и основатель философии позитивизма и социологии Огюст Конт.

В последующем, К. Маркс и Ф. Энгельс поддержали и на материалистической основе развили идею Гегеля о разграничении гражданского общества и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что именно гражданское общество составляет первооснову здания человеческого общежития, а жизнедеятельность гражданского общества – главная движущая сила исторического прогресса. К. Маркс рассматривал государство и право исходя из разработанной им классовой теории общественного развития. Согласно данной теории государство и право исчезнут вместе с исчезновением

классов в результате установления диктатуры пролетариата в процессе перехода к обществу без классов.

Раздел пятый хрестоматии охватывает период с начала XVII и до конца XVIII в. в который английские колонисты в Северной Америке вели самоотверженную борьбу за выживание, самоуправление, а затем и независимость от метрополии. В результате освободительной войны 1775-1783 гг. возникло независимое государство – Соединенные Штаты Америки.

Решающее воздействие на формирование американской политической и правовой мысли во время борьбы 13 английских колоний за независимость оказали идеи европейских просветителей, особенно естественно правовая доктрина в учениях Дж. Мильтона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ф. Вольтера, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо. Их идеи вдохновляли активных участников освободительного движения в колониях, его идеологов – Б. Франклина, Т. Пейна, Т. Джефферсона, А. Гамильтона и др. Они представляли различные течения политической и правовой мысли, внесли решающий вклад в разработку Декларации независимости, Конституции США, модели федерализма и собственной системы государственных учреждений.

Идеи Дж. Локка и Ш. Монтескье о правовой государственности оказали заметное влияние на раннебуржуазное конституционное законодательство и государственную практику США, что отчетливо проявилось, например, в Конституции 1787 года. Она практически воплощает идею правового государства на американском континенте. Автор «Декларации Независимости США» Т. Джефферсон подвергает критике монархическую форму правления с позиции теории общественного договора и естественных неотчуждаемых прав человека, и отстаивает принцип народного суверенитета. Декларация Независимости провозглашает, что существуют неотчуждаемые права человека, для обеспечения которых создается государство.

Т. Джефферсон (автор Декларации независимости) внес существенный вклад в трактовку естественных прав человека и теорию республиканизма.

В своей публицистике и общественной деятельности Б. Франклин неизменно отстаивал идею независимого и гармоничного развития своей страны как «страны труда», в которой отсутствует резкое неравенство, торжествует «счастливая умеренность». Верил в торжество разума и знания, совершенствование науки о политике.

После рассмотрения основополагающих документов, утверждающих принципы демократии в США, в хрестоматии освещается законодательство Франции, провозглашающее принципы правового государства.

Франция имеет давнюю конституционную историю. Со времени Великой буржуазной революции конца XVIII в. во Франции было принято 17 конституций и конституционных хартий. Однако первыми важнейшими документами в этом направлении явились Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и Конституция 1791 г., которые представлены в пятом разделе хрестоматии.

Крупная буржуазия вместе с либеральным дворянством с принятием в сентябре 1791 г. конституции юридически оформили свою власть. В Конституции Франции 1791 г. была реализована теория Ш. Монтескье о разделении властей. Франция становилась конституционной дуалистической монархией, в которой крупной буржуазии досталась законодательная и судебная власть, а дворянству – исполнительная.

Далее в хрестоматии отражены труды, посвященные разработке в революционной Франции новых принципов уголовного права, прослеживаются просветительские идеи (Ч. Беккария «О преступлениях и наказаниях», и Вольтера «Философские письма»), которые нашли свое воплощение в законодательстве в области уголовного права.

В главе шестой собраны документы, закрепляющие идеи правового государства в трудах русских мыслителей. Теоретические концепции государства этого периода развиваются в непосредственной связи с политико-правовой реальностью. Они взаимно влияют друг на друга. С одной стороны, эти концепции опираются на анализ окружающей действительности и содержат в

себе попытку усовершенствовать ее. С другой – сами становятся основой для преобразования государственного и общественного строя.

Индикатором этих процессов выступает эволюция российской государственности. После преобразований Петра I, который впервые попытался масштабно использовать западный опыт, в том числе и для реформирования государственного и общественного строя, стали возможны размышления о недостатках и возможностях развития государства и общества. Поэтому именно во второй половине XVIII века с опорой на разработки западных мыслителей начинает активно развиваться отечественная политико-правовая мысль.

Первоначально суть трудов российских идеологов сводилась преимущественно к критике существующих порядков и мечтаниям об «идеальном будущем», которое отражало в их видении должное положение вещей (А.Н. Радищев). Затем уже к началу XIX века стали появляться более конструктивные идеи о реальном реформировании государственного и общественного строя (П.И. Пестель, Н.М. Муравьев), которые, однако, не в полной мере учитывали реалии российского государства, что предопределило нежизнеспособность их идей в определенный исторический момент.

Во второй половине XIX века к решению вопросов преобразования государственного и общественного строя российского государства мыслители подходили уже более прагматично. При этом проявились как консервативные, так и радикальные идеи. В частности, Б.Н. Чичерин выступал за постепенное реформирование и внедрение ценностей правового государства и гражданского общества с учетом российской специфики и с опорой на традиционные ценности и устойчивый механизм государства. Одновременно сформировалась плеяда анархических учений (П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, П.Н. Ткачев, П.А. Кропоткин), в которых отстаивалась необходимость коренного слома существующего режима и построения нового государства и общества «с чистого листа». Эти идеи оказались чрезмерно радикальны для того времени, они не соответствовали имеющимся условиям и не могли быть реализованы на практике.

В начале XX века «брожение» в российском государстве и обществе усилилось настолько, что дало путь новым концепциям, одной из которых был коммунизм (В.И. Ленин) – идеология, ставшая основой российского государственного и общественного строительства на последующие 75 лет. Однако при этом сохранялись и более традиционные учения, основанные на эволюционном подходе к совершенствованию государственно-правовых и общественных механизмов (Г.Ф. Шершеневич).

В целом российские концепции государственного и общественного строительства демонстрируют значительное разнообразие и настойчивое стремление усовершенствовать окружающую реальность, чтобы повысить уровень защищенности личности и поставить государство на службу гражданам, что, собственно, и составляет цель правового государства.

Раздел седьмой посвящен современному периоду развития России как правового государства, толчком для которого послужил системный кризис, начавшийся в СССР в 80-х годах прошлого века. Попытка реформирования политической системы во время перестройки 1985–1991 гг. привела к обострению всех имевшихся противоречий. В 1988–1990 гг. по инициативе генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева была значительно ослаблена роль КПСС.

В 1988 г. началось сокращение партаппарата, проведена реформа избирательной системы. В 1990 г. изменена конституция, ликвидирована статья 6, в результате чего КПСС была полностью отделена от государства. При этом межреспубликанские отношения не подвергались пересмотру, что привело, на фоне ослабления партийных структур, к резкому росту сепаратизма союзных республик.

В годы перестройки в СССР резко обострились межнациональные отношения. В 1986 г. в Якутске и в Алма-Ате (Казахская ССР, ныне – Казахстан) произошли крупные межнациональные столкновения. В 1988 г. начался Нагорно-Карабахский конфликт, в ходе которого населенная армянами Нагорно-Карабахская автономная область объявила о выходе из состава

Азербайджанской ССР. Вслед за этим последовал армяно-азербайджанский вооруженный конфликт. В 1989 г. столкновения начались в Казахстане, Узбекистане, Молдавии, Южной Осетии и др. К середине 1990 г. более 600 тыс. граждан СССР стали беженцами или вынужденными переселенцами.

В 1988 г. развернулось движение за независимость в Прибалтике.

23 сентября 1989 г. ВС Азербайджанской ССР принял конституционный закон о государственном суверенитете республики. В течение 1990 г. подобные акты приняли все остальные союзные республики.

Декларация о государственном суверенитете РСФСР была принята 12 июня 1990 г. I Съездом народных депутатов республики. Во второй половине 1990 г. руководство РСФСР во главе с председателем ВС Борисом Ельциным значительно расширило полномочия правительства, министерств и ведомств РСФСР. Собственностью республики были объявлены находящиеся на ее территории предприятия, отделения союзных банков и др.

Декларация о суверенитете России принималась не для того, чтобы развалить Союз, а для того, чтобы остановить вывод из состава РСФСР автономий.

24 декабря 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял закон, согласно которому российские органы власти могли приостанавливать действие союзных актов, «если они нарушают суверенитет РСФСР». Предусматривалось также, что все решения органов власти СССР вступают в силу на территории российской республики только после их ратификации ее Верховным Советом. На референдуме 17 марта 1991 г. в РСФСР был введен пост президента республики (12 июня 1991 г. им был избран Борис Ельцин).

Конституция РФ была принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием и вступила в силу с момента опубликования его результатов – 25 декабря 1993 г. Выдающееся значение принятия Конституции 1993 г. состояло в том, что она закрепила прочность государственных конструкций и одновременно сохранила пространство для свободы внутри этих прочных конструкций. В этом огромное отличие Конституции 1993 г. от предыдущих.

В президентском послании Федеральному собранию 15 января 2020 г. года Президент Российской Федерации В. В. Путин предложил внести в Конституцию Российской Федерации несколько поправок. Поправки были предложены и приняты в качестве Закона о поправке от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (206 поправок). Следует отметить, что поправки не затрагивают фундаментальных основ Конституции.

Поправки были вынесены на предусмотренное этим законом общероссийское голосование и по его итогам 3 июля 2020 года Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал указ «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками», который предусматривал их вступление в силу 4 июля 2020 г.

Таким образом период формирования правового государства современной России связан с принятием ряда государствообразующих документов.

Таким образом, процесс зарождения и развития теории правового государства, есть сложный, исторический, многоэтапный процесс. Теория правового государства определила статус и права человека, верховенство закона, ограничение произвола органов государственной власти, принципы разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Как и любая наука, теория правового государства развивалась, и по определению Г. Кельзена (1881-1973), всякое государство – правовое государство, не стоит на месте, а развивается и дает ответы на вопросы, которые возникают и могут возникнуть в будущем, по мере развития концепции правового государства.

РАЗДЕЛ 1. ИДЕЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ГОМЕР

Гомер – древнегреческий поэт-сказитель, собиратель легенд, автор древних литературных произведений «Илиада» и «Одиссея».

Илиада

(VIII в. до н. э.)

Мифы большинства народов – это мифы прежде всего о богах. Мифы Древней Греции – исключение: в большей и лучшей части их рассказывается не о богах, а о героях. Герои – это сыновья, внуки и правнуки богов от смертных женщин; они совершали подвиги, очищали землю от чудовищ, наказывали злодеев и тешили свою силу в междоусобных войнах. Когда Земле стало от них тяжело, боги сделали так, чтобы они сами перебили друг друга в самой великой войне – Троянской: «...и у стен Илиона / Племя героев погибло – свершилася Зевсова воля».

«Илион», «Троя» – два названия одного и того же могучего города в Малой Азии, возле берега Дарданелл. По первому из этих имен великая греческая поэма о Троянской войне называется «Илиада». До нее в народе существовали только короткие устные песни о подвигах героев вроде былин или баллад. Большую поэму из них сложил легендарный слепой певец Гомер, и сложил очень искусно: выбрал только один эпизод из долгой войны и развернул его так, что в нем отразился весь героический век. Этот эпизод – «гнев Ахилла», величайшего из последнего поколения греческих героев.

Троянская война длилась десять лет. В поход на Трою собрались десятки греческих царей и вождей на сотнях кораблей с тысячами воинов: перечень их имен занимает в поэме несколько страниц. Главным вождем был сильнейший из царей – правитель города Аргос Агамемнон; с ним были брат его Менелай

(ради которого и началась война), могучий Аякс, пылкий Диомед, хитроумный Одиссей, старый мудрый Нестор и другие; но самым храбрым, сильным и ловким был юный Ахилл, сын морской богини Фетиды, которого сопровождал друг его Патрокл. Троянцами же правил седой царь Приам, во главе их войска стоял доблестный сын Приама Гектор, при нем брат его Парис (из-за которого и началась война) и много союзников со всей Азии. Сами боги участвовали в войне: троянцам помогал сребролукий Аполлон, а грекам – небесная царица Гера и мудрая воительница Афина. Верховный же бог, громовержец Зевс, следил за битвами с высокого Олимпа и вершил свою волю.

Началась война так. Справлялась свадьба героя Пелея и морской богини Фетиды – последний брак между богами и смертными. (Это тот самый брак, от которого родился Ахилл.) На пиру богиня раздора бросила золотое яблоко, предназначенное «прекраснейшей». Из-за яблока заспорили трое: Гера, Афина и богиня любви Афродита. Зевс приказал рассудить их спор троянскому царевичу Парису. Каждая из богинь обещала ему свои дары: Гера обещала сделать его царем над всем миром, Афина – героем и мудрецом, Афродита – мужем красивейшей из женщин. Парис отдал яблоко Афродите. После этого Гера с Афиной и стали вечными врагами Трои. Афродита же помогла Парису обольстить и увести в Трою красивейшую из женщин – Елену, дочь Зевса, жену царя Менелая. Когда-то к ней сватались лучшие богатыри со всей Греции и, чтобы не перессориться, сговорились так: пусть сама выберет, кого хочет, а если кто попытается отбить ее у избранника, все остальные пойдут на него войной. (Каждый надеялся, что избранником будет он.) Тогда Елена выбрала Менелая; теперь же ее отбил у Менелая Парис, и все бывшие ее женихи пошли на него войной. Только один, самый молодой, не сватался к Елене, не участвовал в общем уговоре и шел на войну только для того, чтобы блеснуть доблестью, явить силу и стяжать славу. Это был Ахилл. Так чтобы по-прежнему никто из богов не вмешивался в битву. Троянцы продолжают свой натиск, во главе их – Гектор и Сарпедон, сын Зевса, последний из сыновей Зевса на земле. Ахилл из своего шатра холодно наблюдает, как бегут греки, как подступают троянцы

к самому их лагерю: вот-вот они подожгут греческие корабли. Гера с вышины тоже видит бегство греков и в отчаянии решается на обман, чтобы отвлечь суровое внимание Зевса. Она предстает перед ним в волшебном поясе Афродиты, возбуждающем любовь, Зевс вспыхивает страстью и соединяется с нею на вершине Иды; золотое облако окутывает их, а земля вокруг расцветает шафраном и гиацинтами. За любовью приходит сон, и, пока Зевс спит, греки собираются с духом и приостанавливают троянцев. Но сон недолог; Зевс пробуждается, Гера дрожит перед его гневом, а он говорит ей: «Умей терпеть: все будет по-твоему, и греки победят троянцев, но не раньше, чем Ахилл усмирит гнев и выйдет в бой: так обещал я богине Фетиде».

Но Ахилл еще не готов «сложить гнев», и на помощь грекам вместо него выходит друг его Патрокл: ему больно смотреть на товарищей в беде. Ахилл дает ему своих воинов, свои доспехи, которых привыкли бояться троянцы, свою колесницу, запряженную вещими конями, умеющими говорить и прорицать. «Отрази троянцев от лагеря, спаси корабли, – говорит Ахилл, – но не увлекайся преследованием, не подвергай себя опасности! О, пусть бы погибли все и греки и троянцы, – мы бы с тобою одни вдвоем овладели бы Троей!» И впрямь, увидев доспехи Ахилла, троянцы дрогнули и поворотили вспять; и тогда-то Патрокл не удержался и бросился их преследовать. Навстречу ему выходит Сарпедон, сын Зевса, и Зевс, глядя с высоты, колеблется: «Не спасти ли сына?» – а недобрая Гера напоминает:

«Нет, пусть свершится судьба!» Сарпедон рушится, как горная сосна, вокруг его тела закипает бой, а Патрокл рвется дальше, к воротам Трои. «Прочь! – кричит ему Аполлон, – не суждено Трою взять ни тебе, ни даже Ахиллу». Тот не слышит; и тогда Аполлон, окутавшись тучей, ударяет его по плечам, Патрокл лишается сил, роняет щит, шлем и копье, Гектор наносит ему последний удар, и Патрокл, умирая, говорит: «Но и сам ты падешь от Ахилла!»

До Ахилла долетает весть: Патрокл погиб, в его, Ахилловых, доспехах красуется Гектор, друзья с трудом вынесли из битвы мертвое тело героя, торжествующие троянцы преследуют их по пятам. Ахилл хочет броситься в бой,

но он безоружен; он выходит из шатра и кричит, и крик этот так страшен, что троянцы, содрогнувшись, отступают. Опускается ночь, и всю ночь Ахилл оплакивает друга и грозит троянцам страшным отмщением; а тем временем по просьбе матери его, Фетиды, хромой бог-кузнец Гефест в своей медной кузнице выковывает для Ахилла новое дивное оружие. Это панцирь, шлем, поножи и щит, а на щите изображен целый мир: солнце и звезды, земля и море, мирный город и воюющий город, в мирном городе суд и свадьба, пред воюющим городом засада и битва, а вокруг – сельщина, пахота, жатва, пастбище, виноградник, деревенский праздник и пляшущий хоровод, а посредине его – певец с лирою.

Наступает утро, Ахилл облачается в божественные доспехи и созывает греческое войско на сходку. Гнев его не угас, но теперь он обращен не на Агамемнона, а на тех, кто погубил его друга, – на троянцев и Гектора. Агамемнону он предлагает примирение, и тот с достоинством его принимает: «Зевс и Судьба ослепили меня, а сам я невинен». Брисеида возвращена Ахиллу, богатые дары внесены в его шатер, но Ахилл почти на них не смотрит: он рвется в бой, он хочет мстить.

Наступает четвертая битва. Зевс снимает запреты: пусть сами боги бьются, за кого хотят! Ратница Афина сходится в бою с неистовым Аресом, державная Гера – с лучницей Артемидой, морской Посейдон должен сойтись с Аполлоном, но тот останавливает его печальными словами: «Нам ли с тобой воевать из-за смертного рода людского? / Листьям недолгим в дубраве подобны сыны человечьи: / Ныне цветут они в силе, а завтра лежат бездыханны. / Распри с тобой не хочу я: пускай они сами враждуют!...»

Ахилл страшен. Он схватился с Энеем, но боги вырвали Энея из его рук: Энею не судьба пасть от Ахилла, он должен пережить и Ахилла, и Трою. Разъяренный неудачей, Ахилл губит троянцев без счета, трупы их загромождают реку, речной бог Скамандр нападает на него, захлестывая валами, но огненный бог Гефест умиряет речного.

Уцелевшие троянцы толпами бегут спасаться в город; Гектор один, во вчерашних Ахилловых доспехах, прикрывает отступление. На него налетает Ахилл, и Гектор обращается в бегство, вольное и невольное: он боится за себя, но хочет отвлечь Ахилла от других. Три раза обегают они город, а боги смотрят на них с высот. Вновь Зевс колеблется: «Не спасти ли героя?» – но Афина ему напоминает:

«Пусть свершится судьба». Вновь Зевс поднимает весы, на которых лежат два жребия – на этот раз Гекторов и Ахиллов. Чаша Ахилла взлетела ввысь, чаша Гектора наклонилась к подземному царству. И Зевс дает знак: Аполлону – покинуть Гектора, Афине – прийти на помощь Ахиллу. Афина удерживает Гектора, и он сходится с Ахиллом лицом к лицу. «Обещаю, Ахилл, – говорит Гектор, – если я тебя убью, то сниму с тебя доспехи, а тела не трону; обещай мне то же и ты». «Нет места обещаньям: за Патрокла я сам растерзаю тебя и напьюсь твоей крови!» – кричит Ахилл. Копье Гектора ударяет в Гефестов щит, но тщетно; копье Ахилла ударяет в Гекторово горло, и герой падает со словами: «Бойся мести богов: и ты ведь падешь вслед за мною». «Знаю, но прежде – ты!» – отвечает Ахилл. Он привязывает тело убитого врага к своей колеснице и гонит коней вокруг Трои, глумясь над погибшим, а на городской стене плачет о Гекторе старый Приам, плачет вдовица Андромаха и все троянцы и троянки.

Патрокл отомщен. Ахилл устраивает другу пышное погребение, убивает над его телом двенадцать троянских пленников, справляет поминки. Казалось бы, гнев его должен утихнуть, но он не утихает. Трижды в день Ахилл гонит свою колесницу с привязанным телом Гектора вокруг Патроклова кургана; труп давно бы разбился о камни, но его незримо оберегал Аполлон. Наконец вмешивается Зевс – через морскую Фетиду он объявляет Ахиллу: «Не свирепствуй сердцем! ведь и тебе уже не долго осталось жить. Будь человечен: прими выкуп и отдай Гектора для погребения». И Ахилл говорит: «Повинуюсь».

Ночью к шатру Ахилла приходит дряхлый царь Приам; с ним – повозка, полная выкупных даров. Сами боги дали ему пройти через греческий лагерь незамеченным. Он припадает к коленям Ахилла; «Вспомни, Ахилл, о твоём отце, о Пелее! Он так же стар; может быть, и его теснят враги; но ему легче, потому что он знает, что ты жив, и надеется, что ты вернешься. Я же одинок: из всех

моих сыновей надеждою мне был только Гектор — и вот его уже нет. Ради отца пожалей меня, Ахилл: вот я целую твою руку, от которой пали мои дети». «Так говоря, он печаль об отце возбудил в нем и слезы – / Оба заплакали громко, в душе о своих вспоминая: / Старец, простершись у ног Ахилла, – о Гекторе храбром, / Сам же Ахилл – то о милом отце, то о друге Патрокле».

Равное горе сближает врагов: только теперь затихает долгий гнев в Ахилловом сердце. Он принимает дары, отдает Приаму тело Гектора и обещает не тревожить троянцев, пока они не предадут своего героя земле. Рано на заре возвращается Приам с телом сына в Трою, и начинается оплакивание: плачет над Гектором старая мать, плачет вдова Андромаха, плачет Елена, из-за которой началась когда-то война. Зажигается погребальный костер, останки собирают в урну, урну опускают в могилу, над могилой насыпают курган, по герою справляют поминальный пир. «Так воителя Гектора Трои сыны погребали» – этой строчкой заканчивается «Илиада».

До конца Троянской войны оставалось еще немало событий. Троянцы, потеряв Гектора, уже не осмеливались выходить за городские стены. Но на помощь им приходили и бились с Гектором другие, все более дальние народы: из Малой Азии, из сказочной земли амазонок, из дальней Эфиопии. Самым страшным был вождь эфиопов, черный исполин Мемнон, тоже сын богини; он сразился с Ахиллом, и Ахилл его ниспроверг. Тогда-то и бросился Ахилл на приступ Трои – тогда-то и погиб он от стрелы Париса, которую направил Аполлон. Греки, потеряв Ахилла, уже не надеялись взять Трою силой – они взяли ее хитростью, заставив троянцев ввезти в город деревянного коня, в котором сидели греческие витязи. Об этом потом расскажет в своей «Энеиде» римский поэт Вергилий. Троя была стерта с лица земли, а уцелевшие греческие герои пустились в обратный путь.

Источник: Гаспаров М.Л. Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры. Зарубежная литература древних эпох, средневековья и Возрождения / Ред. и сост. В.И. Новиков. – М.: Олимп: АСТ, 1997. – 848 с.

Одиссея

(VIII в. до н. э.)

Троянская война была затеяна богами для того, чтобы кончилось время героев и наступил нынешний, людской, железный век. Кто не погиб у стен Трои, тот должен был погибнуть на обратном пути.

Большинство уцелевших греческих вождей поплыли на родину, как плыли на Трою – общим флотом через Эгейское море. Когда они были на полпути, морской бог Посейдон грянул бурей, корабли разметало, люди утонули в волнах и разбились о скалы. Спасть суждено было только избранным. Но и тем пришлось нелегко. Пожалуй, только старому мудрому Нестору удалось спокойно достигнуть своего царства в городе Пилосе. Одолея бурю, верховный царь Агамемнон, но лишь затем, чтобы погибнуть еще более страшной смертью – в родном Аргосе его убила собственная жена и ее мститель-любовник; об этом потом напишет трагедию поэт Эсхил. Менелая с возвращенной ему Еленой занесло ветрами далеко в Египет, и он очень долго добирался до своей Спарты. Но дольше всех и труднее всех был путь хитроумного царя Одиссея, которого море носило по свету десять лет. О его судьбе и сложил Гомер свою вторую поэму: «Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который, / Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен, / Многих людей города посетил и обычаи видел, / Много и горя терпел на морях, о спасенье заботясь...»

«Илиада» – поэма героическая, действие ее происходит на бранном поле и в военном стане. «Одиссея» – поэма сказочная и бытовая, действие ее разворачивается, с одной стороны, в волшебных краях великанов и чудовищ, где скитался Одиссей, с другой – в его маленьком царстве на острове Итаке и в ее окрестностях, где ждали Одиссея его жена Пенелопа и его сын Телемах. Как в «Илиаде» для повествования выбран только один эпизод, «гнев Ахилла», так и в «Одиссее» – только самый конец его странствий, последние два перегона, с дальнего западного края земли до родной Итаки. Обо всем, что было раньше, Одиссей рассказывает на пиру в середине поэмы, и рассказывает очень сжато:

на все эти сказочные приключения в поэме приходится страниц пятьдесят из трехсот. В «Одиссее» сказка оттеняет быт, а не наоборот, хотя читатели, и древние и современные, охотнее перечитывали и вспоминали именно сказку.

В Троянской войне Одиссей очень много сделал для греков – особенно там, где нужна была не сила, а ум. Это он догадался связать женихов Елены клятвою сообща помогать ее избраннику против любого обидчика, а без этого войско никогда не собралось бы в поход. Это он привлек в поход юного Ахилла, а без этого победа была бы невозможна. Это он, когда в начале «Илиады» греческое войско после общей сходки едва не ринулось из-под Трои в обратный путь, сумел его остановить. Это он уговаривал Ахилла, когда тот поссорился с Агамемноном, вернуться в бой. Когда после гибели Ахилла доспехи убитого должен был получить лучший воин греческого стана, их получил Одиссей, а не Аякс. Когда Трою не удалось взять осадой, это Одиссей придумал построить деревянного коня, в котором спрятались и проникли таким образом в Трою самые храбрые греческие вожди, – и он в их числе. Богиня Афина, покровительница греков, больше всего из них любила Одиссея и помогала ему на каждом шагу. Зато бог Посейдон его ненавидел – мы скоро узнаем почему, – и это Посейдон своими бурями десять лет не давал ему добраться до родины. Десять лет под Троей, десять лет в странствиях, – и только на двадцатый год его испытаний начинается действие «Одиссеи».

Начинается оно, как и в «Илиаде», «Зевсовой волей». Боги держат совет, и Афина заступает перед Зевсом за Одиссея. Он – в плену у влюбленной в него нимфы Калипсо, на острове в самой середине широкого моря, и томится, напрасно желая «видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий». А в царстве его, на острове Итаке, все уже считают его погибшим, и окрестные вельможи требуют, чтобы царица Пенелопа избрала себе из них нового мужа, а острову – нового царя. Их больше сотни, они живут в Одиссеевом дворце, буйно пируют и пьют, разоряя Одиссеево хозяйство, и развлекаются с Одиссеевыми рабынями. Пенелопа пыталась их обмануть: она сказала, что дала обет объявить свое решение не раньше, чем соткет саван для старого Лаërта,

Одиссеева отца, который вот-вот умрет. Днем она у всех на виду ткала, а ночью тайно распускала сотканное. Но служанки выдали ее хитрость, и ей все труднее стало сопротивляться настояниям женихов. С нею сын ее Телемах, которого Одиссей оставил еще младенцем; но он молод, и с ним не считаются.

И вот к Телемаху приходит незнакомый странник, называет себя старым другом Одиссея и дает ему совет: «Снаряди корабль, обойди окрестные земли, собери вести о пропавшем Одиссее; если услышишь, что он жив, – скажешь женихам, чтобы ждали еще год; если услышишь, что мертв, – скажешь, что справишь поминки и склонишь мать к замужеству». Посоветовал и исчез – ибо в образе его являлась сама Афина. Так Телемах и поступил. Женихи противились, но Телемаху удалось уйти и сесть на корабль незамеченным – ибо и в этом ему помогла все та же Афина.

Телемах плывет на материк – сперва в Пилос к дряхлому Нестору, потом в Спарту к только что вернувшимся Менелая и Елене. Словоохотливый Нестор рассказывает, как плыли герои из-под Трои и тонули в буре, как погиб потом в Аргосе Агамемнон и как отомстил убийце его сын Орест; но о судьбе Одиссея он ничего не знает. Гостеприимный Менелай рассказывает, как он, Менелай, заблудившись в своих странствиях, на египетском берегу подстерег вещего морского старца, тюленьего пастуха Протея, умевшего обращаться и в льва, и в вепря, и в барса, и в змея, и в воду, и в дерево; как боролся он с Протеем, и одолел его, и узнал у него обратный путь; а заодно узнал и о том, что Одиссей жив и страдает среди широкого моря на острове нимфы Калипсо. Обрадованный этою вестью, Телемах собирается воротиться на Итаку, но тут Гомер прерывает свой рассказ о нем и обращается к судьбе Одиссея.

Заступничество Афины помогло: Зевс посылает к Калипсо вестника богов Гермеса: время настало, пора отпустить Одиссея. Нимфа горюет: «Для того ли я спасла его из моря, для того ли хотела одарить его бессмертьем?» – но послушаться не смеет. Корабля у Одиссея нет – нужно сколотить плот. Четыре дня он работает топором и буравом, на пятый – плот спущен. Семнадцать дней плывет он под парусом, правя по звездам, на восемнадцатый разражается буря.

Это Посейдон, увидя ускользящего от него героя, взмел пучину четырьмя ветрами, бревна плота разлетелись, как солома. «Ах, зачем не погиб я под Троей!» – вскричал Одиссей. Помогли Одиссею две богини: добрая морская нимфа бросила ему волшебное покрывало, спасающее от потопления, а верная Афина уняла три ветра, оставив четвертый нести его вплавать к ближнему берегу. Два дня и две ночи плывет он, не смыкая глаз, а на третий волны выбрасывают его на сушу. Голый, усталый, беспомощный, он зарывается в кучу листьев и засыпает мертвым сном.

Это была земля блаженных феаков, над которыми правил добрый царь Алкиной в высоком дворце: медные стены, золотые двери, шитые ткани на лавках, спелые плоды на ветках, вечное лето над садом. У царя была юная дочь Навсикая; ночью ей явилась Афина и сказала: «Скоро тебе замуж, а одежды твои не стираны; собери служанок, возьми колесницу, ступайте к морю, выстирайте платья». Выехали, выстирали, высушили, стали играть в мяч; мяч залетел в море, девушки громко вскрикнули, крик их разбудил Одиссея. Он поднимается из кустов, страшный, покрытый морскою засохшею тиной, и молит: «Нимфа ли ты или смертная, помоги: дай мне прикрыть наготу, укажи мне дорогу к людям, и да пошлют тебе боги доброго мужа». Он оmyвается, умащется, одевается, и Навсикая, любуясь, думает: «Ах, если бы дали мне боги такого мужа». Он идет в город, входит к царю Алкиною, рассказывает ему о своей беде, но себя не называет; тронутый Алкиной обещает, что феакийские корабли отвезут его, куда он ни попросит.

Одиссей сидит на Алкиноевом пиру, а мудрый слепой певец Демодок развлекает пирующих песнями. «Спой о Троянской войне!» – просит Одиссей; и Демодок поет об Одиссеевом деревянном коне и о взятии Трои. У Одиссея слезы на глазах. «Зачем ты плачешь? – говорит Алкиной. – Для того и посылают боги героям смерть, чтобы потомки пели им славу. Верно, у тебя пал под Троею кто-то из близких?» И тогда Одиссей открывается: «Я – Одиссей, сын Лаërта, царь Итаки, маленькой, каменистой, но дорогой сердцу...» – и начинает рассказ о своих скитаниях. В рассказе этом – девять приключений.

Первое приключение – у лотофагов. Буря унесла Одиссеевы корабли из-под Трои на дальний юг, где растет лотос – волшебный плод, отведав которого, человек забывает обо всем и не хочет в жизни ничего, кроме лотоса. Лотофаги угостили лотосом Одиссеевых спутников, и те забыли о родной Итаке и отказались плыть дальше. Силою их, плачущих, отвели на корабль и пустились в путь.

Второе приключение – у циклопов. Это были чудовищные великаны с одним глазом посреди лба; они пасли овец и коз и не знали вина. Главным среди них был Полифем, сын морского Посейдона. Одиссей с дюжиной товарищей забрел в его пустую пещеру. Вечером пришел Полифем, огромный, как гора, загнал в пещеру стадо, загородил выход глыбой, спросил: «Кто вы?» – «Странники, Зевс наш хранитель, мы просим помочь нам». – «Зевса я не боюсь!» – и циклоп схватил двоих, размозжил о стену, сожрал с костями и захрапел. Утром он ушел со стадом, опять заваливши вход; и тут Одиссей придумал хитрость. Он с товарищами взял циклопову дубину, большую, как мачта, заострил, обжег на огне, припрятал; а когда злодей пришел и сожрал еще двух товарищей, то поднес ему вина, чтобы усыпить. Вино понравилось чудовищу. «Как тебя зовут?» — спросил он. «Никто!» – ответил Одиссей. «За такое угощение я тебя, Никто, съем последним!» — и хмельной циклоп захрапел. Тут Одиссей со спутниками взяли дубину, подошли, раскачали ее и вонзили в единственный великанов глаз. Слепленный людоед взревел, сбежались другие циклопы: «Кто тебя обидел, Полифем?» – «Никто!» – «Ну, коли никто, то и шуметь нечего» – и разошлись. А чтобы выйти из пещеры, Одиссей привязал товарищей под брюхо циклоповым баранам, чтобы тот их не нащупал, и так вместе со стадом они покинули утром пещеру. Но, уже отплывая, Одиссей не стерпел и крикнул:

«Вот тебе за обиду гостям казнь от меня, Одиссея с Итаки!» И циклоп яростно взмолился отцу своему Посейдону: «Не дай Одиссею доплыть до Итаки – а если уж так суждено, то пусть доплывет нескоро, один, на чужом корабле!» И бог услышал его молитву.

Третье приключение – на острове бога ветров Эола. Бог послал им попутный ветер, а остальные завязал в кожаный мешок и дал Одиссею: «Доплывешь – отпусти». Но когда уже виднелась Итака, усталый Одиссей заснул, а спутники его развязали мешок раньше времени; поднялся ураган, их примчало обратно к Эолу. «Значит, боги против тебя!» – гневно сказал Эол и отказался помогать ослушнику.

Четвертое приключение – у лестригонов, диких великанов-людоедов. Они сбежались к берегу и обрушили огромные скалы на Одиссеевы корабли; из двенадцати судов погибло одиннадцать, Одиссей с немногими товарищами спасся на последнем.

Пятое приключение – у волшебницы Кирки, царицы Запада, всех пришельцев обращавшей в зверей. Одиссеевым посланцам она поднесла вина, меда, сыра и муки с ядовитым зельем – и они обратились в свиней, а она загнала их в хлев. Спасся один и в ужасе рассказал об этом Одиссею; тот взял лук и пошел на помощь товарищам, ни на что не надеясь. Но Гермес, вестник богов, дал ему божье растение: корень черный, цветок белый, – и чары оказались бессильны против Одиссея. Угрожая мечом, он заставил волшебницу вернуть человеческий облик его друзьям и потребовал: «Вороти нас в Итаку!» – «Спроси путь у вещего Тиресия, пророка из пророков», – сказала колдунья. «Но он же умер!» – «Спроси у мертвого!» И она рассказала, как это сделать.

Шестое приключение – самое страшное: спуск в царство мертвых. Вход в него – на краю света, в стране вечной ночи. Души мертвых в нем бесплотны, бесчувственны и бездумны, но, выпив жертвенной крови, обретают речь и разум. На пороге царства мертвых Одиссей зарезал в жертву черного барана и черную овцу; души мертвых слетелись на запах крови, но Одиссей отгонял их мечом, пока перед ним не предстал вещий Тиресий. Испив крови, он сказал:

«Беды ваши – за обиду Посейдону; спасение ваше – если не обидите еще и Солнце-Гелиоса; если же обидите – ты вернешься в Итаку, но один, на чужом корабле, и нескоро. Дом твой разоряют женихи Пенелопы; но ты их осилишь, и будет тебе долгое царство и мирная старость». После этого Одиссей допустил

к жертвенной крови и других призраков. Тень его матери рассказала, как умерла она от тоски по сыну; он хотел обнять ее, но под руками его был только пустой воздух. Агамемнон рассказал, как погиб он от своей жены: «Будь, Одиссей, осторожен, на жен полагаться опасно». Ахилл сказал ему:

«Лучше мне быть батраком на земле, чем царем между мертвых». Только Аякс не сказал ничего, не простив, что Одиссею, а не ему достались доспехи Ахилла. Издали видел Одиссей и адского судью Миноса, и вечно казнимых гордеца Тантала, хитреца Сизифа, наглеца Тития; но тут ужас охватил его, и он поспешил прочь, к белому свету.

Седьмым приключением были Сирены – хищницы, обольстительным пением заманивающие мореходов на смерть. Одиссей перехитрил их: спутникам своим он заклеил уши воском, а себя велел привязать к мачте и не отпускать, несмотря ни на что. Так они проплыли мимо, невредимые, а Одиссей еще и услышал пение, слаще которого нет.

Восьмым приключением был пролив между чудовищами Сциллой и Харибдой: Сцилла – о шести головах, каждая с тремя рядами зубов, и о двенадцати лапах; Харибда – об одной гортани, но такой, что одним глотком затягивает целый корабль. Одиссей предпочел Сциллу Харибде – и был прав: она схватила с корабля и шестью ртами сожрала шестерых его товарищей, но корабль остался цел.

Девятым приключением был остров Солнца-Гелиоса, где паслись его священные стада – семь стад красных быков, семь стад белых баранов. Одиссей, памятуя завет Тиресия, взял с товарищей страшную клятву не касаться их; но дули противные ветры, корабль стоял, спутники изголодались и, когда Одиссей заснул, зарезали и съели лучших быков. Было страшно: содранные шкуры шевелились, и мясо на вертелах мычало. Солнце-Гелиос, который все видит, все слышит, все знает, взмолился Зевсу: «Накажи обидчиков, не то я сойду в подземное царство и буду светить среди мертвых». И тогда, как стихли ветры и отплыл от берега корабль, Зевс поднял бурю, грянул молнией, корабль

рассыпался, спутники потонули в водовороте, а Одиссей один на обломке бревна носился по морю девять дней, пока не выбросило его на берег острова Калипсо.

Так заканчивает Одиссей свою повесть.

Царь Алкиной исполнил обещание: Одиссей взошел на феакийский корабль, погрузился в очарованный сон, а проснулся уже на туманном берегу Итаки. Здесь его встречает покровительница Афина. «Пришла пора для твоей хитрости, – говорит она, – таись, стерегись женихов и жди сына твоего Телемаха!» Она касается его, и он делается неузнаваем: стар, лыс, нищ, с посохом и сумою. В этом виде идет он в глубь острова – просить приюта у старого доброго свинопаса Евмея. Евмею он рассказывает, будто родом он с Крита, воевал под Троей, знал Одиссея, плавал в Египет, попал в рабство, был у пиратов и еле спасся. Евмей зовет его в хижину, сажает к очагу, угощает, горюет о пропавшем без вести Одиссее, жалуется на буйных женихов, жалеет царицу Пенелопу и царевича Телемаха. На другой день приходит и сам Телемах, вернувшийся из своего странствия, – конечно, его тоже направила сюда сама Афина. Перед ним Афина возвращает Одиссею настоящий его облик, могучий и гордый. «Не бог ли ты?» – вопрошает Телемах. «Нет, я отец твой», – отвечает Одиссей, и они, обнявшись, плачут от счастья.

Близится конец. Телемах отправляется в город, во дворец; за ним бредут Евмей и Одиссей, снова в образе нищего. У дворцового порога совершается первое узнавание: дряхлый Одиссеев пес, за двадцать лет не забывший голос хозяина, поднимает уши, из последних сил подползает к нему и умирает у его ног. Одиссей входит в дом, обходит горницу, просит подаяния у женихов, терпит насмешки и побои. Женихи стравливают его с другим нищим, моложе и крепче; Одиссей неожиданно для всех опрокидывает его одним ударом. Женихи хохочут: «Пусть тебе Зевс за это пошлет, чего ты желаешь!» – и не знают, что Одиссей желает им скорой гибели. Пенелопа зовет чужестранца к себе: не слышал ли он вестей об Одиссее? «Слышал, – говорит Одиссей, – он в недалеком краю и скоро прибудет». Пенелопе не верится, но она благодарна гостю. Она велит старой служанке омыть страннику перед сном его пыльные

ноги, а самого его приглашает быть во дворце на завтрашнем пиру. И здесь совершается второе узнание: служанка вносит таз, прикасается к ногам гостя и чувствует на голени шрам, какой был у Одиссея после охоты на кабана в его молодые годы. Руки ее задрожали, нога выскользнула: «Ты – Одиссей!» Одиссей зажимает ей рот: «Да, это я, но молчи – иначе погубишь все дело!»

Наступает последний день. Пенелопа созывает женихов в пиршественную горницу: «Вот лук моего погибшего Одиссея; кто натянет его и пустит стрелу сквозь двенадцать колец на двенадцати секирах в ряд, тот станет моим мужем!» Один за другим сто двадцать женихов примериваются к луку — ни единый не в силах даже натянуть тетиву. Они уже хотят отложить состязание до завтра – но тут встает Одиссей в своем нищем виде: «Дайте и мне попытать: ведь и я когда-то был сильным!» Женихи негодуют, но Телемах заступает за гостя:

«Я – наследник этого лука, кому хочу – тому даю; а ты, мать, ступай к своим женским делам». Одиссей берется за лук, легко сгибает его, звенит тетивой, стрела пролетает сквозь двенадцать колец и вонзается в стену. Зевс гремит громом над домом, Одиссей выпрямляется во весь богатырский рост, рядом с ним Телемах с мечом и копьем. «Нет, не разучился я стрелять: попробую теперь другую цель!» И вторая стрела поражает самого наглого и буйного из женихов. «А, вы думали, что мертв Одиссей? нет, он жив для правды и возмездия!» Женихи хватаются за мечи, Одиссей разит их стрелами, а когда кончаются стрелы – копьями, которые подносит верный Евмей. Женихи мечутся по палате, незримая Афина помрачает их ум и отводит их удары от Одиссея, они падают один за другим. Груда мертвых тел громоздится посреди дома, верные рабы и рабыни толпятся вокруг и ликуют, видя господина.

Пенелопа ничего не слышала: Афина наслала на нее в ее тереме глубокий сон. Старая служанка бежит к ней с радостною вестью: Одиссей вернулся. Одиссей покарал женихов! Она не верит: нет, вчерашний нищий совсем не похож на Одиссея, каким он был двадцать лет назад; а женихов покарали, наверно, разгневанные боги. «Что ж, – говорит Одиссей, – если в царице такое недоброе сердце, пусть мне постелят постель одному». И тут совершается третье, главное

узнание. «Хорошо, – говорит Пенелопа служанке, – вынеси гостю в его покой постель из царской спальни». – «Что ты говоришь, женщина? – восклицает Одиссей, – эту постель не сдвинуть с места, вместо ножек у нее – пень масличного дерева, я сам когда-то сколотил ее на нем и приладил». И в ответ Пенелопа плачет от радости и бросается к мужу: это была тайная, им одним ведомая примета.

Это победа, но это еще не мир. У павших женихов остались родичи, и они готовы мстить. Вооруженной толпой они идут на Одиссея, он выступает им навстречу с Телемахом и несколькими подручными. Уже гремят первые удары, проливается первая кровь, – но Зевсова воля кладет конец затевающемуся раздору. Блещет молния, ударяя в землю между бойцами, грохочет гром, является Афина с громким криком: «...Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!» – и уstraшенные мстители отступают. И тогда:

«Жертвой и клятвой скрепила союз меж царем и народом / Светлая дочь громовержца, богиня Афина Паллада».

Источник: Гаспаров М.Л. Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры. Зарубежная литература древних эпох, средневековья и Возрождения / Ред. и сост. В.И. Новиков. – М.: Олимп: АСТ, 1997. – 848 с.

ПЛАТОН

Платон – (427-347 гг. до н.э.) – древнегреческий философ, автор двух проектов идеальных государств. Настоящее имя – Аристокл; житель Афин; принадлежал знатному роду, который вел свое происхождение от последнего афинского царя Кодра. Основные работы: «Государство», «Политик», «Законы».

Законы

Книга 1

Афинянин. Бог или кто из людей, чужеземцы, был виновником вашего законодательства? Клиний. Бог, чужеземец, бог, говоря, по правде. Все это у нас приспособлено к войне, и законодатель, по-моему, установил все, принимая в соображение именно войну... Он заметил, я думаю, неразумие большинства людей, не понимающих, что у всех в течение жизни идет непрерывная война со всеми государствами. Если же на войне, во имя безопасности, следует иметь общий стол и надо, чтобы стражами были какие-то начальники и их подчиненные, люди организованные, то именно так надо поступать и в мирное время. Ибо то, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами. ...Так как никакое достояние, никакое занятие, вообще ничто не принесет никому пользы, если не будет победы на войне: ибо все блага побежденных достаются победителю. ...Все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый – сам с собой. [...] И здесь тоже, чужеземец, победа над самим собой есть первая и лучшая из побед. Быть же побежденным самим собой всего постыднее и хуже. [...] О том государстве, где лучшие побеждают большинство худших, правильно было бы сказать, что оно одерживает победу над самим собой и в высшей степени справедливо заслуживает похвалы за эту победу; в противном же случае происходит противоположное. Афинянин. Ни мне, ни вам не подобало бы гоняться за словами, утверждая, что всякий дом и всякая семья, где дурные люди одерживают верх, должна считаться побежденной самой собой, в противном же случае – победившей. Не правда ли, всякий стал бы устанавливать законы ради наилучшей цели? [...] А ведь самое лучшее – это не война, не междоусобия: не дай бог, если в них возникнет нужда; мир же – это всеобщее дружелюбие. И победа государства над самим собой относится, конечно, не к области наилучшего, но к области необходимого. Это все равно как если бы кто стал

считать наилучшим такое состояние тела, когда оно страдает и ему достается в удел врачебное очищение, и не обратил бы внимания на состояния тела, когда оно в этом совсем не нуждается. По-моему, истинно и справедливо утверждать, беседуя о божественном государстве, что устроитель, устраивая в нем законы, имел в виду не одну часть добродетели, притом самую ничтожную, но всю добродетель в целом; сообразно с ее видами он и исследовал законы, а не так, как это делают нынешние законодатели, исследующие произвольно установленные виды. Ведь теперь каждый исследует и устанавливает то, в чем у него в данное время нужда: один – законы о наследствах и дочерях-наследницах, другой – об оскорблениях действием, третий – что-либо иное подобное, и так до бесконечности. Есть два рода благ: одни – человеческие, другие – божественные. Человеческие зависят от божественных. Если какое-либо государство получает большие блага, оно одновременно приобретает и меньшие, в противном же случае лишается и тех и других. Меньшие блага – это те, во главе которых стоит здоровье, затем идет красота, на третьем месте – сила... на четвертом – богатство... Первое же и главенствующее из божественных благ – это разумение; второе – сопутствующее разуму здоровое состояние души; из их смешения с мужеством возникает третье благо – справедливость; четвертое благо – мужество. Все эти блага по своей природе стоят впереди тех, и законодателю следует ставить их в таком же порядке. Ведь у вас... в особенности превосходен один закон, запрещающий молодым людям исследовать, что в законах хорошо и что нет, и повелевающий всем единогласно и вполне единодушно соглашаться с тем, что в законах все хорошо, ибо они установлены богами; иные же утверждения вовсе не следует допускать. [...] Клиний. Ведь нет ничего бесчестного в познании плохого, наоборот, случается, что это служит к исцелению, если принимается благосклонно и без зависти. Афинянин. ...Гимнасии и сисситии во многом приносят пользу государствам и поныне; однако в смысле междоусобий они вредны. Это явствует из поступков милетской, беотийской и фурийской молодежи. К тому же, вероятно, эти учреждения извратили существующий не только у людей, но даже и у животных

древний и сообразный с природой закон, касающийся любовных наслаждений. И в этом можно винить прежде всего ваши государства, а также и те из остальных государств, где более всего привились гимназии. ...Наслаждение от соединения мужской природы с женской, влекущего за собой рождение, уделено нам от природы, соединение же мужчины с мужчиной и женщины с женщиной противоестественно и возникло как дерзкая попытка людей, разнузданных в удовольствиях. Когда люди исследуют законы, почти все рассмотрение вращается вокруг удовольствий и страданий как в государственной жизни, так и в частной. Природа предоставила течь этим двум потокам. Когда из них черпают как надо, когда надо и сколько надо, то счастливы одинаково и государство, и частные лица, и всякое живое существо, но когда это делают невежественно, да к тому же и не вовремя, тогда людям на долю выпадает иная жизнь. Ведь сплошь и рядом причины бегства и преследования остаются, да и будут оставаться не выясненными. Поэтому не стоит ссылаться на победу или поражение в битвах, точно они служат ясным, а не сомнительным показателем обычаев хороших и плохих. Воспитание ведет к победе, победа же иной раз – к невоспитанности. Ведь многие, обнаглев из-за одержанных на войне побед, под влиянием этой наглости преисполнены множеством пороков. Самым важным в обучении мы признаем надлежащее воспитание, вносящее в душу играющего ребенка любовь к тому, в чем он, выросши, должен стать знатоком и достичь совершенства. В нашем рассуждении мы, очевидно, подразумеваем под воспитанием... то, что с детства ведет к добродетели, заставляя человека страстно желать и стремиться стать совершенным гражданином, умеющим согласно справедливости подчиняться или же властвовать. [...] Воспитание же, имеющее своим предметом и целью деньги, могущество или какое-нибудь другое искусство, лишенное разума и справедливости, низко и неблагородно, да и вовсе недостойно носить это имя. Не признаем ли мы, что каждый из нас – это единое целое? [...] Но каждый имеет в себе двух противоположных и неразумных советчиков: удовольствие и страдание. [...] К ним присоединяются еще мнения относительно будущего, общее имя которым «надежда». В частности, ожидание скорби

называется страхом, ожидание удовольствия – отвагой. Над всем этим стоит разум, решающий, что из них лучше, что хуже; он-то, став общим установлением государства, получает название закона. Я спрашиваю следующее: не делает ли питье вина более сильными удовольствия, страдания, гнев, любовь? [...] А наши ощущения, память, мнения, мысли? Становятся ли они точно также сильнее, или же человек, предаваясь чрезмерному пьянству, совершенно лишается их? [...] Не правда ли, такой человек возвращается к состоянию души, какое ему было свойственно в младенчестве? [...] И тогда он всего менее может собой владеть? Итак, если окажется, что вино по своей пользе ничуть не хуже телесных упражнений, то у него будет перед ними еще и то преимущество, что они вначале сопряжены с болью, оно же нет. А кто хочет достичь совершенства в мужестве, не должен ли бороться с присущей ему трусостью и не должен ли ее победить? Ведь тот, кто не упражнялся и неопытен в подобной борьбе - все равно, кто бы он ни был, – не станет по отношению к добродетели и наполовину тем, кем он должен был бы стать. Кто же может стать вполне рассудительным, – тот ли, кто борется со множеством удовольствий и вожделений, увлекающих к бесстыдным, несправедливым поступкам, и побеждает их разумом, действием и искусством как во время развлечений, так и в серьезных делах, или же тот, кто вовсе не подвержен всему этому? Кто верит самому себе, что он и природой, и своими заботами хорошо подготовлен, тот ничуть не побоится упражняться на виду, вместе со многими сотрапезниками. Он поступит правильно, потому что преодолеет и победит, и победит силе неизбежного действия напитка; ни в чем важном он не будет поколеблен непристойностью и вследствие своей добродетели ни в чем не изменится. Вот все, что нас делает такими: гнев, страсть, наглость, невежество, корыстолюбие, трусость. Кроме того, еще: богатство, красота, сила и все пьянящее наслаждением и делающее нас безрассудными. Можем ли мы назвать какое-нибудь другое удовольствие, кроме испытания вином и развлечениями, более приспособленное к тому, чтобы сперва только взять пробу, дешевую и безвредную, всех этих состояний, а уж затем в них упражняться? Обсудим же, как лучше испытать сварливую и вялую душу, из

которой рождаются тысячи несправедливостей: путем ли личных с ней общений, причем нам будет грозить опасность, или же путем наблюдений на празднестве Дионисий? ...Это весьма удобный способ испытать друг друга. [...] Распознавание же природы и свойств душ было бы одним их самых полезных средств для того искусства, которое о них печется. А мы, я полагаю, признаем, что это относится к искусству государственного правления. Не так ли?

Книга 2

Афинянин. Я утверждаю, что первые детские ощущения — это удовольствие и страдание, и благодаря им сперва и появляются в душе добродетель и порок. Что же касается разумения и прочих истинных мнений, то счастлив тот, в ком они появляются хотя бы в старости. Ту же часть добродетели, которая касается удовольствия и страдания, которая надлежащим образом приучает ненавидеть от начала до конца то, что следует ненавидеть, и любить то, что следует любить, — ... можно... назвать воспитанием. Итак, верно направленные удовольствия и страдания составляют воспитание; однако в жизни людской они во многом ослабляются и извращаются. Поэтому боги из сострадания к человеческому роду... установили божественные празднества, даровали Муз, Аполлона, их предводителя, и Диониса как участников этих празднеств, чтобы можно было исправлять недостатки воспитания на празднествах с помощью богов. [...] Те же самые боги... дали нам чувство гармонии и ритма, сопряженное с удовольствием. При помощи этого чувства они движут нами и предводительствуют нашими хороводами, когда мы объединяемся в песнях и плясках. [...] Не согласимся ли мы... что первоначальное воспитание совершается через Аполлона и Муз? Ввиду того что все относящееся к искусству — это воспроизведение поведения людей, их разнообразных поступков и обычаев при всяких обстоятельствах, так что путем подражания воспроизводятся все черты этого поведения, то естественно, что им радуются, их хвалят и признают прекрасными, конечно, те люди, с природой или привычками которых... согласуются как хороводные слова и напевы, так и сами хороводы. Не

приносит ли это некоторого вреда тому, кто радуется безобразным телодвижениям и песням? Напротив, не получают ли некоторой пользы те, кто находит удовольствие в противоположном? [...] Только ли вероятно или же необходимо должно случиться с таким человеком то же самое, что бывает с теми, кто постоянно общается с испорченными и злыми людьми? Он не отталкивает их, а, наоборот, радуется им, они ему приятны; если же он их порицает, то только в шутку, точно его собственная никчемность лишь сон. В этом случае радующийся неизбежно уподобляется тем, кому он радуется, хотя он и стыдится их хвалить. ...В государствах у молодых людей должно войти в привычку занятие прекрасными телодвижениями и прекрасными песнями. ...Мерило мусического искусства – удовольствие. Однако прекраснейшей я признаю ту Музу, что доставляет наслаждение не первым встречным, но людям наилучшим, получившим достаточно хорошее воспитание, в особенности ту Музу, которая доставляет его человеку, выделяющемуся своей добродетелью и воспитанием. ...Воспитание есть привлечение и приведение детей к такому образу мыслей, который признан законом правильным и в действительной правильности которого убедились у тому же на опыте люди самые почтенные и престарелые. И вот, чтобы душа ребенка не приучалась радоваться и скорбеть вопреки закону и людям, ему послушным, и чтобы ребенок следовал в своих радостях и скорбях тому же самому, что и старик, и появились песни. Мы их так называем; на самом же деле это заклинания, зачаровывающие душу; они имеют серьезную цель – достичь гармонии, о которой мы говорили. А так как души молодых людей не могут выносить серьезного, то их и надо было назвать забавой, песнями и исполнять их только в качестве таковых, ведь людям больным и слабым телом ухаживающие за ними стараются подносить полезную пищу в сладких блюдах или напитках... Будь я законодатель, я попытался бы принудить поэтов и вообще всех в государстве именно так; чуть ли не самое большое наказание назначил бы я тому, кто стал бы в стране выражать мнение, будто существуют какие-то люди, жизнь которых приятна, хотя они и дурны, и будто полезным и выгодным является одно, а справедливым – другое. ...Кого следует называть более

счастливыми – тех ли, кто ведет самую справедливую жизнь, или тех, кто ведет самую приятную? Итак, учение, не отделяющее приятное от справедливого, благого и прекрасного, имеет по крайней мере то преимущество, что убеждает каждого человека желать благочестивой и справедливой жизни. Ведь никто не дал бы себя убедить добровольно исполнять то, что не влечет за собой больше радости, чем страдания. То, на что смотрят издалека, причиняет, так сказать, головокружение всем, а особенно детям. Законодатель же, по-моему, разогнав эту дымку, должен создать у других ясное мнение. ...Законодатель, хоть сколько-нибудь полезный, дерзнул бы, как и в иных случаях, употребить ложь по отношению к молодым людям ради их же блага. А разве смог бы он найти ложь более полезную, чем эта, для того, чтобы заставить добровольно, а не по принуждению поступать во всем справедливо? Каждый человек, взрослый или ребенок, свободный или раб, мужчина или женщина, - словом, все целиком государство должно беспрестанно петь для самого себя очаровывающие песни, в которых будет выражено все то, что мы разобрали. Они должны и так и этак постоянно видоизменять и разнообразить песни, чтобы поющие испытывали удовольствие и какую-то ненасытную страсть к песнопениям. Достигшие сорока лет могут пировать... Ведь Дионис даровал людям вино как лекарство от угрюмой старости, и мы снова молодеем и забываем наше скверное настроение, жесткий наш нрав смягчается, точно железо, положенное в огонь, и потому делается более гибким. Разве мы не сказали, что в этом случае души пьющих людей охватываются огнем и, точно раскаленное железо, становятся мягче, моложе, а вследствие этого и податливее в руках того, кто может и умеет воспитывать их и лепить, словно дули молодых людей? Таким лепщиком является то же самое лицо, что и раньше: это – хороший законодатель. [...]

Стражами, содействующими этим законам, должны быть люди спокойные и трезвые; именно они должны быть начальниками над нетрезвыми. [...] Не правда ли, если бы опьянение и забавы были таковы, то пирующие получали бы от них пользу и расходились бы с них не врагами, но еще большими друзьями, чем были прежде. [...] Не станем же безусловно порицать дар Диониса и говорить, будто

он плох или недостойн быть принят в государство. Можно было бы сказать даже больше, однако я не решусь указывать большинству на величайшее благо, даруемое вином, ведь эти люди так превратно понимают и разумеют слова. По крайней мере, насколько я знаю, ни одно живое существо не рождается на свет, обладая всем тем умом, какой подобает ему иметь в зрелых годах. Пока это живое существо не приобрело еще свойственной ему разумности, оно неистовствует и кричит что-то несвязное, а как встанет на ноги, начинает без толку скакать. Припомним же наше утверждение, что этом-то и кроется начало мусического и гимнастического искусств.

Книга 3

Афинянин. Царская же, клянусь Зевсом, и вообще всякая власть разрушается разве не самими ее носителями? Цари ли дали такие законы или кто другой, но это было величайшим установлением для сохранения государственного строя этих трех государств. [...] То, что два государства всегда помогали друг другу против третьего в случае его неповиновения установленным законам. [...] Однако большинство требует от законодателей, чтоб они устанавливали такие законы, которые были бы добровольно приняты большей частью народа. Это вроде того, как если бы требовали от учителей гимнастики и врачей только приятного упражнения и врачевания для поручаемого их попечению тела. Однако многое из того, о чем молит для себя ребенок, отец просит богов отвратить, – чтоб никогда не исполнилось по молитвам сына. [...] Мегилл. Мне кажется, ты утверждаешь, что должно желать и стремиться не к тому, чтобы все следовало нашей воле, но скорее, чтобы воля следовала за нашим разумением, так что и государству, и каждому из нас должно молиться и хлопотать о том, чтобы обладать умом. Афинянин. Да, я помню и хочу напомнить вам, что законодатель, человек государственный, должен устанавливать распорядок законов, имея в виду всегда именно это. [...] ...Я утверждаю, что для того, кто не обладает умом, опасно пользоваться молитвами и если уж ему следует молиться, то скорее о том, что противоположно его

желаниям. ...Причина гибели царей и всех их замыслов не трусость и отсутствие военных знаний у правителей и тех, кому надлежит подчиняться, но всевозможная порочность другого рода, в особенности же неведение величайших человеческих дел. Часть души, испытывающая скорбь и удовольствие, все равно что народное большинство в государстве. Когда душа противится знаниям, [правильным] мнениям или разуму, от природы предназначенным править, это я признаю неразумием, так же как и в государстве, когда большинство не повинуетя правителям и законам. Так пусть же это будет у нас так постановлено и выражено: невежественным гражданам нельзя поручать ничего относящегося к власти; их должно поносить как невежд, даже если они и горазды рассуждать и наловчились во всевозможных душевных тонкостях и извивах. Людей же противоположного склада должно называть мудрыми, даже если они, как говорят, ни читать, ни плавать не умеют; как людям разумным им надо поручать управление. В самом деле, друзья мои, без лада может ли родиться хоть какой-то вид разумности? Это невозможно. Всего справедливее было бы назвать самой большой мудростью прекраснейшую и величайшую гармонию. Ей причастен тот, кто живет сообразно с разумом; а кто ее лишен, тот разрушитель своего дома и никогда не будет спасителем государства, но как невежда вечно все будет делать наоборот. ...Я думаю, должен править сильный, а слабый ему подчиняться. К тому же это самая распространенная и сообразная с природой власть для всех живых существ, как некогда сказал фиванец Пиндар. Но главнейшим требованием является, по видимому... чтобы несведущий следовал за руководством разумного и был под его властью. Впрочем, о мудрейший Пиндар, по моему мнению, это, пожалуй, и не противоречит природе... Если, забыв меру, слишком малому придают что-либо слишком большое: судам – паруса, телам – пищу, а душам – власть, то все идет вверх дном; исполнившись дерзости, одни впадают в болезни, другие – в несправедливость, это порождение высокомерия. Но к чему мы клоним речь? Вот к чему: смертная душа, друзья мои, не может по своей природе, если она молода и безответственна, вынести величайшей среди людей власти; разум ее

преисполняется тяжелейшим недугом неразумия, и она начинает ненавидеть ближайших друзей, а это вскоре губит ее и уничтожает всю ее мощь. Только великие законодатели, познав соразмерность, могут этого остережться. Есть два как бы материнских вида государственного устройства, от которых, можно сказать по праву, родились остальные. Было бы правильно указать на монархию как на первый из них и на демократию как на второй. [...] Персы более, чем должно, полюбили монархическое начало, афиняне свободу; вот почему ни у тех, ни у других нет умеренности. Итак, мы утверждаем, что государство, желающее себя сохранить и по мере человеческих сил быть счастливым, должно по необходимости правильно оценивать честь и бесчестье. Но самое ценное по праву – это блага, относящиеся прежде всего к душе, если в ней есть рассудительность, затем прекрасные качества тела и, в-третьих, так называемые блага, относящиеся к имуществу и достатку. Если какой-нибудь законодатель или какое-то государство выйдут за эти пределы, оценив наиболее высоко достаток или поместив в смысле ценности низшее перед высшим, они совершат дело и негосударственное, и нечестивое. ...Законодатель должен иметь в виду троякую цель: чтобы устрояемое государство было свободным, внутренне дружелюбным и обладало разумом. [...] Ради этого мы выбрали, с одной стороны, самый деспотический, а с другой – самый свободный государственный строй. Посмотрим же теперь, какой из них более правильный. Если ввести и там и тут некоторую умеренность, в одном из них ограничить власть, а в другом свободу, тогда, как мы видели, в них наступит особое благополучие; если же довести рабство или свободу до крайнего предела, то получится вред и в первом, и во втором случае.

Книга 4

Афинянин. Близость моря хотя и дарует каждый день усладу, но на деле это горчайшее соседство. Море наполняет страну стремлением нажиться с помощью крупной и мелкой торговли, вселяет в души лицемерные и лживые привычки, и граждане становятся недоверчивыми и враждебными как друг по

отношению к другу, так и к остальным людям. Во всяком случае ничто так не способствует людской добродетели, как законодательство и основание государств. Я хотел сказать, что никогда никто из людей не дает никаких законов, но законы все даются нам случайностями и разными выпавшими на нашу долю несчастьями. Либо какая-нибудь война насильно переворачивает весь государственный строй и изменяет законы, либо бедствие тяжелой нужды. Да и болезни – если нападёт мор – вынуждают делать много нововведений, так что иной раз надолго, на много лет, водворяется безвременье. ...Ни один смертный не дает никаких законов, но все человеческое зависит от судьбы и случая. Впрочем, не будем так строги: есть и нечто третье, следующее за ними, искусство. В самом деле: своевременное применение искусства кормчего в случае бури дает, по-моему, большие преимущества. [...] То же самое действительно и для других дел, особенно же для законодательства. Чтобы государство благополучно существовало, оно постоянно нуждается кроме удачного сочетания местных условий еще в законодателе, придерживающемся истины. Нет, рассудительность с самого начала врождена даже животным и детям и сказывается в том, что одни из них могут, а другие не могут воздерживаться от удовольствий. На первое место я ставлю возникновение государства из тирании, на второе из царской власти, на третье – из какого-либо вида демократии, на четвертое – из олигархии. В самом деле, из нее труднее всего возникнуть совершенному государству, ибо при ней больше всего властителей. Мы же говорим, что возникновение наилучшего государства произойдет лишь тогда, когда явится истинный по природе законодатель и когда мощь его будет действовать сообща с самыми сильными в государстве лицами. А поскольку, чем меньшее число лиц стоит у власти, тем она крепче, как, например, при тирании, то именно в этом случае всего быстрее и легче совершается переход. Друзья мои, не давайте никому себя убедить, будто государство может легче и скорее изменить свои законы другим каким-то путем, чем под руководством властителей; нигде этого не случится ни теперь, ни впредь. ...Если у человека величайшая власть соединяется с разумением и

рассудительностью, возникают наилучший государственный строй и наилучшие законы – иного не дано. ...Никакая человеческая природа – мы говорили об этом – не в состоянии неограниченно править человеческими делами без того, чтобы не преисполняться заносчивости и несправедливости; сознавая все это, Кронос поставил тогда царями и правителями наших государств не людей, но даймонов – существ более божественной и лучшей природы. Мы в наше время поступаем так со стадами овец и других домашних животных, ведь мы не ставим быков начальниками над быками и коз – над козами, но сами, принадлежа к лучшему, чем они, роду, над ними властвуем. [...] Это сказание, согласное с истиной, утверждает и ныне, что государства, где правит не бог, а смертный, не могут избежать зол и трудов. А подразумевается здесь, что мы должны всеми средствами подражать той жизни, которая, как говорят, была при Кроносе... именуя законом эти определения разума. ...Это не государства, а попросту сожительства граждан, где одна их часть владычествует, а другая рабски повинуется. Каждое такое сожительство получает наименование по господствующей в нем власти. Так как в государствах этих происходила борьба за власть, то победители присваивали исключительно себе все государственные дела – настолько, что побежденным, как самим, так и их потомкам, не давали не малейшей доли в управлении. Всю жизнь они были настороже друг против друга, ибо боялись, что кто-то восстанет, захватит власть и припомнит им тогда прошлые злодеяния. А ведь подобное положение вещей, как мы теперь утверждаем, не есть государственное устройство: неправильны те законы, что установлены не ради общего блага всего государства в целом. Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних распрях и то, что считается там справедливостью, носит вотще это имя. Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги. Мне кажется, что для законодателя, который придерживается тех же

взглядов, что и я, но не может их выразить в форме закона, мной уже дан образец, что и как следует говорить и ему и тем, для кого он устанавливает законы. ...Поэт, когда садится на треножник Музы, уже не находится в здравом рассудке, но дает изливаться своему наитию, словно источнику. А так как искусство его – подражание, то он принужден изображать людей, противоположно настроенных, и в силу этого вынужден нередко противоречить самому себе, не ведая, что из сказанного истинно, а что нет. Но законодателю нельзя высказывать два различных мнения относительно одного и того же предмета, а следует всегда иметь одно и то же. Таким-то образом человеческий род бессмертен, ибо, оставляя по себе детей и внуков, род человеческий благодаря таким порождениям остается вечно тождественным и причастным бессмертию. В высшей степени неблагочестиво добровольно лишать себя этого, а между тем, кто не заботится о том, чтобы иметь жену и детей, тот лишает себя этого умышленно. Должно ценить, думаю я, не краткое и не подробное изложение, но наилучшее. ...Издавая законы, можно пользоваться двумя средствами – убеждением и силой, насколько это возможно при невежественности и невоспитанности толпы; обычно законодатели пользуются только вторым средством. ...У всех законов должны быть вступления и, приступая к любому законодательству, следует каждому положению предпослать подобающее ему вводное слово. Ибо слово такое имеет большое значение. Очень важен также вопрос, будет ли это ясно запоминаться или нет.

Книга 5

Афинянин. Из всех достояний человека вслед за богами душа – самое божественное, ибо она ему всего ближе. Все, что принадлежит каждому человеку двояко: одна его часть – высшая и лучшая – господствует, другая низшая и худшая – рабски подчиняется. Господствующую свою часть каждый должен предпочитать рабской. Поэтому я прав, требуя, чтобы каждый почитал свою душу, ведь, как я говорю, она занимает второе место после богов-владык и тех, кто за ними следует. А между тем никто из нас, можно сказать, не почитает душу

по-настоящему, но только по видимости. [...] Кто думает возвеличить душу какими-либо речами, дарами, уступками, но ничуть не старается сделать ее из худшей лучшею, тот почитает ее лишь по видимости, но не на самом деле. Всякий человек с раннего детства считает себя в состоянии все познать, думает, что похвалами он возвеличивает свою душу, и поэтому охотно позволяет ей делать все, что угодно. Мы же утверждаем, что, поступая так, человек вредит своей душе, а вовсе не возвеличивает ее. Точно так же, когда человек в каждом отдельном случае считает виновником своих проступков и многих громадных зол других людей, а не самого себя и когда он постоянно выгораживает себя, точно он вовсе не виновен, он лишь по видимости почитает душу, на деле же очень далек от этого, ибо он ей вредит. Так же и в том случае человек вовсе не оказывает ей почета, но бесчестит ее, наполняя злом и раскаянием, когда он предается удовольствиям вопреки наказу и одобрению законодателя. И если, наоборот, он не выдержит до конца одобряемых законодателем трудов, страхов, болей и скорбей, но уступит им, то этой уступчивостью он тоже не окажет почета своей душе. Точно так же, если кто стремится неблаговидным путем приобрести имущество и обладание таким имуществом для него не тягостно, он всеми этими дарами вовсе не оказывает почета душе, при этом он очень ее унижает, ибо за небольшое количество золота продает все, что есть в душе драгоценного и вместе с тем прекрасного. Короче говоря, ... во всех этих случаях он крайне бесчестно и безобразно обращается с самым божественным – со своей душой. Ведь никто, можно сказать, не принимает в расчет того, что почитается величайшим наказанием за злодеяние; состоит же это наказание в уподоблении людям, дурным по самой своей сути, и в том, что вследствие этого уподобления человек начинает избегать хороших людей и их слов, отходит от них и прикрепляется к дурным людям, ищет их общества. Сроднившись с этими людьми, он по необходимости должен поступать так, как, согласно со своей природой, поступают друг в отношении друга и говорят друг с другом подобные люди, и ждать от них соответствующего обращения с собой. Впрочем, это даже не правосудие – ибо правосудие и справедливость есть нечто прекрасное, – но

возмездие, иными словами, страдание, сопутствующее несправедливости. Говоря в целом, честь наша состоит в том, чтобы следовать лучшему и улучшать худшее, если оно еще может стать совершеннее. У человека нет ничего, что было бы больше души способно по своей природе избегать зла, разыскивать и находить высшее благо. ... Не золото надо завещать детям, а побольше совестливости. ...Ибо юноши неизбежно будут весьма бесстыдными там, где бесстыдны даже старики. Наилучшее воспитание молодых людей, да и самих себя, заключается не во внушениях, а в явном для всех осуществлении в собственной жизни того, что внушается другому. Чтобы приобрести расположение друзей и приятелей в житейском общении с ними, надо оценивать их услуги выше, чем это делают они сами; наоборот, наши одолжения друзьям надо считать меньшими, чем это полагают наши друзья и приятели. Однако любой должен уметь сочетать яростный дух с величайшей кротостью. Есть только одно средство избежать тяжких, трудноисцелимых и даже вовсе неисцелимых несправедливостей со стороны других людей – это бороться с ними, отражать, побеждать и неуклонно карать их. Никакая душа не может этого совершить без благородной ярости духа. Что же касается тех, кто совершает несправедливые, но исправимые поступки, то прежде всего надо знать, что всякий несправедливый человек бывает несправедливым не по своей воле. Ибо никто, никогда и нигде не приобретал добровольно ни одного из величайших зол... Человек несправедливый и обладающий злом заслуживает всяческого сожаления. Но уместно сожалеть лишь о человеке исправимом; надо укрощать поднимающуюся ярость духа и не поступать под влиянием огорчения несдержанно, словно женщина. В отношении же человека, не поддающегося вразумлению, безусловно скверного и злого, надо дать волю своему гневу. Вот почему мы сказали, что хорошему человеку надо в каждом отдельном случае быть и яростным, и кротким. В душах большинства людей есть врожденное зло, величайшее из всех зол; каждый извиняет его в себе и вовсе не думает его избегать. Зло это заключается вот в чем: говорят, что всякий человек по природе любит самого себя и что таким он и должен быть. Но поистине в каждом

отдельном случае виновником всех проступков человека выступает как раз его чрезмерное себялюбие. Ибо любящий слеп по отношению к любимому, так что плохо может судить, что справедливо, хорошо и прекрасно, но всегда склонен отдавать предпочтение перед истиной тому, что ему присуще. Кто намерен стать выдающимся человеком, тот должен любить не себя и свои качества, а справедливость, осуществляемую им самим либо кем-то другим. Из этого же заблуждения проистекает и то, что всем свое собственное невежество кажется мудростью. Поэтому-то мы и считаем, что знаем все, тогда как мы не знаем, можно сказать, ничего. Мы не поручаем другим делать то, что не умеем, пытаемся все делать сами и неизбежно ошибаемся. Вот почему каждый человек должен избегать чрезмерного себялюбия, всегда искать тех, кто лучше его, и не стыдиться ставить их выше себя. ...Припоминание есть прилив уходящей разумности. Но это вещи скорее божественные, человеческих же мы еще не изложили, а между тем следовало бы. Ведь мы обращаемся к людям, а не к богам. Преимущественно человеческими по природе являются удовольствия, страдания, вожделения. Всякое смертное существо неизбежно подвержено им и в своих устремлениях очень от них зависит. Поэтому должно хвалить наилучшую жизнь не только за то, что она своим обликом может стяжать добрую славу, но и за то, что она приведет нас к тому, к чему все мы стремимся, – именно к тому, чтобы в течение всей жизни испытывать больше радости и меньше скорби... Следует заметить, что жизнь любого человека от природы заключена в эти пределы, и надо уяснить, какой именно жизни мы ждем согласно природе. Если же мы станем утверждать, что желаем чего-либо вопреки природе, то наши слова будут следствием лишь неопытности и незнания действительной жизни. Сколько есть родов жизни и какие они, в отношении которых нам следует заранее совершать выбор и усматривать в них недобровольное, но желательное и, сделав такую жизнь законом, одновременно избрав милое, приятное, благое и прекрасное, жить наисчастливейшим образом, насколько это доступно людям? Мы можем указать на следующие виды: рассудительную жизнь, разумную, мужественную, здоровую. Этим четырём видам противоположны четыре

других: безрассудная жизнь, разнузданная, трусливая, нездоровая. Жизнь всякой людской толпы лишена рассудительности либо по невежеству, либо из-за отсутствия самообладания, либо по обеим этим причинам. [...] Мы же не хотим избрать такой род жизни, где перевешивают страдания... В целом мы можем сказать, что жизнь рассудительная перевешивает разнузданную, разумная – безрассудную, мужественная – трусливую, ибо в первых как удовольствий, так и страданий меньше, они незначительнее и реже. Но в первых перевешивают удовольствия, а во-вторых, наоборот, страдания. [...] Поэтому первые виды жизни приятнее вторых... Словом, жизнь, причастная добродетели, душевной ли или телесной, приятнее жизни, причастной пороку. Относительно очищений государства дело обстоит так: полных очищений существует немало; одни из них легче, другие более тягостны. Тягостные и наилучшие мог бы установить лишь тот, кто одновременно является и тираном и законодателем. Законодатель, лишенный тиранической власти, при установлении нового государственного строя и законов должен удовлетворяться самыми мягкими способами очищений. Наилучший способ мучителен совершенно также, как бывает, когда принимают подобного рода лекарства. При этом способе правосудие влечет за собой справедливое возмездие; возмездие заканчивается смертью или изгнанием. Так обыкновенно отделяются от величайших, к тому же неисцелимых, преступников, чрезвычайно вредных для государства. Более мягкий способ очищения заключается у нас вот в чем: если неимущие люди, следуя за своими вождями, выкажут из-за недостатка воспитания склонность выступить против имущих, это станет болезнью, вкравшейся в государство. Поэтому их надо выслать прочь, делая это, однако, в высшей степени дружелюбно и смягчая их удаление названием «переселение». Так или иначе всякому законодателю надлежит это сделать сразу. ...Когда много ручьев или потоков вливаются в одно озеро и там сливаются вместе, надо прежде всего следить, чтобы сливающаяся вода была как можно чище, а для этого надо то вычерпывать, то отводить воду, устраивая каналы. Стало быть, и всякое устройство государства сопряжено, как водится, с трудом и опасностью. Впрочем,

сейчас мы занимаемся этим лишь словесно, а не на самом деле. Поэтому предположим, что наши граждане уже собраны и что уже произведено разумное их очищение. Мы не дали плохим людям, пытавшимся сделаться гражданами нашего государства, осуществить свое намерение, ибо мы хорошо распознали их за достаточный промежуток времени путем всяческих испытаний; наоборот, хороших людей мы привлекли, обходясь с ними по мере сил дружелюбно и милостиво. ...страшного и опасного спора о переделе земли и о снятии долгов. [...] Остается, можно сказать, только одно – молиться, чтобы переход этот осуществился незаметно, мало-помалу и в течение долгого времени. ...Бедность заключается не в уменьшении имущества, а в увеличении ненасытности. Создается ли с самого начала новое государство или переустраивается выродившееся старое, все равно никто из имеющих разум не станет колебать ничего, касающегося богов и святынь... Мы строим государство лишь второе по сравнению с наилучшим. [...] Наилучшим является первое государство, его устройство и законы. Здесь все государство тщательнейшим образом соблюдает древнее изречение, гласящее, что у друзей взаправду все общее. Существует ли в наше время где-либо и будет ли когда, чтобы общими были жены, дети, все имущество и чтобы вся собственность, именуемая частной, всеми средствами была повсюду устранена из жизни? Чтобы измышлялись по мере возможности средства так или иначе сделать общим то, что от природы является частным, - глаза, уши, руки, так, чтобы казалось, будто все сообща видят, слышат и действуют, все восхваляют или порицают одно и то же? По одним и тем же причинам все будут радоваться или огорчаться, а законы по мере сил сплотят в единое целое государство, выше которого в смысле добродетели, правильности и блага никто никогда не сможет установить. Если такое государство устроят где-нибудь боги или сыновья богов и обитают в нем больше чем по одному, то это обитель радостной жизни. Ведь по пословице, даже бог не может противиться необходимости. ...Большинство... считает, будто хороший законодатель должен стремиться видеть свое государство великим; будто он дает хорошие законы, думая о том, чтобы государство было как можно богаче, что бы

оно обладало золотыми и серебряными рудниками и владычествовало над большинством государств как на море, так и на суше. Надо было бы добавить: надлежащий законодатель должен стремиться к тому, чтобы его государство было наилучшим и счастливейшим. Это отчасти исполнимо, отчасти нет. Устроитель пожелал бы исполнимого; желать же неисполнимого было бы тщетно, тут напрасны даже попытки. Например, устроитель пожелал бы, чтобы граждане стали добродетельными, а вместе с тем и неизбежно счастливыми; стать же очень богатыми, оставаясь добродетельными, невозможно – по крайней мере богатыми в том смысле, как это понимает большинство. Ведь богатыми называют тех избранных людей, которые приобрели имущество, оцениваемое огромной суммой, хотя бы сам владелец и был дурным человеком. Но одновременно быть и очень хорошим, и очень богатым невозможно. ...Если кто приобретает и честным, и бесчестным путем, его барыши вдвое больше, чем у того, кто приобретает одним только честным. Издержки же тех, кто не желает тратиться ни на прекрасное, ни на постыдное, вдвое меньше издержек прекрасных людей на прекрасные нужды. При таких двойных доходах и половинных расходах одного разве разбогатеет другой, тот, кто поступает прямо наоборот? Было бы прекрасно, если бы каждый член колонии обладал и всем остальным имуществом в равной доле со всеми. Но это невозможно... В зависимости от величины имущества надо установить четыре класса, назвав их: первый, второй, третий, четвертый или как-нибудь иначе. Граждане либо пребывают в своем классе, либо, разбогатея или обеднев, переходят в подобающий каждому из них класс. Кроме того, я установил бы как вытекающий из предыдущего и следующий вид закона: ведь мы утверждаем, что в государстве, не причастном величайшей болезни, более правильным названием которой было бы «междоусобие» или «раздор», не должно быть ни тяжелой бедности среди некоторых граждан, ни в свою очередь богатства, ибо бедность и богатство взаимно порождают друг друга. Вот и надо теперь законодателю установить пределы бедности и богатства. Но мы должны вообще иметь в виду еще вот что: всему указанному сейчас вряд ли когда-нибудь выпадет удобный

случай для осуществления, так, чтобы все случилось по нашему слову. Найдутся ли люди, которые не возмутятся подобным устройством общества и которые в течение всей жизни станут соблюдать установленную умеренность в имуществе и рождении детей, о чем мы упоминали раньше, или люди, которые расстанутся с золотом и всем тем, что будет запрещено законодателем? [...] Все это точно рассказ о сновидении или лепка государства и граждан из воска! Но я держусь того мнения, что правильнее всего в каждом наброске будущего не опускать ничего из самого прекрасного и истинного; это будет служить образцом, к которому мы должны стремиться. Если там встретится что-либо неосуществимое, то, конечно, его нужно будет избегать и не стремиться к его выполнению. [...] Ведь даже самый захудалый ремесленник, намереваясь создать что-либо заслуживающее внимания, должен постоянно сообразовываться с сутью дела. Следуя общему правилу, надо считать числовое распределение и разнообразие числовых отношений полезным для всего, безразлично, касается ли это отвлеченных чисел или же тех, что обозначают длину, глубину, звуки и движение – прямое, вверх и вниз или же круговое. Законодатель должен все это иметь в виду и предписать всем гражданам по мере их сил не уклоняться от этого установления. Ибо для хозяйства, для государства, наконец, для всех искусств ничто так не важно и ни какая наука не имеет такой воспитательной силы, как занятие числами. Самое же главное то, что людей, от природы вялых и невосприимчивых, это занятие с помощью божественного искусства пробуждает и делает вопреки их природе восприимчивыми, памятьливыми и проницательными. Если еще с помощью других законов и занятий удастся изгнать неблагородную страсть к наживе из душ тех, кто собирается усвоить себе на пользу эту науку, то все это вместе было бы прекрасным и надлежащим воспитательным средством. В противном случае вместо мудрости незаметно получится, так сказать, лишь плутовство, как это теперь можно наблюдать у египтян, финикиян и у многих других народов.

Книга 6

Афинянин. Следующее: всякому ясно, что законодательство – великое дело. Но если хорошо устроенное государство поставит непригодную власть над хорошо установленными законами, то законы эти не принесут никакой пользы и положение создается весьма смешное; более того, это наносит государству величайший ущерб и приводит его к гибели. [...] Потому, видишь ли, и надо, чтобы лица, законно домогающиеся правительственных должностей, предоставили достаточное доказательство добродетели как своего рода, так и своей собственной, начиная с детства и вплоть до времени избрания. В свою очередь и будущие избиратели должны быть хорошо воспитаны, в духе законов, чтобы путем порицания или одобрения либо выбрать, либо отвергнуть избираемого – смотря по заслугам каждого. Выборы, проводимые таким образом, занимают середину между монархическим и демократическим устройством. Ведь рабы никогда не станут друзьями господ, так же как люди никчемные никогда не станут друзьями людей порядочных, хотя бы они занимали и равные по почету должности. Ибо для неравных равное стало бы неравным, если бы не соблюдалась надлежащая мера. Но любому человеку нелегко усмотреть самое истинное и наилучшее равенство, ибо это – суждение Зевса. Людям его уделяется совсем немного, но, поскольку оно уделено государству или частным лицам, оно создает все блага. Большему оно уделяет больше, меньшему – меньше, каждому даря то, что соразмерно его природе. Подобно тому как корабль, плывущий в море, нуждается в постоянном страже и днем, и ночью, точно так же и государство держит свой путь среди бурного натиска остальных государств, рискуя подвергнуться всевозможным козням. Поэтому неустанно, с утра до ночи и с ночи до утра, правители должны приходить на смену правителям, а стражи должны сменять стражей. Толпа никогда не сумеет быстро добиться этого. В стране надо сделать все непроходимым для врагов, для друзей же возможно более проходимым – и для людей, и для вьючных животных, и для стад. ...Не может стать достойным похвалы господином тот, кто не был раньше подвластным; поэтому более, чем

умением хорошо властвовать, должно хвалиться умением хорошо подчиняться, прежде всего – умением подчиняться законам... Из-за постыдных же поблажек и малодушия, думаю я, обычно снова возникают трудности. Всевозможные блага в государстве производит то, что причастно порядку и закону. А беспорядок или плохие порядки разрушают большую часть других, хороших порядков. Всякий человек должен хорошо поразмыслить хотя бы над тем, что род людской либо вовсе не имел никакого начала, так что не будет ему и конца, но он был всегда и всячески будет, либо что со времени его возникновения протекло неизмеримое количество времени.

Книга 7

Афинянин. В самом деле, в частной и семейной жизни каждого человека есть много мелочей, совершающихся не на виду у всех; здесь, под влиянием личного страдания, удовольствия и вожделения, легко возникают явления, противоречащие советам законодателя, почему нравы граждан оказываются разнообразными и непохожими друг на друга, а это – беда для государства. Однако было бы неблагоприятно и вместе с тем непристойно давать тут законы и устанавливать указания, насколько явления эти незначительны, хоть и часты. С другой стороны, если люди привыкнут поступать противозаконно в часто повторяющихся мелочах, то это поведет к губительной порче самих законов, пусть и установленных в письменной форме. Поэтому, хотя и затруднительно дать здесь законы, тем не менее промолчать невозможно. ...Тщетно было бы надеяться на прочность законодательства в вопросах общественных, если не предусмотрен надлежащий распорядок в частной жизни. ...Когда матери хотят, чтобы заснуло дитя, а ему не спится, они применяют вовсе не покой, а, напротив, движение, все время укачивая дитя на руках. Они прибегают не к молчанию, а к какому-нибудь напеву, словно наигрывая детям на флейте. Подобным же образом врачуют и вакхическое исступление, применяя вместе, а с движением пляску и музыку. То и другое состояние сводится к страху, страх же возникает вследствие дурного расположения души. Когда к подобным состояниям

примешивается внешнее сотрясение, это внешнее движение берет верх над движением внутренним, состоящем в страхе и неистовстве. Одержав верх, оно как бы создает в душе безветрие и успокоение. ...Всякая душа, которой свойственен с младенчества страх, с течением времени еще больше к нему приучается. И любой скажет, что здесь происходит упражнение не столько в мужестве, сколько в трусости. И наоборот, мы сказали бы, что занятие, с малых лет развивающее мужество, заключается в умении побеждать нападающие на нас боязнь и страх. ...Изнеженность делает характер детей тяжелым, вспыльчивым и очень впечатлительным к мелочам; наоборот, чрезмерно грубое порабощение детей делает их приниженными, неблагородными, ненавидящими людей, так что в конце концов они становятся непригодными для совместной жизни. Если попытаться в течение указанных трех лет применять всякие средства, чтобы наш воспитанник по мере сил, возможно меньше подвергался боли, страху и любому страданию, - разве, по-нашему, это не сделает его душу веселой и радостной? Но надо избегать изнеженности, надо наказывать детей, однако так, чтобы не задеть их самолюбия; здесь следует поступать так, как обычно и делают в отношении рабов, о чем мы уже говорили: не надо позволять, тем, кто наказывает, оскорблять подвергающегося наказанию, так как это вызовет у него раздражение, но нельзя и баловать отсутствием наказаний. Точно так же надо поступать и с детьми свободнорожденных. Согласно моему утверждению, в правильной жизни не надо стремиться к наслаждениям, и в свою очередь не следует совсем избегать страданий. Надо довольствоваться чем-то средним, о чем я сейчас упомянул, обозначив это как радостное... Все то, что мы сейчас разобрали, относится к неписанным обычаям, как называет их большинство. То, что именуют дедовскими законами, есть не что иное, как совокупность подобных правил. [...] Обычаи эти связуют любой государственный строй; они занимают середину между письменно установленными законами и теми, что будут еще установлены. [...] Если их хорошо установить и ввести в жизнь, они будут в высшей степени спасительным покровом для современных им писанных законов. Если же по небрежности преступить границы прекрасного, все рушится;

это все равно, как если бы удалили внутренние основы возведенного строителями здания; и так как одно поддерживает другое, то при ниспровержении древних оснований обваливается и все позднейшее великолепное сооружение. Я утверждаю: ни в одном государстве никто не знает, что характер игр очень сильно влияет на установление законов и определяет, будут ли они прочными или нет. Если взглянуть на тело, можно заметить, как оно привыкает к разной еде, разным напиткам, к трудам. Сперва все это вызывает расстройство, но затем, с течением времени, из этого возникает соответствующая всему этому плоть; тело знакомится, свыкается с этим укладом жизни, любит его, испытывает при нем удовольствие, здоровеет и чувствует себя превосходно. [...] Надо думать, что-то же бывает и с образом мыслей и душевной природой людей. [...] Любая душа благоговейно боится поколебать что-либо из установленных раньше законов. Так вот законодателю и надо придумать какое-то средство, чтобы в его государстве каким-то способом было осуществлено именно это. Что касается меня, то я усматриваю это средство в следующем. Ведь изменения в играх молодых людей все считают, как мы говорили раньше, просто игрой, в высшей степени несерьезной... Здесь не принимают в расчет вот чего: те дети, которые вводят новшества в свои игры, неизбежно станут взрослыми и при этом иными людьми, чем те дети, что были до них; а раз они станут иными, они будут стремиться и к иной жизни и в этом своем стремлении пожелают иных обычаев и законов. Но если дело идет об изменении нравов, когда люди нередко начинают хвалить то, что раньше порицали, и порицать то, что раньше хвалили, то, думаю я, к этому более, нежели к чему-то другому, надо бы отнестись с величайшей осмотрительностью. Всякий юноша, не говоря уже о стариках, увидев или услышав что-то редкостное и необычное, не уступит легко в трудном споре и не примет сразу решение, но остановится, очутившись словно бы на распутье. Один ли он совершает свой путь или с другими людьми, но, раз он не слишком хорошо знает дорогу, он будет спрашивать и самого себя, и других о том, что его затрудняет, и двинется дальше не прежде, чем исследует основательно свой путь и то, куда он ведет. Небезопасно чтить хвалебными

песнями и гимнами живых людей, пока они не пройдут свой жизненный путь и не увенчают его прекрасным концом. Человек, который, начиная с детства и вплоть до разумного, зрелого возраста, сживается с рассудительной и умеренной Музой, услышав враждебную ей Музу, презирает ее и считает неблагородной; кто же воспитался на расхожей, сладостной Музе, тот говорит, что противоположная ей Муза холодна и неприятна. Поэтому, как сейчас было сказано, в смысле приятности или неприятности ни одна из них не превосходит другую. Зато первая чрезвычайно улучшает жизнь людей, на ней воспитавшихся, вторая же – ухудшает. Следует признать, что все величавое и склоняющееся к смелости имеет мужественное обличье, то же, что тяготеет к скромности и благопристойности, более сродни женщинам... Я утверждаю, что в серьезных делах надо быть серьезным, а в несерьезных не надо. Этому-то и надо следовать; пусть каждый мужчина и каждая женщина пусть проводят свою жизнь, играя в прекраснейшие игры, хотя это и противоречит тому, что теперь принято. Каждый должен как можно дольше и лучше провести свою жизнь в мире. Так что же, наконец, правильно? Надо жить играя. Что ж это за игра? Жертвоприношения, песни, пляски, чтобы суметь снискать к себе милость богов, а врагов отразить и победить в битвах. Какой же образ жизни станут вести люди, в должной мере снабженные всем необходимым? Ремесла там поручены чужеземцам; земледелие предоставлено рабам, собирающим с земли жатву достаточную, чтобы люди жили в довольстве... Но неужели не осталось ни одного необходимого и вполне приличного дела для людей, соблюдающих такой распорядок? Или каждый из них должен лишь жить, жирея наподобие скота? Нет, утверждаем мы, это и несправедливо, и нехорошо, да и невозможно, чтобы живущего так не постигла должная кара. А состоит она в том, что праздное и беспечно разжиревшее существо становится добычей другого существа, закаленного мужеством и трудами. Мы утверждаем, что людям, живущим указанным способом, остается на долю очень немаловажное дело; наоборот, оно самое важное из всего, что предписывается справедливым законодательством. В самом деле, даже у тех, кто домогается победы в Пифийских или Олимпийских

играх, вовсе нет досуга для прочих житейских дел; вдвое или еще больше недосуг тому, кто проводит свою жизнь в заботах о всяческой добродетели, телесной и душевной, как это и было вполне правильно указано. Поэтому никакие посторонние занятия не должны служить помехой для того, что дает телу подобающую закалку в трудах, душе же – занятия и навыки. Кто станет осуществлять именно это и будет стремиться достичь достаточного совершенства души и тела, тому, пожалуй, не хватит для этого всех ночей и дней. Правители, бодрствующие по ночам в государствах, страшны для дурных людей как врагов, так и граждан, – но любезны и почтенны для людей справедливых и здравомыслящих; полезны они и самим себе, и всему государству. Без пастуха не могут жить ни овцы, ни другие животные; так и дети не могут обойтись без каких-то руководителей, а рабы без господ. Но ребенка гораздо труднее взять в руки, чем любое другое живое существо. Ведь чем меньше разум ребенка направлен в надлежащее русло, тем более становится он шаловливым, резвым и вдобавок превосходит дерзостью все остальные существа. Поэтому надо обуздывать его всевозможными средствами... ..Я нахожу, что речи наши во многом подобны поэзии. И может быть, ничего удивительного нет в том, что взирая на мои речи в целом, я испытываю радостное чувство. В самом деле, из большинства сказанных речей, которые я знаю или слышал в стихах или в прозе, они мне показались самыми сообразными и наиболее подходящими для слуха молодых людей. Что же касается возбуждения смеха и шуточного подражания в слове, пении и пляске действиям людей, безобразных телом и со скверным образом мыслей, то это еще нужно рассмотреть и объяснить. В самом деле, без смешного нельзя познать серьезного; и вообще противоположное познается с помощью противоположного, если только человек хочет быть разумным. Зато одновременно осуществлять то и другое невозможно, если опять-таки человек хочет быть хоть немного причастным добродетели. Но именно поэтому-то и надо ознакомиться со всем этим, чтобы по неведению не сделать и не сказать когда-то совершенно некстати чего-то смешного. Подобные подражания надо предоставить рабам и чужеземным наемникам. Никогда и ни в коем случае не

следует заниматься этим серьезно... Итак, вы – творцы, мы – тоже творцы. Предмет творчества у нас один и тот же. Поэтому мы с вами соперники и по искусству, и по состязанию в прекраснейшем действе. Один лишь истинный закон может по своей природе завершить наше дело; на него у нас и надежда. Так не ожидайте же, что когда-нибудь мы так легко позволим вам раскинуть у нас на площади шатер и привести сладкоголосых артистов, оглушающих нас звуками своего голоса; будто мы дадим вам витийствовать перед детьми, женщинами и всей чернью и об одних и тех же занятиях говорить не то же самое, что говорим мы, но большей частью даже прямо противоположное. В самом деле, мы – да и все государство в целом, – пожалуй, совершенно сошли бы с ума, если бы предоставили вам возможность делать то, о чем сейчас идет речь, если бы должностные лица не обсудили предварительно, допустимы ли и пригодны ли ваши творения для публичного исполнения или нет. Поэтому теперь вы, потомки изнеженных Муз, покажите сначала правителям ваши песнопения для сравнения с нашими. Если они окажутся такими же или если ваши окажутся даже лучшими, мы дадим вам хор. В противном случае, друзья мои, мы этого никогда не сможем сделать. Итак, для свободных людей остаются еще три предмета обучения: счет и арифметика составляют один предмет; измерение длины, плоскости и глубины второй; третий касается взаимного движения небесных светил... Трудиться над доскональным изучением всего этого большинству людей не надо, но только лишь некоторым. [...] Однако правильно говорится, что большинство людей не имеют необходимых сведений в этой области и пребывают в невежестве... Многого недостает человеку, чтобы стать божественным, если он не может распознать, что такое единица, два, три и вообще, что такое четное и нечетное; если он вовсе не смыслит в счете; если он не в состоянии рассчитать ночь и день; если он ничего не знает об обращении Луны, Солнца и остальных звезд. ...Но еще более боюсь я людей, прикоснувшихся к этим наукам, но прикоснувшихся плохо. Полное невежество вовсе не так страшно и не является самым великим из зол, а вот многоопытность и многознание, дурно направленные, – это гораздо более тяжкое наказание. Разве

все мы, эллины, не полагаем, что длина и ширина так или иначе соизмеримы с глубиной или что ширина и длина соизмеримы друг с другом? ...Это никоим образом невозможно... Все мы, эллины, заблуждаемся относительно великих богов – Солнца и Луны. [...] Мы говорим, что они никогда не движутся одним и тем же путем, так же как некоторые другие звезды, и поэтому мы их называем блуждающими. Друзья мои, это мнение о блуждании Луны, Солнца и остальных звезд неправильно. Дело обстоит как раз наоборот. Каждое из этих светил сохраняет один и тот же путь; оно совершает не много круговых движений, но лишь одно. Это только кажется, что оно движется во многих направлениях. Кроме законов есть и нечто иное, занимающее по своей природе среднее место между наставлением и законом. ...Законодатель должен не только начертать законы, но и, кроме того, включить в свой набросок мнение о том, что прекрасно и что нет. А образцового гражданина это должно обязывать ничуть не меньше, чем предписания, за неисполнение которых законы грозят наказанием.

Книга 8

Афинянин. В самом деле, общность души и тела ничуть не лучше их разобщения, я это серьезно готов утверждать. Поэтому государство наше, как и любой отдельный в нем человек, должно жить счастливо, а те, кто счастливо живет, по необходимости должны прежде всего не обижать друг друга и не подвергаться обидам со стороны других. Первое из двух этих условий не столь уж трудное, но очень трудно обладать такой силой, чтобы не подвергаться обидам. [...] И раз дело обстоит таким образом, каждый должен упражняться в войне не на войне, а в мирной жизни. Поэтому разумное государство должно уделять воинским упражнениям в лагерях каждый месяц не меньше одного дня, лучше же – больше, если так решат правители; при этом не надо бояться ни холода, ни жары. ...Надо, чтобы при этом происходили торжественные бои, по возможности наглядно воспроизводящие настоящие. Для каждого отдельного состязания надо установить победные награды и отличия. Граждане будут восхвалять друг друга или порицать, смотря по тому, каким кто себя выкажет на

состязаниях, да и вообще в своей жизни. По всей стране граждане должны будут вступать друг с другом в борьбу, борясь за захват каких-нибудь мест, устраивая засады и вообще подражая военным действиям. Они будут метать ядра и пускать стрелы, по возможности подобные настоящим, пользуясь не совсем безопасными снарядами, чтобы это была не просто безопасная взаимная забава, но присутствовал бы и страх, тогда обнаружится, у кого есть присутствие духа, а у кого нет. Первым оказывается почет, вторые же предаются бесчестью. Таким образом, все государство, пока оно существует, все время должным образом готовится к настоящему бою. Если при этом кто-нибудь даже лишится жизни, то, поскольку убийство произошло невольно, руки убийцы считаются чистыми, после того как он по закону совершит очищение. Законодатель держится того мнения, что смерть немногих людей будет восполнена рождением других, притом не худших, чем были погибшие. Если же исключить здесь страх, то нельзя будет найти средство отличать лучших людей от худших, а это будет для государства значительно большей бедой. ...Из-за страсти к богатству, поглощающей весь досуг, люди не заботятся ни о чем, кроме своего собственного достатка. [...] Это и следует признать одной из причин, почему государства не желают серьезно вводить как упомянутые обычаи, так и вообще любой другой достойный обычай. Из-за ненасытной страсти к золоту и серебру всякий готов прибегнуть к любым уловкам и средствам, достойные ли они или нет, лишь бы разбогатеть. Благочестив ли поступок или нечестен и безусловно позорен, это его не трогает, лишь бы только обрести обильную пищу, питье и, словно зверь, предаваться всевозможному сладострастию. [...] Следовательно, то, о чем я говорю, есть одна из причин, не дающих государствам развивать хорошие навыки в чем бы то ни было, в том числе и в военном искусстве. Из людей, по природе своей вообще-то порядочных, она создает купцов, корабельщиков, всевозможных прислужников; из храбрецов разбойников, подкапывателей стен, святотатцев, драчунов и тиранов; иной раз они даже вовсе не плохи, но так уж им не повезло. ...Причиной служит также и государственный строй: демократический, олигархический, тиранический.

Впрочем, ни то, ни другое, ни третье не есть даже государственный строй, все это скорее может быть названо длительной междоусобицей, ибо ни одно из этих устройств не принимается добровольно, но держится постоянным насилием и произволом, подавляющим волю подданных. Властитель же, опасаясь своих подданных, добровольно никогда не допустит, чтобы они стали достойными, богатыми, сильными, мужественными и вообще сведущими в ратном деле. Таковы две главные причины почти всех бед... Однако ни той, ни другой причине нет места в том государстве, о котором у нас идет речь и для которого мы устанавливаем законы. У граждан там будет величайший досуг; они не будут зависеть друг от друга: думаю, что при таких законах они совсем не будут сребролюбивыми. Поэтому только такое государственное устройство из всех существующих ныне, естественное и одновременно разумное, сможет осуществить то воспитание, о котором мы говорили, и те военные забавы, обсуждение которых мы правильно завершили в нашей беседе. В наше время для этого, видно, нужен очень отважный человек, который особо бы чтит откровенность и не скрывает своего мнения относительно высшего блага для государства и граждан, который установил бы среди людей с порочной душой должные правила поведения, соответствующие всему государственному порядку. Ему пришлось бы восстать против самых сильных страстей; ни один человек не пришел бы ему на помощь; в полном одиночестве он следовал бы одним лишь доводам разума. ...Всякий станет осуждать мягкотелость человека, который уступает удовольствиям и не в состоянии им сопротивляться. И разве любой не подвергнет порицанию того человека, который решается на подражание образу женщины. Они отважились воздерживаться от того, что большинство называет блаженством, ради победы в борьбе, в беге и других таких состязаниях; так неужели же наши дети не совладают с собой ради гораздо лучшей победы? Чарующую красоту этой победы мы, естественно, станем изображать им с самого детства в мифах, изречениях и песнях. Клиний. Какая же это победа? Афинянин. Победа над удовольствиями, которая сделает блаженной их жизнь; уступка же удовольствиям повлечет за собой жизнь совершенно иную.

Все развращенные по своей природе люди – мы их называем побежденными собственной слабостью – составляют один род; остальные три рода граждан окружают их со всех сторон и принуждают не преступать законов. Бывает, что соседи причиняют друг другу много мелочного вреда, и это, часто повторяясь, порождает тягостное чувство вражды, так что соседство становится невыносимым и горьким. Поэтому каждый сосед должен всячески остерегаться, чтобы не подать соседу повода к вражде как вообще, так и в особенности при запашке чужой земли. Причинить вред вовсе не трудно – это может всякий, а вот оказать помощь доступно не всякому. Нельзя требовать, чтобы верховный устроитель государства установил законы для всех мелочей – такие законы по плечу и любому законодателю.

Книга 9

Афинянин. Устанавливать законы для предотвращения подобных проступков и наказания за них, коль скоро они совершены, в предположении, что такие люди непременно встретятся, – вот в этом-то, повторяю, и есть что-то позорное. Мы ведь не то что древние законодатели. ...Законы свои они давали детям богов, героям, то есть существам также божественным. Нет, мы – люди и даем теперь законы семени людей; поэтому мы вправе бояться, что у нас встретятся граждане с природой неподатливой, точно рог, так что их ничем не проймешь. Впрочем, не хотелось бы даже думать, что получивший правильное воспитание гражданин может когда-либо остро заболеть этой болезнью, зато много попыток подобного рода можно ожидать со стороны принадлежащих гражданам слуг, чужеземцев и их рабов. Дело в том, что по закону ни одно наказание не имеет в виду причинить зло. Нет, наказание производит одно из двух действий: оно делает наказываемого либо лучшим, либо менее испорченным. Вообще никто никогда не должен оставаться безнаказанным за какой бы то ни было проступок, даже если совершивший его бежал за пределы государства. Кто стремится сделать законы рабами людей и заставляет государство подчиняться партиям, того, раз он при этом прибегает к насилию,

возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отъявленным врагом государства в целом. А кто, хотя и не имеет ничего общего ни с кем из подобных людей, при отправлении главнейших государственных должностей не обратил внимания на такие явления или, хотя и обратил, из трусости не встал на защиту отечества, – такого гражданина следует числить на втором месте в смысле испорченности. Посрамление и наказание отца не распространяются ни на кого из детей, исключение составляют те дети, чей отец и деде, и отец деда – все подряд были присуждены к смерти. Эти записи должны походить на людей разумных и любвеобильных, подобных отцу и матери. Неужели надо считать дело оконченным, если на стенах будут начертаны законы, подобные тирану и деспоту, полные угроз? Не надо беспокоиться, если в ходе законодательного труда мы одно уже сумели установить, другое же пока только подвергаем рассмотрению. Ведь мы еще не законодатели; мы только ими становимся и, возможно, скоро станем. Вспомним, что раньше мы прекрасно сказали: относительно справедливости у нас царит полнейшая сумятица и неразбериха. Так вот, пусть не считают при рассмотрении любого вреда, нанесенного несправедливостью, что здесь бывает два вида несправедливых поступков: во-первых – умышленные, во-вторых – неумышленные. Дело в том, что вред, причиняемый невольно, встречается не реже и вредит не меньше всякого рода добровольно причиняемого вреда. Дело, пожалуй, друзья мои, вот в чем: не потому приходится попросту считать одно справедливым, а другое несправедливым, что человек дал кому-нибудь что-то свое или, наоборот, отнял у кого-нибудь что-то; нет, законодателю надо смотреть, каковы были по отношению к справедливости намерения и образ действий человека, когда он оказал кому-нибудь услугу или нанес какой-нибудь вред. Надо обращать внимание на две различные стороны: на справедливость и на вред. С помощью законов надо, насколько возможно, возместить нанесенный вред, спасая то, что гибнет, поднимая то, что по чьей-то вине упало, и лечя то, что умирает или ранено. Коль скоро проступок искуплен возмездием, надо попытаться с помощью законов из каждого случая раздоров и вреда сделать повод для

установления между виновником и пострадавшим дружеских отношений. В свою очередь что касается несправедливого нанесения вреда из-за корысти, когда кто-то, причиняя другому несправедливость, обогащается, то, поскольку здесь зло исцелимо, его надо исцелить, считая это душевной болезнью. Если законодатель заметит, что человек тут неисцелим, то какое наказание определит он ему по закону? Законодатель осознает, что для самих этих людей лучше прекратить свое существование, расставшись с жизнью; тем самым они принесли бы двойную пользу всем остальным людям: они послужили бы для других примером того, что не следует поступать несправедливо, а к тому же избавили бы государство от присутствия дурных людей. Таким образом, законодатель вынужден назначить в наказание таким людям именно смерть, а не что-то иное.

...В самой душе по природе есть либо какое-то состояние, либо какая-то ее часть – яростный дух; это сварливое, неодолимое свойство внедрилось в душу и своей неразумной силой многое переворачивает вверх дном. [...] А удовольствие мы не отождествляем с яростным духом. Оно владычествует, говорили мы, благодаря силе, противоположной этому духу. С помощью убеждения, соединенного с насилием и обманом, оно осуществляет все, чего только не пожелает. [...] Не будет ошибкой в качестве третьей причины проступков указать на невежество. Со стороны законодателя было бы лучше разделить это невежество на два вида: простое невежество, которое можно считать причиной легких проступков, и двойное, когда невежда одержим не только неведением, но и мнимой мудростью, – точно он вполне сведущ в том, что ему вовсе неизвестно. Если сюда присоединяется сила и мощь, то это можно считать причиной крупнейших и грубейших проступков; если же сюда присоединяется слабость, то возникают детские и старческие заблуждения. Пожалуй, все мы признаем, что одни из нас сильнее удовольствий и ярости, а другие – слабее. Но неслыханно, чтобы одни из нас были сильнее невежества, а другие слабее. Все эти три свойства – [яростный дух, склонность к удовольствиям и невежество] – заставляют нас искать удовлетворения их желаний и нередко влекут нас в противоположные стороны. [...] Так вот, теперь я могу ясно и прямо определить, как я понимаю

различие между справедливостью и несправедливостью. Тираническое господство в душе ярости, страха, удовольствия, страдания, зависти и страстей я считаю несправедливостью вообще, все равно, наносит это кому-нибудь вред или нет. Напротив, господство в душе представлений о высшем благе, каких бы воззрений ни держалось государство или частные лица на возможность его достижения, делает всякого человека порядочным. Хотя бы он и совершил какой-нибудь ложный шаг, все равно надо считать вполне справедливым поступок, совершенный подобным образом, и все, что происходит под руководством такого начала, является наилучшим для человеческой жизни. Многие относят такое нанесение вреда к невольной несправедливости. Мы сейчас не станем спорить из-за названий, зато в первую очередь как можно лучше запомним выяснившееся сейчас наличие трех видов проступков. Итак... ярость и страх составляют у нас один их вид. [...] Второй вид проступков проистекает из-за удовольствий и, с другой стороны, из-за страстей; третий вид связан со стремлением к осуществлению надежд и правильного мнения о наивысшем благе. Самое великое зло – это господство страсти, когда душа дичает от вожделений. Всего более это проявляется в том, к чему у большинства имеется самое глубокое и сильное вожделение, то есть в силе, которая вследствие дурных природных свойств и воспитания порождает тысячи побуждений к ненасытному и беспредельному стяжанию имущества либо денег. Причиной же невоспитанности служит распространенное среди эллинов и варваров мнение, превратно восхваляющее богатство. Признавая богатство первым из благ между тем как на самом деле оно стоит лишь на третьем месте, – они портят и самих себя, и свое потомство. Насколько лучше и прекраснее было бы, если бы во всех государствах господствовал истинный взгляд на богатство: оно существует ради тела, тело же существует ради души. Раз имеются блага, ради которых и существует богатство, значит, его надо поставить на третье место – после телесных и душевных качеств. Положение это учит, что человек, желающий быть счастливым, должен не стремиться к обогащению, но быть богатым, сохраняя справедливость и рассудительность. В этом случае в

государствах не было бы убийств, которые требуют для своего искупления других убийств. [...] На втором месте стоит честолюбие, порождающее в одержимой им душе зависть, которая с трудом уживается прежде всего со своим владельцем, а затем и с лучшими людьми в государстве. На третьем месте стоят низменные и несправедливые страхи, которые вызывают много убийств... Как мы различили разные виды убийства, так нужно различать и виды ранений: одни из них причиняются невольно, другие – в состоянии ярости, третьи – под влиянием страха, четвертые – с сознательным умыслом. Относительно всего этого надо предварительно сказать вот что: людям необходимо установить законы и жить по законам, иначе они ничем не будут отличаться от самых диких зверей. Причина здесь та, что природные качества человека далеко не достаточны, чтобы распознавать все полезное для человеческого общежития или, даже распознав это, всегда быть в состоянии осуществлять высшее благо и стремиться к нему. Прежде всего трудно распознать, что истинное искусство государственного правления печется не о частных, но об общих интересах ведь эта общность связует, частные же интересы разрывают государство – и что как для того, так и для другого, то есть для общего и для частного, полезно, если общее устроено лучше, чем частное. Во-вторых, даже если кто распознает, что от природы обстоит все именно так, и усвоит это в достаточной мере на деле, то впоследствии, став неограниченным и самовластным главой государства, он ни в коем случае не сумеет остаться при этих взглядах и не сочтет нужным всю свою жизнь поддерживать в государстве общие нужды, предоставляя частным нуждам следовать за общими. Нет, смертная его природа всегда будет увлекать его к корысти и служению своим личным интересам. Безрассудно избегая страданий и стремясь к удовольствиям, она поставит их выше того, что более справедливо и лучше. Себя самое она ввергнет в мрак и в конце концов преисполнит всяческим злом и себя, и все государство в целом. Ведь если бы по воле божественной судьбы появился когда-нибудь человек, достаточно способный по своей природе к усвоению этих взглядов, то он вовсе не нуждался бы в законах, которые бы им управляли. Ни закон, никакой бы то ни было распорядок не стоят

выше знания. Не может быть разум чьим-то послушным рабом; нет, он должен править всем, если только по своей природе подлинно свободен. Но в наше время этого нигде не встретишь, разве что только в малых размерах. Поэтому надо принять то, что после разума находится на втором месте, – закон и порядок, которые охватывают своим взором многое, но не могут охватить всего.

Книга 10

Афинянин. Из прочих зол величайшим является распущенность и дерзость молодежи, в особенности велико зло, если это проявляется по отношению к государственным святыням... Вторыми по степени важности являются оскорбления, наносимые частным святыням и могилам. Но законам о каре, которую должен понести человек, словом или делом оскорбляющий богов, надо предпослать наставление. А наставление это будет таким: никто из тех, кто, согласно с законами, верит в существование богов, никогда намеренно не совершит нечестивого дела и не выскажет незаконного слова. Человек – это может сделать в одном из трех случаев: либо, повторяю, если он не верит в существование богов, либо (второй случай) хотя и верит в их бытие, но отрицает их вмешательство в людские дела, либо, наконец (третий случай), если человек полагает, будто богов легко склонить в свою пользу и умиловить жертвами и молитвами. ...Пусть подвергнутся нашему порицанию сочинения нового поколения мудрецов, поскольку они являются причиной зол. Вот что влекут за собой сочинения подобных людей: мы с тобой, приводя доказательства существования богов, говорим об одном и том же – о Солнце, Луне, звездах, Земле – как о богах, о чем-то божественном. Люди же, переубежденные этими мудрецами, станут возражать: все это – только земля или камни и, следовательно, лишено способности заботиться о делах человеческих. Не выносить и ненавидеть людей, которые были и поныне являются причиной этих наших речей, неизбежно. Они знают понаслышке, да и видят сами, что эллины и все варвары как при различных несчастьях, так и при полном благополучии преклоняют колени и повергаются ниц при восходе и закате Солнца и Луны,

показывая этим не только полную свою уверенность в бытии богов, но и то, что у них на этот счет даже не возникает сомнения. Однако ко всему этому люди эти относятся с презрением... Сможет ли тут кто-нибудь быть кротким в увещеваниях, если приходится, уча о богах, начинать с доказательства их бытия! Однако отважимся на это! Некоторые учат, что все вещи, возникающие, возникшие и те, что должны возникнуть, обязаны своим возникновением частью природе, частью искусству, а частью случаю. Выразусь еще яснее: огонь, вода, земля и воздух – все это, как утверждают, существует благодаря природе и случаю; искусство здесь ни при чем. В свою очередь из этих [первоначал], совершенно неодушевленных, возникают тела Земля, Солнце, Луна и звезды. Каждое из этих [первоначал] носилось по воле присущей ему случайной силы, и там, где они сталкивались, они прилаживались друг к другу... Словом, все необходимо и согласно судьбе смешалось путем слияния противоположных [первоначал]; так-то вот, утверждают они, и произошло все небо в целом и все то, что на нем, а также все животные и растения. Отсюда будто бы пошла, и смена времен года, а вовсе не благодаря уму или какому-нибудь божеству либо искусству: они учат, повторяю, будто все это произошло благодаря природе и случаю. Искусство же возникло и всего этого позднее; оно смертно само и возникло из смертного позднее, в качестве некой забавы, не слишком причастной истине... Стало быть, из искусств только те порождают что-либо серьезное, которые применяют свою силу сообща с природой, таковы, например, врачевание, земледелие и гимнастика. Ну а в государственном управлении, утверждают эти люди, разве лишь незначительная какая-то часть причастна природе, большая же часть искусству. Стало быть, и всякое законодательство обусловлено будто бы не природой, но искусством, вот почему эти положения и далеки от истины. О богах, мой милый, подобного рода люди утверждают прежде всего следующее: боги существуют не по природе, а в силу искусства и некоторых законов, причем в различных местах они различны сообразно с тем, какими какой народ условился их считать при возникновении своего законодательства. Точно также и прекрасно по природе одно, а по закону –

другое; справедливого же вовсе нет по природе. Законодатели пребывают относительно него в разногласии и постоянно вносят здесь все новые и новые изменения. Эти изменчивые постановления законодателей, каждое в свой черед, являются господствующими для своего времени, причем возникают они благодаря искусству и определенным законам, а не по природе. ...Приверженцы упомянутых учений, как кажется, смотрят на огонь, воду, землю и воздух как на первоначала всех вещей, и именно это-то они и называют природой. Душу же они выводят позднее из этих первоначал. Что такое душа, мой друг, это, кажется, неведомо почти никому – какова она, какое значение она имеет, каковы прочие ее свойства, в особенности же каково ее возникновение, ведь она – нечто первичное, возникшее прежде всех тел, и потому она более чего бы то ни было властна над всякого рода изменениями и переустройствами тел. Раз дело обстоит так, не правда ли, необходимо, чтобы то, что сродно душе, возникло прежде того, что принадлежит телу, так как душа старше тела? Следовательно, мнение, забота, ум, искусство и закон существовали раньше жесткого, мягкого, тяжелого и легкого. Рано возникли и великие первые творения, и свершения искусства, так как они существуют среди первоначал; а то, что существует по природе, и сама природа... возникло позднее из искусства и разума и им подвластно. Нам надо всячески остерегаться, как бы это лукавое учение, подобающее лишь молодым людям, не переубедило нас, стариков... Да, часть предметов движется, а часть пребывает в покое. Конечно, стоящие предметы стоят, а движущиеся движутся в каком-нибудь пространстве? Под предметами же, движущимися во многих местах, ты, мне кажется, разумеешь такие, которые путем перемещения постоянно меняют свое место на новое... Между всеми этими вещами происходят столкновения, при этом несущиеся предметы раскалываются о стоящие... сливаются воедино... При такого рода объединении предметы увеличиваются, а при раскалывании погибают... А при каком состоянии происходит возникновение всех вещей? Так вот, одним из этих видов движений пусть будет такое, которое может приводить в движение другие предметы, а само себя – никогда. Другим же, опять-таки отдельным среди всех видов движения,

будет такое, которое всегда может приводить в движение и себя, и другие предметы... Необходимо признать, что движение, способное двигать само себя, неизмеримо выше других; все остальные виды движения стоят на втором месте. ...Если один предмет у нас производит изменение в другом, а тот, другой, в свою очередь всегда производит изменение в третьем, то найдется ли среди подобных предметов такой, который впервые произвел это изменение? И может ли предмет, движимый иным предметом, стать первым из предметов, вызывающих изменения? Ведь это невозможно. Зато, когда предмет движет сам себя и изменяет другой предмет, а этот другой – третий и так далее, то есть когда движение сообщается бесчисленному количеству предметов, то найдется ли какое-либо иное начало движения всех этих предметов, кроме изменения этого движущего самого себя предмета? Зададим себе еще такой вопрос и сами же на него ответим: если бы все вещи тотчас же после своего возникновения остались неподвижными... какое движение из перечисленных выше должно было бы необходимо возникнуть среди них первым? Разумеется, то, что движет само себя. В самом деле: до того времени оно не могло подвергнуться изменению под влиянием другого [предмета], потому что в вещах тогда вовсе не было перемен. Следовательно, первоначало всех видов движений, первым зародившееся среди стоящих вещей и движимых, есть, по нашему признанию, самодвижущееся, наиболее древнее и сильное из всех изменений; а ту вещь, что изменяется под влиянием другой и затем приводит в движение другие вещи, мы признаем вторичной. Не допускаешь ли ты также, что о каждой вещи мы можем мыслить трояко? [...], во-первых, сущность вещи, во-вторых, определение этой сущности, в-третьих, ее название. Каково же определение того, чему имя «душа»? Разве существует другое какое-либо определение, кроме только что данного: «душа – это движение, способное двигать само себя»? ...Душа есть то же самое, что первое возникновение и движение вещей существующих, бывших и будущих, а равным образом и всего того, что этому противоположно, коль скоро выяснилось, что она – причина изменения и всяческого движения всех вещей. Не правда ли, движение какого-либо предмета, вызванное другим предметом и

никогда и ни в чем не проявляющееся как движение само по себе, вторично? И какими бы незначительными числами ни измеряли мы продолжительность этого движения, все же оно останется изменением на самом деле неодушевленного тела. Вспомним же то, о чем мы согласились раньше: если окажется, что душа старше тела, то и все относящееся к душе будет старше всего относящегося к телу. [...] Стало быть, нравственные свойства, желания, умозаключения, истинные мнения, заботы и память возникли раньше, чем длина тел, их ширина, толщина и сила, — коль скоро душа возникла раньше тела. Не следует ли признать, что душа, правящая всем и во всем обитающая, что многообразно движется, управляет также и небом? [. ..] Но одна ли [душа] или многие? Я отвечу за вас: многие. Ибо мы никак не можем предположить менее двух — одной благодетельной и другой, способной совершать противоположное тому, что совершает первая. [...] Итак, душа правит всем, что есть на небе, на земле и на море, с помощью своих собственных движений, названия которым следующие: желание, усмотрение, забота, совет, правильное и ложное мнение, радость и страдание, отвага и страх, любовь и ненависть. Правит она и с помощью всех родственных этим и первоначальных движений, которые в свою очередь вызывают вторичные движения тел и ведут все к росту либо уничтожению, к слиянию либо к расщеплению и к сопровождающему все это теплу и холоду, тяжести и легкости, жесткости и мягкости, белизне или черному цвету, к кислоте или сладости. Пользуясь всем этим, душа, восприняв к тому же поистине вечно божественный ум, пестует все и ведет к истине и блаженству. Встретившись же и сойдясь с неразумием, она ведет все в противоположном направлении. ...Ведь если путь перемещения неба, со всем на нем существующим, имеет природу, подобную движению, кругообращению и умозаключениям Ума, если то и другое протекает родственным образом, значит, очевидно, должно признать, что о космосе в его целом печется лучший род души и ведет его по наилучшему пути. Если же [космос] движется неистово и нестройно, то надо признать, что это дело злой души. Какую же природу имеет движение Ума? [...] Подобно тому как те, кто среди бела дня смотрит прямо на Солнце, чувствуют себя так, словно кругом

ночь, и мы не скажем, будто можем когда-либо увидеть Ум смертными очами и достаточно познать. Безопаснее мы усмотрим это, если станем взирать на образ того, о чем нас спрашивают. [...] Надеюсь, мы не покажемся плохими творцами словесных образов, если скажем, что оба, и разум, и совершающееся на одном месте движение, движутся наподобие выточенного волчка тождественным образом, на одном и том же месте, вокруг одного и того же [центра], постоянно сохраняя по отношению к одному и тому же одинаковый порядок и строй. Точно так же разве не было бы сродни всяческому неразумию движение, никогда не совершающееся тождественным образом, в одном и том же месте, вокруг одного и того же, – движение без определенного отношения к одному и тому же [центру], происходящее в беспорядке, без всякой последовательности? Теперь уже очень легко с точностью сказать, что раз душа производит у нас круговращение всего, то по необходимости надо признать, что попечение о круговом вращении неба и упорядочение его принадлежит благой душе. [...] Если душа вращает все, то, очевидно, она же вращает и каждое в отдельности – Солнце, Луну и другие звезды. [...] Всякий человек видит тело Солнца, душу же его никто не видит. Равным образом никто вообще не видит души тел одушевленных существ – ни живых, ни мертвых. Существует полная возможность считать, что род этот по своей природе совершенно не может быть воспринят никакими нашими телесными ощущениями и что он лишь умопостигаем. Эту душу, все равно, провозит ли она Солнце в колеснице, давая всем свет, или же воздействуя на него извне, либо действует каким-то другим образом, всякий человек должен почитать выше Солнца и признавать богом. Не правда ли? Нам следует перейти к увещанию того, кто признает бытие богов, но отрицает их промысел над людскими делами. Ведь если действительно невозможно иметь попечение сразу обо всем, то это уже не будет небрежением со стороны того, кто не печется о малом... Значит, если боги небрегут малым и незначительным во Вселенной, остается считать, что они поступают так в сознании, что вообще не должно иметь о таких вещах попечение. Мы признаем, что все смертные существа, равно как и все небо, – это достояние богов.

...Верховный правитель видел, что все наши дела одухотворены и что в них много добродетели, но и много порока... Обратив внимание на все это, он придумал такое место для каждой из частей, чтобы во Вселенной как можно вернее, легче и лучше побеждала бы добродетель, а порок был бы побежден. Для всего этого он придумал, какое место должно занимать все возникающее. Что касается качества возникающего, то он предоставил это воле каждого из нас, ибо каждый из нас большей частью становится таким, а не иным сообразно с предметом своих желаний и качеством своей души. [...] Итак, все, что причастно душе, изменяется, так как заключает в самом себе причину изменения; при этом все перемещается согласно закону и распорядку судьбы. Если же душа, по своей ли собственной воле или под сильным чужим влиянием, изменяется больше в сторону добродетели, то, слившись с божественной добродетелью, она становится особенно добродетельной и переносится на новое, лучшее и совершенно святое место. В противном же случае – изменившись в сторону зла – она переносит свою жизнь туда, куда подобает. Если ты станешь хуже, то отправишься к дурным душам, если же лучше, то к лучшим. Вообще и при жизни, и после смерти каждый испытывает и делает то, что ему свойственно. [...] Кто не понимает этой причастности, тот никогда не найдет образца для своей жизни и не будет в силах дать себе отчет в том, от чего зависит счастливая или несчастная доля. Тот, кто говорит, будто боги всегда готовы простить несправедливых людей и тех, кто творит несправедливые поступки, лишь бы кто-то из них уделил им часть своей несправедливой добычи, необходимо должен утверждать следующее: если бы волки уделяли малую часть своих хищений собакам, те, будучи укрощены дарами, позволили бы расхитить все стадо. Разве не таково рассуждение тех, кто утверждает, что богов можно умилостивить? Богов нельзя сравнить ни с военачальниками, ни с врачами, ни с земледельцами, ни с пастухами, ни тем паче с собаками, которых заворожили волки... Если мы хоть отчасти принесли пользу и убедили подобного рода людей возненавидеть самих себя и полюбить противоположный образ мыслей, то наше вступление к законам о нечестии сделано удачно.

Книга 11

Афинянин. Дорогой Клиний, лишь небольшая часть исключительных по своей природе людей, получивших превосходное воспитание, может держать себя в надлежащих границах, когда сталкивается с какими-нибудь нуждами и вожделениями. Люди эти могут оставаться трезвыми, когда представляется возможность добыть много денег, могут предпочесть умеренное многому. Огромное большинство людей поступает как раз наоборот: их желания неумеренны, и, хотя возможно извлекать умеренную прибыль, они предпочитают быть ненасытными. Вот почему находятся на плохом счету и признаются чрезвычайно постыдными занятия мелкого торговца, крупного купца и содержателя гостиницы. ...Содержатели гостиниц ради мелкой торговли строят свои жилища в пустынных местах, где скрещиваются много дальних дорог; здесь они дают желанный приют нуждающимся в нем путникам, доставляют им теплый и безмятежный кров... Но после содержатель гостиницы вовсе не считает, что он принял своих друзей и оделил их дружескими подарками; нет, он относится к ним как к попавшим в плен врагам и отпускает их на волю лишь за огромный несправедливый и грязный выкуп. Вот такие-то бесчинства во всех этих делах и являются причиной того, что подобные занятия правильно бывают на плохом счету, хотя они должны были бы помогать людям в затруднительных положениях. Так вот и для этого, как всегда, законодателю надо приготовить лекарство. Впрочем, давно уже сказано, что трудно сражаться сразу с двумя, да вдобавок еще противоположными бедами, как это бывает при болезнях и во многих других случаях. И теперь нам предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и богатством. Богатство развратило душу людей роскошью, бедность их вскормила страданием и довела до бесстыдства. Друзья, сегодня вы здесь, а завтра вас здесь не будет. Вам нелегко разобраться сейчас в вашем имущественном положении, да и в самих себе (Как советует Пифийская надпись). И вот я как законодатель устанавливаю: вы не принадлежите самим себе и это имущество не принадлежит вам. Оно собственность всего вашего рода, как его предшественников, так и последующих поколений; более того, весь ваш

род и имущество – это собственность государства. ...Я установлю законы, приняв в расчет все то, что наиболее полезно всему государству и всему роду в целом. Этой цели я справедливо подчиню интересы каждого отдельного человека. А вы благосклонно и внимательно следуйте тем путем, который свойствен человеческой природе. Нашей же задачей будет позаботиться о прочих ваших делах, что мы и сделаем по мере возможности с величайшей тщательностью, ничего не упуская из виду. Не скроем тягостной стороны таких законов... По-видимому здесь упускается из виду, что среди людей подобные требования встретят тысячи препятствий; им не захотят повиноваться, скорее соглашаясь подвергнуться чему угодно, чем вступить в брак против воли, в особенности с лицами больными или увечными телесно или духовно. Возможно, некоторым покажется, будто законодатель совсем не взвесил этого. Но это предположение неверно. Итак, в защиту законодателя и тех людей, кому он дает законы, надо предпослать, пожалуй, некое общее вступление и обратиться к подвластным с просьбой извинить законодателя, если он в своих заботах об общем благе не всегда вместе с тем сможет устранить личные несчастья, случающиеся с каждым из граждан.

Книга 12

Афинянин. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: нет, всегда – и на войне, и в мирное время – надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. Даже в самых незначительных мелочах надо ими руководствоваться, например, по первому его приказанию останавливаться на месте, идти вперед, приступать к упражнениям, умываться, питаться, пробуждаться ночью для несения охраны и для исполнения поручений. [...] Словом, пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет возможно более сплоченной и общей. [...] Надо начальствовать над другими и самому быть у них под началом. А безначалие должно быть изъято из

жизни всех людей и даже животных, подвластных людям. Самое же главное – не следует портить силу головы и ног, облекая их лишними покровами, ведь этим губят данные нам природой головные уборы и подметки. Поддержание этих крайних частей в здоровом состоянии имеет весьма важное значение для всего тела, плохое же их состояние очень вредно: ноги служат всякому телу главными исполнителями, голова же – самым главным начальником... Если кто из граждан пожелает в течение большего срока наблюдать жизнь других людей, никакой закон им в этом не может препятствовать. Ведь государство, из-за своей необщительности не ознакомившееся на опыте с хорошими и дурными людьми, никогда не сможет быть достаточно кротким и совершенным. Да и законы невозможно соблюдать, если они будут восприняты не сознательно, а лишь в силу привычки. Среди прочих постоянно выделяются люди с божественным нравом, вполне достойные общения. Правда, их немного, и в государствах с благими законами они встречаются не чаще, чем там, где законы плохи. Человек, живущий в государстве с благими законами, должен постоянно, странствуя по морю и по суше, разыскивать следы таких людей, кто не испорчен, дабы с их помощью укрепить хорошие стороны узаконений, а упущения исправить. Без таких поисков государство не может быть вполне устойчивым, как и тогда, когда поиск выполняется плохо. Хороший судья должен впитать в себя эти сочинения как средство, предохраняющее от прочих учений, и совершенствовать как самого себя, так и свое государство с целью уготовить хорошим людям сохранение справедливости и ее развитие, а людям дурным – искоренение невежества, распущенности, трусости, короче говоря, всевозможной несправедливости, насколько это в его силах и насколько поддаются исцелению превратные мнения порочных людей. Для душ же тех людей, которым суждено иметь такие мнения, только смерть может быть исцелением. Поэтому прекрасно говорят о мертвых, что тело их лишь образ, сущность же каждого из нас бессмертна: она именуется душой, которая отходит к иным богам, чтобы отчитаться перед ними; как гласит дедовский закон, для человека хорошего этот отчет не страшен, а для дурного очень страшен и никакой серьезной помощи после смерти он ожидать не может.

Хорошие голова и душа спасают все живое. [...] Короче говоря, ум, слитый воедино с прекраснейшими ощущениями, с полным правом можно было бы назвать спасением всякого существа. Если государство не будет всего этого иметь, не будет ничего удивительного, коль скоро, лишенное ума и ощущений, оно в каждом деле станет отдаваться на волю случая. Самое же главное состоит в том, чтобы не блуждать, преследуя разные цели, но иметь в виду что-нибудь одно и все стрелы метать всегда в этом направлении. Теперь мы поймем, что нет ничего удивительного в блуждании государственных узаконений, раз в каждом государстве цели законодательства разные. Неудивительно также, что большей частью определяют справедливое положение вещей следующим образом: в одних государствах считают справедливой власть нескольких лиц независимо от того, лучше или хуже они остальных людей; в других – возможность обогащаться независимо от того, становятся ли при этом люди рабами других или нет; в третьих, все стремление направлено к свободной жизни; законодательство четвертых имеет две цели: самим быть свободными и властвовать над другими государствами. Наконец, есть государства, считающие себя самыми мудрыми, однако они сразу преследуют все эти цели и не могут указать той главной и единой цели, на которую должно быть направлено все остальное. Мы указали ту единую цель, которую должен иметь в виду ум – ум кормчего, врача или военачальника. Сейчас мы исследуем ум государственного мужа. Хорошо было бы обратиться к нему, как к человеку, с таким вопросом: «О удивительный, какова же твоя цель?». Разве мы не сказали, что в каждом деле выдающийся демиург и страж должен не только быть в силах наблюдать за многим, но должен еще стремиться к какой-то единой цели, знать ее и сознательно направлять к ней все, что он охватывает своим взором? [...] Разве есть более точный способ созерцания, чем, когда человек в состоянии отнести к одной идее множество непохожих вещей? ...Никто из людей не располагает более ясным методом. ...Она самая старшая и божественная из всех вещей, движение которых, соединившись со становлением, создало вечную сущность. Другой довод касается всеобщего движения: в нем наблюдается

стройный порядок, так как над светилами и прочими телами господствует все упорядочивающий ум. ...При неодушевленности тел, не обладающих умом, не могли бы быть выполнены столь удивительно точно все расчеты. ...Ум привел в стройный порядок все то, что находится на небе. Никто из смертных не может стать твердым в благочестии, если не усвоит двух только что указанных положений. Первое – что душа старше всего, что получило в удел рождение; она бессмертна и правит всеми телами; второе что в звездных телах, как мы не раз говорили, пребывает ум всего существующего. ...Нелегкой задачей будет найти, что именно надо изучать; нелегко также стать учеником того, кто это нашел. Вдобавок есть еще определенный срок, предназначенный для усвоения. [...] Ведь даже самым обучающимся неясно, какое требуется время для изучения, пока каждый в глубине души не приобрел знаний по этому предмету. Если сказать, что никакие сокровенные знания недоступны, то это будет неправильно, ибо они недоступны в том смысле, что им нельзя предпослать предварительных разъяснений. Действительно, только тогда вполне, можно сказать, наяву осуществится то, чего мы коснулись в нашей предшествующей беседе как бы во сне, слив воедино образ главы и ума.

Источник:

Платон.

Законы.

URL:

http://www.lib.ru/POEEAST/PLATO/zakony.txt_with-big-pictures.html

АРИСТОТЕЛЬ

Аристотель (384-322 гг. до н.э.) – древнегреческий философ, основатель античной политической науки. Родина Аристотеля – греческий город-полис Стагира во Фракии. Поэтому иногда Аристотеля именуют Стагиритом. Основные работы: «Политика».

ПОЛИТИКА

Книга первая

I

1. Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся (stokhadzontai) к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим.

2. Неправильно говорят те, которые полагают, будто понятия «государственный муж», «царь», «домохозяин», «господин» суть понятия тождественные. Ведь они считают, что эти понятия различаются в количественном, а не в качественном отношении; скажем, господин – тот, кому подвластно небольшое число людей; домохозяин – тот, кому подвластно большее число людей; а кому подвластно еще большее число – это государственный муж или царь; будто нет никакого различия между большой семьей и небольшим государством и будто отличие государственного мужа от царя состоит в том, что царь правит в силу лично ему присущей власти, а государственный муж отчасти властвует, отчасти подчиняется на основах соответствующей науки – политики. Это, однако, далеко от истины.

3. Излагаемое станет ясным при рассмотрении с помощью усвоенного нами ранее метода: как в других случаях, расчленив сложное на его простые элементы (мельчайшие части целого) и рассматривая, из чего состоит государство, мы из относительно перечисленных понятий лучше увидим, чем они отличаются одно от другого и возможно ли каждому из них дать научное

объяснение. И здесь, как и повсюду, наилучший способ теоретического построения состоял бы в рассмотрении первичного образования предметов.

4. Так, необходимость побуждает прежде всего сочетаться попарно тех, кто не может существовать друг без друга, – женщину и мужчину в целях продолжения потомства; и сочетание это обуславливается не сознательным решением, но зависит от естественного стремления, свойственного и остальным живым существам, и растениям, – оставить после себя другое подобное себе существо. [Точно так же в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу], в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим. Поэтому и господину, и рабу полезно одно и то же.

5. Но женщина и раб по природе своей два различных существа: ведь творчество природы ни в чем не уподобляется жалкой работе кузнецов, изготавливающих «дельфийский нож»; напротив, в природе каждый предмет имеет свое назначение. Так, всякий инструмент будет наилучшим образом удовлетворять своему назначению, если он предназначен для исполнения одной работы, а не многих. У варваров женщина и раб занимают одно и то же положение, и объясняется это тем, что у них отсутствует элемент, предназначенный по природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения – общение раба и рабыни. Поэтому и говорит поэт: «Прилично властвовать над варварами грекам»; варвар и раб по природе своей понятия тождественные.

6. Итак, из указанных двух форм общения получается первый вид общения – семья. Правильно звучит стих Гесиода: «Дом прежде всего и супруга, и бык-землепашец» (у бедняков бык служит вместо раба). Соответственно общение, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей,

есть семья; про членов такой семьи Харонд говорит, что они едят из одного ларя, а Эпименид Критянин называет их «питающимися из одних яслей».

7. Общение, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, – селение. Вполне естественно, что селение можно рассматривать как колонию семьи; некоторые и называют членов одного и того же селения «молочными братьями», «сыновьями», «внуками». Греческие государства потому вначале и управлялись царями (а в настоящее время то же мы видим у негреческих племен), что они образовались из элементов, признававших над собой царскую власть: ведь во всякой семье старший облечен полномочиями царя. И в колониях семей – селениях поддерживали в силу родственных отношений между их членами тот же порядок. Об этом именно и упоминает Гомер, говоря: «Правит каждый женами и детьми», ведь они жили отдельными селениями, как, впрочем, и вообще жили люди в древнейшие времена. И о богах говорят, что они состоят под властью царя, потому что люди – отчасти еще и теперь, а отчасти и в древнейшие времена – управлялись царями и, так же как люди уподобляют внешний вид богов своему виду, так точно они распространили это представление и на образ жизни богов.

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общения: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. Ведь мы называем природой каждого объекта – возьмем, например, природу человека, коня, семьи – то его состояние, какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием.

9. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо

политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске.

10. Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо.

11. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук, сохранится только наименование их, подобно тому как мы говорим «каменная рука»; ведь и рука, отделенная от тела, будет именно такой каменной рукой. Всякий предмет определяется совершаемым им действием и возможностью совершить это действие; раз эти свойства у предмета утрачены, нельзя уже говорить о нем как таковом: останется только его обозначение.

12. Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента

государства, становясь либо животным, либо божеством. Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо. Человек, нашедший свое завершение, – совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие – умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих половых и вкусовых позывах. Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения.

II

1. Уяснив, из каких элементов состоит государство, мы должны прежде всего сказать об организации семьи, ведь каждое государство складывается из отдельных семей. Семья в свою очередь состоит из элементов, совокупность которых и составляет ее организацию. В совершенной семье два элемента: рабы и свободные. Так как исследование каждого объекта должно начинаться прежде всего с рассмотрения мельчайших частей, его составляющих, а первоначальными и мельчайшими частями семьи являются господин и раб, муж и жена, отец и дети, то и следует рассмотреть каждый из этих трех элементов: что каждый из них представляет собой и каковым он должен быть.

2. [Отношения, существующие между тремя указанными парными элементами, можно охарактеризовать] так: господское, брачное (сожителство мужа и жены не имеет особого термина для своего обозначения) и третье – отцовское (и это отношение не обозначается особым термином). Пусть их будет три, именно названные нами (существует еще один элемент семьи, который, по мнению одних, и есть ее организация, а по мнению других, составляет главнейшую часть ее; я имею в виду так называемое искусство накопления; в чем оно состоит – мы разберем дальше). Остановимся прежде всего на господине и

рабе и посмотрим на их взаимоотношения с точки зрения практической пользы. Можем ли мы для уяснения этого отношения стать на более правильную сравнительно с имеющимися теориями точку зрения?

3. Дело в том, что, по мнению одних, власть господина над рабом есть своего рода наука, причем и эта власть, и организация семьи, и государство, и царская власть – одно и то же, как мы уже упомянули вначале. Наоборот, по мнению других, самая власть господина над рабом противостоит природе; лишь по закону один – раб, другой – свободный, по природе же никакого различия нет. Поэтому и власть господина над рабом, как основанная на насилии, несправедлива.

4. Собственность есть часть дома, и приобретение есть часть семейной организации: без предметов первой необходимости нельзя не только хорошо жить, но и вообще жить. Во всех ремеслах с определенно поставленной целью нужны бывают соответствующие орудия, если работа должна быть доведена до конца, и из этих орудий одни являются неодушевленными, другие – одушевленными (например, для кормчего руль – неодушевленное орудие, рулевой – одушевленное), потому что в искусствах ремесленник играет роль орудия. Так точно и для домохозяина собственность оказывается своего рода орудием для существования. И приобретение собственности требует массу орудий, причем раб – некая одушевленная собственность, как и вообще в искусствах всякий ремесленник как орудие стоит впереди других инструментов.

5. Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая, и уподоблялось бы статуям Дедала или треножникам Гефеста, о которых поэт говорит, что они «сами собой (αὐτομάτως) входили в собрание богов»; если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы. Орудия как таковые имеют своим назначением продуктивную деятельность (poiētika), собственность же является орудием деятельности активной (praktikon); ведь, пользуясь ткацким

челноком, мы получаем нечто иное, чем его применение; одежда же и ложе являются для нас только предметами пользования.

6. В силу специфического отличия продуктивной и активной деятельности, конечно, соответственно различны и те орудия, которые потребны для той и для другой. Но жизнь – активная деятельность (*praxis*), а не продуктивная (*poiesis*); значит, и раб служит тому, что относится к области деятельности активной. «Собственность» нужно понимать в том же смысле, что и «часть». Часть же есть не только часть чего-либо другого, но она вообще немыслима без этого другого. Это вполне приложимо и к собственности. Поэтому господин есть только господин раба, но не принадлежит ему; раб же не только раб господина, но и всецело принадлежит ему.

7. Из вышеизложенного ясно, что такое раб по своей природе и по своему назначению: кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом все-таки человек, тот по своей природе раб. Человек же принадлежит другому в том случае, если он, оставаясь человеком, становится собственностью; последняя представляет собой орудие активное и отдельно существующее.

После этого нужно рассмотреть, может ли или не может существовать по природе такой человек, т. е. раб, и лучше ли и справедливо ли быть кому-либо рабом или нет, но всякое рабство противно природе.

8. Нетрудно ответить на эти вопросы и путем теоретических рассуждений, и на основании фактических данных. Ведь властвование и подчинение не только необходимы, но и полезны, и прямо от рождения некоторые существа различаются [в том отношении, что одни из них как бы предназначены] к подчинению, другие – к властвованию. Существует много разновидностей властвующих и подчиненных, однако, чем выше стоят подчиненные, тем более совершенна сама власть над ними; так, например, власть над человеком более совершенна, чем власть над животным. Ведь, чем выше стоит мастер, тем совершеннее исполняемая им работа; но, где одна сторона властвует, а другая подчиняется, там только и может идти речь о какой-либо их работе.

9. И во всем, что, будучи составлено из нескольких частей, непрерывно связанных одна с другой или разъединенных, составляет единое целое, сказывается властвующее начало и начало подчиненное. Это общий закон природы, и, как таковому, ему подчинены одушевленные существа. Правда, и в предметах неодушевленных, например, в музыкальной гармонии, можно подметить некий принцип властвования; но этот вопрос может, пожалуй, послужить предметом специального исследования.

10. Живое существо состоит, прежде всего, из души и тела; из них по своей природе одно – начало властвующее, другое – начало подчиненное. Разумеется, когда дело идет о природе предмета, последний должен рассматриваться в его природном, а не в извращенном состоянии. Поэтому надлежит обратиться к рассмотрению такого человека, физическое и психическое начала которого находятся в наилучшем состоянии; на этом примере станет ясным наше утверждение. У людей же, испорченных или расположенных к испорченности в силу их нездорового и противного природе состояния зачастую может показаться, что тело властвует над душой.

11. Согласно нашему утверждению, во всяком живом существе прежде всего можно усмотреть власть господскую и политическую. Душа властвует над телом, как господин, а разум над нашими стремлениями – как государственный муж. Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души – быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души и, наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотношении.

12. То же самое положение остается в силе и в отношении человека и остальных живых существ. Так, домашние животные по своей природе стоят выше, чем дикие, и для всех домашних животных предпочтительнее находиться в подчинении у человека: так они приобщаются к своему благу (*soterias*). Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении. Тот же самый принцип неминуемо должен господствовать и во всем человечестве.

13. Все те, кто в такой сильной степени отличается от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного (это бывает со всеми, чья деятельность заключается в применении физических сил, и это наилучшее, что они могут дать), те люди по своей природе – рабы; для них, как и для вышеуказанных существ, лучший удел – быть в подчинении у такой власти. Ведь раб по природе – тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает. Что же касается остальных живых существ, то они не способны к пониманию приказаний рассудка, но повинуются движениям чувств.

14. Впрочем, польза, доставляемая домашними животными, мало чем отличается от пользы, доставляемой рабами: и те, и другие своими физическими силами оказывают помощь в удовлетворении наших насущных потребностей. Природа желает, чтобы и физическая организация свободных людей отличалась от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов; свободные же люди держатся прямо и не способны к выполнению подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни, а эта последняя разделяется у них на деятельность в военное и мирное время. Впрочем, зачастую случается и наоборот: одни имеют только свойственные свободным тела, а другие – только души.

15. Ясно, во всяком случае, следующее: если бы люди отличались между собой только физической организацией в такой степени, в какой отличаются от них в этом отношении изображения богов, то все признали бы, что люди, уступающие в отношении физической организации, достойны быть рабами. Если это положение справедливо относительно физической природы людей, то еще более справедливо установить такое разграничение относительно их психической природы, разве что красоту души не так легко увидеть, как красоту тела. Очевидно, во всяком случае, что одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо.

16. Нетрудно усмотреть, что правы в некотором отношении и те, кто утверждает противное. В самом деле, выражения «рабство» и «раб» употребляются в двояком смысле: бывает раб и рабство и по закону; закон является своего рода соглашением, в силу которого захваченное на войне называют собственностью овладевших им. Это право многие причисляют к противозакониям из тех, что иногда вносят ораторы: было бы ужасно, если бы обладающий большой физической силой человек только потому, что он способен к насилию, смотрел на захваченного путем насилия как на раба и подвластного себе. И одни держатся такого мнения, другие – иного, и притом даже среди мудрецов.

17. Причиной этого разногласия в мнениях, причем каждая сторона приводит в пользу защищаемого ею положения свои доводы, служит то, что и добродетель вполне может, раз ей даны на то средства, прибегать до известной степени к насилию; что всякого рода превосходство всегда заключает в себе преизбыток какого-либо блага, так что и насилию, кажется, присущ до известной степени элемент добродетели; следовательно, спорить можно только о справедливости. По мнению одних, со справедливостью связано благоволение к людям; по мнению других, справедливость заключается уже в том, чтобы властвовал человек более сильный.

18. При изолированном противопоставлении этих положений оказывается, что ни одно из них не обладает ни силой, ни убедительностью, будто лучшее в смысле добродетели не должно властвовать и господствовать. Некоторые, опираясь, как они думают, на некий принцип справедливости (ведь за кон есть нечто справедливое), полагают, что рабство в результате войны справедливо, но в то же время и отрицают это. В самом деле, ведь самый принцип войны можно считать несправедливым, и никоим образом нельзя было бы утверждать, что человек, не заслуживающий быть рабом, все-таки должен стать таковым. Иначе окажется, что люди заведомо самого благородного происхождения могут стать рабами и потомками рабов только потому, что они, попав в плен, были проданы в рабство. Поэтому защитники последнего из указанных мнений не хотят

называть их рабами, но называют так только варваров. Однако, когда они это говорят, они ищут не что-нибудь другое, а лишь рабство по природе, о чем мы и сказали с самого начала; неизбежно приходится согласиться, что одни люди повсюду рабы, другие нигде таковыми не бывают.

19. Таким же точно образом они судят и о благородстве происхождения. Себя они считают благородными не только у себя, но и повсюду, варваров же – только на их родине, как будто в одном случае имеется благородство и свобода безусловные, в другом – небезусловные. В таком духе говорит, и Елена у Феодекта: «Меня, с обеих сторон происходящую от божественных предков, кто решился бы назвать рабыней?» Говоря это, они различают человека рабского и свободного положения, людей благородного и неблагородного происхождения единственно по признаку добродетели и порочности; при этом предполагается, что как от человека рождается человек, а от животного – животное, так и от хороших родителей – хороший; природа же зачастую стремится к этому, но достигнуть этого не может.

20. Из сказанного, таким образом, ясно, что колебание [во взглядах на природу рабства] имеет некоторое основание: с одной стороны, одни не являются по природе рабами, а другие – свободными, а с другой стороны, у некоторых это различие существует и для них полезно и справедливо одному быть в рабстве, другому – господствовать, и следует, чтобы один подчинялся, а другой властвовал и осуществлял вложенную в него природой власть, так чтобы быть господином. Но дурное применение власти не приносит пользы ни тому ни другому: ведь что полезно для части, то полезно и для целого, что полезно для тела, то полезно и для души, раб же является некоей частью господина, как бы одушевленной, хотя и отделенной, частью его тела.

21. Поэтому полезно рабу и господину взаимное дружеское отношение, раз их взаимоотношения покоятся на естественных началах; а у тех, у кого это не так, но отношения основываются на законе и насилии, происходит обратное. Из предыдущего ясно и то, что власть господина и власть государственного мужа, равно как и все виды власти, не тождественны, как это утверждают некоторые.

Одна – власть над свободными по природе, другая – власть над рабами. Власть господина в семье – монархия (ибо всякая семья управляется своим господином монархически), власть же государственного мужа – это власть над свободными и равными.

22. Господином называют не за знания, а за природные свойства; точно так же обстоит дело с рабом и свободным. Правда, можно вообразить и науку о власти господина, как и науку о рабстве, последнюю – вроде той, какая существовала в Сиракузах, где некто обучал людей рабству: за известное вознаграждение он преподавал молодым рабам знания, относящиеся к области обычного рода домашних услуг. Такое обучение могло бы простираться и на дальнейшие области, например, можно было бы обучать кулинарному искусству и остальным подобного же рода статьям домашнего услужения. Работы ведь бывают разные – одни более высокого, другие более насущного характера, как говорит, и пословица «Раб рабу, господин господину – рознь».

23. Все подобного рода науки – рабские, господская же наука – как пользоваться рабом, и быть господином вовсе не значит уметь приобретать рабов, но уметь пользоваться ими. В этой науке нет ничего ни великого, ни возвышенного: ведь то, что раб должен уметь исполнять, то господин должен уметь приказывать. Поэтому у тех, кто имеет возможность избежать таких хлопот, управляющий берет на себя эту обязанность, сами же они занимаются политикой или философией. Что же касается науки о приобретении рабов (в той мере, в какой оно справедливо), то она отличается от обеих вышеуказанных, являясь чем-то вроде науки о войне или науки об охоте. Вот наши соображения о рабе и господине.

III

1. Теперь мы займемся рассмотрением того, что такое собственность вообще и в чем заключается искусство наживать состояние, руководясь принятым нами методом исследования, так, как и раб есть некая часть собственности. Прежде всего может возникнуть вопрос: тождественно ли искусство наживать состояние с наукой о домохозяйстве, или это искусство есть

часть данной науки, или оно стоит в служебном к ней отношении, и если так, то не находится ли искусство наживать состояние в таком же отношении к науке о домохозяйстве, в каком стоит умение сделать ткацкий челнок к ткацкому искусству или умение сделать сплав бронзы к искусству ваяния? Дело в том, что оба последних умения находятся не в одинаковом служебном отношении к связанным с ними искусствам, так как первое доставляет орудие, второе – материал (под материалом я разумею субстрат, посредством которого какая-либо работа может быть доведена до конца, например, для ткача – шерсть, для ваятеля – бронза).

2. Ясно, что искусство наживать состояние не тождественно науке о домохозяйстве: в одном случае речь идет о приобретении средств, в другом – о пользовании ими; к чему, в самом деле, будет относиться умение пользоваться всем, что имеется в доме, как не к науке о домохозяйстве? Но вопрос о том, представляет ли искусство наживать состояние часть науки о домохозяйстве, или оно является особой, отличной от нее отраслью знания, вызывает затруднения, если считать, что тот человек, который владеет указанными искусствами, может исследовать, в чем заключается источник имущественного благосостояния и вообще собственности. Понятия «собственность» и «богатство» включают в себе много разновидностей. Во-первых, земледелие – часть ли это науки о домохозяйстве или особая, отдельная от нее отрасль знания? Тот же вопрос можно задать и вообще относительно заботы о средствах пропитания и приобретении их.

3. Так как существует много родов пищи, то многообразен и образ жизни и животных и людей; без пищи жить нельзя, почему разнообразные виды питания повлекли за собой и разнообразный образ жизни животных. Одни из животных живут стадно, другие разбросанно, смотря по тому, какой образ жизни оказывается более пригодным для добывания пищи, так как одни из животных плотоядные, другие травоядные, третьи всеядные. Природа определила образ жизни животных с таким расчетом, чтобы каждому из них можно было с большей легкостью добывать себе подходящую пищу; не одна и та же пища по

природе приятна каждому животному, но одному подходит одна, другому – другая; поэтому образ жизни плотоядных животных отличается от образа жизни травоядных.

4. То же самое и среди людей. Образ их жизни бывает весьма различным. Наиболее ленивые из них ведут образ жизни кочевников, которые питаются, не прилагая ни труда, ни заботы, мясом домашних животных, так как кочевникам приходится в поисках пастбищ для своих стад постоянно перемещать место своего кочевья, то они поневоле и сами следуют за своими стадами; они как бы возделывают живую пашню. Другие люди живут охотой, разные – различными видами охоты; например, для одних охотой является грабеж, для других, обитающих у озер, болот, рек или морей, обильных рыбой, охотой служит рыбная ловля, третьи охотятся на птицу или диких зверей. Все же огромное большинство людей живет благодаря земледелию и культурным растениям.

5. Таков примерно образ жизни у тех, кто непосредственно трудится над тем, что дает природа, не прибегая для добывания средств к жизни к обмену и торговле, – кочевой быт, земледельческий, разбой, рыболовство, охота. Некоторые живут приятно, соединяя те или иные из этих видов и заимствуя у одного из них то, чего не хватает другому, чтобы быть самодовлеющим, например одни соединяют кочевнический и разбойничий образ жизни, другие – земледельческий и охотничий, равным образом и остальные. Люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда.

6. По-видимому, сама природа дарует всем по достижении полного развития такую же собственность, какую она дает им сразу при их возникновении. Некоторые животные уже в то время, как они рожают детенышей, доставляют им такое количество пищи, какое бывает достаточным до той поры, пока детеныши не будут в состоянии добывать ее себе сами; таковы, например, те животные, которые выводят червей или кладут яйца. А все производящие живых детенышей животные до известного времени имеют пищу для рожденных в самих себе, именно вещество, называемое молоком.

7. Равным образом ясно, и из наблюдений тоже надо заключить, что и растения существуют ради живых существ, а животные – ради человека; домашние животные служат человеку как для потребностей домашнего обихода, так и для пищи, а из диких животных если не все, то бóльшая часть – для пищи и для других надобностей, чтобы получать от них одежду и другие необходимые предметы. Если верно то, что природа ничего не создает в незаконченном виде и напрасно, то следует признать, что она создает все вышеупомянутое ради людей.

8. Поэтому и военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива. Итак, один из видов искусства приобретения является по природе своей частью науки о домохозяйстве, и мы должны допустить, что-либо он существует сам по себе, либо существование его обеспечивается теми, кто занят накоплением средств, необходимых для жизни и полезных для государственной и семейной общины.

9. Истинное богатство, по-видимому, и состоит в совокупности этих средств. Ведь мера обладания собственностью, которая является достаточной для хорошей жизни, не беспредельна; как говорит Солон в одном из своих стихотворений, «людям не указан никакой предел богатства». Предел этот существует, как он существует и в остальных искусствах: всякое орудие во всяком искусстве не является беспредельным в отношении своего количества и величины; богатство же представляет собой совокупность орудий экономических и политических. Итак, из сказанного ясно, в каком отношении и по какой причине искусство приобретения относится по своей природе к сфере деятельности домохозяина и государственного мужа.

10. Существует другой род искусства приобретения, который обыкновенно называют, и с полным правом, искусством наживать состояние; с этим искусством и связано представление, будто богатство и нажива не имеют

никакого предела. Многие полагают, что это искусство вследствие его близкого соседства с искусством приобретения тождественно с последним; на самом деле оно не тождественно с названным, но не является и далеким от него: одно из них существует по природе, другое – не по природе, но больше за счет известной опытности и технического приспособления.

11. При рассмотрении этого искусства будем исходить из следующего положения. Пользование каждым объектом владения бывает двоякое; в обоих случаях пользуются объектом как таковым, но не одинаковым образом; в одном случае объектом пользуются по его назначению, в другом – не по назначению; например, обувью пользуются и для того, чтобы надевать ее на ноги, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое. И в том и в другом случае обувь является объектом пользования: ведь и тот, кто обменивает обувь имеющему в ней надобность на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью как обувью, но не по назначению, так как оно не заключается в том, чтобы служить предметом обмена. Так же обстоит дело и с остальными объектами владения – все они могут быть предметом обмена. Первоначальное развитие меновой торговли было обусловлено естественными причинами, так как люди обладают необходимыми для жизни предметами одними в большем, другими – в меньшем количестве.

12. Отсюда также ясно, что мелкая торговля не имеет по природе никакого отношения к искусству наживать состояние, потому что вначале обмен ограничивался исключительно предметами первой необходимости. В первой общине, т. е. в семье, не было явно никакой надобности в обмене; он сделался необходимым, когда общение стало обнимать уже большее количество членов. В самом деле, в первоначальной семье все было общим; разделившись, стали нуждаться во многом из того, что принадлежало другим, и неизбежно приходилось прибегать к взаимному обмену. Такой способ обмена еще и в настоящее время практикуется у многих варварских народов. Они обмениваются между собой только предметами необходимыми, и больше ничем; например, они обменивают вино на хлеб и наоборот и т. п.

13. Такого рода меновая торговля и не против природы, и вовсе не является разновидностью искусства наживать состояние, ведь ее назначение – восполнять то, чего недостает для согласной с природой самодовлеющей жизни. Однако из указанной меновой торговли развилось все-таки вполне логически и искусство наживать состояние. Когда стала больше требоваться чужая помощь для ввоза недостающего и вывоза излишков, неизбежно стала ощущаться потребность в монете, так как далеко не каждый предмет первой необходимости можно было легко перевозить.

14. Ввиду этого пришли к соглашению давать и получать при взаимном обмене нечто такое, что, представляя само по себе ценность, было бы вместе с тем вполне сподручно в житейском обиходе, например, железо, серебро или нечто иное; сначала простым измерением и взвешиванием определяли ценность таких предметов, а в конце концов, чтобы освободиться от их измерения, стали отмечать их чеканом, служившим показателем их стоимости.

15. После того как в силу необходимости обмена возникли деньги, появился другой вид искусства наживать состояние, именно торговля. Сначала она, быть может, велась совершенно просто, но затем, по мере развития опытности, стала совершенствоваться в смысле источников и способов, какими торговые обороты могли бы принести наибольшую прибыль. Вот почему и создалось представление, будто предметом искусства наживать состояние служат главным образом деньги и будто главной его задачей является исследование того источника, из которого возможно почерпнуть наибольшее их количество, ведь оно рассматривается как искусство, создающее богатство и деньги.

16. И под богатством зачастую понимают именно преизобилие денег, вследствие того, что будто бы искусство наживать состояние и торговля направлены к этой цели. Иногда, впрочем, деньги кажутся людям пустым звуком и вещью вполне условной, по существу ничем, так как стоит лишь тем, кто пользуется деньгами, переменить отношение к ним, и деньги потеряют всякое достоинство, не будут иметь никакой ценности в житейском обиходе, а человек,

обладающий даже бóльшими деньгами, часто не в состоянии будет достать себе необходимую пищу; такого рода богатство может оказаться прямо-таки не имеющим никакого смысла, и человек, обладающий им в преизобилии, может умереть голодной смертью, подобно тому легендарному Мидасу, у которого вследствие ненасытности его желаний все предлагавшиеся ему яства превращались в золото.

17. Ввиду всего вышеизложенного на правильном пути исследования стоят те, кто определяет богатство и искусство наживать состояние как нечто отличное одно от другого. В самом деле, искусство наживать состояние и сообразное с природой богатство суть вещи различные; искусство наживать состояние относится к области домохозяйства, а торговая деятельность создает имущество не всякими способами, а лишь путем обмена имущества. Торговля, по-видимому, имеет дело главным образом с денежными знаками, служащими необходимым элементом и целью всякого обмена. И богатство, являющееся в результате применения этого искусства наживать состояние, действительно не имеет каких-либо пределов. Подобно тому как медицина имеет беспредельную цель — абсолютное здоровье человека, точно так же и каждое из искусств беспредельно в достижении своих целей, и к этому они больше всего стремятся; но те средства, которые ведут искусство к достижению его цели, ограничены, так как сама цель служит в данном случае для всякого искусства пределом. Подобно этому, и в искусстве наживать состояние никогда не бывает предела в достижении цели, а целью здесь оказывается богатство и обладание деньгами.

18. Напротив, в области, относящейся к домохозяйству, а не к искусству наживать состояние, предел имеется, так как целью домохозяйства служит не накопление денег. Вместе с тем ясно, что всякого рода богатство должно бы иметь свой предел, но в действительности, мы видим, происходит противоположное: все занимающиеся денежными оборотами стремятся увеличить количество денег до бесконечности. Причиной этого является тесное соприкосновение обеих областей: и та и другая скрещиваются между собой в применении тождественных средств для достижения своих целей. И в той и в

другой области предметом пользования оказывается одна и та же собственность, но не одинаково: в одном случае цель – нечто иное, в другом – приумножение того же самого. И потому некоторые считают это конечной целью в области домохозяйства и настаивают на том, что нужно или сохранять имеющиеся денежные средства, или даже стремиться приумножить их до беспредельности.

19. В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично. И даже те люди, которые стремятся к благой жизни, ищут того, что доставляет им физические наслаждения, и так как, по их представлению, средства для осуществления этого дает собственность, то вся деятельность таких людей направляется на наживу. Таким вот путем и получил свое развитие второй вид искусства наживать состояние. А так как физические наслаждения имеются в преизбытке, то такие люди ищут и средства, которые доставляли бы им этот преизбыток наслаждений; если люди не в состоянии достигнуть своей цели при помощи искусства наживать состояние, то они стремятся к ней иными путями и для этого пускают в ход все свои способности вопреки даже голосу природы.

20. Так, например, мужество заключается в отваге, а не в наживании денег; точно так же военное и врачебное искусства имеют в виду не наживу, но первое – одержание победы, второе – доставление здоровья. Однако эти люди обращают все свои способности на наживу денег, будто это является целью, а для достижения цели приходится идти на все. Вот что я считаю нужным сказать о том искусстве наживать состояние, которое не является необходимым; я описал сущность его и указал на те причины, в силу которых мы прибегаем к нему. Что касается того искусства наживать состояние, которое является необходимым, то я указал на отличие его от искусства не необходимого: необходимое искусство относится к области домохозяйства, оно сообразно с природой, направлено на добывание средств к жизни и не беспредельно, как искусство не необходимое, а имеет свои границы.

21. Теперь ясен и ответ на поставленный вначале вопрос: относится ли к области деятельности домохозяина и государственного мужа искусство наживать состояние или, скорее, не относится? Правда, нужно предполагать это искусство как бы уже имеющимся в наличии: так ведь и политика не создает людей, но берет их такими, какими их создала природа; точно так же и природа – земля, море и т. п. – должна доставлять человеку необходимое пропитание; и на обязанности домохозяина лежит всему тому, что получается из этих источников, дать соответствующее назначение. Так, предметом ткацкого искусства является не изготовление шерсти, но использование ее, умение распознать, какая шерсть доброкачественна и пригодна, какая недоброкачественна и непригодна.

22. Можно поставить еще и такой вопрос: почему искусство наживать состояние относится к области домохозяйства, а медицина не относится? Ведь здоровье является столь же необходимым для членов семьи, как и питание и тому подобные жизненные потребности. В одном отношении и домохозяин, и правитель должны заботиться и о здоровье им подвластных, в другом отношении это дело является предметом заботы не их, а врача; точно так же и относительно денег: с одной стороны, забота о денежных средствах составляет предмет ведения домохозяина, с другой – нет, но входит в круг подсобной деятельности; преимущественно же, как это отмечено и ранее, она должна быть в наличии по природе. Ведь природа заботится о доставлении питания созданному ею существу; всякое такое существо получает свое питание как бы в наследство от того существа, которое произвело его на свет. Вот почему для всех сообразное с природой искусство наживать состоит в извлечении пользы от плодов и животных.

23. Это искусство, как мы сказали, бывает двояким: с одной стороны, оно относится к области торговли, с другой – к области домохозяйства, причем последнее обусловлено необходимостью и заслуживает похвалы, обменная же деятельность по справедливости вызывает порицание, как деятельность, обусловленная не естественными причинами, но [возникшая в силу

необходимости взаимного] обмена [между людьми]. Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег. Отсюда это и получило свое название; как дети походят на своих родителей, так и проценты являются денежными знаками, происшедшими от денежных же знаков. Этот род наживы оказывается по преимуществу противным природе.

IV

1. Разобрав в достаточной мере теорию искусства наживать состояние, мы должны перейти к практической стороне вопроса. Во всех подобного рода предметах в теориях открывается широкий простор, тогда как практика в каждом случае связана с определенными условиями. К практической стороне искусства наживать состояние относится усвоение опыта в деле приобретения предметов владения: какие из них наиболее полезны, где и каким образом можно достать их; например, при приобретении коней, коров, овец, равно как и прочих домашних животных, нужно быть опытным в знании того, какие из этих животных представляют наибольшую пользу, какие из них в каких местностях имеются, так как одни из домашних животных рождаются в изобилии в одних местах, другие — в других; затем, нужно быть осведомленным относительно земледелия, притом и просто в собственном смысле, и в плодоводстве, также и в пчеловодстве, и относительно других плавающих или летающих животных, от которых можно получить выгоду.

2. Вот самые существенные исходные части искусства наживать состояние в собственном смысле. Самым же значительным видом деятельности, имеющей своим предметом обмен, является торговля. Она также состоит из трех частей: морская торговля, транзитная торговля и розничная торговля. Они различаются тем, что одни сопряжены с наименьшим риском, другие приносят наибольший барыш. Вторым видом деятельности, имеющей своим предметом обмен, служит отдача денег в рост; третьим — предоставление своего труда за плату; это

последнее находит приложение отчасти в ремеслах, отчасти же у людей, неспособных к ремеслу и зарабатывающих себе средства исключительно физическим трудом. Наконец, третий вид искусства наживать состояние занимает среднее место между этим видом и первым, так как он относится частью к деятельности, цель которой – наживать состояние в соответствии с природой, частью – [к деятельности, цель которой – наживать состояние] путем обмена; этот третий вид включает в себе все то, что имеет отношение к земле как таковой и к тому, что произрастает из земли и что, не давая плодов в собственном смысле, тем не менее приносит пользу, как, например, рубка леса и все виды горного дела; последнее включает в себе в свою очередь много разновидностей, поскольку горные породы, добываемые из земли, весьма разнообразны.

3. Сказанного в общих чертах о каждом из видов, относящихся к искусству наживать состояние, достаточно. Конечно, было бы полезно с практической точки зрения тщательно разобрать здесь и детали, но задерживаться на них было бы некстати. Из перечисленных родов деятельности самым искусным является тот, при котором наименьшее значение имеет случайность; самым низменным – тот, при котором получают повреждения тела; самым рабским – тот, где требуется исключительное применение физических сил; наименее же благородным – где меньше всего требуется добродетели.

4. Об указанном предмете имеется своя литература, например, сочинения Харета Паросского и Аполлодора Лемносского о земледелии, как простом, так и о плодоводстве, равно как и сочинения других писателей о подобного же рода предметах. Интересующийся ими может получить достаточные сведения из указанных сочинений. Сверх того, полезно собирать и те ходячие рассказы, в которых говорится, каким образом некоторым людям удалось нажить состояние.

Все это послужит на пользу тем, кто относится с вниманием к искусству наживать состояние. К такого рода рассказам принадлежит и рассказ о Фалесе Милетском.

5. Это рассказ о некоем предвидении, использованном для того, чтобы нажить состояние, и его приписывают Фалесу, имея в виду его мудрость, но ее можно рассматривать и с общей точки зрения. Когда его попрекали бедностью, утверждая, будто занятия философией никакой выгоды не приносят, то, рассказывают, он, предвидя на основании астрономических данных богатый урожай оливок, еще до истечения зимы роздал в задаток имевшуюся у него небольшую сумму денег всем владельцам маслобоен в Милете и на Хиосе, законтрактовав их дешево, так как никто с ним не конкурировал. Когда наступило время сбора оливок и сразу многим одновременно потребовались маслобойни, он, отдавая маслобойни на откуп на желательных ему условиях и собрав много денег, доказал, что философам при желании легко разбогатеть, но не это является предметом их стремлений.

6. Так, говорят, Фалес дал доказательство своей мудрости. Но и вообще, как мы сказали, выгодно в смысле наживания состояния, если кто сумеет захватить какую-либо монополию. Поэтому и некоторые государства, находясь в стесненном финансовом положении, прибегают к получению такого дохода — они заводят монополию на те или иные товары.

7. Так, в Сицилии некто скупил на отданные ему в рост деньги все железо из железоделательных мастерских, а затем, когда прибыли торговцы из гаваней, стал продавать железо как монополист, с небольшой надбавкой на его обычную цену. И все-таки он на пятьдесят талантов заработал сто.

8. Узнав об этом, Дионисий издал приказ, в силу которого этому человеку разрешалось увезти деньги с собой, сам же он, однако, должен был оставить Сиракузы, так как он нашел источник доходов, который наносил ущерб интересам Дионисия. Находчивость Фалеса и сицилийца была одинакова: оба они сумели в одинаковой мере обеспечить себе монополию. Такого рода сведения полезно иметь и политическим деятелям: многие государства, как и семьи, но еще в большей степени нуждаются в денежных средствах и в такого рода доходах. Встречаются такие государственные мужи, вся деятельность которых направлена к этой цели.

V

1. Наука о домохозяйстве предполагает три элемента власти: во-первых, власть господина по отношению к рабам (об этом мы говорили выше); во-вторых, отношение отца к детям; в-третьих, отношение мужа к жене. Действительно, властвуют и над женой, и над детьми как существами свободными, но осуществляется эта власть не одинаковым образом.

2. Власть мужа над женой можно сравнить с властью политического деятеля, власть отца над детьми – с властью царя. Ведь мужчина по своей природе, исключая лишь те или иные ненормальные отклонения, более призван к руководству, чем женщина, а человек старший и зрелый может лучше руководить, чем человек молодой и незрелый. При замещении большей части государственных должностей между людьми властвующими и подчиненными соблюдается очередность: и те, и другие совершенно естественно стремятся к равенству и к уничтожению всяких различий. Тем не менее, когда одни властвуют, а другие находятся в подчинении, все-таки является стремление провести различие между теми и другими в их внешнем виде, в их речах и в знаках почета. Это имел в виду, между прочим, и Амасис, когда рассказывал о своем сосуде для омовения ног. Отношение мужчины к женщине всегда определяется вышеуказанным образом. Власть же отца над детьми может быть уподоблена власти царя: родитель властвует над детьми в силу своей любви к ним и вследствие того, что он старше их, а такой вид власти и есть именно царская власть. Поэтому прекрасно выразился Гомер, назвав Зевса «отцом людей и богов», как царя всех их. Царь по природе должен отличаться от подданных, но быть одного с ними рода. И так же относится старший к младшим и родитель к ребенку.

3. Ясно, что в домохозяйстве следует заботиться более о людях, нежели о приобретении бездушной собственности, более о добродетели первых, нежели об изобилии последней (то, что мы называем богатством), более о людях свободных, нежели о рабах. Прежде всего относительно рабов может возникнуть вопрос: мыслима ли у раба вообще какая-либо добродетель помимо его

пригодности для работы и прислуживания? Обладает ли раб другими, более высокими добродетелями, как, например, скромность, мужество, справедливость и тому подобные свойства? Или у раба нет никаких иных качеств, помимо способности служить своими физическими силами? Ответить «да» и «нет» было бы затруднительно. Если да, то чем они будут отличаться от свободных людей? Если нет, то это было бы странно, так как ведь и рабы – люди и одарены рассудком.

4. Приблизительно то же самое затруднение возникает и при исследовании вопроса о женщине и ребенке: есть ли у них добродетели, должна ли женщина быть скромной, мужественной и справедливой и ребенок бывает ли своевольным и скромным или нет? Стоит рассмотреть этот вопрос и с общей точки зрения в приложении к существу, предназначенному природой быть в подчинении, и к существу, по природе призванному к властвованию, тождественна ли у них добродетель или различна? И если обоим этим существам должно быть свойственно совершенство, то почему одно из них предназначено раз навсегда властвовать, а другое – быть в подчинении? И это отличие не может основываться на большей или меньшей степени совершенства, присущего тому и другому существу, так как сами понятия «быть в подчинении» и «властвовать» отличаются одно от другого в качественном (eidei), а не в количественном отношении.

5. Признавать [совершенство] за одними и отрицать его в других – разве это не было бы удивительно? Ведь если начальствующий не будет воздержным и справедливым, как он может прекрасно властвовать? Точно так же, если подчиненный не будет обладать этими добродетелями, как он может хорошо подчиняться? Человек необузданный и низкопробный ни в чем не исполнит своего долга. Таким образом, ясно, что оба должны быть причастны к добродетели, но что эта добродетель должна отличаться так же, как отличаются между собой властвующие и подчиненные по природе. Это отличие неминуемо приводит нас к исследованию свойств души. В ней одно начало является по природе властвующим, другое – подчиненным; им, как мы утверждаем,

соответствуют свои добродетели, как бы добродетели разумного начала и неразумного. 6. Ясно, что-то же самое отношение должно существовать и в других областях и что по природе существует много видов властвующего и подчиненного. Ведь свободный человек проявляет свою власть над рабом иначе, чем это делает мужчина по отношению к женщине, и взрослый муж по отношению к ребенку. Во всех этих существах имеются разные части души, только имеются они по-разному. Так, рабу вообще не свойственна способность решать, женщине она свойственна, но лишена действенности, ребенку также свойственна, но находится в неразвитом состоянии.

7. Таким же образом неизбежно обстоит дело и с нравственными добродетелями: наличие их необходимо предполагать во всех существах, но не одинаковым образом, а в соответствии с назначением каждого. Поэтому начальствующий должен обладать нравственной добродетелью во всей полноте (в самом деле, произведение просто принадлежит создателю, тогда как замысел – это и есть создатель), а каждый из остальных должен обладать ею настолько, насколько это соответствует его доле участия в решении общих задач.

8. Так что, очевидно, существует особая добродетель у всех названных выше, и не одна и те же скромность женщины и мужчины, не одни и те же мужество и справедливость, как полагал Сократ, но одно мужество свойственно начальнику, другое – слуге; так же и с остальными добродетелями. Это ясно и из более подробного рассмотрения вопроса. Заблуждаются те, кто утверждает, придерживаясь общей точки зрения, будто хорошее душевное расположение или правильный образ действий и т. п. суть уже добродетели сами по себе. Гораздо правильнее поступают те, кто, подобно Горгию, перечисляет добродетели определенных групп людей. И, например, слова поэта о женщине: «Убором женщине молчание служит» – в одинаковой степени должны быть приложимы ко всем женщинам вообще, но к мужчине они уже не подходят.

9. Затем, принимая во внимание неразвитость ребенка, явно нельзя говорить о его самодовлеющей добродетели, но лишь поскольку она имеет отношение к дальнейшему развитию ребенка и к тому человеку, который

ребенком руководит. В том же самом смысле можно говорить и о добродетели раба в отношении к его господину. Мы установили, что раб полезен для повседневных потребностей. Отсюда ясно, что он должен обладать и добродетелью в слабой степени, именно в такой, чтобы его своеволие и вялость не наносили ущерба исполняемым работам.

10. Может, пожалуй, возникнуть вопрос: применимо ли наше положение и к ремесленникам, должны ли и они обладать добродетелью, так как их своеволие зачастую наносит ущерб их работе? Или в данном случае мы имеем дело с совершенно отличным явлением? Раб ведь живет в постоянном общении со своим господином; ремесленник стоит гораздо дальше, а потому не должен ли ремесленник превосходить своей добродетелью раба настолько, насколько ремесленный труд стоит выше труда рабского? Ремесленник, занимающийся низким ремеслом, находится в состоянии некоего ограниченного рабства; раб является таковым уже по природе, но ни сапожник, никакой-либо другой ремесленник не бывают таковыми по природе.

11. Ясно, что господин должен давать рабу импульс необходимой для него добродетели, но что в обязанность господина вовсе не входит обучать раба этой добродетели. Неправильно говорят те, кто утверждает, что с рабом нечего и разговаривать, что ему нужно только давать приказания; нет, для рабов больше, чем для детей, нужно назидание. Однако мы достаточно очертили эти вопросы; об отношениях же мужа к жене, отца к детям, о добродетелях, свойственных каждому из них, каким путем должно в одних случаях стремиться к благу, в других — избегать зла — все это необходимо изложить при рассмотрении государственных устройств.

12. Так как всякая семья составляет часть государства, а все указанные выше люди являются частями семьи и так как добродетели отдельных частей должны соответствовать добродетелям целого, то необходимо и воспитание детей и женщин поставить в соответствующее отношение к государственному строю; и если это не безразлично для государства, стремящегося к достойному устройству, то надо иметь также достойных детей и достойных женщин. И с этим

необходимо считаться, потому что женщины составляют половину всего свободного населения, а из детей потом вырастают участники политической жизни. Основоположения относительно этого предмета нами определены, о прочем речь будет идти в своем месте. Ввиду этого мы наши теперешние рассуждения, считая их законченными, оставляем и обращаемся к новому началу. Прежде всего, разберем мнения тех писателей, которые представили свои проекты наилучшего государственного устройства.

Источник: Аристотель Политика / Аристотель; переводчик С.А. Жебелёв; под общей редакцией А.И. Доватура. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. – 297 с. – (Антология мысли) // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/416180>

ЦИЦЕРОН МАРК ТУЛЛИЙ

Цицерон Марк Туллий (106 - 43 гг. до н.э.), древнеримский философ, оратор, политический деятель. Сторонник республиканского строя. Из сочинений сохранились 58 судебных и политических речей, 19 трактатов по риторике, политике, философии и более 800 писем. Основные труды: «О государстве», «Об ораторе», «О законе», «Гортензий», «Учения академиков» и «Тускуланские беседы».

КУЛЬТУРА И СЛОВО. РЕЧИ ПРОТИВ ВЕРРЕСА

Второе слушанье дела, книга пятая

О КАЗНЯХ

I. (1) Я вижу, почтенные судьи, никто уже не сомневается в том, что Гай Веррес и от своего имени, и от имени государства совершенно беззастенчиво грабил в Сицилии достояние богов и смертных; он преуспевал во всех видах воровства и разбоя, не страшась богов и не таясь перед людьми. Но есть у него защита, выставляемая блистательно и пышно. Мне придется хорошенько

обдумать, судьи, каким образом я стану обороняться. Ведь дело представляют так, будто в смутные и страшные времена сицилийская провинция была спасена от беглых рабов и военных опасностей доблестью и редкою бдительностью этого человека.

(2) Что же мне делать, судьи? Как строить мое обвинение? К чему взывать? Ведь любому моему натиску, как стена, противопоставлено будет имя славного полководца. Прием не нов: мне ясно, как готовится восторжествовать Гортензий. Он, конечно, сошлется на угрозы войны, трудные для государства времена, недостаток в полководцах, а потом станет умолять, а потом в сознании своей правоты даже настаивать: неужто вы потерпите, чтобы римский народ из-за показаний сицилийцев лишился такого полководца, неужто захотите, чтобы обвинения в алчности отемнили славу военачальника?

(3) Не могу притворствоваться, судьи: я боюсь, как бы из-за этой редкой военной доблести не остались Верресовы дела без наказания. Я вспоминаю речь Марка Антония в суде над Манием Аквилием, – сколько было в ней силы, сколько действенности! Так как был он оратором не только умелым, но и смелым, то, почти уже закончив речь, он вдруг схватил самого Мания Аквилия, выволок его напоказ и разорвал на нем тунику, чтобы видели судьи и римский народ все рубцы от ран, принятых им прямо в грудь; а сам повел рассказ и о той ране в голову, которую Аквиллий получил от вражеского вождя. Так и убедил он тех, кому предстояло вынести приговор, что не для того судьба вырвала у вражеских копий человека, который и сам не щадил себя, чтобы здесь на его долю выпала не народная хвала, а судейская жестокость. (4) Вот и теперь защита ищет того же пути, прибегает к тем же доводам. Пусть Веррес вор, пусть святотатец, пусть он первый в пороке и позоре; но он доблестный полководец, он удачлив и должен быть сохранен государству на черный день.

II. Я не стану вести твое дело со всей строгостью; не стану настаивать, на чем надо бы настаивать, коли суд вершится по твердому закону, – ведь вовсе не о том ты должен бы рассказать, как подвизался на войне, а о том, как удалось

тебе не запачкать рук чужим добром; но повторяю, так вести дело я не стану: идя тебе навстречу, я обращаюсь к твоим воинским заслугам.

(5) О чем ты толкуешь? О том, что доблесть твоя спасла Сицилию от войны с беглыми рабами? Честь тебе и хвала, и речь твоя достойна. Но что это за война? Нам казалось, что после войны, завершенной Манием Аквилием, никакой войны с беглыми в Сицилии не было. «Да в Италии-то она была». – Была, и какая еще упорная и жестокая! но неужели же ты пытаешься притязать на свою долю славы в этой войне? Неужели надеешься разделить честь этой победы с Марком Крассом или Гнеем Помпеем? Я думаю, даже твоего бесстыдства неостанет на то, чтобы осмелиться сказать что-нибудь в этом роде. Стало быть, это ты помешал полчищам беглых переправиться из Италии в Сицилию? Где, когда, откуда? Может быть, когда они пытались подступить к твоей Сицилии на плотках или кораблях? Никогда ничего подобного мы не слыхали, зато слыхали о том, как понадобились все мужество и мудрость Марка Красса, храбрейшего из мужей, чтобы беглые рабы не смогли, связав плоты, переправиться в Мессану; а ведь если бы в Сицилии были против них хоть какие-нибудь сторожевые отряды, не пришлось бы тратить столько сил, чтобы воспрепятствовать их попыткам.

(6) «Но в то время, как в Италии, совсем рядом с Сицилией, шла война, в Сицилии ее не было». III. Что же здесь удивительного? Ведь когда в Сицилии шла война, она тоже не проникла в Италию. Пусть это «совсем рядом», но что это дает? Открытый доступ для врагов или заразительность дурного примера для рабов? Но какой же открытый доступ возможен для тех, у кого нет кораблей? Для них вообще закрыт всякий доступ куда бы то ни было, так что, даже находясь, по твоим словам, рядом с Сицилией, они легче достигли бы Океана, чем Пелорского мыса. (7) Что же касается опасной близости рабских мятежей, то почему у тебя больше права на такие речи, чем у остальных наместников? Может быть, потому, что в Сицилии и раньше случались мятежи беглых рабов? Но как раз поэтому Сицилия оказалась наконец в наибольшей безопасности. Ведь после Мания Аквилия по всем распоряжениям и эдиктам преторов рабам строжайше запрещалось иметь при себе оружие. Я напомним один случай –

давний, и из-за суровости расправы, конечно, всем вам известный. К Луцию Домицию, сицилийскому претору, принесли огромного кабана; в восхищении тот спросил, кем же он убит; услышав, что это был чей-то пастух, он приказал привести его; тот примчался к претору в надежде на славу и даже награду; чем он убил такое огромное животное, спросил Домиций; раб ответил – рогатиной; и немедленно по приказу претора был распят на кресте. Быть может, это вам покажется жестоким; я не стану о том рассуждать – мне ясно одно: Домиций предпочел прослыть жестоким в наказании, чем потворствующим безнаказанности. IV. (8) Вот ценою каких средств, когда вся Италия пылала в огне Союзнической войны, Гай Норбан, отнюдь не самый храбрый и решительный из людей, наслаждался в Сицилии полнейшим спокойствием: Сицилия могла оградить себя от мятежа самостоятельно. И коль скоро нет теснее связи, чем отношения между нашими дельцами и сицилийцами – и личные, и деловые, и денежные; коль скоро сами сицилийцы так ведут свои дела, что им выгоднее жить в мире, и так ценят владычество римского народа, что нимало не стремятся подорвать или заменить его; коль скоро распоряжениями преторов и строгостью владельцев предотвращена опасность рабских мятежей, то это значит: нет такого внутреннего зла, которое возникло бы в недрах самой провинции.

(9) «Так что же? Никаких волнений, никаких сговоров среди рабов не было в Сицилии вовремя претуры Верреса?» – Вот именно: ни один слух не достиг сената и народа, ни одно донесение не пришло от Верреса в Рим. И все-таки я подозреваю, что кое-где в Сицилии было и волнение среди рабов; и сказали мне об этом не события, а собственные Верресовы решения и поступки. Вы видите, судьи, насколько непредубежденно собираюсь я вести дело, – ведь я сам сообщаю вам то, чего так ищет Веррес, но о чем вы до сих пор еще не слыхивали.

(10) В области Триокалы, где и раньше гнездились беглые рабы, челядь некоего сицилийца Леонида была заподозрена в заговоре. Об этом сообщили Верресу. Немедленно, как и следовало ожидать, он отдает приказ; названные люди схвачены, доставлены в Лилибей, хозяин вызван в суд, дело рассмотрено,

заговорщики осуждены. V. «Что же дальше?» – Ну как вы думаете? Снова ждете, что речь пойдет о наживе или каком-нибудь воровстве? Но не ищите всюду одного и того же. Под угрозой войны где уж воровать? Даже если и представлялась в этом деле такая возможность, то она была упущена. Веррес мог разжиться на деньжонках Леонида, когда звал его на суд: тогда можно было бы привычно сторговаться, чтоб не доводить дело до судебного разбирательства; был и другой случай – чтобы оправдать мятежников на самом суде; но когда рабы уже осуждены, где найти поприще для наживы? Только и остается, что вести преступников на казнь. Свидетелей множество, – и те, кто участвовал в суде, и те, кто читал приговор, и все славные граждане Лилибея, и немалое собрание достойнейших римских граждан; ничего не поделаешь – нужно выводить. И вот их выводят, их привязывают к кресту... (11) Даже и теперь, судьи, мне кажется, вы ждете: а что же будет дальше? ведь Веррес никогда ничего не делал без корысти, – а тут чего можно было ждать? Гадайте сколько угодно, ожидайте любого бесчестного поступка, но то, что вы сейчас от меня услышите, превзойдет все наши ожидания. Люди, осужденные за преступный заговор, отданные палачу, уже привязанные к столбу, – вдруг, на глазах у многих тысяч зрителей, были отпущены и возвращены хозяину в Триокалу.

Ну что ты теперь скажешь, безумнейший из людей? Только одно ты можешь сказать, но я о том не спрашиваю, ибо в столь преступном деле не следовало бы о том спрашивать, далее будь на этот счет какие-то сомнения: что, сколько, каким образом ты получил? Оставляю это на твоей совести и освобождаю тебя от ответа: я отнюдь не опасаясь, будто кто-то заподозрит, что ты бесплатно совершил преступление, на которое никто другой бы не отважился ни за какие деньги, – нет, просто речь сейчас не о воровстве и грабежах твоих, а только о воинской твоей славе. VI. (12) Что же скажешь ты, славный страж и защитник провинции? Ты, который знал, что рабы в Сицилии рвутся к оружию и мятежу? Ты, который вынес приговор своим судом? И ты осмелился вырвать из рук смерти, осужденных по обычаю предков и даровать избавление?! Видно, крест, предназначенный для осужденных рабов, ты решил приберечь для них в

чем не повинных римских граждан! Обреченные государства, которым уже нечего терять, прибегают обычно к таким отчаянным решениям: осужденных восстанавливают в правах, заключенных выпускают из тюрем, изгнанников возвращают из ссылки, судебные приговоры отменяют. И когда все это происходит, всякому понятно, что государство погибает; когда все это случается, для всякого несомненно, что больше нет уже надежды на спасение. (13), Впрочем, если где и прибегают к таким мерам, чтобы отменить ссылку или казнь вождей народа или знати, то все же отменяют приговор не те, кто его вынес, не тотчас, как он объявлен, не для тех, чьи преступления грозили жизни и имуществу всех граждан. Здесь же что-то новое и невероятное, и причина тому – не дело, а делец: освобождены рабы, освобождены самим судьей, освобождены на самом месте казни, освобождены после такого преступления, которое грозило свободе и жизни всех граждан?!

(14) О доблестный полководец! – не с отважным бы Аквилем тебя сравнивать, а с самим Сципионом, Павлом, Марием! Многое же ты предусмотрел в страшное для провинции время! Когда ты увидел, что сицилийские рабы воодушевлены примером мятежников в Италии, ну и страха же ты нагнал на них, чтобы не вздумали и пикнуть! Ты приказал явиться в суд: кто же не испугался бы? Господам приказал их обвинять: что может быть страшнее для раба? Огласил им приговор: «Да, виновны». Видно, вспыхнувший пожар погасил ты казнью и смертью немногих? Что же далее? Порка, пытка огнем и, наконец, предел казни для осужденных, предел страха для остальных – крест и распятие! И от всего этого их освободили. Сомневаться ли после этого, что рабы затрепетали, увидав, как покладист этот претор, готовый торговать чуть ли не через палача жизнью рабов, им же осужденных за преступный заговор?!

VII. (15) Вспомни-ка Аристодама из Аполлонии! Леонта из Имахары! Не поступил ли ты с ними точно так же? А к чему побудило тебя волнение среди рабов и внезапно заподозренный мятеж – к усердию в охране провинции или к отысканию новых поводов для бесчестной наживы? У Евменида Галикийского, человека безупречного и знатного, ты подстроил обвинение против управителя

усадьбы, за которого хозяин заплатил большие деньги, и на этом получил с Евменида шестьдесят тысяч отступного, как он сам показал под присягою. У римского всадника Гая Матриния, что как раз в ту пору отлучился в Рим, ты объявил подозрительными пастухов и управителей и на этом взял с него шестьсот тысяч: так показал поверенный Матриния, Луций Флавий, отсчитавший тебе эти деньги, так сказал и сам Матриний, так свидетельствует и славнейший цензор Гней Лентул, из уважения к Матринию тотчас написавший тебе письмо и других побудивший к тому же.

(16) А возможно ли промолчать об Аполлонии, сыне Диокла из Панорма, по прозвищу Близнец? Не найдешь во всей Сицилии примера знаменитее, возмутительнее и бесстыднее этого. Едва явился Веррес в Панорм, он велел послать за Аполлонием и вызвать его в суд, при огромном стечении сицилийцев и римских граждан. Тут же пошли разговоры: «То-то я удивлялся, что он так долго не трогает Аполлония, такого богатея», «Видно, что-то он сообразил, что-то затеял», «Ясное дело, неспроста Веррес тянет на суд денежного человека». Все в великом напряжении: что же будет? Наконец, задыхаясь, прибегает Аполлоний с сыном-подростком, — его престарелый отец давно уже не поднимался с постели. (17) Веррес называет ему имя раба, по его словам, старшего пастуха; этот раб, говорит Веррес, затеял заговор и подстрекает челядь. Но такого раба вообще не было среди челяди Аполлония. Веррес приказывает выдать раба немедленно; Аполлоний в ответ утверждает, что нет у него раба с таким именем. Тогда Веррес повелевает тут же схватить Аполлония и бросить в тюрьму. Когда беднягу тащили, он кричал, что ничего дурного не сделал, ни в чем не провинился, а наличных денег при нем нет, так как все они пущены в оборот. И пока он кричал это при всем народе, чтобы каждый мог понять, что он стал жертвой столь вопиющей несправедливости за то лишь, что не дал претору денег, — пока все это, повторяю, он кричал, его заковали и бросили в тюрьму.

VIII. (18) Вот она какова, последовательность Верреса! а его еще не только защищают, как любого претора, но и восхваляют как великого полководца. В страхе пред рабским бунтом этот полководец карал без суда владельцев и

освобождал от кары рабов; богача Аполлония, который при рабском мятеже первым бы лишился огромного состояния, он под предлогом этого же мятежа заточил в тюрьму; а рабов, которых сам вместе со своим советом обвинил в мятежном заговоре, он без всякого совета, собственной властью избавил от расправы.

(19) Ну, а что, если Аполлоний и в самом деле что-то совершил и поделом понес наказание? Что же, надо ли осуждать и укорять Верреса за чрезмерную строгость приговора? Можно ведь и так повести дело. Нет, я не стану этого делать, не воспользуюсь таким обычным приемом обвинителей: не стану мягкость объявлять небрежностью, а суровость выставлять на суд за бессердечие. Нет, я буду стоять за твои приговоры, защищать твой авторитет – до тех пор, пока тебе угодно; но как только ты сам начнешь отменять свои же приговоры, – тогда уж не обессудь: я с полным правом буду требовать, чтобы, как ты этим сам себя осудил, так осудили бы тебя и присяжные. (20) Я не стану защищать Аполлония, пусть и друга моего, и гостеприимца, чтобы не показалось, будто я посягаю на твой приговор; не стану ничего говорить о его честности, благородстве, добросовестности; умолчу и о том, что Аполлонию, как я уж говорил, с его челядью, скотом, усадьбами и ссудами хуже всех пришлось бы от волнений или мятежей в Сицилии; не скажу я и того, что если бы и впрямь был Аполлоний бесконечно виноват, даже тогда не следовало бы достойного гражданина достойнейшей общины подвергать столь тяжелой каре, и притом без суда. (21) Я не стану возбуждать против тебя ненависть даже тем, что когда столь достойный муж пребывал в тюрьме, во мраке, в грязи, обросший, то по тираническому распоряжению твоему ни дряхлый отец, ни юный сын ни разу не допущены были к этому несчастному. Я и о том не скажу, что сколько раз ты и являлся в Панорме за эти полтора года (вот как долго пробыл узник твой в темнице!), столько раз к тебе обращался панормский сенат с магистратами и жрецами, умоляя и заклиная освободить наконец от муки несчастного невинного человека. Обо всем об этом я молчу: ибо если бы пошел я по этому пути, то легко бы доказал, что твоя ко всем жестокость давно уже закрыла тебе

доступ к милосердию судей. IX. (22) Все прощаю, во всем уступаю: я предвижу ведь, как поведет защиту Гортензий! Он скажет, что старость отца, юность сына, слезы обоих для Верреса ничто по сравнению с благом и пользой провинции; он скажет, что нельзя управлять государством без устрашения и суровости; он спросит, зачем же несут перед претором фаски, зачем в них секиры, зачем тюрьма, зачем утверждены обычаями предков столь многие казни для преступников? И когда он все это скажет сурово и веско, – я позволю себе спросить об одном: почему же тогда этого самого Аполлония этот самый Веррес неожиданно, без каких-либо новых улик, без чьего-либо заступничества приказал вдруг выпустить из тюрьмы?

О, я твердо говорю: столько подозрений возбуждает все это дело, что мне даже и доказывать нечего – судьи и сами догадаются, что означает подобный грабеж, – сколь он гнусен, сколь недостойн, сколь безмерные возможности сулит он для наживы. (23) В самом деле, припомните хотя бы в общих чертах, что этот человек сделал с Аполлонием, сколько и какие обиды он ему нанес, а затем взвесьте и переведите все это на деньги; и вы поймете, что столько зла было обрушено на голову одного из богачей лишь затем, чтоб и другие представили себе ужасы подобных бедствий и оценили грозящие им опасности. Прежде всего – внезапное обвинение в тяжком уголовном преступлении; посудите, скольким людям и за какие деньги приходилось откупаться от этого! Затем — вина без обвинителя, приговор без суда, осуждение без защиты: подсчитайте, сколько стоят эти злодеяния, и заметьте, что подпал под них один лишь Аполлоний, а другие, очень многие, конечно, предпочли от этих несчастий откупиться. Наконец, – мрак, оковы, тюрьма, вся мука заключения вдалеке от милых лиц отца и сына, от вольного воздуха и всем нам общего солнечного света: чтоб от этой откупиться пытки, не страшно заплатить и жизнью, и перевести такое на деньги я уже не берусь. (24) Аполлоний откупился слишком поздно, сломленный горем и бедствиями; но другие на этом научились загодя предупреждать преступления Верресовой алчности. Ведь не думаете же вы, судьи, будто Веррес без корысти взвел поклеп на этого богатейшего человека и без корысти выпустил вдруг его

из тюрьмы; или будто такого рода грабеж применен был и испробован на одном лишь Аполлони, а не с тем, чтоб на его примере внушить ужас всем богатым сицилийцам.

Х. (25) Судьи, я ведь говорю сейчас о воинской доблести Верреса и поэтому молю, пусть он сам подскажет мне все, что я случайно упускаю. Мне-то кажется, что я поведал уже обо всех его подвигах — по крайней мере, в предотвращении невольничьего мятежа; во всяком случае, я ничего не пропустил намеренно. Вам известно все: и распоряжения его, и осмотрительность, и бдительность, и охрана и защита провинции. Это нужно для того, чтобы вы узнали, какого рода полководец наш Веррес, и при нынешнем недостатке храбрецов не пренебрегали бы таким военачальником. Это не Фабий Максим с его рассудительностью, и не старший Сципион с его быстротой, и не младший, столь разумный в решениях, и не Павел, твердый и мыслящий, и не Марий, мощный и доблестный, — нет. Прошу вас, познакомьтесь теперь с полководцем другого склада, которого надо всячески холить и лелеять.

(26) Начнем с трудностей переходов, которые в военном деле всегда весьма значительны, а в Сицилии в особенности. Посмотрите, как он изловчился сделать их приятными и легкими для себя. В зимнее время он отыскал великолепный способ избежать морозов, бурь и опасных переправ через реки: он выбрал для житья себе город Сиракузы, где природа и местность таковы, что там не бывает такого непогожего дня, когда бы ни разу не выглянуло солнце. Там этот доблестный воин и зимовал, да так, что не только из дому не выходил, но и с ложа не сходил: краткий день он проводил в попойках, а долгую ночь в постыдном разврате.

(27) С наступлением весны (он узнавал о ее приходе не по западному ветру или движению светил, а только по первым розам) Веррес пускался во все тяжкие — трудился и разъезжал, да так неумоимо и ревностно, что его никто не видел верхом на коне. XI. Нет, его носили ввосьмером, как вифинского царя, на носилках среди подушек, набитых лепестками роз и покрытых прозрачной мальтийскою тканью; сам же он сидел, с венком на голове и венком на шее,

понюхивая розы из тончайшего сетчатого мешочка. Преодолев таким образом тяготы пути, он вступал в какой-нибудь город, и на тех же носилках его несли прямо в опочивальню. Туда приходили к нему сицилийские магистраты, приходили римские всадники, как вы слышали под присягою от многих свидетелей; там он тайно обсуждал судебные дела, а потом во всеуслышанье объявлял решения. Так-то наскоро, в спальне, за взятки, не по правде совершив келейный суд, полагал он, что пора все остальное время посвятить Венере и Вакху. (28) Вот где невозможно промолчать о редкостной предусмотрительности нашего славнейшего полководца: в каждом городе из тех, куда преторы приезжали вершить суд, из знатнейших семейств отбирались ему на потребу женщины. Иные из них являлись на пирах его открыто, а кто поскромней, те приходили точно в названный им час, избегая людских взоров. На пирушках царили не приличествующая преторам римского народа тишина и благопристойность, а крики и брань, иной раз доходившие и до рукопашной, ибо строгий и рачительный наш претор хоть нисколько не считался с законами римского народа, но усердно соблюдал законы винной чаши. И нередко пиры кончались тем, что одного, как с поля битвы, уносили на руках, другой оставался лежать замертво, многие валялись без чувств, как побитая рать, так что все это походило не на застолье претора, а на Каннское побоище беспутства.

ХII. (29) Когда же разгоралась летняя страда — пора, которую все сицилийские преторы привыкли проводить в разъездах, полагая, что всего нужнее объезжать провинцию, когда везде зерно на току, вся челядь в сборе, толпы рабов становятся большой силой, тяжкий труд особенно гнетет, обилие хлеба подстрекает к бунту, а время года лишь ему благоприятствует, — так вот, повторяю, именно тогда, когда другие преторы не слезают с коней, наш необыкновенный вождь устраивал себе в красивейшем уголке Сиракуз постоянный стан. (30) У самого входа в гавань, где берег образует изгиб в сторону города, он раскидывал свои палатки, покрытые тонким испанским полотном; и сюда перебирался он из преторского дома, прежних Гиероновых палат, да так прочно, что все лето нигде, кроме этого места, его невозможно было

увидеть. Сюда закрыт был доступ всем, кроме товарищей и прислужников его похоти. Сюда приходили все женщины, с которыми он водился, и количество их было поистине невероятным; сюда приходили и мужчины, удостоенные его дружбы, разделяющие с ним жизнь и утехы. Среди подобных мужчин и женщин жил при нем и сын его, подросток, чтобы если не по родственному сходству, то по воспитанью и привычке стать похожим на отца. (31) Здесь же обреталась и небезызвестная Терция, завлеченная его хитростью и коварством: появление ее, говорят, произвело замешательство в этом лагере, так как знатная жена Клеомена Сиракузского, а с ней почтенная супруга Эсхриона не желали терпеть общество дочери мима Исидора; но сидящий пред вами Ганнибал, ценя своих людей не по знатности, а по отваге в совсем иных сражениях, так полюбил эту Терцию, что потом и в Рим ее с собой увез. XIII. И когда в эти дни в своем пурпурном греческом плаще и тунике до пят красовался он среди своих женщин, сицилийцы ничуть не обижались, что на форуме нет ни должностных лиц, ни судов, ни разбирательств; никто не огорчался, что весь берег звенит женским криком, пением и музыкой, а на форуме царит полная тишина; ведь не право и справедливость исчезали из города, а насилие и жестокость, яростный и наглый грабеж.

(32) И такого-то полководца защищаешь ты, Гортензий? и его хищенья, грабежи, алчность, жестокость, надменность, преступления ты пытаешься прикрыть хвалой его великим ратным подвигам? Поневоле я боюсь, как бы к концу твоей защиты не пришлось бы прибегнуть к давнему приему и примеру Антония, как бы не пришлось поднимать Верреса и обнажать его грудь, дабы римский народ узрел на ней шрамы – следы женских укусов, следы беспутства и похоти! (33) Хоть бы боги догадали тебя упомянуть о его военной службе! Пусть припомнятся его первые успехи, чтобы вы поняли, каков он был не только наверху, но и в подчиненном положении, вспомнятся и самые первые годы его службы, когда он позволял не только себя увлечь (в чем признается сам), но и с собою лечь; или в стане плацентинского игрока, где он неотлучно служил, но ничего не выслужил; да и мало ли других было потерь на этой службе,

окупавшихся лишь его цветущим возрастом! (34) А когда он закалился и его развратная выносливость опостылела всем, кроме него, – сколько крепостей, сколько твердынь добродетели взял он силою и дерзостью! Но меня это не касается, и не стану я из-за распутства Верреса бесчестить кого бы то ни было. Я не буду этого делать, судьи, оставим прошлое; а напомним только два недавних события, никого не задевающих, а по ним вы сможете судить и обо всем остальном. Первое известно всем и каждому: в консульство Луция Лукулла и Марка Котты ни в одном городишке не было такого простака, который бы пустился в Рим судиться и не знал бы, что столичный претор правит всякий суд по указке особы не самых строгих правил, по имени Хелидона. А второе: когда уже Веррес, облачившись в воинский плащ и присягнув служить своею властью на благо государства, покинул Рим, то еще не один раз он по ночам ради блудной нужды на носилках проникал в город к некоей женщине, хоть замужней, но многим доступной, – наперекор священному праву, наперекор знаменьям, наперекор людским и божеским заветам.

XIV. (35) О, бессмертные боги! Как же велика разница между людьми! Как отличны их помыслы, их стремления! Пусть же воля моя и надежды на грядущее будут вам и римскому народу так угодны, как для меня были священны все обязанности полномочий, доверяемых мне римлянами. Я стал квестором с мыслью, что должность эта не просто дана мне, но вверена. Я назначен был в провинцию Сицилию, — и мне казалось, что на меня устремлены все взоры, что я выполняю свое предназначение на каком-то всемирном театре и что всеми видимыми утехами не только буйных каких-нибудь вожделений, но и общей всем нам природы в этой роли должен я пренебречь. (36) А теперь я избран эдилом – и я сознаю, чего ждет от меня римский народ. Я с величайшим тщанием должен устроить священные игры в честь Цереры, Либеры и Либеры; я должен умилоствовать в пользу римского народа мать Флору пышностью игр в ее честь; мне доверено отпраздновать с верою и уважением старинные, впервые названные римскими, игры в честь Юпитера, Юноны и Минервы. Забота о священных зданиях, наблюдение за жизнью всего города – все это вменено мне

в обязанности. Вот за какие труды и заботы даны мне старшее место в сенате, тога с каймою, курульное кресло, право оставить свое изображение на память потомкам. (37) И хотя почет от римского народа весьма приятен мне, однако не столько в нем услад, сколько трудов и тревог, и поэтому я бы желал, судьи, – и да помогут мне боги! – своими стараньями доказать, что не поневоле первому случайному кандидату, но по справедливости нужному и признанному достойным предоставлено было это звание эдила.

XV. (38) А ты-то, когда выбился неведомо как в преторы (какими средствами – не стоит и говорить), когда тебя провозгласили претором, неужели же голос вестника, перечислявшего, сколько старших и младших центурий оказали тебе честь своим избранием, неужели этот голос не взволновал тебя настолько, чтобы ты призадумался о том, что частица государства – в твоих руках, что хотя бы в течение одного этого года тебе не пристало ходить и дом развратницы? Когда тебе выпал жребий вершить суд, неужели ни разу не подумал, какое в этом бремя, какая забота? Неужели, если бы ты вдруг очнулся, у тебя не достало бы ума сообразить, что должность, где с трудом управлялись мудрость и безупречность, досталась в удел небрежению и глупости? А ты не только не захотел, чтобы на время твоей претуры Хелидона ушла из твоего дома, – нет, ты и претуру перенес в ее дом!

(39) За претурою – наместничество. Но и здесь ни разу тебя не посетила мысль, что фаски, секиры, вся полнота власти, все сопутствующие ей знаки отличия не затем тебе даны, чтобы силой их и властью сокрушать все узы чести и долга, чтобы сделать своей добычей имущество всех и каждого, чтобы не было перед твоею алчностью и лютостью ни охраны для добра, ни замка для жилья, ни ограды для жизни, ни защиты для чести?

Ты так себя вел, что за всеми уликами вынужден был прибегнуть к рассказам о рабских мятежах. Ты же понимаешь, конечно, что этим себе не поможешь, – напротив, придашь силу обвинениям. Ты бы мог напомнить о последних вспышках бунта италийских рабов – о беспорядках в Темпсе: их послала тебе благосклонная судьба. Но ты не нашел в себе ни мужества, ни

усердия: ты остался таким же, как и прежде. XVI. (40) Когда пришли к тебе из Валенции и Марк Марий, красноречивый и знатный, от имени города просил тебя, чтобы ты стал, с твоим преторским званием и властью, настоящим вождем и усмирил этот маленький отряд мятежников, – что ты сделал? Ты не только уклонился от этого, ты не постыдился и в Италии выставить перед людьми свою Терцию, которую ты вез с собой; более того, принимая по столь важным делам граждан столь известного и славного города, ты одет был в темную тунику и греческий плащ! Как же, по-вашему, он вел себя по пути в Сицилию и в самой Сицилии, если даже на обратном пути, ожидая не триумфа, а суда, он сумел опозориться без всякого для себя удовольствия? (41) О, вещий ропот сената в храме Беллоны! Вспомните, судьи: уже сгустились сумерки, только что объявили о беспорядках в Темпсе, но некого было найти облеченного властью, чтоб отправиться в эти места; кто-то вспомнил, что недалеко от Темпсы находится Веррес, – но какой поднялся ропот, как открыто все первейшие сенаторы заговорили против него! А теперь, избалованный столькими обвинениями и свидетельствами, он еще надеется, что за него проголосуют письменно те, кто, еще не зная подробностей, осудили его открыто и вслух?

Второе слушанье дела, книга пятая

О КАЗНЯХ

Гай Веррес, претор 74 г. до н. э., был наместником Сицилии в 73-71 гг. По жалобам сицилийцев Цицерон в 70 г. обвинил его в вымогательстве, защитником Верреса был известный оратор, а позже – друг Цицерона Квинт Гортензий. Дело должно было слушаться в двух сессиях под председательством претора Мания Глабриона (§§ 76, 163); но уже на первой сессии сицилийцы представили столько неопровержимых обвинительных материалов (см. § 73 и др.), что Веррес признал себя побежденным и добровольно ушел в изгнание. (Он был убит в 43 г. во время тех же проскрипций, что и Цицерон.) Речь, заготовленная Цицероном для второй сессии, осталась произнесенной; он расширил ее и издал в письменном виде, в пяти книгах, продолжающих друг друга (I – о деятельности Верреса до

наместничества, II – о его злоупотреблениях при судопроизводстве, III – при сборе хлебных поставок для Рима, IV – о хищениях произведений искусства, V – о его злоупотреблениях при военной охране провинции). Так называемая речь «О казнях» представляет собой V книгу этой огромной «речи»; ее разделы: введение (1-4), бездействие Верреса в борьбе с рабами (5-41), в борьбе с пиратами (42-138) и предел его злоупотреблений – противозаконная расправа с римскими гражданами (139-172); патетическое заключение (173-189) относится ко всем пяти книгам.

Усмиритель Второго Сицилийского восстания рабов (104-101 гг. до н. э.) в единоборстве убивший их вождя Афиниона, был обвинен в вымогательстве и оправдан, когда защищавший его оратор Марк Антоний в заключение патетической речи разорвал на нем тунику и обнажил рубцы от ран на груди.

Восстание Спартака 73-71 гг.: в 71 г. восставшие рабы собирались из Южной Италии на пиратских судах переправиться в Сицилию (к Пелорскому мысу), но пираты их обманули.

Источник: Цицерон Избранные сочинения. – URL: https://librebook.me/izbrannyye_sochineniia/vol1/4

ГАЙ

Гай (лат. *Gaius*; II век) – один из наиболее влиятельных римских юристов, живший во времена правления Адриана, Антонина Пия, Луция Вера и Марка Аврелия. Принадлежал к сабинианской «школе». Гай составил комментарий к Законам двенадцати таблиц (лат. *Libri VI ad legem duodecim tabularum*), трактат из двух частей о преторском праве (лат. *Ad edictum urbicum*, *Ad edictum provinciale*), «Институции» (лат. *Institutiones* – «наставления»), 15 книг комментариев к закону Юлия и Папия (лат. *Libri XV ad legem Iuliam et Papiam*), замечания к «*Ius civile*» Квинта Муция Сцевола (лат. *Libri ex Quinto Mucio*) и учебник «Семь книг повседневных дел» (лат. *VII libri rerum cottidianum*).

ИНСТИТУЦИИ ГАЯ

Книга I

О ЛИЦАХ

Все народы, которые управляются законами и обычаями, пользуются частью своим собственным правом, частью общим правом всех людей: итак, то право, которое каждый народ сам для себя установил, есть его собственное право и называется правом гражданским... А то право, которое между всеми людьми установил естественный разум, применяется и защищается одинаково у всех народов и называется правом общенародным (*ius gentium*)... Таким образом, и римский народ пользуется отчасти своим собственным правом, отчасти правом, общим всем людям. 2. Гражданское право римского народа состоит из законов, решений плебеев, постановлений сената, указов императоров, эдиктов магистратов и из ответов правоведов. 3. Закон есть то, что народ римский одобрил и постановил; плебейское решение есть то, что плебеи одобрили и постановили. Плебс отличается от народа тем, что словом «народ» обозначаются все граждане, включая сюда и патрициев; наименованием же плебса обозначаются прочие граждане, за исключением патрициев. Вот поэтому-то

патриции некогда утверждали, что постановления плебеев для них не обязательны, так как они составлены без их соизволения и участия. Но впоследствии был издан закон Гортензия, которым было определено, что постановления плебейских собраний обязательны для всего народа. 4. Сенатское постановление есть то, что сенат повелевает и устанавливает; оно имеет силу закона, хотя это было спорно. 5. Указы императора есть то, что постановил император или декретом, или эдиктом, или рескриптом; и никогда не было сомнений в том, что указ императора имеет силу настоящего закона... 6. Эдикты суть постановления и предписания тех должностных лиц, которые имеют право их издавать. Право издавать эдикты предоставляется магистратам римского народа; самое важное значение... имеют эдикты двух преторов – городского и peregrinского, юрисдикция которых в провинциях принадлежит их наместникам. То же самое относится к эдиктам курульных эдилов, юрисдикцию которых в провинциях римского народа имеют квесторы. 7. Ответы правоведов – это мнения и суждения юристов, которым позволено было устанавливать и творить право. Если мнения этих лиц сходятся, то приобретает силу закона то, в чем они согласны. Если же мнения юристов не согласны между собою, то судье предоставляется право следовать тому мнению, которое он считает самым лучшим, – что прямо выражается в рескрипте блаженной памяти Адриана. 8. Все право, которым мы пользуемся, относится или к лицам, или к вещам (объектам), или к искам. Прежде всего рассмотрим значение лиц. 9. Главное разделение в праве лиц состоит в том, что все люди – или свободные, или рабы. 10. Далее, из свободных людей одни — свободнорожденные, другие – вольноотпущенные. 11. Свободнорожденные суть те, которые родились свободными; вольноотпущенные – это те, которые отпущены на волю из законного рабства. 17. Лицо, удовлетворяющее следующим трем условиям: если оно старше тридцати лет, было собственностью господина по квинритскому праву и получило свободу вследствие законного отпущения на волю, то есть или посредством *vindicta* (юридического акта), или вследствие занесения в цензорский список, или в силу завещания – то такое лицо признается римским гражданином. В случае

если одного из этих условий недостает, оно будет латином. По квинитскому праву, мы приобретаем раба в собственность не только на основании того, что мы покупаем его за наши деньги, но законное приобретение раба связано еще с рядом условий...; поэтому вещи, которые... принадлежат к разряду *res mancipi*, но все-таки не приобретены ни в силу манципации, ни посредством мнимой виндикации, ни на основании давности, считаются только бонитарной собственностью приобретателя. 36. Не всякий желающий может отпускать раба на волю. 37. Отпущение раба на волю во вред кредиторам или патрону не имеет законной силы... 38. Точно также... господин, которому менее двадцати лет, только тогда может отпускать на волю, когда отпущение совершается посредством суда... 40. ...Достигший 14-летнего возраста, хотя и может составлять завещание, назначать себе в нем наследника и устанавливать отказы, но не может предоставлять рабу свободы, не достигши 20 лет. 42. Кроме того, закон Фуфия Каниния установил известные пределы при отпущении рабов на волю по завещательному распоряжению.

Книга II О ВЕЩАХ

2. Итак, главное деление вещей состоит в том, что одни вещи – божественного права, другие – человеческого. 3. К категории вещей божественного права принадлежат вещи, посвященные божеству, и вещи со священным значением. 10. Те вещи, которые принадлежат к категории вещей человеческого права, составляют собственность или государства, или частных лиц. 11. То, что принадлежит государству или общинам, не составляет, по-видимому, ничьей частной собственности, так как государственные имущества принадлежат всему обществу граждан. Частные же имущества – это те, которые принадлежат отдельным лицам. 12. Кроме того, некоторые вещи суть телесные, физические; другие – бестелесные... 13. Физические вещи – это те, которые могут быть осязаемы, как-то: земля, раб, платье, золото, серебро и бесчисленные другие вещи. 14. Бестелесные – это те, которые не могут быть осязаемы; к

таковым принадлежат те, которые заключаются в праве, например, наследство, ... обязательства, каким бы то ни было образом заключенные, и нисколько не важно то, что в наследстве заключаются физические вещи, ... а также и то, что нам следует по какому-либо обязательству большею частью физический предмет, как, например, земля, раб, деньги; но самое право наследования, ... обязательственное право считаются *res incorporales*, т.е. бестелесными вещами.

14а. Кроме того, существует деление вещей на два разряда: на *res mancipi* и *res nec mancipi*. 14в. К *res mancipi* относятся рабы, быки, лошади, ослы, мулы и земли, далее строения на италийской земле... 17. ...Почти все то, что относится к разряду бестелесных вещей, причисляется к *res nec mancipi*, за исключением сельских сервитутов, которые, как известно, считаются *res mancipi*, хотя и принадлежат к числу вещей бестелесных. 18. Велика, однако, разница между вещами *mancipi* и *nec mancipi*. 19. А именно, *res nec mancipi* переходят в собственность другого лица вследствие простой передачи, если только вещи эти физические и вследствие этого допускают передачу. 20. Следовательно, если я передаю тебе платье, или золото, или серебро, на основании продажи, дарения или каким-нибудь другим образом, то вещь эта делается тотчас же твоею, без соблюдения каких-либо торжественных формальностей. 22. *Res mancipi* – это те, которые переходят к другому лицу посредством манципации; вот почему эти вещи и названы *mancipi*. Какое значение и какую силу имеет манципация, точно такую же силу имеет форма приобретения прав, называемая *in jure cessio*. 24. Сделка *in jure cessio* совершается следующим образом: перед (судящим) магистратом римского народа, например, перед претором или наместником провинции, тот, кому вещь переуступается, держа ее произносит: «Я утверждаю, что этот человек [2] мой по праву квинитов». Затем, после того, как он заявил такую виндикацию, претор спрашивает отчуждающего, не имеет ли он какой-нибудь претензии (по отношению к спорному предмету)? Когда этот последний скажет, что нет, или молчит, тогда претор присуждает предмет виндицирующему (приобретающему)... 25. В большинстве случаев, однако, ... мы прибегаем к манципационной форме, для которой всегда легко найти между друзьями

свидетелей; поэтому не нужно с целью совершать *in iure cessio* обращаться к претору или наместнику провинции, что соединено с известными трудностями.

26а. Поземельные участки, находящиеся в провинциях, не только не считаются собственностью владельцев, но там даже нет никакой свободной общины [3].

40. Следует заметить, что у иностранцев есть только один вид собственности, а именно – каждый будет или собственником, или таковым не считается; таким же правом пользовался когда-то и римский народ, каждый или был собственником по квинритскому праву, или таковым не считался. Но впоследствии принято такое деление собственности, что один мог быть собственником по квинритскому праву, а другой – простым обладателем (*in bonis habere*).

41. Если вещи, принадлежащей к *res mancipi*, я ни манципирую, ни уступаю тебе перед судящим претором и только передаю ее тебе, то ты будешь вещью просто обладать, а я буду ее квинритским собственником до тех пор, пока ты не приобретешь собственности на основании давностного владения, ибо, раз истек срок давности, вещь становится твоей полной собственностью, не только бонитарной (*in bonis esse*), но и по праву квинритов (*ex iure Quiritium*), как если бы она была передана другому лицу манципацией или *in iure cessio*.

42. По законам XII таблиц срок давности для вещей движимых – годовой; для недвижимых – двухгодичный.

43. Впрочем, мы можем приобрести за давностью вещи, переданные нам не их собственником, все равно будут ли это вещи, принадлежащие к числу *mancipi* или *res mancipi*, если только мы получили таковые в доброй воле, полагая, что тот, кто передавал, имел право на отчуждение данной вещи.

44. Это, по видимому, введено для того, чтобы правоотношения собственности не оставались слишком долгое время неопределенными, так как для собеседника, чтобы он успел своевременно защитить свое право, достаточен тот годичный или двухгодичный срок, который предоставлялся владельцу для приобретения собственности давностью.

45. Но иногда тот, кто владеет чужой вещью добросовестно, не может сослаться на право давности, например, если кто владеет ворованной или насильственно захваченной вещью, ибо по закону XII таблиц не подлежали давности украденные вещи, а по закону Юлия и Плавтия

насиленно отнятые. 48. Равным образом исключались из-под действия давности свободные люди, вещи священные и религиозные. 49. Когда выше сказано, что вещи ворованные и насиленно захваченные... не подлежат давности, — это означает не то, что сам вор или тот, кто завладел при помощи насилия, не мог приобрести право собственности на основании давности (ибо таким лицам не предоставляется право давности по другой причине, именно тому, что они добросовестно владеют), но и никто другой, хотя бы он и приобрел вещь у вышеупомянутых лиц в доброй вере, не имеет выгод давностного владения. 50. Посему в движимом имуществе нелегко иметь добросовестному владельцу право давности, ибо кто чужую вещь продает или передает, тот совершает кражу.

Книга III

ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

1. Наследство умерших без завещания принадлежат по закону XII таблиц, во-первых, «своим» (ближайшим) наследникам. 2. «Своими» наследниками считаются те дети, которые состояли под властью наследодателя (до самой его смерти), как, например, сын или дочь, внук и внучка от сына, правнук и правнучка, рожденные от ближайшего нисходящего агната по мужской линии, и безразлично, естественные ли они дети или усыновленные. Но внук или внучка, правнук или правнучка только тогда включались в число «своих» наследников, когда предшествующее лицо перестает быть во власти (агнатской) восходящего, случится ли это вследствие смерти или по другой причине, как, например, вследствие освобождения из-под родительской власти. Поэтому, если сын будет во власти отца во время смерти последнего, то внук от него не может быть «своим» наследником... 3. Точно так же жена, которая находится под мужней властью того, кто умирает, является «своей» наследницей, так как она занимает место дочери; равным образом и невестка, которая остается во власти сына (считается «своей» наследницей), так как она занимает место внучки... 4. «Своими» наследниками считаются также родившиеся по смерти отца, которые были бы под властью отца, если бы родились при его жизни. 8. Так как

было принято, что внуки и внучки, равно правнучки наследуют вместо своего (агнатского) восходящего, то считали целесообразным... делить наследство не поголовно, а поколенно, так чтобы сын имел одну половину наследства, а два или более внуков от другого сына получали другую половину; ...если имеются внуки от двух сыновей, с одной стороны, один или два, с другой – три или четыре, то одна половина наследства принадлежит одному или двум, а другая – троим или четверым. 9. Если (после умершего) не было «своих» наследников, то наследство, по тому же самому закону XII таблиц, принадлежит агнатам. 10. Агнатами называются те лица, которые соединены гражданским родством; гражданским считается то родство, которое возникает через лиц мужского пола. Таким образом, братья, рожденные от одного и того же отца, суть агнаты по отношению друг к другу... Точно так же дядя по отцу будет агнатом по отношению к сыну брата, и в свою очередь последний будет агнатом по отношению к первому... Таким образом, мы могли бы насчитать много степеней агнатства. 11. Однако, закон XII таблиц дает наследство не всем агнатам одновременно, а только тем, которые находятся в ближайшей степени родства... 17. Если (после умершего) не оставалось ни «своих», ни агнатов, то тот же закон XII таблиц призывает к наследованию родичей (гентилов). ...Но так как... все родовое (гентильное) право совершенно вышло из употребления, то мы считаем излишним толковать здесь об этом предмете слишком подробно. 18. В этих пределах заключаются по закону XII таблиц права наследства после лиц, умерших без завещания. Всякий может понять, какова была строгость и сжатость этого закона. 19. Так, например, эманципированные дети по этому закону не имеют никакого права на наследство агнатских восходящих, так как они перестают быть «своими» наследниками. 25. Но эта чрезмерная строгость права была впоследствии исправлена эдиктом претора. 26. Претор призывает всех детей, не имеющих по закону XII таблиц прав наследования, совершенно, как если бы они были во власти восходящего еще во время его смерти, не делая разницы, будут ли они одни или совместно со «своими» наследниками, то есть теми, которые оставались во власти отца. 32. Лица, призываемые к наследованию

претором, не делаются наследниками в силу закона... Но если претор предоставляет им (не право, а) владение наследственным имуществом, то они считаются как бы наследниками. 80. Однако, имущество не переходит к преторским наследникам (владельцам)... в полную собственность; но им предоставляется только обладание вещами; имущество делается их квинтискою собственностью только по истечении давности... 88. Теперь перейдем к обязательствам, главное деление которых распадается на два вида: каждое обязательство возникает или из договора, или из деликта. 89. Рассмотрим прежде те, которые происходят из договора; их четыре вида: именно они возникают вследствие передачи вещи, или торжественными словами, или письменным образом, или простым соглашением. 90. Обязательство заключается передачей вещи, например, когда дают в заем. Заем в тесном смысле возникает при тех вещах, которые определяются весом, счетом и мерою, как, например, наличные деньги, вино, масло, хлеб в зерне, медь, серебро, золото; эти вещи мы даем или счетом, или мерою, или весом для того, чтобы они сделались собственностью получающих, и чтобы со временем были возвращены нам не те же самые вещи, но другие того же свойства и качества. 92. Обязательство словами заключается посредством вопроса и ответа, например: «Обязуешься торжественно дать? Обязуюсь. Обещаешь? Обещаю. Ручаешься? Ручаюсь. Сделаешь? Сделаю». 93. Но что касается следующего вида словесного обязательства: «Обязуешься ли торжественно дать? Обязуюсь». (*Dari spondes? Spondeo*), – то он свойственен только римским гражданам. Прочие же виды принадлежат общенародному праву и употребляются между всеми людьми, как между римскими гражданами, так и иностранцами... 97. Если то, что мы стипулируем, не может быть дано, то стипуляция будет ничтожна, например, если кто при помощи стипуляции будет требовать для себя свободного, которого считал рабом, или покойника, которого считал живым... 97а. Точно так же, если кто будет стипулировать, чтоб ему дали вещь, которой в действительности не существует..., то стипуляция будет недействительна. 98. Если, кто стипулирует с прибавлением невозможного условия, например, «если он коснется пальцем неба», то стипуляция

недействительна. 102. Кроме того, стипуляция недействительна, если кто-либо не отвечает на предложенный вопрос, или когда кто будет стипулировать, чтобы ты дал 10 сестерциев, а ты обещаешь 5 сестерциев, или я стипулирую безусловно, а ты обещаешь под условием. 104. Также недействительна стипуляция, когда я стипулирую от подвластного мне, или когда он стипулирует от меня. ...Раб и тот, кто в кабале, и дочь семейства, и жена, находящаяся во власти мужа, не могут обязываться не только по отношению к своему господину, но и по отношению к кому-либо другому. 106. Сумасшедший не может совершать никакого юридического акта, так как он не понимает, что делает. 107. Малолетний совершает законно всякую юридическую сделку, лишь бы только опекун принимал участие там, где утверждение опекуна необходимо... 108. То же самое правило применяется относительно женщин, состоящих под опекой. 128. Обязательство основывается на письменном документе, если, например, оно заносится в приходно-расходную книгу... 134. Кроме того, письменное обязательство возникает, по-видимому, вследствие долговых расписок... Этот вид обязательства свойственен иностранцам. 135. Обязательства возникают путем простого соглашения (между сторонами) при купле-продаже, найме, товариществе, поручении. 136. Говорят, что в этих случаях возникает обязательство в силу соглашения (consensus) сторон; поэтому нет никакой необходимости ни в словах, ни в письме, но достаточно, чтобы те, кто заключает обязательство, пришли к согласию. Вот почему такие сделки заключаются и между отсутствующими...

Книга IV ОБ ИСКАХ

1. Нам остается поговорить об иском. Если зададимся вопросом, скольких родов бывают иски, то правильнее всего принять два рода исков: вещные и личные. 2. Личным будет тот иск, который мы заявляем против того, кто ответственен или по договору, или по деликту; то есть личный иск бывает тогда, когда мы формулируем исковое заявление таким образом, что ответчик должен

или передать, или сделать, или предоставить что-либо. 3. Вещный иск имеет место тогда, когда мы заявляем и утверждаем, что физическая вещь – наша, или поднимаем спор о том, что мы имеем какое-либо право... 5. Вещные иски называют еще виндикациями, а личные иски, в которых мы выражаем требование дать что-либо в собственность или сделать что-нибудь, называются кондикциями. 10. ...Одни иски таковы, что предъявляются по точной исковой формуле, а другие имеют силу и значение сами по себе. Для того, чтобы это стало ясно, необходимо прежде поговорить о законных исковых формулах. 11. Иски, которые были в употреблении у древних, назывались *leges actiones*, потому ли, что были установлены законами, так как в то время не были еще в употреблении преторские эдикты, которые ввели новые иски, или потому, что в исковых формулах воспроизводились слова и выражения закона, которые считались неизменными подобно самим законам. Вот почему, если кто-либо отыскивал вознаграждение за поврежденные виноградные лозы, называя их лозами, то отвечали, что он проиграл иск, так как должен был назвать лозы деревьями на том основании, что закон XII таблиц, согласно которому давался иск по поводу срезанных лоз, говорит о деревьях... 16. При вещных исках движимости и одушевленные предметы, которые можно было доставить в суд перед претором, виндицировались следующим образом. Тот, кто виндицировал, держал прут; затем хватал вещь, например, раба, и произносил следующее: «Я утверждаю, что этот раб, по указанному основанию, мой по квинритскому праву, и поэтому я налагаю на него мой прут», при этом он налагал на раба прут. Ответчик произносил те же слова и делал то же самое. После того как оба виндицировали, претор провозглашал: «Отпустите этого раба». Стороны повиновались. Виндицировавший истец спрашивал ответчика, а тот в свою очередь, спрашивал истца: «Прошу тебя сказать, на каком основании ты виндицировал?»; тот отвечал: «Я доказал мое право, наложив прут»; тогда тот, кто первый виндицировал, произносил: «На случай, если ты незаконно виндицировал, я призываю тебя представить сакраментальную сумму в пятьсот ассов» [8]. Противник также говорил: «Равным образом, и я тебя». ...Если спор шел о вещи,

стоимость которой была меньше тысячи ассов, то назначали залог в пятьдесят ассов. Затем следовало то же самое, что происходило при личном иске [9]. После этого претор ... присуждал владение вещью на время спора из-за собственности кому-либо из тяжущихся, которому и приказывал гарантировать противнику ...целость вещи и доходы с нее. ...Палочку или прут употребляли вместо копья, как символ законной собственности, так как полагали, что самая бесспорная собственность та, которую захватили у врага. Вот почему (при разбирательстве дел) в центуриальной коллегии (*in centumviralibus iudiciis*) выставлялось копье.

17. Если вещь была такова, что без неудобств нельзя было доставить ее в суд, например, ...стадо какого-либо скота, то брали часть спорного предмета... Таким образом, из стада в суд приводили одну овцу или козу, или даже брали шерсть животного, которую приносили в суд. От корабля... отламывали какую-либо часть. Равным образом, если спор шел относительно земли, здания или наследства, то брали часть и приносили в суд, и над этой частью происходила виндикация, как если бы налицо был весь спорный предмет: из земли, например, брали кусок, из дома – черепицу, а если спор шел о наследстве, то, равным образом, брали из него вещь или какую-либо часть его... 30. Все эти формы судопроизводства мало-помалу вышли из употребления, так как вследствие излишней мелочности тогдашних юристов, которые считались творцами права, дело было доведено до того, что малейшее отклонение от предписанных форм и обрядов влекло за собой проигрыш дела; поэтому законом Эбуция и двумя законами Юлия отменены были эти торжественные иски и введено судопроизводство посредством формул. 34. ...В некоторых формулах содержатся фикции...; например, когда тот, кто на основании эдикта потребовал владения наследством, действовал как наследник; так как этот последний вступает на место покойника по преторскому, а не по цивильному праву, то он не имеет прямых исков и не вправе утверждать, что ему принадлежит то, что принадлежало покойному; равным образом он не может утверждать, что ему должны то, что следовало покойному. ...Его притязания формулируются следующим образом: «Такой-то назначается судьей. Если бы в том случае, когда

Авл Агерий, т.е. истец, был бы наследником Луция Тиция, такая-то земля, о которой теперь ведется дело, должна была бы принадлежать ему по праву Квиритов, то ты, судья, присуди эту землю Авлу Агерию». 36. Точно так же предполагается истекшею в том иске, который называется Публициевым. Он предоставляется тому, кто, не успев еще приобрести на основании давности вещи, переданной ему... путем *traditio*, отыскивает ее судебным порядком, лишившись владения ею; так как он не может требовать ее как принадлежащую ему по квиритскому праву, то предполагается, что он приобрел ее в собственность на основании давности и таким образом как будто бы сделался собственником по квиритскому праву; его исковое требование формулируется следующим образом: «...Если раб, которого Авл Агерий купил и который ему передан, должен был бы принадлежать Авлу Агерию по праву Квиритов, коль скоро он провладел бы им в течение года, то ты, судья, осуди Н.Н. (ответчика); если же сказанного не окажется, то оправдай его». 37. Равным образом предполагается римское гражданство у иностранца, если от имени его предъявлялся иск или когда против него начинают тяжбу, ...когда, например, иностранец предъявляет, или против него предъявляется иск о краже или о содействии или советах при совершении воровства. ...Точно так же, если иностранец предъявляет иск по Аквиллиеву закону о вреде, нанесенном чужому имуществу, или, если против него начинают иск, то судебное решение должно быть произнесено в предположении, что он римский гражданин. 39. Главные части исковых формул следующие: краткое изложение фактов, вызвавших процесс (*demonstratio*); изложение требований истца (*intentio*); уполномочение судьи на присуждение сторонам какой-либо вещи в собственность (*adjudicatio*); уполномочение судьи на осуждение или оправдание ответчика (*condemnatio*). 40. Демонстрация есть та часть исковой формулы, которая вставляется для того, чтобы указать вещь, о которой идет спор, например, следующая часть формулы: «...так как Авл Агерий продал Нумерию Негидию раба»... 41. Интенция есть та часть формулы, которая выражает притязание истца, например, следующая часть формулы: «если окажется, что Нумерий Негидий должен дать Авлу Агерию

десять тысяч сестерций»... 42. Адьюдикация есть та часть судебной формулы, в которой судье предоставляется присудить вещь какой-либо из сторон, например, если между сонаследниками идет спор о дележе наследства, ...или между соседями об установлении границ. Эта часть гласит: «Сколько следует присудить, столько ты, судья, присуди тому, кому должно». 43. Кондемнация есть та часть формулы, на основании которой судья уполномочивается осудить или оправдать ответчика, например, следующая часть формулы: «Судья, присуди Нумерия Негидия уплатить Авлу Агерию десять тысяч сестерций. Если же долга за Нумерием Негидием не окажется, то оправдай». Или следующая: ... «Судья, присуди Нумерия Негидия уплатить Авлу Агерию» и проч., так что слова «десять тысяч» не прибавляются. 44. Однако не все эти части находятся одновременно во всех формулах; иногда встречается только одна какая-нибудь часть, а других нет; по крайней мере иногда находится только одна интенция, как в преюдициальных исках, в которых, например, разбирается вопрос, свободен ли данный раб, как велико приданое и многие другие; демонстрация, адьюдикация и кондемнация одни никогда не встречаются, так как демонстрация без интенции или без кондемнации не имеет никакого значения. Равным образом кондемнация или адьюдикация не имеет никакой силы без интенции, и потому они одни никогда не употребляются. 75. На случай преступления, совершенного сыновьями и рабами, если они, например, совершили кражу или нанесли обиду, установлены ноксальные [10] иски, по которым отцу или господину предоставляется или принять на себя последствия совершенного преступления в виде вознаграждения, или же выдать виновного головой...

Источник: Гай. Институции / Пер. с лат. Ф. Дыдынского. Под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – Москва: Юрист, 1997. – 368 с.

РАЗДЕЛ 2. РАЗВИТИЕ ИДЕИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ФОМА АКВИНСКИЙ

Фома Аквинский (1225-1274) – один из крупнейших средневековых теологов и философов, признанный католиками Учителем Церкви и святым, а его учение считается наиболее близким католическому вероучению.

Основные работы: «Сумма теологии», «О правлении государей». На Фому Аквинского большое влияние оказал Аристотель. Фома Аквинский в своем учении предложил синтез католической веры и философии Аристотеля.

О ПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРЕЙ

Книга I

Глава 1. О том, что нужно, чтобы вместе живущими людьми кто-то правил

А начать наш труд следует так, чтобы было ясно, что нужно понимать под словом царь. Ведь всем, кто направляется к какой-либо цели, всем, кому выпадает на долю так или иначе к ней продвигаться, необходимо какое-либо направляющее начало, с помощью которого он прямо дойдет до необходимой цели. Ведь корабль, которому выпадает на долю двигаться то в ту, то в другую сторону, под напором разных ветров, не пришел бы к намеченной цели, если бы не направлялся к гавани трудами кормчего; и у человека также есть какая-либо цель, к которой направляется вся его жизнь и деятельность, так как он действует с помощью рассудка, задачей которого является, очевидно, служить достижению цели. С другой стороны, людям выпадает на долю продвигаться к намеченной цели различными путями, что обнаруживает само по себе различие человеческих наклонностей и действий. Итак, человек нуждается в чем-либо, направляющем его к цели. Существует ведь естественно присущий каждому из людей свет

разума, благодаря которому он в своих действиях направляется к цели. И если бы только человеку подобало жить одному, как живут многие животные, он не нуждался бы ни в чем ином, направляющем его к цели, но каждый сам был бы себе царем под властью Бога, наивысшего царя, поскольку в своих действиях человек сам направлял бы себя данным ему по воле Бога светом разума. Для человека, однако, так как он существо общественное и политическое, естественно то, что он живет во множестве; даже еще более, чем все другие существа, ибо этого требует естественная необходимость. Ведь все другие существа от природы обеспечены пищей, покровом из шерсти, защитой, например, клыками, рогами, когтями или, по крайней мере, проворством в беге. Человек, напротив, создан так, что природа не наделила его ни одним из этих качеств, но вместо всего этого ему дан разум, благодаря которому он мог бы обеспечить себя всем этим при помощи рук. Один человек, однако, не в состоянии справиться со всем тем, что должно быть обеспечено. Поистине, один человек сам по себе не смог бы выжить. Итак, для человека естественно, что он живет в обществе многих. Более того: другим существам присуще природное чутье ко всему тому, что им полезно или вредно, например, овца от природы определяет в волке врага. Некоторые животные с помощью природного умения узнают какие-либо целебные травы и прочее, необходимое им для жизни. Человек же имеет врожденное знание о том, что ему необходимо для его жизни, только в общем, как если бы он был в состоянии дойти с помощью разума от познания общих начал до единичных, необходимых для его жизни. Невозможно, однако, чтобы один человек своим разумом постиг все вещи такого рода. Следовательно, человеку надлежит жить во множестве, чтобы один помогал другому, и разные люди использовали свой разум для того, что необходимо узнать в различных областях, например, один – в медицине, другой – в том, третий – в этом. Это еще более очевидно обнаруживается в том, что является неотъемлемо присущим человеку, – в употреблении речи, благодаря чему один человек может вполне выразить другим свои мысли. Правда, и другие существа в основном выражают друг другу свои чувства; как собака передает лаем гнев,

так и другие существа выражают свои чувства различными способами. Итак, люди теснее связаны с себе подобными, чем какие бы то ни было другие существа, которые считаются стадными, например, журавль, муравей или пчела. Рассматривая это, Соломон в Экклезиасте (IV, 9) говорит: «Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их». Итак, если для человека естественно, что он живет в обществе многих, то людям нужно, чтобы было у людей то, чем общество управляемо. (...)

Кому-то из тех, кто направляется к цели, удастся достичь ее прямым, а кому-то непрямым путем. Поэтому и в правлении множеством встречается справедливое и несправедливое. Прямым является всякое правление, когда оно ведет к подобающей цели, непрямым же – когда к неподобающей. Множеству свободных и множеству рабов подобают разные цели. Ибо свободен тот, кто сам является своей причиной, а раб – тот, кто является тем, что он есть, по причине другого. Итак, если множество свободных людей направляется властителем к общему благу этого множества, это правление прямое и справедливое, какое и подобает свободным. Если же правление направлено не к общему благу множества, а к личному благу властителя, это правление несправедливое и превратное. Поэтому Господь грозил таким правителям через Иезекииля (XXXIV, 2), говоря: «Горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! (словно бы ища собственных выгод). Не стадо ли должны пасти пастыри?». Поскольку пастыри должны заботиться о благе стада, то и любые правители должны заботиться о благе подвластного им множества.

Итак, если несправедливое правление вершится только одним, который стремится извлечь из правления свой интерес, а вовсе не благо для подвластного ему множества, такой правитель зовется тираном (каковое наименование производится от «силы»), потому что, как известно, он угнетает мощью, а не правит по справедливости, отчего и у древних могущественные люди назывались тиранами. Если несправедливое правление вершится не одним человеком, а большим количеством людей – если только не многими – оно называется олигархией, т. е. это главенство немногих, когда, как известно, немногие

подавляют плебс ради обогащения, отличаясь от тирана только количеством. Если же несправедливое правление осуществляется многими, это именуется демократией, что означает засилье народа, когда люди из простого народа подавляют богатых. Таким образом, весь народ выступает как один тиран. Подобным же образом следует различать и справедливое правление. Так, если управление осуществляется каким-либо множеством – это называется полития, например, когда множество, состоящее из воинов, главенствует в городе-государстве или провинции. Если же управление осуществляется немногими, но обладающими превосходными качествами людьми, правление такого рода называется аристократия, т. е. лучшая власть, или власть лучших, тех, которые оттого и называются оптиматами. Если же справедливое правление осуществляется одним, он правильно называется царем. Поэтому Господь устами Иезекииля (гл. XXXVII, 24) говорит: «А раб Мой Давид будет царем над ними, и один будет пастырь всех их». Отсюда, очевидно, явствует, что царем следует считать того, кто главенствует один, причем это пастырь, пекущийся об общем благе множества, а не о своей выгоде.

Поскольку человеку приходится жить во множестве, так как он не может обеспечить себя жизненно необходимым, если останется один, то общество многих будет тем более совершенно, чем более оно сможет обеспечить себя жизненно необходимым. Ведь в одной семье, живущей в одном доме, имеются какие-то вещи, необходимые для жизни, а именно столько, сколько нужно для естественных процессов – питания, продолжения рода и прочего в этом смысле; на одной улице – столько, сколько нужно для одного ремесла; в городе-государстве же, которое является совершенной общностью, столько, сколько нужно для всех жизненно важных потребностей, но еще более – в одной провинции вследствие необходимости борьбы и взаимной помощи против врагов. Поэтому-то тот, кто царит в совершенной общности (как-то городе-государстве или провинции) антономастически¹³ называется царь; тот же, кто царит в доме, зовется не царем, а отцом семейства. Он, однако, имеет некоторое сходство с царем, из-за чего царей иногда именуют отцами народов.

Из сказанного следует, что царем является тот, кто управляет множеством одного города-государства или провинции, и управляет ради общего блага. Поэтому Соломон в Экклезиасте (V, 8) говорит: «Царь всей земли повелевает служащим ему».

Глава II. О том, что полезнее, чтобы множеством вместе живущих людей управлял один, чем многие

После того, что сказано ранее, следует задаться вопросом, что более подходит для провинции или города-государства: быть управляемыми одним или многими.

Итак, один управляет лучше, чем многие, потому что они только приближаются к тому, чтобы стать единым целым. К тому же то, что существует по природе, устроено наилучшим образом, ведь природа в каждом отдельном случае действует наилучшим образом, а общее управление в природе осуществляется одним. В самом деле, среди множества частей тела существует одна, которая движет всем, а именно сердце, и среди частей души по преимуществу главенствует одна сила, а именно разум. Ведь и у пчел один царь, и во всей вселенной единый Бог, творец всего и правитель. И это разумно. Поистине всякое множество происходит от одного. А потому, если то, что происходит от искусства, подражает тому, что происходит от природы, и творение искусства тем лучше, чем больше приближается к тому, что существует в природе, то из этого неизбежно следует, что наилучшим образом управляется то человеческое множество, которое управляется одним.

Это подтверждается на опыте. Ибо провинции или города-государства, которыми управляет не один, одолеваемы раздорами и пребывают в волнении, не зная мира, что, очевидно, нужно дополнить тем, что Господь, сетуя, говорил устами Пророка (Иеремия, XII, 10): «Множество пастухов испортили мой виноградник». И напротив, провинции и города-государства, которые управляются одним государем, наслаждаются миром, славятся справедливостью и радуются процветанию.

Глава III. О том, насколько господство одного наилучшее, когда оно справедливо, насколько противоположное ему – наихудшее; доказывается при помощи многих соображений и аргументов

Так же как правление царя – наилучшее, так правление тирана – наихудшее. Демократии же противопоставляется полития, в самом деле, как явствует из сказанного, оба эти правления осуществляются многими; аристократии же – олигархия, ибо в обоих случаях управляют немногие; а монархии – тирания, ведь оба правления вершатся одним. Ранее было показано, что наилучшим правлением является монархия. Следовательно, если наилучшее противостоит наихудшему, тирания неизбежно является наихудшим правлением.

Кроме того, единая сила более действенна в исполнении намеченного, чем рассеянная или разделенная. Ведь многие, объединившись вместе, тянут то, что не смогут вытянуть поодиночке, если разделить груз на каждого. Следовательно, насколько более полезно, когда сила, действующая во благо, более едина, так как она направлена к совершению добра, настолько более пагубно, если сила, служащая злу, едина, а не разделена. Сила же нечестивого правителя направлена ко злу множества, так как общее благо множества он обратит только в свое собственное благо. Итак, чем более едино правительство при справедливом правлении, тем более приносит пользы; так, монархия лучше, чем аристократия, а аристократия лучше, чем полития. Для несправедливого правления верно обратное – так, очевидно, настолько правительство более едино, настолько более пагубно. Итак, тирания более пагубна, чем олигархия, а олигархия, чем демократия.

Более того, правление становится несправедливым вследствие того, что, поправ общее благо множества, добивается блага только для правителя. Следовательно, чем больше отвергают общее благо, тем более несправедливо правление; а отвергают общее благо больше при олигархии, когда добиваются блага для немногих, чем при демократии, когда добиваются блага для многих, и

еще более отступают от общего блага при тирании, когда добиваются блага только для одного; ведь всей совокупности ближе многое, чем немногое, и немногое, чем только одно. Поэтому правление тирана самое несправедливое. (...)

Итак, лучше, чтобы справедливое правление было правлением только одного еще и потому, что оно сильнее. Если же правление обратится в несправедливое, лучше, чтобы это было правление многих, так как оно слабее и правящие мешают друг другу. Поэтому из несправедливых правлений более сносной является демократия, наихудшей же тирания.

Это становится еще более очевидным, если рассмотреть те несчастья, которые происходят от тирании. Ведь когда тиран, попирая общее благо, ищет свое, он неизбежно будет разными способами мучить своих подданных, так как обуреваемый желанием обладать какими-либо благами, подпадет под влияние различных страстей. (...) Он притесняет подданных не только в том, что касается земных благ, но даже в том, что касается благ духовных, ибо те, кто более стремится быть первым, чем полезным, мешают любому успеху подданных, боясь, чтобы превосходные качества последних не причинили ущерба их собственному неpravому господству. Ведь тиран опасается порядочных людей более, чем дурных, и его всегда страшат чужие достоинства. Ибо упомянутые тираны стараются помешать тому из их подданных, кто, движимый добродетелью и величием духа, может прийти к намерению больше не терпеть их неpravого господства. Они стремятся, чтобы между подданными не укреплялся союз дружбы, чтобы они, напротив, не радовались благам мира, поскольку они ничего не могут замышлять против его господства, пока один другому не доверяет. (...) [238].

Глава IV. О том, как разнообразно было правление у римлян и как иногда их государство чрезвычайно усиливалось при правлении многих

Итак, поскольку и лучшее и худшее начала заключаются в монархии, то есть во власти одного, многим достоинства царской власти представляются

ненавистными из-за коварства тиранов, если же, напротив, желают правления царя, попадают под свирепое царствование тиранов, ведь немалое количество правителей стало тиранами, прикрываясь званием царя. Очевидным примером таких случаев является Римская республика. После того как цари были изгнаны римским народом, который не мог более выносить царское, или, лучше сказать, тираническое, самовластие, они установили у себя для руководства и управления консулов и другие должности, желая заменить монархию аристократией, и, как передает Саллюстий: «Вскоре после того, как Римское государство обрело свободу, оно поразительным образом усилилось в течение короткого времени». Ибо часто случается, что люди, живущие под властью царя, менее пекутся об общем благе, полагая, что то, чем они жертвуют во имя общего блага, пойдет на пользу не им самим, но другому, под чьей властью, как они видят, находится общее благо. Когда же они видят, что общее благо находится не во власти одного, то они не будут относиться к общему благу так, как будто это принадлежит другому, но каждый будет относиться к нему, как к своему: ведь из опыта видно, что один город-государство, управляемый ежегодно меняющимися правителями, иногда способен на большее, чем любой царь, если он управляет тремя или четырьмя городами-государствами; и гораздо тяжелее переносятся небольшие повинности, налагаемые царями, чем большие тяготы, если они налагаются общностью граждан: это и помогло возвышению государства римлян. Ведь плебс записывался на военную службу, и служащим в войске выплачивали жалованье, а когда для его выплаты в общественной казне не хватало денег, для общественных нужд обращались к частным состояниям до такой даже степени, что у сенаторов не оставалось золота, кроме одного кольца и одной буллы – знака сенаторского достоинства. Но когда они были измучены длительными раздорами, переросшими в гражданские войны, из-за которых из их рук была похищена свобода, которой они отдали столько сил, они оказались под властью императоров; эти правители не хотели именоваться царями по той причине, что слово «царь» было ненавистным для римлян. Некоторые из них, как подобает царям, верно соблюдали интересы общего блага, и их стараниями

Римское государство было возвеличено и невредимо. Однако многие из них для подданных были тиранами, а перед лицом врагов оказались бездеятельными и слабыми и свели на нет достояние Римского государства. (...) [239]

Итак, опасность существует двоякая, ибо если бояться тирана, то утрачивается возможность обрести наилучшее правление – правление царя, если же желают обрести такое правление, царская власть оборачивается несчастьем тирании.

Глава V. О том, что из правления многих чаще возникает тираническое правление, чем из правления одного; и потому правление одного лучше

Если нужно выбирать одну из двух опасностей, следует выбрать ту, от которой последует меньшее зло. От монархии, однако, если она обратится в тиранию, последует меньшее зло, чем от правления многих оптиматов, если это правление извратится. (...)

Если правление, которое является наилучшим, кажется наиболее нежелательным из-за опасности тирании, а тирания, напротив, не менее, а более часто возникает из правления многих, чем одного, остается только признать, что более полезно жить под началом одного царя, чем при правлении многих.

Глава VI. Заключение о том, что правление одного всецело является наилучшим. Показывается, каким образом множество должно себя вести по отношению к нему, чтобы исключить возможность тирании, но даже в случае возникновения тирании ее должно терпеть, чтобы избежать большего зла

Итак, действительно, следует предпочесть правление одного, так как оно наилучшее, но случается, что оно превращается в тиранию, то есть наихудшее, так что из сказанного следует: необходимо стараться с усердием и рвением, чтобы заранее было предусмотрено у множества то, как бы царь не стал тираном. Прежде всего, необходимо, чтобы из тех, кого ожидает эта обязанность, был выдвинут в цари человек такого характера, для которого было бы невозможно

склониться к тирании. Самуил, силой божественного провидения рассуждая об установлении царя, говорит: «Господь найдет Себе мужа по сердцу Своему» (I книга Царств, XIII, 14). Затем так должно быть устроено управление царством, чтобы у царя уже не было возможности установить тиранию. Вместе с тем его власть должна быть умерена настолько, чтобы он не мог с легкостью обратиться к тирании. Как это должно быть сделано, будет рассмотрено далее. Если царь стремится к тирании, нужно следить только за тем, как ее избежать.

И если нельзя будет избежать тирании, полезнее терпеть, пока тирания не кончится, чем, действуя против тирана, подвергнуться многим опасностям, которые будут тяжелее самой тирании. Ведь, может случиться, что те, кто действует против тирана, не смогут победить, и, таким образом, уязвленный тиран будет бесчинствовать еще сильнее. Если против тирана восстанет тот, кто может победить, от одного этого в народе возникают тягчайшие распри: или когда множество поднимается на тирана, или когда после низвержения тирана оно разделяется на части, споря относительно порядка управления. Случается даже иногда, что, когда с чьей-либо помощью множество изгоняет тирана, другой, получив власть, устанавливает тиранию, и, боясь претерпеть от другого то, что он сам сделал с предшественником, подавляет подданных еще более тяжким гнетом. Ведь так обычно происходит с тиранией, что следующая бывает тяжелее, чем предыдущая, ведь она не отменяет прежние тягости, но сама, исходя из своего нрава, изобретает новое зло. Так, когда-то в Сиракузах, в то время как все желали смерти Дионисия, некая старуха долго молилась о том, чтобы он был невредим и пережил бы ее. Узнав об этом, тиран спросил ее, почему она это делала. Тогда она сказала: «Когда я была девочкой, и у нас был грозный тиран, я желала его смерти. Он был убит, и ему наследовал другой тиран, еще суровее; и когда его власть окончилась, я считала, что он был много суровее. Ты – третий, и теперь мы понимаем, что ты намного более суровый правитель. Так вот, если ты будешь уничтожен, еще худший займет твое место».

И если бремя тирании нестерпимо, некоторым представляется, что убить тирана и подвергнуть свою жизнь опасности ради освобождения множества

было бы доблестным делом для храброго человека: пример этого имеется даже в Ветхом Завете. Ибо, когда некий Аод убил ударом кинжала в бедро Эглона, моавийского царя, державшего народ Господень в тяжелой неволе, народ сделал его судьей. Но это апостольскому учению не соответствует. Ведь Петр учит нас смиренно подчиняться не только добрым и честным, но даже, как сказано во втором послании Петра, дурным господам. В самом деле, если кто-то незаслуженно претерпит страдание, это будет для него благодатью; ведь когда многие римские императоры тиранически преследовали Христову веру и громадное множество как знати, так и простых людей обратилось в веру, они радовались, без сопротивления, смиренно и мужественно принимая смерть за Христа.

Опасно и для множества, и для его правителей, если кто-то по собственному почину решится на убийство правителя, даже тирана. Чаше ведь подвергают себя такого рода риску люди дурные, чем добрые. Ибо для дурных правление царя обычно бывает не менее тяжелым, чем правление тирана, так как, по второй притче Соломона (Притчи Соломона, XX, 26), «мудрый царь выведет нечестивых». В таком случае для множества следствием этой попытки будет скорее опасность потерять царя, чем средство спастись от тирана. Представляется, однако, что против жестокости тирана будет иметь успех действие каких-либо людей не по своему почину, а по решению общества. Во-первых, если право какого-либо множества простирается на то, чтобы выдвигать для себя царя, то не будет несправедливо, если выдвинутый этим множеством царь будет низвергнут, или его власть будет ограничена, если он тиранически злоупотребляет царской властью. Не следует считать, что такое множество несправедливо, даже если оно прежде возвысило его над собой навечно; ведь он сам заслужил это, ведя себя нечестно в управлении множеством, поэтому договор с ним подданными не соблюдается. Так, римляне лишили царской власти Тарквиния Гордого, которого сами избрали царем, из-за тирании, которую затем установил он и его сыновья. Власть была заменена более слабой, а именно, консульской властью. Так и Домициан, который, сменив почтеннейших императоров, своего отца Веспасиана и своего брата Тита, стал

тиранствовать, был уничтожен римским сенатом, так же как и все, кто дурно действовал по отношению к римлянам, законно и ко благу были устранены решением сената. Известно, что блаженный Иоанн Евангелист, избранный ученик Господа, который был сослан самим Домицианом в изгнание на остров Патмос, решением сената был возвращен в Эфес. Если же право заботиться о царе для множества принадлежит какому-либо высшему авторитету, то у него и следует искать средство против бесчинств тирана. Так, когда иудеи обвинили в преступлениях перед Цезарем Августом Архелая, который уже начал царствовать в Иудее после своего отца Ирода, то вначале по крайней мере его власть была уменьшена, так как он лишился права именоваться царем, а в середине его царствования власть была разделена между двумя его братьями. Затем, поскольку и этим его было не удержать от тирании, он был сослан Тиберием Цезарем в изгнание в Лугдун, город Галлии. Если же против тирана нельзя ждать помощи людей, нужно обратиться к царю всего – Богу, помощнику и в благоденствии, и в страданиях. Ибо в Его власти обратить жесткое сердце тирана к кротости. (...) Ведь не ослабла Его рука так, чтобы не мог Он освободить Свой народ от тиранов. Через Исаию обещал Он народу Своему отдых от трудов, и от суеты, и от тяжелой неволи, в которой тот прежде находился. И через Иезекииля (XXXIV, 10) сказал: «Взыщу овец Моих от руки их», а именно от пастухов, которые пасут сами себя. Но народ заслужил обрести эту милость от Бога, и нужно быть свободными от грехов, так как божественным соизволением нечестивые получают дурное правление в возмездие за грехи.

Глава XIV. О том, какой способ правления подобает царю, поскольку он должен следовать божественному способу правления. Этот способ управления показан на примере управления судном; тут и дается сравнение власти священнослужителя и власти короля

Итак, служение Его царству, поскольку духовное отделено от земного, вручено не земным правителям, а священникам и особенно высшему

священнику, наследнику Петра, наместнику Христа Папе Римскому, которому все цари христианского мира должны подчиняться, как самому Господу Иисусу Христу. Ведь те, кому принадлежит забота о предшествующих целях, должны подчиняться тому, кому принадлежит забота о конечной цели, и признавать его власть.

Глава XV. О том, что царь, направляющий своих подданных к добродетельной жизни, следует по пути как к конечной цели, так и к предшествующим целям. Здесь показано, что направляет к благой жизни, и что ей препятствует, и какие средства царь должен употребить для устранения этих препятствий

(...) Итак, если, как было сказано, тот, кто имеет попечение о конечной цели, должен руководить теми, кто имеет попечение о направляющихся к цели, и направлять их своей властью, то из сказанного становится очевидным, что обязанностью царя является как подчинение тому, что относится к обязанностям священнослужителя, так и главенство над всем тем, что относится к мирским делам, направляя их властью своего правления. (...) Поскольку целью жизни, которой мы ныне живем, следуя добродетели, является небесное блаженство, к обязанностям царя относится, таким образом, заботиться о благой жизни множества, чтобы она была достойна обретения небесного блаженства, а именно, чтобы царь предписывал то, что ведет к небесному блаженству и препятствовал бы, насколько это возможно, тому, что является губительным для этой цели. (...) Итак, царю, сведущему в законе Божиим, прежде всего следует заняться тем, чтобы подчиненное ему множество жило благой жизнью, а эта забота состоит из трех частей: во-первых, чтобы он установил в подчиненном множестве благоую жизнь; во-вторых, чтобы установленное сохранял; в-третьих, чтобы его улучшал.

(...) Итак, в связи с упомянутой триадой царю предстоит тройная задача. Во-первых, заботиться о преемственности людей и назначении тех, кто возглавляет различные службы. Подобным образом божественное управление

относительно того, что тленно (ведь эти вещи не могут оставаться неизменными вечно), предусматривает, чтобы, рождаясь, одно приходило на место другого, ибо именно так сохраняется целостность вселенной. Так и попечением царя сохраняется добро подчиненного множества, пока он заботливо следит, чтобы другие вступали на покинутые места. Во-вторых, чтобы своими законами и предписаниями, наказаниями и наградами он удерживал подчиненных себе людей от греха и побуждал к доблестным делам, восприняв пример Бога, давшего людям закон, воздающего тем, кто его соблюдает, вознаграждение, а тем, кто преступает, – наказание. Третья задача, стоящая перед царем, чтобы все подчиненное ему множество могло отразить врагов. Ведь ничто не поможет избежать внутренних опасностей, если нельзя оборониться от опасностей внешних. (...)

Итак, вот те вещи, которые относятся к обязанностям царя, их следует тщательно разобрать по отдельности.

Источник: Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI-XVII вв. – Ленинград. – Наука. – 1990. – 246 с.

МАРСИЛИЙ ПАДУАНСКИЙ

Марсилий Падуанский (1280-1343) – итальянский политический и правовой мыслитель.

Основная работа: «Защитник мира» («Defensor pads»). Книга была осуждена католической церковью, Марсилий отлучен от церкви и был вынужден покинуть Париж и укрыться при дворе Людвига Баварского.

Испытал на себе огромное влияние Аристотеля; будучи католиком ссылался на христианские священные книги. В отличие от Фомы Аквинского был сторонником доктрины двойной истины: есть «земная истина», которая постигается разумом, а есть «истина небесная», которая постигается откровением и верой.

ЗАЩИТНИК МИРА

Глава X. Различные значения слова закон; его самый подлинный смысл и тот, который мы принимаем

§ 1. Итак, мы сказали, что выборы являются лучшим и самым верным способом утверждения любого правления; теперь настало время исследовать его действующую причину, которая должна развиваться в направлении полного ее осуществления. Причина выборного правления тоже будет проистекать из нее, равно как и причины установления других частей государства. Поскольку указанный тип правления должен регулировать гражданские акты (мы это доказали в главе V первой части трактата) и должен делать это согласно уставу, который является или обязан быть формой власти как таковой. Нам нужно исследовать устав этого типа правления: то, чем он является, если существует, и то, для чего он существует. Возможно, действующая причина является той же самой, которой движим правитель.

§ 2. Мы будем предполагать, что этот устав, называемый положением или записью обычного права, либо еще по обыкновению законом, существует во всех совершенных обществах, поскольку он известен сам по себе, индуктивно. Сначала мы рассмотрим, чем он является, а потом обоснуем его необходимость и, наконец, определим с помощью доказательств, какой человек или какие люди должны его утверждать и какими способами они должны это делать. Таким образом, мы будем исследовать законодательную власть или действующую причину закона, к которой, думается, сводятся также выборы правителей; мы представим это логическим путем в последующих параграфах. Тема или предмет вышеуказанного устава, который мы назвали законом, окажется более ясной исходя из таких сведений. Ведь он входит в правящую службу государства, задача которой регулировать законом общественные и частные деяния человека.

§ 3. Продолжая наше изложение, мы разберемся соответственно в смыслах слова закон, чтобы избежать малейшей путаницы, происходящей от его

многозначности. Так, в одном из своих значений этот термин обозначает чувствительную природную склонность к действию или пристрастию. Именно в подобном смысле Апостол применил его в Библии, в главе VII «Послания к Римлянам», где он говорит: Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего. Во втором значении термин закон свидетельствует обо всех продуктивных потенциалах и о любой форме производимой вещи, существующей в сознании, от которой, как от одного образца или от одной меры, происходят формы вещей, произведенных ремеслом. Именно в подобном значении говорит об этом Иезекииль, глава XLIII: Вот закон храма и вот размеры жертвенника. В третьем значении закон взят в виде правила, содержащего в себе заветы человеческим деяниям, внушенные ради упорядочения к славе и наказанию в потустороннем мире; именно в этом смысле Закон Моисея стал называться частичным, в то время как евангельский Закон называется полным законом. Отсюда то, что говорит об этом Апостол в «Послании к Евреям»: Потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона. В таком же смысле Иаков в главе I [своего послания] говорит об учении евангельском как о законе: Но кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действовании.

§ 4. Взятый в своем последнем значении, закон может быть рассмотрен в двух аспектах: во-первых, сам по себе, если он выявляет справедливость или несправедливость, полезное или вредное, и, как такового, мы его называем наукой или доктриной права. Во-вторых, он может быть рассмотрен в качестве принудительного предписания, составленного в этом мире из наказания и вознаграждения в целях его [закона] соблюдения; или еще в виде того, что он дает посредством такого предписания. Рассмотренного таким образом, мы называем его законом, и он действительно является в прямом смысле законом. Выбрав именно это значение, Аристотель определил его в труде «Этика», книга X, глава 9, такими словами: «Закон имеет принудительную силу, как изложение происходящего от некоего благоразумия и разума». Следовательно, закон есть

высказывание или речь, происходящая из некоего политического благоразумия, т. е. он [закон] является предположением справедливости и несправедливости, и их противоположностей, созданным из соображений политического разума и имеющим принудительную силу. Другими словами, это некая заповедь для соблюдения, заповедь, которую мы вынуждены соблюдать; или еще: закон является неким указом, созданным с помощью такой заповеди.

§ 5. Поэтому истинные знания того, что является справедливым и полезным для государства, не всегда являются законом, если только они не даются как принудительная заповедь для их же соблюдения или не созданы с помощью такой заповеди; тем не менее, истинное знание справедливого и полезного обязательно требует, чтобы закон был совершенным. Конечно, иногда ложные представления справедливого и полезного становятся законами, поскольку содержат в себе заповедь их соблюдения, либо они были созданы с помощью заповеди, как это наблюдается в странах неких варваров. Последние считают справедливым то, что с убийцы снимается его вина и любое наказание, когда он предлагает адекватную цену возмещения [родственникам убитого] за свое преступление. Тем не менее, именно у них наблюдается абсолютная несправедливость, и как следствие их законы не являются абсолютно совершенными. Такие законы могут иметь требуемую форму – властного предписания их соблюдения; однако они не содержат другого требуемого условия, а именно истинного знания о справедливости.

§ 6. Таким образом, под законом понимаются правила справедливого и полезного в городе-государстве, выражением которых являются традиции, обычаи, всенародные постановления и любые подобные правила обязательного характера, установленные властью.

§ 7. Однако мы не должны игнорировать того, что евангельский Закон, равно как и Закон Моисеев, или, может быть, также другие религии, по-разному рассмотренные и сопоставленные, полные или частичные по отношению к человеческим деяниям в этом или в потустороннем мирах, тоже до настоящего времени определяются третьим значением закона либо последним значением;

это мы еще более понятно представим в главах II, VIII и IX нашего трактата. Кроме того, одни из них [религий] являются истинными, другие, наоборот, ложными бреднями и пустыми обещаниями.

Глава XI. Необходимость создания законов, понимаемых в самом прямом смысле; совершенно неприемлемо, когда правитель, каким бы он усердным или справедливым ни был, правил без законов

§ 1. Определив, таким образом, значения слова закон, мы хотим окончательно раскрыть сущность его прямого смысла; основное здесь состоит в справедливости и общем благе для государства; второстепенное заключается в надежной безопасности и постоянстве правления, особенно для наследственных правителей. Первая сторона обусловлена следующим: необходимо установить в политическом обществе то, без чего невозможно абсолютно правильное вынесение судебных решений и благодаря чему можно их исполнять надлежащим образом, оградив [общество] от всяких ошибок, насколько это возможно в отношении человеческих поступков. Таковым является закон: правитель, безусловно, старается вынести приговор согласно букве закона; потому учреждение закона необходимо в политическом сообществе... Второстепенное мы докажем следующим образом: чтобы исполнить приговор, требуются истинное знание предметов при его вынесении и правильное суждение судей; их противоположности искажают судебные постановления. Поскольку такие естественные чувства судьи, как ненависть, любовь или зависть, влияют на его способность вынесения правильного решения, подобные чувства исключаются из суждения. Защищенные от них судья и правитель обязаны выносить приговоры, только опираясь на закон. Сам же закон лишен подобных чувств: он не был создан, чтобы быть выгодным для друга и вредоносным для врага, а одинаков для всех, для любого гражданина, кем бы он ни был, ведет ли он праведный или неправедный образ жизни. Все это является для закона несущественным, и закон безучастен к этим обстоятельствам. Но

сказанное, однако, не относится к судье. Для последнего люди, преданные суду, могут быть друзьями или врагами, другие в зависимости от их подарков и обещаний людьми нужными или бесполезными; также зависят дела и от других обстоятельств, которые могут вызвать у судьи внутреннее желание исказить приговор. Хотя вынесение любого приговора, насколько это возможно, не должно определяться свободной волей судьи, а должно быть подчинено закону и объявлено в соответствии с ним.

§ 2. Таковым же было мнение божественного Аристотеля в его «Политике», книга III, глава 10, где, конкретно исследуя, что предпочтительнее – управление политическим обществом одним лучшим человеком, но без закона или управление посредством лучших законов, он пишет следующее: «А с другой стороны, то, что лишено элемента пристрастия (т. е. чувства, способного изменить приговор), предпочтительно (т. е. превыше всего, когда речь идет о приговоре) чем-то, что ему свойственно. Только закон сам по себе не содержит такого элемента (т. е. пристрастия и чувств); любая человеческая душа не лишена этого». Он [Аристотель] говорит «любая», т. е. никого не исключая, каким бы добродетельным человек ни был. Заново представляя эту точку зрения в труде «Риторика», книга I, глава 1, он указывает: «Превыше всего (ничего из того, что по закону должно быть предано суду, не может быть оставлено на произвол судье), чтобы определение деяния законодательной властью (т. е. законом) не было пристрастным (не касалось только одного человека), а было для будущего и всеобщего. Участник же народного собрания и судья [обычно] судят о вещах настоящих и определенных, в которых смешиваются часто любовь, ненависть или личный интерес таким образом, что они не могут в достаточной степени знать истину, и руководствуются в своих суждениях тем, что нравится или не нравится им».

§ 3. Кроме того, приговор может быть искажен незнанием судей, даже если их чувства и намерения чисты. Закон устраняет этот недостаток, предотвращает его: в самом законе заложено почти совершенное определение того, что справедливо или несправедливо, полезно или вредно касательно

любого человеческого поступка. Однако человек, каким бы проницательным ни был, не может дать совершенного определения. Тем более что ни один человек, а, возможно, даже все люди одной эпохи не смогли бы обнаружить и запомнить все гражданские деяния, определенные законом. Кроме того, все, что сказали о них первые создатели закона, а также все люди одной конкретной эпохи, соблюдавшие такой закон, ограничивалось малым, не доведенным до совершенства; недаром любой закон позже дополнялся их последователями. Это вполне может доказать извечный опыт, заключающийся в дополнении или исключении [правовых норм] одной эпохи. Сказанное также засвидетельствовано Аристотелем в труде «Политика», книга II, глава 5, следующими словами: «А вот еще одна вещь, которую нельзя игнорировать: необходимо поразмыслить о длительности истекшего времени и многочисленных лет, в течение которых все эти меры не оставались как можно меньше, во-первых, потому, что легче найти одного или нескольких благородных и способных установить законы, чем многих, способных судить... Главная же причина заключается в том, что решение законодателя подразумевает не только отдельный случай, но относится к будущему и имеет характер всеобщности, тогда как участник народного собрания или судья принимают решение об уже существующем и по определенному делу, причем зачастую на них уже оказывают влияние привязанность, ненависть или стремление к выгоде, так что они вполне не могут усмотреть истину, поскольку на решение их оказывает влияние их собственное удовольствие или огорчение». Итак, того, что один человек сам по себе может обнаружить или знать, мало; он может вообще ничего не знать, что есть в науке справедливого и полезного для государства, равно как и в других науках. Кроме того, соблюдение закона людьми одной эпохи, сравнимое с соблюдением законов многих эпох – есть вещь очень несовершенная. Аристотель, трактуя вопрос открытия истины в любом ремесле или учении, в труде «Метафизика», книга II, глава 1, говорит: «Каждый (создатель любой дисциплины или ремесла) не способствует истине ни в чем и практически ничем (т. е. он ничего не обнаруживает сам по себе или

обнаруживает очень мало); но вклады каждого вместе взятые создают нечто великое». Однако этот отрывок более ярко раскрыт в переводе с арабского языка; мы читаем там следующее: «Каждый из них (создателей любого ремесла или науки) не постигал истины или постигал ее не до конца. Когда мы объединим все постигнутое, тогда полученное будет иметь широкое толкование и тем, что молодые люди становятся геометрами и математиками и являются мудрыми в подобных предметах, но, по всей видимости, не бывают рассудительными. Причина этому в том, что рассудительность проявляется в частных случаях, с которыми знакомятся на опыте, а молодой человек не бывает опытен, ибо опытность дается за долгий срок». Однако этот отрывок более ярко раскрыт в переводе с арабского языка; мы читаем там следующее: «Каждый из них (создателей любого ремесла или науки) не постигал истины или постигал ее не до конца. Когда мы объединим все постигнутое, тогда полученное будет иметь широкое толкование». Это особенно заметно в Астрологии. Таким образом, через взаимную поддержку людей, добавляя к самым ранним изобретения более поздние, все ремесла и науки достигли своего совершенства. Аристотель в той же книге образно показывает это примером изобретения музыки: «Если не было бы Тимофея, мы не имели бы многих лирических песен; а если не было бы Фринида, то не было бы и Тимофея». Это означает, что не было бы достигнуто такого совершенства в искусстве мелодий, если бы не существовало того, что изобрел ранее Фринид. Толкуя эти слова, Аверроэс во втором Комментарии говорит: «То, что он (Аристотель) хочет сказать в этой главе, понятно: никто не может изобрести самостоятельно большую часть ремесел, как практических, так и теоретических (умозрительных), которые становятся совершенными только с помощью предшественника и того, кто позже последует». То же самое Аристотель говорит в последней главе книги II «О софистических опровержениях» касательно изобретения риторики и всех иных наук; хотя в академическом издании труда «Метафизика» указанная мысль Аристотеля звучит по-другому: «...Никто не в состоянии достичь ее [истину] надлежащим образом... а каждый говорит что-то о природе и поодиночке, правда, ничего или

мало добавляет к истине, но, когда все это складывается, получается заметная величина». Если таким образом эта способность повышается для двух человек, то в случае, если их больше, чем двое, их способность взятых вместе или последовательно, одного за другим, увеличится еще больше. Но еще более точно то, что он [Аристотель] пишет в «Политике», книге III, глава 9: «Возможно, покажется малопримлемым, что кто-то, рассуждающий и действующий, имеющий по паре ушей и глаз, с двумя руками и ногами, воспринимает лучше, чем множество людей с большим количеством органов». Закон – это одно око, состоящее из множества глаз: т. е. его содержание подвергнуто многочисленным наблюдениям и обсуждениям во избежание ошибок при ведении судебной деятельности. Несомненно, что судебные решения должны выноситься согласно закону, а не по воле судьи. Поэтому, если мы хотим, чтобы политическое общество стало предрасположенным к справедливому и полезному состоянию, необходимо установить закон; благодаря закону судебные решения будут предохранены от невежества и пристрастных чувств судей. Это есть вторичная посылка доказательства, с помощью которой в начале этой главы мы пытались обосновать необходимость законов. Законы необходимы, чтобы исключить произвол и ошибки при вынесении решений судьями.

§ 4. Аристотель советовал не предоставлять судье или правителю неограниченную власть судить или решать гражданские дела без закона; они могут действовать лишь так, как закон это разрешает. В своем труде «Этика», книга V, глава 6, а также в трактате «О справедливости» он утверждает: «Поэтому мы не приемлем правления одного человека, а только в согласии со здравым смыслом», т. е. с законом. Тем самым он признает правоту того, о чем мы только что говорили, а именно: искаженное суждение может проникнуть в любое судебное решение. То же самое он пишет в труде «Политика», книга III, глава 6: «Из первого же указанного нами затруднения с очевидностью вытекает только следующее положение: правильное законодательство должно быть установлено верховной властью». То есть правители должны управлять исключительно по закону. Эта же мысль отражена в главе 9 указанной книги:

«Кто распоряжается, чтобы правил разум, кажется, приказывает, чтобы Бог и законы правили; и, наоборот, кто распоряжается, чтобы человек правил (т. е. без закона и по своему усмотрению), должен добавить сюда животных». Затем он поясняет: «Это потому, что закон есть здравый смысл без пристрастий»; этим он как бы хотел сказать: закон есть здравый смысл или знание, лишённое желания, т. е. какого-либо чувства. Он повторяет эту мысль в академическом издании указанного труда, 5-ю главу которого Марсилий называет трактатом «О юриспруденции (справедливости)», такая мысль излагается иначе: «...Мы разрешаем начальствовать не человеку, а слову [закона] (logos)...». Марсилий, сознание которого пронизано христианскими идеями, комментируя Аристотеля, понимает вопрос следующим образом: власть правителя должна быть лимитирована божественным и естественным правом; желать правления закона, значит, желать правления бога и здравого смысла, желать правления одного человека, значит, желать правления дикого человека.

§ 5. Остается доказать, что все правители должны править по закону, а не наоборот; это прежде всего касается наследных монархов, для того чтобы их правление людьми стало более безопасным и долгим. Это вторая причина необходимости закона, которую в начале нашей главы мы обозначили как второстепенную. Сперва скажем так: правление по закону предохраняет суждение правителей от ошибки, являющейся следствием неосведомленности или искаженности предшествующих суждений. Подчиняясь единому для них самих и их подданных правилу, они меньше подвергаются опасности бунтов и как следствие расколу их королевств, которые могут происходить, если они действуют неправильно, по своему усмотрению, что точно показывает Аристотель в труде «Политика», книга V, глава 5: «Редко монархическая власть является неправильной по причинам, происходящим извне; именно по причинам, им свойственным, в большинстве случаев происходят неправильные действия. Власть портится двумя способами: во-первых, через глубокие разногласия между теми, кто стоит у королевской власти, во-вторых, когда они

пытаются управлять в манере тирана, когда требуют контроля над большим количеством государственных дел, игнорируя при этом закон».

§ 6. В качестве опровержения нам могли бы привести пример человека лучшего, лишенного невежества или искаженного суждения. Мы ответим, что такие случаи крайне редки, и в любом случае такой человек не сумеет уподобиться закону, понимаемому как здравый смысл и достаточный опыт, что мы показали, основываясь на трудах Аристотеля; любая душа поддается некоему настроению и, нужно добавить, иногда плохим чувствам. Сказанное легко проверить, опираясь на текст Даниила в Библии, глава XIII. Вот что он пишет: Пришли и оба старейшины, полные беззаконного умысла против Сусанны, чтобы предать ее смерти. Это были старцы и священники – народные судьи того времени; они сочинили ложные свидетельства против нее, потому что она не захотела соглашаться на их преступное вождение. Если уже с тех пор священники и старцы, о которых мы менее всего могли подумать плохое, были развращены плотскими желаниями, и особенно вождением, то что мы должны ждать от других людей в более поздние времена? Конечно, никто, каким бы добродетельным он ни был, не может в отличие от закона быть лишен скверных пристрастий и невежества. Поэтому, без сомнений, необходимо регулировать гражданские дела законом, чем доверять их усмотрению судей, какими бы добродетельными последние ни были.

§ 7. Предположим, однако, что существует правитель, который настолько добропорядочен, что у него нет ни пристрастия, ни невежества, хотя такие случаи очень редки и в некоторой степени просто невозможны. А что сказать о его сыновьях, которые будут править государством по своей собственной воле. И погибает он двояким образом: во-первых, когда члены царской семьи вступают в раздор между собой; во-вторых, если цари пытаются править более тиранически, а именно когда они стремятся к расширению своей власти вопреки закону. В наше время царская власть в собственном смысле более не возникает, а если и возникает, то это скорее единовластие и тирания. Разве скажут, лучше бы их отец – лучший из людей – не передавал бы им правления. Подобное

возражение не может, однако, быть приемлемым: с одной стороны, у него [правителя] нет полномочий лишать своих сыновей преемственности по той причине, что в силу наследственного права власть принадлежит всей его семье, с другой – даже если он имеет полномочие передавать власть тому, кому он захочет, он не лишит такого права своих сыновей, несмотря на их развращенность. Потому Аристотель в труде «Политика», книга III, глава 9, отвечает на указанное возражение следующими словами: «Верить этому (что отец может лишить своих сынов власти) трудно, и требуется мужество, которое возвысится над силами человеческой природы». Итак, лучше всего, чтобы правители были благоразумны и ограничены законом, нежели они поведут дела по собственному усмотрению. Следуя букве закона, они не совершат ничего ужасного и предосудительного, и тогда их правление станет более прочным и долговременным.

§ 8. Таков был совет выдающегося Аристотеля всем правителям, который они не очень-то принимают во внимание. В «Политике», книга V, глава 6, он говорит: «Чем меньше дел, где они восседают властителями (т. е. которые они решают, не прибегая к закону), тем больше времени они сохраняют свою власть, так как они (правители) становятся менее деспотичными и своим поведением уравниваются в правах с их подданными и менее подвергаются их зависти». Тут Аристотель припомнил одного благоразумного царя – Феопомпа, который по собственной воле отрекся от части власти, возложенной на него. Необходимо, думаем, процитировать этот отрывок по причине исключительности такого правителя и его знаменитой добродетели, в любом случае почти небывалой на протяжении веков. Вот что пишет Аристотель: «Феопомп смягчил (сократил) свою власть, которая казалась ему чрезмерной, учреждая среди других управление эфоров; так, отдавая часть власти, он увеличил период своего правления (сделал его более долговременным); и, таким образом, он не уменьшил ее, а утвердил более великой. Своей жене, спросившей его, не стыдно ли ему за то, что передал сыновьям более ограниченную власть, чем ту, которую он получил от своего отца, он ответил: «Не стоит так говорить, потому что я

оставил им власть более продолжительную». О, доблестное побуждение, происходящее от благоразумия Феопомпа; о, его небывалая благоразумность, настолько достойная, чтобы ее poznали те, кто хочет использовать полноту власти над подданными помимо закона! Многие повелители погибли, игнорируя этот урок. Мы тоже были свидетелями того, как, не принимая во внимание эти слова, королевство в наше время было потрясено бунтом, когда правитель хотел наложить на подданных налог, такой же необычный, как и незаконный. Итак, результат налицо: мы хотели сказать, что законы необходимы в политическом обществе, если они установлены правильно и если их действие длится в течение долгого времени.

Источник: Марсилий Падуанский Защитник мира. *Defensor pacis* / Марсилий Падуанский: Пер. с франц. Б. У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2014. – 656 с.

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

Никкóло Макиавéлли (1469-1527) мыслитель, политический деятель, философ, писатель, автор военно-теоретических трудов. Ключевым произведением Макиавелли считается «Государь». Однако его политические взгляды куда лучше отражают «История Флоренции» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», характеризующие его как сторонника республиканских идей, а не «сильной руки государя».

ГОСУДАРЬ

Его Светлости Лоренцо Медичи¹

Соискатели милостей какого-нибудь государя имеют обыкновение угождать ему подношением самых дорогих своих вещей, а равно и тех, которые,

¹ Медичи Лоренцо ди Пьеро (1492–1519) – герцог Урбинский, правитель Флоренции в 1513–1519 годах.

на их взгляд, могут быть ему приятны; поэтому чаще всего государи получают в подарок скакунов, оружие, златотканую парчу, драгоценные ткани и тому подобные украшения, подобающие их званию. И вот я, желая представить Вашей Светлости свидетельство моей глубочайшей преданности, не нашел среди своего добра ничего более дорогого и полезного, чем разумение деяний великих людей, приобретенное вследствие длительного испытания современных дел и непрерывного изучения древних. Тщательно обдумав и пересмотрев свои мысли, я собрал их в небольшой книжке, которую и посылаю Вашей Светлости.

Хотя я и не считаю этот труд достойным Вашего внимания, [однако] надеюсь, что по своей доброте Вы не отвергнете его, ведь это драгоценнейшее с моей стороны подношение позволит Вам за ничтожное время усвоить все выношенное мной на протяжении долгих лет среди стольких скорбей и опасностей. Я исключил из своего сочинения риторические ухищрения, громкие и звучные слова, любые другие внешние приманки и украшения, которыми многие уснащают и усовершенствуют свои писания, ибо я желал, чтобы оно привлекало к себе только разносторонностью взгляда и важностью предмета и ничем другим. Не следует считать самонадеянностью притязание человека низкого и даже ничтожного состояния судить и устанавливать правила поведения для государей. Художники, зарисовывающие местность, располагаются внизу на равнине, чтобы присмотреться к характеру гор и возвышенностей, а чтобы обозреть низменности, забираются на вершины. Точно также, чтобы постичь характер народа, необходимо быть государем, а распознать природу государя может только человек из народа.

Итак, пусть Ваша Светлость отнесется к этому небольшому подарку с тем же чувством, что и я; внимательно прочитав это сочинение, он убедится в моем горячем желании, чтобы Ваша Светлость достиг того величия, которое обещано ему фортуной и его высокими достоинствами. И если с высоты своего положения Ваша Светлость иной раз устремит взгляд вниз, он увидит, сколь мало заслужены мной сыплющиеся на меня тяжкие и непрестанные удары судьбы.

Глава I. Какого рода бывает режим личной власти и какими способами она приобретается

Все государства, все правительства, когда-либо главенствовавшие над людьми, подразделяются на республики и принципаты. Последние бывают либо наследственными, в которых долгое время царила династия их властителей, либо новыми. Новые принципаты могут быть таковыми в целом, как Милан при Франческо Сфорца², либо могут быть присоединены к наследственным владениям приобретшего их государя, как королевство Неаполитанское, завоеванное испанским королем³. Эти новообретенные территории либо уже приучены подчиняться единоличному правителю, либо до этого пользовались свободой; присоединяют же их либо силой собственного оружия, либо с чужой помощью, либо волею судьбы, либо благодаря своей доблести.

Глава II. О наследственных принципатах

Я оставляю в стороне размышления о республиках, потому что много занимался этим в другом месте⁴. Обращусь единственно к принципату и, следуя вышеизложенному плану, рассмотрю, каким образом можно поддерживать и сохранять единоличную власть.

Прежде всего скажу, что наследственные владения, привычные к государям, происходящим из одного рода, гораздо легче удержать, чем новые, ибо достаточно не нарушать обычаев своих предшественников и следовать за ходом событий. Государь средних способностей в этом случае всегда сохранит свой трон, если только он не лишится его из-за вмешательства некоторой чрезвычайной и неодолимой силы, но и после этого он сможет вернуть себе власть, едва только захватчик столкнется с малейшими трудностями.

² Сфорца Франческо (1401–1466) – граф, кондотьер, в 1441 году женился на дочери Филиппо Марии Висконти; после его смерти воевал на стороне Амброзианской республики, учрежденной в Милане; в 1450 году провозгласил себя герцогом Миланским.

³ Имеется в виду Фердинанд Католический.

⁴ «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» – предположительно речь идет о 18 первых главах, которые могли быть написаны до «Государя». Впрочем, упоминание о «Рассуждениях» могло быть и более поздней вставкой в готовый текст «Государя».

У нас в Италии, *in exemplis*⁵, герцог Феррарский сумел противостоять нападкам венецианцев в 84 году, а также папы Юлия в 10-м только благодаря тому, что его семейство давно укоренилось в своих владениях⁶. У природного государя меньше причин и меньше поводов для нанесения обид, поэтому его больше любят, и если бросающиеся в глаза пороки не навлекают на него ненависти, то он пользуется естественным расположением подданных. В древности и непрерывности властвования гаснут все помыслы и поползновения к новшествам, ведь один переворот всегда оставляет зацепку для совершения другого.

Глава III. О смешанных принципатах

Новый государь, напротив, сталкивается с трудностями. Прежде всего, если он присоединил новые владения к старым и тем самым образовал некое смешение, его положению угрожает первый естественный недостаток, присущий всем новым государствам и заключающийся в том, что люди охотно меняют правителей в надежде на лучшее, а потому часто восстают против них, но затем убеждаются на опыте, что они обманулись и стало еще хуже. А это вытекает из другой естественной и обыкновенной потребности, заставляющей нового государя притеснять своих подданных вооруженной рукой и другими способами, как это делают завоеватели, так что твоими врагами становятся не только противники твоего воцарения, но и с его сторонниками ты не можешь сохранить дружбу, ибо не сможешь ни оправдать их ожидания, ни прибегнуть против них к сильнодействующим лекарствам, будучи им обязанным. Ведь для вторжения в чужую страну даже располагающий сильным войском государь должен обеспечить себе содействие ее жителей. Вот почему Людовик XII Французский легко захватил Милан и тотчас же его лишился, для чего на первый

⁵ Например (*лат.*).

⁶ Имеются в виду два герцога Феррарских – Эрколе I д’Эсте (1431–1505), герцог Феррарский (1471–1505), потерпевший поражение от Венеции в «соляной» войне в 1484 году, и его сын Альфонсо I.

раз хватило собственных сил Лодовико⁷. Те же горожане, что открыли ворота перед королем, разочаровавшись в своих надеждах на будущие блага, которых они ожидали, не могли вынести неудобств нового правления.

Правда и то, что, покорив мятежные области вторично, труднее потерять их, потому что под предлогом подавления мятежа правитель может укреплять свою власть с меньшей оглядкой, наказывая провинившихся, выявляя неблагонадежных и защищая наиболее уязвимые места. Так что если в первый раз достаточно было герцогу Лодовико устроить на границе небольшой переполох, и Франция лишилась Милана, то на второй весь мир должен был объединиться против нее и разгромить или изгнать ее войска из Италии; и все это объясняется вышеназванными причинами. Тем не менее оба раза Франция лишилась своего приобретения. Общие причины, почему это произошло в первый раз, мы уже обсудили. Остается сказать о втором случае и рассмотреть те средства, которыми располагал французский король и всякий, кто находился бы на его месте, чтобы закрепить за собой завоеванное. Скажем, что завоеванные области, присоединяемые к прежним владениям завоевателя, либо составляют с ними одну страну и их население пользуется тем же языком, либо нет. В первом случае их совсем нетрудно удержать, особенно если они не привыкли к свободной жизни. Чтобы обезопасить себя, достаточно пресечь род правивших там государей, ибо других поводов для волнений, в силу общности обычаев и сохранения прежнего образа жизни, у населения не будет. Это можно было наблюдать на примере Бургундии, Бретани, Гаскони и Нормандии, которые с давних пор входят в состав Франции, и хотя язык их жителей несколько отличается, тем не менее они ладят с другими французами, придерживаясь сходных с ними обычаев. Желая сохранить за собой подобные области, завоеватель должен соблюдать два условия: во-первых, чтобы пресеклась династия их государей; во-вторых, оставить неизменными их законы и подати; тогда вскоре эти области составят единое целое с твоими прежними владениями.

⁷ Речь идет о Лодовико Моро.

Но когда приобретают территории в стране, чужеродной по языку, обычаям и учреждениям, вот тут начинаются трудности, и чтобы не потерять их, потребуются великая удача и великое умение. Одно из самых лучших и действенных средств в этом случае состоит в том, чтобы завладевшее ими лицо само переселилось в этот край. Это придаст завоеванию надежность и долговечность; так поступил турецкий султан с Грецией⁸. Не перенеси он туда свое местопребывание, ему бы там ни за что не удержаться, невзирая на все остальные меры, принятые им для сохранения этого государства. Находясь на месте, ты можешь распознавать будущие беспорядки еще в зародыше и легко справляться с ними; в противном случае известие о них доходит, лишь когда они уже в разгаре и поздно что-либо делать. Кроме того, ты не оставляешь страну на разграбление своим чиновникам; для подданных облегчается прямой доступ к государю, отчего у добропорядочных граждан бывает больше оснований для расположения к нему, а у бунтовщиков — для опасений. Внешний враг хорошенько подумает, прежде чем напасть на эти владения. Таким образом, у переселившегося туда государя будет очень трудно отнять их.

Другое отличное средство состоит в том, чтобы основать одну-две колонии, которые прикрепили бы эту местность к новому государству. В противном случае потребуется держать там множество солдат, и пеших и конных. Колонии обходятся недорого; выслать и содержать колонистов государю не стоит почти ничего, ведь при этом внакладе остаются только те жители, у которых отбирают их дома и надель в пользу переселенцев, а эти жители составляют небольшую часть новых подданных, и они не могут причинить вреда государю вследствие своей нищеты и разобщенности. Все же прочие, с одной стороны, не будучи ущемленными, лишены повода для беспокойства, а с другой — они будут осторожны, наученные чужим примером и опасаясь, как бы с ними не поступили так же. Я заключаю, что колонии не требуют затрат, они более надежны и вызывают меньшее недовольство.

⁸ Турецкий султан Мехмед II, который перенес свою столицу в завоеванный им в 1453 году Константинополь.

Недовольные же безвредны, будучи, как я уже сказал, разобщены и бедны. По этому поводу следует заметить, что людей должно либо миловать, либо казнить, ведь небольшие обиды будут всегда взывать к отмщению, а за тяжкие люди отомстить не в силах. Так что, нанося обиду, следует устранить возможность мести. Но если вместо колонии используется вооруженный гарнизон, он требует куда больших расходов, и в конце концов для охраны новых владений потребуются все средства государства. Приобретение, таким образом, обернется уроном. К тому же расквартирование войска в разных местах приносит куда больше вреда и ущемляет все население, всякий страдает от этого неудобства и становится врагом нового государя, притом врагом опасным, который после поражения остается в собственном доме. Итак, с любой точки зрения такой способ защиты новых владений настолько же невыгоден, насколько выгодно основание колоний.

Тот, кто находится в чужеродной, как было описано выше, провинции, должен еще взять под свое покровительство ее мелких соседей, стараясь ослабить наиболее влиятельных, и остерегаться, чтобы не возник повод к вмешательству в дела этой области другого властителя, столь же могущественного, как и он сам. А повод, чтобы воспользоваться недовольством чрезмерно честолюбивых или напуганных обитателей, всегда появится, как можно судить по призыванию римлян в Грецию этолийцами – вообще во все завоеванные ими провинции римлян приглашали местные жители. Как только чужеземный завоеватель вторгается в какую-либо страну, все мелкие властители примыкают к нему, и это в порядке вещей, ибо ими движет ненависть к прежнему поработителю, так что завоевателю нечего беспокоиться о том, как привлечь этих людей на свою сторону; все они тут же присоединяются к его новым владениям. Он должен только следить, чтобы они не обзавелись слишком большими силами и влиянием. Его собственных сил и расположения сторонников вполне достаточно, дабы справиться с соперниками и полностью овладеть новой провинцией. Но тот, кто не примет подобных мер, вскоре лишится завоеванного, а до того погрузится в неисчислимые труды и заботы.

Римляне неукоснительно соблюдали эти правила в завоеванных ими провинциях: они основывали колонии, привлекали к себе менее влиятельных лиц, ни в чем им не потворствуя, и ослабляли более влиятельных; для чужеземных властителей они не оставляли ни малейшей лазейки. Ограничусь только примером Греции. Ахейцев и этолийцев римляне привлекли на свою сторону; Македонское царство было принижено, и оттуда был изгнан Антиох. Однако заслуги ахейцев и этолийцев не послужили основанием, чтобы позволить им расширить свои владения; никакие заверения Филиппа в дружбе не помешали римлянам ослабить его, а могущество Антиоха не заставило их признать его право на владение какой бы то ни было территорией в Греции. Римляне в этих случаях поступали так, как надлежит поступать всем разумным государям: они помышляли не только о нынешних, но и о будущих заботах и искали пути, как с ними справиться. Ведь предвидя их заранее, легко найти выход, а когда беда приблизилась, болезнь становится неизлечимой, и лекарство уже не ко времени. Получается так, как врачи говорят о чахотке, что вначале ее легко вылечить, но трудно распознать, а по прошествии времени, если с самого начала она была запущена, болезнь становится очевидной, но трудноизлечимой. То же и в государственных делах: зная заранее (что бывает дано только мудрым людям) о грозящих несчастьях, можно их предупредить, но если этого не случилось и угроза стала очевидной для каждого, тут уже ничем не поможешь.

Римляне, чуя приближение беды издалека, всегда принимали нужные меры и ради этого не боялись даже вступить в войну, ибо знали, что войны нельзя избежать, а можно только оттянуть ее к выгоде других. Они предпочли воевать с Филиппом и Антиохом в Греции, чтобы не сражаться с ними потом в Италии; в свое время они могли избежать обеих войн, но не захотели этого. Они никогда не придерживались того правила, которое вечно на устах мудрецов нашего времени: «Воспользоваться преимуществами выжидания». Преимущество римлян заключалось только в собственных доблести и благоразумии, ведь время несет с собой всяческие перемены, при которых добро оборачивается злом, а зло — добром.

Но вернемся к Франции и посмотрим, прибегла ли она к какому-нибудь из вышеописанных способов. Я буду говорить не о Карле, а о Людовике⁹, потому что он дольше удержался в Италии и предпринятые им шаги заметны гораздо отчетливее. Вы можете убедиться, что он поступал все время наперекор тому, что следовало бы делать для закрепления своих владений в иноязычной стране.

Король Людовик оказался в Италии благодаря притязаниям венецианцев, которые намеревались воспользоваться его приходом, чтобы овладеть половиной Ломбардии. Не стану упрекать короля за этот поступок: желая закрепиться в Италии, он не располагал союзниками внутри страны, и все двери были закрыты перед ним из-за воспоминаний о его предшественнике Карле, поэтому выбирать друзей было не время. Людовик добился бы своей цели, если бы не допустил никаких других ошибок. Заняв Ломбардию, король вернул бы французам уважение, утраченное при Карле; Генуя уступила, флорентийцы заключили с ним союз; маркиз Мантуанский, герцог Феррарский, Бентивольи, хозяйка Форли¹⁰, правители Фаэнцы, Пезаро, Римини, Камерино, Пьомбино, жители Лукки, Пизы, Сиены – все искали его дружбы. Тогда-то венецианцы осознали всю безрассудность своего поступка: взамен пары местечек в Ломбардии они сделали короля властелином двух третей Италии.

Судите теперь, сколь нетрудно было королю утвердиться в Италии, если бы он соблюдал вышеописанные правила, поддерживая и защищая своих многочисленных и слабых сторонников, находившихся в страхе – кто перед Церковью, кто перед венецианцами – и вынужденных следовать за ним. С их помощью Людовик легко обезопасил бы себя от более могущественных соперников. Но едва он очутился в Милане, как поступил наоборот, оказав папе

⁹ Карл VIII находился в Италии с августа 1494 года по июль 1495 года, Людовик XII – с 1499 года по 1512 год.

¹⁰ Форли Катерина (Риарио Сфорца) – графиня (1463–1509), побочная дочь Галеаццо Марии Сфорца, с 1477 года жена Джироламо Риарио; вторым браком жена известного кондотьера Джованни Медичи. В 1499 году Макиавелли был послан к ней для переговоров о найме ее сына, кондотьера Оттавиано Риарио, на службу Флоренции.

Александру¹¹ содействие в захвате Романьи¹². При этом король даже не заметил, что, отталкивая от себя доверившихся ему сторонников и друзей, он ослабляет свое влияние и усиливает Церковь, прибавляя к ее огромной духовной власти еще и светскую. За этой первой ошибкой неизбежно последовали и другие. В конце концов, чтобы обуздать властолюбие Александра и помешать ему завладеть Тосканой, король был вынужден вступить на территорию Италии. Мало того, что он возвысил Церковь и лишил себя союзников; с вожделием взирая на Неаполитанское королевство, он разделил его с королем Испании, и если до этого судьбы Италии были в его руках, то теперь он обзавелся сотоварищем, дабы у всех честолюбцев и недовольных в этой стране был покровитель. При этом Людовик удалил из королевства того, кто мог бы платить ему дань, заменив его правителем, угрожавшим изгнать его самого¹³. Разумеется, желание приобретать – вещь вполне обычная и естественная, и когда люди стремятся к этому в меру своих сил, их будут хвалить, а не осуждать, но когда они не могут и все же добиваются приобретений любой ценой, то в этом заключается ошибка, достойная порицания. Если силы Франции позволяли ей обрушиться на Неаполь, так и следовало поступить, если же не позволяли, не следовало ни с кем делить его. Подобная сделка с венецианцами в Ломбардии заслуживала оправдания, потому что позволила французам закрепиться в Италии; в случае с Неаполем она подлежит осуждению, ибо не была вызвана сходной необходимостью.

Таким образом, Людовик допустил пять ошибок: он вывел из игры более слабых правителей; усилил одно из могущественнейших лиц в Италии; допустил туда чужеземного властелина; не перенес туда своей резиденции и не основал там колоний. Но все эти ошибки, пока он был жив, могли и не причинить большого вреда, если бы он не сделал шестую, отобрав владения у венецианцев.

¹¹ Имеется в виду Александр VI Борджиа.

¹² Романья – область на северо-востоке Италии, которой владели византийцы, лангобарды, римские папы. В начале XVI века Чезаре Борджиа с помощью папы Александра VI попытался создать здесь собственное княжество.

¹³ Король сменил неаполитанского короля Федерико I Арагонского на Фердинанда Католического.

Не допусти он возвышения Церкви и не призови в Италию испанцев, ослабить их было бы действительно разумно и необходимо, но после допущенных просчетов не следовало соглашаться на расправу с венецианцами. Пока они оставались в силе, никто не отважился бы посягнуть на ломбардские земли: венецианцы никогда не согласились бы на это, потому что сами пожелали бы претендовать на французскую долю, а все остальные ни за что не захотели бы отнять ее у Франции и отдать венецианцам. Выступить же против двоих хозяев Ломбардии никто бы не посмел. А если кто-то возразит, что Людовик уступил Романью Александру и Неаполитанское королевство – Испании, чтобы избежать войны, то я сошлюсь на вышеприведенные доводы: война все равно начнется, но промедление обернется против тебя. Если же напомнят, что король пообещал папе выступить ради него в поход в обмен на свой развод и кардинальскую шапку для архиепископа Руанского¹⁴, то я отвечу тем, что будет сказано мною ниже относительно обещаний, даваемых государями, и о том, как их следует выполнять.

Итак, король Людовик лишился Ломбардии потому, что не соблюдал правил, которых придерживались все завоеватели, желавшие удержать покоренные страны. Так что здесь нет ничего удивительного – все естественно и легко объяснимо. Об этом предмете я беседовал с кардиналом Руанским в Нанте, когда герцог Валентино, как в народе называли сына папы Александра Чезаре Борджиа, захватил Романью. Кардинал заявил мне, что итальянцы несведущи в военных делах, на что я ему ответил, что французы ничего не смыслят в делах государственных, ибо в противном случае они не допустили бы подобного возвышения Церкви. Опыт показал, что Франция способствовала росту влияния в Италии Церкви и Испании, и это привело к ее собственному краху. Отсюда можно извлечь общее правило, почти непреложное: кто делает другого могущественным, тот погибает, ведь наделять могуществом можно с помощью

¹⁴ Александр VI разрешил Людовику развестись с Иоанной Французской, сестрой Карла VIII, и жениться на его вдове, Анне Бретонской, а также сделал кардиналом первого министра короля, Жоржа Д'Амбуаза, архиепископа Руанского.

либо силы, либо умения плести интриги, а оба этих качества вызывают подозрение у ставших могущественными людей.

Глава IV. По какой причине в царстве Дария, захваченном Александром, после смерти последнего не вспыхнул мятеж против его преемников

Узнав о трудностях, связанных с удержанием новых владений, кто-то может задать вопрос, почему не вспыхнуло восстание в Азии, которой Александр Великий овладел за несколько лет и вскоре после этого умер. Следовало ожидать крушения его государства, однако преемники Александра удержались у власти, и единственным препятствием, которое встретилось им при этом, были раздоры между ними, вызванные их собственным властолюбием. На это я отвечу, что все известные доньше принципаты бывали управляемы одним из двух способов: либо в них был один государь, а все прочие – подневольные слуги, содействующие ему в управлении по его милости и соизволению, либо государь правил вместе с баронами, которые обладали своим саном не по прихоти властителя, но благодаря древности происхождения. У этих баронов есть собственные владения и подданные, признающие их господами и питающие к ним естественную привязанность. Государство, управляемое монархом через его слуг, дает правителю больше власти, ибо в такой стране верховным владыкой признают только его, а прочим должностным лицам подчиняются, как государевым чиновникам, к которым никто не питает особенной любви.

В наше время примеры двух разных способов управления являют французский король и турецкий султан. Вся турецкая монархия подчиняется одному господину, все остальные – его рабы, все царство разделено на санджаки¹⁵, куда султан назначает управляющих и заменяет их, когда и как он того пожелает. Французский же король исстари окружен множеством господ, которые пользуются властью над своими подданными и их любовью; у них есть

¹⁵ Санджаки – территориальные округа.

свои привилегии, на которые королю посягать небезопасно. Если сравнить эти два государства, то можно убедиться, что завоевать владения султана трудно, но, одержав победу, их легко сохранить за собой.

Трудности овладения державой султана заключаются в том, что завоеватель не может быть призван туда местными князьями и не может рассчитывать на то, что его предприятие будет облегчено мятежом султанского окружения, как вытекает из вышеназванных причин. Рабов, которые всем обязаны султану, не так-то легко подкупить, а если и удастся, то от этого следует ожидать мало пользы, ведь они, по вышеупомянутым соображениям, не смогут увлечь за собой народ. Поэтому нападающий на султана должен готовиться к встрече со сплоченным врагом и рассчитывать больше на собственные силы, чем на раздоры в стане противника. Но если турок потерпит поражение в битве, такое, что он не сможет оправиться и набрать новое войско, то угрозу следует видеть только в выходцах из правящей династии, расправившись с которыми можно никого больше не бояться, ибо все остальные не пользуются влиянием в народе, и как раньше завоеватель не мог на них рассчитывать, так и теперь ему не нужно их бояться.

Противоположным образом дело обстоит в королевствах, управляемых подобно Франции: туда нетрудно внедриться, сговорившись с кем-нибудь из баронов, среди которых всегда много недовольных и охотников до перемен. По этим причинам они расчистят перед тобой путь в свою страну и облегчат твою победу, но, желая удержать завоеванное, ты столкнешься с бесчисленными трудностями, вызванными как помогавшими, так и противостоящими тебе баронами. Тут уже недостаточно будет истребить семью государя, а придется иметь дело с этими сеньорами, которые возглавят новые мятежи. Их невозможно ни удовлетворить, ни уничтожить, поэтому при первом удобном для них случае ты лишишься власти.

Итак, если вы рассмотрите природу Дариева царства, то вы найдете в нем сходство с турецкой монархией; вот почему Александру необходимо было целиком всколыхнуть его и разбить Дария в сражении, но после победы и смерти

царя Александр мог не опасаться за свою власть по вышеизложенным причинам. И если бы его преемники не ссорились между собой, они безмятежно могли бы наслаждаться властью, ведь в этом царстве не было никаких беспорядков, кроме вызванных их собственными распрями. Но управление государствами, устроенными подобно Франции, влечет за собой куда больше забот. Этим и были вызваны частые восстания против римлян в Испании, во Франции и в Греции: многочисленностью княжеств, на которые были разделены эти страны. Пока память о них была свежа, господство римлян не отличалось прочностью, но когда эта память развеялась благодаря могуществу и долговечности власти римлян, их владычеству уже ничто не угрожало. И даже когда римляне стали воевать друг с другом, каждого из противников поддерживала та часть названных провинций, где он располагал властью. Династии прежней знати угасли, и жители признавали правителями только римлян. После всего вышеизложенного никто не удивится той легкости, с которой Александр удерживал за собой государство в Азии, и тем трудностям, с которыми столкнулись Пирр и многие другие, желая удержать завоеванное. Это было вызвано не наличием или отсутствием доблести у завоевателей, а различиями завоеванных стран.

Глава V. Каким образом следует управлять городами или принципатами, которые до завоевания жили по своим законам

Когда новоприобретенные государства, как мы сказали, привыкли жить свободно и подчиняться собственным законам, удержать их можно тремя способами: первый – разорить их; второй – самому там поселиться; третий – оставить там прежние законы, получая оттуда определенный доход и назначив там правительство из немногих лиц, которые сохраняли бы преданность тебе. Получив власть из рук нового государя, они осознают, что смогут сохранить ее только благодаря его расположению и мощи, и будут всячески стараться упрочить его господство. Самый лучший способ удержать город, привыкший к

вольности, если ты хочешь сохранить его в целости, это использовать его собственных граждан.

*In exemplis*¹⁶ спартанцы и римляне. Спартанцы удерживали за собой Афины и Фивы, поставив там у власти немногих лиц, *tamen*¹⁷ они снова лишились этих городов. Римляне разрушили Капую, Карфаген и Нуманцию, чтобы сохранить их, и их замысел удался. Желая удержать Грецию, они пошли по стопам спартанцев, оставив там свободу и сохранив ее законы, но потерпели неудачу и были вынуждены разорить многие города этой страны, чтобы утвердиться в ней. Ведь на самом деле верный способ овладеть какой-либо провинцией – это разорить ее. Тот, кому достается город, привыкший к свободной жизни, и он не разваливает его до основания, – тот будет сам погребен его жителями, которые всегда смогут прибегнуть к восстанию, провозгласить свободу и возврат к прежним обычаям, память о коих не стирают ни бег времени, ни полученные благодеяния. И что тут ни делай и ни придумывай, – если жители не были разъединены и рассеяны, – они не забывают прежней вольности и прежних порядков, которые при каждом подходящем случае превозносятся вновь; так было в Пизе через 100 лет после ее покорения флорентийцами. Но если города или провинции привыкли подчиняться одному государю, род которого пресекался, они не сумеют избрать нового правителя из своей среды, утратив прежнего, и жить на свободе, имея навык к повиновению. Поэтому им труднее будет взяться за оружие, а завоевателю легче привлечь их к себе и обезопасить себя от мятежа. В республиках же больше воли к жизни, глубже ненависть и сильнее желание отомстить; память о старинной вольности не ослабевает и не дает им покоя, поэтому надежнее всего уничтожать их или туда переселяться.

¹⁶ Примером служат (*лат.*).

¹⁷ Однако (*лат.*).

Глава VI. О новой власти, приобретаемой с помощью собственного оружия и доблести

Пусть никого не удивляет, что, говоря о принципатах, получающих нового государя и новое устройство, я буду ссылаться на великие примеры, ведь люди все время идут по путям, проложенным другими, и подражают им в своих поступках, но не могут целиком следовать чужим путем и достичь той же доблести, что и образцы, поэтому разумный человек должен все время шествовать по тропинкам, протоптанным великими людьми, и подражать выдающимся, чтобы в отсутствие равной доблести сохранялось хотя бы ее подобие. Так поступают опытные лучники: зная удаленность места, в которое они целятся, и дальнобойность лука, они выбирают цель гораздо выше мишени, но не для того, чтобы пустить стрелу на такую высоту, а для того, чтобы, прицелившись столь высоко, достичь желаемого. Итак, я скажу, что новому государю бывает легче или труднее удержать власть в зависимости от того, большей или меньшей доблестью располагает завладевший ею. Сам переход от положения частного лица к сану государя предполагает содействие доблести или фортуны, и наличие каждого из этих двух условий отчасти уменьшает встречающиеся трудности. Тем не менее тот, кто меньше полагается на фортуна, находится в большей безопасности. Дело также упрощается, когда государь бывает вынужден из-за отсутствия других владений *personaliter*¹⁸ поселиться в новых. Переходя теперь к тем лицам, которые стали государями благодаря своей доблести, а не фортуне, я назову среди самых выдающихся Моисея, Кира, Ромула, Тезея и им подобных. Хотя о Моисее не следовало бы рассуждать, ибо он был простым исполнителем предначертаний Бога, *tamen* восхищения в нем заслуживает уже *solum*¹⁹ та благодать, которая удостоила его бесед с Богом. Но если мы обратимся к Киру и другим основателям и завоевателям царств, то увидим, что все их деяния были удивительными, и если рассмотреть их

¹⁸ Лично (лат.).

¹⁹ Только (лат.).

отдельные поступки, они не будут расходиться с поступками Моисея, у которого был столь высокий наставник. Вникая в их жизнь и дела, мы замечаем, что фортуна предоставила им только случай, поставивший их лицом к лицу с материей, которой они могли придать любую форму по своему усмотрению; не представься случай, доблесть духа этих людей угасла бы в неизвестности, но не будь этой доблести, случай представился бы напрасно. Следовательно, Моисей должен был найти народ Израиля в Египте поработанным и угнетенным египтянами, чтобы он был готов пойти за ним ради освобождения из рабства. Ромулу надо было прийти не ко двору в Альбе и быть брошенным на произвол судьбы после рождения, чтобы он стал царем Рима и основателем Римского отечества. Киру необходимо было застать среди персов недовольство властью мидян, а мидян слабыми и изнеженными вследствие долговременного мира. Тезею не пришлось бы проявить свою доблесть, если бы он нашел Афины сплоченными. Случайные стечения обстоятельств оказались для этих людей счастливыми, а их необыкновенная доблесть помогла им воспользоваться случаем, что привело их отчизну к славе и процветанию.

Тот, кто становится государем доблестным путем, наподобие вышеназванных лиц, тому власть достается трудно, но удержать ее легко, а трудности приобретения власти возникают отчасти из-за новых порядков и установлений, которые правители вынуждены вводить для упрочения нового устройства и собственной безопасности. Следует заметить, что нет начинания, которое так же трудно задумать, с успехом провести в жизнь и безопасно осуществить, как стать во главе государственного переустройства. Враги преобразователя — все те, кто благоденствовал при прежнем режиме; а те, кому нововведения могут пойти на пользу, защищают его довольно прохладно. Это отсутствие пыла связано отчасти со страхом перед противниками, на стороне которых закон, отчасти с недоверчивостью людей, которые не верят в новшества, пока они не подкреплены опытом. Поэтому всякий раз, как противники располагают возможностью для нападения, они ее рьяно используют, защитники же рвения не проявляют, так что новые порядки оказываются под угрозой. Желая

хорошенько вникнуть в этот предмет, следует разобрать, являются ли эти преобразователи самостоятельными или зависят от других, то есть должны ли они для достижения своих целей просить о помощи или могут прибегать к силе. В первом случае будущее им ничего не сулит, и они ничего не добиваются, но если они зависят только от себя и могут принуждать других, тогда в большинстве случаев им ничего не угрожает. Вот почему все вооруженные пророки победили, а все безоружные погибли, ведь помимо всего прочего, народ обладает изменчивой природой, его легко в чем-либо убедить, но трудно удержать в этом убеждении. Поэтому нужно быть готовым силой заставить верить тех, кто потерял веру. Моисей, Кир, Тезей и Ромул недолго могли бы поддерживать соблюдение своих законов, если бы были безоружными, как показывает происшедшее в наше время с братом Джироламо Савонаролой, который потерпел крах со своими новыми порядками, как только масса перестала ему верить, а он не мог удержать тех, кто поверил ему раньше, и заставить поверить сомневающимся. Итак, подобные деятели сталкиваются со множеством трудностей, и все опасности, встречающиеся им на пути, они должны преодолевать своей доблестью. Но пройдя через опасности и завоевав уважение, расправившись с теми, кто должен испытывать к ним зависть, они пребывают в могуществе, почете, безопасности и довольстве.

К столь возвышенным примерам я хочу добавить один менее значительный, но он чем-то им сродни, и я ограничусь только им; речь идет о Гиероне Сиракузском. Из частного лица он стал правителем Сиракуз, и при этом фортуна предоставила ему только подходящий случай, ибо жители города, будучи угнетенными, избрали его своим предводителем, а он уже заслужил звание государя. Его доблесть была такова, *etiam*²⁰ в частной жизни, что пишущий о нем говорит: «*Quod nihil illi deerat ad regnandum praeter regnum*»²¹. Гиерон распустил прежнее ополчение и создал новое; он расторг старые союзы и вступил в новые и, когда обзавелся своими собственными солдатами и

²⁰ Даже (лат.).

²¹ Для царствования ему не доставало только царства (лат.).

союзниками, на этом фундаменте мог соорудить любую постройку. Таким образом, ему было тяжело приобрести, но легко удержать.

Глава VII. О новых принципатах, приобретаемых благодаря чужому оружию и счастью

Те частные лица, которые стали государями только благодаря везению, достигают этого без труда, но с трудом удерживают власть. На своем пути они не встречают преград, как бы взлетая ввысь; осложнения же начинаются, когда цель достигнута. Это бывает в случаях, если кто-то приобретает власть за деньги или по милости дарителя. Так, Дарий насадил в Греции, в городах Ионии и Геллеспонта, многих государей ради своей славы и безопасности. Таким же образом были избраны императорами частные лица, которые получили свою власть, подкупив солдат. Подобные государи попросту зависят от прихотей и везения своих благодетелей, а эти вещи весьма переменчивы и непостоянны; сохранить свою власть такие люди не могут и не умеют – не умеют, потому что частное лицо, если оно не выделяется особым умом и доблестью, навряд ли научится повелевать, а не могут, потому что за ними не стоят надежные и преданные им силы. Затем, новоиспеченные государства, как и все другие скороспелые порождения природы, не располагают корнями и разветвлениями, которые спасли бы их от первой непогоды, – если только лица, неожиданно сделавшиеся государями, как мы уже сказали, не обладают такой доблестью, которая позволила бы им сохранить полученное по милости фортуны и построить для этого тот фундамент, на который другие опираются еще до прихода к власти.

Относительно обоих способов становиться государем, благодаря собственной доблести и по милости фортуны, я хочу привести в пример двух лиц, правивших на нашей памяти: это Франческо Сфорца и Чезаре Борджиа. Франческо из частного лица сделался герцогом Миланским, употребляя должные средства и пользуясь своей великой доблестью; приобретенное

бесчисленными трудами он с легкостью сохранил за собой. В свою очередь, Чезаре Борджиа, которого в народе звали герцогом Валентино, получил власть вместе с возвышением своего отца и, когда фортуна от того отвернулась, потерял ее, невзирая на все его старания и усилия – как подобает благоразумному и доблестному правителю – пустить корни в тех владениях, которые достались ему благодаря оружию и везению других. Ибо, как мы уже говорили выше, кто не заложит фундамент вначале, располагая великой доблестью, может построить его потом, хотя бы это и шло вразрез с замыслом архитектора и угрожало целостности самого здания. И если рассмотреть все шаги герцога, можно заметить, что он заложил хороший фундамент для будущего могущества. Я считаю нелишним обсудить это, потому что не могу дать лучших предписаний новому государю, чем следовать примеру герцога, и если его поступки не принесли ему пользы, то винить его не в чем, ибо он пострадал из-за чрезвычайной и необыкновенной враждебности фортуны.

Перед папой Александром VI, который замыслил возвысить герцога, своего сына, встало множество действительных и ожидаемых препятствий. Во-первых, папа мог его поставить только во главе государства, выкроенного из церковных владений, а посягать на них он опасался, зная, что герцог Миланский и венецианцы будут против этого, ведь Фаэнца и Римини уже находились под покровительством венецианцев. Кроме того, вооруженной силой, в особенности той, на которую можно было бы опереться, располагали в Италии те, кто должен был опасаться усиления папы. Это были семейства Орсини, Колонна²² и их сторонники, которым нельзя было доверять. Следовало, таким образом, изменить это положение дел и внести расстройство в стан противников, чтобы завладеть частью их территории. Сделать это было нетрудно, ибо венецианцы, по своим соображениям, решили снова призвать французов в Италию. Папа не только не воспрепятствовал их планам, но и облегчил их, разрешив короля Людовика от уз прежнего брака. Король вошел в Италию с помощью

²² Орсини – римский знатный род, с которым враждовали папы в Средние века. Колонна – римский дворянский род, с которым враждовали многие папы.

венецианцев и с согласия Александра, который получил от короля людей для захвата Романьи, едва тот прибыл в Милан. Благодаря авторитету короля это предприятие удалось, и после завоевания Романьи и разгрома приверженцев рода Колонна дальнейшему продвижению герцога мешали две вещи: ненадежность его собственного войска и нерасположение Франции. Отряды Орсини, которыми воспользовался герцог, могли отказать ему в повиновении – и не то что помешать новым приобретениям, но и отнять завоеванное, – а от короля можно было ожидать подобных же действий. В ненадежности Орсини герцог убедился, когда после взятия Фаэнцы напал на Болонью и увидел, сколь неохотно они отправляются в поход. Что касается короля, то его намерения прояснились после занятия герцогства Урбинского: когда Валентино вступил в Тоскану, король заставил его отказаться от этого предприятия. После этого герцог пожелал стать независимым от чужого веления и от чужого войска. Прежде всего он ослабил партии Орсини и Колонна в Риме: всех их приверженцев из дворян он привлек на свою сторону, приняв к себе на службу и наделив большим жалованьем; он осыпал их гражданскими чинами и военными званиями в соответствии с заслугами каждого, так что за несколько месяцев они утратили былую привязанность к своим партиям и обратили ее на герцога. Расправившись с домом Колонна, герцог собирался свести счеты и с Орсини; он очень хорошо воспользовался представившимся случаем, когда Орсини, слишком поздно распознавшие угрозу для себя в возвышении герцога и Церкви, собрали свой съезд в Маджоне, близ Перуджи. Он послужил причиной к восстанию в Урбино, к волнениям в Романье и навлек на герцога несметное множество бед, с которыми тот справился с помощью французов. Снова войдя в силу, герцог не стал дожидаться, пока Франция и другие державы смогут на деле доказать ему, насколько им можно доверять, и прибег к обману: он так удачно скрыл свои планы, что Орсини примирились с ним через посредничество синьора Паоло, которого герцог обхаживал всеми способами, одаряя деньгами, нарядами и лошадьми, дабы усыпить его бдительность. Так из-за своей недалекновидности все семейство Орсини оказалось в руках герцога в Сенигалии.

Покончив с верхушкой этой партии и превратив ее приверженцев в своих друзей, герцог заложил неплохой фундамент своего могущества, располагая всей Романьей и герцогством Урбино, ведь он считал, что после того, как жители Романьи вкусили прелестей благополучного существования, все они за него.

Так как эта сторона деятельности герцога заслуживает внимания и подражания, я хочу остановиться на ней. Заняв Романью, герцог увидел, что она находилась в руках нерадивых правителей, которые занимались больше грабежом, нежели исправлением своих подданных, и не столько объединяли их, сколько сеяли семена раздора, так что вся провинция закоsnела в распрях, разбоях и прочих бесчинствах, поэтому герцог, чтобы умиротворить ее и привести к повиновению властям, счел нужным ввести там надежное правление. Во главе области он поставил мессера Рамиро де Орко, человека решительного и жестокого, наделив его всей полнотой власти. Наместник за короткое время восстановил мир и единство, приобретя огромное влияние. Затем герцог посчитал ненужной такую чрезвычайную власть, которая могла вызвать ненависть к нему, и созвал в центре провинции гражданский суд, возглавляемый в высшей степени достойным председателем; каждый город располагал своим защитником в этом суде. Зная, что предшествовавшие суровые меры породили некоторое недовольство, герцог, чтобы очиститься перед народом и устранить всякую неприязнь, решил показать, что вина за совершенные жестокости лежит не на нем, а коренится в зловредности его подручного. Воспользовавшись подходящим случаем, герцог велел выставить однажды утром на площади в Чезене тело правителя, разрубленное надвое, поставив рядом с ним деревянную плаху и положив окровавленный меч. Это чудовищное зрелище поразило жителей и одновременно вызвало удовлетворение.

Однако вернемся к тому, на чем мы остановились. Я скажу, что, когда герцог набрал достаточную силу и отчасти обезопасил себя от непосредственной угрозы, обзаведясь собственным войском и подавив тех из соседей, которые могли на него напасть, перед ним оставалось единственное препятствие на пути дальнейшего расширения владений — необходимость считаться с королем

Франции, ибо он знал, что король, поздно заметивший свою ошибку, не потерпел бы такого поворота событий. Поэтому он стал искать новых союзов и не спешил поддерживать французов, когда они отправились в королевство Неаполитанское воевать с испанцами, осадившими Гаэту. Герцог намеревался отгородиться от французов и преуспел бы в этом, если бы Александр оставался в добром здравии.

Вот каковы были его распоряжения в отношении текущих дел. Что же касается будущего, то ему следовало опасаться прежде всего вражды со стороны нового главы Церкви, который мог бы попытаться отнять все дарованное Александром. На этот счет герцог предусмотрел четыре способа: во-первых, истребить всех наследников изгнанных им сеньоров, чтобы не оставить папе никакого предлога; во-вторых, привлечь к себе всех римских дворян, о чем мы уже говорили, чтобы с их помощью держать папу в узде; в-третьих, по возможности перетянуть на свою сторону коллегия кардиналов; в-четвертых, еще при жизни папы завладеть такой властью, чтобы она позволила самостоятельно удержаться во время первого натиска. Из этих четырех задач к моменту смерти Александра он исполнил три, а четвертая была близка к исполнению, ибо из всех свергнутых им владетелей были перебиты все, кого он мог настигнуть, и спаслись лишь немногие. Римские дворяне шли за ним, и коллегия в значительной части его поддерживала. Что же касается новых приобретений, то он намеревался овладеть всей Тосканой, приобретя уже Перуджу и Пьомбино и взяв под покровительство Пизу. И поскольку ему уже не приходилось бояться Франции (а этого не нужно было делать, потому что испанцы изгнали французов из Неаполитанского королевства, и обе стороны были вынуждены покупать дружбу герцога), он мог заняться Пизой. Если бы он завладел последней, ему сразу бы сдались Лукка и Сиена, отчасти из вражды к флорентийцам, отчасти из страха. Флорентийцы никак не могли помешать герцогу, и если бы его планы удались (а он был к этому близок в тот самый год, когда умер Александр), то он обладал бы такими силами и таким влиянием, что мог бы держаться сам по себе, не полагаясь на оружие и везение других, а опираясь только на собственную мощь и доблесть. Но Александр умер спустя

пять лет после того, как герцог вынул меч из ножен. Последний остался смертельно больным между двух могущественных враждебных войск, не имея нигде твердой почвы под собой, кроме как в Романье. Но в герцоге жила такая ярость и такая доблесть, он настолько хорошо знал, что привлекает людей и что отталкивает, и столь прочный фундамент создал он для себя за столь короткое время, что если бы он не был болен или не находился между двух огней, то преодолел бы все препятствия. А что у него был прочный фундамент, видно по тому, что Романья ожидала его более месяца; в Риме во время смертельной болезни герцогу ничего не угрожало, и хотя Бальони, Вителли и Орсини вошли в город, их никто не поддержал. И если герцог не был в состоянии возвести на папский трон кого хотел, то по крайней мере мог помешать избранию нежелательного кандидата. Если бы в момент смерти Александра он не заболел, все остальное было бы нетрудно. В день избрания Юлия II герцог говорил мне, что он предусмотрел все события, которые могла повлечь за собой смерть отца, и нашел выход из всех положений, – только никогда не думал, что в этот момент сам окажется при смерти.

Итак, обзревая все поступки герцога, я не нахожу, в чем его можно было бы упрекнуть. Напротив, мне кажется, что он должен служить образцом для подражания, как он здесь и выставлен, для всех, кто восходит на трон благодаря оружию и удаче других. Великий дух и высокие намерения герцога не позволяли ему поступать иначе, и его планы не осуществились только из-за преждевременной кончины Александра и его собственной болезни. Новый государь, считающий нужным защищаться от врагов, приобретать друзей, убеждать силой или хитростью, внушать любовь и страх народам, преданность и уважение солдатам, избавляться от тех, кто может и должен принести ему вред, изменять нововведениями старые обычаи, быть суровым и милостивым, великодушным и щедрым, упразднить ненадежное войско и набрать новое, хранить дружбу королей и прочих государей, дабы они должны были помогать ему от всего сердца или вредить с оглядкой, – такой государь не найдет более близкого образца, чем деяния герцога. Единственное, чем можно укорить его,

это избрание папы Юлия, которое было ошибкой герцога, ибо, как мы уже говорили, не располагая возможностью избрать папу по своему вкусу, он мог помешать нежелательной кандидатуре. Поэтому ему не следовало соглашаться на выбор одного из кардиналов, таивших на него обиду, или тех, кто в качестве папы должен был бы опасаться герцога. Причинять вред заставляет людей страх или ненависть, а в числе обиженных находились, наряду с прочими, кардиналы Сан Пьетро ад Винкула, Колонна, Сан Джорджо и Асканио. Остальным, в случае избрания одного из них папой, он должен был внушать опасения, кроме испанцев и кардинала Руанского: первых связывали с герцогом родство и благодарность, второй был слишком могущественным, имея за собой французское королевство. Поэтому герцогу прежде всего следовало добиваться избрания папой одного из испанцев, а в случае невозможности этого согласиться на избрание кардинала Руанского, но не Сан Пьетро ад Винкула. Ведь обманывается тот, кто верит, что новые благодеяния заставляют влиятельных людей забывать о старых обидах. Ошибся и герцог при избрании папы, и это послужило причиной его окончательного крушения.

Глава VIII. О тех, кто добился власти злодеяниями

Частное лицо может сделаться государем еще двумя способами, каждый из которых нельзя отнести целиком на счет удачи или доблести, поэтому я не хотел бы умалчивать о них, хотя об одном из этих способов следовало бы подробнее поговорить там, где речь идет о республиках²³. В первом случае подразумевается, что некто восходит на трон по пути, усеянному преступлениями и злодействами, во втором – что один из граждан с помощью прочих становится государем своей отчизны. Сицилиец Агафокл стал царем Сиракуз, будучи не только частным лицом, но и происходя из самого низкого и презренного сословия. Родившись сыном горшечника, он с малых лет вел нечестивый образ жизни, но злодейские наклонности сочетались в нем с такой

²³ То есть в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия»; это место можно истолковать в пользу того, что работа над ними и «Государем» шла параллельно.

доблестью духа и тела, что, обратившись к военной карьере, он постепенно достиг должности претора²⁴ Сиракуз. Получив это звание, он замыслил стать единоличным правителем и дарованное ему по общему согласию закрепить за собой с помощью насилия, чтобы ни от кого не зависеть. Вступив в сговор с карфагенянином Гамилькаром²⁵, находившимся с войском в Сицилии, Агафокл однажды утром созвал в Сиракузах народ и Сенат²⁶ как бы для решения государственных дел и условленным сигналом приказал своим солдатам перебить всех сенаторов и самых богатых горожан. Расправившись с ними, он мог занять пост правителя города, не опасаясь никакого внутреннего противодействия. И хотя карфагеняне дважды разбили его войско и *demum*²⁷ осадили Сиракузы, Агафокл *non solum*²⁸ сумел оборонить свой город, но и, оставив часть солдат для его защиты, совершить поход в Африку, что привело вскоре к освобождению Сиракуз, а Карфаген поставило на край гибели. Противники Агафокла были вынуждены вступить с ним в переговоры и удовольствоваться своими владениями в Африке, Сицилия же осталась за ним. Таким образом, если рассмотреть поступки и доблесть Агафокла, незаметно, чтобы он был многим обязан фортуне. Ведь мы уже говорили выше, что он сделался государем не по чьей-либо милости, но совершил восхождение по ступеням военной службы, каждый шаг по которым совершался среди бесчисленных опасностей и лишений; для охраны же своей власти ему пришлось прибегнуть ко множеству смелых и отчаянных решений. Но и доблестью нельзя называть убийство своих сограждан, предательство друзей, отказ от веры, сострадания, религии – такое поведение может принести власть, но не славу. Однако, рассмотрев доблесть Агафокла в рискованных и опасных делах и

²⁴ Претор – судебный чиновник, помогавший консулу (консул – высшая правительственная должность в Риме с 509 года до н. э.); у латинов то же, что консул.

²⁵ Гамилькар Барка – карфагенский полководец, участник Первой Пунической войны; усмирил мятеж ливийских наемников 241–238 годов до н. э.; погиб в 229 году до н. э.

²⁶ Сенат – высший государственный совет в Риме, состоявший из нескольких сот представителей знатных (патрицианских) родов. В императорскую эпоху сохранял формальное значение. Сенаторы носили титул «отцов».

²⁷ Наконец (*лат.*).

²⁸ Не только (*лат.*).

величие его духа, претерпевшего и преодолевшего столько невзгод, мы не заметим ничего, что позволило бы поставить его ниже любого самого выдающегося полководца. И все же его зверская жестокость и бесчеловечность вместе с бесчисленными злодеяниями не позволяют причислить его к сонму замечательных людей. Итак, его возвышение, которым он не был обязан ни везению, ни доблести, нельзя приписать ни тому, ни другому.

На нашей памяти, во времена Александра VI, Оливеротто из Фермо²⁹, оставшись во младенчестве сиротой, был воспитан своим дядей с материнской стороны по имени Джованни Фольяни и в ранней юности отдан Паоло Вителли³⁰ для военной выучки с тем, чтобы совершить в дальнейшем военную карьеру. По смерти Паоло он воевал под началом его брата Вителлоццо³¹ и вскоре, благодаря своей сообразительности, а также смелости духа и личному бесстрашию, стал первым человеком в его войске. Но так как ему казалось постыдным служить другим, он задумал захватить Фермо при поддержке Вителли и с помощью некоторых горожан, променявших свободу своей родины на порабощение. Оливеротто написал Джованни Фольяни, что после долгой разлуки хотел бы повидаться с ним и посетить родной город, чтобы навести при этом справки о своем наследстве, а поскольку целью его трудов всегда был почет со стороны окружающих и он хотел, чтобы земляки убедились в успешности его усилий, Оливеротто собирался войти в город с почетом в сопровождении сотни всадников, своих друзей и слуг. Он просил дядю, чтобы жители Фермо устроили ему торжественный прием, оказывая этим честь не только Оливеротто, но и дяде, его воспитателю. Джованни оказал племяннику все подобающие почести, устроил ему парадный прием в Фермо и разместил в своих покоях. Через несколько дней, приготовив все для задуманного злодеяния, Оливеротто затеял

²⁹ Оливеротто да Фермо (Эвфредуччи) – кондотьер, тиран города Фермо в Романье с декабря 1501 года; убит 31 декабря 1502 года в ловушке, устроенной Чезаре Борджиа для своих противников в Сенигаллии.

³⁰ Вителли Паоло – сын Никколо, кондотьер Флоренции в войне с Пизой, казнен за измену 1 октября 1499 года.

³¹ Вителли Вителлоццо – сын Никколо, в 1502 году разжег мятеж в Ареццо против Флоренции; участник заговора против Чезаре Борджиа в том же году, захвачен им в плен и казнен.

пышный пир, на который пригласил Джованни Фольяни и всех первых лиц в Фермо. Когда было выпито уже много вина и пир находился в самом разгаре, Оливеротто намеренно завел разговор о некоторых непростых предметах, а именно о возвышении папы Александра и его сына Чезаре и об их поступках. Когда Джованни и прочие стали высказываться на эту тему, Оливеротто неожиданно поднялся и, говоря, что об этом следует беседовать без лишних ушей, вышел в другую комнату, куда последовали за ним Джованни и все остальные. Но едва они расселись по местам, как из засады выбежали солдаты, которые перебили всех присутствовавших, включая Джованни. После этой резни Оливеротто вскочил в седло, проехал по улицам и осадил правителей города в их дворце, так что страх заставил их подчиниться и поставить Оливеротто во главе правительства. Уничтожив всех недовольных, которые могли бы причинить ему вред, Оливеротто укрепил свою власть с помощью новых военных и гражданских установлений, так что не прошло и года с начала его владычества, а он не только чувствовал себя в безопасности в Фермо, но и стал наводить страх на всех своих соседей. И прогнать его оттуда было бы не менее трудно, чем Агафокла, если бы он не поддался обману со стороны Чезаре Борджиа, захватившего, как мы уже говорили, в Сенигалии Орсини и Вителли. Схваченный там же Оливеротто был задушен через гол после совершенного им отцеубийства вместе с Вителлоццо, его наставником в злодеяниях и в доблести.

Может возникнуть вопрос, почему Агафокл, как и некоторые другие, подобные ему, после множества измен и совершенных жестокостей могли на протяжении многих лет благополучно жить у себя на родине и обороняться от внешних врагов, причем сограждане ни разу не устроили против него заговора. И это в то время, как многих других жестокость не спасла от потери власти *etiam* в дни мира, не говоря уже о тревожном военном времени. Я думаю, что дело в различии жестокостей хорошо употребленных и употребленных дурно. Хорошо употребленными жестокостями (если дурное дозволено назвать хорошим) являются те, к которым прибегают один раз, когда к этому понуждают интересы безопасности, а затем не упорствуют в них, но обращают, насколько это

возможно, на благо подданных. Дурно употребленные жестокости — это те, которые поначалу могут быть незначительными, но с течением времени не прекращаются, а, наоборот, начинают множиться. Соблюдающие первое правило могут, как Агафокл, защитить свою власть с помощью божеской и человеческой; все же прочие обречены на гибель. Отсюда следует, что, принимая власть, ее носитель должен взвесить, какие обиды ему необходимо нанести, и приступить к ним ко всем разом, чтобы они потом не множились каждый день и чтобы тем самым успокоить людей и расположить их к себе благодеяниями. Кто из робости или по недомыслию станет поступать иначе, тот будет вынужден никогда не выпускать меч из рук и не сможет доверять своим подданным, ибо вследствие свежих и непрестанных расправ они не смогут быть уверены в нем. Ведь обиды следует наносить все разом, дабы их действие, сжатое по времени, могло притупиться; благодеяния же следует вершить постепенно, чтобы люди лучше прочувствовали их. Но прежде всего государь должен так поступать со своими подданными, чтобы никакие благоприятные или неблагоприятные события не заставляли его изменить свое поведение, ведь когда в несчастье тебя застигает нужда, к крутым мерам прибегать поздно, а лаской действовать бесполезно, ибо ее сочтут вынужденной и ни в ком ты не встретишь благодарности.

Глава IX. О гражданском принципате

Обратившись к другому случаю, когда частное лицо становится государем своей отчизны вследствие благосклонности своих сограждан, а не путем злодеяния или другого недопустимого насилия, — такой род правления можно назвать гражданским принципатом (и достижение его не зависит целиком от доблести или удачи, а скорее от некоего удачливого лукавства), я скажу, что эта власть достается либо с помощью народа, либо с помощью грандов³². Ведь в любом городе существуют два течения, порождаемые тем, что народ старается

³² Гранды — современное Макиавелли обозначение знати.

избежать произвола и притеснений со стороны грандов, а гранды желают повелевать и подавлять народ. Борьба этих двух стремлений приводит в республиках к одному из трех результатов: возникновению принципата, режиму свободы или произволу.

Зачинщиком принципата бывают народ или гранды, в зависимости от того, кому из них представится для этого случай, ибо когда гранды видят, что не могут более противостоять народу, они выдвигают кого-либо из своей среды и делают его государем, чтобы за его спиной удовлетворять свои аппетиты. Также и народ, если убеждается, что не может справиться с грандами, начинает поддерживать какое-то лицо и делает государем, чтобы его власть была народу защитой. Получившему власть с помощью грандов труднее удержаться, чем тому, кто становится государем благодаря народной поддержке, ибо в первом случае правитель окружен людьми как бы равными себе и не может им приказывать и распоряжаться ими по-своему. А государю, опирающемуся на народ, никто не мешает, и мало кто решится отказать ему в повиновении. Кроме того, грандам нельзя угодить достойным способом, не причиняя людям обид, а народу – можно, ибо у народа, который только не хочет быть угнетаем, цель более достойная, чему у грандов, которые сами хотят угнетать. *Praeterea* ³³ от народа, вследствие его множества, у государя нет никакой защиты; число грандов невелико, поэтому он может себя обезопасить. Худшее, чего может ожидать государь, если народ от него отвернется, это остаться в одиночестве; гранды же в подобном случае не только бросят его на произвол судьбы, но еще могут и выступить против него, ибо они хитрее и осмотрительнее, они всегда стараются вовремя обеспечить себе пути отхода и заигрывают с вероятным победителем. Государь также не может поменять свой народ, но прекрасно может обойтись без грандов, ибо их судьба в его руках, и он может каждодневно по своей воле осыпать их милостями или подвергать опале.

³³ К тому же (лат.).

Чтобы лучше разъяснить это обстоятельство, скажу, что грандов следует рассматривать в основном двояким образом. Либо они ведут себя так, что целиком полагаются на твою удачу, либо нет. Если первые не отличаются алчностью, их нужно поощрять и приближать к себе; о вторых можно судить двояко: возможно, они не полагаются на тебя из трусости и вследствие прирожденной слабости духа; в этом случае ты должен пользоваться преимущественно тем, кто способен дать хороший совет, ибо в счастье это послужит твоему успеху, а в несчастье тебе нечего их бояться. Но если они отстраняются от тебя намеренно и из честолюбивых побуждений, – это признак того, что их больше заботят собственные дела, чем твои. От этих людей государю следует держаться подальше и остерегаться их, как отъявленных врагов, потому что, случись беда, они постараются приблизить его падение.

Итак, государь, взошедший на престол по милости народа, должен хранить его расположение, а это сделать будет нетрудно, ибо народ желает только избежать притеснений. Но человек, ставший государем с помощью грандов и вопреки воле народа, прежде всего обязан завоевать благосклонность последнего, что будет также нетрудно, если он возьмет народ под свою защиту. А так как люди, облагодетельствованные тем, от кого они ожидали иного, сильнее привязываются к своему благодетелю, то такой государь обретет народную приязнь еще быстрее, чем если бы он стал правителем благодаря народу. Завоевать же любовь последнего государь может многими способами, на которые не существует правил, потому что они избираются применительно к людям, так что здесь мы не будем на них останавливаться. В заключение отмечу только, что государь должен жить в дружбе с народом, иначе в беде для него не будет спасения.

Спартанский царь Набис выдержал осаду всей Греции и натиск победоносного римского войска, отстояв в борьбе против них свое отечество и свои владения, и для этого ему достаточно было в минуту опасности принять меры предосторожности против нескольких человек. Но не будь народ на его стороне, этого было бы мало. И напрасно будут опровергать мое мнение избитой

поговоркой: «Кто полагается на народ, строит на песке»; это справедливо тогда, когда частное лицо ищет опоры в народе и обольщается на его счет, что тот будет защитой от врагов или от властей. Тут он может легко обмануться, как Гракхи³⁴ в Риме или мессер Джорджо Скали³⁵ во Флоренции. Но когда государь властный и неробкого десятка доверится народу, не теряя присутствия духа в неблагоприятных обстоятельствах, не пренебрегая прочими мерами и возбуждая всеобщее внимание своими делами и обыкновениями, он никогда не разочаруется в народе и увидит, что не зря на него полагался.

Подобные государства находятся под угрозой, когда им предстоит переход от гражданского правления к абсолютному, и судьба их зависит от того, управляют ли государи сами или посредством чиновников; во втором случае их положение более шаткое и ненадежное, ибо они целиком зависят от произвола тех граждан, которые занимают должности и без труда могут лишить государя власти, особенно в неблагоприятных для него обстоятельствах, выступив против него или отказавшись подчиниться. Государь же, попав в беду, не успеет овладеть неограниченной властью, потому что его подданные и сограждане, привыкнув выполнять распоряжения чиновников, не станут слушать его собственных, и в несчастье государь всегда будет испытывать нужду в доверенных лицах. Ведь такому правителю нельзя полагаться на то, что он видит в мирное время, пока граждане зависят от властей и каждый из них спешит на зов государя, предлагает свои услуги и готов умереть за него, пока жизни этого человека ничего не угрожает. Но когда в час испытаний государство нуждается в гражданах, на многих рассчитывать ему не приходится. Подобные опыты еще более опасны тем, что проводить их можно только один раз. Поэтому мудрый государь должен обдумать, каким способом следует при любых обстоятельствах поддерживать в гражданах потребность в государстве и в нем самом; тогда ему никто не станет изменять.

³⁴ Гракхи – братья-трибуны из плебейского рода Семпрониев.

³⁵ Скали Дж. – один из правителей Флоренции после подавления восстания чесальщиков шерсти – чомпи; за тиранические устремления обезглавлен в 1382 году.

Глава X. Каким образом следует измерять силу всякого принципата

Оценивая качество принципатов, нужно иметь в виду еще следующее соображение: располагает ли данный государь такими владениями, чтобы в случае необходимости он сам смог защитить себя, или ему обязательно потребуется помощь со стороны. Чтобы лучше объяснить это, скажу, что самостоятельно могут постоять за себя, на мой взгляд, те, кому изобилие подданных или денег позволяет снарядить порядочное войско и с ним противостоять в поле любому захватчику. Равным образом, зависимыми от других я считаю тех, кто не в состоянии встретиться с врагом лицом к лицу и бывает вынужден укрыться за крепостными стенами для обороны. Первый случай мы уже разобрали и в дальнейшем будем возвращаться к нему по необходимости. Во втором случае добавить нечего, разве что посоветовать этим государям укреплять свой город и пополнять его запасы, а на оставшуюся территорию не обращать внимания. Хорошенько отстроив городские стены и наладив отношения с подданными так, как мы говорили выше и как будем еще говорить ниже, ты можешь гораздо меньше опасаться нападения, ибо люди чужаются трудных предприятий, а воевать с правителем воинственного города, если он не враждует с народом, очень нелегко.

Германские города обладают полной свободой, протяженность округа каждого из них невелика, и они подчиняются императору, когда сами того пожелают, не страшась ни его, ни прочих окрестных князей, ибо они укреплены настолько, что их осада представляется всякому утомительной и тяжелой. Все они окружены соразмерными рвами и стенами, располагают достаточным количеством пушек, в городских погребах держат годовые запасы еды, питья и топлива. Кроме того, чтобы обеспечить пропитание плебса без потерь для казны, у них всегда есть запас работы на год, которая может занять плебеев и обеспечивает жизнь и процветание города. Они также обращают много внимания на воинские упражнения и поддерживают их на требуемом уровне разными способами.

Итак, государь, который укрепил свой город и не внушает ненависти, может не опасаться нападения, а если кто-то и нападет на него, то удалится несолоно хлебавши, ибо превратности мирских дел таковы, что навряд ли этот противник сможет празднo простоять целый год в осаде. А если возразят, что народ не станет спокойно наблюдать, как в предместье горят его постройки, и, изнуренный тяготами долгой осады, предпочтет позаботиться о самом себе, а не о государе, я отвечу, что сильный и отважный государь всегда сумеет преодолеть эти трудности, то поддерживая в подданных надежду на скорое окончание бед, то устрашая их жестокостями врага, то избавляясь от слишком дерзких подобающим способом. К тому же противник, по всей вероятности, станет жечь и разорять окрестности сразу по прибытии, то есть тогда, когда в жителях еще не угас дух сопротивления. Поэтому государю нечего опасаться – ведь через несколько дней, когда люди поостынут, несчастье уже случится, ущерб будет нанесен, и изменить будет ничего нельзя; им останется только теснее сблизиться с государем, ради которого они лишились крова и имущества, так что он, по их мнению, будет перед ними в долгу. Ведь люди по природе склонны привязываться не только к тем, от кого они испытывают благодеяния, но и к тем, кому оказывают их. Следовательно, если все взвесить, благоразумному государю нетрудно будет поддерживать твердость своих сограждан во время осады, лишь бы для этого хватило пропитания и средств защиты.

Глава XI. О церковных принципатах

В настоящее время нам остается обсудить только церковные принципаты; связанные с ними трудности относятся лишь к их приобретению, ибо приобретают их с помощью доблести или удачи, а для их удержания не требуются ни та, ни другая, ибо они опираются на старинные установления религии, столь могучей и влиятельной, что их государи остаются у руля власти, как бы они ни правили и поступали. Только они владеют государствами, но их не обороняют, владеют подданными, но ими не управляют, и государства, за отсутствием обороны, у них не отнимаются; и подданные, за отсутствием

правления, ни о чем не беспокоятся – они не мыслят и не могут быть отчуждены от них. Таким образом, только этот вид государственного управления дает счастье и покой, но поскольку этими государствами руководит высшая причина, недоступная человеческому уму, я не стану говорить об этом, ибо лишь самонадеянный и безрассудный человек отважился бы разглагольствовать на эту тему, ведь их возвышает и охраняет сам Бог. Тем не менее, когда бы кто-то стал у меня допытываться, отчего Церковь достигла такого светского величия, что если до Александра итальянские властители, и *non solum* те, что назывались державными властителями, но и всякий барон и сеньор, даже мельчайший, ни во что не ставили ее светскую власть, а сегодня перед ней трепещет французский король, потому что она сумела изгнать его из Италии и сокрушить венецианцев, то, хотя это общеизвестно, мне кажется нелишним освежить причины этих событий в памяти.

Перед нашествием французского короля Карла в Италию власть в стране была поделена между папой, венецианцами, королем Неаполитанским, герцогом Миланским и флорентийцами. Заботой этих держав были в основном две вещи: чтобы в Италию не вторгались чужеземные войска и чтобы никто из итальянских властителей не расширил свои владения. Больше всего подозрений внушали папа и венецианцы. Венецианцев помогало сдерживать единение всех прочих, как было при защите Феррары³⁶, а уздой для папы служили римские бароны, разделенные на две партии, Орсини и Колонна, которые без конца ссорились между собой. Затевая вооруженные стычки в непосредственной близости от папы, они делали его власть вялой и немощной. И хотя иной раз появлялись отважные папы, например Сикст, *tamen* судьба или неспособность никогда не позволяли им избавиться от этого неудобства. Причиной тому – недолговечность пап, ибо за 10 лет, которые в среднем приходились на каждого из них, им с трудом удавалось ослабить одну из партий, и если, к примеру, кто-то из пап мог почти начисто извести приверженцев рода Колонна, то за ним на престол

³⁶ Во время «соляной войны» 1482–1484 годов на стороне Феррары были папа Сикст IV, герцоги Урбинский и Мантуанский. В результате войны Феррара стала независимой от Венеции.

всходил другой, враг семейства Орсини, который поощрял возрождение первых, а вторых уже не успевал побороть. Из-за этого светская власть папы ценилась в Италии невысоко.

Затем появился Александр VI, который более чем кто-либо из всех ранее правивших пап показал, сколь велики возможности римского первосвященника, располагающего деньгами и силой, и совершил, через посредство герцога Валентино и пользуясь приходом французов, все вышеописанные деяния, о которых я говорил выше по поводу герцога. И хотя он собирался возвысить герцога, а не Церковь, его поступки послужили к ее пользе, ибо после смерти папы и падения герцога Церковь унаследовала плоды трудов Александра. Потом на престол взошел папа Юлий, который застал Церковь на подъеме, овладевшей всей Романьей и усмирившей римских баронов, партии которых были разгромлены ударами Александра. Кроме того, был открыт новый способ добывания денег, до Александра не использовавшийся³⁷. Все это *non solum* было воспринято Юлием, но и приумножено им; он задумал присоединить Болонью, приструнить венецианцев и изгнать французов из Италии. Во всех этих начинаниях он преуспел и заслужил тем больше похвал, что сделал это для возвышения Церкви, а не какого-либо частного лица. Партии Орсини и Колонна он сохранил в том же состоянии, в котором нашел их, и хотя кое-кто из их главарей был не прочь взбунтоваться, *tamen* их сдерживали два препятствия: во-первых, величие Церкви, заставлявшее их опасаться, во-вторых, отсутствие своих кардиналов, которые обычно вызывали между ними раздоры. И всякий раз, как у этих партий будут появляться собственные кардиналы, они будут причиной беспорядков, ибо кардиналы питают в Риме и вне его партийный дух, и бароны бывают вынуждены его защищать. Таким образом, властолюбие прелатов рождает ссоры и мятежи среди баронов. Итак, Его Святейшество папа Лев принял титул главы могущественной Церкви, и если его предшественники

³⁷ Под «новым способом» подразумевается продажа церковных должностей.

возвысили ее силой оружия, то можно надеяться, что он прославит и возвеличит ее своим милосердием и неисчислимыми добродетелями.

Глава XII. Какого рода бывают войска и о наемных солдатах

Мы обсудили в подробностях все разновидности принципатов, о которых я предложил беседовать вначале, отчасти рассмотрели причины их благоденствия и упадка и показали, какими способами многие пытаются их приобретать и удерживать за собой. Теперь же мне остается рассказать о том, каким образом каждый из вышеназванных принципатов может обороняться и нападать. Мы уже говорили прежде, что государю необходимо иметь надежный фундамент, в противном случае он непременно потерпит крах. Основанием же всех государств, как новых, так и древних и смешанных, служат хорошие законы и хорошие войска. Но поскольку не может быть хороших законов там, где нет хорошего войска, а там, где оно есть, хорошие законы обеспечены, я не стану говорить о законах и скажу о войсках.

Итак, я полагаю, что силы, которыми государь защищает свои владения, либо являются его собственными, либо наемными, либо союзными, либо смешанными. Полагаться на наемные и союзные войска бесполезно и опасно, и если кто-то рассчитывает утвердить свою власть с помощью наемников, то ему не видать покоя и благополучия, ибо они разобщены, тщеславны, недисциплинированы и ненадежны. Храбрые с друзьями, они робки перед врагами; ни страха Божия, ни верности людям; они служат государю защитой только до первого боя; на войне тебя грабят враги, в мирное время – наемники. Причина заключается в том, что в строю их удерживает небольшое жалованье, которого недостаточно, чтобы они пожелали умереть за тебя. Они готовы биться за тебя, пока нет войны, но когда война начинается, они предпочитают бежать или расторгнуть договор. Доказать все это нетрудно, потому что теперешние беды Италии происходят именно от того, что вот уже многие годы она довольствуется наемным оружием. Кое-кто добился с его помощью некоторого успеха, ибо наемники храбры друг перед другом, но когда появился чужой

захватчик, выяснилось, чего они стоят. Поэтому французский король Карл получил возможность захватить Италию с помощью одного мела³⁸, и прав был тот³⁹, кто указывал в качестве причины наши грехи, только это были не те грехи, что он думал, а те, о которых я рассказывал.

Попробую лучше продемонстрировать негодность этих воителей. Предводители наемников могут блистать выдающимися качествами или нет; если они таковы, то на них нельзя полагаться, ибо они всегда будут думать о собственном возвышении, либо покушаясь на тебя как своего господина, либо ущемляя других, хотя бы это и не входило в твои намерения; если же эти командиры лишены доблести, они просто погубят тебя. На это можно возразить, что сказанное относится ко всем вождям, а не только к командующим наемными войсками, но я отвечу, что к оружию могут прибегать и государи, и республики. Государь должен сам отправляться на войну и выполнять обязанности полководца, республика же возлагает их на одного из граждан, и если этот человек оказывается негодным, его следует заменить, в противном же случае – удерживать его в рамках закона, который он не должен преступать. Опыт показывает, что самостоятельные государи и вооруженные республики добились замечательных успехов, а наемные войска всегда приносили только вред. К тому же одному из граждан гораздо труднее привести к повиновению республику, располагающую собственными вооруженными силами, чем ту, которая пользуется чужой помощью.

Свобода Рима и Спарты на протяжении многих веков сопровождалась вооружением граждан. Швейцарцы защищают свою свободу собственными силами. Из древности *in exemplis* использования наемных войск можно привести карфагенян, которые пострадали от собственных наемников после первой войны с Римом, хотя во главе их карфагеняне ставили своих собственных сограждан. Фивяне после смерти Эпаминонда сделали своим полководцем Филиппа

³⁸ С помощью мела, которым квартирьеры французской армии помечали дома для постоя. Эту фразу приписывали папе Александру VI.

³⁹ Намек на Джироламо Савонаролу.

Македонского, а после победы он отнял у них свободу. После смерти герцога Филиппо миланцы наняли для войны с Венецией Франческо Сфорца, который одержал победу над врагом при Караваджо и соединился с ним ради борьбы против миланцев, своих хозяев. Другой Сфорца, его отец⁴⁰, служивший у королевы Джованны Неаполитанской, в один прекрасный день оставил ее безоружной, так что она, чтобы не лишиться власти, была вынуждена отдаться на милость короля Арагона. И если венецианцы и флорентийцы в свое время расширили собственные владения с помощью наемников, но начальники последних не узурпировали у них власть, а всегда обороняли их, то я скажу, что флорентийцам в этом случае благоприятствовала судьба, потому что из тех доблестных военачальников, которых следовало опасаться, одни не одержали побед, другие имели соперников, а третьи дали выход своему честолюбию в другом месте. Не добился победы Джон Хоквуд⁴¹, поэтому о его верности трудно судить; однако всякий согласится, что если бы он был удачливее, флорентийцы оказались бы в его власти. Намерениям Сфорца все время противостояли отряды Браччо да Монтоне⁴² – эти два полководца стерегли друг друга; Франческо устремил свои честолюбивые помышления на Ломбардию, Браччо выступил против Церкви и королевства Неаполитанского. Перейдем к тому, что случилось совсем недавно. Флорентийцы назначили своим командующим Паоло Вителли, мужа великого благоразумия, который приобрел огромное влияние, будучи сначала просто частным лицом. Никто не станет отрицать, что если бы Вителли взял Пизу, то флорентийцы оказались бы беззащитными перед ним; если бы он перешел на сторону противника, они не смогли бы с ним справиться, а удержав его на своей стороне, они должны были бы ему повиноваться.

Если рассмотреть успехи венецианцев, то мы увидим, что их положение было прочным и они стяжали славу, когда действовали своими силами, то есть

⁴⁰ Сфорца Муцио Аттендоло (1369–1424) – кондотьер, основатель династии.

⁴¹ Хоквуд Дж. – кондотьер на службе Флоренции с 1377 года; умер в 1393 году.

⁴² Браччо да Монтоне (Андреа Фортебраччо) (1368–1424) – один из известнейших кондотьеров Италии.

до тех пор, пока они вступали в сражения на море, в которых их дворянство и вооруженный плебс проявили великую доблесть, но когда они перешли к завоеваниям на суше, эти качества их покинули и они переняли слабости всей остальной Италии. Когда венецианцы только начинали расширять свои владения на материке, они занимали маленькую территорию и благодаря своему могуществу могли не особенно бояться своих военачальников. Но когда их пределы расширились, а это было при Карманьоле, им довелось убедиться в допущенной оплошности. Венецианские войска одержали блестящие победы и разгромили герцога Миланского под командованием этого предводителя, но затем он охладил к войне, и венецианцам ничего не оставалось, как казнить его, ибо новых побед он им принести не мог, так как не хотел воевать, а уволить его было нельзя, чтобы не потерять уже приобретенного. Затем командующими у них были Бартоломео да Бергамо, Роберто да Сан Северино, граф Питильяно⁴³ и им подобные, но при них опасаться следовало скорее поражений, чем успехов, что и подтвердилось при Вайло; где венецианцы за один день утратили все накопленное такими трудами в течение 800 лет⁴⁴. От наемных отрядов можно долго ожидать запоздалых и незначительных приобретений, поражения же они приносят молниеносные и ошеломляющие. И раз уж эти примеры привели меня в Италию, где на протяжении многих лет главенствовали наемники, я хочу немного вернуться назад, чтобы, рассмотрев происхождение и распространение наемных войск, указать, как поправить дело.

Итак, вам следует обратить внимание на то, что за последнее время, как только власть империи стала в Италии ослабевать, а папа приобрел больше светского могущества, страна разделилась на много государств, ибо многие крупные города подняли оружие против знати, которая прежде угнетала горожан при поддержке императора. Церковь благоволила к этим городам, дабы приумножить свое светское влияние; в других городах правителями стали

⁴³ На самом деле – Бартоломео Коллеони и Никколо Орсини.

⁴⁴ Вайло, или Аньяделло – местечко, при котором войска Венеции были разбиты Камбрейской лигой 14 мая 1509 года. В результате Венеция лишилась большинства своих владений на материке.

выходцы из граждан. Поэтому почти вся Италия оказалась поделенной между церковью и несколькими республиками, граждане которых, как и священники, непривычны владеть оружием, так что они начали нанимать чужеземцев. Первую известность наемные войска приобрели благодаря уроженцу Романьи Альберико да Конио⁴⁵. Наряду с другими у него проходили выучку Браччо и Сфорца, которые в свое время вершили судьбы Италии. После них явились все остальные, кто до наших дней имел под началом наемные отряды. В итоге их стараний Италия была опустошена Карлом, ограблена Людовиком, поставлена на колени Фердинандом и посрамлена швейцарцами. Обычай, которого придерживались все наемники, желая придать себе больший вес, состоял в том, чтобы принизить роль пехоты. Они нуждались в этом, ибо, не обладая большими состояниями и живя своим ремеслом, не могли прокормить значительное число пехотинцев, немногие же не обеспечивали требуемого эффекта. Зато количество всадников, дававшее пропитание и уважение, было приемлемым. Дело дошло до того, что в двадцатитысячном войске не насчитывалось и двух тысяч пеших солдат. Кроме того, наемники всячески старались избавить себя и своих солдат от трудов и опасностей, сражаясь не до смерти и беря пленных, за которых не требовали выкупа. Они не устраивали ночных штурмов, а защитники крепостей не устраивали вылазок; лагеря не обносили ни рвом, ни забором; осаду городов в зимнее время не вели. Все это дозволялось их воинскими правилами, выработанными, как уже говорилось, во избежание тягот и опасностей, и таким образом они ввергли Италию в рабство и позор.

Глава XIII. О союзных, смешанных и собственных войсках

К оружию союзников, столь же никчемному, прибегают, воззвав о помощи и защите к какой-либо могущественной державе. Так поступил недавно папа Юлий, убедившийся под Феррарой в ненадежности своих наемных отрядов и обратившийся за подмогой на сторону: он договорился с испанским королем

⁴⁵ Альберико да Барбиано, граф Кунео (Конио) – кондотьер.

Фердинандом, что тот пришлет ему свои конные и пешие отряды. Такие войска могут быть хороши и надежны сами по себе, но для призвавшего их почти всегда опасны, ибо в случае неудачи ты терпишь поражение, а вследствие победы оказываешься в их власти. Хотя примеров тому не счесть в древних историях, я остановлюсь все на том же свежем примере папы Юлия II, который не мог придумать ничего хуже, чем отдать себя в руки иноземцу, чтобы только завладеть Феррарой. Но удача подсказала папе третий выход, дабы ему не пришлось пожинать плоды своего дурного выбора, потому что хотя его союзники были разбиты при Равенне⁴⁶, но подошли швейцарцы, которые опрокинули победителей, так что вопреки всем ожиданиям папы и наблюдателей он не попал в плен к противнику, который бежал, и не стал игрушкой в руках союзников, ибо битву выиграли другие. Флорентийцы, не располагая никакими воинскими силами, привели для осады Пизы десять тысяч французов, благодаря чему они оказались перед лицом такой опасности, о которой и не слыхали за всю свою бурную историю. Император Константинопольский⁴⁷ для борьбы со своими соседями впустил в Грецию десять тысяч турок, которые не пожелали оставить ее по окончании войны, и это привело к порабощению Греции неверными.

Итак, кто не желает победить, может воспользоваться услугами этих войск, ибо они гораздо опаснее наемников; с ними твое падение обеспечено, ибо они едины и подчиняются другим командирам. Наемникам, чтобы выступить против тебя в случае победы, потребуется большее время и благоприятное стечение обстоятельств, так как они не образуют единого целого и к тому же наняты и оплачены тобой. Назначенный над ними командир не сможет сразу приобрести такую власть, чтобы выступить против тебя. В общем, в наемных отрядах следует больше опасаться трусости, а в союзных – доблести.

⁴⁶ В битве с французами при Равенне 11 апреля 1512 года.

⁴⁷ Иоанн VI Кантакузин (ок. 1293–1383) – император Византийской империи (1341–1354). В борьбе с политическими противниками опирался на турок-османов и позволил им укрепиться на европейском берегу.

Поэтому мудрый государь всегда старается обойтись без таких войск и опираться на собственные, предпочитая проиграть со своей армией, чем победить с чужой, ибо победа, добытая чужим оружием, ненастоящая. Не премину опять сослаться на Чезаре Борджиа и образ его действий. Герцог вошел в Романью с помощью союзных войск и привел туда одних французов, с которыми занял Имолу и Форли. Но, не считая надежным этот род войск, он обратился к наемным, полагая, что они представляют меньшую опасность; он взял к себе на службу Орсини и Вителли. В дальнейшем, убедившись по действиям этих войск, что они ненадежны, вероломны и опасны, он покончил и с ними и стал набирать собственные отряды. О различии между первыми и вторыми легко судить по той разнице, с которой относились к герцогу, когда у него были только французы, когда ему служили Орсини и Вителли и когда он стал распоряжаться собственными солдатами; его влияние при этом все время росло, и никогда его так не уважали, как с того момента, когда он стал полновластным хозяином собственной армии.

Я не хотел отрываться от недавних итальянских примеров, *tamen* не могу умолчать о Гиероне Сиракузском, одном из упоминавшихся уже мною правителей. Как я уже говорил, сиракузяне избрали его командующим войска, и он сразу понял никчемность наемников, которые напоминали наших итальянских кондотьеров. Поскольку невозможно было ни удерживать их, ни отпустить, Гиерон велел перебить их всех, и после этого он сражался только с помощью своих собственных солдат. Я хочу также привести на память один эпизод из Ветхого Завета, относящийся к подобному случаю. Когда Давид предложил Саулу отправиться на поединок с Голиафом, – филистимлянином, вызывавшим на битву, – Саул, чтобы подбодрить Давида, вооружил его собственными доспехами, но, примерив их, тот отказался, говоря, что они его стесняют, и предпочел выйти на врага со своей пращей и своим кинжалом.

В конце концов чужое оружие обрушивается на тебя самого, начинает быть в тягость и стесняет тебя. Карл VII⁴⁸, отец короля Людовика XI⁴⁹, освободивший благодаря своему везению и доблести Францию от англичан, проникся указанной необходимостью иметь собственное войско и учредил в своем королевстве особые отряды пехоты и конницы. Сын его, король Людовик, упразднил пешее войско и стал нанимать швейцарцев, каковая ошибка, подхваченная другими, в чем можно убедиться ныне, явилась причиной несчастий этого королевства. Возвысив швейцарцев, король снизил боеспособность всей своей армии, потому что пехоту он распустил, а кавалерию привязал к чужому оружию, ибо, привыкнув сражаться вместе с швейцарцами, она уже и не помышляла о том, чтобы побеждать без них. Вследствие этого французы не могут устоять против швейцарцев и без их помощи не отваживаются вступить в битву с другими. Таким образом, французская армия является смешанной, отчасти наемной и отчасти национальной; такое войско в целом гораздо лучше просто наемной или просто вспомогательной, но хуже полностью собственной армии. Ограничусь приведенным примером, ведь французское королевство было бы непобедимым, если бы учреждения Карла были развиты или сохранены. Но люди по своему неблагоприятию пускаются в заманчивые поначалу предприятия, не замечая яда, кроющегося под внешней оболочкой, как я говорил выше о чахоточной лихорадке.

Так что, кто не может распознавать грозящее государству зло при его зарождении, тот не может считаться истинно мудрым, а дано это немногим. И если рассмотреть первопричину падения Римской империи, то окажется, что она восходит к моменту, когда в римскую армию стали вербовать готов. Отсюда началось ослабление могущества империи, и вся отнятая у римлян доблесть переходила к варварам. Итак, я заключаю, что без собственных вооруженных сил

⁴⁸ Карл VII (1403–1461) – французский король (1422–1461), успешно закончил Столетнюю войну (1337–1451). В 1435 году создал регулярные войска из пехоты и кавалерии, так называемые ордоннансные роты, распущенные Людовиком XI. Подчинил французскую церковь власти короля.

⁴⁹ Людовик XI (1423–1483) – французский король (1461–1483), боровшийся с крупными сеньорами, после смерти Карла Смелого в 1477 году присоединил Бургундию; присоединил также Анжу, Прованс и другие земли.

ни один принципат не может быть в безопасности и станет зависеть от капризов судьбы, не располагая доблестью, защищающей его от неприятностей. Мудрые люди всегда придерживались того мнения, *quod nihil sit tam infirmum aut instabile quam fama potentiae non sua vi nixa*⁵⁰. К собственным войскам относятся те, которые состоят из твоих подданных, сограждан или ставленников; а все прочие принадлежат к союзным или наемным. Способ же учредить собственное войско нетрудно отыскать, вникая в установления четырех деятелей, названных мною выше, и рассмотрев, каких правил придерживались в отношении войска Филипп, отец Александра Великого, а также многие другие государи и республики, каковым правилам я и препоручаю себя всецело.

Глава XIV. О том, что подобает государю в отношении военного дела

Итак, государь не должен иметь других мыслей и забот, не должен упражняться в ином искусстве, кроме военного дела, его постановки и изучения, ибо это единственное искусство, подобающее тому, кто правит. Достоинства воинского искусства таковы, что оно не только оберегает прирожденных государей, но зачастую возводит частных лиц на эту высшую ступень. И напротив, можно заметить, что те государи, которые думали больше о развлечениях, чем о битвах, лишились своих владений. Главной же причиной подобных утрат является пренебрежение названным искусством, в то время как поводом к приобретению власти бывает накопленная в нем опытность.

Франческо Сфорца, будучи вооруженным, из простого гражданина сделался герцогом Миланским, а его сыновья, избегавшие ратных трудов, подверглись обратному превращению. Ведь оставаясь безоружным, наряду с другими бедствиями ты подвергаешься опасности быть презираемым, а это одна из тех позорных вещей, которых государь, как будет сказано ниже, должен остерегаться. Между человеком вооруженным и невооруженным нет никакого сравнения, и противно доводам разума, чтобы первый подчинялся второму, как

⁵⁰ Среди дел человеческих нет ничего более шаткого и преходящего, чем слава не опирающегося на собственные силы могущества (*лат.*). – Тацит. «Анналы». Перевод А. С. Бобовича, с изменением.

и то, чтобы безоружный был в безопасности среди вооруженных слуг. Пренебрежение в одном и подозрения в другом не позволят им действовать согласно. Так что государь, не понимающий в военном деле, кроме других несчастий, как мы сказали, не сможет вызывать уважение у своих солдат и доверять им.

Поэтому государь никогда не должен отвращать своих взглядов от военного искусства, и в мирное время упражняться в нем следует еще больше, чем в военное, а этого можно достичь двояким способом: либо путем действий, либо путем размышлений. В первом случае, кроме поддержания твердой дисциплины и боевой выучки в войсках, государь должен постоянно ездить на охоту и при этом приучать свое тело к лишениям, а также изучать природу местности, чтобы знать, где она поднимается в гору, где спускается в долину, насколько простираются ровные места и каковы особенности рек и болот; и все это надлежит замечать с превеликим тщанием. Эти познания могут пригодиться вдвойне. Во-первых, они позволяют познакомиться со своей страной и наилучшим образом подготовиться к ее защите; затем, благодаря изучению этих мест и полученным здесь навыкам, легче понять другие, в которых придется вести разведку, потому что холмы, долины, поля, реки и болота, встречающиеся, например, в Тоскане, мало отличаются от тех, что расположены в других местах, так что, изучив рельеф одной области, можно без труда перейти к другим. Государь, не обладающий такими познаниями, лишен самого первого качества, необходимого командиру, ибо они научают находить врага, разбивать лагерь, перемещать войска, давать сражения и осаждать города с преимуществом на твоей стороне.

Наряду с другими качествами, которыми писатели наделяли главу ахейцев Филопемена⁵¹, его хвалили за то, что в мирное время он не помышлял ни о чем другом, как о военных действиях, и, прогуливаясь в сельской местности с друзьями, часто останавливался и задавал им вопросы: «Если бы противник

⁵¹ Филопемени (253–183 до н. э.) – стратег Ахейского союза, успешно воевал против Спарты и в 192 году добился ее вхождения в союз. Попал в плен при Мессане и был казнен (отравлен).

находился на том холме, а мы с нашим войском здесь, у кого из нас было бы преимущество? Как можно было бы войти с ним в соприкосновение, сохраняя боевые порядки? Что нам следовало бы сделать, если бы мы захотели отступить? Если бы отступили они, каким образом мы должны были бы их преследовать?» Попутно он предлагал им для обсуждения различные происшествия, которые могут случиться в войске. Выслушав мнения своих приятелей, Филопемен высказывал собственное и подкреплял его доказательствами. Таким образом, после этих постоянных размышлений никакое положение не могло оказаться для него безвыходным, когда он предводительствовал войском.

Что же касается умственных упражнений, то государю следует читать исторические книги и в них обращать внимание на поступки выдающихся людей, присматриваться к тому, как они вели себя на войне, исследовать причины их побед и поражений, чтобы подражать первым и избегать последних, но прежде всего поступать так, как в прошлом некоторые великие люди, которые выбирали себе образцом для подражания прославленных и знаменитых предшественников, деяниям и подвигам которых они старались во всем следовать. Так, говорят, что Александр Великий подражал Ахиллу, Цезарь – Александру, а Сципион – Киру. Кто прочитает жизнеописание Кира, составленное Ксенофонтom, тот увидит, насколько прославило Сципиона это его уподобление Киру и как совпадают целомудрие, обходительность и щедрость Сципиона с тем, что пишет о Кире Ксенофонт. Мудрый государь должен поступать подобным образом и в спокойное время никогда не предаваться праздности, а тратить его на приобретение навыков, которыми можно будет воспользоваться при благоприятных обстоятельствах, с тем чтобы быть готовым противостоять капризам судьбы.

Глава XV. О том, за что хвалят или порицают людей, особенно государей

Теперь нам осталось посмотреть, какого поведения должен придерживаться государь в отношении подданных и друзей. А так как я знаю,

что многие писали об этом, то не уверен, что не буду выглядеть самонадеянным, взявшись за перо, ибо, обсуждая этот предмет, я более всего расхожусь с другими. Но поскольку я намереваюсь написать нечто полезное для того, кто способен это понять, мне показалось правильнее следовать настоящей, а не воображаемой правде вещей. Многие воображали себе республики и княжества на деле невиданные и неслыханные, ведь между тем, как люди живут, и тем, как они должны были бы жить, огромная разница, и кто оставляет то, что делается, ради того, что должно делаться, скорее готовит себе гибель, чем спасение, потому что человек, желающий творить одно только добро, неминуемо погибнет среди стольких чуждых добру. Поэтому государю, желающему сохранить свою власть, нужно научиться быть недобрым и пользоваться этим умением в случае необходимости.

Итак, я оставляю воображаемых государей и, переходя к настоящим, скажу, что всем людям, о которых судят, а в особенности государям, стоящим выше прочих людей, приписывают некоторые качества, выражающие похвалу или порицание. Так, одного считают щедрым, другого – скупым, если взять тосканское название (потому что, по-нашему, жадный – это и тот, кто зарится на чужое, а скупым мы называем того, кто слишком неохотно пользуется своим); кого-то считают склонным к благотворительности, кого-то – к стяжанию; кого-то жестоким, кого-то сострадательным; одного вероломным, другого верным; одного изнеженным и трусливым, другого свирепым и отважным; одного человечным, другого надменным; одного сластолюбивым, другого целомудренным; одного прямодушным, другого хитрым; одного упрямым, другого покладистым; одного серьезным, другого легкомысленным; одного набожным, другого неверующим и тому подобное. И я знаю, каждый объявит, что для государя самое похвальное – придерживаться вышеописанных качеств, то есть тех, которые почитаются хорошими, но поскольку невозможно ни иметь, ни соблюдать их полностью, ибо этого не позволяют условия человеческого существования, ему следует быть достаточно благоразумным, чтобы избежать дурной славы тех пороков, которые могут отнять у него государство, и

остерегаться тех, которые не так опасны, если это возможно. Если же невозможно, на них не стоит обращать особого внимания. А тем более не стоит волноваться о дурной славе пороков, не впадая в которые трудно спасти государство, ибо если как следует все рассмотреть, найдется нечто, что покажется добродетелью, но ведет к гибели, и нечто, что покажется пороком, но, следуя ему, можно достичь безопасности и благополучия.

Глава XVI. О щедрости и бережливости

Итак, начиная с первого из вышеназванных качеств, скажу, что было бы очень хорошо считаться щедрым, однако прилагаемые для этого усилия принесут тебе вред, ибо употребленная с достоинством, как и должно, щедрость останется никому не известной, и ты не избежишь при этом нареканий в скупости. Если же ты хочешь сохранить среди людей звание щедрого, то не следует пренебрегать ни одним из видов излишеств, так что поступающий подобным образом государь истратит на такие предприятия все свое достояние и в конце концов будет вынужден, желая сохранить за собой имя щедрого, чрезмерно обременить своих подданных и обложить их тяжкими налогами, прибегая ко всем ухищрениям, чтобы получить деньги. Это вызовет к нему ненависть в народе, а бедность – пренебрежение окружающих, так что, наградив своей щедростью немногих и раздражив из-за нее большинство, этот государь дорого заплатит за первые же трудности и будет смертельно рисковать при первой же опасности. Но если, предвидя это, он захочет повернуть вспять, его тотчас же обвинят в скупости.

Таким образом, раз уж государь, не нанося себе ущерба, не может прибегать к щедрости так, чтобы это было известно всем, то, желая быть благоразумным, он не должен прослыть скупым, ибо со временем его все равно станут считать щедрым, видя, что он довольствуется, благодаря своей бережливости, собственными доходами. Он может защитить себя от захватчиков, может выступить в поход, не отягощая народ податями, и тем самым он проявляет свою щедрость ко всем тем, у кого он ничего не отбирает, а

их несметное множество, и скупость по отношению к тем, кому ничего не дает, каковых совсем немного. В наше время великие деяния на наших глазах совершали только те, кого считали скупыми; все остальные погибли. Папа Юлий II воспользовался славой щедрого, чтобы взойти на престол, но когда ему потребовалось вести войну, он и не думал о сохранении этой славы. Нынешний король Франции⁵² вел свои войны, не облагая подданных особым налогом, ибо мог нести дополнительные расходы благодаря своей многолетней бережливости. Царствующий король Испании⁵³ не выдержал бы стольких кампаний и не одержал стольких побед, если бы считался щедрым.

Поэтому государь, не желающий грабить своих подданных, быть беззащитным, стать нищим и презираемым, быть принужденным к хищничеству, не должен тяготиться прозванием скупого, ибо это один из тех пороков, которые позволяют ему править. Если же кто-то возразит, что Цезарь благодаря своей щедрости стал верховным правителем, а многие другие, кто был и кого считали щедрыми, достигли высочайших степеней, то я отвечу: либо ты уже являешься государем, либо ты находишься еще на пути к этому званию. В первом случае щедрость вредна, во втором – считаться щедрым как раз необходимо. Цезарь был одним из тех, кто хотел утвердить свой принципат в Риме, но если бы после того он остался в живых и не умерил свои расходы, его власть оказалась бы под угрозой. Если же мне скажут: было много государей, которые прославились как в высшей степени щедрые и со своими войсками свершили великие подвиги, то я отвечу: государь может расходовать либо добро своих подданных и свое собственное, либо чужое; в первом случае ему следует быть умеренным, во втором же его щедрость ничто не ограничивает. Тот государь, который выступает со своими войсками и пополняет свои средства за счет трофеев, грабежей и выкупов, пользуется чужим, и ему не обойтись без указанной щедрости, ибо в противном случае солдаты за ним не пошли бы. А то, что не принадлежит ни тебе, ни твоим подданным, можешь свободно раздавать направо

⁵² Король Франции – Людовик XII (ум. в 1515).

⁵³ Фердинанд Католический.

и налево, подобно Киру, Цезарю и Александру, ибо расходование чужого добра не уменьшает уважения к тебе, а увеличивает его. Вредно только истратить свое собственное. Нет ничего более расточительного, чем щедрость, ведь, прибегая к ней, ты все более теряешь эту способность и становишься либо бедным, либо презируемым, либо, при попытке избежать нищеты, алчным и всем ненавистным. А среди того, чего должен остерегаться государь, находятся ненависть и презрение; щедрость же приводит и к тому и к другому. Таким образом, более мудро довольствоваться званием скупого, которое влечет за собой дурную славу, но не ненависть, чем ради прославления собственной щедрости быть вынужденным прослыть хищником, что навлечет на тебя и порицание, и ненависть.

Глава XVII. О милосердии и жестокости и о том, что лучше: внушать скорее любовь, чем страх, или наоборот

Переходя, далее, к другим из вышеназванных качеств, скажу, что всякий государь должен стремиться к тому, чтобы его считали милосердным, а не жестоким, тем не менее он должен остерегаться, как бы не употребить это добронравие во зло. Чезаре Борджиа считали жестоким, однако эта его жестокость восстановила порядок в Романье, объединила ее, возвратила ей мир и согласие. И если хорошенько подумать, то он поступил гораздо милосерднее, чем флорентийский народ, который предоставил раздираемую смутой Пистойю собственной участи ради того, чтобы избежать подозрения в жестокости⁵⁴. Поэтому государю не следует заботиться о дурной славе жестокого, когда он хочет удержать своих подданных в единстве и повиновении, ибо, наказав для острастки немногих, он проявит куда больше милосердия, чем те, кто из чрезмерной любви к ближнему не решается пресечь беспорядки, чреватые грабежами и убийствами. Ведь смута наносит вред всему обществу, а выносимые государем приговоры направлены против отдельных лиц. Но среди всех

⁵⁴ Макиавелли посвятил в свое время этим событиям, как и в случае с мятежом в Аретцо, записку «Сообщение о сделанном Флорентийской республикой для примирения партий в Пистойе» (1501).

властителей новому государю невозможно избежать обвинений в жестокости, поскольку новую власть окружает множество опасностей. Так, Вергилий говорит устами Дидоны: «*Res dura, et regni novitas me talia cogunt moliri, et late fines custode tueri*»⁵⁵.

Тем не менее такой государь не должен быть легковверен и скор на поступки, и, так как у страха глаза велики, ему следует действовать умеренно, сохраняя благоразумие и человечность, чтобы излишняя доверчивость не обратилась в неосторожность, а чрезмерная подозрительность не сделала его правление невыносимым.

Тут возникает спорный вопрос: что предпочтительнее – быть любимым или внушать страх. Ответ таков, что желательно и то и другое, но поскольку трудно соединять в себе оба этих свойства, гораздо надежнее внушать страх, чем любовь, если уж приходится выбирать одно из них. Ведь о людях вообще можно сказать, что они притворщики, бегут от опасности, жадны до наживы. Когда делаешь им добро, они навек твои, они готовы пожертвовать для тебя жизнью, имуществом и детьми – если, как уже сказано, надобности в этом не предвидится. При первом же ее появлении их как не бывало. И государь, который целиком основывается на людских обещаниях и не ищет себе другой опоры, гибнет, ибо друзья, которых можно приобрести за плату, легко покупаются, но на них нельзя положиться, и в нужное время они ничего не стоят. Людям легче нанести обиду тому, кто действует добром, чем тому, кто внушает опасение, ибо любовь поддерживается узами благодарности, которые люди, вследствие своих дурных наклонностей, разрывают при первом выгодном для себя случае. Страх же заключается в боязни наказания, которая тебя никогда не покидает. При всем том государь должен внушать страх таким образом, чтобы, не рассчитывая на любовь, избежать и ненависти, ибо очень даже можно быть грозным и в то же время не быть ненавистным. Для этого достаточно воздерживаться от посягательств на имущество своих подданных и сограждан и на их женщин, а

⁵⁵ «Злая судьба с новизной державы меня принуждают так поступать и хранить широко окраины стражей» (лат.). – «Энеида». Перевод А. Фета.

если все же потребуется нанести кому-то кровную обиду, то делать это при наличии должного оправдания и очевидной причины. Но самое главное – нельзя покушаться на чужое добро, ибо люди скорее позабудут о смерти отца, чем об утрате наследства. Кроме того, предлог для конфискации всегда найдется, и тот, кто станет жить за счет грабежа, всегда найдет повод наложить руку на чужую собственность. Напротив того, причин для личных обид куда меньше, и отважиться на них не так легко. Но когда государь занят войском и управляет множеством солдат, необходимо совершенно не обращать внимания на упреки в жестокости, без которых никогда не удавалось поддерживать в войске единство и боеспособность. К удивительным деяниям Ганнибала причисляют следующее: в его огромном войске, состоявшем из разноплеменного множества людей и вступившем в чужие земли, никогда не возникало междоусобных беспорядков или мятежей как в благоприятных, так и в бедственных обстоятельствах. И это можно приписать только его бесчеловечной жестокости, которая, в сочетании с другими доблестными качествами, всегда заставляла солдат уважать и бояться его, а не будь он жестоким, всех его достоинств для этого было бы недостаточно. Но недалёковидные писатели, восторгаясь вышеназванной дисциплиной, порицают главную ее причину. А то, что других качеств недостаточно, можно видеть на примере деятеля, необыкновенного не только для своего времени, но и на всей памяти человечества – Сципиона, против которого в Испании взбунтовалось его войско. Это случилось только из-за его чрезмерной снисходительности, из-за которой в солдатах укоренилась распущенность, несовместимая с воинской дисциплиной. Фабий Максим обвинил в этом Сципиона в Сенате и назвал его развратителем римской армии. Локряне, разоренные одним из легатов⁵⁶ Сципиона, не были им отомщены, а сам легат ничем не поплатился за свою дерзость, и всему этому причиной – мягкость Сципионовой натуры, так что один из его защитников в Сенате говорил, что есть люди, которым легче не ошибаться, чем исправлять ошибки. Природа Сципиона

⁵⁶ Легат – в римском войске помощник полководца; позднее командир легиона. В Средние века – посол папы.

должна бы была со временем поколебать его славу и известность, если бы он, командуя войсками, дал ей волю; но так как он подчинялся велениям Сената, ее опасные стороны *non solum* были сглажены, но и принесли ему хвалу.

Итак, возвращаясь к вопросу о любви и страхе, я заключаю, что поскольку испытываемая людьми любовь зависит от них самих, а страх – от государя, мудрый же правитель должен опираться на то, что в его власти, а не во власти других, то ему следует лишь прилагать усилия, дабы избежать ненависти, как было сказано выше.

Глава XVIII. Каким образом следует государям держать слово

Сколь похвально для государя держать слово и действовать с чистым сердцем, без хитростей, понимает всякий. Тем не менее опыт нашего времени показывает, что свершили великие дела те государи, которые мало заботились о том, чтобы держать слово, и умели дурачить людей своими уловками. В конце концов они одерживали верх над теми, кто уповал на честность.

Итак, вам следует знать, что можно вести борьбу двумя способами: опираясь на закон или с помощью насилия. Первый способ применяется людьми, а второй – дикими животными, но поскольку первого часто бывает недостаточно, требуется прибегать ко второму. Поэтому государь должен уметь подражать и зверю, и человеку. Этот совет в иносказании давали государям древние писатели, которые сообщают, что Ахилл и многие другие из старинных властителей были отданы на выучку кентавру Хирону, который должен был их растить и воспитывать. А иметь наставником полузверя и получеловека означает для государя не что иное, как необходимость пользоваться природой и того и другого, ибо с помощью одной из них долго не продержаться.

И раз государю необходимо владеть искусством подражания зверям, он должен избрать из них льва и лисицу, потому что лев не защищен от капканов, а лиса – от волков. Следовательно, нужно быть лисой, чтобы избежать ловушек, и львом, чтобы напугать волков. Те, кто выбирает одного льва, этого не понимают. Благоразумный правитель не может и не должен быть верен обещанию, если это

оборачивается против него и исчезли причины, побудившие его дать слово. Если бы все люди были добры, это был бы дурной совет, но так как они наклонны ко злу и не будут верны тебе, ты не обязан быть верен им. До сих пор у всех государей было в избытке законных поводов, чтобы оправдать нарушение обещания. Можно было бы привести бесчисленные современные примеры и показать, сколько мирных договоров, сколько обязательств было нарушено и обесценено из-за неверности государей, – кто из них лучше использовал лисью натуру, тому всегда больше везло. Но нужно хорошенько прикрывать подобные поступки и быть великим притворщиком и лицедеем. Люди же так простодушны и столь поглощены насущными заботами, что обманщик всегда найдет того, кто даст себя обмануть.

Не хочу умолчать об одном из свежих примеров. Александр VI не занимался ничем иным и не помышлял ни о чем, кроме того, чтобы обманывать людей, и всегда находил, с кем это проделывать. Не было человека, который бы с большим рвением настаивал на своих утверждениях и подкреплял их более сильными клятвами и в то же время меньше с ними считался; тем не менее все обманы удавались ему *ad votum*⁵⁷, ибо в подобных мирских делах он знал толк.

Таким образом, государю нет нужды обладать всеми вышеописанными качествами, – надо только, чтобы казалось, что они у него есть. Я решусь сказать даже, что при постоянном их наличии и соблюдении они становятся вредны, а когда кажется, что они есть, – полезны. Так, нужно казаться милосердным, верным, человечным, набожным, прямодушным – и быть, но следует подготовить свой дух к тому, чтобы при необходимости ты мог и умел стать противоположным. И надо понять, что государь, особенно новый, не может соблюдать всего, за что людей почитают хорошими, и бывает часто вынужден во имя спасения государства действовать против веры, против милосердия, против человечности, против религии. Однако его помыслы должны

⁵⁷ По его желанию (лат.).

повиноваться воле переменчивого ветра судьбы и, как я сказал выше, не отклоняться от блага, но уметь приступить к необходимому злу.

Итак, государь должен позаботиться о том, чтобы с уст его не слетало ни одного слова, которое бы не было преисполнено пяти вышеописанных качеств, и чтобы видящим и слышащим его казалось, что он весь – воплощение милосердия, верности, прямодушия, человечности и благочестия. И нет ничего полезнее, чем видимость обладания этим последним качеством. Люди в целом судят больше на взгляд, чем на осязание, ибо видеть дано всякому, а притронуться – нет. Каждый видит, чем ты кажешься, мало кто понимает, что ты есть на самом деле, и эти немногие не решаются выступить против мнения большинства, на стороне которого защищающее его величие государства, так что в действиях всех людей, а в особенности государей, кои никому не подсудны, смотрят на результат. Пусть государь победит и сохранит государство: средства будут всегда сочтены достойными, и всякий станет их хвалить, потому что толпа поглощена видимостью и исходом событий, а на свете всюду одна лишь толпа, и мнение немногих имеет вес, когда большинству не на что опереться. Один из государей нашего времени, которого неудобно называть⁵⁸, только и проповедует, что верность и мир, хотя сам он заклятый враг и того и другого. И если бы он соблюдал свои призывы, то давно бы лишился и своего влияния, и владений.

Глава XIX. Как избегать ненависти и презрения

Но поскольку я рассказал о самых важных качествах из упомянутых выше, остальные хочу обсудить вкратце, исходя из того общего положения, что государь, как отчасти уже говорилось, должен позаботиться о том, чтобы избежать поступков, могущих навлечь ненависть или презрение, и, избегая их, он добьется своего, иные же хулы не составят для него опасности. Ненависть к государю, как я уже сказал, чаще всего вызывают его алчность и посягательство

⁵⁸ Имеется в виду Фердинанд Католический.

на жен и имущество подданных, от чего должно воздерживаться. И если у большинства людей не отнимают ни чести, ни имущества, они довольствуются этим, и остается только справиться с притязаниями меньшинства, каковые нетрудно умерить многими способами. Презрение на государя навлекают переменчивость, легкомыслие, изнеженность, трусость и нерешительность – этих подводных камней государь должен пуще всего остерегаться и стараться придать своим деяниям величие, дерзновенность, основательность и мощь, своих решений по частным делам подданных придерживаться неукоснительно и так себя поставить, чтобы никто и не помышлял обмануть его или сбить с толку.

Государь, который упрочил о себе такое мнение, пользуется уважением, а против уважаемых государей редко устраивают заговоры, и редко нападают на того, кого считают выдающимся и почитаемым своими подданными. Ведь государю могут угрожать две опасности: одна – изнутри, исходящая от подданных; вторая – снаружи, связанная с соседними державами. Внешнюю опасность можно предупредить с помощью хорошего войска и хороших союзников, а кто обладает хорошим войском, у того всегда будут хорошие союзники. Внутренний же покой, если только не возникнет заговор, всегда будет непоколебимым, если будет нерушимым внешний; и даже если внешнее спокойствие будет нарушено, когда государь живет и поступает по указанным мною правилам и не опускает руки, он всегда выдержит любой натиск, как спартанец Набис, о котором я рассказывал. Что касается подданных, то, пока внешние дела в порядке, следует опасаться только тайных заговоров, от коих государь может обезопасить себя, избегая ненависти и презрения и живя в ладу с народом, чего необходимо добиваться, как подробно говорилось выше. Одно из самых действенных средств против заговоров состоит в том, чтобы не внушать всеобщей ненависти, ибо убийством государя заговорщики думают угодить народу. Если же они на это не надеются, навряд ли они отважатся на такой поступок, ибо на этом пути их ждут неисчислимые препятствия. Опыт показывает, что из множества заговоров лишь редкие увенчались успехом. Заговорщик не может действовать в одиночку, а товарищами ему служат только

те, кого он считает недовольными. Раскрыв перед таким недовольным свои намерения, даешь ему повод поправить свое положение, ибо он может ожидать для себя явных выгод от твоего признания. Видя с одной стороны сплошной прибыток, а с другой – опасности и неверный исход, он не изменит, только будучи твоим преданным другом или заклятым врагом государя. Чтобы объяснить короче, скажу, что на стороне заговорщика – страх, подозрительность, ужас грозящей ему казни, а на стороне государя – величие власти, закон, поддержка его сторонников и государство. И если ко всему этому прибавляется народное расположение, навряд ли безрассудство подтолкнет кого-либо к заговору. Ведь если обычно опасности поджидают заговорщика до исполнения злодеяния, то в этом случае и после совершения преступления ему негде будет укрыться вследствие враждебности народа.

На этот счет можно привести множество примеров, но я хочу ограничиться одним, бывшим на памяти наших отцов. Мессер Аннибале Бентивольи⁵⁹, бывший государем Болоньи, – дед нынешнего мессера Аннибале, погиб от рук заговорщиков Каннески, и единственным наследником у него оставался мессер Джованни, который тогда находился еще в пленках. Однако сразу после убийства народ восстал и перебил всех Каннески. Причиной тому была благосклонность народа, каковой пользовался в то время дом Бентивольи; и эта благосклонность была столь велика, что болонцы, ввиду отсутствия после смерти Аннибале подходящих правителей, отправились во Флоренцию, где, как выяснилось, жил один из представителей рода Бентивольи, которого до того считали сыном кузнеца, и вручили этому человеку власть в своем городе. И он пользовался ею до тех пор, пока мессер Джованни не достиг приемлемого для правителя возраста⁶⁰.

Итак, я заключаю, что государь не должен беспокоиться о заговорах, пока народ к нему расположен, но если народ враждебен и ненавидит государя,

⁵⁹ Бентивольи Аннибале – дед современника Макиавелли Аннибале, сын Джованни II, кондотьер, вместе с братом правил в 1511–1512 годах, убит в 1445 году.

⁶⁰ Двоюродный дядя Джованни Бентивольи, Санти, управлял Болоньей до 1462 года.

последнему приходится бояться всех и каждого. Правильно устроенное государство и мудрые правители прилагали все усилия к тому, чтобы не доводить до крайности грандов и жить с народом в мире и согласии, ибо в этом состоит одна из важнейших забот государя.

Среди хорошо устроенных и управляемых в наше время королевств назовем Францию, которая располагает множеством прекрасных установлений, обеспечивающих свободу и безопасность короля. Первое из них относится к парламенту и его влиянию. Устроитель названного королевства, памятуя о честолюбии и неукротимости знати и желая наложить на нее узду, а с другой стороны, зная о всеобщей ненависти к грандам, вызванной страхом, и желая обезопасить их, не стал обременять этим короля, дабы не вызвать на него нареканий со стороны грандов за питаемую им к народу слабость и со стороны популяров⁶¹ – за потворство грандам, и обратился к третейскому судье, который без ущерба для короля сокрушал бы грандов и помогал низам. Трудно вообразить более разумный или совершенный порядок, чтобы обезопасить короля и королевство. Отсюда можно извлечь и еще один полезный совет: поручение, навлекающее неприязнь, государю следует давать другим, а благодеяния вершить самому. И опять я заключаю, что государь должен почитать грандов, но остерегаться ненависти народа.

Если обратиться к жизни и смерти некоторых римских императоров, вероятно, кому-то покажется, что есть примеры, противоречащие моему мнению, ибо многие из них жили достойно и выказали великую доблесть духа, но тем не менее лишились власти в результате заговора своих людей. Желая ответить на эти возражения, я рассмотрю качества некоторых императоров и назову причины их крушения, не отступая от приведенных мною соображений. При этом я отчасти остановлюсь на событиях, обративших на себя внимание в истории того времени. Я ограничусь только теми императорами, которые сменяли друг друга на троне, от Марка-философа до Максимиана. Это Марк, его

⁶¹ Популяры – народная партия в Риме; Макиавелли использует это название и для современной ему Флоренции.

сын Коммод, Пертинакс, Юлиан⁶², Север, его сын Антоний⁶³ Каракалла, Макрин, Гелиогабал⁶⁴, Александр⁶⁵ и Максимин. Прежде всего следует заметить, что если другим государям противостоит только честолюбие грандов и необузданность народа, то римские императоры столкнулись с третьей трудностью – они должны были считаться с жестокостью и жадностью солдат. И трудность эта была такова, что привела к падению многих, ибо нелегко угодить одновременно и солдатам и народу. Ведь народ предпочитал мир и, следовательно, благоволил к кротким государям, солдаты же любили государей воинственных, а также жестоких, свирепых и хищных. И эти качества последние должны были вымещать на народе, чтобы удвоить жалование солдатам и дать выход их алчности и жестокости. Все это привело к тому, что императоры, не имевшие природных или благоприобретенных качеств, которые позволили бы им обуздать и народ, и войско своим влиянием, всегда кончали плохо. Большинство из них, в особенности те, которые были новыми людьми у власти, осознавая противоположность названных требований, предпочитали ублажать солдат, пренебрегая обидами, наносимыми народу. К этому вынуждала необходимость, ибо если государь не может застраховать себя от чьей бы то ни было ненависти, он должен постараться оградить себя от ненависти всеобщей. Если же и этого нельзя добиться, то следует всячески избегать ненависти со стороны тех групп, которые наиболее сильны. И вот те императоры, которые, не имея прочных корней, нуждались в особенной поддержке, склонялись более к солдатам, чем к народу, что, однако, могло пойти им не только на пользу, но и во вред, в зависимости от того, как они могли себя поставить с войском. В силу этих причин и получилось так, что Марк, Пертинакс и Александр, придерживавшиеся в жизни умеренности, поборники

⁶² Юлиан Марк Дидий (133–193) – император, правил 66 дней в 193 году после Пертинакса, купив власть у преторианцев за 25 тыс. сестерциев.

⁶³ Так в тексте оригинала.

⁶⁴ Гелиогабал Марк Аврелий Антонин (204–222) – император (218–222), жрец сирийского бога солнца Элагабала; убит преторианской гвардией.

⁶⁵ Александр Север Марк Аврелий (208–235) – император (222–235), последний из династии Северов, убит вместе с матерью Юлией Маммеей во время мятежа Максимиана.

справедливости, чуждые жестокости, снисходительные и человеколюбивые, — все, кроме Марка, плачевно окончили свои дни. Только Марк жил и умер в почете, потому что он получил власть *iure hereditario*⁶⁶ и не был обязан ею ни солдатам, ни народу; к тому же, обладая многими достоинствами, вызывавшими к нему уважение, он во время своего правления всегда удерживал и народ и войско в должных границах, никогда не подвергаясь ненависти или презрению. Пертинакс же, без сомнения, был избран императором вопреки воле солдат, которые привыкли к беспутной жизни при Коммоде и не желали мириться с правилами добронравия, которые навязывал им Пертинакс. Таким образом, последний вызвал ненависть, соединившуюся еще и с презрением к его старости, что и привело к гибели императора в самом начале его царствования.

Тут следует заметить, что ненависть можно навлечь на себя как посредством добрых дел, так и дурных, поэтому, как я уже говорил выше, желая сохранить за собой власть, государь часто бывает вынужден быть недобрым, ведь если совокупность народа, или солдат, или грандов, в которых ты нуждаешься, чтобы удержаться у власти, испорчена, ты должен следовать ее настроениям, дабы угодить ей, и тогда добрые дела для тебя пагубны. Но перейдем к Александру, добросердечие которого было столь велико, что среди прочих расточаемых ему похвал утверждали, будто за 14 лет его пребывания у власти он ни разу никого не казнил без суда. Тем не менее он навлек на себя презрение тем, что его считали человеком изнеженным и орудием в руках матери, поэтому в войске возник заговор против него, и он был убит.

Приступая теперь, напротив, к качествам Коммода, Севера, Антония Каракаллы и Максимиана, вы убедитесь в их жестокости и алчности. Чтобы угодить солдатам, они не гнушались ни одним из злодеяний, которые можно было свершить по отношению к народу; и все они, кроме Севера, плохо кончили. Север же был наделен такой доблестью, что хотя он и притеснял народ, но, опираясь на поддержку солдат, правил всегда благополучно, ибо его доблестные

⁶⁶ По праву наследования (лат.).

качества вызывали такое удивление среди народа и солдат, что первый был ошеломлен и пребывал *quodammodo*⁶⁷ в оцепенении, а вторые были удовлетворены и почтительны. И так как поступки этого императора были выдающимися для нового государя, я хочу вкратце показать, сколь успешно он умел соединять в себе свойства льва и лисицы, которым, как я говорил, государю необходимо подражать. Когда Север убедился в никчемности императора Юлиана, он склонил войско, находившееся под его началом в Славонии, отправиться в Рим, чтобы отомстить за смерть Пертинакса, убитого преторианцами. И под этим предлогом, не выказывая никаких притязаний на власть, он выступил с войском в Рим и оказался в Италии раньше, чем туда пришла весть о его походе. В Риме Сенат после убийства Юлиана из страха избрал Севера императором. Положив этим начало своей власти, он должен был, чтобы упрочить ее, справиться с двумя трудностями: в Азии, где провозгласил себя императором Нигер, возглавлявший тамошнее войско, и на западе, где к власти примерялся Альбин. Север полагал опасной борьбу сразу с обоими, поэтому он решил напасть на Нигера, а Альбина обмануть. Он написал последнему, что Сенат избрал его императором и он хочет разделить это достоинство с Альбином, которому посылает титул цезаря и по решению Сената объявляет его своим соправителем; всему этому Альбин поверил. А когда Север победил и расправился с Нигером и водворил спокойствие на востоке, по возвращении в Рим он стал жаловаться в Сенате на Альбина, который вместо благодарности за полученную от него власть коварно пытался покушаться на Севера, почему последний был вынужден отправиться и наказать его. Север выступил во Францию, где лишил Альбина и власти, и жизни.

Итак, разбирая пристально деяния Севера, можно обнаружить, что он поступал как самый свирепый лев и самая хитрая лиса, а все окружающие уважали и боялись его. Войско же не питало к нему ненависти, поэтому неудивительно, что этот новичок сумел удержать за собой императорскую

⁶⁷ Как бы (лат.).

власть: огромный авторитет защищал Севера от той ненависти, которая могла родиться в народе вследствие его хищений. Сын Севера Антонин также обладал выдающимися качествами, поражавшими народ и привлекавшими к нему солдат, ибо он был приучен к военному делу, не боялся лишений, был неприхотлив в еде и чуждался роскоши; это снискало ему любовь всего войска. Однако его кровожадная жестокость привела к тому, что, перебив большую часть жителей Рима и всех жителей Александрии, не говоря об отдельных лицах, он стал ненавистен всем, ибо наводил ужас даже на своих приближенных, так что погиб от руки одного из центурионов⁶⁸ посреди своего войска. Заметим, что подобных покушений, устраиваемых одержимыми такой идеей личностями, государи не могут избежать, ибо на это может отважиться всякий, кто не боится смерти; но такие случаи очень редки и потому менее опасны. Не следует только наносить тяжкие обиды кому-либо из слуг или приближенных, составляющих придворный штат, о чем не подумал Антонин, предавший позорной смерти брата упомянутого центуриона и, несмотря на постоянные угрозы последнего, оставивший его в рядах своих телохранителей. Такой поступок был опасным безрассудством, погубившим Антонина.

Перейдем теперь к Коммоду, которому было нетрудно сохранять за собой власть, принятую *iure hereditario* от Марка, его отца, для чего ему достаточно было идти по стопам последнего, что не вызвало бы протеста со стороны народа и солдат. Но, обладая свирепым и зверским нравом, который подталкивал его к бесчинствам над народом, Коммод стал заигрывать с войском и идти у него на поводу. В то же время он не заботился о своей репутации, снисходя до самоличного участия в боях с гладиаторами и других низких и недостойных императорского титула поступков, что вызывало презрение солдат. Ненависть с одной стороны и презрение – с другой привели к устройству заговора, и Коммод был убит.

⁶⁸ Центурион – командир среднего звена в римском войске.

Нам остается рассказать о качествах Максимиана. Он был человеком воинственным, и после смерти Александра, который, как я говорил выше, отталкивал войско своей изнеженностью, императором был избран Максимин. Правил он недолго, потому что ненависть и презрение к нему вызывали две вещи: во-первых, его низкое происхождение, ибо в свое время он пас овец во Фракии (об этом все знали и относились к нему с большим пренебрежением); и, во-вторых, то, что в начале своего правления он не поторопился отправиться в Рим и принять на себя правление в столице империи, а между тем прославился своей жестокостью, потому что в Риме и во всех прочих местах его префекты⁶⁹ чинили многочисленные насилия. Таким образом, Максимин вызвал всеобщее негодование низостью своего рода и всеобщую ненависть вследствие страха перед его жестокостью, так что против него сперва взбунтовалась Африка, затем Сенат и весь римский народ, и в конце концов против него восстала вся Италия. К ней присоединилось его собственное войско, которое осаждало Аквилею и претерпевало большие тяготы; утомленные жестокостью Коммода и укрепляемые сознанием всеобщей к нему враждебности, солдаты убили его.

Я не стану говорить ни о Гелиогабале, ни о Макрине, ни о Юлиане, которые заслуживали полного презрения и очень быстро погибли; перейду к заключению настоящих рассуждений. Скажу, что современные государи не сталкиваются с такой необходимостью угождать солдатам особым образом и считаться с ними в делах правления, ибо, хотя о них и не следует забывать, *tamen* с ними нетрудно справиться, поскольку никто не держит постоянных войск, которые десятилетиями находились бы у кормила власти в столице и в провинциях, как это было в Римской империи. Если в ту пору следовало больше считаться с солдатами, чем с народом, то это потому, что солдаты значили больше, чем народ; теперь для государя, кроме турецкого и египетского султанов, более важно угождать народам, чем солдатам, ибо народы теперь значат больше. Для турецкого султана я делаю исключение, потому что он постоянно окружен

⁶⁹ Префект — начальственная должность для управления различными административными и военными единицами и ведомствами.

двенадцатью тысячами пехотинцев и пятнадцатью тысячами конников, охраняющих покой и безопасность его царства; поэтому турецкий властитель прежде всего должен поддерживать их расположение. Точно так же египетский султан зависит от солдат и должен, невзирая на отношение к нему народа, добиваться их приязни. Заметьте при этом, что власть султана отличается от всех остальных видов власти, она подобна власти римского папы, которую нельзя назвать ни наследственной, ни новой, ибо властителями и преемниками прежнего государя становятся не его сыновья, а человек, получающий власть от уполномоченных на это лиц. И поскольку обычай этот древний, речь не может идти о новой власти, ибо здесь не встречаются присущие ей трудности, ведь если государь и новый, то государственные порядки старые, и они так же пригодны для него, как и для наследного государя.

Вернемся, однако, к нашей теме. Всякий, кто примет во внимание вышеприведенные рассуждения, убедится, что ненависть и презрение были причиной падения названных императоров, и поймет, почему, хотя образ действия их и бывал противоположным, некоторые из них царствовали успешно, а другие – неудачно, даже следуя тем же путем. Ведь для Пертинакса и Александра, которые были новыми государями, бесполезно и опасно было подражать Марку, который получил власть *iure hereditario*, а равным образом для Каракаллы, Коммода и Максимиана пагубно было следовать примеру Севера, ибо они не располагали той доблестью, которая требовалась, чтобы идти по его стопам. Новому государю, закладывающему основы своей власти, не нужно подражать деяниям Марка и не следует уподобляться Северу, но от последнего он должен взять то, что требуется для основания государства, а от Марка – все, что помогает сохранить со славой прочное и уже сложившееся государство.

Глава XX. Полезны ли крепости и многое другое, к чему повседневно прибегают государи

Одни государи, дабы обезопасить свое положение, разоружали подданных; вторые сеяли раздоры в подвластных им землях; третьи вызывали нарочно

против себя враждебность. Некоторые пытались привлечь к себе лиц, поначалу для них опасных; иные строили крепости; другие их разрушали и сносили. И хотя обо всех этих вещах нельзя судить определенно, пока не перейдешь к особенностям тех положений, в которых принимаются подобные решения, я стану говорить о них настолько широко, насколько позволяет сам предмет.

Так, никогда не существовало таких новых государей, которые бы разоружали своих подданных. Напротив, если последние были безоружными, государи всегда вооружали их, ведь в этом случае они составляют твою силу: прежде ненадежные становятся верными тебе, а прежде верные укрепляются в своей верности и из подданных становятся твоими сторонниками. А так как нельзя вооружить всех, то, отдавая предпочтение одним, ты чувствуешь себя увереннее и с другими. Эта разница в обхождении делает первых обязанными тебе, а вторые находят тебе извинение в том, что подвергающиеся большей опасности и несущие более тяжелое бремя также и заслуживают большего. Но если ты разоружаешь подданных, это вызывает у них обиду, ибо показывает, что ты сомневаешься в них в силу своей трусости или недоверчивости; и то и другое возбуждает против тебя ненависть. А так как безоружным ты не можешь оставаться, тебе приходится обратиться к наемному войску, о свойствах которого говорилось выше. Да и будь оно отличным, наемников не может быть столько, чтобы защитить тебя от влиятельных врагов и ненадежных подданных. И как я уже говорил, новый государь, только что пришедший к власти, всегда заботился об устройстве армии. История полна тому примеров. Если же государь приобретает новые владения, которые присоединяются к прежним, тогда необходимо разоружить их жителей за исключением тех, кто был на твоей стороне в ходе завоевания. Но и этих необходимо со временем ослабить и изнежить, воспользовавшись подходящими случаями так, чтобы все вооруженные силы твоего государства принадлежали только тебе и были набраны из солдат, которые жили с тобою в твоих старых владениях.

Наши предки, причем из тех, кого считали мудрецами, говаривали, что Пистойю следует удерживать с помощью партий, а Пизу – крепостей, поэтому в

подчиненных им городах они сеяли раздор, дабы удобнее властвовать в них. В те времена, когда в Италии сохранялось некоторое равновесие, это могло быть и разумным, но не думаю, чтобы сегодня можно было давать подобные рецепты, ибо я не верю, чтобы раскол приносил когда бы то ни было пользу. Напротив того, когда приближается враг, разделившиеся города сразу становятся его добычей, потому что более слабая партия всегда ищет опоры во внешней силе, а более влиятельная не может перед ней устоять.

Венецианцы, побуждаемые, как я полагаю, вышеприведенными доводами, поддерживали в подвластных им городах вражду между гвельфами и гибеллинами⁷⁰, и хотя они никогда не допускали кровопролитий, *tamen* не давали названным разногласиям затухать, чтобы граждане, занятые своими распрями, не объединились против своих хозяев. Но это, очевидно, не пошло венецианцам на пользу, ибо когда они потерпели поражение при Вайло одна из партий тут же подняла голову и отняла у них власть. Таким образом, подобные приемы указывают на слабость государя, ибо уверенная в себе власть не допустит раскола, который только в мирное время выгоден для удобства обращения с подданными; в случае же войны видна вся обманчивость этого способа.

Государи, без сомнения, обретают величие, преодолевая препятствия и трудности, встающие перед ними, поэтому когда судьба желает возвысить нового государя, который больше зависит от молвы, чем наследный государь, она посылает ему навстречу врагов и заставляет сразиться с ними, чтобы, одолев их, государь мог подняться еще выше на ступень, представленную ему его врагами. Многие считают даже, что мудрый государь должен при случае умышленно вызвать по отношению к себе некоторое противодействие, дабы, подавив его, прибавить себе величия.

⁷⁰ Гвельфы и гибеллины – политические партии, противостоявшие друг другу в Италии XIII–XIV веках. Гвельфы поддерживали римских пап, гибеллины – германских императоров.

Государям, *et praesertim*⁷¹ новым, были более верны и приносили большую пользу те люди, которые поначалу вызывали у них подозрение, по сравнению с теми, кто и раньше был облечен доверием. Правитель Сиены Пандольфо Петруччи чаще использовал у себя на службе лиц, вызывавших сомнение, нежели других. Но из этого нельзя выводить общее правило, ибо все зависит от определенного положения. Скажу только, что если поначалу враждебные к государю люди нуждаются в поддержке, чтобы сохранить за собой свое место, государь легко может привлечь их на свою сторону, и они тем вернее принуждены будут служить ему, что сознают необходимость исправить своими делами невыгодное мнение, которое сложилось о них раньше. Таким образом они принесут государю больше пользы, чем те, кто уверен в расположении государя и потому станет заботиться о его делах с меньшим рвением.

И поскольку предмет того требует, я не премину напомнить государям, получившим новые владения благодаря помощи изнутри, чтобы они внимательно вникали в причины, заставившие их помощников помогать им. И если речь идет не о естественной привязанности к новому государю, а о недовольстве прежним, то сохранить их благорасположение будет очень трудно, потому что новому государю невозможно удовлетворить их притязания. Подробно разбирая все на примерах, извлекаемых из современной и древней истории, причины можно увидеть в том, что новому государю куда легче снискать дружбу людей, довольных прежним положением и потому противодействовавших ему, нежели тех, кто стали его друзьями от досады и помогли ему утвердиться в новых владениях.

Чтобы обезопасить свою страну, государи всегда имели обыкновение строить крепости в качестве тормоза и узды для любого неприятеля, а также надежного укрытия во время неожиданных нападений. Я нахожу этот обычай похвальным, поскольку он ведется *ab antiquo*⁷²; тем не менее в наше время мы были очевидцами того, как мессер Никколо Вителли разрушил две крепости в

⁷¹ И в особенности (лат.).

⁷² С древности (лат.).

Читта ди Кастелло, чтобы удержать там власть. Гвидобальдо⁷³, герцог Урбинский, вернувшись в свои владения, откуда он был изгнан Чезаре Борджиа, снес все крепости этой провинции *funditus*⁷⁴; он считал, что без них будет труднее изгнать его снова. Подобным образом поступили и Бентивольи, вернувшись в Болонью⁷⁵. Таким образом, крепости могут приносить пользу в зависимости от обстоятельств; при этом, выигрывая в одном, ты теряешь в другом. Об этом можно рассуждать следующим образом. Государь, которого больше страшит собственный народ, чем чужеземцы, должен строить крепости, а тот, кто больше опасается вторжения, а не своего народа, должен обходиться без них. Дому Сфорца больше хлопот причинил и причинит еще Миланский замок, выстроенный Франческо Сфорца, чем какие бы то ни было беспорядки. Поэтому лучшая крепость – это не быть ненавистным народу, ибо если народ тебя ненавидит, крепости не спасут; ведь если народ возьмется за оружие, у него не будет недостатка в союзниках извне. В наши дни незаметно было, чтобы крепости принесли пользу какому-либо государю, разве что графине Форли, – после смерти ее супруга графа Джироламо крепость помогла ей укрыться от ярости народа, дожидаться подкрепления из Милана и вернуть себе власть. Тогда обстоятельства складывались так, что чужеземцы не могли прийти на выручку народу; однако впоследствии, когда на Форли напал Чезаре Борджиа и враждебный графине народ присоединился к нему, ей не помогла и крепость. Поэтому и тогда, и прежде вернее всего для нее было бы избегать народной ненависти, вместо того чтобы уповать на крепость. Подводя итог всему вышесказанному, я могу одобрить и того, кто строит крепости, и того, кто этого не делает, но должен осудить всякого, кто, полагаясь на крепость, не станет заботиться о расположении народа.

⁷³ Наследники Джованни Бентивольо, у которого Юлий II отнял Болонью в 1506 году, вернулись туда в 1511 году.

⁷⁴ До основания (*лат.*).

⁷⁵ Имеется в виду Гвидобальдо да Монтефельтро.

Глава XXI. От чего зависит уважение к государю

Ничто не приносит государю такого уважения, как великие походы и необыкновенные поступки. Возьмем Фердинанда Арагонского, ныне здравствующего короля Испании. Можно считать его государем почти новым, ибо из незначительного властителя он стал самым главным и знаменитым королем христиан, и, рассматривая его деяния, вы найдете их великими и иногда необычайными. В начале своего царствования он вторгся в Гранаду и тем самым заложил основание своего правления. Во-первых, он приступил к этому завоеванию в мирное время, и никто не мог ему помешать; при этом войной были заняты умы баронов Кастилии, которые уже не могли замыслить крамолу. Король же в это время увеличил свое влияние и власть над ними незаметным для баронов способом. Фердинанд мог набрать войско на народные и церковные деньги и в течение этой длинной войны заложить фундамент своей армии, которая впоследствии принесла ему славу. Кроме того, чтобы перейти к еще более великим предприятиям, он прибег к благочестивой жестокости, под прикрытием той же религии, и изгнал из своих владений марранов⁷⁶, почти лишив их имущества. Трудно подыскать пример столь редкой бесчеловечности. Под тем же предлогом он напал на Африку, совершил поход в Италию, недавно вторгся во Францию, и, таким образом, он всегда вынашивал и совершал великие предприятия, которые держали в напряжении и поражали умы его подданных, ожидавших их исхода. Все эти события следовали одно за другим, так что у людей никогда не оставалось возможности в промежутке замыслить против него что-либо дурное.

Государю очень полезно также проявить себя с необычной стороны в вопросах внутреннего управления, как это делал мессер Бернабо Миланский⁷⁷, – когда кто-либо из граждан совершит из ряда вон выходящий поступок, добрый

⁷⁶ Марраны – букв. «свиньи», так называли в Испании насильно крещенных евреев. Впрочем, на деле им, в отличие от правоверных иудеев, разрешено было остаться в Испании.

⁷⁷ Он же Бернабо Висконти.

или дурной, и следует наказать или вознаградить его, причем этот приговор будет на устах у всех. Прежде всего государь должен постараться, чтобы во всех его деяниях молва видела черты человека великого и выдающегося.

Государя ценят также, если он бывает настоящим другом и настоящим врагом, то есть когда он открыто принимает чью-либо сторону в споре двух противников. Это всегда полезнее, чем оставаться нейтральным, ибо если два твоих могущественных соседа вступают в схватку, силы их бывают таковы, что победа каждого из них либо представляет для тебя опасность, либо нет. В любом случае для тебя выгоднее открыть карты и начать честную войну, ибо в первом случае, если ты этого не сделаешь, то станешь добычей победителя на радость и в утешение побежденному, и тебе нечего рассчитывать на защиту и негде искать пристанища. Ведь победитель не нуждается в сомнительных друзьях, которые не протягивают ему руку в несчастье; проигравший же не приютит тебя, потому что ты не захотел вместе с ним попытать военного счастья.

Антиоха призвали в Грецию этолийцы, чтобы изгнать оттуда римлян. К союзникам Рима, ахейцам, Антиох отправил послов с уговорами не вмешиваться в войну; римляне в свою очередь убеждали ахейцев выступить на их стороне. Решение обсуждалось на совете ахейцев, в котором посланник Антиоха призывал их оставаться нейтральными, на что римский легат возразил: *«Quod autem isti dicunt non interponendi vos bello, nihil magis alienum rebus vestris est; sine gratia, sine dignitate, praemium victoris eritis»*⁷⁸.

Как правило, тот, кто не питает к тебе дружественных чувств, будет предлагать нейтралитет, а союзник потребует выступить на его стороне с оружием в руках. Нерешительные государи, желая избежать сиюминутной опасности, чаще всего избирают средний путь, и он чаще всего приводит их к краху. Но если государь смело принимает одну из сторон и тот, к кому он примкнул, побеждает, то хотя бы его могущество делало тебя полностью бессильным перед ним, он будет чувствовать себя обязанным, ибо заключил с

⁷⁸ «Что до их утверждений о том, чтобы вам лучше не вмешиваться в войну, то для вас нет ничего хуже: утратив достоинство, без надежды на пощаду вы станете добычей победителей». – Тит Ливий.

тобой союз, а люди не бывают столь бесчестны, чтобы дать такой урок неблагодарности. К тому же не бывает настолько сокрушительных побед, чтобы выигравший не должен был считаться хотя бы со справедливостью. Если тот, к кому ты примкнул, проигрывает, все равно он не отвергнет тебя и по мере сил станет тебе помогать, так что ты поделишь с ним его судьбу, которая снова может стать благосклонной.

Во втором случае, если оба противника не могут внушать тебе опасения, тем более разумно примкнуть к одному из них, ибо при поражении ты можешь стать его спасителем, если в этом есть смысл. В случае же победы он полностью зависит от тебя; впрочем, с твоей помощью он не может не победить.

Здесь следует заметить, что государь должен заключать наступательный союз с более сильным властелином только при крайней необходимости, как сказано выше, ибо в случае победы ты оказываешься у него в руках, а государям следует всячески избегать зависимости от чужого произвола. Венецианцы соединились с Францией против герцога Миланского, хотя могли этого и не делать; этот союз привел к их крушению. Но если этот союз неизбежен, как было с флорентийцами, когда войска папы и испанцев вторглись в Ломбардию⁷⁹, тогда государь по вышеупомянутым причинам должен примыкать к нему. И пусть никто не рассчитывает принимать всегда беспрюирышные решения, напротив, лучше считать их все сомнительными, ибо это в порядке вещей. Невозможно устранить одно неудобство так, чтобы на его месте не возникло другое, благоразумие же состоит в том, чтобы распознавать эти препятствия и избирать меньшее зло в качестве блага.

Государь должен также выказывать себя поклонником всех выдающихся доблестей и поощрять лиц, отличающихся во всяком искусстве. Кроме того, ему следует внушить гражданам, что они могут спокойно предаваться своим занятиям, как-то: торговлю, земледелию и прочим предприятиям, дабы сельский житель мог украшать свое имение, не опасаясь, что оно будет отнято, а купец —

⁷⁹ Речь опять идет о событиях 1512 года, которые привели к крушению республики во Флоренции.

перевозить товары, не страшась налогов. Желающих поступать так и всех, кто собирается приумножать владения и богатства государства, правитель должен вознаграждать. Еще ему следует в подходящее время года занимать народ празднествами и зрелищами. Так как в каждом городе существуют объединения по цехам или улицам, государю следует уделять внимание этим сообществам, иной раз встречаться с ними и являть образцы щедрости и добросердечия, строго соблюдая, однако, при этом величие своего звания, ибо о нем никогда не следует забывать.

Глава XXII. О секретарях, приближенных к государям

Немаловажен для государя подбор служащих ему лиц, ибо их пригодность зависит от благоразумия правителя. Первое суждение об уме правящей особы можно составить, глядя на его окружение: если эти люди отличаются способностями и верностью, то его можно считать мудрым, ибо он сумел оценить их способности и сохранить их верность. В противном случае о государе можно составить отрицательное мнение, и первой ошибку он допускает при этом выборе.

Все, кто знал мессера Антонио да Венаффо, служившего государю Сиены Пандольфо Петруччи, считали Пандольфо достойнейшим человеком благодаря наличию у него такого советника. А так как существует три степени ума: первый доходит до всего сам, второй усваивает то, что поняли другие, а третий не способен ни на первое, ни на второе, и первый ум можно назвать превосходным, второй – выдающимся, а третий – никчемным, то из этого необходимо следует, что ум Пандольфо принадлежал если и не к первой, то ко второй степени, ибо тот, кто может различить, на благо или на зло направлены слова и поступки другого, тот, даже не обладая изобретательностью, может оценить дурные и добрые дела министра, похвалить его за вторые и поправить первые. У министра же не возникнет искушения нарушить свой долг и обмануть государя.

Но для того, чтобы государь смог узнать советника, есть безошибочный способ. Когда ты видишь, что советник думает больше о себе, чем о тебе, и что

во всех поступках он ищет собственной пользы, то такой советник никогда не станет хорошим, и ты не сможешь доверять ему, ибо тот, кому государь вручает власть, должен думать не о себе, а о государе и даже не поминать в беседе с ним ни о чем другом. В то же время, чтобы укрепить добрые качества советника, государь должен заботиться о нем, одаривать его богатствами и почестями, привязывать к себе, наделять почетными званиями и должностями, чтобы тот видел, что не может обойтись без государя, и чтобы избыток почестей избавил его от желания новых почестей, избыток богатства – от желания новых богатств, а избыток должностей заставил бояться перемен. И когда взаимоотношения государей и их советников таковы, они могут доверять друг другу, в противном же случае они оба плохо кончат.

Глава XXIII. Каким образом избегать льстецов

Я не хочу упустить из виду одной важной стороны дела и умолчать об ошибке, от которой государям трудно уберечься, если они не наделены глубоким благоразумием или если их выбор ограничен. Я говорю о льстецах, которыми полны все дворы, ибо люди обычно так обольщаются на свой счет и бывают столь самонадеянны, что эта чума их редко минует, а пытаюсь застраховать себя от нее, они подвергаются опасности вызвать презрение. Ведь защитит себя от лести можно, только дав понять, что правда, высказанная в глаза, тебя не обижает, но если каждый станет высказывать тебе правду в глаза, люди перестанут тебя уважать. Поэтому благоразумный государь должен придерживаться середины, избрав в своих владениях несколько мудрецов и позволив только им говорить себе правду, но лишь о том предмете, о котором он спрашивает, и ни о чем другом. В то же время ему следует спрашивать этих людей обо всем и выслушивать их мнения, а затем решать на свой лад. Каждому из этих советников он должен дать понять, что чем свободнее они станут высказываться, тем государю будет приятнее. А кроме них ему не следует никого слушать, он должен выполнять раз принятые решения и настаивать на их выполнении. В противном случае государя погубят льстецы или он станет

переменчив в решениях из-за избытка мнений и начнет терять уважение окружающих.

По этому поводу я хочу сослаться на один современный пример. Отец Лука⁸⁰, приближенный ныне правящего императора Максимилиана, говорил о Его Величестве, что тот никогда ни с кем не советовался, но и никогда не поступал по-своему, оттого что придерживался противоположных вышеописанному правил. Император человек скрытный, он ни с кем не делится своими планами и не спрашивает чужого мнения, но когда он приступает к исполнению этих планов и они становятся ясными и очевидными, окружающие начинают их оспаривать, и император, будучи легко внушаемым, отказывается от них. Вследствие этого выстроенное за один день он разрушает на другой, никогда невозможно понять, что он желает и намеревается делать, его решения нельзя принимать в расчет.

Итак, государю всегда следует спрашивать совета, но когда этого хочет он, а не другой. Более того, он должен отбить у всякого охоту давать ему советы, когда не спрашивают, но в вопросах не следует себя ограничивать, а правдивые ответы нужно выслушивать терпеливо и даже, если собеседник из уважения к государю станет о чем-то умалчивать, видеть в этом повод для беспокойства. И хотя некоторых государей многие почитают благоразумными не от природы, а благодаря добрым советам, которыми те пользуются, это – мнение ошибочное. Можно принять за твердое правило, что государь, сам по себе не обладающий мудростью, никогда не сможет придерживаться хороших советов, если только ему не попадется такой мудрый человек, который бы во всем им руководил. Но в этом случае такой государь недолго продержался бы у власти, потому что руководитель вскоре низверг бы его. В то же время не одаренный умом государь, советуясь с разными лицами, будет получать противоречивые советы, а свести их воедино не сумеет. Из его советников каждый будет клонить в свою сторону, но он не заподозрит их корысти и не сумеет поправить дело. Иначе и быть не

⁸⁰ Лука Ринальди – приближенный Максимилиана I, епископ.

может, ибо люди всегда станут поступать дурно, если необходимость не принудит их к добру. Итак, следует заключить, что добрые советы, от кого бы они ни исходили, должны зависеть от благоразумия государя, а не благоразумие государя от добрых советов.

Глава XXIV. Отчего итальянские государи лишились своих владений

Вышеописанные правила, если их разумно соблюдать, уравнивают нового государя с наследственным и придают его власти большую прочность и безопасность, чем если бы она коренилась в древности. Ведь за поступками нового государя следят куда внимательнее, чем за делами наследственного, и если эти поступки отличаются доблестью, они привлекают и привязывают к нему людей гораздо больше, чем старинное происхождение. Ибо люди гораздо сильнее заняты настоящим, чем прошедшим, и если видят насущное благо, то довольствуются им и не ищут другого. И если новый государь не станет допускать промахов, они горой встанут на его защиту. Он вдвойне приумножит свою славу, если, обновив власть, укрепит и украсит ее хорошими законами, хорошим войском, хорошими союзниками и образцовыми деяниями; так же, как наследственный государь, лишившийся власти из-за своего неблагоразумия, вдвое увеличит свой позор.

Если взглянуть на тех государей, которые в наше время утратили свои владения в Италии, — таких, как король Неаполитанский, герцог Миланский⁸¹ и другие, — то мы обнаружим у них прежде всего общий недостаток, касающийся устройства войска, который получил подробное объяснение выше. Затем выяснится, что некоторые из них враждовали с народом либо, имея на своей стороне народ, не смогли обезопасить себя от грандов, ибо в противном случае невозможно лишиться власти, располагая достаточными возможностями, чтобы выставить в поле крепкое войско. Филипп Македонский⁸² — не отец Александра,

⁸¹ Имеются в виду Федерико Арагонский и Лодовико Моро.

⁸² Филипп V (ок. 220–179 до н. э.) — царь Македонии (220–179 до н. э.), отец Персея Македонского. Во время Первой Македонской войны (215–205 до н. э.) завоевал часть Иллирии, во время Второй Македонской войны (200–197 до н. э.) был разбит римлянами, в союзе с этолийцами и жителями о. Родос, при Киноскефалах,

а тот, который был побежден Титом Квинкцием, – не располагал обширными владениями по сравнению с римлянами и греками, напавшими на него. Тем не менее, будучи человеком воинственным и умеющим поладить с народом и защитить себя от грандов, он на протяжении многих лет выдерживал войну с этими противниками и если в конце концов лишился нескольких городов, то по крайней мере сохранил за собой царство. Поэтому пусть наши государи, которые много лет находились у власти, не сетуют на фортуна за то, что эту власть утратили; пусть винят во всем свое малодушие, ибо в мирные времена они не подумали о том, что обстоятельства могут измениться (ждать, пока грянет гром, – это общий людской недостаток), и когда настали трудные дни, они помышляли лишь о бегстве, а не о защите. Надежда этих государей состояла только в том, что народы, доведенные до крайности бесчинствами победителей, призовут их обратно. Это хорошее средство, если отсутствуют другие, но уповать лишь на него и забывать обо всех остальных довольно-таки вредно, ибо не стоит падать для того, чтобы кто-нибудь помог тебе подняться. Так не бывает, а если и бывает, то не обеспечивает тебе безопасности, потому что это способ защиты людей малодушных и несамостоятельных. Только опираясь на собственные силы и на собственную доблесть, можно хорошо, прочно и надежно защитить себя.

Глава XXV. Насколько дела человеческие зависят от фортуны и как можно ей противостоять

Мне небезызвестно мнение, которого придерживались и придерживаются многие, о том, что течением мирских дел целиком управляют судьба и Бог⁸³ и люди, опираясь на свое разумение, не только не могут изменить его, но и не могут никак на него повлиять. Отсюда можно было бы сделать вывод, что не следует особенно упорствовать в делах, а предпочтительнее все предоставить велению случая. Это мнение особенно распространилось в наше время вследствие великой переменчивости обстоятельств, которая всякий день

в результате утратил все свои завоевания. В 191 году до н. э. был союзником Рима против Антиоха III.

⁸³ Это слово отсутствует в одном из манускриптов трактата (т. н. Чарлтон-парк).

опровергает все людские ожидания. Обдумывая это, я иной раз в какой-то степени склоняюсь к названной точке зрения. Тем не менее, дабы не подавлять нашей свободной воли, я допускаю истинность утверждения, что судьба наполовину распоряжается нашими поступками, но другую половину, или почти столько, оставляет нам. Я уподобляю ее бурной реке, которая, рассвирепев, затопляет долину, крушит дома и деревья, выхватывает в одном месте глыбы земли и переносит их на другое. Все уступает и бежит перед стихией, не в силах ей противостоять. И хотя реки выказывают таким образом свой норов, это не означает, что в тихую погоду люди не могут позаботиться о его обуздании с помощью плотин и прочих сооружений, благодаря которым разлившаяся река будет отведена каналом в другое русло и ее натиск не окажется таким бурным и губительным. Так же обстоит дело и с судьбой: ее могущество проявляется там, где доблесть не готова ей противостоять, поэтому фортуна обрушивает свои удары на то место, где она не ожидает встретить сдерживающих ее плотин и запруд. И если вы обратите свой взгляд на Италию, ставшую ареной и источником названных перемен, то она представится вам равниной, лишенной каких бы то ни было плотин и преград, а если бы ее ограждала подобающая доблесть, как Германию, Испанию и Францию, то наводнение не затронуло бы ее или хотя бы не привело к таким потрясениям. Сказанного довольно о противостоянии судьбе в целом.

Переходя теперь к подробностям, замечу, что мы можем наблюдать, как сегодня какому-то государю сопутствует успех, а завтра – падение, хотя он нисколько не изменил своих природных качеств. Я думаю, это происходит, прежде всего, вследствие пространно обсуждавшихся выше причин, а именно потому, что государь, целиком полагающийся на удачу, гибнет из-за ее переменчивости. Я полагаю также, что успех сопутствует тому, кто соразмеряет свой образ действий с обстоятельствами момента; не везет же тому, кто не умеет идти в ногу со временем. Ведь люди по-разному продвигаются к тем целям, которые стоят перед ними, то есть к славе и богатству: один действует осторожно, другой напористо; один прибегает к силе, другой – к искусству; один

предпочитает выжидать, другой поступает противоположным образом, и каждый из этих путей может вести к цели. Но если взять двух осторожных людей, то один из них добивается желаемого, а другой нет; равным образом бывает, что успех сопутствует двум людям разного склада, и осторожному, и напористому, а происходит это от того, что обстоятельства времени благоприятствуют образу действий каждого из них. Вот почему, как я говорил, действуя по-разному, два лица могут прийти к одному результату, а из двух других, действующих одинаково, один достигает цели, а другой нет. От этого зависит и переменчивость блага, ибо когда кто-то руководствуется осторожностью и терпением, а время и обстоятельства этому благоприятствуют, он процветает. Если же время и обстоятельства меняются, этот человек гибнет, поскольку сохраняет свой прежний образ действий. И нет людей настолько благоразумных, чтобы они могли приспособиться к этому, как потому, что трудно изменить склонности своей натуры, так и потому, что человек, все время преуспевающий на одной стезе, не решается с нее сойти. Так что человек осторожный, когда нужно идти напролом, неспособен на это и терпит крах. А если бы он изменил свою природу вместе со временем и обстоятельствами, его участь осталась бы прежней.

Папа Юлий II во всем действовал напористо, а время и обстоятельства настолько способствовали его образу действий, что исход его предприятий был всегда счастливым. Возьмите первую его вылазку в Болонью, в бытность там мессера Джованни Бентивольи. Венецианцы смотрели на это неодобрительно, так же как и король Испании; с Францией папа вел переговоры по этому поводу, и тем не менее, побуждаемый своим неукротимым буйным нравом, он выступил в поход лично. Этот поступок привел в замешательство Испанию и венецианцев; на последних он нагнал страху, а испанский король выжидал, желая завладеть всем королевством Неаполитанским. В то же время французский король перешел на сторону папы, ибо, видя, что тот начал действовать, и намереваясь вступить с ним в союз против венецианцев, он не мог отказать ему в подкреплении, не нанеся папе явной обиды. Таким образом, папа Юлий своим порывом добился

того, чего никогда не добился бы любой другой папа со всей доступной человеку премудростью. Ибо если бы он не отважился выступить из Рима, пока не будут заключены все договоры и улажены все обстоятельства, как поступил бы всякий другой папа, то остался бы ни с чем, ведь французский король нашел бы для себя множество оправданий, а другие внушили бы ему множество страхов. Я не стану говорить о других деяниях Юлия, во всем подобных первому и всегда завершавшихся удачей; недолговечность этого папы не позволила ему вкусить горьких плодов, а если бы наступило время, требующее осторожности, то оно принесло бы его падение, ибо он ни за что не отступил бы от образа действий, подсказанного его натурой.

Итак, я заключаю, что непостоянство фортуны и привязанность людей к их обычному образу действий приводят к тому, что согласным с ней сопутствует везение, а несогласным – неудачи. Я полагаю все-таки, что лучше быть напористым, чем осмотрительным, потому что судьба – женщина, и чтобы одержать над ней верх, нужно ее бить и толкать. В таких случаях она чаще уступает победу, чем когда к ней проявляют холодность. И как женщина, она склонна дружить с молодыми, потому что они не столь осмотрительны, более пылки и смелее властвуют над ней.

Глава XXVI. Воззвание к овладению Италией и освобождению ее из рук варваров

Когда, рассмотрев все вышеизложенные обстоятельства, я задаю себе вопрос, не пришло ли время для нового государя в Италии и найдется ли в ней материя, которой муж благоразумный и доблестный мог бы воспользоваться для придания ей формы с почетом для себя и на благо всех жителей, то склоняюсь к выводу, что трудно себе представить более благоприятный для нового властителя момент. И если, как я уже говорил, доблесть Моисея могла проявиться только благодаря египетскому рабству народа Израиля, величие души Кира стало заметным, когда персы были притеснены мидянами, а мужество Тезея – когда афиняне пребывали в смятении, то и сейчас, чтобы

познать доблесть духа итальянцев, необходимо было увидеть Италию в ее теперешнем состоянии, – большей рабой, чем были евреи, сильнее угнетенной, чем персы, и в большем смятении, чем афиняне: обезглавленной, охваченной смутой, поверженной, опустошенной, разграбленной, отданной на поругание и испытывавшей все беды. И хотя до сего дня можно было видеть кое-какие проблески, свидетельствующие о том, что некто избран Богом для ее спасения, потом, однако, судьба отвергла его в самую решающую минуту⁸⁴. И вот, едва живая, Италия ожидает того, кто исцелит ее раны, положит конец разорению Ломбардии, взиманию поборов с Королевства и Тосканы и излечит ее от язв, столь застарелых. Как молит она Бога ниспослать избавителя от варварских обид и жестокостей! Сколь велика ее готовность встать под одно знамя, только бы кто-то его поднял! И не на кого больше ей теперь надеяться, как на ваш сиятельный дом, каковой благодаря своей удаче и доблести, благоволению Бога и Церкви, ныне управляемой его представителем⁸⁵, может стать во главе ее избавления. Это не так уж трудно, если вы обратитесь к деяниям и жизни вышеназванных мужей. И хотя это люди редкостные и необыкновенные, все же они были людьми, и ни один из них не находился в обстоятельствах столь благоприятных, как нынешние: ведь их дело не было более правым или легче осуществимым, и на помощь Бога они могли рассчитывать не больше, чем вы. Речь идет о великой справедливости: «*Iustum enim est bellum quibus necessarium, et pia arma ibi nulla nisi in armis spes est*»⁸⁶. Велико также стечение удобных обстоятельств, а там, где способствуют обстоятельства, не может быть великой трудности, вам довольно будет лишь следовать обычаю тех, кого я предложил в качестве образца. Кроме того, наблюдается беспримерное количество необыкновенных событий, ниспосылаемых Богом: море расступилось, туча обозначила в нем дорогу; из камня пролилась вода; небеса исторгли манну – все предвещает ваше возвеличение. Остальное зависит от вас. Бог не желает брать на себя все, дабы не лишить нас свободы воли и той части славы, которая принадлежит нам.

⁸⁴ Предполагают, что речь идет о Чезаре Борджиа.

⁸⁵ Папой Львом X Медичи, взошедшим на престол в 1513 году.

⁸⁶ «Ибо война справедлива для тех, кому необходима, кто не может без нее обойтись, и священо оружие, в котором заключена вся надежда». – Тит Ливий.

Вовсе не удивительно, что ни один из упоминавшихся итальянцев не приблизился к той цели, которой, как можно надеяться, достигнет ваш сиятельный дом, и что опыт стольких переворотов и военных действий в Италии склоняет к выводу о полном угасании ее военной доблести. Причина в том, что стародавние ее обычаи не были хороши, новых же никто не сумел придумать, а ведь ничто так не украшает правление нового мужа, как новые законы и порядки, введенные им. Если они основательны и грандиозны, то приносят ему уважение и восхищение; в Италии же довольно материи, которой можно придать любую форму. Отдельные части ее исполнены доблести, каковой недостает наверху. Посмотрите на поединки и мелкие стычки – насколько итальянцы превосходят всех силой, ловкостью и умом. Но в многочисленном войске эти качества не проявляются. Все дело в слабости вождей, ибо каждый считает себя всезнающим и не подчиняется более умелому, и до сих пор никому не удалось с помощью своей доблести и удачи убедить других уступить. Вот отчего во всех войнах за последние двадцать лет любое войско, составленное целиком из итальянцев, сражалось всегда неудачно. Об этом свидетельствуют битвы при Таро, затем при Александрии, Капуе, Генуе, Вайла, Болонье, Местри⁸⁷.

Итак, если ваш сиятельный дом желает последовать примеру выдающихся людей, принесших своим народам избавление, то прежде всего необходимо заложить фундамент всякого успеха, – обеспечить себе собственное войско, ибо не может быть более верных и надежных и вообще лучших солдат. И хотя каждый из них будет хорош сам по себе, вместе они станут много лучше, когда увидят своим предводителем собственного государя, награждающего и поддерживающего их. Поэтому, дабы со всей итальянской доблестью защищаться от чужеземцев, нужно обзавестись таким войском. И хотя испанская и швейцарская пехота на всех наводит ужас, и та и другая имеют недостатки, так что третий род пехоты мог бы не только противостоять, но и нанести им поражение. Ведь испанцы боятся кавалерии, а швейцарцы не выдерживают натиска пехоты, если он будет столь же упорным, как их собственный. Как показал и будет показывать впредь опыт, испанцев сокрушает французская

⁸⁷ Перечисление поражений итальянских армий, начиная с 1494 года.

кавалерия, а швейцарцы поддаются испанской пехоте. И хотя это последнее предсказание целиком еще не исполнилось, однако нечто подобное наблюдалось во время битвы при Равенне, когда испанская пехота сошлась с немецкими батальонами, сохраняющими такой же строй, как у швейцарцев. Испанцы, благодаря своей ловкости, под защитой щитов с шипами проникли между вражескими пиками и безнаказанно расправлялись с немцами, которые не могли ничего поделать и были бы перебиты до единого, если бы конница не опрокинула испанцев. Таким образом, зная недостатки той и другой пехоты, можно создать третью, которая могла бы защититься от коней и не боялась бы пеших; это был бы новый род войска, изменяющий боевые порядки. Как раз подобные нововведения и придают новому государю уважение и величие.

Итак, не следует упускать представившуюся возможность и лишать Италию, после стольких бедствий, ее избавителя. Трудно выразить, с какой любовью был бы он встречен жителями тех областей, которые пострадали от нахлынувших захватчиков, с какой жаждой возмездия, упованием, верой, слезами! Какие двери не открылись бы перед ним? Какой народ отказал бы в подчинении? Чья зависть ему бы помешала? Кто из итальянцев не пошел бы за ним? Всем претит господство варваров. Пусть ваш сиятельный дом приступит к исполнению этого долга с той твердостью и надеждой, с какой приступают к праведным деяниям, тогда под его стягом возродится достоинство Родины и с его помощью исполнятся слова Петрарки:

Доблесть против смуты
Вооружится для недолгой брани,
Ведь срывает путы
Храбрость, что живет в итальянском стане.

Источник: Макиавелли Н. Государь. – «РИПОЛ Классик», 1532. – (Кофе с мудрецами).

РАЗДЕЛ 3. ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В НОВОЕ ВРЕМЯ

Эпоха Возрождения (Ренессанса) – эпоха духовного и культурного преобразования Западной Европы, которая является поворотным пунктом в европейской политико-правовой мысли от религиозной схоластики к секуляризованному, рационалистическому обоснованию политических и правовых ценностей раннебуржуазного общества.

Идеи правовой государственности в Новое время развивались в русле достижений предшествующей политико-правовой мысли и прежде всего естественно-правовых представлений о свободе и правах человека, о приоритете естественного права перед позитивным правом и государством, о правовых формах и пределах осуществления государственной власти, о разграничении властных полномочий различных органов государства и т.д.

ГУГО ДЕ ГРООТ ГРОЦИЙ

Гуго де Гроот Гроций (1583–1645) – выдающийся голландский юрист, социолог и политический мыслитель, один из основателей раннебуржуазного учения о государстве и праве, рационалистической доктрины естественного и международного права Нового времени. Его называли «Чудом Голландии». В 11 лет он поступил в университет, а уже в 15 лет стал доктором права. Известен как автор более 90 работ в области юриспруденции, истории, филологии, этнографии. В 1625 г. в разгар Тридцатилетней войны во Франции вышел фундаментальный труд Г. Гроция «О праве войны и мира». Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права» (1625).

О ПРАВЕ ВОЙНЫ И МИРА

[...] Если между народами или государями возникают разногласия, то почти всегда судьей между ними оказываемся Марс. Однако не только простой

народ держится того мнения, что война совершенно несовместима с правом, но даже у мужей ученых и благоразумных нередко прорываются изречения, благоприятствуя такому мнению. Ибо ничто столь часто не противопоставляется одно другому, как право и война. [...]

[...] Ибо ведь то, что вытекает из природы вещи, всегда пребывает тождественным самому себе и потому без труда может быть приведено в научную форму; то же, что возникло путем установления, часто изменяется во времени и различно в разных местах, а потому и лишено какой-либо научной системы, подобно прочим понятиям о единичных вещах.

Поэтому, если бы жрецы истинной справедливости и предприняли попытку изложить отдельно естественную, неизменную часть юриспруденции, выделив то, что имеет источником свободную волю, если бы один из них излагал учение о законах, другой – о податях, третий – о должности судей, четвертый – об истолковании воли, пятый – о достоверности фактических доказательств, то из собрания всех частей могла бы получиться стройная система. [...]

[...] Существуют три разряда авторов, подвизавшихся в изучении римского права. Во-первых, – те, труды которых вошли в Пандекты, кодексы Феодосия и Юстиниана и также в Новеллы. Второе место занимают толкователи, явившиеся вслед за Ирнерием, а именно – Аккурсий, Бартол и много других имен, долгое время царивших в судах. К третьему разряду относятся сочетавшие занятия изящной словесностью с изучением права. Первым я обязан весьма многим, так как они часто приводят весьма веские доводы в доказательство положений права естественного; они же часто приводят свидетельства в пользу как естественного права, так и права народов, обычно не менее других смешивая то и другое. Мало того, они называют правом народов часто то, что соблюдается только некоторыми народами, что отнюдь не имеет основания в каком-либо соглашении, а представляет только предмет взаимного подражания или же случайного заимствования одними народами у других. Что же касается правил, действительно относящихся к праву народов, они зачастую излагают их попеременно, не отделяя от положений римского права, что подтверждается,

например, разделами о военнопленных и о состоянии после заключения мирного договора. Со своей стороны, мы приложим все усилия к тому, чтобы различать как-то, так и другое.

Юристы, поставленные нами на втором месте, равнодушны к праву божественному и древней истории; они склонны разрешать все споры государей и народов на основании римских законов, иногда прибегая к канонам. Однако и для них неблагоприятные условия их времени были нередко препятствием к правильному пониманию этих законов, хотя они были достаточно проницательны в раскрытии природы справедливости и добра, вследствие чего они весьма часто являются отличными созидателями нового права, будучи лишь весьма плохими толкователями действующего права. Но к ним следует обращаться в особенности тогда, когда они приводят свидетельства существования таких обычаев, которые составляют современное право народов.

Третий разряд юристов, которые замыкаются в границах римского права и либо никогда, либо лишь слегка касаются вопросов общего права, едва ли имеют отношение к предмету нашего изучения. Утонченность схоластиков с познаниями в области законов и канонов сочетали оба испанца – Коваррувиас и Васкес; причем оба они не уклонялись и от изложения споров между народами и государями; из них первый делал это с большей свободой, а второй – с большей скромностью и не без верности суждения. Кроме того, привлекать историю к изучению законов стали французы, из числа которых наибольшую известность приобрели Боден и Готман, первый – своим цельным и последовательно изложенным трактатом, второй – разрешением различных частных вопросов; их заключения, как и соображения, дадут нам часто материал для отыскания истины. [...]

[...] Тот будет несправедливо судить обо мне, кто полагает, что я затрагиваю какие-либо жгучие современные вопросы, как уже возникшие, так и такие, возникновение которых возможно предвидеть. Ибо, откровенно признаюсь, что, говоря о праве, я отвлекался мыслью от всякого отдельного

факта, подобно математикам, которые рассматривают фигуры, отвлекаясь от тел. [...]

II.IX.LVII. Я воздерживаюсь касаться вопросов, принадлежащих к сфере других исследований, а именно того, как предпочтительнее поступать в различных обстоятельствах по соображениям целесообразности, ибо эти вопросы составляют предмет специальной науки – политики, которую Аристотель излагает совершенно особо, не примешивая к ней ничего постороннего; иначе поступает Воден, у которого эта наука сочетается с наукой нашего права. Однако в некоторых местах я упоминаю о том, что полезно, но лишь мимоходом, с тем чтобы провести яснее отличие этого вопроса от вопросов о справедливости [...].

VIII.2. Необходимо иметь в виду, что одна и та же искусственная вещь может иметь несколько форм; так, легион через одну форму управляется, посредством другой – сражается. Так же точно одну форму государства составляет союз права и власти, другую – взаимное отношение тех частей, которые правят, и тех, которыми управляют. Последняя интересует политика, первая – юриста. Это не укрылось от внимания Аристотеля, который указывает («Политика», кн. II, гл.3): «Следует или не следует уплачивать долги с изменением формы правления – это предмет иного исследования». Речь идет о другой отрасли науки, которую Аристотель не смешивает с политикой, дабы не впасть в ошибку, отмечаемую им у других и «состоящую в перескакивании от одного предмета исследования к другому».

Пролегомены. XVI [...]. То, что высказано не только Карнеадом, но и другими, а именно, что якобы «польза есть как бы мать правды и справедливости», строго говоря, – неверно, ибо мать естественного права есть сама природа человека, которая побуждала бы его стремиться ко взаимному общению, даже если бы мы не нуждались ни в чем; матерью же внутригосударственного права является самое обязательство, принятое по взаимному соглашению; а так как последнее получает свою силу от естественного права, то природа может слыть как бы прародительницей

внутригосударственного права. Однако к естественному праву присоединяется также польза, ибо по воле создателя природы мы, люди, в отдельности на самом деле беспомощны и нуждаемся во многих вещах для благоустроенного образа жизни, чтобы с тем большим усердием стремиться развивать совместную жизнь; польза же послужила поводом для возникновения внутригосударственного права, ибо как самое сообщество, о котором была речь, так и подчинение возникли и установлены ради какой-нибудь пользы. Оттого-то и те, кто предписывает законы другим, обычно тем самым преследуют какую-нибудь пользу, или, по крайней мере, должны ее преследовать [...].

XXII. Однако, чтобы уже более не возвращаться к сказанному, согласимся, что право существует не ради одной только пользы [...].

I.I.XIV. Деление права человеческого на внутригосударственное, на право в более тесном и широком смысле по сравнению с внутригосударственным; последнее есть право народов. Разъяснение и доказательство его существования.

1. [...] Право внутригосударственное есть то, которое исходит от гражданской власти. Власть гражданская господствует в государстве. Государство же есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы [...].

I.III.VII. Что есть верховная власть.

1. Верховной же властью называется такая власть, действия которой не подчинены иной власти и не могут быть отменены чужой властью по ее усмотрению. Говоря «чужая» власть, я исключаю того, кому принадлежит верховная власть и кому предоставлено изменять свою волю, равно как и его преемника, который пользуется таким же правом, а стало быть, и той же, а не иной властью. Такова сущность верховной власти; а теперь следует выяснить, кто же является ее носителем. Носитель может быть или в общем, или же в собственном смысле; подобно тому как общий носитель тела есть тело, собственный же – есть глаз, так общим носителем верховной власти является государство, названное выше «совершенным союзом».

I. Право естественное не отвергает войны, что доказывается следующими основаниями:

1. Исследовав источники права, перейдем к первому и главнейшему вопросу, а именно: может ли какая-либо война быть справедливой, или, иными словами, дозволено ли когда-либо воевать. Самый этот вопрос и другие, следующие за ним, должны быть выведены из самой природы. Марк Тулий Цицерон как в книге третьей «О границах добра и зла», так равно и в других местах сообщает, основываясь на сочинениях стоиков, что существуют некие первичные побуждения природы, именуемые так по-гречески (Авл Геллий, XII, гл. 5), а также некоторые вторичные, но заслуживающие даже предпочтения перед первичными. Он называет первичными побуждения природы, например, то, что живое существо немедленно же после своего рождения дорожит собой, заботится о собственном самосохранении и собственном благосостоянии, а также о том, что способствует сохранению его благосостояния: с другой стороны, оно стремится избежать гибели и всего, что, по-видимому, может причинить гибель. Оттого-то, по его словам, нет никого, кто бы не предпочел хорошо развитые и здоровые члены тела искалеченным и вывихнутым; и, стало быть, первая обязанность состоит в том, чтобы каждый сохранял свое естество и вместе с тем соблюдал все, согласное с природой, и избегал бы всего, противного ей [...].

4. Самые первые побуждения природы ничуть не противоречат войне, даже напротив, скорее ей благоприятствуют. Самая цель войны – сохранение в неприкосновенности жизни и членов тела, сохранение и приобретение вещей, полезных для жизни, – вполне соответствует первым побуждениям природы; и если ради этого окажется необходимым прибегнуть к силе, то это никоим образом не противоречит первым побуждениям природы, поскольку даже отдельные животные наделены от природы достаточными силами и средствами, чтобы обеспечить себе самосохранение [...].

5. Здравый же разум и природа общества, привлекаемые нами к исследованию на втором, хотя и более почетном месте, воспевают применение

не всякого насилия, но только того, которое несовместимо с самим обществом, то есть которое нарушает чужое право [...].

6. Следовательно, предусмотрительность и заботы о самих себе не противоречат природе общества, пока не нарушается этим чужое право, и оттого сила, не нарушающая чужого права, – законна. То же Цицерон выражает таким образом: «Так как существует два способа разрешения споров: один – путем спокойного рассмотрения, а другой – силой, и так как первый способ свойствен людям, а последний – диким зверям, то к последнему способу следует прибегать лишь в том случае, если нет возможности воспользоваться первым». Он же в другом месте, в письме к родственникам (XII, 3), говорит: «Можно ли противодействовать насилию иначе как силой?» У Ульпиана читаем: «Кассий пишет, что силу следует отражать силой. Это право обеспечено самой природой; отсюда, по его словам, по-видимому, следует, что вооруженную силу дозволено отражать такой же силой» (L. I vim vi. D. de vi et vi armata). У Овидия же сказано: «Войско поднять против войска правом дозволено всем».

II. Историей:

1. Все приводимое нами в доказательство того, что не всякая война противоречит естественному праву, полнее всего подтверждается священной историей. Ибо, когда Авраам, вооружившись со своими слугами и союзниками, одержал победу над четырьмя царями, разграбившими Содом, Господь одобрил это деяние устами своего первосвященника Мелхиседека. Мелхиседек так обращается к Аврааму: «Да будет хвала Господу всевышнему, предавшему врагов твоих в руки твои» (кн. Бытия, XIV,20). Авраам же, как видно из истории, поднял оружие, не испросив на то особого разрешения Господа, полагаясь, таким образом, на естественное право и будучи мужем не только благочестивейшим, но и мудрейшим [...]. Более непосредственное отношение к нашему вопросу имеет то обстоятельство, евреи под предводительством Моисея и Иисуса Навина отразили оружием нападение амалекитян (Исход, XVII), чего до совершения этого дела Господь не разрешил, после совершения же одобрил.

2. Однако Бог предписал народу своему также общие и постоянные законы о способе ведения войны (Второзаконие, XX, 3,0, 15), тем самым показывая, что справедливая война может вестись даже без особого повеления; ибо он тут же прямо отделяет причину войны с семью племенами от причины войн с другими племенами; а так как он ничего не постановляет относительно справедливых причин ведения войны вообще, то тем самым он свидетельствует, что такие справедливые причины войны в достаточной мере очевидны по самой природе. Сюда относятся: охрана границ государства в войне Иеффая против аммонитян (кн. Судей, XI), случай насилия над послами в войне Давида против них же (II Самуил, X) [...].

III. Согласно мнению:

1. Сказанное нами подтверждается согласным общим мнением всех народов, в особенности же мудрецов. О насилии в целях самозащиты известно место у Цицерона в речи «В защиту Милона», где приводится свидетельство самой природы: «Таков не писанный, но прирожденный закон, которому мы не научились, которого не восприняли, не вычитали, но который позаимствовали, почерпнули, извлекли у самой природы, которому мы не обучены, но в соответствии с которым созданы; в котором не наставлены, но которым мы проникнуты, – закон, гласящий, что если наша жизнь подвергается опасности вследствие коварства или насилия вооруженной рукой со стороны разбойников или неприятеля, то любое средство избавления – дозволено. «Этот закон, – по словам того же автора, – внушает людям образованным, необходимость – варварам, обычай – народам, а сама природа предписывает диким животным любыми доступными средствами отражать всяческое насилие, грозящее нашему телу, существованию и жизни». Юрист Гай полагает: «Против угрожающей опасности естественный разум позволяет самозащиту». А юрист Флорентин говорит: «По праву выходит так, что все, предпринимаемое для защиты своего тела, признается правомерным» (L. Itaque D. ad 1. Aquil. L. ut vim D. de lust. Et iure).

Иосиф Флавий пишет: «Таков естественный закон, свойственный всем, а именно – стремление сохранить жизнь; поэтому же самому мы считаем врагами тех, кто имеет явное намерение лишить нас жизни» («Об иудейской войне», кн. III, гл. 25) [...].

IV. Доказательства того, что право народов не отвергает войны.

1. Что же касается того права естественного, которое может быть названо правом народов, то в достаточной мере известно, что далеко не всякая война заслуживает его неодобрения.

2. Право народов, установленное волею, а также законы и обычаи всех народов, как об этом свидетельствует история, отнюдь не осуждают войн. Гармогениан, напротив, утверждает даже, что войны как раз введены правом народов (L. Ex hoc iure. D. de iust. Et iure), однако это утверждение, по моему мнению, следует толковать несколько иначе, чем это обычно принято: именно в том смысле, что правом народов установлен некоторый особый способ ведения войн, откуда проистекают и особые последствия, обусловленные свойствами права народов. Отсюда возникает различие, которым нам придется воспользоваться в дальнейшем, а именно – различие справедливой войны в полном смысле слова и войны, не имеющей столь торжественного характера, но тем не менее не утрачивающей совершенно характера справедливой, то есть сообразной с правом, войны. Ибо такие неторжественные войны, возникающие по справедливому поводу, право народов не освящает, хотя оно и не противится им, как это будет разъяснено далее. «Правом народов, – полагает Тит Ливий, (кн. XLIII), – устроено так, что вооруженную силу следует отражать вооруженной силой». А Флорентин утверждает, что в силу права народов мы должны отражать насилия и обиды ради сохранения нашего тела (L. ut vim. D. iust. Et iure)...

X. Отрицательное решение вопроса подкрепляется общественным авторитетом церкви, согласно общим мнениям и давним обычаям:

1. Теперь, в подтверждение наших мнений, напомним, во-первых, что нет недостатка в авторах, и даже наиболее древних, полагавших, что христианам

может быть дозволено как вынесение смертных приговоров, так и в равной мере и ведение войн, законность которых зависит от оправдания смертной казни. Так, например, по словам Климента Александрийского, если христианин призывается к верховной власти, то подобно Моисею, он должен быть живым законом для своих подданных, награждая добрых и карая злых. А в другом месте, изображая внешность христианина, он говорит, что ему приличествует ходить босиком, если только он не носит воинского звания. В постановлениях, носящих имя Климента, римлянина (кн. VII гл. III), мы читаем: «Не всякое, однако, лишение жизни воспрещено, но только лишение жизни неповинного. Справедливое же лишение жизни тем не менее предоставлено одним только должностным лицам».

2. Однако, отложив в сторону мнения частных лиц, обратимся к самой господствующей церкви, постановления которой имеют наибольший вес. Итак, я утверждаю, что иногда лицам, носившим воинское звание, не было ни отказа в крещении, ни отлучения от церкви; между тем так следовало поступать и действительно поступали бы, если бы воинство было несовместимо с заповедями Нового Завета.

I.III.VIII. Опровержение мнения, согласно которому верховная власть всегда принадлежит народу. Разбор доводов в пользу последнего мнения.

1. Однако здесь же следует, во-первых, отвергнуть мнение тех, которые полагают, что верховная власть всюду и без изъятия принадлежит народу, так что государей, которые злоупотребляют своей властью, следует низлагать и карать; это мнение, проникнув в глубину души, послужило и может послужить еще в дальнейшем причиной столь многих бедствий, что не может укрыться от каждого одаренного разумом. Мы, со своей стороны, намерены опровергнуть это мнение следующими доводами. Каждый человек волен отдаться кому угодно в личную зависимость – это явствует как из еврейского (Исход, XXI, 6), так и из римского закона (*Instit. de iure pers. § Servi autem*; Авл Геллий, кн. II, гл. VII). Так разве же не волен свободный народ также подчиняться кому угодно, одному или же нескольким лицам, перенеся таким образом на них целиком власть управления собой и не сохранив за собой ни малейшей доли этой власти? [...].

2. И подобно тому как существуют различные образы жизни, причем один предпочтительнее другого, и каждый волен выбирать людей из множества различных родов, так и народ может избрать любой образ правления; ибо тот или иной правопорядок следует оценивать не с точки зрения преимуществ его формы, о чем суждения людей весьма расходятся, но с точки зрения осуществления в нем воли людей.

3. Причин же, почему народ может предпочесть отказаться целиком от верховной власти и передать ее другому, может быть великое множество, в частности, если доведенный до крайней опасности народ не имеет возможности найти иной способ защититься или же если угнетаемый нуждой не в состоянии иначе добыть достаточные средства существования [...].

4. К этому нужно добавить, что подобно тому как, по словам Аристотеля, некоторые люди от природы – рабы, то есть наиболее приспособлены к рабскому состоянию, так точно и некоторые народы по свойственному им образу мыслей предпочитают лучше подчиняться, нежели господствовать [...].

5. Многих могли воодушевить примеры народов, довольно счастливо живших в продолжение многих веков под царской властью. По словам Ливия, города под властью Эвмена не склонны были променять свою судьбу на участь свободных гражданских общин (кн. XLII). Иногда же встречается и такой государственный порядок, который, по-видимому, может сохраниться в безопасности не иначе, как под верховной властью одного лица; многим благомыслящим людям казалось таким римское государство в эпоху цезаря Августа. По этим, как и по иным сходным, причинам людям не только возможно, но даже следует подчиняться власти и могуществу другого лица, что отмечает, и Цицерон в книге второй своего трактата «Об обязанностях» [...]

8. Во всяком случае, существуют цари, которые не подчинены постановлениям народа, даже взятого в целом; об этом свидетельствуют как священная, так и гражданская история [...]

13. Опровержение доводов, приводимых в защиту противоположного мнения, не представляет затруднения. Ибо, во-первых, утверждение, что тот, кем

кто-либо назначается на должность, есть начальник назначенного лица, верно лишь в таком государственном устройстве, действие которого находится в постоянной зависимости от воли учредителя, но не в таком устройстве, которое лишь вначале зависит от воли учредителей, в дальнейшем же действует в силу необходимости, подобно тому, как, например, женщина сама берет себе мужа, которому она обязана уже навсегда подчиняться. Император Валентиниан так ответил солдатам, избравшим его императором и просившим у него того, на что он не был склонен дать согласия: «Избрать меня вашим императором, солдаты, было в вашей власти, но после того, как вы меня избрали, то, чего вы требуете, зависит не от вашего, но от моего произвола. Вам в качестве подданных надлежит повиноваться, мне же следует соображать о том, как мне действовать» (Созомен, «Церковная история», кн. XVI) [...].

14. Другой довод заимствуется из изречения философов, что всякое правительство учреждено ради тех, кем управляют, а не ради тех, кто управляет: оттого, как полагают, из достоинства самой цели следует, что управляемые выше правителей. Однако положение о том, что всякое правительство учреждено ради тех, кем оно управляет, не есть всеобщая истина, ибо некоторые правительства сами по себе существуют ради правителя, как, например, правление хозяина, при котором польза раба – чужда и случайна для хозяйства, подобно тому, как выгода врача не имеет никакого отношения к самому врачеванию. Другие виды властвования имеют в виду взаимную пользу, как, например, власть мужа над женой.

Так и некоторые государства могут быть учреждены ради пользы царя, в частности, государства, возникшие путем завоевания, но тем не менее не заслуживающие названия тиранических, так как тирания, в современном смысле слова, включает насилие. Некоторые формы правления могут преследовать пользу как правительства, так и подвластных, например, если народ, не способный к самообороне, избирает для самозащиты могущественного царя. Впрочем, я не отрицаю того, что в большинстве государств целью самой по себе является польза самих подвластных; верно и то, что сказано Цицероном вслед за

Геродотом, а Геродотом вслед за Гесиодом, а именно, что цари установлены для осуществления справедливости. Но не столь последовательно возражение иных, будто народы господствуют над царями, ибо ведь, и опека установлена ради подопечных; и тем не менее опека есть право и власть над последними. Несостоятельно также возражение некоторых о том, что, подобно тому, как опекун, плохо заведующий делами подопечного, может быть смещен, такое же право должно существовать по отношению к царю. Ибо право смещения опекуна вытекает из того, что последний имеет над собой начальство, тогда как в государствах, поскольку невозможен регресс и бесконечность, всегда оказывается, наконец, такое лицо или совет, об ошибках которых ввиду отсутствия над ними высшего судьи имеет особое попечение, по его собственному свидетельству, сам Господь, так что он или их наказывает, если найдет необходимым, или же терпит в наказание или для испытания самого народа (Иеремия, XXV, 12).

15. Удачнее всего сказано у Тацита: «Подобно тому, как вы переносите засуху и чрезмерные ливни, и прочие стихийные бедствия, так точно переносите расточительность и скупость правящих. Пороки будут существовать, пока на свете будут люди; но зло не беспрерывно и от времени до времени возмещается добром» («История», IV, 74). А по словам Марка Аврелия, должностные лица судят частных лиц, государи судят должностных лиц, а Бог судит государей...

IX. Опровержение мнения, согласно которому король и народ находятся в постоянной взаимной зависимости.

1. Другие измышляют взаимное подчинение царя и народа, так что народ в целом обязан повиноваться праведно правящему царю, а если царь плохо правит, то он подчиняется народу. Если бы сторонники этого мнения говорили, что не следует ради власти государя совершать что-либо заведомо предосудительное, то их положение было бы верно и согласовано с мнением всех добрых людей, но это не подразумевает ни малейшего права на принуждение, никакого-либо права верховенства. Поэтому, если бы даже какому-нибудь народу вздумалось разделить свою власть с царем (о чем будет сказано

несколько ниже), то, конечно, взаимные границы власти обоих следовало бы установить таким образом, чтобы их можно было распознать в соответствии с разнообразием условий места, лиц и самих дел.

2. Критерий добросовестности или же злонамеренности самих действий, в особенности же в делах гражданских, представляющих большую сложность при разбирательстве, не годится для выяснения прав сторон, потому что неизбежна великая путаница при расследовании одного и того же дела вследствие вмешательства, с одной стороны, государя, с другой – народа, считающих себя компетентными решить вопрос о добросовестности или злонамеренности деяния. Создать такой беспорядок в делах не придет в голову ни одному из известных мне народов.

Источник: Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

ТОМАС ГОББС

Томас Гоббс (1588–1679) – великий английский философ и политический деятель. Создатель всеобъемлющей политико-правовой концепции раннебуржуазного типа.

Основные произведения: «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского», «О гражданине».

ЛЕВИАФАН, ИЛИ МАТЕРИЯ, ФОРМА И ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА ЦЕРКОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО

[...] Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо, хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее другого, однако если рассмотреть все вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы один человек,

основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, на которое другой не мог бы претендовать с таким же правом. [...]

[...] Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение наших целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. [...]

[...] Из этого взаимного недоверия людей нет более разумной пути для человека к обеспечению своей жизни, как принятие предупредительных мер, т.е. силой или хитростью держать в узде всех, кого он может, до тех пор, пока не убедится, что нет другой силы, достаточно внушительной, чтобы быть для него опасной. [...]

[...] Мало того, там, где нет власти, способной держать в подчинении всех, люди не испытывают никакой радости (а напротив, значительную горечь) от жизни в обществе... Таким образом, мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы. [...]

[...] Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех. [...]

[...] Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места. Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости. Сила и коварство являются на войне двумя кардинальными добродетелями. Справедливость и несправедливость не являются ни телесными, ни умственными способностями. [...]

Естественное право, называемое обычно писателями *jus naturale*, есть естественная свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т.е.

собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению и разумению, является наиболее подходящим для этого средством.

Под свободой, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом.

Естественный закон (*lex naturalis*) есть предписание или найденное разумом общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению, и упускать то, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни. [...]

[...] Право состоит в свободе делать или не делать, между тем как закон определяет и обязывает к тому или другому члена этой альтернативы, следовательно, закон и право различаются между собой, так же как обязательство и свобода, которые несовместимы в отношении одной и той же вещи.

Так как состояние человека (как было указано к предыдущей главе) есть состояние войны всех против всех, когда каждый управляется своим собственным разумом... Следовательно, предписание, или общее правило, разума гласит, что всякий человек должен добиваться мира, поскольку у него есть надежда достигнуть его; если же он не может его достигнуть, то он может использовать любые средства, дающие преимущество на войне. [...]

[...] От основною естественного закона, согласно которому люди должны стремиться к миру, происходит другой закон, гласящий, что в случае согласия на то других человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим моим, какую он допустил бы у других людей по отношению к себе. [...]

[...] Отказаться от человеческого права на что-нибудь – значит лишиться свободы препятствовать другому пользоваться выгодой от права на то же самое.

Ибо тот, кто отрекается или отступает от своего права, не дает этим ни одному человеку права, которым последний не обладал бы ранее, так как от природы все люди имеют право на все. Отказаться от своего права означает лишь устранить с пути другого, с тем чтобы не препятствовать ему в использовании его первоначального права, но не с тем, чтобы никто другой не препятствовал ему. [...]

[...] В самом деле, такое отречение, или отчуждение, является добровольным актом, а целью добровольного акта всякого человека является какое-нибудь благо для себя. Вот почему имеются некоторые права, о которых нельзя полагать, чтобы кто-нибудь мог уступить их или передать словами или знаками. Прежде всего, человек не может отказаться от права оказать сопротивление тем, кто нападает на него с целью лишить его жизни, ибо нельзя думать, чтобы он надеялся приобрести таким путем какое-нибудь благо для себя... И наконец, мотивом и целью при отречении от права, или отчуждении его, является гарантия безопасности человеческой личности, т.е. сохранение жизни и обеспечение средств такого сохранения жизни, при котором последняя не стала бы утомительной... Взаимное перенесение права есть то, что люди называют договором. [...]

[...] Может быть и так, что одна из сторон вручает вещь, предоставить которую она обязана по договору, и позволяет другой стороне выполнить обязательства к определенному, более позднему сроку, оставаясь в промежутке ее должником, и тогда участие первой стороны в договоре называется соглашением, или обе стороны могут договориться сразу о том, что их взаимные обязательства будут выполнены после... Когда перенесение права не взаимно, а лишь одна из сторон переносит свое право на другую сторону в надежде приобрести этим дружбу или какую-нибудь услугу от нее, или ее друзей, или в надежде приобрести славу милосердного и великодушного человека, или освободить душу от тяжелого чувства сострадания... тогда это перенесение права является не договором, а даром. [...]

[...] Тог, кто переносит какое-нибудь право, переносит также, поскольку это в его власти, и средства использования этого права. [...]

[...] Из того естественного закона, в силу которого мы обязаны переносить на другого те права, сохранение которых мешает водворению мира среди людей, вытекает третий естественный закон, именно тот, что люди должны выполнять заключенные ими соглашения, без чего соглашения не имеют никакой значения и являются лишь пустыми звуками, а раз при этом остается право всех на все, то люди продолжают находиться в состоянии войны.

В этом естественном законе заключаются источники и начало справедливости. Ибо там, где не имело места предварительное заключение договора, не было перенесено никакое право и каждый человек имеет право на все, и, следовательно, никакое действие не может быть несправедливым. Определением же несправедливости является не что иное, как невыполнение договора. А все, что не несправедливо, справедливо. [...]

[...] Таким образом, там, где нет собственного, т.е. собственности, нет несправедливости, а там, где нет организованной принудительной власти, т.е. где нет государства, нет собственности, ибо там все имеют право на все. Поэтому там, где нет государства, нет несправедливости. Природа справедливости, таким образом, состоит в выполнении соглашений, имеющих обязательную силу, необязательная сила соглашений начинается лишь с установления гражданской власти, достаточно сильной, чтобы принудить людей к выполнению своих соглашений, с чем совпадает также начало собственности. [...]

[...] Справедливые поступки определяют людей не как справедливых, а как невиновных, а несправедливые поступки (называемые также правонарушениями) – лишь как виновных. [...]

[...] Пусть имеется какое угодно множество людей, однако если каждый из них будет руководствоваться в своих действиях лишь частными суждениями и стремлениями, то такое общество не может ожидать защиты и покровительства ни от общего врага, ни от несправедливостей, причиненных друг другу. [...]

[...] Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. [...]

[...] Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты.

Тот, кто является носителем этого лица, называется сувереном, и о нем говорят, что он обладает верховной властью, а всякий другой является его подданным... Из этого установления государства производятся все права и способности того или тех, на кого соглашением собравшегося народа перенесена верховная власть. [...]

[...] Свободный человек — тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать. [...]

[...] Под гражданскими законами я понимаю законы, которые люди обязаны соблюдать не как члены того или другого конкретного государства, а как члены государства вообще. Ибо частные законы надлежит знать тем, кто занимается изучением законов различных стран, но гражданский закон вообще надлежит знать любому. Древнее право Рима называлось гражданским правом

от слова *civitas*, означающего государство... В соответствии с этим я определяю гражданское право следующим образом. Гражданским правом являются для каждого подданного те правила, которые государство устно, письменно или при помощи других достаточно ясных знаков своей воли предписало ему, дабы он пользовался ими для различения между правильным и неправильным, т.е. между тем, что согласуется, и тем, что не согласуется с правилом. [...]

[...] Законодателем во всех государствах является лишь суверен, будь то один человек, как в монархии, или собрание людей, как в демократии или аристократии... Суверен государства, будь то один человек или собрание, не подчинен гражданским законам... Когда долгая практика получает силу закона, то эта сила обусловлена не продолжительностью времени, а волей суверена, сказывающейся в его молчании (ибо молчание есть иногда знак согласия), и эта практика является законом лишь до тех пор, пока суверен молчит... Естественный и гражданский законы совпадают по содержанию и имеют одинаковый объем. Ибо естественные законы, заключающиеся в беспристрастии, справедливости, признательности и других вытекающих отсюда моральных качествах, в естественном состоянии являются не законами в собственном смысле слова, а лишь качествами, располагающими людей к миру и повиновению. И лишь по установлении государства, а не раньше они становятся действительно законом, ибо тогда они становятся приказаниями государства, а потому также и гражданскими законами, в силу того, что верховная власть обязывает людей повиноваться им. [...]

[...] Из того, что закон есть приказание, а приказание состоит в изъятии или проявлении в устной, письменной или какой-нибудь другой форме воли того, кто приказывает, мы можем заключить, что приказание государства является законом лишь для тех, кто способен понимать его. [...]

Источник: Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – Москва: Соцэкгиз, 1936 г. – 503 с.

ДЖОН ЛОКК

Джон Локк (1632—1704) – английский просветитель, философ, политический деятель, идеолог «славной революции» 1688 г.

Основные произведения: «Опыт о человеческом разумении», «Два трактата о правлении», «Опыт о веротерпимости».

ДВА ТРАКТАТА О ПРАВЛЕНИИ

[...] Итак, политической властью я считаю право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и соответственно все менее строгие меры наказания для регулирования и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне – и все это только ради общественного блага. [...]

[...] Для правильного понимания политической власти и определения источника ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это – состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли.

Это также состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, — никто не имеет больше другого. [...]

[...] Но хотя это есть состояние свободы, это тем не менее не состояние своеволия... Естественное состояние имеет закон природы, которым оно управляется и который обязателен для каждого; и разум, который является этим законом, учит всех людей, которые пожелают с ним считаться, что, поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого. [...]

[...] Проведение в жизнь закона природы в этом состоянии находится в руках каждого человека, вследствие чего каждый обладает правом наказания нарушителей этого закона в такой степени, в какой это может воспрепятствовать

его нарушению. Ведь закон природы оказался бы, как и все другие законы, касающиеся людей в этом мире, бесполезным, если бы в этом естественном состоянии никто не обладал властью проводить в жизнь этот закон и тем самым охранять невинных и обуздывать нарушителей... Ибо в этом состоянии полнейшего равенства, где, естественно, нет никакого превосходства и юрисдикции одного над другим, то, что один может сделать во исполнение этого закона, должен по необходимости иметь право сделать каждый. [...]

[...] Поскольку все государи и правители независимых государств во всем мире находятся в естественном состоянии, то совершенно очевидно, что никогда не было и даже не будет такого положения, когда множество людей в мире не находилось бы в этом состоянии... Люди могут давать друг другу обязательства и заключать другие соглашения и все же оставаться по-прежнему в естественном состоянии. [...]

[...] Естественная свобода человека заключается в том, что он свободен от какой бы то ни было стоящей выше его власти на земле и не подчиняется воле или законодательной власти другого человека, но руководствуется только законом природы. Свобода человека в обществе заключается в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием... Свобода людей в условиях существования системы правления заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нем; это – свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека, в то время как естественная свобода заключается в том, чтобы не быть ничем связанным, кроме закона природы.[...]

[...] Но поскольку ни одно политическое общество не может ни быть, ни существовать, не обладая само правом охранять собственность и в этих целях наказывать преступления всех членов этого общества, то политическое общество налицо там, и только там, где каждый из его членов отказался от этой естественной власти, передав ее в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом. [...]

[...] Абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может вообще быть формой гражданской правления. Ведь цель гражданского общества состоит в том, чтобы избегать и возмещать те неудобства естественного состояния, которые неизбежно возникают из того, что каждый человек является судьей в своем собственном деле... В тех случаях, когда существуют какие-либо лица, не имеющие такого органа, к которому они могли бы обратиться для разрешения каких-либо разногласий между ними, эти лица все еще находятся в естественном состоянии. И в таком состоянии находится каждый абсолютный государь в отношении тех, кто ему подвластен. [...]

[...] Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и надевает на себя узы гражданского общества, — это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо, не являющийся членом общества... Когда какое-либо число людей, таким образом, согласилось создать сообщество или государство, то они тем самым уже объединены и составляют единый политический организм, в котором большинство имеет право действовать и решать за остальных. [...]

[...] Между тем тот, кто однажды посредством фактического соглашения и какого-либо явного волеизъявления дал свое согласие являться членом какого-либо государства, обязан вечно и неизменно быть и оставаться подданным этого

государства и никогда снова не может пользоваться свободой естественного состояния, если только в результате какого-либо бедствия правительство, которому он подчиняется, не распадается или если оно посредством какого-либо публичного акта не лишает его права оставаться в дальнейшем членом этого общества. [...]

[...] Поэтому-то великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности. А для этого в естественном состоянии не хватает многого.

Во-первых, не хватает установленного, определенного, известного закона, который был бы признан и допущен по общему согласию в качестве нормы справедливости и несправедливости и служил бы тем общим мерилom, при помощи которого разрешались бы между ними все споры... Во-вторых, в естественном состоянии не хватает знающего и беспристрастного судьи, который обладал бы властью разрешать все затруднения в соответствии с установленным законом... В-третьих, в естественном состоянии часто недостает силы, которая могла бы подкрепить и поддержать справедливый приговор и привести его в исполнение. [...]

[...] Таким образом, люди, несмотря на все преимущества естественного состояния, находятся в скверных условиях, пока они в нем пребывают, и быстро вовлекаются в общество... Неудобства, которым они при этом подвергаются в результате беспорядочного и ненадежного применения власти, которой обладает каждый человек для наказания проступков других, вынуждают их искать убежища под сенью установленных правительством законов, и здесь они стремятся найти сохранение своей собственности. Именно это побуждает их столь охотно отказываться от того индивидуального права на наказание, которым обладает каждый, для того чтобы оно осуществлялось только тем из них, кто будет назначен на это, и посредством тех законов, о которых согласятся сообщество или уполномоченные на то лица. И вот это-то и является первоначальным правом и источником как законодательной, так и исполнительной власти, а равно и самих правительств, и обществ. [...]

[...] Власть общества или созданного людьми законодательного органа никогда не может простираться далее, нежели это необходимо для общего блага; эта власть обязана охранять собственность каждого, не допуская тех трех неудобств, о которых говорилось выше и которые делали естественное состояние столь небезопасным и ненадежным. И кто бы ни обладал законодательной или верховной властью в любом государстве, он обязан править согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным народу, а не путем импровизированных указов; править с помощью беспристрастных и справедливых судей, которые должны разрешать споры посредством этих законов, и применять силу сообщества в стране только при выполнении таких законов, а за рубежом – для предотвращения вреда или для получения возмещения за него и для охраны сообщества от вторжений и захватов. И все это должно осуществляться ни для какой иной цели, но только в интересах мира, безопасности и общественной блага народа. [...]

[...] Форма правления зависит от того, у кого находится верховная власть, которая является законодательной (невозможно предположить, чтобы низшая власть предписывала высшей или чтобы кто бы то ни было, кроме верховной власти, издавал законы); в соответствии с этим форма государства определяется тем, у кого находится законодательная власть.

Под государством я все время подразумеваю не демократию или какую-либо иную форму правления, но любое независимое сообщество. [...]

[...] Первым и основным положительным законом всех государств является установление законодательной власти; точно так же первым и основным естественным законом, которому должна подчиняться сама законодательная власть, является сохранение общества и (в той мере, в какой это будет совпадать с общественным благом) каждого члена общества. Эта законодательная власть является не только верховной властью в государстве, но и священной и неизменной в руках тех, кому сообщество однажды ее доверило. И ни один указ кого бы то ни было, в какой бы форме он ни был задуман и какая бы власть его ни поддерживала, не обладает силой и обязательностью закона, если он не

получил санкции законодательного органа, который избран и назначен народом. [...]

[...] Вот те пределы, которые полномочия, данные обществом, и закон бога и природы установили для законодательной власти всякого государства, во всех формах правления.

Во-первых, они должны управлять посредством опубликованных установленных законов, которые не должны меняться в каждом отдельном случае, напротив, должен существовать один закон для богатого и бедного, для фаворита при дворе и для крестьянина за плугом.

Во-вторых, эти законы должны предназначаться ни для какой иной конечной цели, кроме как для блага народа.

В-третьих, они не должны повышать налоги на собственность народа без согласия народа, данного им самим или через его представителей. И это собственно касается только таких государств, где законодательный орган действует непрерывно или, по крайней мере, где народ не сохранил какую-то часть законодательной власти за депутатами, которые время от времени избираются им самим.

В-четвертых, законодательный орган не должен и не может передавать законодательную власть кому-либо другому или передоверять ее кому-либо, кроме как тем, кому ее доверил народ. [...]

[...] Законодательная власть – это та власть, которая имеет право указывать, как должна быть употреблена сила государства для сохранения сообщества и его членов... Вот почему в хорошо устроенных государствах, где благо целого принимается во внимание так, как это должно быть, законодательная власть передается в руки различных лиц, которые, собравшись должным образом, обладают сами или совместно с другими властью создавать законы; когда же они это исполнили, то, разделившись вновь, они сами подпадают под действие тех законов, которые были ими созданы; это для них новая и непосредственная обязанность, которая побуждает их следить за тем, чтобы они создавали законы для блага общества. [...]

[...] Необходимо, чтобы все время существовала власть, которая следила бы за исполнением тех законов, которые созданы и остаются в силе. И, таким образом, законодательную и исполнительную власть часто надо разделять.

Существует еще одна власть в каждом государстве, которую можно назвать природной, так как она соответствует той власти, которой по природе обладал каждый человек до того, как он вступил в общество. [...]

[...] Хотя в конституционном государстве, опирающемся на свой собственный базис и действующем в соответствии со своей собственной природой, т.е. действующем ради сохранения сообщества, может быть всего одна верховная власть, а именно законодательная, которой все остальные подчиняются, и должны подчиняться, все же законодательная власть представляет собой лишь доверенную власть, которая должна действовать ради определенных целей, и поэтому по-прежнему остается у народа верховная власть устранять или заменять законодательный орган, когда народ видит, что законодательная власть действует вопреки оказанному ей доверию... И таким образом, можно сказать, что в этом отношении сообщество всегда представляет собой верховную власть, но его нельзя считать таковой при наличии какой-либо формы правления, так как эта власть народа не может осуществляться до тех пор, пока не распущено правительство. [...]

Источник: Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.

ЖАН-ЖАК РУССО

Жан-Жак Руссо (1712–1778 гг.) – выдающийся философ-просветитель, политический мыслитель, писатель Франции XVIII века. Руссо предлагает принцип народного суверенитета.

Основные произведения: «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755); «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762).

РАССУЖДЕНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ОСНОВАНИЯХ НЕРАВЕНСТВА МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

Начнем с того, что отбросим все факты, ибо они не имеют никакого касательства к данному вопросу. Мы должны принимать результаты разысканий, которые можно провести по этому предмету, не за исторические истины, но лишь за предположительные и условные рассуждения, более способные осветить природу вещей, чем установить их действительное происхождение, и подобные тем предположениям, которые постоянно высказывают об образовании мира наши натуралисты.

Я старался показать происхождение и развитие неравенства, установление политических обществ и то дурное применение, которое они нашли, насколько все это может быть выведено из природы человека, с помощью одного лишь светоча разума и независимо от священных догматов, дающих верховной власти санкцию божественного права.

О чем же именно идет речь в этом Рассуждении? О том, чтобы указать в поступательном развитии вещей тот момент, когда право пришло на смену насилию и природа, следовательно, была подчинена Закону; объяснить, в силу какого сцепления чудес сильный мог решиться служить слабому, а народ – купить воображаемое спокойствие ценою действительного счастья.

Философы, которые исследовали основания общества, все ощущали необходимость восходить к естественному состоянию, но никому из них это еще не удавалось. Одни не колебались предположить у человека в этом состоянии понятие о справедливом и несправедливом, не позаботившись показать ни того, должен ли он был иметь такое понятие, ни даже того, было ли оно для него полезно. Другие говорили о естественном праве каждого на сохранение того, что ему принадлежит, не объясняя, что понимают они под словом принадлежать. Третьи, наделив сперва более сильного властью над более слабым, немедленно создали Управление, не думая о том, что должно было пройти некоторое время, прежде чем слова «власть» и «управление» получили понятный для людей

смысл. Наконец, все, беспрестанно говоря о потребностях, жадности, угнетении, желаниях и гордости, перенесли в естественное состояние представления, которые они взяли в обществе: они говорили о диком человеке, а изображали человека в гражданском состоянии.

Первый, кто огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!» Но очень похоже на то, что дела пришли уже тогда в такое состояние, что не могли больше оставаться в том же положении. Ибо это понятие – «собственность», зависящее от многих понятий, ему предшествовавших, которые могли возникать лишь постепенно, не сразу сложилось в человеческом уме [...].

[...] Самые могущественные или самые бедствующие обратили свою силу или свои нужды в своего рода право на чужое имущество, равносильное в их глазах праву собственности, и за уничтожением равенства последовали ужаснейшие смуты; так, несправедливые захваты богатых, разбои бедных и разнузданные страсти и тех и других, заглушая естественную сострадательность и еще слабый голос справедливости, сделали людей скупыми, честолюбивыми и злыми. Начались постоянные столкновения права сильного с правом того, кто пришел первым, которые могли заканчиваться лишь сражениями и убийствами. Нарождающееся общество пришло в состояние самой страшной войны: человеческий род, погрязший в пороках и отчаявшийся, не мог уже ни вернуться назад, ни отказаться от злосчастных приобретений, им сделанных; он только позорил себя, употребляя во зло способности, делающие ему честь, и сам привел себя на край гибели [...].

Люди не могли в конце концов не задуматься над этим столь бедственным положением и над несчастиями, на них обрушившимися. Богатые в особенности

должны были вскоре почувствовать, насколько невыгодна для них эта постоянная война... Впрочем, какой благовидный вид они ни придавали бы своим захватам, они понимали достаточно хорошо, что последние основываются лишь на шатком и ложном праве; и раз то, что было ими захвачено, они приобрели лишь с помощью силы, то силою же можно было это у них отнять, причем у них не было никаких оснований на это жаловаться [...]. Не имея веских доводов, чтобы оправдаться, и достаточных сил, чтобы защищаться; легко одолевая отдельного человека, но сам одолеваемый разбойничьими шайками; один против всех, ибо, по причине взаимной зависти, он не мог объединиться с равными ему, чтобы бороться с врагами, объединенными общею надеждою на удачный грабеж, – богатый составил, наконец, под давлением необходимости наиболее обдуманной из всех планов, которые когда-либо зарождались в человеческом уме: обратить себе на пользу самые силы тех, кто на него нападал, превратить своих противников в своих защитников, внушить им иные принципы и дать им иные установления, которые был бы для него настолько же благоприятны, сколь противоречило его интересам естественное право.

С этой целью, показав предварительно своим соседям все ужасы такого состояния, которое вооружало их всех друг против друга, делало для них обладание имуществами столь же затруднительным, как и удовлетворение потребностей; состояния, при котором никто не чувствовал себя в безопасности, будь он беден или богат, – он легко нашел доводы, на первый взгляд убедительные, чтобы склонить их к тому, к чему он сам стремился. «Давайте объединимся, – сказал он им, – чтобы оградить от угнетения слабых, сдерживать честолюбивых и обеспечить каждому обладание тем, что ему принадлежит: давайте установим судебные уставы и мировые суды, с которыми все обязаны будут сообразоваться, которые будут нелицеприятны и будут в некотором роде исправлять превратности судьбы, подчиняя в равной степени могущественного и слабого взаимным обязательствам. Словом, вместо того чтобы обращать наши силы против себя самих, давайте соединим их в одну высшую власть, которая будет править нами, согласно мудрым законам, власть, которая будет оказывать

покровительство и защиту всем членам ассоциации, отражать натиск общих врагов и поддерживать среди нас вечное согласие».

Даже и подобной речи не понадобилось, чтобы увлечь грубых и легковверных людей, которым к тому же нужно было разрешить слишком много споров между собою, чтобы они могли обойтись без арбитров, и которые были слишком скупы и честолюбивы, чтобы они могли долго обходиться без повелителей. Все бросились прямо в оковы, веря, что этим они обеспечат себе свободу; ибо, будучи достаточно умны, чтобы постигнуть преимущества политического устройства, они не были достаточно искушенными, чтобы предвидеть связанные с этим опасности. Предугадать, что это приведет к злоупотреблениям, скорее всего, способны были как раз те, кто рассчитывал из этих злоупотреблений извлечь пользу, и даже мудрецы увидели, что надо решиться пожертвовать частью своей свободы, чтобы сохранить остальную, подобно тому, как раненый дает себе отрезать руку, чтобы спасти все тело.

Таково было или должно было быть происхождение общества и законов, которые наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства, превратили ловкую узурпацию в незыблемое право и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету...

Не вдаваясь сейчас в разыскания по вопросу о природе первоначального соглашения, лежащего в основе всякой Власти, я ограничусь тем, что, следуя общепринятому мнению, буду здесь рассматривать создание Политического организма как подлинный договор между народами и правителями, которых он себе выбирает, договор, по которому обе стороны обязуются соблюдать законы, в нем обусловленные и образующие связи их союза [...].

Источник: Руссо Ж.Ж. Трактаты. Серия: Литературные памятники // В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаятин. – М.: Наука, 1969 г. – 703 с.

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ, ИЛИ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАВА

Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах [...].

Раз ни один человек не имеет естественной власти над себе подобными и поскольку сила не создает никакого права, то выходит, что основой любой законной власти среди людей могут быть только соглашения [...].

Я полагаю, что люди достигли того предела, когда силы, препятствующие им оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидуум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии. Тогда это изначальное состояние не может более продолжаться, и человеческий род погиб бы, не измени он своего образа жизни.

Однако, поскольку люди не могут создавать новых сил, а могут лишь [...] направлять силы, уже существующие, то у них нет иного средства самосохранения, как, объединившись с другими людьми, образовать сумму сил, способную преодолеть противодействие, подчинить эти силы одному движителю и заставить их действовать согласно [...].

[...] Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого.

Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создаст условное коллективное целое, состоящее из стольких членов, сколько голосов насчитывает общее собрание. Это Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю. Это лицо юридическое, образующееся, следовательно, в результате объединения всех других некогда именовалось Гражданскою общиной, ныне же именуется Республикою, или Политическим организмом: его члены называют этот Политический организм Государством, когда он пассивен, Сувереном, когда он активен, Державою – при сопоставлении его с ему подобными. Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя народа [...].

[...] Сведем весь этот итог к легко сравнимым между собой положениям. По Общественному договору человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем обладает. Чтобы не ошибиться в определении этого возмещения, надо точно различать естественную свободу, границами которой является лишь физическая сила индивидуума, и свободу гражданскую, которая ограничена общей волей, а также различать обладание, представляющее собой лишь результат применения силы или право того, кто пришел первым, и собственность, которая может основываться лишь на законном документе [...].

[...] Поскольку по Общественному договору все граждане равны, то все могут предписывать то, что все должны делать, но никто не имеет права требовать, чтобы другой сделал то, чего он не делает сам. Именно это право, необходимое, чтобы сообщить жизнь и движение Политическому организму, и дает суверен государю, учреждая Правительство.

Многие утверждали, что этот акт является договором между народом и теми правителями, которых он себе находит: договором, в котором оговариваются условия, на которых одна из сторон обязуется повелевать, а другая – повиноваться. Со мной согласятся, я надеюсь, что это странный способ заключать договоры [...].

Существует только один договор в Государстве, – это договор ассоциации, и он один исключает здесь любой другой. Нельзя представить себе никакого публичного договора, который не был бы нарушением первого [...].

[...] Не существует в Государстве никакого основного закона, который не может быть отменен, не исключая даже и общественного соглашения. Ибо если бы все граждане собрались, чтобы расторгнуть это соглашение с общего согласия, то можно не сомневаться, что оно было бы вполне законным образом расторгнуто. Гроций даже полагает, что каждый может отречься от Государства, членом которого он является, и вновь возвратить себе естественную свободу и свое имущество, если покинет страну. Но было бы нелепо, чтобы все граждане,

собравшись вместе, не могли сделать то, что может сделать каждый из них в отдельности.

Всякое свободное действие имеет две причины, которые сообща его производят: одна из них – моральная, именно: воля, определяющая акт, другая – физическая, именно: сила, его исполняющая. Когда я иду по направлению к какому-нибудь предмету, то нужно, во-первых, чтобы я хотел туда пойти, во-вторых, чтобы ноги мои меня туда доставили. Пусть паралитик захочет бежать, пусть не захочет того человек проворный – оба они останутся на месте. У Политического организма – те же движители; в нем также различают силу и волю: эту последнюю под названием законодательной власти, первую – под названием власти исполнительной. Ничто в нем не делается или не должно делаться без их участия

Мы видели, что законодательная власть принадлежит народу и может принадлежать только ему. Легко можно увидеть, исходя из принципов, установленных выше, что исполнительная власть, напротив, не может принадлежать всей массе народа как законодательнице или суверену, так как эта власть выражается лишь в актах частного характера, которые вообще не относятся к области Закона, ни, следовательно, к компетенции суверена, все акты которого только и могут быть, что законами.

Сила народа нуждается, следовательно, для себя в таком доверенном лице, которое собирало бы ее и приводило в действие согласно указаниям общей воли, которое служило бы для связи между Государством и сувереном, и некоторым образом осуществляло в обществе как коллективной личности то же, что производит в человеке единение души и тела. Вот таков в Государстве смысл Правительства, так неудачно смешиваемого с сувереном, коего оно является лишь служителем.

Что же такое Правительство? Посредствующий организм, установленный для сношений между подданным и сувереном, уполномоченный приводить в исполнение законы и поддерживать свободу как гражданскую, так и политическую.

Члены этого организма именуются магистратами или королями, т. е. правителями; а весь организм носит название государя. Таким образом, совершенно правы те, кто утверждают, что акт, посредством которого народ подчиняет себя правителям, это вовсе не договор. Это, безусловно, не более как поручение, должность; исполняя это поручение, они, простые чиновники суверена, осуществляют его именем власть, блюстителями которых он их сделал, власть, которую он может ограничивать, видоизменять и отбирать, когда ему будет угодно; ибо отчуждение такого права несовместимо с природой Общественного организма и противно цели ассоциации

Итак, я называю Правительством или верховным управлением осуществления исполнительной власти согласно законам, а государем или магистратом человека или корпус, на которые возложено это управление.

Именно в Правительстве заключены те посредствующие силы, соотношение которых определяет отношение целого к целому, или суверена к Государству. Это последнее можно представить в виде отношения крайних членов непрерывной пропорции, среднее пропорциональное которой — Правительство. Правительство получает от суверена приказания, которые оно отдает народу, и дабы Государство находилось в устойчивом равновесии, нужно, чтобы, по приведении, получилось равенство между одним произведением, или властью Правительства как такового, и другим произведением, или властью граждан, которые являются суверенными, с одной стороны, подданными — с другой [...].

Когда установлена как следует законодательная власть, требуется установить таким же образом власть исполнительную, ибо эта последняя, действующая лишь посредством актов частного характера, по самой своей сущности отличаясь от первой, естественно от нее отделена. Если бы возможно было, чтобы суверен, рассматриваемый как таковой, обладал исполнительной властью, то право и действия так смешались бы, что уже неизвестно было бы, что Закон, а что — не он, и Политический организм, так извращенный, стал бы вскоре добычею того насилия, противостоять которому он был создан.

Что до выборов государя и магистратов, представляющих собою [...] сложные акты, то здесь есть два пути, именно: избрание и жребий. И тот, и другой применялись в разных Респу́бликах, и еще в настоящее время наблюдается весьма сложное смешение обоих способов при избрании дожа Венеции [...].

Если обратить внимание на то, что избрание начальников есть дело Правительства, а не суверена, то мы увидим, почему выборы по жребию более свойственны демократии, где управление тем лучше, чем менее умножаются акты его.

Во всякой подлинной демократии магистратура — это не преимущество, но обременительная обязанность, которую по справедливости нельзя возложить на одного человека скорее, чем на другого. Один лишь Закон может возложить это бремя на того, на кого падет жребий [...].

При аристократическом строе государя выбирает государь. Правительство сохраняется само собою; и здесь именно уместно голосование [...].

Выборы по жребию создавали бы мало затруднений в подлинной демократии, где ввиду того, что все равны как по своим правам, так и по своим дарованиям, как по принципам своим, так и по состоянию своему, тот или иной выбор становится почти что безразличен. Но я уже сказал, что никогда не существовало подлинной демократии.

Когда соединяют выборы и жребий, то первым путем следует заполнять, места, требующие соответствующих дарований, такие, как военные должности; второй путь более подходит в тех случаях, когда достаточно здравого смысла, справедливости, честности, как в судейских должностях; потому что в правильно устроенном Государстве качества эти свойственны всем гражданам.

Ни жребий, ни голосования совершенно не имеют места при монархическом Правлении. Поскольку монарх по праву один — государь и единственный магистрат, то выбор его заместителей принадлежит лишь ему одному. Когда аббат де Сен-Пьер предлагал увеличить число Советов короля

Франции и выбирать их членов посредством проводимого в них голосования, он не понимал, что предлагает изменить форму Управления [...].

Негибкость законов, препятствующая им применяться к событиям, может в некоторых случаях сделать их вредными и привести через них к гибели Государство, когда оно переживает кризис.

[...] Не нужно поэтому стремиться к укреплению политических установлений до такой степени, чтобы отнять у себя возможность приостановить их действие. Даже Спарта давала покой своим законам.

Но лишь самые большие опасности могут уравновесить ту, которую влечет за собою изменение строя общественного; и никогда не следует приостанавливать священную силу законов, если дело не идет о спасении отечества. В этих редких и очевидных случаях забота об общественной безопасности выражается особым актом, который возлагает эту обязанность на достойнейшего. Это поручение может быть дано двумя способами, в соответствии с характером опасности.

Если, чтобы ее устранить, достаточно увеличить действенность Правительства, то Управление сосредоточивают в руках одного или двух из его членов, и, таким образом, изменяют не власть законов, а только форму их применения. Если же опасность такова, что соблюдение законов становится препятствием к ее предупреждению, то назначают высшего правителя, который заставляет умолкнуть все законы и на некоторое время прекращает действие верховной власти суверена.

Первое средство применялось римским Сенатом, когда он формулою посвящения возлагал на Консулов обязанность принимать меры для спасения Республики. Второе – когда один из двух Консулов назначал Диктатора: обычай этот был принят Римом по примеру Альбы.

В первые времена Республики к диктатуре прибегали весьма часто, потому что Государство не было еще настолько устойчивым, чтобы оно могло поддерживать себя одною лишь силою своего внутреннего устройства.

Так как нравы тогда делали излишними множество предосторожностей, которые были бы необходимы в другое время, то не боялись ни того, что диктатор злоупотребит своей властью, ни что он попытается удержать ее сверх установленного срока. Казалось, напротив, что столь огромная власть была бременем для того, кто ею был облечен, настолько он торопился от нее освободиться, как если бы это было делом слишком трудным и слишком опасным: заменять собою законы.

Поэтому не опасность дурного употребления, а опасность вырождения этой высшей магистратуры заставляет меня осуждать неумеренное пользование ею в первые времена Республики. Ибо, если так щедро назначали на эту должность для проведения выборов, освящения храмов, выполнения вещей чисто формальных, то можно было уже опасаться, как бы она не стала менее грозной в случае подлинной необходимости, и как бы постепенно не привыкли видеть в диктатуре пустое звание, если его используют лишь при пустых церемониях.

К концу Республики римляне, став более осмотрительными, избегали диктатуры столь же неразумно, как прежде неразумно ею злоупотребляли.

Мне [...] представляется бесспорным не только то, что различные виды Правления вовсе не имели своим источником неограниченную власть, которая есть лишь извращение Правления, крайний его предел и приводит его в конце концов к тому же закону более сильного, средством преодоления которого и были различные виды Правления; но, кроме того, что если бы даже они с этого и начинались, то такая власть, будучи по своей природе незаконной, не могла служить основанием ни прав общества, ни, следовательно, неравенства, вводимого установлениями [...].

Различные виды Правлений ведут свое происхождение лишь из более или менее значительных различий между отдельными лицами в момент первоначального установления. Если один человек выделялся среди всех могуществом, доблестью, богатством или влиянием, то его одного избирали магистратом, и Государство становилось монархическим. Если несколько

человек, будучи примерно равны между собою, брали верх над остальными, то этих людей избирали магистратами, и получалась аристократия. Те люди, чьи богатства или дарования не слишком отличались и которые меньше других отошли от естественного состояния, сохранили сообща в своих руках высшее управление и образовали демократию. Время показало, какая из этих форм была более выгодною для людей. Одни по-прежнему подчинялись только лишь законам; другие вскоре стали повиноваться господам. Граждане хотели сохранить свою свободу; подданные помышляли лишь о том, как бы отнять свободу у своих соседей, так как они не могли примириться с тем, что другие наслаждаются благом, которым они сами уже больше не пользуются. Словом, на одной стороне оказались богатства и завоевания, а на другой – счастье и добродетель.

[...] Я называю Республикою всякое Государство, управляемое посредством законов, каков бы ни был при этом образ управления им; ибо только тогда интерес общий правит Государством и общее благо означает нечто. Всякое Правление посредством законов есть республиканское: что такое Правление, я разъясню ниже [...].

[...] Не может быть такого устройства Управления, которое было бы единственным и безотносительно лучшим, но что может существовать столько видов Правления, различных по своей природе, сколько есть Государств, различных по величине.

Суверен может, во-первых, вручить Правление всему народу или большей его части так/чтобы стало больше граждан-магистратов, чем граждан – просто частных лиц. Этой форме Правления дают название демократии.

Или же он может сосредоточить Правление в руках малого числа, так чтобы было больше простых граждан, чем магистратов, и такая форма носит название аристократии.

Наконец, он может сконцентрировать все правление в руках единственного магистрата, от которого получают свою власть все остальные. Эта форма наиболее обычна и называется монархией, или королевским Правлением.

Следует заметить, что все эти формы или, по меньшей мере, первые две из них могут быть более или менее широкими, причем соответствующие различия довольно значительны, ибо демократия может объять весь народ либо охватить не более половины его. Аристократия в свою очередь может охватить от половины народа до неопределенно малого числа граждан. Даже королевская власть может быть подвержена известному разделению. В Спарте, по ее конституции, постоянно было два царя, а в Римской империи случалось, что бывало до восьми императоров одновременно, причем нельзя было сказать, что империя разделена. Таким образом, есть точка, где каждая форма Правления сливается со следующей, и мы видим, что при наличии лишь трех названий Правление способно в действительности принимать столько различных форм, сколько есть в Государстве граждан.

Более того, поскольку один и тот же род Правления может в некоторых отношениях подразделяться еще на другие части, в одной из которых управление осуществляется одним способом, а в другой – другим, то из сочетания этих трех форм может возникнуть множество форм смешанных, из которых каждая способна дать новые, сочетаясь с простыми формами.

Во все времена много спорили о том, которая из форм Правления наилучшая, – того не принимая во внимание, что каждая из них наилучшая в одних случаях и худшая в прочих.

Если в различных Государствах число высших магистратов должно находиться в обратном отношении к числу граждан, то отсюда следует, что, вообще говоря, демократическое Правление наиболее пригодно для малых государств, аристократическое – для средних, а монархическое – для больших. Это правило выводится непосредственно из общего принципа. Но как учесть множество обстоятельств, которые могут вызвать исключения?

Тот, кто создает Закон, знает лучше всех, как этот Закон должен приводиться в исполнение и истолковываться. Итак, казалось бы, не может быть лучшего государственного устройства, чем-то, в котором власть исполнительная соединена с законодательной. Но именно это и делает такое Правление в

некоторых отношениях непригодным, так как при этом вещи, которые должны быть разделяемы, не разделяются, и государь, и суверен, будучи одним и тем же лицом, образуют, так сказать. Правление без Правительства.

Неправильно, чтобы тот, кто создаст законы, их исполнял или чтобы народ как целое отвлекал свое внимание от общих целей, дабы обращать его на предметы частные. Ничего нет опаснее, как влияние частных интересов на общественные дела, и злоупотребления, допускаемые Правительством при применении законов, — это беда меньшая, нежели покупка законодателя — это неизбежное последствие существования частных расчетов. Тогда, поскольку искажена сама сущность Государства, никакое преобразование уже невозможно. Народ, который никогда не употребит во зло свою власть в Правлении, не сделает этого и в отношении своей самостоятельности; народ, который всегда хорошо правил бы, не нуждался бы в том, чтобы им управляли.

Если брать этот термин в точном его значении, то никогда не существовала подлинная демократия, и никогда таковой не будет. Противно естественному порядку вещей, чтобы большое число управляло, а малое было управляемым. Нельзя себе представить, чтобы народ все свое время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами, и легко видеть, что он не мог бы учредить для этого какие-либо комиссии, чтобы не изменилась форма управления.

В самом деле, я думаю, что могу принять за правило, следующее: когда функции Правления разделены между несколькими коллегиями, то те из них, что насчитывают наименьшее число членов, приобретают рано или поздно наибольший вес и значение, хотя бы уже по причине того, что у них, естественно, облегчается отправление дел.

Впрочем, каких только трудносоединимых вещей не предполагает эта форма Правления! Во-первых, для этого требуется Государство столь малое, чтобы там можно было без труда собирать народ и где каждый гражданин легко мог бы знать всех остальных; во-вторых, — большая простота нравов, что предотвращало бы скопление дел и возникновение трудноразрешимых споров, затем — превеликое равенство в общественном и имущественном положении, без

чего не смогло бы надолго сохраниться равенство в правах и в обладании властью; наконец, необходимо, чтобы роскоши было очень мало или чтобы она полностью отсутствовала. Ибо роскошь либо создается богатствами, либо делает их необходимыми; она развращает одновременно и богача, и бедняка, одного – обладанием, другого – вожделением; она предает отечество изнеженности и суетному тщеславию; она отымает у Государства всех его граждан, дабы превратить одних в рабов других, а всех – в рабов предубеждений.

Вот почему один знаменитый писатель полагал главным принципом республики добродетель, ибо все эти условия без нее не могли бы существовать. Но поскольку этот высокий ум не делал необходимых различий, то оказалось, что у него часто нет в суждениях правильности, иногда – ясности; и он не увидел того, что, поскольку верховная власть везде одинакова, – один и тот же принцип должен лежать в основе всякого правильно устроенного Государства – в большей или меньшей степени, конечно, соответственно форме Правления.

Прибавим, что нет Правления, столь подверженного гражданским войнам и внутренним волнениям, как демократическое, или народное, потому что нет никакого другого Правления, которое столь сильно и постоянно стремилось бы к изменению формы или требовало больше бдительности и мужества, чтобы сохранять свою собственную. Более, чем при любом другом, при таком государственном устройстве должен гражданин вооружиться силою и твердостью и повторять всю свою жизнь ежедневно в глубине души то, что говорил один доблестный Воевода на Польском Сейме: «*Malo periculosam libertatem quam quietum servitium*» [...].

Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он управлял бы собою демократически. Но Правление, столь совершенное не подходит людям...

Здесь у нас есть две весьма различные условные личности, именно: Правительство и суверен; и, следовательно, две воли общие, одна – по отношению ко всем гражданам, другая – только к членам управления. Таким образом, хотя Правительство и может устанавливать внутренний порядок по

своему усмотрению, оно никогда не может обращаться к народу иначе как от имени суверена, т. е. от имени самого народа; этого никогда не следует забывать.

Первые общества управлялись аристократически. Главы семейств обсуждали в своем кругу общественные дела. Молодые люди без труда склонялись перед авторитетом опыта. Отсюда – названия: жрецы, старейшины, геронты. Дикари Северной Америки управляют собою так и в наши дни, и управляются очень хорошо.

Но по мере того, как неравенство, создаваемое первоначальным устройством, брало верх над неравенством естественным, богатство или могущество получали предпочтение перед возрастом, и аристократия стала выборной. Наконец, поскольку власть стала передаваться вместе с богатством от отца к детям, делая семьи патрицианскими, то и Правление сделалось наследственным, поэтому можно было увидеть двадцатилетних сенаторов.

Таким образом, есть три рода аристократии: природная, выборная и наследственная. Первая пригодна лишь для народов, находящихся в начале своего развития; третья представляет собою худшее из всех Правлений. Вторая – лучше всех; это — аристократия в собственном смысле слова.

Помимо того, что оба вида власти при этом разграничиваются, такой род аристократии обладает еще и тем преимуществом, что члены ее избираются. Ибо в народном Правлении все граждане рождаются магистратами; выборная же аристократия ограничивает количество должностных лиц малым числом, и они делаются таковыми лишь путем избрания: при таком порядке честность, просвещенность, опытность и все другие основания для предпочтения и уважения общественного суть каждое новый залог того, что управление будет мудрым [...].

До сих пор мы рассматривали государя как условное собирательное лицо, объединенное в одно целое силой закона, и как блюстителя исполнительной власти в Государстве. Теперь нам надлежит рассмотреть тот случай, когда эта власть сосредоточена в руках одного физического лица – реального человека,

который один имеет право располагать ею в соответствии с законами. Это то, что называется монарх, или король.

Совершенной противоположностью другим видам управления, при которых собирательное существо представляет индивидуум, является данный вид, при котором индивидуум представляет собирательное существо, так что-то духовное единство, что образует государя, здесь является одновременно и физической единицей, в которой все способности, соединяемые Законом с такими усилиями при другом Правлении, оказываются объединенными сами собою.

Так, воля народа и воля государя, и публичная сила Государства, и отдельная сила Правительства – все подчиняется одной и той же движущей силе; рычаги машины находятся в одних и тех же руках: все движется к одной и той же цели. Нет никаких направленных в противоположные стороны движений, которые взаимно уничтожались бы; и нельзя представить себе никакой другой вид государственного устройства, при котором меньшее усилие производило бы большее действие [...].

Но если нет никакого другого Правления, которое обладало бы большею силою, то нет и такого, при котором частная воля имела бы больше власти и легче достигала господства над всеми остальными. Правда, здесь все движется к одной и той же цели; но сия цель вовсе не есть благоденствие общества и сама сила управления беспрестанно оборачивается во вред Государству [...].

Мы нашли, исходя из соотношений общего характера, что монархия подходит лишь для больших Государств, и мы вновь убедимся в этом, когда рассмотрим монархию как таковую. Чем многочисленнее аппарат управления, тем становится меньшей ближе к равенству отношение между государем и подданными; это отношение при демократии представляет собой единицу, или составляет равенство. Это же отношение увеличивается по мере того, как Правление сосредоточивается; и оно достигает своего максимума, когда Правление оказывается в руках одного лица. Тогда расстояние между государем и народом становится слишком велико, и Государству начинает не доставать

внутренней связи. Чтобы образовалась эта связь, нужны, следовательно, посредствующие состояния, необходимы князья, вельможи, дворянство, чтобы они их заполнили собою. Но ничто из всего этого не подходит малому Государству, которому все эти промежуточные степени несут разорение.

Но если трудно сделать так, чтобы большое Государство управлялось хорошо, то еще гораздо труднее достигнуть того, чтобы оно управлялось хорошо одним человеком, а каждый знает, что получается, когда король назначает заместителей.

Существенный и неизбежный недостаток, который при всех условиях ставит монархическое Правление ниже республиканского, состоит в том, что при втором из них голос народа почти всегда выдвигает на первые места только людей просвещенных и способных, которые занимают их с честью; тогда как те, кто достигает успеха в монархиях, это чаще всего мелкие смутьяны, ничтожные плуты, мелочные интриганы, чьи жалкие талантики позволяют им достичь при дворе высоких должностей, но лишь для того, чтобы, едва их достигнув, обнаружить перед народом полную свою неспособность. Народ гораздо реже ошибается в выборе такого рода, чем государь, и человек, истинно достойный, оказывается на посту министра при монархии почти столь же редко, как глупец на посту главы Правительства при республике. Поэтому, если, по некой счастливой случайности, один из этих людей, рожденных, чтобы править, берется за кормило управления в монархии, которую уже почти привела на край пропасти кучка столь славных правителей, то всех поражает, как он мог найти выход из этого положения — и это составляет эпоху в жизни страны [...].

Самый осязаемый недостаток Правления одного человека — это отсутствие той непрерывной преемственности, которая при двух других формах Правления образует непрерываемую связь. Раз король умер, нужен другой. Выборы создают опасные перерывы; они проходят бурно; и если только граждане не обладают бескорыстием, неподкупностью, почти невозможными при этой форме Правления, то возникают всяческие происки и подкупы [...].

Что предпринимали, дабы предотвратить эти бедствия? Делали корону наследственной в некоторых семьях и установили порядок наследования, предупреждающий всякие споры после смерти короля. Другими словами, заменив неудобствами регентств неудобства выборов, предпочли кажущееся спокойствие мудрому управлению и предпочли пойти на риск получить в качестве правителей детей, чудовищ, слабоумных, лишь бы избежать споров о том, как лучше выбирать хороших королей [...].

[...] Смешивать королевское Правление с Правлением доброго короля – это значит вводить самого себя в заблуждение. Дабы увидеть, что представляет это Правление само по себе, нужно рассмотреть, каково оно при государях недалеких или злых; ибо они либо такими взойдут на трон, либо же трон делает их такими.

Эти трудности не ускользнули от внимания наших авторов, но они нисколько этим не смутились. Спасение, говорят они, заключается в том, чтобы повиноваться безропотно: Бог дает дурных королей во гневе, и их нужно терпеть как кару небесную. Рассуждение это весьма поучительно, что и говорить; но оно было бы, кажется, уместнее в слове с кафедры, нежели в книге о политике. Что сказать о таком враче, который обещает чудеса, а все его искусство в том, чтобы призывать больного к терпению? Хорошо известно, что нужно терпеть Правительство дурное, раз такова форма Правления; дело тогда заключалось бы в том, чтобы найти Правление хорошее [...].

Собственно говоря, отдельные виды Правления в чистом виде не существуют. Единоличному правителю нужны подчиненные ему магистраты; народное Правление должно иметь главу. Таким образом, при разделении исполнительной власти всегда существует постепенный переход от большего числа к меньшему с тою разницею, что большое число может зависеть от малого или – малое от большого.

Иногда налицо разделение власти поровну; либо когда составные части находятся во взаимной зависимости, как это наблюдается в Правительстве Англии; или же когда власть каждой части независима, но неполна, как в

Польше. Эта последняя форма – дурна, потому, что в таком случае единства в Правлении нет и нет внутренней связи в Государстве.

Который из видов Правления лучше; чистый или смешанный? Вопрос этот весьма занимает политиков; и на него нужно дать такой же ответ, какой я дал выше относительно всякой формы Правления.

Простое Правление – лучшее само по себе по одному тому, что оно простое. Но если исполнительная власть не зависит в достаточной мере от законодательной, т. е. когда существует больше отношений между государем и сувереном, чем между народом и государем, то такое отсутствие соразмерности необходимо исправить, разделяя Правительство. Ибо тогда власть всех его частей над подданными не уменьшается, а разделение делает их все вместе менее сильными по отношению к суверену.

Это же затруднение устраняют иногда при помощи посредствующих магистратов, которые, оставляя Правительство в целости, служат только для уравнивания обеих властей и для поддержания их взаимных прав. Но тогда Правление не будет смешанным, оно будет умеренным. Подобными же путями можно устранить и противоположное затруднение и, если Правление чересчур слабо, учредить коллегии, чтобы его сосредоточить: это практикуется во всех демократиях. В первом случае Правление разделяют, чтобы его ослабить, а во втором – чтобы его усилить. Ибо максимум силы и слабости одинаково встречается при простых видах Правления, в то время как смешанные формы дают среднюю силу...

Подобно тому, как природа установила границы роста для хорошо сложенного человека, за пределами которых она создаст уже лишь великанов или карликов, так для наилучшего устройства Государства есть свои границы протяженности, которою оно может обладать и не быть при этом ни слишком велико, чтобы им можно было хорошо управлять, ни слишком мало, чтобы оно было в состоянии поддерживать свое существование собственными силами. Для всякого Политического организма есть свой максимум силы, который он не может превышать и от которого он, увеличиваясь в размерах, часто отдаляется.

Чем более растягивается связь общественная, тем более она слабеет; и вообще Государство малое относительно сильнее большого.

Тысячи доводов подтверждают это правило. Во-первых, управление становится более затруднительным при больших расстояниях, подобно тому, как груз становится более тяжелым на конце большого рычага. Управление становится также более обременительным по мере того, как умножаются его ступени. Ибо в каждом городе есть прежде всего свое управление, которое оплачивается народом; в каждом округе – свое, также оплачиваемое народом; то же – в каждой провинции; затем идут крупные губернаторства, наместничества и вице-королевства, содержание которых обходится все дороже по мере того, как мы поднимаемся выше, и притом все это за счет того же несчастного народа; наконец, наступает черед высшего управления, которое пожирает все. Такие неумеренные поборы постоянно истощают подданных: они не только не управляются лучше всеми этими различными органами управления, они управляются хуже, чем если бы над ними был только один его орган. И уже почти не остается средств для чрезвычайных случаев; а когда приходится прибегать к этим средствам, Государство всегда созывается на грани разорения.

Это еще не все: у Правительства оказывается не только меньше силы и быстроты действий, чтобы заставить соблюдать законы, не допустить притеснений, карать злоупотребления, предупреждать мятежи, которые могут вспыхнуть в отдаленных местах; но и народ уже в меньшей мере может испытывать привязанность к своим правителям, которых он никогда не видит; к отечеству, которое в его глазах столь же необъятно, как весь мир, и к согражданам своим, большинство из которых для него чужие люди. Одни и те же законы не могут быть пригодны для стольких разных провинций, в которых различные нравы, совершенно противоположные климатические условия и которые поэтому не допускают одной и той же формы правления. Различные законы порождают лишь смуты и неурядицы среди подданных: живя под властью одних и тех же правителей и в постоянном между собою общении, они переходят с места на место или вступают в браки с другими людьми, которые

подчиняются уже другим обычаям, а в результате подданные никогда не знают действительно ли им принадлежит их достояние. Таланты зарыты, добродетели неведомы, пороки безнаказанны среди этого множества людей, незнакомых друг другу, которых место нахождения высшего управления сосредоточивает в одном месте. Правители, обремененные делами, ничего не видят собственными глазами – Государством управляют чиновники. И вот уже необходимы особые меры для поддержания авторитета центральной власти, потому что столько ее Представителей в отдаленных местах стремятся либо выйти из подчинения ей, либо ее обмануть; эти меры поглощают все заботы общества; уже нет сил заботиться о счастье народа; их едва хватает для защиты его в случае нужды; так организм, ставший непомерно большим, разлагается и погибает, раздавленный своею собственной тяжестью.

С другой стороны, Государство, чтобы обладать прочностью, должно создать для себя надежное основание, дабы оно успешно противостояло тем Потрясениям, которые ему обязательно придется испытать, выдержать те усилия, которые неизбежно потребуются для поддержания существования. Ибо у всех народов есть некоторая центробежная сила, под влиянием которой они постоянно действуют друг против друга и стремятся увеличить свою территорию за счет соседей, как вихри Декарта. Таким образом, слабые рискуют быть в скором времени поглощены, и едва ли кто-либо может уже сохраниться иначе, как приведя себя в некоторого рода равновесие со всеми, что сделало бы давление повсюду приблизительно одинаковым.

Из этого видно, что есть причины, заставляющие государство расширяться, и причины, заставляющие его сжиматься; и талант политика не в последнюю очередь выражается в том, чтобы найти между теми и другими такое соотношение, которое было бы наиболее выгодным для сохранения Государства. Можно сказать, вообще, что первые причины, будучи лишь внешними и относительными, должны быть подчинены вторым, которые суть внутренние и абсолютные. Здоровое и прочное устройство – это первое, к чему следует

стремиться; и должно больше рассчитывать на силу, порождаемую хорошим образом правления, нежели на средства, даваемые большой территорией.

Впрочем, известны Государства, устроенные таким образом, что необходимость завоеваний была заложена уже в самом их устройстве: чтобы поддержать свое существование, они должны были непрестанно увеличиваться. Возможно, они и радовались немало этой счастливой необходимости, но она предугазывала им, однако, наряду с пределом их величины и срок неизбежного их падения [...].

Политический организм можно измерять двумя способами, именно: протяженностью территории и численностью населения; и между первым и вторым из этих измерений существует соотношение, позволяющее определить для Государства подобающие ему размеры. Государство составляют люди, а людей кормит земля. Таким образом, отношение это должно быть таким, чтобы земли было достаточно для пропитания жителей Государства, а их должно быть столько, сколько земля может прокормить. Именно такое соотношение создает максимум силы данного количества населения [...].

Нельзя выразить в числах постоянное отношение между протяженностью земли и числом людей, достаточным для ее заселения; это невозможно сделать как по причине различий в качествах почвы, степени ее плодородия, в свойствах производимых ею продуктов, во влиянии климатических условий, так и вследствие различий, которые представляет организм людей, населяющих эту землю, из которых одни потребляют мало в плодородном краю, а другие – много на неблагоприятной земле.

[...] Акт ассоциации содержит взаимные обязательства всего народа и частных лиц, и каждый индивидуум, вступая, так сказать, в договор с самим собою, оказывается принявшим двоякое обязательство, именно: как член суверена в отношении частных лиц и как член Государства по отношению к суверену.

[...] Поскольку суверен образуется лишь из частных лиц, у него нет и не может быть таких интересов, которые противоречили бы интересам этих лиц,

следовательно, верховная власть суверена нисколько не нуждается в поручителе перед подданными, ибо невозможно, чтобы организм захотел вредить всем своим членам; и мы увидим далее, что он не может причинять вред никому из них в отдельности. Суверен уже в силу того, что он существует, является всегда тем, чем он должен быть [...].

Суверенитет, который есть только осуществление общей воли, не может никогда отчуждаться, и суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представляем только самим собою.... В тот самый миг, когда появляется господин, – нет более суверена; и с этого времени Политический организм уничтожен [...].

В силу той же причины, по которой суверенитет неотчуждаем, он неделим, ибо воля либо является общею, либо ею не является; она являет собою волю народа как целого либо – только одной его части. В первом случае эта провозглашенная воля есть акт суверенитета и создает закон. Во втором случае – это лишь частная воля или акт магистратуры; это, самое большее, – декрет.

Суверенитет не может быть представляем по той же причине, по которой он не может быть отчуждаем. Он заключается, в сущности, в общей воле, а воля никак не может быть представляема; или это она, или это другая воля, среднего не бывает. Депутаты народа, следовательно, не являются и не могут являться его представителями; они лишь его уполномоченные; они ничего не могут постановлять окончательно. Всякий закон, если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен; это вообще не закон. Английский народ считает себя свободным: он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов Парламента: как только они избраны – он раб, он ничто. Судя по тому применению, которое он дает своей свободе в краткие мгновенья обладания ею, он вполне заслуживает того, чтобы он ее лишился.

Понятие о Представителях принадлежит новым временам; оно досталось нам от феодального Правления, от этого вида Правления несправедливого и нелепого, при котором род человеческий пришел в упадок, а звание человека

было опозорено. В древних Республиках и даже в монархиях народ никогда не имел Представителей; само это слово было неизвестно [...].

Поскольку Закон – это провозглашение общей воли, то ясно, что в том, что относится до власти законодательной, народ не может быть представляем; но он может и должен быть представляем в том, что относится к власти исполнительной, которая есть сила, приложенная к Закону. Отсюда видно, что если рассматривать вещи как следует, мы обнаружим, что законы существуют лишь у очень немногих народов [...].

Что бы там ни было, но как только народ дает себе Представителей, он более не свободен; его более нет.

Рассмотрев все основательно, я считаю, что суверен отныне может осуществлять среди нас свои права лишь в том случае, если Гражданская община очень мала.

Источник: Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 146 с. – (Антология мысли) // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/441987>

ШАРЛЬ-ЛУИ ДЕ СЕКОНДА, БАРОН ЛА-БРЕД И ДЕ МОНТЕСКЬЁ

Шарль-Луи де Секонда (барон Ла-Бред и де Монтескьё) (1689 – 1775 гг.) – выдающийся политический французский мыслитель. Главное во всей политико-правовой теории Ш. Монтескье – политическая свобода.

Основные произведения: «О духе законов», «Размышления о причинах величия и падения римлян, «Персидские письмо».

О ДУХЕ ЗАКОНОВ

[...] Закон, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли; а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума.

Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа.

Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, – что составляет задачу политических законов, – или только поддержание его существования, – что составляет задачу гражданских законов.

Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату – холодному, жаркому или умеренному, – качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов, – степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются. [...]

[...] Если в республике верховная власть принадлежит всему народу, то это демократия. Если верховная власть находится в руках части народа, то такое правление называется аристократией.

В демократии народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых отношениях – подданным.

Государем он является только в силу голосований, коими он изъявляет свою волю. Воля государя есть сам государь. Поэтому законы, определяющие право голосования, являются основными для этого вида правления. [...]

[...] Народ, обладающий верховной властью, должен делать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, чего он не может выполнить, он должен делать через посредство своих уполномоченных.

Но эти уполномоченные не будут таковыми, если они не назначены самим народом; поэтому основной принцип этого вида правления состоит в том, что народ сам избирает своих уполномоченных, т.е. должностных лиц государства. [...]

[...] Итак, разделение на классы населения, имеющего право голоса, составляет основной закон республики. Другим основным ее законом является способ подачи голосов. Назначение по жребию свойственно демократии; назначение по выборам – аристократии. [...]

[...] К основным законам демократии принадлежит и тот, в силу которого власть издавать законы должна принадлежать только народу. Однако есть тысячи случаев, когда бывают необходимы постановления сената; часто полезно даже испытать закон, прежде чем установить его окончательно. [...]

[...] В аристократии верховная власть находится в руках группы лиц. Эти лица издают закон и заставляют исполнять их; остальной народ является по отношению к ним тем же, чем в монархии подданные по отношению к государю. [...]

[...] Власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, т.е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов. Я сказал: посредствующие, подчиненные и зависимые потому, что в монархии источником всякой политической и гражданской власти является сам государь. Эти основные законы необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть, так как если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то в нем ничего не может быть устойчивого, а, следовательно, не может быть и никакого основного закона.

Самая естественная из этих посредствующих и подчиненных властей есть власть дворянства. Она некоторым образом содержится в самой сущности монархии, основное правило которой: «Нет монарха, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха». В монархии, где нет дворянства, монарх становится деспотом. [...]

[...] Недостаточно, чтобы в монархии были посредствующие власти; она еще нуждается в учреждении, охраняющем законы. Таким учреждением могут быть лишь политические коллегии, которые обнародуют вновь изданные законы и напоминают о существующих, когда о них забывают. Свойственное знати

невежество, ее невнимательность и презрение к гражданской власти вызывают необходимость в учреждении, которое постоянно извлекало бы законы из тьмы забвения, в которой они были бы погребены. [...]

[...] Человек, которому все его пять чувств постоянно говорят, что он – все, а прочие люди – ничто, естественным образом, ленив, невежествен, сластолюбив. Поэтому он сам не занимается делами. Но если он поручит их нескольким лицам, то между ними пойдут распри, начнутся интриги из-за чести быть первым между рабами, и государю снова придется вмешиваться в дела правления. [...]

[...] Для того, чтобы охранять и поддерживать монархическое или деспотическое правительство, не требуется большой честности. Все определяет и сдерживает сила законов в монархии и вечно подъятая длань государя в деспотическом государстве. Но народное государство нуждается в добавочном двигателе; этот двигатель – добродетель. [...]

[...] Поэтому добродетель менее необходима для него, чем для народа демократического государства. Но что же будет сдерживать саму знать? Те ее представители, которым придется применять законы против равных себе, сразу же почувствуют, что они действуют против самих себя. [...]

[...] Монархическое правление, как мы сказали, предполагает существование чинов, преимуществ и даже родового дворянства. Природа чести требует предпочтений и отличий. Таким образом, честь по самой своей природе находит себе место в этом образе правления. [...]

[...] Как для республики нужна добродетель, а для монархии честь, так для деспотического правительства нужен страх. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна. [...]

[...] Несмотря на любовь людей к свободе, несмотря на их ненависть к насилию, большая часть народов все же подчинилась деспотизму. И нетрудно понять, почему это произошло. Чтобы образовать умеренное правление, надо уметь комбинировать власти, регулировать их, умерять, приводить их в действие, подбавлять, так сказать, балласту одной, чтобы она могла

уравновешивать другую; это такой шедевр законодательства, который редко удастся выполнить случаю и который редко позволяют выполнить благоразумию. [...]

[...] Политическая свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, т.е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть.

Необходимо уяснить себе, что такое свобода и что такое независимость. Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как-то же самое могли бы делать и прочие граждане.

Политическая свобода имеет место лишь при умеренных правлениях. Однако она не всегда встречается и в умеренных государствах; она бывает в них лишь тогда, когда там не злоупотребляют властью. Но известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела. А в пределе – кто бы это мог подумать! – нуждается и сама добродетель.

Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга. Возможен такой государственный строй, при котором никого не будут понуждать делать то, к чему его не обязывает закон, и не делать того, что закон ему дозволяет. [...]

[...] В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, и власть исполнительная, ведающая вопросами права гражданского. [...]

[...] Для гражданина политическая свобода есть душевное спокойствие, основанное на убеждении в своей безопасности. Чтобы обладать этой свободой, необходимо такое правление, при котором один гражданин может не бояться другого гражданина.

Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их.

Не будет свободны и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем. [...]

[...] Большое преимущество избираемых представителей состоит в том, что они способны обсуждать дела. Народ для этого совсем непригоден, что и составляет одну из слабейших сторон демократии. [...]

[...] Во всяком государстве всегда есть люди, отличающиеся преимуществами рождения, богатства или почестей; и если бы они были смешаны с народом, если бы они, как и все прочие, имели только по одному голосу, то общая свобода стала бы для них рабством, и они отнюдь не были бы заинтересованы в том, чтобы защищать ее, так как большая часть решений была бы направлена против них. Поэтому доля их участия в законодательстве должна соответствовать прочим преимуществам, которые они имеют в государстве, а это может быть достигнуто в том случае, если они составят особое собрание, которое будет иметь право отменять решения народа, как и народ имеет право отменять его решения.

Законодательный корпус, состоящий из знатных, должен быть наследственным. [...]

[...] Исполнительная власть должна быть в руках монарха, так как эта сторона правления, почти всегда требующая действия быстрого, лучше выполняется одним, чем многими; напротив, все, что зависит от законодательной власти, часто лучше устроивается многими, чем одним. [...]

[...] Если исполнительная власть не будет иметь права останавливать действия законодательного собрания, то последнее станет деспотическим, так

как, имея возможность предоставить себе любую власть, какую оно только пожелает, оно уничтожит все прочие власти.

Наоборот, законодательная власть не должна иметь права останавливать действия исполнительной власти. Так как исполнительная власть ограничена по самой своей природе, то нет надобности еще как-то ограничивать ее; кроме того, предметом ее деятельности являются вопросы, требующие быстрого решения. [...]

[...] Но к чему бы ни привело это рассмотрение, законодательное собрание не должно иметь власти судить лицо, а, следовательно, и повеление лица, отправляющего исполнительную власть. Личность последнего должна быть священна, так как она необходима государству для того, чтобы законодательное собрание не обратилось в тиранию; свобода исчезла бы с того момента, как исполнительная власть подверглась бы обвинению или была бы привлечена к суду.

В таком случае государство было бы не монархией, а республикой без свободы. [...]

[...] Если монарх станет участвовать в законодательстве, своим правом издавать постановления, то свободы уже не будет. Но так как ему все же надо участвовать в законодательстве ради интересов собственной защиты, то необходимо, чтобы его участие выражалось только в праве отмены. [...]

Источник: Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М: Издательство РИПОЛ Классик, 2018. – 690 с.

ГЕОРГ ФРИДРИХ ПУХТА

Георг Фридрих Пухта (1798–1846) – немецкий юрист, один из родоначальников исторической школы права.

Основные произведения: «Энциклопедия права», «Курс римского гражданского права», «Значение римского права для нового мира».

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРАВА

[...] В силу свободы человек – субъект права. Его свобода есть фундамент права, все юридические отношения вытекают из нее. Так уже в Ветхом Завете правоспособность соединена с Богоподобием: «Да сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему и да владычествует он над всей землей» (кн. Бытия, гл. 1, ст. 26). Такое место, с большей или меньшей только ясностью, свобода занимает в правах всех народов. Посему следует ближе определить характер этой юридической свободы.

Человек потому субъект права, что ему принадлежит вышеозначенная свобода самоопределения, что она имеет волю. Человек становится правомочным существом не вследствие одного угодного Богу употребления своей свободы, не потому одному, что определяется к доброму, к послушанию Бога. В этом лежит отличие права от морали. Мораль не останавливается на этой возможности, по ней человек имеет известное значение не только потому, что он владеет выбором; она идет дальше и неудержимо переходит к самому решению, и только через это человек становится действительным субъектом морали. Морально-свободным человек становится в силу того, что решается на доброе и тем освобождает себя от владычества зла, хотя бы находился с ним в борьбе. Эта борьба со злом, предполагающая освобождение от него, есть область морали. Напротив, юридически-свободным человек может быть при всяком выборе (как грешник, так и праведный) уже по тому одному, что ему свойственен выбор. Моральная свобода есть свобода от рабства грехов, юридическая свобода – возможность воли вообще.

В обосновании права возможностью воли высказан в то же время настоящий принцип права – принцип равенства. Право есть признание свободы, равномерно принадлежащей всем людям как субъектам воли. Свой предмет и содержание оно получает из потребности человека усвоить себе вне его существующее; задача его – применять принцип равенства к отношениям, возникающим из этой потребности.

Мы видели, что право обнимает волю не в решимости к добру или злу, а самую волю как потенцию, как власть.

Как обнаруживается эта юридическая воля, как она действует?

Может быть обнаружение воли, при которой решимость к добру или злу безразлична, которая может быть и доброй, и злой. Так как сама юридическая свобода есть только возможность вышеупомянутого выбора, то и обнаружение ее тоже должно быть в этом отношении индифферентно, поэтому и известный акт называется законным не потому, что он морален, или незаконным, что неморален.

Юридическая свобода обнаруживается:

1) в самих лицах, которым она принадлежит именно потому, что приписывается субъекту, что он считается ее носителем, так что в нем признается возможность юридической воли. В этом уже высказывается резкое различие ее от моральных качеств. По строгому правовому понятию все равно, будет ли лицо добрым или злым человеком: как тот, так и другой, будет субъектом права, ибо каждый – субъект воли; добро и зло – предикаты человека, но не лица – положения человека в праве.

2) в деятельности лиц как таковых. Эта деятельность есть воля, но не в ее решимости к добру или злу, а как потенция, как сила. Отношение воли как силы к предмету есть его подчинение, результатом которого является господство над ним. При этом господстве, в котором обнаруживается юридическая свобода, также не обращается внимание на моральное ее качество; например, юридическая власть над какою-либо вещью, собственностью, должна признаваться, если бы даже собственник делал из нее морально злое употребление и если бы она в руках другого нашла бы применение, более пригодное для человеческого блага.

Итак, право есть признание юридической свободы, обнаруживающей в лицах и их воле и в их воздействиях на предметы. Существует, таким образом, воля прежде всего божественная, затем воля целой массы людей, связанных этой самой волей, воля, направленная на признание лица и его воли.

Здесь разумеется юридическая воля двоякого рода: воля общая и воля определенного лица, признаваемая первой, насколько соответствует ей. Для обоих употребляется слово «право». [...]

[...] Бытие права, определяющего и регулирующего человеческие отношения, основывается на сознании людьми юридической свободы. Это сознание человек имеет от Бога, право есть божественный порядок, данный человеку и воспринятый его сознанием. [...]

[...] Это человеческое право предполагает своим источником общее сознание. Оно становится юридическим положением потому, что последнее признается таковым общим убеждением всех тех, для которых оно имеет значение. Право есть общая воля всех членов правового общества. Все члены народа соединены этим общим юридическим сознанием, как общим языком, общей религией (если она естественная) в один союз, основанный на телесном и духовном родстве, выходящий за пределы семейной жизни, возникший вследствие разделения человечества. Сознание, пронизывающее члены народа, как нечто общее, прирожденное им и делающее их духовно членами этого народа, одним словом, народный дух есть источник человеческою или естественного права, юридических убеждений, действующих в отдельных членах.

Следствием этого возникновения является различие прав по народам; особенность юридических воззрений так же, как и язык, принадлежит к характеристическим признакам различной национальности. Как общность права есть одна из духовных связей, поддерживающих народ, так и своеобразное развитие юридического сознания образует один из элементов, отличающих один народ от других. Когда один народ распадается на многие народы, то между ними замечается родство как в праве, так и в языке, но, с другой стороны, каждый из этих народов будет в обоих отношениях развиваться своеобразным образом. Это явление мы можем наблюдать яснее всею у народов германского племени. Даже в одном народе, не распадающемся на многие, возникают все-таки национальные разветвления. Эти части народа в своих юридических воззрениях будут отличаться друг от друга известными особенностями, преимущественно в таких пунктах, на которые решительно влияет индивидуальность; но все таки эти

особенности будут сдерживаться юридическими воззрениями, общими всему народу, по отношению к которым они являются только отдельными, частными отклонениями.

Так, немецкому народу соответствуют немецкое право и немецкий язык как достояние всех его племен и ветвей, на которые он распадается, но вместе с тем находим у каждого племени особенности как в праве, так и в языке, позволяющие признать их отдельными племенами. Право обладает своими провинциализмами так же, как и язык. [...]

[...] Выше было сказано, что право рождается в человеческом сознании и что это сознание выясняется далее для нас как народное сознание. Но одного сознания о праве недостаточно для действительного его бытия. Мы можем приписать праву реальность его природы только тогда, когда жизненные отношения действительно регулируются его предписаниями. Право состоит из предписаний, оно требует, чтобы известные действия совершались или не совершались, поэтому сознание права есть вместе с тем воля, по которой должно совершаться все, что согласно с правом. С правом соединена возможность неправа, фактического состояния, несогласного с предписаниями права, но она чуждается в органе для ее выполнения. Этот орган, в котором воплощается общая воля и посредством которого она выполняется, есть верховная власть, через существование которой народ становится гражданским обществом, государством. Та же сила, которая выдвигает право, образует также и государство, без которого право имело бы неполное бытие; без него общественная воля, которой обуславливается право, была бы более желанием, чем действительной, сильной волей. [...]

[...] Из вышесказанного вытекает отношение государства к праву. Право создается впервые не государством, напротив, последнее уже предполагает правовое сознание, право, в охранении которого состоит главная задача государства. От заблуждения — считать государство источником права, не свободна большая часть политиков; одни из них выводят право из верховной власти, другие — от народа в политическом смысле слова, от управляемых в противоположность управляющим. Оба взгляда не верны. Начало права лежит

вне государства. Причем имеется в виду только сверхъестественное его происхождение – путем заповедей Божиих, но также и естественное – путем национальной воли. Эта воля не есть воля народа как составной части государства, но народа как естественного союза, составляющего фундамент государства. Государство предполагает право, но, в свою очередь, служит необходимым восполнением последнего; они оба имеют сверхъестественное и естественное происхождение, они основываются на божественном порядке и воле человека как члена нации. [...]

[...] Как сам народ с течением времени изменяется во всей своей жизни, так точно право, как ветвь этой жизни не неподвижно, а развивается вместе с народом; оно принимает его характер на различных ступенях образования и удобно применяется к его изменяющимся потребностям.

Эта перемена не такова, что народ перестает быть тем же самым: он остается таким же народом как в начале, так и в конце своего жизненного поприща, но между тем в то и другое время различен: точно так же изменяется и право, не переставая все-таки быть правом этого народа, ибо не только юридические положения, заключающиеся одновременно в праве народа, являются членами одного организма, но это органическое качество право сохраняет и в своем дальнейшем развитии; даже преемственное отношение юридических положений является органическим. Все это можно выразить одним словом: право имеет историю. [...]

[...] Каждый источник права имеет силу уничтожить не только из него возникшие юридические положения, но и образованные другим источником, но эта сила принадлежит ему настолько, насколько он может произвести другое юридическое положение равного объема с уничтоженным, может, таким образом, совершенно его покрыть. Вот почему источник права, производящий только партикулярное право, не может уничтожить общего юридического положения. Если, например, существует в известной стране юридическое положение (все равно обычного ли права или законодательного), что заимодавец может от своего должника требовать не более пяти процентов с присовокуплением, то никакое партикулярное исключение из этого положения

не допускается; и если бы желали сослаться на то, что в известном городе этой страны существует юридическое убеждение, утвержденное долголетним обычаем, по которому дозволяется брать больше процентов, то такая ссылка не имела бы никакой силы, потому что партикулярное право подобного содержания невозможно, пока существует вышесказанное юридическое положение, запрещающее партикулярное изъятие; оно может быть уничтожено только общим обычным правом, а не партикулярным. [...]

[...] Право состоит в признании свободы, принадлежащей человеку, потому что он субъект воли, и в охранении всего того, что, несмотря на индивидуальное неравенство, одинаково свойственно всякому; равенство посредством господства над неравенством есть настоящий принцип. Оно не исключает неравенства, но не естественное неравенство как таковое входит в право, а неравенство людей как таковых, неравенство потребностей и средств к удовлетворению их, как таковых. Право дробит и превращает его в неравенство лиц, вещей и т.д., следовательно, в неравенство юридических форм и видов. Оно не признает, например, различия людей по силе тела и души, но так как фактические последствия их настоятельно требуют от него признания, то оно поддерживает понятие равенства тем, что устанавливает различия лиц как таковых (следовательно, по отношению к их юридической деятельности) и власти одного лица над другим, вследствие чего оно придает различиям юридический характер.

Чем более право развивается, тем шире оно относится к требованиям различной природы людей и вещей, тем менее резки и жестки и тем эластичнее будут формы, которыми оно их облекает, не уничтожая при этом своего основного принципа. Оно все более будет приближаться к своей идее права, примиряющего все на predetermined ему пути, к *aequum jus*, как римляне называли. [...]

Источник: Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. – М.: Издательство: Типография Г. В. Фальк, 1872. – 100 с.

РАЗДЕЛ 4. СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА КАК ЦЕЛОСТНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

ИММАНУИЛ КАНТ

Иммануи́л Кант (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, человек, оказавший широчайшее влияние на историю современной западной философии. Написал ставший важнейшим и в то же время одним из самых трудных для понимания философских трудов – «Критика чистого разума». Идеальный вдохновитель философской школы неокантианства.

МЕТАФИЗИКА ПРАВОВ (1797)

ВВЕДЕНИЕ В УЧЕНИЕ О ПРАВЕ

А. Что представляет собой учение о праве

Совокупность законов, для которых возможно внешнее законодательство, называется учением о праве (*Ius*). Если такое законодательство действительно существует, оно есть учение о положительном праве, а о человеке, сведущем в этом учении, или правоведе (*Iurisconsultus*), говорят, что он знаток права (*Iurisperitus*), когда он внешние законы знает также с их внешней стороны, то есть с точки зрения их применения к случаям, происходящим в опыте; учение о праве может стать также юриспруденцией (*Iurisprudentia*), однако без объединения его с юриспруденцией оно остается всего лишь правоведением (*Iurisscientia*). Это последнее название относится к систематическому знанию учения о естественном праве (*Ius naturale*), хотя правовед должен в этом учении давать неизменные принципы для всякого положительного законодательства.

В. Что такое право?

Этот вопрос может так же смутить правоведа..., как пресловутый вопрос: «Что есть истина?», обращенный к учителям логики. ...

Понятие права, поскольку оно относится к соответствующей этому праву обязанности (т. е. его моральное понятие), во-первых, касается лишь внешних, и притом практических, отношений между лицами, поскольку их поступки как действия могут иметь (непосредственное или опосредствованное) влияние друг на друга. Во-вторых, понятие права означает не отношение произволения к желанию (следовательно, к чистой потребности) другого [лица], как это имеет место в благодетельных или в жестокосердных поступках, а лишь отношение к произволению другого [лица]. В третьих, в этом взаимном отношении произволения не принимаются во внимание даже материя этого произволения, т. е. цель, которую преследует каждый в отношении желаемого объекта, например, не ставится вопрос, может ли получить свою выгоду от товара тот, кто его покупает у меня для перепродажи, или не может; вопрос стоит лишь о форме отношения двустороннего произволения, поскольку он рассматривается исключительно как свободный, и о том, совместим ли в такой форме поступок одного из двух [лиц] со свободой другого, сообразной со всеобщим законом.

Итак, право – это совокупность условий, при которых произволение одного [лица] совместимо с произволением другого с точки зрения всеобщего закона свободы.

С. Всеобщий принцип права

«Прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произволения каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом».

Таким образом, если мой поступок или вообще мое состояние совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом, то тот, кто препятствует мне в этом, неправ, ибо такое препятствие (противодействие) несовместимо со свободой, сообразной со всеобщим законом. ...Делать правые поступки своей максимой – это требование, предъявляемое мне этикой.

Итак, всеобщий правовой закон гласит: поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произволения было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом...

Д. Право связано с правомочием принуждать

[...] Все неправоое препятствует свободе, сообразной со всеобщим законом, принуждение же препятствует свободе или оказывает ей сопротивление. Следовательно, когда определенное проявление свободы само оказывается препятствием к свободе, сообразной со всеобщими законами (т.е. неправоым), тогда направленное против такого применения принуждение как-то, что воспрепятствует препятствию для свободы, совместимо со свободой, сообразной со всеобщими законами, т.е. бывает правоым; стало быть, по закону противоречия с правом связано также правомочие применять принуждение к тому, кто наносит ущерб этому праву.

Е. Строгое право может быть представлено также как возможность полного взаимного принуждения, согласующегося со свободой каждого, сообразной со всеобщими законами

Это положение означает следующее: право нельзя мыслить состоящим из двух частей, а именно из обязательности по закону и из правомочия того, кто своим произволением обязывает другого, принудить его к этой обязательности; понятие права можно усмотреть непосредственно в возможности сочетать всеобщее взаимное принуждение со свободой каждого. Как вообще право имеет своим объектом внешнюю сторону поступков, так и строгое право, т.е. такое, к которому не примешивается ничего этического, не требует никаких иных определяющих оснований произволения, кроме внешних; ведь именно тогда оно чисто и не смешано ни с какими нравственными предписаниями. Строгим правом (правом в узком смысле слова) можно, следовательно, назвать лишь совершенно внешнее право. [...]

Итак, если говорят: кредитор имеет право требовать от должника уплаты его долга, то это не означает, что он может внушить должнику, что его собственный разум обязывает его к уплате; нет, принуждение, которое

заставляет каждого делать это, вполне совместимо со свободой каждого, а, следовательно, и с собственной свободой, сообразной со всеобщим внешним законом; таким образом, право и правомочие принуждать означают одно и то же. [...]

ПРИЛОЖЕНИЕ К ВВЕДЕНИЮ В УЧЕНИЕ О ПРАВЕ.

О ДВУСМЫСЛЕННОМ ПРАВЕ

С любым правом в узком смысле этого слова связано правомочие принуждать. Но можно мыслить себе еще и право в более широком смысле, где правомочие принуждать не может быть определено никаким законом. Этих истинных или мнимых прав имеется два: справедливость и право крайней необходимости; из них первая допускает право без принуждения, второе – принуждение без права, и легко заметить, что такая двусмысленность покоится, собственно говоря, на том, что бывают случаи сомнительного права, для решения которых нет никакого судьи.

ДЕЛЕНИЕ УЧЕНИЯ О ПРАВЕ

А. Общее деление правовых обязанностей

Это деление можно совершить по Ульпиану, если придать его формулам смысл, который он вряд ли отчетливо мог представлять себе, но который они тем не менее дают возможность из них вывести или в них вложить. Формулы эти таковы:

1. Будь человеком, действующим по праву. Правовая честность состоит в следующем: надо сохранять в отношениях с другими свое достоинство как человека; этот долг выражен в положении: «Не будь лишь средством для других, будь для них также и целью». Этот долг будет в дальнейшем объяснен нами как обязательность, основанная на праве человечества в нашем собственном лице.

2. Не поступай с кем-либо не по праву, даже если тебе ради этого надо будет прекратить всякую связь с остальными и избегать всякого общества.

3. Вступай (если ты не можешь избежать всякой связи с другими) в такое сообщество с ними, в котором каждому может быть сохранено свое. Последняя формула, если ее перевести как «воздай каждому свое», была бы нелепостью; ведь нельзя кому-то дать то, что у него уже есть. Так что если искать в ней смысл, то она должна звучать так: «Займи такое положение, в котором каждому может быть гарантировано свое в отношении любого другого».

Итак, три приведенные классические формулы суть также принципы деления системы правовых обязанностей на внутренние, внешние и те, с помощью которых последние выводятся из принципа первых через подведение.

В. Общее деление права

1. Прав как систематических учений – на естественное право, покоящееся на одних только априорных принципах, и положительное (статуарное) право, вытекающее из воли законодателя.

2. Прав как (моральной) способности обязывать других, то есть как законного основания для них: основное деление этих прав – это деление на прирожденное и приобретенное право: первое – это такое право, которое принадлежит каждому от природы независимо от какого бы то ни было правового акта; второе – это право, для которого требуется правовой акт.

Прирожденное мое и твое может быть названо также внутренним [правом]..., ибо внешнее [право] всегда должно быть приобретено.

Прирожденное право только одно-единственное.

Свобода (независимость от принуждающего произволения другого), поскольку она совместима со свободой каждого другого, сообразной со всеобщим законом, и есть это единственное первоначальное право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду. Прирожденное равенство, т.е. независимость, состоящая в том, что другие не могут обязать кого-либо к большему, чем то, к чему он со своей стороны может их обязать; стало быть, свойство человека быть своим собственным господином, равно как и свойство безупречного человека, поскольку он перед лицом любого правового акта ни с кем не поступил не по праву; наконец, также правомочие

совершать по отношению к другим то, что само по себе не уменьшает принадлежащего им, в случае если только они сами не позаботятся об этом; точно так же [правомочие] делиться с другими лишь своими мыслями, рассказывать или обещать что-нибудь другим, будь то честно и искренне или нечестно и неискренне, потому что только от них зависит, хотят ли они этому человеку верить или нет⁸⁸, - все эти правомочия заложены уже в самом принципе прирожденной свободы и (как члены деления, подчиненные более высокому понятию права) действительно не отличаются от этой свободы.

Цель, с которой подобное деление было введено в систему естественного права (поскольку это касается прирожденного права), такова: чтобы, в случае, когда возникает спор по поводу приобретенного права и встает вопрос о том, кто обязан представить доказательства, касающиеся сомнительного поступка или, если таковой выявлен, сомнительного права, тот, кто отклоняет от себя это обязательство, мог методически и как бы на различных правовых основаниях ссылаться на свое прирожденное право свободы (которое конкретизируется в соответствии со своими различными отношениями).

А так как в отношении прирожденных, стало быть внутренних, мое и твое нет [различных] прав, а есть лишь одно право, то указанное главное деление, как состоящее из двух по своему содержанию крайне неравных членов, может быть включено в пролегомены, а деление учения о праве может иметь отношение лишь к внешнему мое и твое. [...]

Источник: Кант И. Метафизика нравов. Введение в метафизику нравов. —

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Metaphisika_1.pdf

⁸⁸ Когда намеренно, хотя бы только по легкомыслию, говорят неправду, это обычно называют ложью, потому что она наносит урон по меньшей мере в том отношении, что тот, кто чистосердечно ее повторяет, становится, как человек легковверный, посмешищем для других. Но в правовом смысле считается, что лишь та неправда должна называться ложью, которая непосредственно наносит другому ущерб в его правах, например, ложная ссылка на якобы заключенный с кем-то договор, дабы лишить его своего; такое различие весьма близких друг другу понятий не лишено основания: если кто-то просто излагает свои мысли, то другой волен принять их так, как он хочет, хотя не без основания высказанное после этого мнение, что это человек, чьим речам нельзя верить, столь близко к упреку в том, что он лжец, что границу, отделяющую здесь то, что принадлежит праву, от того, что относится к этике, можно различить только таким именно образом. (Прим. / Канта.)

УЧЕНИЯ О ПРАВЕ

Часть первая

ЧАСТНОЕ ПРАВО, КАСАЮЩЕЕСЯ ВНЕШНЕГО МОЕ И ТВОЕ ВООБЩЕ

Глава первая

О СПОСОБЕ ИМЕТЬ НЕЧТО ВНЕШНЕЕ КАК СВОЕ

§1

Мое в правовом отношении (*meum iuris*) – это то, с чем я связан так, что если бы кто-то другой пользовался им без моего согласия, то это нанесло бы мне ущерб. Субъективное условие возможности пользования вообще есть владение.

Однако нечто внешнее лишь в том случае будет моим, если я могу допустить возможность того, что кто-то другой, пользуясь вещью, которой я и не владею, может мне, однако, нанести ущерб. Таким образом, было бы противоречием иметь нечто внешнее своим, если бы понятие владения не допускало различного значения, а именно чувственного и умопостигаемого владения, и если бы под первым мы не понимали физическое, а под вторым – чисто правовое владение одним и тем же предметом. [...]

§8

Иметь что-то внешнее своим можно лишь в правовом состоянии при наличии власти, устанавливающей публичные законы, т.е. в гражданском состоянии

Когда я (словом или делом) заявляю: я хочу, чтобы нечто внешнее было моим, то я объявляю каждого другого обязанным воздерживаться от пользования предметом моего произволения; такой обязательности никто не имел бы без этого моего правового акта. В этом притязании, однако, заключается также признание того, что я со своей стороны обязан в такой же мере воздерживаться от пользования внешним своим каждого другого, ведь обязательность вытекает

здесь из всеобщего правила внешнего правового взаимоотношения. Следовательно, я не обязан оставлять нетронутым внешнее свое другого, если каждый другой также не дает мне гарантии, что он в отношении моего будет поступать согласно тому же принципу; такая гарантия вовсе не требует какого-либо особого правового акта, а содержится уже в самом понятии внешней правовой обязанности в силу всеобщности, стало быть, в силу взаимного характера обязательности на основе всеобщего правила. - Односторонняя же воля в отношении внешнего, стало быть случайного, владения не может служить принудительным законом для каждого, потому что это ущемило бы свободу, сообразную со всеобщими законами. Таким образом, только воля, обязывающая каждого другого, стало быть коллективно всеобщая (совместная) и обладающая властью воля, может дать каждому гарантию. - Состояние же, когда действует всеобщее внешнее (т.е. публичное) сопровождающееся властью законодательство, - это и есть гражданское состояние. Следовательно, лишь в гражданском состоянии может быть внешнее мое и твое.

Вывод: если в правовом отношении должно быть возможно иметь какой-то внешний предмет своим, то и субъекту должно быть разрешено принуждать каждого другого, с которым у него возникает спор относительно моего и твоего из-за такого предмета, вступать вместе с ним в состояние гражданского устройства.

§41

Переход от моего и твоего в естественном состоянии к моему и твоему в правовом состоянии вообще

Правовое состояние – это взаимоотношение между людьми, содержащее те условия, единственно при которых всякий может пользоваться своим правом, а формальный принцип возможности такого состояния, рассматриваемый с точки зрения идеи воли, устанавливающей всеобщие законы, называется общественной справедливостью, которая в отношении возможности, или действительности, или необходимости владения предметами (как материей

произвола) в соответствии с законами может быть разделена на охранительную справедливость, взаимоприобретающую и распределяющую. Закон говорит здесь, во-первых, только о том, какой образ действий внутренне прав по форме; во-вторых, что в качестве материи сообразно с законом также внешне, т. е. чье владение основано на праве; в-третьих, что и о чем приговор суда в отдельном случае – при данном законе – сообразуется с этим законом, т. е. соответствует праву, причем сам суд именуют справедливостью страны, и вопрос о том, существует таковая или нет, может быть важнейшим среди всех правовых дел.

Неправовое состояние, т. е. то, в котором нет никакой распределяющей справедливости, называется естественным состоянием. Ему противоположно не общественное состояние (как это считает Ахенваль), которое можно было бы назвать, а гражданское состояние общества, подчиняющегося распределяющей справедливости; ведь и в естественном состоянии могут существовать правомерные сообщества (например, брачные, отцовские, домашние вообще и любые другие), для которых нет априорного закона, гласящего: «Ты должен вступить в это состояние», как это обстоит с правовым состоянием, о котором можно сказать, что все люди, которые (пусть и произвольно) могут оказаться с другими людьми в правовых отношениях, должны вступить в это состояние.

Первое и второе из указанных состояний можно назвать состоянием частного права, последнее, третье – состоянием публичного права. Оно содержит столько же и те же самые взаимные обязательства людей, какие могут мыслиться в том состоянии; материя частного права одна и та же в обоих случаях. Следовательно, законы состояния публичного права касаются лишь правовой формы своего совместного бытия (конституции), в отношении которой эти законы необходимо должны мыслиться как публичные.

Даже гражданский союз нельзя назвать обществом, ибо между повелителем и подданным не существует сотоварищества; они не товарищи, а находятся в отношении субординации, но не координации; те же, кто находится в отношении координации, должны именно в силу этого рассматривать друг

друга как равных, поскольку они подчиняются общим для всех законам. Таким образом, указанный союз не столько есть Общество, сколько создает его.

Источник: Кант И. Метафизика нравов. Учения о праве. Часть первая.

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Metaphisika_2.pdf

Часть вторая **ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО**

Раздел первый **ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО**

§43

Совокупность законов, нуждающихся в обнародовании для того, чтобы создать правовое состояние, есть публичное право. Оно, следовательно, представляет собой систему законов, изданных для народа, то есть для множества людей, или для множества народов, которые, оказывая друг на друга влияние, в правовом состоянии, когда действует одна объединяющая их воля, нуждаются в конституции, чтобы пользоваться тем, что основано на праве. Такое состояние отдельных индивидов в составе народа, в отношении друг к другу называется гражданским (*status civilis*), а их совокупность в отношении собственных членов – государством (*civitas*), которое в силу своей формы как нечто связанное общей заинтересованностью всех в том, чтобы находиться в правовом состоянии, называется общностью, а в отношении к другим народам – просто властью..., что дает основание мыслить под общим понятием публичного права не только государственное право, но и международное право (*ius gentium*); отсюда, поскольку земля представляет собой не бесконечную, а замкнутую поверхность, государственное и международное право необходимо приводит к идее права государства народов (*ius gentium*) или права гражданина мира (*ius cosmopoliticum*). [...]

§45

Государство (*civitas*) – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам. ...

В каждом государстве существует три власти, то есть всеобщим образом объединенная воля в трех лицах (*trias politica*): верховная власть (суверенитет) в лице законодателя, исполнительная власть в лице правителя (правлящего согласно закону) и судебная власть (присуждающая каждому свое согласно закону) в лице судьи..., как бы три суждения в практическом силлогизме: большая посылка, содержащая в себе закон всеобщим образом объединенной воли; меньшая посылка, содержащая в себе веление поступать согласно закону, то есть принцип подведения под эту волю, и вывод, содержащий в себе судебное решение (приговор) относительно того, что в данном случае соответствует праву.

§46

Законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа. В самом деле, так как всякое право должно исходить от нее, она непременно должна быть не в состоянии поступить с кем-либо не по праву. [...]

Объединенные для законодательства члены такого общества (*societas civilis*), то есть государства, называются гражданами (*cives*), а неотъемлемые от их сущности (как таковой) правовые атрибуты суть: основанная на законе свобода каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; гражданское равенство – признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него; в третьих, атрибут гражданской самостоятельности – быть обязанным своим существованием и содержанием не произволению кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам как член общности, следовательно, в правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим.

Только способность голосовать составляет квалификацию гражданина; а эта способность предполагает самостоятельность того в составе народа, кто намерен быть не просто частицей общности, но и ее членом, то есть ее частицей, действующей по собственному произволению совместно с другими. Но это последнее качество делает необходимым различие граждан активных и пассивных, хотя понятие пассивный гражданин кажется противоречащим дефиниции понятия гражданин вообще. [...]

§47

[...] Акт, через который народ сам контролируется в государство,... – это первоначальный договор, согласно которому все в составе народа отказываются от своей внешней свободы, с тем, чтобы снова тотчас же принять эту свободу как члены общности, то есть народа, рассматриваемого как государство; и нельзя утверждать, что государство или человек в государстве пожертвовал ради какой-то цели частью своей прирожденной внешней свободы; он совершенно оставил дикую, не основанную на законе свободу, для того чтобы вновь в полной мере обрести свою свободу вообще в основанной на законе зависимости, то есть в правовом состоянии, потому что зависимость эта возникает из его собственной законодательствующей воли.

§48

Все три власти в государстве, во-первых, координированы между собой наподобие моральных лиц, то есть одна дополняет другую для совершенства государственного устройства; но, во-вторых, они также и подчинены друг другу таким образом, что одна из них не может узурпировать функции другой, которой она помогает, а имеет свой собственный принцип, то есть хотя она повелевает в качестве отдельного лица, однако при наличии воли вышестоящего лица; в-третьих, путем объединения тех и других функций они каждому подданному предоставляют его права.

Об этих трех видах власти, рассматриваемых с точки зрения принадлежащего каждому из них сана, правильно будет сказать, что в том, что касается внешнего мое и твое, воля законодателя безупречна, способность к исполнению у верховного правителя (*summi rectoris*) неодолима, а приговор верховного судьи неизменяем.

§49

Правитель государства (*rex, princeps*) – это то (моральное или физическое) лицо, которому принадлежит исполнительная власть; он поверенный государства, назначающий должностных лиц, предписывающий народу правила, согласно которым каждый в составе народа может сообразно с законом (подведением случая под этот закон) что-то приобрести или сохранить свое. Рассматриваемый как лицо моральное, этот правитель носит название правления, правительства. Его повеления народу, должностным лицам и их начальникам (министрам), в обязанности которых входят управление государством, – это предписания, постановления (а не законы); ведь они касаются решения в том или ином отдельном случае и могут быть изменены. Правительство, которое было бы также законодательствующим, следовало бы назвать деспотическим [...]

Властитель народа (законодатель), следовательно, не может быть одновременно правителем, так как правитель подчиняется закону и связан им, следовательно, другим лицом - сувереном. Суверен может лишить его власти, снять его или же преобразовать его правление, однако не может его наказывать (именно такой смысл имеет употребляемое в Англии выражение: «Король, т.е. высшая исполнительная власть, не может поступать не по праву»); ведь это со своей стороны было бы актом исполнительной власти, которая есть высшая инстанция принуждения сообразно с законом и тем не менее подлежала бы принуждению, что само себе противоречит.

Наконец, ни властелин государства, ни правитель не могут творить суд, а могут лишь назначать судей как должностных лиц. Народ сам судит себя через

тех своих сограждан, которые назначены для этого как его представители путем свободного выбора, причем для каждого акта особо. В самом деле, судебное решение (приговор) есть единичный акт общественной справедливости, осуществляемый государственным должностным лицом (судьей или судом) в отношении подданного, т.е. лица, принадлежащего к народу, стало быть не облеченного никакой властью, причем цель этого акта – присудить (предоставить) ему свое. [...]

Итак, таковы три различные власти..., благодаря которым государство обладает автономией, то есть само себя создает и поддерживает в соответствии с законами свободы. В объединении этих трех видов власти заключается благо государства (*salus respublica suprema lex est*); под благом государства подразумевается не благополучие граждан и их счастье – ведь счастье (как утверждает и Руссо) может в конце концов оказаться гораздо более приятным и желанным в естественном состоянии или даже при деспотическом правлении; под благом государства подразумевается высшая степень согласованности государственного устройства с правовыми принципами, стремиться к которой обязывает нас разум через некий категорический императив.

ОБЩЕЕ ЗАМЕЧАНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВОВЫХ СЛЕДСТВИЙ ИЗ ПРИРОДЫ ГРАЖДАНСКОГО СОЮЗА

Происхождение верховной власти в практическом отношении непостижимо для народа, подчиненного этой власти, то есть подданный не должен действовать, умничая по поводу этого происхождения как подлежащего еще сомнению права в отношении обязательного повиновения. [...] Закон, который столь священен (неприкосновенен), что стоит лишь практически подвергнуть его сомнению, а стало быть, хотя бы на миг приостановить его действие, как это уже становится преступлением... Надо повиноваться ныне существующей власти, каково бы ни было ее происхождение. [...]

Итак, против законодательствующего главы государства нет правомерного сопротивления народа, ведь правовое состояние возможно лишь через подчинение его устанавливающей всеобщие законы воле; следовательно, нет никакого права на возмущение, еще в меньшей степени – на восстание и в наименьшей степени – права посягать на его особу. [...] Малейшая попытка в этом направлении составляет государственную измену, и такого рода изменник может караться только смертной казнью как за попытку погубить свое отечество. – Обязанность народа терпеть злоупотребления верховной власти, даже те, которые считаются невыносимыми. [...]

Следовательно, изменения в (имеющем изъяны) государственном устройстве, которые иногда требуются, могут быть произведены только самим сувереном путем реформы, а не народом, стало быть путем революции, и, когда такие изменения совершаются, они могут касаться лишь исполнительной власти, но не законодательной. [...]

Впрочем, если революция удалась и установлен новый строй, то неправомерность этого начинания и совершения революции не может освободить подданных от обязательности подчиниться в качестве добрых граждан новому порядку вещей, и они не могут уклониться от честного повиновения правительству, которое обладает теперь властью. [...]

Всеобщая воля народа объединилась в общество, которое должно постоянно себя поддерживать и для этого подчиняться внутренней государственной власти, дабы содержать тех членов общества, которые сами содержать себя не могут. Для надобности государства правительство имеет, следовательно, право принуждать состоятельных [граждан] доставлять средства на содержание тех, кто не в состоянии обеспечить удовлетворение своих, даже самых необходимых, естественных потребностей; поскольку существование этих лиц есть также акт отдачи себя под защиту и необходимую для их существования заботу общества, к чему они себя обязывают, государство основывает на этом свое право [принуждать состоятельных лиц] участвовать в содержании своих сограждан. [...]

О праве наказания и помилования

I

Право наказания – это право повелителя причинить страдание подчиненному за совершенное им преступление. Глава государства, следовательно, не может быть наказан, можно лишь уйти из-под его власти. То нарушение публичных законов, которое лишает нарушителя возможности быть гражданином, называется просто преступлением, или же публичным преступлением; поэтому за первое (частное преступление) привлекаются к гражданскому суду, за второе – к уголовному. Злоупотребление доверием, т.е. растрата доверенных для торговли денег или товаров, обман при покупке или продаже при свидетеле, – все это частные преступления. Напротив, подделка денег или векселя, кража или разбой и т.п. – это публичные преступления, потому что они подвергают этим опасности не отдельное лицо, а общество. - Указанные преступления можно разделить на преступления низменного характера и преступления насильственного характера.

Наказание по суду, которое отличается от естественной кары, тем, что порок сам себя наказывает и что законодатель не берет эту естественную кару в расчет, никогда не может быть для самого преступника или для гражданского общества вообще только средством содействия какому-то другому благу: наказание лишь потому должно налагать на преступника, что он совершил преступление; ведь с человеком никогда нельзя обращаться лишь как со средством достижения цели другого [лица] и нельзя смешивать его с предметами вещного права, против чего его защищает его прирожденная личность, хотя он и может быть осужден на потерю гражданской личности. Он должен быть признан подлежащим наказанию до того, как возникнет мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для него самого или для его сограждан. Карающий закон есть категорический императив, и горе тому, кто в изворотах учения о счастье пытается найти нечто такое, что по соображениям обещанной законом выгоды избавило бы его от кары или хотя бы от какой-то части [...]

Каков, однако, способ и какова степень наказания, которые общественная справедливость делает для себя принципом и мерилom? Единственный принцип – это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой. Итак, то зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслужившему его, ты причиняешь и самому себе. Оскорбляешь ты другого – значит ты оскорбляешь себя; крадешь у него – значит обкрадываешь самого себя; бьешь его – значит сам себя бьешь; убиваешь его – значит убиваешь самого себя. [...] Тот, кто что-то украл, делает ненадежной собственностью всех остальных; следовательно, он отнимает у себя (согласно праву возмездия) надежность всякой возможной собственности; он ничего не приобрел и ничего не может приобрести, но жить хочет, а это теперь возможно, только если его будут кормить другие. Но так как государство не будет этого делать даром, то он должен предоставить в его распоряжение свои силы для работ, какие оно найдет нужным (например, для каторжных или исправительных работ), и таким образом он на некоторое время или же по усмотрению [власти] пожизненно попадает в положение раба. - Если же он убил, то он должен умереть. Здесь нет никакого суррогата для удовлетворения справедливости. Жизнь, как бы тягостна она ни была, неоднородна со смертью; стало быть, нет и иного равенства между преступлением и возмездием, как равенство, достигаемое смертной казнью преступника, приводимой в исполнение по приговору суда, но свободной от всяких жестокостей, которые человечество в лице пострадавшего могло бы превратить в устрашение. Даже если бы гражданское общество распустило себя по общему согласию всех его членов (например, если бы какой-нибудь населяющий остров народ решил бы разойтись по всему свету), все равно последний находящийся в тюрьме убийца должен был бы быть до этого казнен, чтобы каждый получил то, чего заслуживают его действия, и чтобы вина за кровавое злодеяние не пристала к народу, который не настоял на таком наказании; ведь на народ в этом случае можно было бы смотреть как на соучастника этого публичного нарушения справедливости. [...]

Итак, сколько есть преступников, совершивших убийство, или приказавших его совершить, или содействовавших ему, столько же должно умереть; этого требует справедливость как идея судебной власти согласно всеобщим, а priori обоснованным законам. [...]

II

Право помилования преступника – будь то смягчение наказания или полное освобождение от него – это самое щекотливое из всех прав суверена: оно доказывает блеск его величия и в то же время ведет в значительной степени к несправедливости. В отношении преступлений подданных друг против друга ему безусловно не следует применять это право; ведь в данном случае безнаказанность – величайшая несправедливость по отношению к подданным. Следовательно, он может применять это право лишь в случае ущерба, нанесенного ему самому. Но и в этом случае не тогда, когда из-за безнаказанности может возникнуть угроза для безопасности народа. Это право единственное, заслуживающее названия права верховной власти. [...]

§51

Три власти в государстве лишь в той мере, в какой они вытекают из понятия общности вообще (*res publica latius dicta*), суть лишь отношения объединенной, а priori происходящей из разума воли народа и чистую идею главы государства, имеющую объективную реальность. Этот глава (суверен) до тех пор остается лишь пустым порождением мысли (представляющим весь народ), пока еще нет физической личности, представляющей высшую государственную власть и обеспечивающей этой идее воздействие на волю народа.

Отношение высшей государственной власти к воле народа можно мыслить трояким образом: либо одно лицо в государстве повелевает всеми, либо некоторые равные между собой совместно повелевают всеми остальными, либо, наконец, все вместе повелевают каждым, стало быть, и самим собой, иначе говоря, форма государства может быть либо автократической, либо

аристократической, либо демократической. Легко заметить, что автократическая форма государства самая простая, а именно это – (отношение) короля к народу, стало быть, это (такая форма), где лишь один – законодатель. Аристократическая форма сложена уже из двоякого рода отношений, а именно из отношений знатных между собой (в качестве законодателей), цель которых – быть сувереном, и затем из отношений этого суверена к народу; демократическая же форма самая сложная, а именно она должна сначала объединить волю всех, дабы из этого образовать народ, затем волю граждан, дабы образовать общность, и, наконец, поставить во главе этой общности суверена, который и есть сама эта объединенная воля. Что касается применения права в государстве, то, пожалуй, наиболее простая (форма государства) есть и наилучшая, однако в отношении самого права она и наиболее опасная для народа ввиду деспотизма, к которому она весьма сильно тяготеет. [...]

К праву верховного повелителя в государстве относится также:
1) распределение должностей, т. е. ведение дел, которое оплачивается [...].

Что касается гражданской службы, то здесь возникает вопрос: имеет ли суверен право по своему усмотрению отнять должность у того, кому он сам ее пожаловал (должностное лицо не совершило при этом никакого преступления)? Я утверждаю: нет!

Ибо то, что объединенная воля народа никогда не решит в отношении гражданских служащих, и глава государства не сможет решить в отношении этой воли. А народ (именно на него падают расходы, связанные с назначением на должность служащего) хочет, вне всякого сомнения, чтобы этому последнему возложенная на него работа была по плечу, но это возможно только благодаря длительной подготовке и обучению, за время которой он не может быть обучен другому делу, которое дало бы ему средства к существованию; стало быть, должности занимали бы, как правило, люди, которые не обладали бы нужным умением и зрелостью суждений, достигаемой опытом; а это противоречит цели государства, для (осуществления) которой необходимо также, чтобы каждый служащий поднимался с низшей должности на высшую (в противном случае

высшие должности попадали бы в руки одних только негодных людей), стало быть, мог бы рассчитывать на пожизненное обеспечение.

§52

[...] Государственные формы – это всего лишь буква первоначального законодательства в гражданском состоянии, и они могут существовать до тех пор, пока они как принадлежность механизма государственного строя считаются по старой и длительной привычке (следовательно, лишь субъективно) необходимыми. Но дух первоначального договора налагает на устроящую власть обязательство делать способ правления соответствующим идее первоначального договора и, если этого нельзя добиться сразу, постепенно и последовательно так изменять это правление, чтобы оно по своему действию согласовывалось с единственно правомерным строем, а именно со строем чистой республики...

Раздел второй

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

...Право государств в отношении друг к другу, которое не совсем правильно называется международным правом, – оно должно было бы, скорее, называться межгосударственным, – это то право, ...когда одно государство, рассматриваемое как моральное лицо по отношению к другому государству, в состоянии естественной свободы, а следовательно, и в состоянии постоянной войны, делает своей задачей установить отчасти право на войну, отчасти право во время войны, отчасти право заставлять друг друга выйти из этого состояния войны, стало быть, установить строй, обеспечивающий прочный мир, то есть право после войны; международное право содержит в себе лишь то, что отличает право народов от права естественного состояния отдельных людей или семей (в отношении друг к другу) таким образом, что в международном праве рассматриваются не только отношения одного государства к другому в целом, но и отдельных лиц одного государства в отношении отдельных же лиц другого, равно как и их отношение к другому государству в целом. ...

Элементы международного права таковы: 1) государства, рассматриваемые во внешних взаимоотношениях (так же как не подчиняющиеся законам дикари), от природы находятся в неправоном состоянии; 2) это состояние есть состояние войны (права более сильного), хотя это и не действительная война и не постоянная действительная вражда...; 3) согласно идее первоначального общественного договора, необходим союз народов не для того, конечно, чтобы вмешиваться во внутренние раздоры другой стороны, а для того, чтобы оказывать друг другу помощь при нападении внешних врагов; 4) этот союз должен быть не суверенной властью (как в гражданском устройстве), а лишь товариществом (федерацией), союзом, который в любое время может быть расторгнут и, стало быть, должен время от времени обновляться; это – право... отвращать от себя возможность оказаться в состоянии действительной войны между государствами. ...

Такой союз нескольких государств для сохранения мира можно назвать постоянным конгрессом государств, присоединиться к которому не возбраняется ни одному из соседних государств; нечто подобное (по крайней мере в том, что касается формальностей международного права с целью сохранения мира) имело место еще в первой половине текущего столетия, а именно собрание Генеральных штатов в Гааге; на нем министры большинства европейских дворов и даже самых маленьких республик жаловались на враждебные выпады со стороны других; тем самым они мыслили себе Европу как единое федеративное государство, которое они рассматривали как бы в качестве третейского судьи в этих их публичных спорах; вместо этого в дальнейшем международное право осталось только в книгах, полностью исчезнув из (министерских) кабинетов, или же, после того как была уже применена сила, оно было в форме дедукций доверено тайникам архивов.

Однако под конгрессом разумеется здесь лишь созываемое в свободной форме, в любое время могущее быть распущенным собрание различных государств, а не такое объединение, которое (подобно Американским Штатам) основано на конституции и потому не подлежит роспуску; только при помощи

такого конгресса может быть осуществлена идея учреждения публичного права народов, разрешающего споры между ними так, как это подобает цивилизованным народам, как бы судопроизводством, а не варварским (дикарским) способом, т. е. войной.

Раздел третий

ПРАВО ГРАЖДАНИНА МИРА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[...] Итак, морально практический разум произносит в нас свое неотменимое veto: никакой войны не должно быть: ни войны между мной и тобой в естественном состоянии, ни войны между нами, как государствами, которые внутренне хотя и находятся в законном состоянии, но внешне (во взаимоотношениях) – в состоянии беззакония; война-это не тот способ, каким каждый должен добиваться своего права. [...]

Можно сказать, что установление всеобщего и постоянного мира составляет не просто часть, а всю конечную цель учения о праве в пределах одного лишь разума; ведь состояние мира-это единственное гарантированное законами состояние моего и твоего среди множества живущих по соседству друг с другом людей, стало быть людей, существующих вместе при одном государственном строе [...]

Это идеи разума – идея мирной, хотя еще не дружеской, общности всех народов земли без исключения, которые могут вступать друг с другом в полезные отношения, - вовсе не человеколюбивая (этическая) идея, а правовой принцип. ... – Это право, поскольку оно имеет в виду возможное объединение всех народов для (установления) определенных всеобщих законов их возможного общения, можно назвать правом гражданина мира. ...

Источник: Кант И. Метафизика нравов. Учения о праве. Часть вторая. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Metaphisika_3.pdf

К ВЕЧНОМУ МИРУ. ФИЛОСОФСКИЙ ПРОЕКТ (1795)

1. «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основа новой войны».

Ибо иначе это было бы только перемирие, временное прекращение военных действий, а не мир, который означает окончание всякой вражды и присоединять к которому прилагательное «вечный» есть уже подозрительный плеоназм. Мирный договор уничтожает все имеющиеся причины будущей войны, даже те, которые, быть может, в данный момент не известны самим договаривающимся сторонам и которые впоследствии могут быть хитро и изворотливо выисканы в архивных документах. Если называть вещи своими именами, то сохранение (*reservatio mentalis*) на будущее старых претензий, о которых в данный момент ни одна из сторон не упоминает, так как обе слишком обессилены, чтобы продолжать войну, хотя и исполнены преступного намерения использовать для этой цели первый удобный случай, есть иезуитская казуистика, не достойная правителя, так же, как и готовность к обоснованию подобных действий не достойна его министра.

Разумеется, тем, кто в соответствии с просвещенными понятиями государственной мудрости видит истинное достоинство государства в постоянном увеличении любыми средствами его могущества, наше мнение покажется ученическим и педантичным.

2. «Ни одно самостоятельное государство (большое или малое – это не имеет значения) ни по наследству, ни в результате обмена, купли или дарения не должно быть приобретено другим государством».

Дело в том, что государство (в отличие, скажем, от земли, на которой оно находится) не представляет собой имущества (*patrimonium*). Государство – это общество людей, повелевать и распоряжаться которыми не может никто, кроме его самого. Поэтому всякая попытка привить его, имеющего, подобно стволу, собственные корни, как ветвь, к другому государству, означала бы уничтожение первого как моральной личности и превращение моральной личности в вещь и

противоречила бы идее первоначальной договора, без которой нельзя мыслить никакое право на управление народом [...].

3. «Постоянные армии (*miles perpetuus*) со временем должны полностью исчезнуть». Ибо, будучи постоянно готовыми к войне, они непрестанно угрожают ею другим государствам. Они побуждают их к стремлению превзойти друг друга в количестве вооруженных сил, которое не имеет предела, и поскольку связанные с миром военные расходы становятся в конце концов обременительнее короткой войны, то сами постоянные армии становятся причиной военного нападения с целью избавиться от этого бремени. К тому же нанимать людей, для того чтобы они убивали или были убиты, – значит использовать их как простые машины или орудия в руках другого (государства), а это несовместимо с правами человека, присущими каждому из нас. Иное дело – добровольное, периодически проводимое обучение граждан обращению с оружием с целью обезопасить себя и свое отечество от нападения извне. Накопление богатств может привести к тем же результатам, а именно; другие государства, усмотрев в том военную угрозу, будут вынуждены прибегнуть к упреждающему нападению (так как из трех сил: вооруженной сил, силы союзов и силы денег – последняя может быть наиболее надежным орудием войны), если бы не было так трудно определить размеры этой угрозы.

4. «Государственные долги не должны использоваться для целей внешней политики».

Поиски средств внутри страны или вне ее вызывают подозрения, если это делается для экономических нужд страны (улучшение дорог, строительства новых населенных пунктов, создания запасов на случай неурожайных лет и т. д.). Но как орудие борьбы держав между собой кредитная система, при которой долги могут непомерно увеличиваться, оставаясь в то же время гарантированными (поскольку кредиторы не предъявляют свои требования одновременно), – остроумное изобретение одного торгового народа в этом столетии - являет собой опасную денежную силу, а именно фонд для ведения войны [...].

5. «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и управление другого государства» [...].

6. «Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем, в мирное время, как, например, засылка тайных убийц (*percussores*), отравителей (*venefici*), нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене (*perduellio*) в государстве неприятеля и т. д.»

Это бесчестные приемы борьбы. Ведь и во время войны необходимо испытывать хоть какое-нибудь доверие к образу мыслей врага, иначе нельзя будет заключить никакого мира и враждебные действия превратятся в истребительную войну (*bellum intemecium*). Война есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии (где не существует никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона) утвердить свои права силой. Истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Итак, подобная война, а также использование средств, которые открывают пути к ней, должны быть, безусловно, воспрещены. А то, что названные средства неизбежно приводят к ней, явствует из того, что эти гнусные дьявольские приемы войны, войдя в употребление, недолго удерживаются в пределах войны, например, шпионаж (*uti exploratoribus*), когда одни пользуются бесчестностью других, которую сразу невозможно искоренить, но переходят в мирное состояние, совершенно уничтожая тем самым его назначение...

Хотя указанные выше законы объективно, т. е. по замыслу власть имущих, являются запрещающими законами (*leges prohibitiveae*), однако некоторые из них относятся к разряду строгих (*leges sirictae*), действующих независимо от обстоятельств и требующих немедленного осуществления (№ 1, 5, 6), другие. (№ 2, 3, 4), субъективно расширяющие полномочия (*leges latae*), допускают возможность отсрочить исполнение, не упуская из виду цель и не отодвигая ее до несуществующего дня (*ad calendas graecas*, как говорил Август), возможность восстановления, например, свободы государств, лишившихся ее согласно пункту

2; отсрочка здесь необходима для того, чтобы поспешными действиями не повредить цели. Ведь запрещение в данном случае касается лишь способа приобретения, который впредь не должен иметь силы, а не состояния владения, которое хотя и не имеет необходимого правового основания, но в свое время (мнимую приобретения) считалось всеми государствами в соответствии с тогдашними взглядами правомерным [...].

Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, т. е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть установлено [...].

ПЕРВАЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ДОГОВОРА О ВЕЧНОМ МИРЕ

Гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским.

Устройство, основанное, во-первых, на принципах свободы членов общества (как людей), во-вторых, на основоположениях зависимости всех (как подданных) от единого общего законодательства и, в-третьих, на законе равенства всех (как граждан государства), есть устройство республиканское – единственное, проистекающее из идеи первоначального договора, на которой должно быть основано всякое правовое законодательство народа. Это устройство, следовательно, есть само по себе именно то, которое первоначально лежит в основе всех видов гражданской конституции; однако возникает вопрос: является ли оно единственным, которое может привести увечному миру?

Помимо своего безупречного происхождения из чистого источника правовых понятий республиканское устройство открывает желанную перспективу вечного мира, основа которого состоит в следующем. Если (это не может быть иначе при подобном устройстве) для решения вопроса: быть войне или нет? – требуется согласие граждан, то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру. Ведь все тяготы

войны им придется взять на себя – самим сражаться, оплачивать военные расходы из своих средств, в поте лица восстанавливать опустошения, причиненные войной, и в довершение всех бед навлечь на себя еще одну, отравляющую и самый мир, никогда (вследствие всегда возможных новых войн) не исчезающее бремя долгов. Напротив, при устройстве, в котором подданный не есть гражданин (следовательно, не при республиканском), этот вопрос вызывает наименьшие сомнения. Ведь верховный глава здесь не член государства, а собственник его; война не лишит его пиров, охоты, увеселительных замков, придворных празднеств и т. п., и он может, следовательно, решиться на нее как на увеселительную прогулку по самым незначительным причинам, равнодушно предоставив всегда готовому к этому дипломатическому корпусу подыскать приличия ради какое-нибудь оправдание.

Чтобы республиканское устройство не путать (как это обыкновенно делают) с демократическим, нужно отметить следующее. Формы государства (*civitas*) могут быть разделены или по различию лиц, обладающих верховной государственной властью, или по способу управления народом его верховного главы, кем бы этот последний ни был. Первая форма называется собственно формой господства (*forma imperii*), и возможны лишь три вида ее, а именно: суверенитетом обладает или одно лицо, или несколько лиц, связанных друг с другом, или же все, вместе составляющие гражданское общество (автократия, аристократия, демократия; власть монарха, дворянства, народа). Вторая форма есть форма правления (*forma regiminis*) и касается того способа, каким государство распоряжается полнотой своей власти; этот способ основан на конституции (на акте общей воли, благодаря которому масса становится народом), и в этом отношении форма управления может быть республиканской, или деспотической. Республиканизм есть государственный принцип отделения исполнительной власти (правительства) от законодательной; деспотизм – принцип самовластного исполнения государством законов, данных им же самим; тем самым публичная воля выступает в качестве частной воли правителя. Из трех форм государства демократия в собственном смысле слова неизбежно есть

деспотизм, так как она устанавливает такую исполнительную власть, при которой все решают по поводу одного, и во всяком случае против одного (который таким образом не согласен), следовательно, все, которые не являются всеми, что представляет собой противоречие всеобщей воли самой себе и свободе.

Любая непредставительная форма правления есть; по сути дела, псевдоформа (Unform), потому что в одном лице не может выступать законодатель и исполнитель собственной воли (как не может общее большой посылки силлогизма быть в то же время частным в меньшей посылке); и хотя два других государственных устройства всегда недостаточны, поскольку допускают подобный способ правления, тем не менее при них возможен способ правления, сообразный с духом представительной системы, как об этом по крайней мере заявил Фридрих II: он всего лишь верховный слуга государства-демократии, делает это невозможным, так как каждый хочет быть господином. Поэтому можно сказать: чем меньше персонал государственной власти (число властителей), но чем более представительный характер она носит тем полнее раскрывает государственное устройство возможности республиканизма, и он смеет надеяться путем постепенных реформ в конце концов подняться до такого состояния. По этой причине аристократии труднее, чем монархии, а демократии совершенно невозможно (кроме как путем насильственной революции) достичь единственно совершенного правового устройства.

Гораздо важнее для народа способ правления, чем форма государства (хотя в последней много значит большее или меньшее соответствие указанной цели). Но первому, если он соответствует понятию права, принадлежит представительная система, при которой только и возможен республиканский способ правления, но без которой (при любом устройстве) он становится деспотическим и насильственным. Ни одна из древних так называемых республик не знала этой системы, в результате чего они должны были попросту вырождаться в деспотизм, при котором верховная власть одною представляется наиболее терпимой [...].

Республиканское устройство единственное, вполне соответствующее праву людей, но установить, а тем более сохранить подобное устройство до такой степени трудно, что, по мнению многих, оно должно было бы быть государством ангелов, так как люди со своими эгоистическими склонностями не способны к столь возвышенному по форме устройству. Но здесь общей, основанной на разуме воле, почитаемой, но на практике бессильной, природа оказывает поддержку с помощью как раз тех же эгоистических склонностей. Так что лишь от хорошей организации государства (а это во всяком случае под силу человеку) зависит, как направить силы этих склонностей, чтобы каждая из них или сдерживала разрушительное действие другой, или уничтожала его. С точки зрения разума результат получается такой же, как если бы этих склонностей не было совсем, и тем самым человек принуждался бы быть если не морально хорошим человеком, то все же хорошим гражданином. Проблема создания государства разрешима, как бы странно это ни звучало, даже для народа дьяволов (если только они обладают рассудком). Она сводится к следующему: «Так расположить некоторое количество разумных существ, которые в своей совокупности для поддержания жизни нуждаются в общих законах, но каждое из которых втайне склонно уклоняться от них; так организовать их устройство, чтобы, несмотря на противоположность их личных побуждений, последние настолько парализовали друг друга, что в публичном поведении людей результат был бы примерно таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений». Такая проблема должна быть разрешимой.

ВТОРАЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ДОГОВОРА О ВЕЧНОМ МИРЕ

Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств.

Народы в качестве государств можно рассматривать как отдельных людей, которые в своем естественном состоянии (то есть независимости от внешних законов) уже своим совместным существованием нарушают право друг друга, и

каждый из них в целях своей личной безопасности может и должен требовать от другого совместного вступления в устройство, подобное гражданскому, где каждому может быть обеспечено его право. Это был бы союз народов, который, однако, не должен был бы быть государством народов. ...Поскольку они образуют отдельные государства и не должны быть слиты в одно государство. ...

Должен существовать особого рода союз, который можно назвать мирным союзом (*foedus pacificum*) и который отличался бы от мирного договора (*pactum pacis*) тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый – всем войнам и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, а лишь поддержание и обеспечение свободы каждого государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости подчиниться (подобно людям в естественном состоянии) публичным законам и их принуждению. Можно показать осуществимость (объективную реальность) этой идеи федерации, которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к вечному миру. Если бы какому-нибудь могучему и просвещенному народу выпало счастье образовать республику (которая по своей природе должна тяготеть к вечному миру), то она явилась бы центром федеративного объединения других государств, которые примкнули бы к ней, чтобы обеспечить таким образом сообразно идее международного права свою свободу, и путем многих таких присоединений все шире и шире раздвигались бы границы союза.

[...] В соответствии с разумом в отношениях государств между собою не может существовать никакого другого пути выйти из беззаконного состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (беззаконной) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (безусловно, постоянно расширяющееся) государство народов (*civitas gentium*), которое в конце концов охватило бы все народы Земли. Но, исходя из своего понятия международного права, они решительно не хотят этого, отвергая тем самым *in hypothesi* то, что верно *in thesi*. Поэтому не позитивная идея мировой республики, а (чтобы не все было

потеряно) лишь негативный суррогат союза, устраняющего войны, постоянно и непрерывно расширяющегося, может сдерживать поток антиправовых; враждебных намерений, сохраняя, однако, постоянную опасность их проявления.

ТРЕТЬЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ДОГОВОРА О ВЕЧНОМ МИРЕ

«Всемирно-гражданское право должно быть ограничено условиями всеобщего радушия».

Как и в предыдущих статьях, здесь речь идет не о филантропии, а о праве, и радушие означает право каждого чужака на то, чтобы тот, на чью землю он прибыл, не обращался с ним как с врагом. Он может изгнать его, если это не сопряжено с гибелью пришельца, но, пока последний живет там, он не должен обходиться с ним враждебно. Это еще не право быть гостем, на что может претендовать каждый (для такой цели необходим особый благотворительный договор, который делал бы его на определенное время членом дома), но лишь право посещения, которое принадлежит всем людям и силу права общего владения земной поверхностью, на которой, как на поверхности шара, люди не могут рассеяться до бесконечности и поэтому должны терпеть соседство других; изначально же никто не имеет большего права, чем другой, на существование в данном месте земли [...]

Дополнение первое

О ГАРАНТИИ ВЕЧНОГО МИРА

Не кто иной, как великая художница природа, дает нам это поручительство (гарантию), обнаруживая очевидную целесообразность в механическом процессе и осуществляя согласие людей с помощью разногласия даже против их воли. ...Природа самым устройством человеческих склонностей гарантирует вечный мир, конечно, с достоверностью, которая недостаточна, чтобы (теоретически) предсказать время его наступления, но которая, однако,

практически достижима и обязывает нас добиваться этой (не столь уж призрачной) цели. [...]

Источник: Кант И. К вечному миру. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf

ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ ФРИДРИХ ГЕГЕЛЬ

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) – немецкий философ, один из творцов философии немецкого идеализма, создатель системы «абсолютного идеализма» и диалектического метода; оказал огромное влияние на мировую философию и культуру.

Основные труды: «Феноменология духа», 1807; «Наука логики», части 1-3, 1812-16; «Энциклопедия философских наук», 1817; «Основы философии права», 1821; лекции по философии истории, эстетике, философии религии, истории философии (опубликованы посмертно).

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА (1820)

ПРЕДИСЛОВИЕ

... Истина о праве, нравственности, государстве столь же стара, сколь открыто дана в публичных законах, публичной морали, религии, и общеизвестна. В чем же еще нуждается эта истина, поскольку мыслящий дух не удовлетворяется обладанием ею таким наиболее доступным для него образом, если не в том, чтобы ее постигли, и чтобы самому по себе разумному содержанию была придана разумная форма. ...

Итак, данная работа, поскольку в ней содержится наука о государстве, будет попыткой постичь и изобразить государство как нечто разумное в себе. В качестве философского сочинения она должна быть дальше всего от того, чтобы конструировать государство таким, каким оно должно быть; содержащееся в нем поучение не может быть направлено на то, чтобы поучать государство, каким

ему следует быть; его цель лишь показать, как государство, этот нравственный универсум, должно быть познано. ...

Задача философии – постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум. Что же касается отдельных людей, то уж, конечно, каждый из них сын своего времени; и философия есть также время, постигнутое в мысли. ...

Прибавление. Существуют законы двоякого рода: законы природы и законы права. Законы природы абсолютны и имеют силу так, как они есть: они не допускают ограничения, хотя в некоторых случаях могут быть и нарушены. Чтобы знать, в чем состоит закон природы, мы должны постигнуть природу, ибо эти законы верны; ложными могут быть лишь наши представления о них. Мерило этих законов находится вне нас, и наше познание ничего им не прибавляет, ни в чем не способствует им: глубже может стать только наше познание их ... Правовые законы - это законы, идущие от людей. ... В праве человек должен найти свой разум, должен, следовательно, рассматривать разумность права, и этим занимается наша наука в отличие от позитивной юриспруденции, которая часто имеет дело лишь с противоречиями. ...

ВВЕДЕНИЕ

§1

Философская наука о праве имеет своим предметом идею права - понятие права и его осуществление. ...

§2

Наука о праве есть часть философии ... Поэтому понятие права по своему становлению трактуется вне науки права, его дедукция предполагается здесь уже имеющейся, и его следует принимать как данное. ...

§3

Право позитивно вообще а) благодаря форме признанности, и этот законный авторитет представляет собой принцип его знания, науку о позитивном праве; б) по своему содержанию это право обретает позитивный элемент; в) вследствие особого национального характера народа, ступени его

исторического развития и связи всех тех отношений, которые принадлежат к сфере естественной необходимости; г) вследствие необходимости, чтобы система законодательного права содержала применение общего понятия к особенному, данному извне состоянию предметов и случаев – применение, которое является ... рассудочным подведением частного под общее; д) вследствие требующихся для принятия решений в действительности последних определений. [...]

§4

Почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение, и система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа. ...

§29

Право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Тем самым право есть вообще свобода как идея. ...

§30

Право есть нечто святое вообще уже потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы. Формализм же права (а затем и формализм обязанности) возникает из различия между ступенями в развитии понятия свободы. По сравнению с более формальным, то есть более абстрактным и поэтому более ограниченным, правом та сфера и ступень духа, на которой он довел в себе до определенности и действительности, содержащиеся в его идее дальнейшие моменты, имеет в качестве более конкретной в себе, более богатой и истинно всеобщей и более высокое право. [...]

ДЕЛЕНИЕ

§33

Воля – по последовательности ступеней в развитии идеи в себе и для себя свободной воли:

А) непосредственна; поэтому ее понятие абстрактно – личность... и ее наличное бытие; непосредственно внешняя вещь; это сфера абстрактного или

формального права;

В) воля, непосредственно рефлексированная в себя из внешнего наличного бытия, определенная в качестве субъективной единичности в противопоставлении всеобщему; это всеобщее есть отчасти в качестве внутреннего – добро, отчасти в качестве внешнего – наличный мир, и обе эти стороны идеи суть лишь как опосредованные друг другом; идея в ее раздвоении или особенном существовании, право субъективной воли в отношении к праву мира и к праву идеи, но идеи, сущей лишь в себе, – это сфера моральности;

С) единство и истина этих обоих абстрактных моментов – мыслимая идея добра, реализованная в рефлексированной в себя воле и во внешнем мире, так что свобода как субстанция существует как действительность и необходимость и как субъективная воля – это идея в ее в себе и для себя всеобщем существовании, нравственность.

Но нравственная субстанция есть также:

а) природный дух; семья;

б) в своем раздвоении и явлении; гражданское общество;

с) государство как всеобщая и объективная свобода, остающаяся таковой и в свободной самостоятельности особенной воли. Этот действительный и органический дух: а) народа, проходя; б) через отношение друг к другу особенных духов различных народов; в) получает действительность и открывается во всемирной истории как всеобщий мировой дух, право которого есть наивысшее. ...

Моральность и нравственность, которые обычно считают одинаковыми по их значению, здесь взяты в существенно различных смыслах. ...

Прибавление. Говоря здесь о праве, мы имеем в виду не только гражданское право, которое обычно под этим понимают, но также и моральность, нравственность и всемирную историю, которые также сюда относятся, так как понятие объединяет мысли согласно истине. Чтобы не остаться абстрактной, свободная воля должна прежде всего дать себе наличное бытие, и первым чувственным материалом этого наличного бытия суть вещи,

другими словами, внешние предметы. Этот первый вид свободы есть тот, который мы узнаем как собственность, – сфера формального и абстрактного права; в эту сферу с таким же основанием должна входить и собственность в ее опосредованной форме в виде договора, и право в его нарушении, как преступление и наказание. Свобода, которую мы здесь имеем, есть то, что мы называем лицом, то есть субъектом, свободным, а именно свободным для себя и дающим себе наличное бытие в вещах. Однако эта голая непосредственность наличного бытия не соответствует свободе, и отрицание этого определения есть сфера моральности. Я уже свободен не только в этой непосредственной вещи, но и в снятой непосредственности, то есть я свободен в самом себе, в субъективном. В этой сфере все дело в моем понимании и намерении, моей цели, поскольку внешнее полагается как безразличное, но добро, которое есть здесь всеобщая цель, не должно оставаться только в моих помыслах, оно должно реализоваться. ...Как моральность, так и предыдущий момент формального права суть абстракции, истина которых есть нравственность. Следовательно, нравственность есть единство воли в ее понятии и воли единичного, то есть субъекта. Ее первое наличное бытие есть вновь природное наличное бытие в форме любви и чувства – семья; индивид снял здесь свою непокорную личность и находится вместе со своим сознанием внутри некоего целого. Однако на следующей ступени мы видим утрату нравственности в собственном смысле слова и субстанциального единства: семья распадается, и ее члены относятся друг к другу как самостоятельные лица, объединенные лишь узами потребности друг в друге. Эту ступень гражданского общества часто считали государством. Но государство есть лишь третье – нравственность, дух, где происходит необычайное объединение самостоятельности индивидуальности и всеобщей субстанциальности. Поэтому право государства выше других ступеней: это свобода в ее самом конкретном образе, подчиненная лишь высшей абсолютной истине мирового духа.

Часть первая

АБСТРАКТНОЕ ПРАВО

§34

В себе и для себя свободная воля так, как она есть в своем абстрактном понятии, есть в определенности непосредственности. Согласно последней, она есть своя негативная по отношению к реальности, лишь абстрактно соотносящаяся с собой действительность – в себе единичная воля субъекта. ...Благодаря этому воля становится единичной волей – лицом. ...

§36

1) Личность содержит вообще правоспособность и составляет понятие и саму абстрактную основу абстрактного и потому формального права. Отсюда веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц. ...

Право есть прежде всего непосредственное наличное бытие, которое дает себе свободу непосредственным образом:

а) Владение, которое есть собственность; свобода здесь – свобода абстрактной воли вообще, или именно поэтому некоего единичного, соотносящегося лишь с собой лица.

в) Лицо, отличая себя от себя, относится к другому лицу, и оба обладают друг для друга наличным бытием только как собственники. Их в себе сущее тождество получает существование посредством перехода собственности одного в собственность другого при наличии общей воли и сохранения их права в договоре.

с) Воля как (а) в своем соотношении с собой, различенная не от другого лица (в), а в себе самой, есть как особенная воля, отличная от себя и противоположная себе как в себе и для себя сущей, – неправо (Unrecht) и преступление. ...

СОБСТВЕННОСТЬ

§41

Лицо должно дать себе внешнюю сферу своей свободы, чтобы быть как идея. Поскольку лицо есть в себе и для себя сущая бесконечная воля в этом

первом, еще совершенно абстрактном определении, то это отличное от него, которое может составить сферу его свободы, также определено как непосредственно отличное и отделимое от него.

Прибавление. Разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум. ...

§46

Поскольку в собственности моя воля как личная воля, тем самым, как воля единичного, становится для меня объективной, то собственность получает характер частной собственности, а общая собственность, которая по своей природе может быть в единичном владении, получает определение расторгимой в себе общности, оставлять в которой мою долю само по себе дело произвола. ...

ДОГОВОР

§72

Собственность, чья сторона наличного бытия или внешности не есть больше только вещь, а содержит в себе момент некоей (и, следовательно, другой) воли, осуществляется посредством договора как процесса, в котором воплощается и опосредуется противоречие, состоящее в том, что я являюсь и остаюсь для себя сущим, исключаяющим другую волю собственником в той мере, в какой я в воле, тождественной с другой волей, перестаю быть собственником. ...

НЕПРАВО

§82

В договоре право в себе как положенное есть его внутренняя всеобщность как общее произвола и особенной воли. Это явление права, в котором оно и его существенное наличное бытие, особенная воля, непосредственно, то есть случайно, совпадают, переходит в неправо в видимость - в противопоставление друг другу права в себе и особенной воли, в которой право в себе становится особенным правом. ...

§83

Право, которое в качестве особенного и, следовательно, многообразно

получает в противоположность своей в себе сущей всеобщности и простоте форму видимости, есть такая видимость частью-в себе или непосредственно, частью полагается как видимость посредством субъекта, частью вообще как ничтожное; это непреднамеренное или гражданское неправое, обман и преступление. ...

А. НЕПРЕДНАМЕРЕННОЕ НЕПРАВО

§84

Поскольку воля есть в себе всеобщее, вступление во владение и договор для себя и по их особенным видам, представляющие собой ближайшим образом различные проявления и следствия моей воли, суть основания права в отношении признания другими. Во внеположенности друг другу и многообразии оснований права заключено то, что они в отношении к одной и той же вещи могут принадлежать различным лицам, каждое из которых, исходя из своего особого основания права, рассматривает вещь как свою собственность; из этого возникают правовые коллизии. ...

В. ОБМАН

§87

Право в себе в его отличии от права как особенного и налично сущего определено, правда, в качестве требуемого как существенное, но есть вместе с тем в этом своем качестве только требуемое, с этой стороны нечто лишь субъективное, тем самым несущественное и только кажущееся. Так, всеобщее, низведенное особенной волей до чего-то только кажущегося – в договоре ближайшим образом в лишь внешнюю общность воли, – есть обман. ...

С. ПРИНУЖДЕНИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

§90

В том обстоятельстве, что в собственности моя воля вкладывает себя во внешнюю вещь, заключается, что так же, как она в этой вещи рефлектируется, она берется вместе с ней и полагается под власть необходимости. Воля может в этой вещи частью вообще подвергаться насилию, частью может быть вынуждена насилием согласиться в качестве условия какого-либо владения или позитивного

бытия на жертву или какое-либо действие - подвергнуться принуждению.

Прибавление. Подлинное неправо представляет собой преступление, в котором не уважается ни право в себе, ни право, каким оно мне кажется, в котором, следовательно, нарушены обе стороны, объективная и субъективная.

§91

Человека можно как живое существо принудить, то есть подчинить власти других его физическую и вообще внешнюю сторону, но свободная воля в себе и для себя принуждена быть не может, разве только поскольку она сама не отступает из внешнего, в котором ее удерживают, или из представления о нем. Принудить к чему-то можно только того, кто хочет, чтобы его принудили. ...

§94

Абстрактное право есть принудительное право, так как неправо по отношению к нему есть насилие над наличным бытием моей свободы во внешней вещи; сохранение этого наличного бытия в противовес насилию есть тем самым внешнее действие и насилие, снимающее то первое насилие. ...

Примечание. Беккариа, как известно, отрицал право государства присуждать к смертной казни, так как нельзя предположить, что в общественном договоре содержится согласие индивидов на то, чтобы их обрекали на смерть. Но государство вообще не есть договор, а защита и обеспечение жизни и собственности индивидов в качестве единичных не есть необходимо его субстанциальная сущность; государство есть то наивысшее, которое притязает на саму эту жизнь и собственность и требует, чтобы они были принесены в жертву. Далее, государство должно утвердить с согласия отдельных людей или без их согласия - не только понятие преступления, разумность этого понятия в себе и для себя, но в деянии преступника заключена и формальная разумность, воление единичного человека. В том, что наказание рассматривается как содержащее его собственное право, преступник почитается как разумное существо. Эта часть не будет взята из самого его деяния; так же и в том случае, если рассматривать его как вредного зверя, которого следует обезвредить или стремиться запугать и исправить его. Что же касается, далее, способа

существования справедливости, то форма, которую она имеет в государстве, а именно наказание, не единственная форма, и государство не есть предпосылка, обуславливающая собой справедливость. ...

Часть вторая **МОРАЛЬНОСТЬ**

§105

Точка зрения моральности есть точка зрения воли в той мере, в какой она бесконечна не только в себе, но и для себя...

§113

Выражение воли как субъективной, или моральной, есть поступок. Поступок содержит названные выше определения: а) я знаю его в его внешнем выражении как мой, б) он в качестве долженствования есть существенное отношение к понятию и в) к воле других. ...

ДОБРО И СОВЕСТЬ

§129

Добро есть идея как единство понятия воли и особенной воли [...] добро - это реализованная свобода, абсолютная конечная цель мира. ...

§137

Подлинная совесть есть умонастроение воли, что в себе и для себя есть добро; поэтому она покоится на незыблемых основоположениях, и таковыми для нее являются объективные для себя определения и обязанности. ...

ПЕРЕХОД ОТ МОРАЛЬНОСТИ К НРАВСТВЕННОСТИ

§141

Для добра как субстанциального, но еще абстрактного всеобщего принципа свободы требуются поэтому определения вообще и их принцип, но такие определения и такой принцип, которые тождественны с добром, так же как для совести, для этого лишь абстрактного принципа определения поступков требуются всеобщность и объективность ее определений. ..., следовательно, конкретное тождество добра и субъективной воли, их истина есть нравственность. ...

Часть третья

ПРАВСТВЕННОСТЬ

§142

Нравственность есть идея свободы, как живое добро, которое в своем самосознании имеет свое знание, воление, а через его действие свою действительность, равно как самосознание имеет в нравственном бытии свою в себе и для себя сущую основу и движущую цель; нравственность есть понятие свободы, ставшее наличным миром и природой самосознания. ...

§150

Нравственное, поскольку оно рефлектируется в индивидуальном, определенном природой характере как таковом, есть добродетель; в той мере, в какой она проявляется лишь в простом соответствии индивида своим обязанностям, по отношению к тем условиям, в которых он находится, она есть добропорядочность. ...

Прибавление. Если человек совершает тот или иной нравственный поступок, он еще не добродетелен; добродетелен он лишь в том случае, если эта манера поведения является постоянной чертой его характера. ...

§153

Право индивидов на свое субъективное определение к свободе находит свое осуществление в том, что они принадлежат к нравственной действительности, поскольку их уверенность в своей свободе имеет в такой объективности свою истину и они действительно обладают в нравственном своей собственной сущностью, своей внутренней всеобщностью.

Примечание. На вопрос отца, какой лучший способ нравственно воспитать сына, пифагореец (этот ответ приписывают и другим) ответил: сделай его гражданином государства, в котором действуют хорошие законы.

§155

В... тождестве всеобщей и особенной воли обязанность и право тем самым совпадают, и человек обладает посредством нравственного правами постольку, поскольку у него есть обязанности, и обязанностями, поскольку у него есть

права. В абстрактном праве я имею право, а другой – обязанности в отношении этого права, в области морали право на мое собственное знание и воление, а также на мое благо должно быть лишь в единении с обязанностями и объективным.

Прибавление. Раб не может иметь обязанностей, их имеет только свободный человек. Если бы у одной стороны были все права, а у другой – все обязанности, то целое распалось бы, так как только тождество есть та основа, которую здесь следует иметь в виду.

§157

Понятие этой идеи есть только как дух, как знающее себя и действительное... Поэтому оно: А) непосредственный, или природный, нравственный дух – семья.

Эта субстанциальность переходит в утрату своего, единства, в раздвоение и в точку зрения относительного и есть, таким образом, Б) гражданское общество, объединение членов в качестве самостоятельных, единичных и формальной, таким образом, всеобщности на основе их потребностей и через правовое устройство в качестве средства обеспечения безопасности лиц и собственности и через внешний порядок для их особенных и общих интересов; и это внешнее государство; В) возвращается и концентрируется в цели и действительности субстанциального всеобщего и посвященной ему публичной жизни, – в государственном устройстве.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

§182

[...] *Прибавление.* Гражданское общество есть дифференция, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференции оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное. Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право. Если государство представляют как единство различных лиц, как

единство, которое есть лишь общность, то имеют в виду лишь определение гражданского общества. ...В гражданском обществе каждый для себя - цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу.

§ 187

Индивиды в качестве граждан этого государства - частные лица, целью которых является их собственный интерес. Поскольку же эта цель опосредована всеобщим, которое тем самым представляется им средством, то она может быть ими достигнута только постольку, поскольку они сами определяют свои желания, воление и действие всеобщим образом и делают себя звеном этой связующей цепи.

§ 188

Гражданское общество содержит в себе три следующих момента:

А) опосредствование потребности и удовлетворение единичного посредством его труда и посредством труда и удовлетворения потребностей всех остальных, систему потребностей;

Б) действительность содержащегося в этом всеобщего свободы, защиты собственности посредством правосудия;

В) забота о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особенному интересу как к общему с помощью полиции и корпораций.

А. СИСТЕМА ПОТРЕБНОСТЕЙ

§189

Особенность, определенная прежде всего как противоположная всеобщему, воли вообще есть субъективная потребность, которая достигает своей объективности, то есть своего удовлетворения, посредством а) внешних предметов, являющихся также собственностью и продуктом других

потребностей и волю, и б) посредством деятельности и труда как того, чем опосредуются обе стороны. ...

§202

Сословия определяются соответственно понятию как субстанциальное или непосредственное, как рефлектирующее или формальное и, наконец, как всеобщее сословие.

§203

а) Имущество субстанциального сословия состоит в природных продуктах земли, которую представители этого сословия обрабатывают, земли, которая может быть исключительно частной собственностью и требует не только неопределенного пользования, но и объективного формирования. ...

§204

б) Занятие промышленного сословия состоит в формировании продуктов природы и зависит в добывании средств к существованию от своего труда, от рефлексии и рассудка, а также существенно от опосредования потребностями и трудом других. Всем, что оно производит и потребляет, оно обязано самому себе, своей собственной деятельности. Его занятия в свою очередь отличаются друг от друга: труд, направленный на удовлетворение отдельных потребностей конкретным образом и по требованию отдельных людей, характеризует ремесленное сословие; в качестве более абстрактной массы труда, направленного на удовлетворение отдельных потребностей, на которые существует всеобщий спрос, – сословие фабрикантов; и занятие обменом разрозненных средств преимущественно посредством всеобщего средства обмена, денег, в которых действительна абстрактная стоимость всех товаров, – торговое сословие.

Прибавление. Индивид промышленного сословия всецело зависит от себя, и это чувство своей значимости теснейшим образом связано с требованием правопорядка. Поэтому сознание свободы и порядка возникло главным образом в городах. Первому сословию, напротив, не приходится о многом думать самому: то, что оно добывает, – дар чуждого, природы; это чувство зависимости у него

на первом месте, и с этим легко сочетается готовность зависеть и от людей, претерпевать все, чтобы не случилось. Поэтому первое сословие более склонно к подчинению, второе – к свободе.

§205

в) Занятие всеобщего сословия состоит в охране всеобщих интересов общества, поэтому оно должно быть освобождено от непосредственного труда для удовлетворения своих потребностей либо благодаря частному состоянию, либо благодаря тому, что государство, заинтересованное в его деятельности, способствует его безбедному существованию, и таким образом частный интерес находит свое удовлетворение в работе на пользу всеобщего....

Б. ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ

§209

...Прибавление. С одной стороны, вследствие системы частных устремлений право становится внешне необходимо в качестве защиты особенности. Хотя оно и вытекает из понятия, однако в существование оно вступает только потому, что оно полезно для удовлетворения потребностей. Для того, чтобы обладать мыслью о праве, надо иметь образование, приучающее мыслить и не пребывать только в чувственном: надо применять к предметам форму всеобщности и в воле также ориентироваться на всеобщее. Лишь после того, как люди изобрели многочисленные потребности и их приобретение переплелось с удовлетворением, могли образоваться законы.

§210

Объективная действительность права состоит отчасти в том, что оно есть для сознания, становится вообще знаемым, отчасти в том, что оно обладает мощностью действительности и имеет силу, а тем самым знаем и как всеобщезначимое.

а) ПРАВО КАК ЗАКОН

§211

То, что есть право в себе, положено в его объективном наличном бытии, то есть определено для сознания мыслью и известно как-то, что есть и признано

правом, как закон; посредством этого определения право есть вообще позитивное право.

Примечание. Полагать нечто как всеобщее, то есть осознать его как всеобщее, означает, как известно, мыслить; сводя содержание к его простейшей форме, сознание сообщает ему его последнюю определенность. То, что есть право, лишь становясь законом, обретает не только форму своей всеобщности, но и свою истинную определенность. [...]

Прибавление. Солнце и планеты также имеют свои законы, но они их не знают; варварами управляют влечения, обычаи, чувства, но они не сознают этого. Благодаря тому, что право положено и знаемо, все случайное, связанное с чувствами, мнениями, формой мщения, сострадания, корыстолюбия, отпадает и, таким образом, право лишь теперь обретает свою истинную определенность и свою честь. ...

§212

В этом тождестве в себе бытия и положенности обязательно как право лишь то, что есть закон. ...

Примечание. Поэтому в позитивном праве то, что закономерно, есть источник познания того, что есть право, или, собственно говоря, что есть правое; тем самым позитивная наука о праве есть историческая наука, принципом которой является авторитет.

Все остальное — дело рассудка и касается внешнего порядка, сопоставления, последовательности, дальнейшего применения и т.п. ...

§214

Однако помимо применения к особенному положенность права включает в себя применимость к единичному случаю. ...

Примечание. В этом заострении всеобщего, в переходе не только к особенному, но и к единичному, то есть к непосредственному применению, преимущественно и заключается чисто позитивное в законе. ...

б) НАЛИЧНОЕ БЫТИЕ ЗАКОНА

§215

Обязательство по отношению к закону заключает в себе со стороны права самосознания необходимость того, чтобы законы были доведены до всеобщего сведения.

Примечание. Развешивать законы так высоко, чтобы их не мог прочесть ни один гражданин, как это делал тиран Дионисий, или похоронить их в пространном научном аппарате ученых книг, сборников, отклоняющихся от решений, суждений и мнений, обычаев и т.п., да еще все это на чужом языке, так что знание действующего права становится доступным лишь тем, кто подходит к нему с достаточной образованностью, - все это одинаково неправомерно. ...

Прибавление. Сословие юристов, обладающее особым знанием законов, считает часто это знание своей монополией и полагает, что тому, кто не из их среды, не следует вмешиваться в их дела. С подобным же недоверием физики отнеслись к учению Гете о цветах, поскольку он не был специалистом в данной области, а к тому же еще поэтом. Однако так же, как не надо быть сапожником, чтобы знать, годятся ли башмаки, не надо быть специалистом, чтобы обладать знаниями о предметах, представляющих собой общий интерес. Право касается свободы, самого достойного и священного в человеке, и он сам, поскольку оно для него обязательно, должен знать его. [...]

в) СУД

§219

Право, вступившее в наличное бытие в форме закона, есть для себя, самостоятельно противостоит особенному волеию и мнению о праве и должно сделать себя значимым как всеобщее. Это познание и осуществление права в особенном случае без субъективного чувства особенного интереса принадлежит публичной власти, суду. ...

§222

Перед судом право получает определение, согласно которому оно должно быть доказуемо. Судопроизводство предоставляет сторонам возможность

приводить свои доказательства и правовые основания, а судье войти в суть дела. Эти стадии процесса суть сами права, их ход должен быть поэтому определен законом, и они оставляют существенную часть теоретической науки о праве.

Прибавление. Человека может возмущать, если ему отказывают в праве, в котором он уверен, на том основании, что оно не доказуемо; но право, которое я имею, должно быть и положенным: я должен суметь представить, доказать его и лишь посредством того, что в себе сущее также оказывается и положенным, оно может быть значимым в обществе. ...

§224

К составу прав субъективного сознания относятся как публичное оглашение законов (§ 215), так и возможность знать осуществление закона в особом случае, а именно ход внешних действий, правовых оснований и т.д. Поскольку этот процесс в себе общезначим, то, хотя отдельный случай по своему особенному значению касается только интереса тяжущихся сторон, всеобщее его содержание относится к заключающемуся в нем праву, и решение суда затрагивает интересы всех: судопроизводство должно быть публичным. ...

Право требовать публичности судопроизводства основано на том, что цель суда есть право, которое в качестве всеобщего должно совершаться в присутствии всеобщего; основано оно также и на том, что граждане приходят к убеждению, что осуществляется действительно право.

§225

В деле осуществления права как применения закона к отдельному случаю различаются две стороны: во-первых, знание характера случая в его непосредственной единичности – существует ли договор и т.п., совершено ли нарушающее права действие и кто его совершил, а в уголовном праве – рефлексия как определение действия по его субстанциальному, преступному характеру; во-вторых, подведение данного случая под закон, восстанавливающий право, в уголовном праве сюда относится и наказание. Решение по этим двум сторонам – различные функции. ...

§229

В осуществлении права гражданское общество, в котором идея потеряла себя в особенности и распалась на различные внутреннее и внешнее, приводит себя назад к своему понятию, к единству в себе сущего всеобщего и субъективной особенности, однако приводит себя так, что субъективность выступает в единичном случае, а всеобщее - в значении абстрактного права. [...]

Прибавление. В гражданском обществе всеобщность – лишь необходимость: в отношении потребностей прочно лишь право как таковое. [...] Справедливость составляет нечто великое в гражданском обществе: хорошие законы ведут к процветанию государства, а свободная собственность есть основное условие его блеска: но поскольку я полностью вплетен в особенность, я имею право требовать, чтобы в этой связи принималось во внимание и мое особенное благо: принято во внимание должно быть мое благо, моя особенность, и это происходит с помощью полиции и корпорации.

В. ПОЛИЦИЯ И КОРПОРАЦИЯ

§230

В системе потребностей пропитание и благо каждого отдельного человека существуют как возможность, действительность которой обусловлена его произволом и природной особенностью, а также объективной системой потребностей; посредством отправления правосудия устраняется нарушение прав собственности и личности. Но действительное в особенности право требует также, чтобы случайности, препятствующие той или иной цели, были уничтожены и была установлена нерушимая обеспеченность лица и собственности, то есть пропитание и благо отдельных людей, – чтобы особенное благо рассматривалось и осуществлялось как право. ...

§236

...Прибавление. Цель полицейского надзора и опеки - предоставить индивиду всеобщую наличную возможность для достижения индивидуальных целей. Полиция должна заботиться об уличном освещении, строительстве мостов, установлении твердых цен на товары повседневного потребления, а

также о здоровье людей. ...

§238

...Прибавление. Семья должна, конечно, заботиться о хлебе для своих членов, однако в гражданском обществе она – нечто подчиненное и служит лишь основой: объем ее деятельности уже не столь велик. Напротив, гражданское общество представляет собой могучую силу, которая завладевает человеком, требуя от него, чтобы он на него работал, был всем только посредством него и делал все только посредством него. Если человек должен быть таким членом гражданского общества, то он сохраняет в нем те же права и притязания, которые он имел в семье. Гражданское общество должно защищать своего члена, отстаивать его права, а индивид в свою очередь обязан соблюдать права гражданского общества. ...

§244

В тех случаях, когда жизнь большой массы людей оказывается ниже известного уровня существования, который сам собой устанавливается как необходимый для члена общества, а это ведет к потере чувства права, правомерности и чести обеспечивать свое существование собственной деятельностью и собственным трудом, возникает чернь, что в свою очередь способствует концентрации несметных богатств в немногих руках.

Прибавление... Бедность сама по себе никого не делает черню; чернь определяется лишь связанным с бедностью умонастроением, внутренним возмущением, направленным против богатых, против общества, правительства и т.д. [...] Тем самым в черни возникает зло, которое состоит в том, что у нее отсутствует честь, заставляющая человека обеспечивать свое существование собственным трудом, и она тем не менее претендует на обеспечение своего существования как на свое право. Природе человек не может предъявлять свои права, но в обществе лишения тотчас же принимают форму неправа по отношению к тому или другому классу. ...

б) КОРПОРАЦИЯ

§250

Земледельческое сословие имеет в субстанциальности своей семейной и природной жизни, непосредственно в себе самом свое конкретное всеобщее, в котором оно живет; всеобщее сословие имеет в своем определении целью своей деятельности и своей почвой всеобщее для себя; промышленное сословие, находящееся посредине между этими сословиями, существенно направлено на особенное, и ему поэтому преимущественно свойственна корпорация.

ГОСУДАРСТВО

§ 257

Государство есть действительность нравственной идеи - нравственный дух как очевидная, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает. [...]

§258

Государство как действительность субстанциальной воли, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном самосознании, есть в себе и для себя разумное. Это субстанциальное единство есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая обязанность состоит в том, чтобы быть членом государства.

Примечание. Если смешивать государство с гражданским обществом и полагать его назначение в обеспечении и защите собственности и личной свободы, то интерес единичных людей как таковых оказывается последней целью, для которой они соединены, а из этого следует также, что в зависимости от своего желания можно быть или не быть членом государства. Однако на самом деле отношение государства к индивиду совсем иное; поскольку оно есть объективный дух, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства. Объединение как таковое есть самоистинное содержание и цель, и назначение индивидов состоит в том, чтобы вести всеобщую жизнь; их дальнейшее особенное

удовлетворение, деятельность, характер поведения имеют своей исходной точкой и результатом это субстанциальное и общезначимое. ...

Прибавление. Государство в себе и для себя есть нравственное целое, осуществление свободы, и абсолютная цель разума состоит в том, чтобы свобода действительно была. Государство есть дух, пребывающий в мире и реализующийся в нем сознательно, тогда как в природе он получает действительность только как иное себя, как дремлющий дух. Лишь как наличный в сознании, знающий самого себя в качестве существующего предмета, он есть государство. В свободе надо исходить не из единичности, из единичного самосознания, а лишь из его сущности, ибо эта сущность независимо от того, знает ли человек об этом или нет, реализуется в качестве самостоятельной силы, в которой отдельные индивиды не более чем моменты: государство – это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю. Мысля идею государства, надо иметь в виду не особенные государства, не особенные институты, а идею для себя, этого действительного Бога. Каждое государство, пусть мы даже в соответствии с нашими принципами объявляем его плохим, пусть даже в нем можно познать тот или иной недостаток, тем не менее, ...содержит в себе существенные моменты своего существования. Но так как легче выявлять недостатки, чем постигать позитивное, то легко впасть в заблуждение и, занимаясь отдельными сторонами, забыть о внутреннем организме самого государства. Государство – не произведение искусства, оно находится в мире, тем самым в сфере произвола, случайности и заблуждения; дурное поведение может внести искажения в множество его сторон. Однако ведь самый безобразный человек, преступник, больной, калека- все еще живой человек, утвердительное, жизнь существует, несмотря на недостатки, а это утвердительное и представляет здесь интерес.

§259

Идея государства обладает:

а) непосредственной действительностью и есть индивидуальное государство как соотносящийся с собой организм, государственный строй или

внутреннее государственное право;

б) она переходит в отношение отдельного государства к другим государствам – внешнее государственное право;

с) она есть всеобщая идея как род и абсолютная власть, противопоставляющая себя индивидуальным государствам, дух, который сообщает себе в процессе всемирной истории свою действительность. ...

А. ВНУТРЕННЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

§260

Государство есть действительность конкретной свободы; конкретная же свобода состоит в том, что личная единичность и ее особенные интересы получают свое полное развитие и признание своего права для себя (в системе семьи и гражданского общества) и вместе с тем посредством самих себя частью переходят в интерес всеобщего, частью своим знанием и волей признают его, причем признают его именно как свой собственный субстанциальный дух и действуют для него как для своей конечной цели; таким образом, ни всеобщее не обладает значимостью и не может быть совершено без особенного интереса, знания и воления, ни индивиды не живут только для особенного интереса в качестве частных лиц, но волят вместе с тем во всеобщем и для него и действуют, осознавая эту цель. Необычайная сила и глубина принципа современного государства состоит в том, что оно предоставляет принципу субъективности достигнуть полного завершения в качестве самостоятельной крайности личной особенности и одновременно возвращает его в субстанциальное единство и таким образом сохраняет его в самом этом принципе.

Прибавление... Сущность государства нового времени состоит в том, что всеобщее связано в нем с полной свободой особенности и с благоденствием индивидов, что, следовательно, интерес семьи и гражданского общества должен концентрироваться в государстве, но что при этом всеобщность цели не может достигаться без собственного знания и воления особенности, которая должна сохранять свое право. Следовательно, всеобщее должно деятельно осуществляться, но вместе с тем субъективность должна обрести полное и

жизненное развитие. Лишь благодаря тому, что оба момента пребывают в своей силе, государство может быть рассмотрено как расчлененное и подлинно организованное.

§261

По отношению к сферам частного права и частного блага, семьи и гражданского общества, государство есть, с одной стороны, внешняя необходимость и их высшая власть, природе которой подчинены и от которой зависят их законы и их интересы; но, с другой стороны, оно есть их имманентная цель, и его сила - в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов, в том, что они в такой же степени имеют обязанности по отношению к нему, как обладают правами.

Прибавление. Все дело — в единстве всеобщности и особенности в государстве. ... В соединении обязанности и права содержится та двойственная сторона, что то, чего государство требует как обязанности, есть непосредственно и право индивидуальности, поскольку государство и есть не что иное, как организация понятия свободы. Определения индивидуальной воли приводится государством в объективное наличное бытие и только благодаря ему достигают своей истины и своего осуществления. Государство есть единственное условие достижения особенной цели и особенного блага. ...

1. ВНУТРЕННЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ДЛЯ СЕБЯ

§272

Государственное устройство разумно, поскольку государство различает и определяет внутри себя свою деятельность в соответствии с природой понятия, причем так, что каждая из этих властей есть сама в себе тотальность посредством того, что она действительно имеет и содержит в себе другие моменты; и так как они выражают различие понятия, они всецело остаются в его идеальности и составляют лишь одно индивидуальное целое.

Примечание... Представление о необходимом разделении властей в государстве - ... в нем именно и заключается момент разумной определенности.

Принцип разделения властей и содержит существенный момент различия, реальной разумности; однако в понимании абстрактного рассудка в нем заключается частью ложное определение абсолютной самостоятельности властей по отношению друг к другу, частью одностороннее понимание их отношения друг к другу как негативного, как взаимного ограничения. При таком воззрении предполагается враждебность, страх каждой из властей перед тем, что другая осуществляет против нее как против зла, и вместе с тем определение противодействия ей и установление посредством такого противовеса всеобщего равновесия, но не живого единства. ...

§273

Политическое государство распадается, следовательно, на следующие субстанциальные различия:

- а) на власть определять и устанавливать всеобщее – законодательную власть;
- б) на власть подводить особенные сферы и отдельные случаи под всеобщее – правительственную власть;
- с) на власть субъективности как последнего волевого решения, власть государя, в которой различные власти объединены в индивидуальное единство и которая, следовательно, есть вершина и начало целого – конституционной монархии.

Примечание. Развитие государства в конституционную монархию – дело нового мира, в котором субстанциальная идея обрела бесконечную форму. ...

Старое деление форм государственного устройства на монархию, аристократию и демократию имеет своей основой еще не разделенное субстанциальное единство, которое еще не достигло своего внутреннего различия (развитой организации внутри себя), а, следовательно, глубины и конкретной разумности. ...

Прибавление. Принцип нового мира есть вообще свобода субъективности, требование, чтобы могли, достигая своего права, развиваться все существенные стороны духовной тотальности. Исходя из этой точки зрения едва ли можно

задавать праздный вопрос, какая форма правления лучше – монархия или демократия. Можно лишь сказать, что односторонние все те формы государственного устройства, которые неспособны содержать в себе принцип свободной субъективности и неспособны соответствовать развитому разуму.

§274

Так как дух действителен лишь в качестве того, чем он себя знает, и государство в качестве духа народа есть вместе с тем проникающий все его отношения закон, нравы и сознание его индивидов, то государственное устройство определенного народа вообще зависит от характера и развитости его самосознания; в этом заключается его субъективная свобода, а следовательно, и действительность государственного устройства.

Примечание. Намерение дать народу а priori пусть даже более или менее разумное по своему содержанию государственное устройство упускает из виду именно тот момент, благодаря которому оно есть нечто большее, чем порождение мысли. Поэтому каждый народ имеет то государственное устройство, которое ему соответствует и подходит.

Прибавление. Государство должно в своем устройстве проникать все отношения. ...Ибо государственный строй не есть нечто созданное: он представляет собой работу многих веков, идею и сознание разумного в той мере, в какой оно развито в данном народе. Поэтому государственное устройство никогда не создается отдельными субъектами. ...Народ должен чувствовать, что его государственное устройство соответствует его праву и его состоянию, в противном случае оно может, правда, быть внешне наличным, но не будет иметь ни значения, ни ценности. ...

А) ВЛАСТЬ ГОСУДАРЯ

§275

Власть государя сама содержит в себе три момента тотальности (§ 272), всеобщность государственного устройства и законов, совещание в качестве отношения особенного ко всеобщему и момент последнего решения в качестве самоопределения, к которому возвращается все остальное и от которого оно

берет начало действительности. Это абсолютное самоопределение составляет отличительный принцип власти государя как таковой, который должен быть развит в первую очередь. ...

Б) ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

§287

От решения отличается выполнение и применение решений государя, вообще проведение и обеспечение уже принятого решения, применение существующих законов, сохранение учреждений, меры, направленные на общую пользу, и т.п. Это дело подведения вообще выполняется правительственной властью в себе, в которую входят также судебная и полицейская власти, более непосредственно связанные с особенным в гражданском обществе и выявляющие в этих особенных целях всеобщий интерес. ...

§295

Обеспечение государства и тех, кто находится под его управлением, от злоупотреблений властью ведомствами и их чиновниками заключается, с одной стороны, непосредственно в их иерархии и ответственности, с другой - в правах общин, корпораций, посредством чего привнесению субъективного произвола в доверенную чиновникам власть ставится для себя препятствие, и недостаточный в отдельных случаях контроль сверху дополняется контролем снизу. [...]

§297

Члены правительства и государственные чиновники составляют основную часть среднего сословия, которое характеризует развитый интеллект и правовое сознание народной массы. Чтобы это сословие не заняло изолированного положения аристократии и образованность и умение не превратились бы в средство произвола и господства, его контролируют учреждения суверенной власти сверху и права корпораций снизу. ...

Прибавление. Среднее сословие, к которому принадлежат государственные чиновники, представляет собой средоточие государственного сознания и выдающейся образованности. Поэтому оно и является главной опорой государства в отношении законности и интеллигентности. Государство, в

котором нет среднего сословия, еще стоит поэтому не на высокой ступени. Такова, например, Россия, в которой есть крепостная масса и та, которая правит. Образование среднего сословия является главным интересом государства, но образоваться это сословие может только... там, где существуют права относительно независимых особенных кругов и где произвол чиновного мира предотвращается сопротивлением подобных правомочных кругов....

В) ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

§298

Законодательная власть касается законов как таковых... Эта власть есть сама часть государственного устройства, которое ей предпослано, ... она получает свое дальнейшее развитие в усовершенствовании законов и в характере поступательного движения всеобщих правительственных дел.

Прибавление. Государственный строй должен быть в себе и для себя прочной, обладающей значимостью почвой, на которой стоит законодательная власть, и поэтому он не должен быть сначала создан. Следовательно, государственный строй есть, но вместе с тем он столь же существенно становится, другими словами, продвигается в своем формировании. ...

§311

Направление депутатов как исходящее от гражданского общества имеет... тот смысл, что депутаты знакомы с его специальными потребностями, препятствиями, особенными интересами и сами проникнуты ими... .Если депутаты рассматриваются как представители не единичных лиц, не массы, а представителями одной из существенных сфер общества, представителями его крупных интересов. ...

§315

Предоставление (всеобщей) осведомленности имеет ту всеобщую сторону, что лишь таким образом общественное мнение приходит к истинным мыслям и к пониманию состояния и понятия государства и его дел и тем самым достигает способности судить о них разумно; кроме того, оно знакомится с делами и учится уважать таланты, добродетели и навыки государственных властей и

должностных лиц.

Прибавление. Публичность сословных собраний служит превосходным воспитывающим зрелищем для граждан, и на этом примере народ лучше всего учится понимать, в чем состоят его истинные интересы. Как правило, господствует представление, будто все знают, что является благом для государства, и в собраниях сословий это знание лишь высказывается; на деле же происходит как раз противоположное: лишь здесь получают свое развитие добродетели, таланты, навыки, которые должны служить образцом... Лишь благодаря тому, что каждый акт палат становится известным, они связаны с обширной сферой общественного мнения; при этом обнаруживается, что одно дело – вообразить что-либо у себя дома, сидя с женой или друзьями, и совсем другое – участвовать в большом собрании, где одна сообразительность побивается другой.

§316

Формальная объективная свобода, заключающаяся в том, что единичные лица как таковые имеют и выражают свое собственное суждение, мнение и подают свои советы, касающиеся всеобщих дел, проявляется в той совместности, которая называется общественным мнением. ...

Прибавление. Общественное мнение есть неорганический способ познания того, чего народ хочет и мнит. ...

§317

Поэтому общественное мнение содержит в себе вечные субстанциальные принципы справедливости, подлинное содержание и результат всего государственного строя, законодательства и всеобщего состояния вообще в форме здравого смысла людей как той нравственной основы, которая проходит через все, что принимает форму предрассудка, а также истинных потребностей и правильных тенденций действительности. ...

III. СУВЕРЕНИТЕТ ВОВНЕ

§321

В суверенитете внутри государства есть эта идеальность постольку,

поскольку моменты духа и его действительности, государства, развернуты в своей необходимости и существуют как его члены. ... Государство обладает в этом определении индивидуальностью, которая есть существенно индивид, а в лице суверена – действительный непосредственный индивид. ...

§322

Индивидуальность как исключаящее для себя бытие являет себя как отношение к другим государствам, каждое из которых самостоятельно по отношению к другим. Поскольку в этой самостоятельности имеет свое личное бытие для себя бытие действительного духа, то она есть первая свобода и высшая честь народа. ...

§324

...Примечание. Существует совершенно превратный расчет, когда при требовании подобных жертв государство рассматривается просто как гражданское общество и его конечной целью считается лишь обеспечение жизни и собственности индивидов, ибо это обеспечение не достигается посредством жертвования тем, что должно быть обеспечено: напротив, в указанном заключается нравственный момент войны; ее не следует рассматривать как абсолютное зло и чисто внешнюю случайность, которая может иметь свое случайное основание в чем угодно – в страстях власть имущих или народов, в несправедливости и т.п., вообще в том, чего не должно быть. ...

Прибавление. В мирное время гражданская жизнь расширяется, все сферы утверждаются в своем существовании, и в конце концов люди погрязают в болоте повседневности; их частные особенности становятся все тверже и окостеневают. Между тем для здоровья необходимо единство тела, и, если части его затвердевают внутри себя, наступает смерть. Вечный мир часто провозглашается как идеал, к шторму люди должны стремиться. Так, Кант предлагал создать союз правителей, в задачу которого входило бы улаживать споры между государствами, и Священный союз имел намерение стать чем-то вроде подобного института. Однако государство – это индивид, а в индивидуальности существенно содержится отрицание. Поэтому если известное

число государств и сольется в одну семью, то этот союз в качестве индивидуальности должен будет сотворить противоположность и породить врага. Народы выходят из войны не только усиленными, благодаря внешним войнам нации, внутри которых действуют непреодолимые противоречия, но и обретают внутреннее спокойствие. Правда, война приносит необеспеченность собственности, но это реальное необеспечение есть не что иное, как необходимое движение. ...Тем не менее войны возникают там, где они лежат в природе вещей; посева снова дают всходы, и пустая болтовня умолкает перед серьезными повторениями истории. ...

В. ВНЕШНЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

§330

Внешнее государственное право происходит из взаимоотношений самостоятельных государств; поэтому то, что есть в нем в себе и для себя, получает форму долженствования, потому что его действительность зависит от различных суверенных волей. ...

§333

Принцип международного права как всеобщего, которое в себе и для себя должно быть значимым в отношениях между государствами, состоит, в отличие от особенного содержания позитивных договоров, в том, что договоры, на которых основаны обязательства государств по отношению друг к другу, должны выполняться. ...

§334

Если особенные воли не приходят к соглашению, спор между государствами может быть решен только войной. ...

С. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

§341

Стихия наличного бытия всеобщего духа, который в искусстве есть созерцание и образ, в религии – чувство и представление, в философии – чистая свободная мысль, представляет собой во всемирной истории духовную действительность во всем объеме ее внутренних и внешних сторон. Она есть суд, потому что в ее в себе и для себя сущей всеобщности особенное, пенаты,

гражданское общество и духи народов в их пестрой действительности, суть только как идеальное, а движение духа в этой стихии состоит в том, чтобы изобразить это. ...

§352

Конкретные идеи, народные духи имеют свою истину и назначение в конкретной идее, которая есть абсолютная всеобщность, - в мировом духе; вокруг его трона они стоят как свершители его осуществления и как свидетели и краса его славы. Поскольку он как дух есть лишь движение своей деятельности, ...то существуют четыре начала образования этого самосознания в ходе его освобождения - четыре всемирных царства. ...

§354

... Четыре всемирно-исторических царства: 1) восточное, 2) греческое, 3) римское, 4) германское. ...

Источник: Гегель Г.В. Философия права / Пер. с нем. – М., 1990. – 524 с.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА (1808-1811)

КУРС ПЕРВЫЙ. МЛАДШИЙ КЛАСС УЧЕНИЕ О ПРАВЕ, ДОЛГЕ И РЕЛИГИИ

Первый раздел. Учение о праве

§ 1

Необходимо рассмотреть: 1) право само по себе и 2) его существование в гражданском обществе.

Глава первая. Право

§ 2

С точки зрения права следует исполнять только всеобщую волю, невзирая на намерение или убеждение единичного человека, и вообще человек является предметом права только как свободное существо.

§ 3

Право заключается в том, чтобы с каждым в отдельности другой считался и обращался как со свободным существом, ибо лишь тогда свободная воля имеет в другом человеке самое себя в качестве предмета и содержания.

Пояснение. В основе права лежит свобода отдельного человека, и право заключается в том, чтобы я обращался с другим как со свободным существом. Разум требует соблюдать право. По своей сущности каждый является свободным человеком. В силу своих особенных состояний и свойств люди различны, но различие это не касается абстрактной воли, как таковой. Тут они суть одно и то же, и тут уважать другого – значит уважать самого себя. Именно это и приводит к тому, что нарушением права *одного* человека наносится оскорбление *всем* в их праве. Здесь уже совсем иного рода сочувствие, чем то, когда сочувствуют только *ущербу* другого, ибо 1) частичная или полная утрата кем-нибудь своего имущества, хорошее состояние которого хотя и желательно, но само по себе не необходимо, огорчает меня, однако я не могу сказать, что его, как такового, не должно было быть; 2) подобные события относятся к особенностям человека. При всем сочувствии мы отделяем несчастные случаи от нас самих и рассматриваем их как нечто такое, что нас непосредственно не касается. Наоборот, когда нарушено право другого, каждый чувствует себя задетым за живое, ибо право есть нечто всеобщее. Следовательно, правонарушение мы не можем считать чем-то таким, что нас непосредственно не касается. Мы чувствуем себя тем более оскорбленными им, что право есть нечто необходимое.

§ 4

Каждый, поскольку его признают свободным существом, есть *лицо*. Поэтому принцип права можно выразить и так: с каждым другой должен обращаться именно как с лицом.

Пояснение. Понятие личности включает в себя особенность Я (*Ichheit*) или же отдельность как нечто свободное или всеобщее. Люди обладают личностью в силу своей духовной природы.

§ 5

Именно отсюда вытекает, что ни одного человека нельзя принуждать к чему-либо, кроме прекращения насилия, примененного им к другому.

Пояснение. Бывают ограничения свободы и законы, допускающие, чтобы с людьми обращались не как с лицами, а как с вещью, например, законы, разрешающие рабство. Однако последние являются лишь позитивными законами и правами, и притом такими, которые противны разуму и абсолютному праву.

§ 6

Поступок, стесняющий свободу другого человека или не признающий в нем свободную волю, является противоречащим праву.

Пояснение. В абсолютном смысле по отношению к человеку, строго говоря, невозможно никакое принуждение, потому что каждый представляет собой свободное существо, ибо он может отстоять свою волю вопреки необходимости и отказаться от всего, что имеет отношение к его наличному бытию. *Принуждение* происходит следующим образом. С наличным бытием человека соединяют что-нибудь в качестве его условия так, что, если он хочет сохранить первое, ему приходится мириться и со вторым. А так как наличное бытие человека зависит от внешних предметов, то он может быть поставлен и зависимость именно со стороны своего наличного бытия. Человека принуждают только тогда, когда он хочет чего-то, с чем связано еще и другое, а захочет ли он *того*, а с ним и *другого* или же не захочет *ни того, ни другого*, это зависит от его воли. Уж если его принуждают, то, к чему его склоняют, тоже в его воле. Принуждение есть в этом смысле лишь нечто относительное. Оно является *справедливым*, если к нему прибегают для того, чтобы добиться признания отдельным человеком. Такое насилие с известной точки зрения не является насилием и не противоречит достоинству свободного существа, ибо воля, какова она сама по себе, это и есть абсолютная воля каждого в отдельности. Свобода бывает вообще там, где господствует закон, а не произвол отдельного человека.

§ 7

Позволено, а потому и не предписывается правом все, что не стесняет свободы других, иначе говоря, все, что не препятствует их актам.

Пояснение. Право содержит, собственно говоря, только *запрещения*, а не приказания, а что не запрещается, то позволено. Но правовые запрещения могут быть выражены позитивно как приказания, например, ты должен соблюдать договор! Всеобщий правовой принцип, особенными применениями которого являются все другие, гласит: ты должен уважать собственность другого! Это не означает, что ты должен сделать для другого что-нибудь позитивное, произвести какое-то изменение в окружающих обстоятельствах, а требует только *не совершать* нарушения [права] собственности. Таким образом, если право и выражают как позитивное приказание, то это последнее лишь форма выражения, в основе которого по содержанию всегда лежит запрет.

§ 8

Подчиняя себе вещь, воля делает ее своей. Владение и есть эта подчиненность вещи моей воле.

Пояснение. Для подчинения нужно двоякое: нечто всеобщее и нечто единичное. Я подчиняю нечто единичное, если присваиваю ему всеобщее определение. Это подчинение вообще встречается в суждении. Подчиняющее в суждении – это предикат, а подчиненное – субъект. Вступление во владение есть произнесение суждения, что некоторая вещь становится моей. Подчиняющим здесь является моя воля. Я даю вещи предикат «моя». Воля есть подчиняющее для всех внешних вещей, ибо по себе она есть всеобщность. Все вещи, не относящиеся сами к себе, являются только необходимыми, а не свободными. Это обстоятельство дает, таким образом, человеку право завладевать всеми внешними вещами и делать из них уже нечто иное, чем то, что есть они сами. Тем самым он поступает с ними лишь сообразно их сущности.

§ 9

Вещь, которой еще только намереваешься завладеть, должна быть 1) *res nullius* [ничьей], т.е. не быть такой вещью, которая уже подчинена другой воле.

Пояснение. Мне нельзя вступить во владение вещью, уже принадлежащей другому, не потому, что она вещь, а потому, что она *его вещь*. Ибо, вступая во владение этой вещью, я уничтожаю в ней тот предикат, что она его, и тем отрицаю волю этого человека. Воля же есть нечто абсолютное, чего я не могу превратить в нечто негативное.

§ 10

2) Во владение нужно *вступить*, т.е. нужно путем ли физического *захвата*, или путем *формирования*, или хотя бы путем *обозначения* предмета сделать ясным для других, что я подчинил этот предмет моей воле.

Пояснение. Внешнему овладению должен предшествовать внутренний волевой акт, выражающий то, что вещь будет моей. Первый способ овладения – это физический захват. Он имеет тот недостаток, что захватываемые предметы должны быть такими, чтобы я мог непосредственно схватить их рукой или накрыть своим телом, а, кроме того, он недолговечен. Второй, более совершенный способ – это формирование, состоящее в том, что я придаю вещи некоторую форму, например, возделываю поле, превращаю золото в бокал. Здесь та форма, что это мое, непосредственно соединена с предметом и потому в себе и для себя является знаком того, что *материя тоже* принадлежит мне. К формированию, между прочим, относятся также посадка деревьев, приручение и кормление животных. Несовершенный способ землевладения – это использование какого-нибудь района без его формирования, например, когда кочевые народы используют территорию для выпаса скота, пароды, занимающиеся охотой, – для охоты, занимающиеся рыболовством народы используют побережье моря или реки. Такое овладение еще поверхностно, так как имеющееся здесь использование является лишь временным, еще неустойчивое, не прикреплено к предмету. Овладение предметом путем одного только обозначения несовершенно. Знак, не составляющий одновременно, как при формировании, суть самого предмета, – это вещь, обладающая значением, которое не является, однако, ее собственной сущностью и к которому эта вещь

относится, следовательно, как чуждая. Но, кроме того, она обладает также и своим собственным значением, которое не связано с природой самого предмета, обозначенного этой вещью. Таким образом, обозначение произвольно. Знаком чего должна быть вещь – это в большей или меньшей мере дело соглашения (Convenienz).

§ 11

Владение становится *собственностью*, *законным*, если все другие признают, что вещь, которую я сделал своей, моя, равно как и я признаю владение других их владением. Мое владение *признается*, потому что оно – акт свободной воли, которая внутри самой себя есть нечто абсолютное и в которой всеобщим является то, что воление других я тоже рассматриваю как нечто абсолютное.

Пояснение. Владение и собственность – это два различных определения. Отнюдь не всегда владение и собственность связаны. Можно иметь собственность и в то же время не владеть ею. Если я, например, кому-то другому ссудил что-нибудь, то оно остается моей собственностью, хотя я уже этим и не владею. Владение и собственность входят в то понятие, что я имею господство над чем-нибудь. Собственность представляет собой правовую сторону этого господства, а владение – только ту внешнюю сторону, что нечто вообще находится в моей власти. Правовое есть сторона моей абсолютной свободной воли, объявившей нечто своим. Эту волю другие должны признать, поскольку она существует сама по себе и поскольку ранее указанные условия соблюдены. Собственность имеет, таким образом, внутреннюю и внешнюю сторону. Первая – это акт воли, который должен быть признан, как таковой, вторая же, взятая сама по себе, представляет собой вступление во владение. Будет ли вступление во владение признано другими, это кажется случайным, иначе говоря, произвольным. Однако оно должно быть признано, ибо такова природа самого дела. Признание основано не на взаимности. Я признаю не потому, что и ты признаешь, и наоборот, а природа самого дела служит основой этого взаимного

признания. Я признаю волю другого потому, что она сама по себе должна быть признана⁸⁹.

§ 12

Я могу *отчуждать* от себя (*mich enttaubern*)⁹⁰ свою собственность, и она благодаря моей свободной воле может перейти к другому.

Пояснение. Хотя мои силы и способности и являются более всего принадлежащей мне собственностью, но они тоже имеют внешнее выражение. Согласно абстрактному определению, они внешни уже постольку, поскольку я могу отличить их от себя, от простого Я. Но и сами по себе они суть единичные и ограниченные силы и способности, не составляющие самой моей сущности. Моя сущность, сама по себе всеобщая, отлична от этих особенных определений. Наконец, они являются внешними в их *применении*. Именно применяя их, я превращаю их во внешнюю форму, и произведенное ими есть нечто внешне существующее. В применении находится не сила, как таковая; она сохраняется, хотя она выявила себя и превратила это свое выявление в некоторое отличное от нее наличное бытие. Это выявление силы есть нечто внешнее постольку также, поскольку представляет собой нечто ограниченное и конечное. Если нечто является моей собственностью, то хотя я и связал его со своей волей, но связь эта не абсолютна. Ибо если бы связь эта была такой, то моя воля должна была бы по своей сущности находиться в этой вещи. Но я превратил свою волю здесь только в нечто особенное, и могу, так как воля моя свободна, эту особенность снова снять.

§ 13

Неотчуждаемы те блага, которые не столько являются моим владением или собственностью, сколько образуют мою собственную личность, иначе

⁸⁹ См. оценку гегелевской трактовки правовых отношений и собственности в “Капитале” К. Маркса (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 100-101; т. 25, ч. II, стр. 165, примеч.)

⁹⁰ Термин «Enttaubung» по своему смыслу означает буквально “экстериоризация”. В данном контексте он переводится в соответствии с традицией как “отчуждение”. Термин «vertaubung», означающий буквально “реализация”, “продажа”, акт передачи товара от одного лица к другому, также в некоторых случаях может переводиться как “отчуждение”. Такое употребление этих терминов характерно и для К. Маркса в “Капитале” (см. К. Marx. Kapital, Bd. I. Berlin, 1961, S. 113, 114, 121, 136, 142 и т.д.). “Отчуждение” в собственном смысле слова передается термином «entfremdung».

говоря, содержатся в моей сущности, как, например, свобода воли, нравственность, религия и т.д.

Пояснение. Отчуждаемы только внешние уже по своей природе блага; *личность*, например, я не могу считать чем-то внешним для меня, ибо отказаться от своей личности – значит превратить себя в вещь. Но такое отчуждение было бы недействительным. Тот отчуждал бы свою *нравственность*, кто дал бы другому, например, обещание совершать по его приказу всевозможные действия, как преступные, так и безразличные, все равно. Но такое обязательство не может иметь никакой силы, ибо оно включает в себя свободу воли, обладая которой каждый должен отвечать за себя сам. Нравственные или безнравственные деяния – это собственные поступки того, кто их совершает, и в силу этого я не могу их отчуждать. Я не могу отчуждать и свою *религию*. Если бы община или же отдельный человек предоставили кому-нибудь третьему определять, что должно составлять их веру, то это было бы обязательством, от которого каждый мог бы отказаться. Причем по отношению к тому, перед кем я взял на себя такое обязательство, это не было бы несправедливостью, так как то, что я ему предоставил, *никогда и не могло стать его собственностью*.

§ 14

Напротив, определенное *употребление* своих духовных и физических сил и вещи, которыми я владею, я могу отчуждать.

Пояснение. Отчуждать можно только *ограниченное* употребление своих сил, так как это употребление, иначе говоря, ограниченное действие, отлично от силы. Но *непрерывное* употребление, или действие *во всем* своем объеме, неотлично от силы самой по себе. Сила есть нечто внутреннее, нечто всеобщее по отношению к своему проявлению. Проявления же суть некоторое ограниченное в пространстве и времени наличное бытие. Сила сама по себе не исчерпана в отдельном таком наличном бытии, а также не связана с каким-либо одним из своих случайных действий. Во-вторых, сила должна действовать и проявляться, иначе она не сила. В-третьих, самое силу составляет весь объем ее

действий, ибо весь объем проявления есть то же самое всеобщее, что и сила, и потому человек не может отчуждать всего употребления своих сил: иначе он отчуждал бы свою личность.

§ 15

Для отчуждения в пользу другого требуется *мое* согласие передать ему вещь и его согласие принять ее: это обоюдное согласие, если оно взаимно высказано и объявлено действительным, называется *договором* < pactum >.

Пояснение. Договор есть особый способ стать собственником вещи, которая уже принадлежит другому. Ранее же разобранный способ сделаться собственником состоял в непосредственном овладении вещью, которая была *res nullius* [ничьей]. 1) Простейшим видом договора можно считать *дарственный договор*, в котором кто-либо просто передает какую-то вещь в пользу другого, не получая взамен ее стоимость. Действительное дарение, есть договор, ибо в дарении должна участвовать воля двоих: одного, чтобы передать вещь другому, не беря за нее ничего, другого, чтобы принять эту вещь; 2) *договор мены* состоит в том, что я передаю другому что-либо из моей собственности при условии, что он мне дает за это вещь равную по стоимости. Здесь необходимо обоюдное согласие каждого отдать что-нибудь, а взамен взять предложенное другим; 3) *купля и продажа* есть особый вид мены – обмен товаров на деньги. *Деньги* – это всеобщий товар, который как абстрактная стоимость не может, следовательно, сам быть употреблен для удовлетворения какой-либо особенной потребности. Они лишь *всеобщее средство* для приобретения за них тех особенных вещей, в которых нуждаешься. Употребление денег только косвенное. Никакая материя, обладая этими качествами, сама по себе не есть деньги, ее признают деньгами лишь благодаря соглашению; 4) *наем* состоит в том, что я передаю кому-либо свое владение, т.е. пользование моей собственностью, но самое собственность оставляю за собой. При этом может быть так, что тот, кому я что-либо отдал внаем, должен возвратить мне ту же самую вещь, и так, что я оставляю за собой собственность лишь на вещь того же самого рода или той же самой стоимости.

§ 16

Содержащееся в договоре волеизъявление не есть еще осуществление перехода моей вещи или труда к другому. Таким переходом, совершающимся на основании договора, является *выполнение*.

Пояснение. Мое обязательство по договору содержит в себе как исключение вещи посредством моей воли из сферы моего, так и признание, что другой сделал ее своей. Так как то, что какой-нибудь предмет является моим, поскольку он зависит от меня, имеет свое основание в моей воле, то благодаря договору вещь уже стала собственностью другого. Если бы я не выполнял определенного в договоре по отношению к другому, т.е. не вводил его во владение, то этим я нарушил бы его [право] собственности. Таким образом, я самым договором обязан к его выполнению. <Наследование через завещание>

§ 17

Посягательство другого человека на сферу моей свободы может быть 1) или таким, что он *распоряжается моей собственностью как своей*, иначе говоря, *утверждает*, что он имеет на нее право и что если бы не он, а я имел на нее право, то он уступил бы ее мне. Он уважает тут право вообще и утверждает только то, что оно в этом частном случае на его стороне. Или же 2) его поведение таково, что он вообще не признает моей воли и, стало быть, нарушает *право как право*.

Пояснение. Полученные до сих пор понятия охватывают природу права, его законы и его необходимость. Но право не является такого же рода необходимостью, как необходимое физической природы, например, то, что солнце не может сойти со своего пути. Цветок должен вполне соответствовать своей природе. Если он, например, не осуществит своего формирования, то причина этого внешнее воздействие, а не он сам. Дух же, напротив, благодаря своей свободе может поступать вопреки законам. Возможны, следовательно, поступки, нарушающие право. Здесь необходимо различать: 1) всеобщее право, право как право; 2) особое право, которое касается только права отдельного лица на отдельную вещь. Всеобщее право состоит в том, что каждый вообще,

независимо от этой собственности является юридическим лицом. Посягательство на право может, следовательно, быть и такого рода, когда этим утверждается только то, что это особое право, эта особенная вещь известному лицу не принадлежат. Всеобщее же право при этом не нарушается. Тут к своему противнику относятся как к правовому лицу. Такое суждение можно рассматривать в общем-то как и чисто *отрицательное* суждение, в котором в предикате отрицается особенное; например, если я высказываю суждение: эта печь не зеленая, то я отрицаю только предикат такой-то окрашенности, а не всеобщий предикат. Во втором случае, посягая на право другого, я не только утверждаю, что некоторая особенная вещь не является собственностью другого, но отрицаю также и то, что он является правовым лицом. Я обращаюсь с ним не как с лицом. Я притязаю на нечто не потому, что имею на это право или считаю, что я его имею. Я нарушаю право как право. Такое суждение принадлежит к тем, которые называются *бесконечными*. Бесконечное суждение отрицает в предикате не только особенное, но и всеобщее; например: эта печь не кит; или: она не память. Так как отрицается не только определенное, но и всеобщее предиката, то субъекту не остается ничего. Такие суждения поэтому бессмысленны, но, тем не менее, правильны. Точно так же нарушение права как права есть нечто возможное, что и случается, но бессмысленное, противоречащее себе. Случаи первого рода относятся к *гражданскому праву*, случаи второго – к *криминальному праву*. Первое называется также *гражданским*, второе *уголовным* правом.

§ 18

В первом случае необходимо простое выяснение правовых оснований, посредством которого и устанавливается, кому принадлежит это оспариваемое особое право. Однако для такого разбора мнений обеих сторон нужен *третий*, кто был бы свободен от их интереса владеть этой вещью и обращал бы внимание только на право, как таковое.

Пояснение. В первом случае возникает, таким образом, *гражданский процесс*. В нем-то и оспаривается право другого, но на правовой основе. Обе спорящие стороны в том как раз и сходятся, что они признают право как право.

И вступить во владение должен лишь тот, кто прав, а не тот, скажем, кто имеет влияние, власть или больше заслуг. Стороны расходятся только в отношении подведения особенного под всеобщее⁹¹. И именно в этом причина того, что между судьей и обеими сторонами не возникает ни личной обиды, поскольку одна сторона недовольна его приговором, ни личной обиды судьи против той стороны, которую он признал неправой. И так как здесь нет посягательства на что-либо личное, то сторона, несправедливо претендовавшая на собственность другого, не наказывается.

§ 19

Второй случай, напротив, касается ущерба, наносимого моей личной внешней свободе, моему телу и жизни или же моей собственности вообще путем *насильственных действий*.

Пояснение. Сюда относится в первую очередь незаконное лишение меня свободы посредством *тюремного заключения* или *рабства*. Не иметь возможности отправиться туда, куда хочешь, и т. п. — это и есть лишение естественной внешней свободы. Сюда же относится нанесение ущерба *телу* и *жизни*. Последнее гораздо значительнее, нежели лишение меня собственности. Хотя жизнь и тело суть нечто внешнее, как и собственность, тем не менее, под ними задета моя личность, ибо мое непосредственное самоощущение находится в самом моем теле.

§ 20

Принуждение, установленное подобным поступком, не только должно быть прекращено, т.е. внутренняя ничтожность такого поступка должна быть наказана не только негативно, но необходимо также, чтобы и позитивно осуществилось *возмездие*. <Против такого поступка необходимо выставить как довод форму разумности вообще, всеобщность, или равенство.> Ведь если поступающий так существо разумное, то в его поступке заключено то, что его поступок есть нечто всеобщее. Грабя другого, ты грабишь себя! Убивая кого-

⁹¹ В издании Розенкранца (S. 67) и Гоффмейстера здесь “oder das”. Очевидно, опечатка и следует читать “unter das” (примечание переводчика)

нибудь, ты убиваешь всех и самого себя! Поступок – это закон, который ты устанавливаешь и который именно своим поведением ты признал в себе и для себя. Поступающего так, можно, поэтому вместо себя подвести под тот самый способ действия, который он установил, и тем самым восстановить нарушенное им равенство: *jus talionis* [право возмездия].

Пояснение. Возмездие основывается вообще на разумной природе несправедливо поступающего, иначе говоря, оно состоит в том, что несправедливое превращается в справедливое. Несправедливый поступок – это единичный неразумный поступок. Но так как он совершается разумным существом, то он представляет собой, правда не по своему содержанию, но по *форме*, все же нечто *разумное* и всеобщее. Кроме того, его следует рассматривать как принцип или закон. Однако, как таковой, этот закон действителен вместе с тем *только для [несправедливо] поступающего*, ибо только он, поступая так, признает этот закон, другие же не признают. Несправедливо поступающий сам подпадает под этот принцип или этот закон, который и должен быть осуществлен по отношению к нему. Несправедливость, которую он совершил, в применении к нему является справедливостью, ибо этим вторым действием, им признанным, восстанавливается равенство. Здесь мы имеем только формальное право.

§ 21

Возмездие, однако, не должно осуществляться отдельным обиженным человеком или его близкими, ибо у них общеправовая точка зрения связана в то же время со случайностью страсти. Оно должно быть действием третьего, обладающего властью, который выставляет как довод и исполняет только всеобщее. В последнем случае оно называется *наказанием*.

Пояснение. *Месть* и *наказание* отличаются друг от друга тем, что месть – это возмездие, поскольку оно осуществляется обиженной стороной, а наказание – это возмездие, поскольку оно налагается судьей. Возмездие потому-то и должно осуществляться как наказание, что в случаях мести имеет влияние страсть и право оказывается в тени. К тому же месть не обладает формой права,

а имеет форму произвола, так как обиженная сторона действует, всегда повинаясь чувству или субъективной побудительной причине. Именно поэтому справедливость, осуществленная как месть, и является в свою очередь новой обидой, воспринимается только как единичный поступок и воспроизводится, таким образом, без примирения до бесконечности.

Глава вторая.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

§ 22

Понятие права как сила, располагающая властью и независимая от побуждений единичности, обладает действительностью только в гражданском обществе.

§ 23

Семья представляет собой естественное общество, члены которого связаны любовью, доверием и естественным повиновением (*ниэтет*).

Пояснение. Семья представляет собой естественное общество, во-первых, потому, что членом семьи являются не в силу своей воли, а в силу своего естества, и, во-вторых, потому, что отношения между членами семьи основаны не столько на размышлении и решении, сколько на чувстве и побуждении. Эти отношения являются необходимыми и разумными, но форма сознательного усмотрения отсутствует. Это скорее инстинкт. Любовь членов семьи друг к другу основывается на том, что одно Я составляет с другим отдельным Я некоторое единство. Они не считают себя отдельными в их отношении друг к другу. Семья – это органическое целое. Ее части – это, собственно говоря, не части, а члены, которые имеют свою субстанцию только в этом целом и отдельно от этого целого самостоятельностью не обладают. Доверие, питаемое членами семьи друг к другу, состоит в том, что каждый интересуется не собой, а только целым. Естественное повиновение внутри семьи основывается на том, что в этом целом существует только одна воля, а именно принадлежащая главе семьи. В этом отношении семья составляет только одно лицо. <Нация.>

§ 24

Государство – это общество людей с правовыми отношениями, в котором люди имеют значение друг для друга не в силу каких-либо индивидуальных естественных отношений сообразно своим естественным склонностям и чувствам, а как лица, и эта личность каждого косвенно утверждается. Если семья, разрастаясь, превратилась в нацию и государство составляет с нацией одно целое, то это – большое счастье.

Пояснение. Народ связан в одно языком, нравами и обычаями, а также образованием. Но связь эта еще не образует государства. Для государства, правда, весьма важны, кроме того, мораль, религия, благосостояние и богатство всех его граждан. И оно должно заботиться о содействии этим обстоятельствам, однако непосредственную цель государства составляют не они, а *право*.

§ 25

Естественное состояние – это состояние некультурности, насилия и несправедливости. Из такого состояния люди должны вступить в гражданское общество, ибо только в последнем правовое отношение обладает действительностью.

Пояснение. Естественное состояние часто изображается в качестве *совершенного* состояния человека, как с точки зрения благоденствия, так и с точки зрения нравственной доброты. Во-первых, следует заметить, что *невинность*, как таковая, не имеет никакой моральной ценности, поскольку она представляет собой незнание зла и покоится на отсутствии тех потребностей, при которых зло может совершаться. Во-вторых, это состояние является скорее состоянием *насилия и несправедливости* именно потому, что в нем люди оценивают себя сообразно природе. По природе же они *неравны* как в отношении физических сил, так и духовных способностей. И посредством насилия и хитрости люди делают действительным это свое различие. Разум существует, правда, и в естественном состоянии, но естественное является господствующим. Поэтому люди должны перейти из него в такое состояние, в котором господствует разумная воля.

§ 26

Закон есть абстрактное выражение всеобщей, в себе и для себя существующей воли.

Пояснение. Законом всеобщая воля является в той мере, в какой она является им с точки зрения разума. При этом совсем не обязательно, чтобы каждый отдельный человек непременно сам узнал или отыскал эту волю. Совсем не обязательно также и то, чтобы каждый отдельный человек объявлял свою волю, а затем отсюда извлекался бы всеобщий результат. Именно поэтому в действительной истории и не бывало так, чтобы каждый отдельный гражданин какого-либо народа предлагал закон, а затем путем общественного обсуждения договаривался с другими об этом законе. Закон содержит в себе необходимость правовых отношений между людьми. Законодатели не издавали произвольных постановлений. Их постановления не являются определениями их частного изволения. Благодаря своему глубокому уму они познали, что является истиной и сущностью правового отношения.

§ 27

Правительство есть индивидуальность в себе и для себя существующей воли. Оно есть сила, издающая и применяющая или исполняющая законы.

Пояснение. Государство имеет законы. Последние, стало быть, суть воля в ее всеобщей абстрактной сущности, которая, как таковая, бездеятельна, так как принципы, максимы еще не выражают и не заключают в себе какого-либо действительного воления, а, [выражают] лишь всеобщее воление. Для этого всеобщего только правительство является деятельной и осуществляющей волей. Закон существует как обычай, правительство же представляет собой сознательную силу бессознательного обычая.

§ 28

Всеобщая государственная власть включает в себе различные входящие в нее специальные власти: 1) законодательную вообще; 2) административную и финансовую (чтобы создавать себе средства для осуществления свободы); 3) (независимую) судебную и полицейскую; 4) военную и власть вести войну и заключить мир.

Пояснение. Характер государственного устройства зависит, прежде всего, от того, осуществляются ли эти специальные власти непосредственно центром правительства; затем, соединены ли некоторые из них в одной власти, или же они разделены; например, отправляет ли правосудие непосредственно государь "или регент, или же имеются специальные судебные учреждения; затем, объединяет ли в себе правитель также и церковную власть, и т.д. Важно и то, обладает ли в государственном устройстве верховный центр правительства неограниченной финансовой властью в том смысле, что он может всецело по собственному усмотрению как устанавливать, так и расходовать налоги. Затем, соединены ли некоторые власти в одной, например, соединены ли судебная и военная власть в одном должностном лице. Характер государственного устройства бывает определен еще и тем, все ли граждане принимают участие в управлении государством. Таким государственным устройством является *демократия*. Извращение последней – это *охлократия*, или господство черни, когда та часть народа, которая не имеет собственности и придерживается недостойных взглядов, силой не допускает достойных граждан к государственным делам. Демократия может возникнуть и сохраниться только при простых, неиспорченных правах и маленьких размерах государства. *Аристократия* – это государственное устройство, в котором исключительное право управлять государством имеют только определенные привилегированные семьи. Извращением ее является *олигархия*, когда число семей, имеющих право управлять государством, незначительно. Такое положение дел опасно потому, что в олигархии специальные власти осуществляются непосредственно одним советом. *Монархия* – это государственное устройство, при котором управление государством находится в руках одного человека и по наследству остается в одной семье. В *наследственной монархии* исключены те споры и гражданские войны, которые могут возникнуть при смене престола в *выборной монархии*, ибо честолюбие могущественных особ не может питать никакой надежды на трон. Монарх, правда, не в состоянии непосредственно осуществлять всю правительственную власть и частично

доверяет осуществление специальных властей коллегиям или же государственным чинам, которые именем короля под его надзором и согласно законам осуществляют возложенную на них власть. В монархии гражданская свобода более защищена, чем в других государственных устройствах. Извращением монархии является *деспотизм*, когда правитель осуществляет управление государством по своему произволу. Для монархии существенно, чтобы правительство обладало по отношению к частным интересам людей достаточной твердостью и должной властью. Но с другой стороны, необходимо также, чтобы права граждан были защищены законами. Хотя деспотическое правительство и обладает наивысшей властью, однако при таком государственном устройстве в жертву приносятся права граждан. Деспот обладает наибольшей властью и может использовать силы своего государства произвольно. Но эта точка зрения как раз и является *самой опасной*. Государственный строй народа не есть чисто внешнее устройство. Народ может иметь как то, так и другое государственное устройство. Оно зависит главным образом от характера народа, от его нравов, степени образованности, от образа жизни и численности народа.

§ 29

Граждане как отдельные люди подчинены государственной власти и повинуются ей. Содержанием же ее и целью является осуществление естественных, т.е. абсолютных, прав граждан, которые не отказываются от этих прав в государстве, а, напротив, только в нем и достигают *пользования* ими и *развития* их.

§ 30

Конституция государства устанавливает в качестве *внутреннего государственного права* отношение специальных властей как к правительству – их высшему объединению, так и друг к другу, а также отношение к ним граждан, иначе говоря, участие в них граждан.

§ 31

Внешнее государственное право касается отношения самостоятельных народов при посредстве их правительств друг к другу и основывается преимущественно на особых договорах: *международное право*.

Пояснение. Государства находятся скорее в естественном, чем в правовом, отношении друг к другу. Именно поэтому между ними существует постоянный спор, так что они заключают между собой договоры и таким путем ставят себя в правовое отношение друг к другу. С другой же стороны, они совершенно самостоятельны и независимы друг от друга. Поэтому права между ними на самом деле не существует. Они могут, следовательно, произвольно нарушать договоры и должны из-за этого всегда оставаться в известном недоверии друг к другу. Как природные образования они относятся друг к другу соответственно своей силе. Они должны сами сохранять свое право, сами создавать его себе и поэтому вести между собой *войну*.

Источник: Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: 2 т. – Т. 2. / Сост., общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1971. – С. 35–54.

ФИЛОСОФИЯ ДУХА (1806-1807)

§ 535

Государство есть обладающая самосознанием нравственная субстанция – соединение принципа семьи и гражданского общества; то самое единство, которое в семье проявляется как чувство любви, есть и его сущность, в то же время, однако, получающая посредством второго принципа знающего и из себя деятельного воления, форму опознанной всеобщности, которая – равно как и ее в знании развивающиеся определения имеет обладающую знанием субъективность своим содержанием и абсолютной целью, так что эта субъективность стремится к этому разумному.

§ 536

Государство есть: а) прежде всего его внутренняя форма, в качестве к самому себе относящегося развития, – внутреннее государственное право или конституция, оно есть, б) отдельный индивидуум в его отношении к другим отдельным индивидуумам – внешнее государственное право, в) но эти отдельные духи суть только моменты в развитии всеобщей идеи духа в его действительности – во всемирной истории.

§ 537

Сущность государства есть в себе и для себя всеобщее, есть разумность воли, но в качестве самого себя знающего и проявляющегося в действии это всеобщее есть безусловная субъективность и в качестве действительности – отдельный индивидуум. Его дело вообще сводится, в отношении к крайности единичности как множества индивидуумов, к двум моментам: во-первых, к тому, чтобы сохранить эти индивидуумы в качестве лиц и тем самым сделать право необходимой действительностью, и затем к тому, чтобы содействовать их благу, в котором каждый прежде всего заботится о себе, но которое имеет, однако, также и безусловно всеобщую сторону, охранять семью и руководить гражданским обществом; во-вторых, в том, чтобы и право, и благо, и весь образ мыслей и деятельность единичного существа, стремящегося стать центром для себя, снова свести к жизни всеобщей субстанции и в этом смысле, в качестве свободной мощи, положить предел развитию упомянутых подчиненных ей сфер и удержать их в субстанциальной имманентности.

§ 539

Государство в качестве живого духа существует безусловно только в качестве организованного целого, расчлененного на особые функции, которые, исходя из единого понятия разумной воли, хотя в качестве понятия еще и не познанного, непрерывно порождают это понятие как их результат. Конституция есть распределенность функций государственной власти. Она содержит в себе определения того, каким способом разумная воля, поскольку в индивидуумах она всеобща только в себе, частью доходит до сознания и понимания самой себя и находит самое себя, частью же, будучи приведена к действительности

деятельностью правительства и его особых отраслей, сохраняется в нем и ограждается в одинаковой мере как от случайной субъективности этих отраслей, так и от субъективности отдельных лиц. Она есть существующая справедливость как действительность свободы в развитии ее разумных определений...

Живая целокупность, сохранение, т.е. непрерывное созидание, государства вообще и его конституции есть правительство. Естественно необходимая организация есть возникновение семьи и сословий гражданского общества. Правительство есть общая часть государственного устройства, т.е. та часть его, которая имеет своей сознательно преследуемой целью сохранность означенных частей, но в то же время имеет в виду и осуществляет в действии также и общие цели, стояще выше назначения семьи и гражданского общества. Организация правительства есть в то же время его различение на отдельные власти, своеобразные черты которых определены соответственно понятию о них, но в субъективности эти понятия взаимно проникают друг друга до действительного единства.

§ 543

В сфере специальной правительственной власти, с одной стороны, обнаруживается разделение функций государства на его уже определенные отрасли, законодательную власть, правосудие, или судебную власть, полицейскую власть и т.д. и тем самым распределение этих властей по особым учреждениям, приуроченным в отношении своих дел к определенным законам и в такой же мере обладающим для этого и вследствие этого независимостью в своих действиях, как и стоящим в то же время под высшим надзором; в другой — получает реальное значение участие многих лиц в деле управления государством, каковые лица все вместе образуют тогда одно общее сословие (§ 528), поскольку существенным определением их частной жизни становится дело осуществления общих целей, дальнейшим же условием возможности индивидуального участия в нем является надлежащее образование и умение.

§ 544

...Разделение форм государственного устройства на демократию, аристократию и монархию все еще дает нам наиболее определенное указание на их различие в отношении государственной власти. В то же время они должны быть рассматриваемы как необходимые формы в ходе развития, следовательно, в истории государства. Поэтому было бы поверхностно и нелепо представлять их себе как предмет выбора. Чистые формы их необходимости, будучи конечны и преходящи, находятся отчасти в связи с формами их вырождения, охлократией и т.д., отчасти же с более ранними переходными формами; причем оба эти рода форм не следует смешивать с упомянутыми истинными формами государственного устройства. Так, например, восточный деспотизм подводят под неопределенное название монархии на основе того сходства, что воля одного индивидуума поставлена во главе государства, как в таком же смысле говорят и о феодальной монархии, которой нельзя отказать даже в популярном названии конституционной монархии. Подлинное отличие этих форм от истинной монархии основывается на содержании господствующих правовых принципов, которые находят в государственной власти свою действительность и гарантию. Эти принципы суть развитые в предшествующих сферах деятельности принципы свободы собственности и, сверх того, личной свободы, гражданского общества, его промышленности и его общин, наконец, урегулированной, подчиненной законам деятельности специальных ведомств.

Источник: Гегель Г.В.Ф. Философия духа / Ред. М. Терешина - М.: Издательство «Эксмо-Пресс», 2016. С. 124-146.

ИЕРЕМИЯ (ДЖЕРЕМИ) БЕНТАМ

Иеремия (Джéреми) Бентам (1748-1832) – английский философ-моралист и правовед, социолог, юрист, один из крупнейших теоретиков политического либерализма, родоначальник одного из направлений в английской философии – утилитаризма. Среди сочинений Бентама отметим написанный в России трактат Защита лихвы (*Defence of Usury*, 1787), а также следующие труды: Деонтология, или Наука о морали (*Deontology, or The Science of Morality*, v. 1–2, 1834); Теория наказаний и наград (*Theorie des peines et des recompenses*, 1811).

ВВЕДЕНИЕ В ОСНОВАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (1840)

Глава I

О принципе пользы. Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей, страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать. ...На словах человек может претендовать на отрицание их могущества, но в действительности он всегда останется подчинен им. Принцип пользы признает это подчинение и берет его в основание той системы, цель которой возвести здание счастья руками разума и закона. ...

Под принципом пользы понимается тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно ...стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, – содействовать или препятствовать этому счастью. Я говорю: какое бы то ни было действие; и потому говорю не только о всяком действии частного лица, но и о всякой мере правительства.

Под пользой понимается то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благодеяние, выгоду, удовольствие, добро или счастье...

или ...предупреждает вред, страдание, зло или несчастье той стороны, об интересе которой идет речь: если это сторона есть целое общество, то счастье общества; если это отдельное лицо, то счастье этого отдельного лица. ...

Когда человек полагает, что известное действие, или, в частности, мера правительства, сообразны с принципом пользы, то, для удобства речи, возможно предположить род закона или правила, называемого законом или правилом пользы; и говорить об этом действии как сообразном с этим законом или правилом. ...

Глава III

О четырех санкциях или источниках страдания и удовольствия. ...Счастье отдельных лиц, из которых составляется общество, то есть их удовольствия и безопасность, есть цель и единственная цель, которую должен иметь в виду законодатель: это - единственная мерка, с которой каждое отдельное лицо, насколько это зависит от законодателя, должно бы быть заставлено сообразовывать свое поведение. Но какова бы ни была та вещь, которую человеку следовало бы сделать, положительно заставить его сделать ее можно только страданием или удовольствием. ... Можно отличить четыре источника, из которых обыкновенно проистекают удовольствие и страдание; рассматриваемые отдельно, они могут быть названы — физическими, политическими, нравственными и религиозными; и насколько удовольствия и страдания, принадлежащие каждому из этих источников, способны давать обязательную силу какому-нибудь закону или правилу поведения, все они могут быть названы санкциями.

Если страдание и удовольствие происходят или ожидаются в настоящей жизни и по естественному ходу природы, ... то можно сказать, что эти удовольствия и страдания происходят или относятся к физической санкции.

Если они происходят или ожидаются от рук частного лица или разряда лиц в обществе, которое под именами, соответствующими имени судьи, избираются с особенной целью распределения их, согласно с волей государя или высшей правительственной власти в государстве, то можно сказать, что эти страдания и

удовольствия происходят от политической санкции.

Если они исходят или ожидаются от рук случайных лиц в обществе, ... то можно сказать, что они происходят от нравственной или популярной (имеющей связь с общественным мнением) санкции.

Если они исходят или ожидаются прямо от руки Высшего невидимого существа, в настоящей ли жизни или в будущей, то можно сказать, что они происходят от религиозной санкции. ...

Глава VII

О человеческих действиях вообще. Дело правительства состоит в том, чтобы содействовать счастью общества, посредством наказаний и наград. Та часть его дела, которая состоит в наказании, есть в частности предмет уголовного закона. Соразмерно с тем, насколько это стремление вредно, это действие создает потребность в наказании. Мы уже увидели, в чем состоит счастье: в наслаждении удовольствиями, в обеспечении от страданий. ...

Поэтому, при всяком деле, которое разбирается с целью наказания, должны быть рассмотрены четыре вещи: 1) самый акт, который совершен, 2) обстоятельства, при которых он совершен, 3) намеренность, которая могла сопровождать его, 4) сознательность, несознательность или ложная сознательность, которая могла сопровождать его. ...

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА

Глава I

О правах и обязанностях. ...Права суть сами по себе блага, выгоды для тех, кто ими пользуется; обязанности же, напротив, суть невыгоды, тяжести для тех, кто должен их выполнять.

Права и обязанности хотя различны и противоположны друг другу по самой их природе, но возникают одновременно и не могут существовать одни без других...

Законодатель должен чувствовать удовольствие, наделяя правами, потому что права суть сами по себе блага, и, напротив, он должен чувствовать

неудовольствие, налагая обязанности, потому что обязанности суть сами по себе зло. Следуя принципу пользы, он не должен налагать никакой тяжести, если через это не наделяет благом, более ценным.

Создавая обязанности, закон ограничивает свободу. ...

Эти ограничения свободы неизбежны. Установление прав, наложение обязанностей, охранение личности, жизни, чести, собственности, средств к существованию и даже охранение самой свободы иначе невозможно, как в ущерб свободе. ...

Наибольшее счастье наивозможно большего числа членов общества; вот единственная цель, которую должно иметь правительство.

Индивидуум тем счастливее, чем легче и малочисленнее его страдания, чем сильнее и многочисленнее его наслаждения.

Забота о доставлении себе наслаждений должна быть почти всецело предоставлена самому индивидууму; главное же назначение правительства должно состоять в ограждении индивидуума от страданий.

Правительство выполняет это назначение через установление прав, которые распределяет между индивидуумами. Таковы права личной безопасности, чести, собственности, право на получение помощи в случае нужды. ...Закон не может создать права, не создавая в то же время соответствующих обязанностей, ...не может приказывать или запретить что-либо, не ограничивая в то же время индивидуальной свободы.

Гражданин не может приобрести право, не пожертвовав частью своей свободы. ...Тем правительство ближе к совершенству, чем приобретение больше, а жертва меньше.

Глава II

Различные цели гражданских законов. При распределении прав и обязанностей законодатель должен иметь своей целью... счастье общества. При ближайшем рассмотрении мы находим, что эта общая цель, счастье, складывается из четырех второстепенных целей: средства к существованию, довольство, равенство и безопасность. Чем более общество пользуется всеми этими

предметами, тем более сумма общественного счастья, и в особенности того счастья, которое зависит от законов.

Вся законодательная деятельность может быть подведена под следующие четыре рубрики: позаботиться о средствах к существованию, – обеспечить довольство, – благоприятствовать равенству, – сохранить безопасность. ...

Из всех перечисленных целей закона безопасность есть единственная, которая необходимо обнимает будущее; средства к существованию, довольство, равенство могут быть рассматриваемы исключительно по отношению к данному только времени, безопасность же необходимо выражает собой распространение на будущее время всех тех благ, которых касается, – следовательно она есть первенствующий предмет закона. ...

Может показаться странным, что мы не поместили свободу в числе главных целей закона. Для ясности понятий нам необходимо рассматривать ее как отрасль безопасности: личная свобода есть безопасность от известного рода обид, касающихся лица; что же касается до политической свободы, то она составляет другую отрасль безопасности, – она есть безопасность от несправедливостей со стороны правительственных лиц. Последнее составляет предмет не гражданского, а конституционного права.

Глава III

Отношение между различными целями гражданских законов. ... С первого же взгляда очевидно, что средства к существованию и безопасность занимают одинаковую степень, довольство же и равенство занимают степень низшую. И действительно; если нет безопасности, равенство не может просуществовать и один день, если нет средства к существованию, довольство невозможно. Две первые цели суть условие самой жизни, а две последние – украшение жизни. ...

Нельзя достигнуть высшего блага, не пожертвовав каким-нибудь низшим. Различить, которому именно из благ должно быть в данном случае отдано предпочтение, в этом заключается вся трудность законодательного искусства. Каждое благо в свою очередь может заслуживать предпочтения, и нередко требуется весьма сложный процесс, чтобы решить, которое из них должно быть.

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО КОДЕКСА

Часть I.

О преступлениях

Что такое преступление? ... Если идет дело о системе установленных законов, преступление есть все то, что законодатель запрещает, основательно или неосновательно. Если идет речь об изыскании теории для открытия возможных лучших законов, соответствующих принципу пользы, то преступлением называется всякий акт, который считают нужным запрещать по причине зла, которое он производит или стремится произвести. ...

Глава VII

Увеличить ответственность лиц тем больше, чем больше они подвергаются искушению вредить. Это относится главным образом к официальным чиновникам. Чем больше они могут потерять относительно достатка или почести, тем больше их зависимость. Их жалование есть средство ответственности. В случае нарушения обязанности потеря этого жалованья есть наказание, которого они не могли бы избежать, если бы даже могли избежать всех других наказаний. Это средство особенно удобно при тех должностях, которые дают управление общественными суммами.

...Есть случаи, где законодатели не хотели доверять холостякам; жену и детей они считали залогом, который гражданин дал своему отечеству. ...

Глава XXI

ОБЩИЕ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ПРОТИВ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТИ

1. Разделить власти на отдельные отрасли.

...Исследовать, на сколько ветвей может быть разделена правительственная власть, и какое из всех возможных делений заслуживает предпочтения, значило бы писать трактат о конституционной политике. Я замечу только, что это деление не должно производить властей отдельных и независимых: это привело бы к анархии. Всегда надобно признавать власть, высшую над всеми остальными, которая не получает закон, а дает его, и которая остается властна в самых правилах, какие налагает на себя в своем способе

действий.

2. Разделить частные отрасли власти, каждую между разными участниками. Выгоды и неудобства этой политики.

Выгоды разделения главным образом следующие:

1. Оно уменьшает опасность поспешности.

2. Оно уменьшает опасность недостатка знания дела.

3. Оно уменьшает опасность недостатка честности. Впрочем, эта последняя выгода может существовать только

при большом числе участников, то есть когда это число таково, что было бы трудно отделить интересы большинства от интересов массы народа.

Разделение властей имеет также и свои невыгоды, потому что оно производит проволочки и порождает ссоры, которые могут повлечь к распадению установленного правления... . Что касается до распада правления, это бывает злом только при одном из двух предположений: 1) когда новое правление хуже прежнего; 2) когда переход от одного к другому сопровождается бедствиями и гражданскими войнами. ...

8. Свобода печати.

Выслушивайте все советы, это вам послужит только в пользу, и вы не рискуете от этого никаким вредом. Вот что говорит простой здравый смысл. Установить свободу печати значит допустить советы всех людей. ... Самый наилучший совет, поданный частным образом министру, может потеряться; но хороший совет, данный обществу, если не послужит одному, может послужить другому; если не послужит сегодня, может служить после; если он предложен не в должной форме, он может получить от другой руки украшения, с которыми он понравится. Наставление есть семя, которое надо, так сказать, попробовать на самых разнообразных почвах, и возделывать терпеливо, потому что плоды его часто являются поздно. ...

9. Обнародовать собрания и факты, служащие основанием законам и другим актам администрации. Это необходимое звено в цепи благородной и великодушной политики, и необходимое добавление к свободе печати. Одно из

этих учреждений вы должны дать народу, другое вы должны сделать для себя. Если правительство не удостоивает извещать нацию о своих мотивах в важных случаях, оно заявляет этим, что оно хочет быть всем обязано силе и что оно ставит ни во что мнение подданных. ...

12. Установить право ассоциаций, то есть собраний граждан для выражения их чувства и желаний по поводу общественных мероприятий правительства.

Из тех прав, которые нация должна сохранить за собой, устанавливая правительство, это право есть главнейшее, как основа всех остальных.

...Я предполагаю, что вы имеете публичную силу, власть, организованную во всех отношениях: итак, если собрания стали так сильны, что внушают вам страх, среди всех ваших правильных средств власти, если не образовалось собраний с вашей стороны, со стороны людей, имеющих в своем распоряжении столько средств, чтобы получить верх в этом отношении, то не есть ли это безошибочный признак, что спокойное и обдуманное суждение нации обращается против ее правительства? И при этом какое можно найти основание в пользу того, чтобы продолжить тот же способ управления и не удовлетворять желание общества? Я не могу найти никакого основания. ...

Источник: Бентам И. Избранные сочинения. – СПб., 1867. – Т. 1. – 658 с.

ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ

Джон Стюарт Милль (1806-1873) – британский философ, социолог, экономист и политический деятель. Внес значительный вклад в обществознание, политологию и политическую экономию. Внес основополагающий вклад в философию либерализма. Отстаивал концепцию индивидуальной свободы в противоположность неограниченному государственному контролю. Являлся сторонником этического учения утилитаризма. Концепция свободы Милля

обосновала свободу личности в противовес неограниченному государственному и общественному контролю.

Основные труды: «О свободе» (1859), «Утилитаризм» (1861), «Система логики» (англ. A System of Logic; 1843).

О СВОБОДЕ (1859)

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

Предметом предлагаемого трактата служит не так называемая свобода воли, столь неудачно противопоставляемая ошибочно именуемой доктрине философской необходимости, а свобода гражданская или социальная, то есть свойства и пределы той власти, силою которой общество полноправно управляет отдельными индивидами. ...

... В древние времена борьба велась преимущественно между подданными или, вернее, некоторыми классами подданных и правительством. Свобода понималась тогда как защита против тирании государственных властелинов. ... Поэтому истинные патриоты постоянно стремились ограничить власть властелинов над своими подданными, и это стремление к ограничению власти они называли свободой. ...

Наступило, однако, время, когда человечество, двигаясь вперед по пути прогресса, пришло к сознанию, что нет никакой необходимости в том, чтобы их властелины обладали независимой властью, интересы которой были бы противоположны интересам их подданных. Люди признали более целесообразным, чтобы представители различных государственных учреждений являлись их уполномоченными или избранниками народа, которые, по его же усмотрению, могли бы быть им же ж устраняемы. ... Постепенно это вновь возникшее притязание иметь избранных и временных правителей сделалось главной целью, к которой стремились народные партии, где таковые существовали, и эта цель в значительной степени заслонила собой прежние

усилия народа ограничить власть правителей. ...

Между тем демократическая республиканская форма правления стала уже распространяться в большей части земного шара и проявила себя как одна из наиболее могущественных из числа всех существующих в различных нациях форм правления. Выборная и ответственная форма правления стала вместе с тем предметом обсуждений и критики; к ней стали относиться как к осуществившемуся факту. Тогда пробудилось сознание, что такие выражения как: «Самоуправление» и «Народное самоуправление» не выражают истинного положения дела. Народ, на котором лежат обязанности отправления власти, не всегда составляет одно целое с тем народом, на которого простирается власть, и что так называемое «Самоуправление» не означает права каждого лица управлять своей собственной личностью, а право каждого лица управляет всеми остальными членами общества. Народная воля, кроме того, представляет собой в действительности только волю более многочисленной или более деятельной части народа, волю большинства или волю таких людей, которым удастся заставить признать себя за большинство. Народная власть может, следовательно, быть направлена к угнетению известной части своих же сочленов; поэтому предупредительные меры так же точно необходимы против власти народа, как необходимы и против злоупотреблений всякой другой власти. Ограничение правительственной власти по отношению к единичным личностям, следовательно, нисколько не утрачивает своего значения, когда власть имущие, то есть наиболее могущественная партия, несут перед обществом определенную ответственность за свои действия. ...

...В Англии наблюдается сильная неприязнь против всякого рода прямого вмешательства закона или администрации в частную жизнь человека; эта неприязнь возникла не столько вследствие должного уважения к неприкосновенности свободы личности, сколько от неискоренившейся до сих пор от старых времен привычки считать правительство всегда враждебным интересам общества. Большинство еще не прониклось сознанием, что власть правительства представляет собой власть этого же большинства и что мнения

правительства представляют собой вместе с тем и мнения представителей общества. Когда люди придут к такому сознанию, тогда, как, надо полагать, правительство будет столь же часто посягать на личную свободу человека, как теперь на эту свободу посягает общественное мнение. ...

Цель этого трактата состоит в том, чтобы содействовать установлению того простого принципа, на котором должно безусловно основываться приведение в действие мер ограничения и контроля общества над отдельными личностями независимо от того, будут ли к ним применяться меры физической власти в виде административных преследований или в данном случае отдельные личности будут подвергаться нравственной каре по приговору общественного мнения. Принцип этот состоит в следующем: единственная цель, ради которой человечество, единолично или сообща, имеет право вмешиваться в свободу действий своего же сочлена, есть самозащита; единственная причина, в силу которой может быть проявлена власть против какого-либо представителя цивилизованного общества вопреки его воле, заключается в том, чтобы этим насилием предупредить причинение вреда другому лицу. Его собственное физическое или нравственное благо в этом случае не представляется достаточно основательной причиной для вмешательства в его действия. Нельзя приневолить человека к тому, чтобы он поступал известным образом, или к тому, чтобы он воздержался от известного действия, основываясь только на том, что, по мнению других, такой образ его поведения будет разумнее или справедливее, или на том, что, поступая так или иначе, человек будет способствовать своему же благу или способствовать своему счастью. Вышеизложенные причины действительно совершенно основательны для того, чтобы действовать на него путем увещевания, убеждения, уговаривания или упрашивания его, но никоим образом не путем принуждения; тем менее в подобных случаях должно подвергать его какому-либо наказанию или причинять ему вред в том случае, если он поступит по своему усмотрению. Наказания в подобном случае могли бы быть оправдываемы только тогда, когда известные поступки человека, от которых хотят его предотвратить, были бы явно рассчитаны на то, чтобы нанести вред

другому лицу. Человек ответственен за свои поступки перед обществом единственно лишь постольку, поскольку образ его действий касается других лиц. До тех же пор, пока образ действий человека касается только лично самого его, свобода его действий должна по закону считаться неограниченной. Человек есть неограниченный властелин над самим собой, над своим телом и своей душой. ...

Существует, однако, такая сфера человеческой деятельности, которая вовсе не касается интересов общества или же касается их лишь только косвенным образом, разумея в этом случае общество как нечто отличное от индивидов. ...Эта область обнимает, во-первых, всю внутреннюю сферу сознания человека, требует свободы совести в самом обширном значении этого слова, свободы мысли и чувства, безусловной свободы мнений и симпатий относительно всех вопросов практических и умозрительных или относящихся к области религии. Свобода выражать свои мнения и обнародовать их подпадает, как с первого взгляда это может показаться, под иной принцип, так как принадлежит к той области поступков человека, которая касается других вещей; но так как она представляет для индивида почти такое же важное значение, как и свобода мысли, и во многом в своих основах совершенно тождественна с нею, то и в действительности неразрывно с нею связана. Во-вторых, этот принцип личной свободы предполагает свободу личных наклонностей и занятий, предполагает свободу образа жизни, согласующегося с личными требованиями характера того или иного лица, свободу поступать так, как мы сами желаем, какие бы оттого не произошли последствия для нас; свободу действовать, не встречая никаких к тому препятствий со стороны наших ближних, пока мы не причиняем им вреда, невзирая на то, считают ли они наши поступки безрассудными, ошибочными или неправильными.

Ни одно общество, в котором вышеназванные основные права каждого человека не уважаются, не может считаться вполне свободным, какая бы ни существовала у него форма правления; сверх того, ни одно общество не может считаться вполне свободным, если в нем эти права человеческой свободы не признаются безусловно и без всякого ограничения. Единственная свобода,

которая достойна этого названия, это та свобода, при которой мы имеем возможность домогаться своего собственного блага, следуя по тому пути, который мы сами себе избираем, при том, однако, условии, что мы не лишаем своих ближних возможности достижения той же цели или не препятствуем им в их стремлении к приобретению тех же благ. Каждый человек должен быть своим собственным охранителем своего собственного здоровья, своего телесного, умственного или нравственного благосостояния. Человечество выиграет гораздо больше, если оно предоставит каждому свободу жить по собственному его разумению, нежели если будет принуждать каждого жить по разумению других.

Глава II

О СВОБОДЕ МЫСЛИ И СЛОВА

Должно надеяться, что уже прошли те времена, когда нужно было защищать «свободу печати» как оборонительное средство против деспотизма правительств. Мы можем признать, что в наше время совершенно излишне приводить какие-либо доводы в доказательство того, что ни законодательной, ни административной власти, в том случае, когда интересы ее не согласуются с интересами народа, не должно быть вверяемо право предписывать народу, каких именно убеждений он должен придерживаться, и определять, какие ему учения и доводы выслушивать дозволительно, какие - нет. ...

.. Я, тем не менее, все-таки отрицаю, что народ имеет право проявлять власть над свободой слова самостоятельно или через посредство своего правительства, так как подобная власть сама по себе противозаконна. Самое лучшее правительство имеет на такое насилие не больше права, нежели дурное правительство. Это стеснение свободы речи пагубно даже тогда, когда оно применяется в согласии с общественным мнением, и еще более пагубно, когда применяется правительством вопреки общественному мнению. Если бы, например, все человечество, за исключением только одного лица, придерживалось одного определенного убеждения, а это одно лицо — противоположного, то человечество было бы настолько же неправо, если бы

заставило замолчать этого одного человека, как был бы неправ этот один человек, если бы, имея на то власть, заставил бы замолчать человечество. ...Мы никогда не можем быть уверены в том, что мнение, которое мы стараемся подавить, есть непременно мнение ошибочное, ложное; но и даже в случае полной уверенности все-таки это подавление было бы злом. ...Полная свобода опровергать и оспаривать наше мнение является единственным условием, которое оправдывает признание нами правильности нашего мнения с целью применения его к нашему образу действия и ни при каких других условиях человек, одаренный всеми своими способностями, не может быть уверенным, что его мнения правильны. ...

В таком серьезном вопросе, как охрана верований, имеющем важнейшее значение для блага всего человечества, правительству должно быть предоставлено не только право, но должно быть вменено ему прямо в обязанность охранять известные общераспространенные мнения. ...

Свобода мысли уже породила и может еще породить великих мыслителей и в среде всеобщего духовного рабства; но она никогда в такой среде не способствовала и не может способствовать созданию умственно развитого народа. ...

Глава III

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ КАК ОБ ОДНОМ ИЗ УСЛОВИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

[...] Свобода личности должна быть ограничиваема в таких пределах, чтобы не могла служить нарушением общественного благочиния. ...Одним словом, весьма желательно, чтобы во всех человеческих делах, не соприкасающихся непосредственно с интересами других людей, предоставлялась полная свобода человеку проявлять свою индивидуальность, так как во всех тех случаях, когда люди в своих поступках руководствуются традициями и обычаями, а не своими индивидуальными наклонностями, в образе их действий замечается отсутствие одного из главных условий человеческого

благополучия и самого главного условия индивидуального и общественного прогресса. ...

Человек становится идеалом всего благородного и прекрасного не подведением всего, что в нем есть самобытного под один общий уровень, но стремлением к развитию своих индивидуальных способностей и к проявлению деятельности этих способностей, соблюдая при этом лишь границы, поставляемые правами и интересами его собратьев; и подобно тому, как всякое деяние человека носит в себе отпечаток характера того же прогресса и человеческая жизнь становится полнее, более разнообразной, оживляется, питая более обильным материалом высокие мысли и возвышенные чувства и скрепляя узы, соединяющие каждого отдельного человека с его расой, способствуя тому, что самая раса становится более достойной, чтобы люди дорожили честью считаться ее членами. ...

Глава IV

О ПРЕДЕЛАХ ВЛАСТИ ОБЩЕСТВА НАД ИНДИВИДОМ

До каких же границ, спрашивается, может простирается законная власть человека над самим собой? Где оканчивается эта власть, уступая место власти общества над ним? Какую долю жизни человека должно предоставить его личному ведению и какая доля подлежит ведению общества?

Как каждый индивид, так равно и общество получает свою надлежащую долю власти, если как тому, так и другому будет предоставлена свобода распоряжаться тем, что ближе всего их касается. Индивидуальности должна быть отведена та часть жизни, в которой наиболее заинтересован сам индивид, а обществу, опять-таки, та часть, которая главным образом затрагивает интересы общества. Хотя общество основывается без посредства каких-либо обязательных договоров и никакие договоры, заключаемые с целью вынудить общество к каким-либо принудительным обязательствам, никогда не могли бы повести к каким-либо благим последствиям, тем не менее каждый, пользующийся покровительством общества, обязан чем-либо вознаграждать общество за

оказываемое ему покровительство, и самый тот факт, что человек живет в обществе, уже обязывает каждого человека соблюдать известные правила поведения по отношению к другим людям. Правила эти заключаются, во-первых, в том, чтобы не вредить интересам других лиц или, вернее, известным их интересам, которые, по особому ли предусмотрению закона, или по предполагаемому соглашению, признаются как законные права каждого индивида. Во-вторых, в том, чтобы каждый нес свою, определенную на основании каких-либо справедливых начал, долю труда и жертв, которые нужны обществу для защиты его самого или членов этого общества от вреда и беспокойств. ...Но этим еще не ограничивается власть общества. Действия известного лица могут вредить окружающим, или же это лицо может относиться с недостаточным уважением к интересам другого лица, хотя бы при этом и не нарушало каких-либо из установленных прав этих лиц. В этом случае виновный подлежит наказанию по закону. Если же какой-нибудь образ действий данного лица вредит интересам других людей, то общество вправе подвергать это лицо суду общественному и в этих случаях вопрос сводиться лишь к тому, будет ли или не будет нанесен ущерб общему благу таким вмешательством общества. В тех же случаях, наоборот, когда действия данного лица затрагивают лишь его личные интересы или же если затрагивают интересы других лиц, но с их же согласия (причем, конечно, предполагается, что дело касается людей, уже достигших совершеннолетия и не лишенных разума), то не может вовсе и возникать вопроса о вмешательстве общества. Во всех подобного рода случаях должна быть предоставляема, как со стороны закона, так и общества каждому лицу полная свобода поступать по своему усмотрению и нести ответственность за все последствия своих поступков. ...

Самый же убедительный довод против вмешательства общества в чисто личный образ действий человека состоит в том, что когда общество допускает такое вмешательство, то имеет все шансы на то, что его вмешательство окажется несправедливым и неуместным. ...

Присущее обществу право охранять себя от направленных против него

преступлений предупредительными мерами неизбежно влечет за собой некоторые ограничения основного принципа, что дурное поведение человека, касающееся только его собственной личности, не должно подлежать ни принудительным, ни карательным мерам. Пьянство, например, обыкновенно не составляет случая, требующего вмешательства закона. ...

Причиной того, почему не следует допускать вмешательства в добровольные поступки человека, пока ими не затрагиваются интересы окружающих, является уважение к свободе его личности; ...однако, если этот человек продает самого себя в рабство, то этим самым отрекается от свободы и лишает себя этим добровольным поступком права пользоваться ею и в будущем. ...Принцип свободы не может требовать, чтобы человек мог пользоваться своей свободой для того, чтобы сделаться рабом. Нельзя назвать свободой право человека лишать себя свободы. ...

Я оставил для заключения этого трактата значительное число вопросов, касающихся границ вмешательства правительства... Я подразумеваю здесь такие случаи, когда возражения против вмешательства правительства не затрагивают принципа личной свободы, когда вопрос этот в сущности сводится не к ограничению известных действий личности, а к поощрению этих действий. ...

Возражения, которые можно было бы привести против права вмешательства правительства, если такое вмешательство не влечет за собой нарушения личной свободы, суть троякого рода.

Во-первых, вмешательство правительства не должно иметь места, если есть вероятность, что дело, которое предстоит совершить, каждый отдельный индивид совершит гораздо лучше, нежели это может быть сделано правительством. Говоря вообще, всего лучше вести известное дело или решать вопрос о том, как и кем оно должно быть совершено, могут лишь те лица, которые лично заинтересованы в деле.

Этим принципом осуждается некогда столь обычное явление, как вмешательство законодательства или администрации в обыкновенные промышленные предприятия. ...

Второе возражение имеет более близкую связь с предметом нашего трактата. Если допустить, что во многих случаях отдельные лица не в состоянии, в общем, выполнять данное дело столь удовлетворительно, как лица административные, тем не менее всегда предпочтительнее, чтобы это дело выполнялось первыми, а не администрацией, так как их деятельность в данном случае служит полезным стимулом для развития умственных способностей людей, укрепляя и развивая их способность суждения и давая им возможность ближе ознакомиться с обстоятельствами, которые соприкасаются с их жизнью. В этом заключается главный, хотя и далеко не единственный довод в пользу суда присяжных (в вопросах, не относящихся к политическим делам), в пользу свободных местных и муниципальных учреждений, а также и в пользу ведения промышленных и благотворительных предприятий при посредстве добровольных ассоциаций. Все сказанное в сущности не относится к вопросу о свободе личности и связано с нашим предметом лишь косвенным образом, тем не менее это суть вопросы о развитии. ...Дело государства заключается лишь в том, чтобы каждому человеку, стремящемуся к применению к жизни каких-либо новых начинаний, предоставлять все средства для извлечения пользы из опытов других лиц, а не в том, чтобы запрещать людям приступать к каким-либо новым начинаниям, присваивая это право исключительно только себе.

Третья и самая убедительная причина, почему следует по возможности ограничивать вмешательство правительства в общественные дела, заключается в том, что, усиливая власть правительства без особой надобности, ему дается в руки еще новое средство для проявления той силы, которою оно уже и без того обладает. Всякая новая обязанность, возлагаемая на правительство сверх тех обязанностей, которые оно уже несет, способствует только тому, что люди привыкают все свои упования и опасения за будущее возлагать на попечение правительства и постепенно обращаются из деятельных и самостоятельных людей в прихвостней правительства или какой-либо партии, стремящейся забрать в свои руки правительственную власть. Если бы в какой-либо стране пути сообщения, железные дороги, банки, страховые общества, большие

акционерные общества, университеты и общественные благотворительные учреждения находились в ведении правительства; если бы, кроме того, все городские корпорации и местные управления... обратились в отделения центральной администрации; если бы служащие во всех этих различных учреждениях назначались исключительно правительством и получали бы от него все свои средства к существованию и всякое повышение их по службе зависело бы только от правительства, то все усилия свободы печати и даже всякие народные установления законодательства были бы бессильны сделать страну свободной иначе как только номинально, тогда как в действительности она была бы вовсе несвободной, и зло было бы тем сильнее, чем искуснее и совершеннее было бы устройство всего механизма управления и чем искуснее совершался бы подбор наиболее способных тружеников и администраторов, занимающихся приведением в действие этого механизма. ...Тогда единственная цель стремлений каждого честолюбивого человека заключалась бы в том, чтобы попасть в ряды этой бюрократии, а раз добившись этого – желать выдвинуться. ...В таком плачевном положении находятся те страны, в которых даже сами правители оказываются бессильными идти против бюрократии, в которых эти правители не в силах править страной без участия или противно желаниям бюрократии. На всякий указ правителя бюрократия может всегда положить свое veto, может фактически не приводить в исполнение указы правителя. В странах более цивилизованных и, сравнительно, более свободомыслящих, но где народ все-таки приобвык к тому, что обо всем заботилось за него государство, ...в таких странах народ возлагает всю ответственность за зло, постигающее его, на правительство, но зато, если зло возрастает до такой степени, что переходит границы терпения народа, то он восстает против своего правительства и производит так называемую революцию. А вслед за нею является какое-либо лицо, облеченное законным полномочием от народа или даже без этого полномочия, садится на место отстраненного правителя, издает свои приказания бюрократии и все начинает идти по старому порядку: бюрократия опять забирает все дела в руки, как и до переворота, и в стране не оказывается никого, кто был

бы способен принять в свои руки бразды правления и заместить бюрократию.

Совершенно иное явление представляют народы, которые привыкли вести все свои дела самостоятельно. ... Теми же условиями американцы отличаются во всех гражданских делах: отнимите у них, например, их правительство и каждый американец окажется способным создать новое правительство и вести как управление государством, так и всякое другое/общественное дело с достаточным запасом знания дела, порядка и уверенности. Американцы, следовательно, могут служить примером того, чем должен быть каждый свободный народ, и народ, одаренный способностью сделаться таким, каковы американцы, будет действительно в полном смысле слова народом свободным. ...

Я полагаю, однако, что можно принять за надежный практический принцип, ...которым должно измерять все попытки к преодолению препятствующих свободе условий, следующее общее правило: должно быть установлено самое наиширочайшее раздробление власти, какое только возможно для наилучшего достижения целей, намеченных этой властью, но вместе с тем — насколько только возможно — большая централизация образования и распространение его от центра по всем направлениям. ...Сверх того, придерживаясь вышеизложенного мною принципа, в каждом отделе управления местными делами должен быть установлен центральный надзор, составляющий собой как бы ветвь главного управления всеми делами. Такой наблюдательный орган отражал бы в себе как в фокусе сумму всех многосторонних сведений и опытов, добытых из образа действий этой ветви общественной деятельности во всех округах страны, а также сумму всего того, что было сделано соответственного по данному предмету в других странах света, а также и из всех общих основ науки о государственном управлении. До сведения этого центрального органа должны доходить доклады обо всех начинаниях и обо всем, что предпринимается в стране, и его специальная обязанность должна состоять в том, чтобы добытые в одной какой-либо местности результаты опытов по какому-либо предмету, относящемуся к делу управления, могли бы быть с пользой применены и во всех других учреждениях страны. [...] Его же

действительная власть должна была бы, как я полагаю, ограничиваться лишь тем, чтобы обязывать местных должностных лиц к исполнению законов, которые установлены для их руководства. ... Правительству полезно располагать не в ограниченной мере, но даже в избытке, всеми средствами не для препятствования личным усилиям людей, направляемых к деятельности и саморазвитию, но для поощрения и возбуждения в людях этих стремлений. ... Оценить достоинство государства, в конце концов, возможно только оценив достоинство отдельных граждан этого государства. И то государство, которое жертвует прямыми выгодами, какие приносят умственное развитие и достоинство его граждан, ... с целью обратить их в послушное орудие для своих собственных целей, хотя бы и ради благих намерений – убедиться в конце концов в том, что при содействии таких умственно и нравственно недоразвитых и отсталых людей немислимо никакое процветание важных государственных дел. ...

Источник: Милль Д. О свободе / Пер. с англ. М.И. Ловцовой. – 2-е изд. - СПб., 1906. – 236 с.

ДЖОН ОСТИН

Джон Остин (1790-1859) – известный английский юрист, основоположник такого направления в праве как юридический позитивизм. Считается также основателем школы аналитической юриспруденции, сложившейся под влиянием И. Бентама.

Основные труды: «Определение предмета юриспруденции» и «Лекции о юриспруденции, или философия позитивного закона»

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ЮРИСПРУДЕНЦИИ (1832)

ПОНЯТИЕ ПРАВА

Предмет юриспруденции составляет позитивное право, право в простом и надлежащем смысле этого слова, право, устанавливаемое политически

господствующим для политически подчиненного. Однако позитивное право (право в простом и надлежащем смысле этого слова) нередко смешивается с категориями, с которыми оно имеет сходство, либо с категориями, которые связаны с ним аналогией, то есть с категориями, которые могут обозначаться надлежащим или ненадлежащим образом широким и расплывчатым выражением «право».

Право в своем наиболее общем и полном значении, буквально обозначаемом самим этим термином, может быть определено как правила, предназначенные для управления поведением одного разумного человека со стороны другого разумного человека, обладающего властью над первым. В этом наиболее широком значении понятие права, без распространения его по аналогии или сравнению на иные явления, охватывает следующие категории: законы, предустановленные Богом для созданных Им людей; и законы, установленные одними людьми для других.

Совокупность законов, предустановленных Богом, нередко называют законами природы, или естественным правом, хотя в действительности лишь о естественном праве можно говорить как о праве, не прибегая к метафорам или не смешивая категорий, подлежащих разграничению. Однако, отвергая наименование «законы природы» как неоднозначное и способное ввести в заблуждение, я обозначаю упомянутую совокупность во всех ее составляющих термином «божественное право» (Divine law), «право, дарованное Богом» (law of God).

Законы, установленные одними людьми для других, разделяются на два главных вида. Одна их часть устанавливается политически господствующими людьми (political superiors), выступающими суверенами, то есть лицами, осуществляющими верховное, основанное на подчинении, правление в независимых государствах или независимых политических обществах. Совокупность устанавливаемых ими правил или единая часть такой совокупности выступает предметом юриспруденции, общей или специальной. Только и исключительно к такой совокупности или к ее единой части может применяться термин «право» в простом и узком значении этого слова. В

противоположность понятию «естественного права» или понятию «законов природы» (в значении «права, дарованного Богом») совокупность правил, установленных политически господствующими людьми, нередко обозначается термином «положительное», или «позитивное право» (positive law), то есть право, существующее благодаря занимаемому положению (law existing by position). В противоположность правилам, которые я обозначаю термином «положительная», или «позитивная нравственность» и которой я коснусь ниже, совокупность норм, установленных политически господствующими людьми, также уместно именовать позитивным правом. Таким образом в целях выбора краткого и в то же время значимого термина, пригодного для постоянного употребления, я предлагаю термин «позитивное право» для обозначения вышеуказанной совокупности норм; тем не менее правила, установленные не политически господствующими, также являются положительными, или позитивными, то есть существующими благодаря занимаемому положению, если они выступают нормами законов в надлежащем значении этого, слова. [...]

[...] Весьма похожи на человеческие законы этой второй разновидности категории, часто, но неправильно именуемые правом, а именно, нормы, соблюдение которых поддерживается простым мнением (mere opinion), то есть чувствами, разделяемыми или испытываемыми неопределенным кругом людей в отношении человеческого поведения. Примером подобного использования термина «право» служат выражения «право чести», «по праву моды» и др.; правила такого рода составляют большую часть содержания того, что обычно именуется «международным правом».

Совокупность создаваемых человеком норм, образующих право в надлежащем понимании этого слова, относящихся ко второму виду и составляющих содержание категории, неправильно именуемой правом, я отношу к общему виду и обозначаю термином «положительная (позитивная) нравственность». Слово «нравственность» отграничивает эти нормы от содержания понятия «позитивное право», а слово «позитивная» отделяет их от тех, которые охватываются термином «божественное право». [...]

[...] Каждая норма, или правило, понимаемые в самом широком из надлежащих значений этих слов), представляет собой повеление (command). Точнее говоря, нормы или правила, понимаемые в надлежащем значении, представляют собой разновидность повелений (species of commands). [...]

[...] Повеление ... означает желание. Однако повеление отличается от иных проявлений желания единственной особенностью, – тем, что сторона, к которой оно обращено, подвергается наказанию со стороны другой в случае его неисполнения.

Быть подвергаемым вами наказанию за неисполнение мною вашего желания означает, что я связан или обязан вашим повелением, или, что-то же самое, я обременен обязанностью повиноваться вашему желанию. Если, несмотря на ожидающее меня наказание, я не исполняю выраженного вами желания, то я считаюсь отказавшимся от повиновения вашему повелению, то есть нарушителем обязанности, им налагаемой.

Стало быть, повеление и обязанность суть взаимосвязанные понятия: каждое из них обладает значением, которое подразумевается или предполагается связанным со значением другого. Другими словами, там, где есть обязанность, имеется повеление, и там, где выражено повеление, наложена обязанность.

Наказание, которое может последовать в случае неповиновения повелению или, другими словами, в случае нарушения обязанности, часто именуют санкцией, то есть принуждением к повиновению. Выражая эту мысль другими словами, можно сказать, что повелением или обязанностью считается то, что влечет за собой санкцию или принуждение к повиновению в случае невыполнения.

Соответственно сказанному выше, я провожу различие между нормами (laws) в надлежащем смысле этого слова и весьма похожими на них нормами в ненадлежащем смысле, деля их на три основных класса. Первый класс охватывает нормы (в надлежащем смысле), которые созданы Богом и адресованы созданным им людям. Второй охватывает нормы (в надлежащем смысле), которые созданы людьми, обладающими политическим господством,

либо частными лицами, реализующими свои правомочия. Третий класс состоит из норм, делящихся на две разновидности:

1) Нормы (в надлежащем смысле), созданные людьми, не обладающими политическим господством и не являющимися частными лицами, реализующими свои правомочия.

2) Нормы, весьма похожие на нормы в надлежащем смысле этого слова, но выступающие в действительности мнениями либо суждениями людей относительно правил человеческого поведения.

Обе названные разновидности я отношу к общему классу и именую их положительной моралью, или положительными нравственными нормами

Источник: Антология мировой правовой мысли. – Т. III. – С. 400-403.

БЕНДЖАМЕН КОНСТАН

Бенджамен Констант (1767-1830) – французско-швейцарский писатель, публицист, политический деятель времен Французской революции, бонапартизма и Реставрации.

О СВОБОДЕ У ДРЕВНИХ В ЕЕ СРАВНЕНИИ СО СВОБОДОЙ У СОВРЕМЕННЫХ ЛЮДЕЙ (1819)

... Мне известны попытки распознать следы представительного правления у некоторых древних народов, например в республике Лакедемон⁹² или у наших предков галлов, но они были напрасны.

Лакедемоном управляла религиозно-кастовая аристократия, но там отнюдь не существовало представительное правление. [...]

Режим галлов... являлся одновременно теократическим и воинственным. ...

⁹² Лакедемон – Спарта.

У народа же не было ни прав, ни гарантий.

[...] В Риме были лишь очень слабые признаки представительной системы.

Эта система - открытие современников, и вы увидите, господа, что состояние рода человеческого в античности не благоприятствовало введению или укоренению данной формы правления. Древние народы не могли ни прочувствовать ее необходимость, ни оценить ее преимущества. Их социальная организация принуждала их желать свободы, совершенно отличной от той, которую обеспечивает нам подобная система. ...

Прежде всего, господа, зададимся вопросом, какой смысл в наши дни вкладывает в понятие свободы англичанин, француз или житель Соединенных Штатов Америки?

Это право каждого подчиняться одним только законам, не быть подвергнутым ни дурному обращению, ни аресту, ни заключению, ни смертной казни вследствие произвола одного или нескольких индивидов. Это право каждого высказывать свое мнение, выбирать себе дело и заниматься им; распоряжаться своей собственностью, даже злоупотребляя ею; не испрашивать разрешения для своих передвижений и не отчитываться ни перед кем в мотивах своих поступков. Это право каждого объединяться с другими индивидами либо для обсуждения своих интересов, либо для отправления культа, избранного им и его единомышленниками, либо просто для того, чтобы заполнить свои дни и часы соответственно своим наклонностям и фантазиям. Наконец, это право каждого влиять на осуществление правления либо путем назначения всех или некоторых чиновников, либо посредством представительства, петиций, запросов, которые власть в той или иной мере принуждена учитывать. Сравните теперь эту свободу со свободой у древних.

Последняя состояла в коллективном, но прямом осуществлении нескольких функций верховной власти, взятой в целом, обсуждении в общественном месте вопросов войны и мира, заключении союзов с чужеземцами, голосовании законов, вынесении приговоров, проверки расходов и актов магистратов, их обнародовании, а также осуждении или оправдании их

действий. Но одновременно со всем этим, что древние называли свободой, они допускали полное подчинение индивида авторитету сообщества, как совместимое с коллективной формой свободы. Вы не найдете у них практически ни одного из тех прав, которые составляют содержание свободы наших современников. Все частные действия находятся под суровым надзором. Личная независимость не простирается ни на мнения, ни на занятия, ни тем более на религию. Возможность избирать свою веру, возможность, которую мы рассматриваем как одно из наших самых драгоценных прав, показалась бы в древности преступлением и святотатством. ... Власть вмешивалась и в самые обычные домашние дела. Молодой лакедемонянин не мог свободно посещать свою супругу. В Риме цензоры также направляли свой испытывающий взор на семейную жизнь. Законы управляли нравами, а поскольку нравы простираются на все, то не было ничего, что не регулировалось бы законами.

Таким образом, у древних индивид, почти суверенный в общественных делах, остается рабом в частной жизни. Как гражданин, он решает вопросы войны и мира; как частное лицо, он всегда под наблюдением, ограничивается и подавляется во всех своих побуждениях; как частица коллективного организма, он вопрошает, осуждает, разоблачает, изгоняет в ссылку или предаст смерти своих магистратов или начальников; но, будучи подчиненным коллективному организму, он в свою очередь мог быть лишен положения, достоинства, проклят или умерщвлен произволом сообщества, частицей которого является. У наших современников, напротив, независимый в частной жизни индивид суверенен в политике лишь по видимости даже в самых свободных государствах. Его суверенитет ограничен, почти всегда лишен основания; и даже если в определенные, но достаточно редкие времена индивид, опутанный различными мерами предосторожности и оковами, и может осуществить этот суверенитет, то лишь затем, чтобы отречься от него. ...

Я повторяю: личная свобода – вот подлинная современная свобода; политическая свобода выступает ее гарантом. Не требовать от нынешних народов, как от древних, пожертвовать всей их личной свободой ради

политической свободы – самый верный способ заставить народы отрешиться от личной свободы; когда это удастся, то у них вскоре похитят и свободу политическую. ...

Я вовсе не хочу отказаться от политической свободы, но наряду с развитием других ее форм я требую гражданской свободы. Правительства не больше, чем в древности, имеют право присваивать себе нелегитимную власть. Но правительства, опирающиеся на легитимные основания, имеют меньше, чем прежде, права осуществлять над людьми всевластный произвол. Мы и сегодня обладаем правами, которые у нас существовали всегда, этими вечными правами соглашаться лишь с тем, что законно, рассуждать о своих интересах, быть неотъемлемой частью общественного организма. Но на правительства возложены новые обязанности. Прогресс цивилизации, изменения, привнесенные веками развития, требуют от власти больше уважения к привычкам, чувствам и независимости индивидов. И власть должна простираť над всем этим более осторожную и легкую длань. ...

Пусть власть, наконец, смирится с таким положением дел – нам нужна свобода, и мы ее добудем. Но поскольку свобода, которая нам нужна, отлична от свободы древних, она требует и иной организации, нежели та, что соответствовала античной свободе. В античности человек считал себя тем более свободным, чем больше времени и сил он посвящал осуществлению своих политических прав. При годном для нас виде свободы, чем больше времени осуществление политических прав оставляет для наших частных интересов, тем драгоценнее для нас она сама.

Из сказанного, господа, вытекает необходимость представительной системы правления. Представительная система есть не что иное, как организация, посредством которой нация перекладывает на нескольких индивидов то, что она не может или не хочет выполнить сама. Бедняки сами занимаются своими делами, богатые же нанимают себе управляющих. Такова история древних народов и народов современных. Представительная система есть полномочия, доверенные определенному числу людей всей народной

массой, желающей, чтобы ее интересы были защищены, однако не имеющей времени защищать их всякий раз самостоятельно. Но богатые люди, если они не безрассудны, наняв управляющих, со всем вниманием и строгостью следят, как те выполняют свои обязанности, предупреждая нерадивость, неумение, продажность. Дабы иметь возможность судить об отправлении службы своими уполномоченными, осторожные доверители входят в курс всех дел, ведение коих перепоручают другим. Точно так же и народы, взявшие представительную систему в целях пользования приемлемой для них свободой, должны осуществлять постоянное и активное наблюдение за своими представителями и оставить за собой право через определенные промежутки времени (им не следует быть слишком продолжительными) устранить их, если они обманут ожидания) и лишить полномочий, которыми они злоупотребили.

Поскольку современная свобода отлична от античной, ей угрожают опасности другого рода.

Угроза античной свободе заключалась в том, что люди, занятые исключительно обеспечением раздела общественной власти, оставляли без должного внимания индивидуальные права и блага.

Угроза современной свободе состоит в том, что, будучи поглощены пользованием личной независимостью и преследуя свои частные интересы, мы можем слишком легко отказаться от нашего права на участие в осуществлении политической власти.

Носители власти не упускают случая склонить нас к этому. Они с такой готовностью спешат избавить нас от любых хлопот, за исключением уплаты налогов и послушания. ...

Сможем ли мы быть счастливыми благодаря нашим благам, если эти последние будут отделены от гарантий? И где мы найдем эти гарантии, если откажемся от политической свободы? Отказ от нее, господа, сродни намерениям безумца построить на песке дом без фундамента под тем предлогом, что он собирается жить только на втором этаже. ...

Политическая же свобода есть самое мощное, самое решительное средство

совершенствования, ниспосланное нам небесами.

Политическая свобода выносит на изучение и рассмотрение граждан их самые заветные интересы, развивает разум, облагораживает мысли, устанавливает между всеми людьми своего рода интеллектуальное равенство, составляющее славу и могущество народа. ...

Труд законодателя не завершается, когда благодаря ему жизнь народа становится спокойной. Даже когда этот народ доволен, остается еще много дел. Общественные институты должны завершить нравственное воспитание граждан. Уважая их личные права, оберегая их независимость, совершенно не вмешиваясь в их занятия, эти институты должны, тем не менее, оказывать влияние на общество во имя его блага, чтобы призвать граждан способствовать своей решимостью и своим голосованием осуществлению власти, гарантируя им взамен право контроля и надзора посредством волеизъявления; институты должны воспитывать людей, практически готовя их к исполнению высоких функций, одновременно наделяя их возможностями и внушая им желание браться за это дело.

Источник: Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей. – Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 97.

КУРС КОНСТИТУЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (1820)

Глава XXI

О ПРАВАХ ИНДИВИДА

[...] Я установил, что индивиды имеют права и что эти права не зависят от общественной власти, которая не может на них посягать, не становясь виновной в их узурпации.

Есть такое право власти, как налог; каждый индивид соглашается пожертвовать частью своего состояния, чтобы покрыть публичные расходы,

цель которых обеспечить ему спокойствие в праве пользования оставшейся частью; но если бы государство требовало от каждого все его состояние, то гарантия того, что он принесет себя в жертву, была бы иллюзорной, так как она не имела бы применения. Каждый индивид также согласен пожертвовать частью своей свободы, чтобы обеспечить остальную ее часть; но если при этом поглощается вся его свобода, то жертва становится бессмысленной.

Однако, когда свобода поглощена, что нужно делать? Мы подходим к вопросу о подчинении закону – одному из самых сложных вопросов, который может привлечь внимание людей. Какое-либо решение, которое могло бы случайно возникнуть по данному предмету, наталкивается на неразрешимые трудности. Зададимся вопросом: следует ли подчиняться лишь тем законам, которые мы считаем справедливыми? Тогда разрешим самое бессмысленное и самое преступное сопротивление закону: анархия будет повсюду. Следующий вопрос: следует ли подчиняться закону в силу того, что это закон, независимо от его содержания и источника? Тогда приговорим себя к подчинению самым жестоким декретам и самым незаконным властям. ...

Чего мы добьемся? Власть является легитимной только в своих границах; муниципалитет, мировой судья – власти легитимные, пока они не выходят за рамки своей компетенции. Они прекращают быть таковыми, если присваивают себе право принимать законы. Итак, нужно согласиться, что во всех системах индивиды могут использовать свой разум не только для понимания характера властей, но и затем, чтобы оценивать их акты; из этого вытекает необходимость обсуждать как источник закона, так и его содержание. [...]

Подчинение закону – это обязанность, но, как и всякая другая обязанность, не является абсолютной, она относительна; она основывается на предположении, что закон исходит из легитимного источника и имеет справедливые границы. Эта обязанность не прекращается, когда закон лишь в каком-то отношении не соответствует данному предположению. Мы обязаны общественному спокойствию многими жертвами; мы становимся виновными в глазах морали, если слишком непреклонны в привязанности к своим правам, мы нарушаем

спокойствие, как только нам кажется, что во имя закона на эти права посягают. Но никакая обязанность не связывает нас такими законами, как те, которые принимались, например, в 1793 году или даже позднее, чье развращающее влияние угрожало самым благородным частям нашего существования.

Никакая обязанность не связывает с законами, которые не только ограничивают наши легитимные свободы, но и препятствуют действиям, которые они не имеют права запрещать и которые заставляют нас противоречить вечным принципам справедливости или жалости, которые человек не может отказаться соблюдать, не изменяя своей природе. [...]

Необходимо указать признаки, определяющие, когда закон перестает быть законом.

Обратная сила закона есть первый из признаков. Люди соглашаются связать себя только такими законами, которыми установлены определенные последствия для их действий, что позволяет управлять своими поступками и выбирать ту линию поведения, которой они хотят следовать. Обратная сила закона лишает их этого преимущества. Она нарушает условие общественного договора. Она скрывает цену жертвы, которую требует.

Второй признак нелегальности законов – это предписание действий, противоречащих морали. Всякий закон, который приказывает доносить, выдавать кого-либо, – не есть закон; всякий закон, посягающий на склонность людей предоставить убежище любому, кто просит, – не есть закон. Правительство установлено для того, чтобы охранять; оно имеет средства для обвинения, преследования, раскрытия [преступления], передачи [правосудию], наказания; оно совсем не имеет права налагать ответственность на индивида, который не выполнил никакой другой миссии, кроме своих необходимых, но трудных обязанностей. Оно должно уважать в гражданах это великодушие, которое их приводит к жалости и помощи слабому, униженному сильным, без обсуждения.

Мы создали представительную публичную власть, цель которой - иметь неприкосновенную жалость к индивиду. Мы хотели сохранить в себе чувство симпатии, наделив власть значительными полномочиями, которые могут ранить

или вызвать увядание этих чувств.

Всякий закон, который разделяет граждан на классы, который наказывает их за то, что не зависит от них, который делает их ответственными за чужие действия, а не за свои, всякий подобный закон, не есть закон. Законы против дворян, священников, отцов дезертиров, родителей эмигрантов - не есть законы.

Вот принцип: но пусть не предвосхищают следствий, которые я из него выведу. Я совсем не призываю не подчиняться законам. Пусть оно [неподчинение] запрещено. Но не из почтительности к власти, которая имеет на него право, а из-за угрозы для граждан, которых бы необдуманная борьба лишила преимуществ общественного состояния. До тех пор, пока закон, хороший или плохой, не заставляет нас калечить самих себя; до тех пор, пока власть не требует от нас жертв, которые делали бы нас подлыми и жестокими, мы можем под ним подписаться. Мы только согласны, но если закон нам предписывает, как это делалось часто в смутные годы, если он нам предписывает попирать наши чувства и наши обязанности; если под абсурдным предлогом гигантской и искусственной преданности к тому, что он называет поочередно то республикой, то монархией, он нам запрещает сохранить верность нашим несчастным друзьям; если он нам приказывает вероломство по отношению к нашим союзникам или даже гонения на наших побежденных врагов, то-анафема и неподчинение несправедливым и преступным предписаниям, украшенным именем закона!

Источник: Антология мировой правовой мысли. – Т. III. – С. 383–387.

АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ

Алексис де Токвиль (1805-1859) – французский социолог, историк и политический деятель, лидер консервативной партии порядка, министр иностранных дел Франции (1849). Более всего известен как автор историко-политического трактата «Демократия в Америке» (2 тома, 1835, 1840).

ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ (1835-1840)

КНИГА ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава IV

О ПРИНЦИПЕ НАРОДОВЛАСТИЯ В АМЕРИКЕ

Всеобъемлющее господство принципа народовластия в американском обществе. Применение американцами данного принципа до революции. Влияние революции на развитие принципа народовластия. Постепенное и неуклонное снижение ценза.

Говоря о политических законах Соединенных Штатов, следует непременно начать с концепции народовластия.

Принцип народовластия, который в той или иной степени всегда заложен в основу любых общественных институтов, обычно почти невидим. Ему подчиняются, хотя его и не признают, а если все же иногда случается извлечь его на свет божий, то тотчас же люди торопятся вновь скрыть его во мраке святилища.

Воля народа есть, пожалуй, один из тех лозунгов, которым интриганы и деспоты всех времен и народов наиболее злоупотребляли. Одни считали, что эта воля выражается одобрением, исходящим от отдельных продажных приспешников власти; другие видели ее в голосах заинтересованного или боязливого меньшинства; некоторые даже находили, что воля народа наиболее полно проявляется в его молчании и что из самого факта его повиновения рождается их право повелевать.

В Америке, в отличие от других стран, принцип народовластия претворяется в жизнь открыто и плодотворно. Он признается обычаями страны, провозглашается в ее законах, он свободно эволюционирует и беспрепятственно достигает своих конечных целей.

Если на свете существует такая страна, в которой можно по достоинству оценить принцип народовластия, где можно изучить его в применении к общественной деятельности и судить как о его преимуществах, так и о его

недостатках, то этой страной, бесспорно, является Америка. ...

К тому времени, когда воздействие законов и результаты революции стали мало-помалу очевидными для всего общества, демократия уже одержала безоговорочную победу. Демократия восторжествовала на деле, захватив власть в свои руки. Против нее не позволялось даже вести борьбу. Высшие сословия подчинились ей безропотно и без сопротивления, как злу, сделавшемуся отныне неизбежным. С ними произошло то, что случается обычно с теми, кто теряет свое могущество: на первый план выходят чисто эгоистические интересы каждого в отдельности, а поскольку власть уже невозможно вырвать из рук народа и поскольку массы не вызывают у них столь глубокой ненависти, чтобы не подчиняться им, постольку они решают добиваться во что бы то ни стало благосклонности народа. В результате самые демократические законы один за другим были поставлены на голосование и одобрены теми самими людьми, чьи интересы страдали от этих законов в наибольшей степени. Действуя таким образом, высшие сословия не возбудили против себя народного гнева; напротив, они сами ускорили торжество нового строя. И – странное дело! – демократический порыв всего неудержимее проявлялся в тех штатах, где аристократия пустила наиболее глубокие корни.

Штат Мэриленд, основанный в свое время знатными дворянами, первый провозгласил всеобщее избирательное право и ввел в систему управления штатом демократические формы.

Когда какой-либо народ пытается изменить действующий в стране избирательный ценз, можно предположить, что рано или поздно он отменит его полностью. Таково одно из неизменных правил жизни любого общества. Чем больше расширяются избирательные права граждан, тем больше потребность в их дальнейшем расширении, поскольку после каждой новой уступки силы демократии нарастают и одновременно с упрочением новой власти возрастают и ее требования. Чем больше людей получает право избирать, тем сильнее становится желание тех, кто еще ограничен избирательным цензом, получить это право. Исключение становится, наконец, правилом, уступки следуют одна за

другой, и процесс развивается до тех пор, пока не вводится всеобщее избирательное право.

В наши дни принцип народовластия настолько полно воплощается в жизнь в Соединенных Штатах, насколько это только можно себе представить. Он был очищен от всевозможных вымыслов, которые старались создать вокруг него в других странах; постепенно, в зависимости от обстоятельств, он начинает проявляться в самых разнообразных формах: то народ в полном составе, как это было в Афинах, сам устанавливает законы; то депутаты, избранные на основе всеобщего избирательного права, представляют этот народ и действуют от его имени и под его непосредственным контролем.

Существуют такие страны, в которых власть, находясь как бы вне общественного организма, воздействует на него и вынуждает его следовать по тому или иному пути развития.

Существуют также и другие страны, где власть поделена и находится частично в руках общества, а частично — вне его. Ничего похожего в Соединенных Штатах вы не увидите; общество здесь действует вполне самостоятельно, управляя собой само. Власть исходит исключительно от него; практически невозможно встретить человека, который осмелился бы вообразить и в особенности высказать соображение о том, чтобы искать ее в ином месте. Народ участвует в составлении законов, выбирая законодателей; участвует он и в претворении этих законов в жизнь — путем избрания представителей исполнительной власти. Можно сказать, что народ сам управляет страной, ибо права, предоставленные правительству, весьма незначительны и ограничены; правительство постоянно чувствует свою изначальную связь с народом и повинуетя той силе, которая создала его. Народ властвует в мире американской политики словно Господь Бог во Вселенной. Он - начало и конец всему сущему; все исходит от него и все возвращается к нему. ...

Глава VI.

РЕАЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

[...] Огромное преимущество американцев состоит в том, что они могут себе позволить совершать поправимые ошибки.

Почти то же самое можно сказать и о государственных служащих.

Легко увидеть, что американская демократия часто ошибается в выборе людей, которым она доверяет власть. Однако всем не легко ответить на вопрос, почему управляемое этими людьми государство процветает.

Следует отметить, что, хотя правители демократического государства не всегда достаточно честны и разумны, его граждане просвещенны и сознательны.

Народы демократических государств, постоянно занятые своими делами и ревниво оберегающие свои права, не позволяют своим представителям отклоняться от определенной общей линии, диктуемой их интересами.

Не следует также забывать о том, что в демократических государствах чиновники, выполняющие свои обязанности хуже, чем чиновники других государств, остаются у власти не слишком долго.

Но есть и еще одна причина, более общего характера и более глубокая.

Конечно, народное благо требует от правителей добродетелей и талантов. Но еще в большей степени оно требует общности интересов граждан и правителей. В противном случае добродетели могут стать бесполезными, а таланты - опасными.

Важно, чтобы правители и массы граждан не были разделены противоположными или различными интересами. Но это отнюдь не значит, что интересы всех должны полностью совпадать. Такого не бывает никогда.

Еще не найдено политическое устройство, которое бы в одинаковой степени благоприятствовало развитию и процветанию всех классов, составляющих общество. Классы представляют собой нечто вроде отдельных наций внутри одного народа, и опыт показывает, что отдавать какое-либо из них

в руки другого также опасно, как позволять одному народу распоряжаться судьбой другого. Когда у власти стоят одни богатые, интересы бедных всегда в опасности. Если бедные диктуют свою волю, под удар ставятся интересы богатых. В чем же заключаются преимущества демократии? Реально они заключаются не в том, что демократия, как говорят некоторые, гарантирует процветание всем, а в том, что она способствует благосостоянию большинства.

Люди, которые в Соединенных Штатах руководят делами общества, часто не обладают такими же талантами и моральными качествами, как те, кого к власти приводит аристократия. Но их интересы смешиваются и сливаются с интересами большей части их сограждан. Они могут совершать нечестные поступки или серьезные промахи, но они никогда не будут систематически проводить политику, враждебную большинству, их правление никогда не будет отличаться опасной нетерпимостью.

В демократическом обществе плохая работа чиновника – это всего лишь отдельный факт, оказывающий влияние только во время исполнения им своих обязанностей. Коррупция и некомпетентность не являются теми общими интересами, которые могли бы надолго объединить людей.

Продажный и неспособный чиновник не станет действовать сообща с другим чиновником только потому, что тот тоже туп и продажен. Они не будут совместно трудиться для процветания коррупции и некомпетентности. Ведь властолюбие и махинации одного могут привести к разоблачению другого. В демократических государствах пороки чиновников обычно индивидуальны.

В государстве, управляемом аристократией, общественным деятелям присущи классовые интересы. Иногда, правда, они могут сближаться с интересами большинства, но чаще отличаются от них. Из них вырастают длительные связи, сплачивающие всех общественных деятелей, побуждающие их объединять и согласовывать действия, целью которых не всегда является благо большинства. При этом правители связаны не только друг с другом, но и с немалым количеством граждан, тех представителей аристократического сословия, которые не занимают никаких государственных должностей.

Таким образом, чиновник в аристократическом государстве постоянно ощущает поддержку как со стороны общества, так и со стороны правительства.

Мало того, что в аристократических государствах чиновники имеют общие интересы и цели с определенной частью своих современников, им также близки интересы грядущих поколений, которым они, можно сказать, служат. Они трудятся не только для настоящего, но и для будущего. Все ведет этих чиновников к единой цели: и страсти граждан, и их собственные страсти, и даже интересы потомков.

Возможно ли противостоять такому напору? Поэтому нередко в аристократических обществах классовые интересы поработают даже честных людей, и они, сами того не замечая, постепенно изменяют общество, сообразуясь только со своими интересами, а также делают все для того, чтобы обеспечить надежное будущее своим потомкам.

Не знаю, есть ли на свете другая такая же либеральная аристократия, как английская, которая постоянно давала бы столько достойных и просвещенных людей для управления страной.

Однако нельзя не признать, что английские законы часто жертвуют благом бедного ради блага богатого и правами большинства ради привилегий некоторых. Вот почему сегодняшняя Англия – это страна крайностей, в которой бед не меньше, чем могущества и славы.

В Соединенных Штатах, где государственные служащие не защищают классовых интересов, непрерывный процесс управления в целом приносит пользу, хотя правители нередко бывают некомпетентны и даже достойны презрения.

Можно сделать вывод о том, что демократические учреждения таят в себе силу, благодаря которой отдельные люди, несмотря на свои пороки и заблуждения, содействуют общему процветанию, тогда как в аристократических учреждениях есть нечто такое, в силу чего деятельность талантливых и добродетельных людей приводит к страданиям их сограждан. Так, случается, что

в аристократических государствах общественные деятели творят зло, не желая этого, а в демократических – благо, не замечая этого.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

НА ЧЕМ ОСНОВЫВАЕТСЯ УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ СТРАНОЙ УПРАВЛЯЕТ НАРОД

В Америке народ сам выбирает тех, кто создает законы, и тех, кто их исполняет; он же избирает суд присяжных, который наказывает нарушителей закона. Все государственные институты не только формируются, но и функционируют на демократических принципах. Так, народ прямым голосованием избирает своих представителей в органы власти и делает это, как правило, ежегодно, чтобы его избранники находились в более полной зависимости от народа. Все это подтверждает, что именно народ управляет страной. И хотя государственное правление имеет представительную форму, нет сомнения, что в повседневном управлении обществом беспрепятственно проявляются мнения, предрассудки, интересы и даже страсти народа.

В Соединенных Штатах, как во всякой стране, где существует народовластие, страной от имени народа управляет большинство.

Это большинство состоит главным образом из добропорядочных граждан, которые либо по природе своей, либо в силу своих интересов искренне желают блага стране. Именно они постоянно привлекают к себе внимание существующих в стране партий, которые стремятся или вовлечь их в свои ряды, или же опереться на них. ...

О ВЛИЯНИИ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ НА ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ

[...] Если избирательная кампания в стране назначается редко, государство всякий раз подвергается риску больших потрясений.

Все партии делают мощные усилия, чтобы завладеть фортуной, которая

так редко дается им в руки. Боль, которую испытывают провалившиеся кандидаты, нечем излечить, и следует опасаться с их стороны действий, вызванных амбициями, перешедшими в отчаяние. Если, напротив, известно, что скоро можно будет снова вступить в равноправную борьбу, побежденные ведут себя терпеливо.

Когда выборы назначаются часто, это сохраняет в обществе лихорадочное возбуждение и неустойчивость в общественных делах.

Итак, с одной стороны, государство может испытывать трудности, с другой – ему может грозить революция. Первая система мешает государству проявить добрые начала, а вторая грозит самому существованию государства.

Американцы предпочли первое зло второму. И в этом случае они положились на природный инстинкт, а не на разум, вкус к переменам демократия довела до страсти. Результатом этого явилась та особая неустойчивость, которую мы встречаем в законодательстве.

Многие американцы смотрят на нестабильность государственных законов как на неизбежные издержки существующей системы, которая, в сущности, полезна для общества. И никто в Соединенных Штатах, я думаю, не станет отрицать существование этой нестабильности и считать ее большим злом. [...]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ ПРИ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

[...] В Соединенных Штатах государственные чиновники ничем не выделяются среди других граждан страны; у них нет ни дворцов, ни охраны, ни особой парадной одежды. Такую простоту тех, кто связан с управлением государством, нельзя объяснить только особым американским образом мышления, она находится в прямой зависимости от тех принципов, которые лежат в основе общественного устройства этой страны.

В глазах демократии правительство – это не благо, это – неизбежное зло. Государственным чиновникам надо предоставить некоторую власть, без этой власти какой в них прок? Однако нет ни малейшей нужды во внешних признаках

власти, делу это не способствует. Напротив, знаки власти, бросающиеся в глаза, раздражают людей.

Сами должностные лица государственного управления отлично чувствуют, что права возвыситься над другими с помощью полученной власти они добились, лишь переняв манеры этих других и таким образом сравнившись с ними.

Не могу себе представить никого, кто бы действовал так спокойно, был бы так для всех доступен, так внимателен к просьбам и так учтиво отвечал бы на ваши вопросы, как американские государственные чиновники.

Мне очень нравится такое естественное поведение демократического правительства. В его внутренней силе, источник которой не должность чиновника, а функция, которую он выполняет в государстве, не внешние признаки его принадлежности к власти, а сам человек, я вижу истинное мужество, зрелость, и это меня восхищает. [...]

Полное отсутствие неоплачиваемых государственных должностей в Америке я рассматриваю как один из наиболее очевидных признаков полной власти демократии. Услуги, оказываемые обществу, какими бы они ни были, оплачиваются, таким образом – каждый имеет не только право, но и возможность их оказывать.

Если в демократическом государстве все граждане имеют право добиваться должности, места для служения обществу, это не означает, что все станут к тому стремиться. И не звание выдвигаемого кандидата, а количество и качество выдвигаемых кандидатур часто ограничивают выбор избирателей.

У тех народов, у которых принцип выборности распространяется на все, не существует политической карьеры в чистом виде. Люди попадают на государственные посты в каком-то смысле случайно, и у них нет никакой уверенности в том, что они там удержатся. Особенно если выборы проходят ежегодно. А отсюда, когда в стране спокойно, государственные должности малопривлекательны для честолюбивых людей. В Соединенных Штатах на извилистые пути политической карьеры устремляются люди умеренных

взглядов и желаний. Люди большого таланта и сильных страстей, как правило, отстраняются от власти, чтобы направить свои силы на достижение богатства. Часто бывает так: когда человек чувствует себя неспособным успешно вести свои собственные дела, он берет на себя смелость решать судьбу государства.

Эти причины, а также плохой выбор, сделанный демократией, объясняют тот факт, что на государственных постах часто сидят люди заурядные, обыватели. Не знаю, избрал бы американский народ на государственные посты людей из высших слоев общества, тех, что стали бы добиваться его симпатий; очевидно одно - они этого не добиваются.

Глава VI

РЕАЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В начале данной главы я считаю необходимым напомнить читателю то, о чем я уж неоднократно говорил в этой книге.

Политическое устройство Соединенных Штатов представляет собой демократическую форму правления; однако, по моему мнению, американские учреждения не являются ни лучшими, ни единственно возможными для народа, живущего в демократическом обществе.

Знакомя читателя с преимуществами американской демократии, я далек от мысли о том, что подобные преимущества могут возникнуть лишь в результате действия каких-то одних определенных законов.

ОБЩАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЗАКОНОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В АМЕРИКЕ И СВОЙСТВА ТЕХ, КТО ПРОВОДИТ ИХ В ЖИЗНЬ

Пороки демократии бросаются в глаза. Ее преимущества становятся заметны лишь со временем. Американская демократия не всегда действует удачно, но общая направленность ее законов полезна для общества. Государственные служащие в американском демократическом обществе не имеют интересов, стабильно отличающихся от интересов большинства. К чему

это приводит.

Пороки и слабости демократической формы правления лежат на поверхности, для их доказательства можно привести очевидные факты. В то же время благотворное воздействие такой формы правления осуществляется незаметно, можно даже сказать, подспудно. Ее недостатки поражают с первого взгляда, а достоинства открываются лишь со временем.

Американские законы нередко бывают небрежно сформулированными и неполными. Случается, что они не учитывают существующих прав или поощряют те, которые могут представлять опасность. Когда они хороши сами по себе, их большим недостатком является частая их смена. Все это видно невооруженным глазом.

Почему же в таком случае американские республики живут и процветают? Говоря о законах, нужно тщательно различать, с одной стороны, цель, которую они преследуют, а с другой – средства достижения этой цели, то есть их абсолютную и относительную доброкачественность.

Предположим, что законодатель стремится оградить интересы небольшого числа людей в ущерб большинству. Он составляет положения закона так, чтобы достичь искомого результата в максимально сжатые сроки и с наименьшими усилиями. Закон получится хорошим, но цель-дурная. При этом чем лучше ее удастся воплотить в жизнь, тем большую опасность она будет представлять.

Демократические законы обычно стремятся обеспечить благо большинства. Ведь они исходят от большинства граждан, которые могут ошибаться, но не могут выражать интересов, противоположных своим собственным. [...]

Народы демократических государств, постоянно занятые своими делами и ревниво оберегающие свои права, не позволяют своим представителям отклоняться от определенной общей линии, диктуемой их интересами.

Не следует также забывать о том, что в демократических государствах чиновники, выполняющие свои обязанности хуже, чем чиновники других государств, остаются у власти не слишком долго.

Но есть и еще одна причина, более общего характера и более глубокая. Конечно, народное благо требует от правителей добродетелей и талантов. Но еще в большей степени оно требует общности интересов граждан и правителей. В противном случае добродетели могут стать бесполезными, а таланты – опасными.

Важно, чтобы правители и массы граждан не были разделены противоположными или различными интересами. Но это отнюдь не значит, что интересы всех должны полностью совпадать. Такого не бывает никогда.

Еще не найдено политическое устройство, которое бы в одинаковой степени благоприятствовало развитию и процветанию всех классов, составляющих общество. Классы представляют собой нечто вроде отдельных наций внутри одного народа, и опыт показывает, что отдавать какой-либо из них в руки другого так же опасно, как позволять одному народу распоряжаться судьбой другого. Когда у власти стоят одни богатые, интересы бедных всегда в опасности. Если бедные диктуют свою волю, под удар ставятся интересы богатых. В чем же заключаются преимущества демократии? Реально они заключаются не в том, что демократия, как говорят некоторые, гарантирует процветание всем, а в том, что она способствует благосостоянию большинства. [...]

[Политический режим в государстве]⁹³

Среди множества новых предметов и явлений, привлечших к себе мое внимание во время пребывания в Соединенных Штатах, сильнее всего я был поражен равенством условий существования людей. Я без труда установил то огромное влияние, которое оказывает это первостепенное обстоятельство на все течение общественной жизни. Придавая определенное направление общественному мнению и законам страны, оно заставляет тех, кто управляет ею, признавать совершенно новые нормы, а тех, кем управляют, вынуждает обретать особые навыки.

⁹³ Выделено составителем.

Вскоре я осознал, что то же самое обстоятельство распространяет свое воздействие далеко за пределы сферы политических нравов и юридических норм и что его власть сказывается как на правительственном уровне, так и в равной мере в жизни самого гражданского общества; равенство создает мнения, порождает определенные чувства, внушает обычаи, модифицируя все то, что не вызывается им непосредственно.

Таким образом, по мере того как я занимался изучением американского общества, я все яснее усматривал в равенстве условий исходную первопричину, из которой, по всей видимости, проистекало каждое конкретное явление общественной жизни американцев, и я постоянно обнаруживал ее перед собой в качестве той центральной точки, к которой сходились все мои наблюдения.

Затем, когда мысленным взором я обратился к нашему полушарию, мне показалось, что я и здесь могу выделить нечто подобное тому, что я наблюдал в Новом Свете. Я видел равенство условий, которое, не достигая здесь, в отличие от Соединенных Штатов, своих крайних пределов, ежедневно приближалось к ним. И мне показалось, что та самая демократия, которая господствовала в американском обществе, стремительно идет к власти в Европе [...].

Мы живем в эпоху великой демократической революции; все ее замечают, но далеко не все оценивают ее сходным образом.

Одни считают ее модным новшеством и, рассматривая как случайность, еще надеются ее остановить, тогда как другие полагают, что она неодолима, поскольку представляется им в виде непрерывного, самого древнего и постоянного из всех известных в истории процессов [...].

Повсеместно самые различные события, случающиеся в жизни народов, оказываются на руку демократии. Все люди помогают ей своими усилиями: и те, кто сознательно содействует ее успеху, и те, кто и не думает служить ей, равно как и люди, сражающиеся за демократию, а также люди, провозгласившие себя ее врагами. Все они бредут вперемишку, подталкиваемые в одном направлении,

и все сообща трудятся на нее: одни - против своей воли, а другие - даже не осознавая этого, будучи слепыми орудиями в руках Господа.

Таким образом, постепенное установление равенства условий есть предначертанная свыше неизбежность. Этот процесс отмечен следующими основными признаками: он носит всемирный, долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют его развитию.

Благоразумно ли считать, что столь далеко зашедший социальный процесс может быть приостановлен усилиями одного поколения? Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами? Остановится ли она теперь, когда она стала столь могучей, а ее противники столь слабы?

Итак, куда же мы идем? Никто не может сказать, ибо нам уже не с чем сравнивать нашу современность: условия существования людей в христианских нациях в настоящее время стали более равными, чем они бывали когда-либо в какой-либо стране мира. Поэтому, уже достигнутая нами ступень величия не дает возможности предвидеть то, что еще может свершиться [...].

Если долговременное наблюдение и непредвзятые размышления привели в настоящее время людей к признанию того, что прошлое и будущее нашей истории в равной мере определяются постепенным, последовательным наступлением равенства, одно это открытие уже придает данному процессу священный характер событий, предопределенных волей верховного Владыки. Желание сдержать развитие демократии, следовательно, представляется борьбой против самого Господа, и народам не остается ничего другого, кроме как приспособляться к тому общественному устройству, которое навязывается им Провидением [...].

Обучать людей демократии, возрождать, насколько это возможно, демократические идеалы, очищать нравы, регулировать демократические движения, постепенно приобщать граждан к делам управления государством, избавляя их от неопытности в этих вопросах и вытесняя их слепые инстинкты

осознанием своих подлинных интересов; изменять систему правления сообразно времени и месту, приводя ее в соответствие с обстоятельствами и реальными людьми, – таковы важнейшие из обязанностей, налагаемые в наши дни на тех, кто управляет обществом.

Совершенно новому миру необходимы новые политические знания.

Но именно об этом мы почти не задумываемся: оказавшись на стремнине быстрой реки, мы упрямо не спускаем глаз с тех нескольких развалин, что еще видны на берегу, тогда как поток увлекает нас к той бездне, что находится у нас за спиной.

Ни у одного из народов Европы та великая социальная революция, о которой я намерен писать, не протекала столь стремительно, как у нас, однако она всегда шла здесь наугад.

Главы нашего государства никогда не думали о том, чтобы подготовиться к ней заблаговременно; она совершалась вопреки их воле или же без их ведома. Самые могущественные, самые интеллектуально и нравственно развитые классы не пытались овладеть ею с тем, чтобы ее направлять. Поэтому демократия была предоставлена власти диких инстинктов; она выросла, как те дети, лишенные родительской заботы, которые воспитываются на улицах наших городов, узнавая только пороки и убожество общества. Ее существование, по-видимому, еще не вполне осознается людьми, как вдруг она неожиданно захватывает власть. Тогда каждый раболепно стремится исполнить малейшее ее желание; ей поклоняются как воплощению силы; затем, когда она слабеет из-за собственной невозддержанности, законодатели начинают обдумывать неблагоприятные проекты ее уничтожения, вместо того чтобы попытаться наставить и исправить ее, и, не желая преподавать ей науку управления, они помышляют лишь о том, как бы отстранить ее от власти.

В результате в жизни общества происходит демократическая революция, не сопровождаемая при этом тем преобразованием законов, идей, обычаев и нравов, которое необходимо для достижения целей данной революции. Таким образом, мы получили демократию, не имея того, что должно смягчать ее

недостатки и подчеркивать все естественные преимущества, и, уже изведав приносимое ею зло, мы еще не знаем того добра, которое она должна дать...

Разве не следует [...] рассматривать постепенное развитие демократических учреждений и нравов не как наилучшее, а как единственное имеющееся у нас средство для сохранения свободы? И даже не испытывая любви к демократическому правлению, разве не придем мы к убеждению в необходимости его установления, поскольку это наилучшее и самое честное решение проблем современного общества?

Нелегко привлечь народ к управлению, еще труднее позволить ему накопить опыт и воспитать у него те чувства, которых ему недостает, чтобы делать это хорошо.

Слов нет, желания демократии изменчивы, ее представители грубы, законы несовершенны. Однако если на самом деле вскоре не будет существовать никакой середины между господством демократии и игом одного человека, разве не должны мы всеми силами стремиться к первой, вместо того чтобы добровольно подчиняться второму? И если в конце концов мы придем к полному равенству, разве не лучше быть уравненными свободой, чем деспотизмом?

Те, кто, прочитав эту книгу, придет к выводу, что я написал ее для того, чтобы предложить всем народам, живущим в демократическом обществе, ввести у себя такие же законы и распространить такие же нравы, как у американцев, впадут в глубокое заблуждение. Это означало бы, что они увлеклись формой и не восприняли самую суть моей мысли. Я ставил себе целью на примере Америки показать, что благодаря законам и особенно нравам народ, живущий в демократическом обществе, может сохранить свободу...

Но я думаю, что если нам не удастся постепенно ввести и укрепить демократические институты и если мы откажемся от мысли о необходимости привить всем гражданам идеи и чувства, которые сначала подготовят их к свободе, а затем позволят ею пользоваться, то никто не будет свободен - ни буржуазия, ни аристократия, ни богатые, ни бедные. Все в равной мере попадут под гнет тирании. И я предвижу, что если со временем мы не сумеем установить

мирную власть большинства, то все мы рано или поздно окажемся под неограниченной властью одного человека.

КНИГА ВТОРАЯ ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЛИЯНИЕ ДЕМОКРАТИИ НА ЧУВСТВА АМЕРИКАНЦЕВ

Глава I

ПОЧЕМУ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ НАРОДЫ С БОЛЬШИМ ПЫЛОМ И ПОСТОЯНСТВОМ ЛЮБЯТ РАВЕНСТВО, ЧЕМ СВОБОДУ

[...] Любовь людей к свободе и та склонность, которую они испытывают к равенству в реальной жизни, – совершенно разные чувства, и я осмелюсь добавить, что у демократических народов эти чувства не равны по силе и значению. [...]

Свобода являла себя людям в разные времена и в разных формах; она не связана исключительно с какой-либо одной формой социального устройства и встречается не только в демократических государствах. Поэтому она не может представлять собой отличительной черты демократической эпохи.

Той особенной, исключительной чертой, отличающей данную эпоху от предшествовавших, является равенство условий существования; господствующей страстью, движущей сердцами людей в такие времена, выступает любовь к этому равенству.

Не спрашивайте, какую такую прелесть демократические народы видят в том, что все их граждане живут одинаково, не спрашивайте и об особых причинах, которые могут объяснять их столь упорную привязанность именно к равенству в числе всех благ, предоставляемых им обществом: равенство выступает отличительным признаком их эпохи. Этого вполне достаточно для объяснения того предпочтения, которое они оказывают равенству.

Независимо от названной причины, однако, существует множество других мотивов, которые во все времена по обыкновению заставляли людей предпочитать равенство свободе.

Если какой-либо народ мог самостоятельно уничтожить у себя или хотя бы

ослабить господство равенства, он достигал этого лишь в результате долгих и мучительных усилий. Для этого ему необходимо было изменить свое социальное устройство, отменить свои законы, трансформировать обычаи и нравы. Политическую свободу, напротив, надо все время крепко держать в руках: достаточно ослабить хватку, и она ускользает.

Таким образом, люди цепко держатся за равенство не только потому, что оно им дорого; они привязаны к нему еще и потому, что верят в его неизбывность. [...]

Я думаю, что демократические народы испытывают естественное стремление к свободе; будучи предоставленными самим себе, они ее ищут, любят и болезненно переживают ее утрату. Однако равенство вызывает в них страсть, пылкую, неутолимую, непреходящую и необоримую; они жаждут равенства в свободе, и, если она им не доступна, они хотят равенства хотя бы в рабстве. Они вынесут бедность, порабощение, разгул варварства, но не потерпят аристократии.

Это справедливо для всех времен и особенно для наших дней. Какие бы люди и какие бы власти ни захотели восстать против этой непобедимой силы, они будут опрокинуты и уничтожены ею. В наше время свобода не может возобладать без ее поддержки, и даже деспоты не смогут господствовать, не опираясь на нее. ...

Источник: А. де Токвиль Демократия в Америке Книга первая. – URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Tokville.Democracy.1.pdf>

ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ГУМБОЛЬДТ

Фридрих Вильгельм Кристиан Карл Фердинанд фон Гумбольдт (1767-1835) – немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат. Один из основоположников лингвистики как науки.

О ПРЕДЕЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ГЛАВА II. Рассмотрение отдельного человека и высших, конечных целей его существования

[...] Настоящая цель человека – наиболее соразмерное развитие его сил в одно целое. Для этого развития свобода есть первое и необходимейшее условие. Второе – разнообразия положений. Даже самые свободные и независимые люди, поставленные в однообразные положения, не вполне развиваются. Истинный разум не может желать для человека никакого другого состояния, кроме такого, в котором не только каждый отдельный человек пользовался бы самой неограниченной свободой развиваться из самого себя и совершенно своеобразно, но в котором, и физическая природа не принимала бы никакой другой формы от руки человека, кроме той, которую ей каждый отдельный человек сам и произвольно может дать по мере своих потребностей и наклонностей, ограничиваясь только пределами своей силы и своего права.

ГЛАВА III. Переход к исследованию в собственном смысле. Разделение его. Забота государства о положительном, в особенности о физическом благе граждан

[...] Можно назвать полным объемом деятельности государства все то, что оно могло бы сделать для блага общества без нарушения, выведенного выше начала; и отсюда непосредственно вытекало бы дальнейшее положение, что должно быть отвергнуто всякое вмешательство государства в частные отношения граждан во всех тех случаях, когда нет прямого нарушения прав одного из граждан кем-либо другим из них [...].

[...] Цель государства может быть двойная – оно может желать способствовать счастью или только стараться предотвращать зло, причиняемое либо природой, либо самими людьми. Если оно ограничивается последним, то ищет только безопасности, и пусть мне будет позволено раз навсегда противопоставить эту безопасность всем остальным возможным целям

государственной деятельности, обозначенным общим именем положительного блага граждан. В то же время, рассматривая обе вышеназванные цели, необходимо исследовать и средства, которыми государство имеет право пользоваться.

Я пришел к заключению, что все государственные учреждения имеют вредные последствия и не соответствуют истинной политике, исходящей из высших, но всегда человеческих точек зрения.

[...] Дух правительства всегда господствует в каждом из подобных учреждений; но как бы ни был мудр и благотворен этот дух, он тем не менее приводит к однообразию и навязывает нации чуждый ей способ действия. Разнообразие, происходящее от союза многих, есть величайшее благо, даваемое обществом, и это разнообразие, несомненно, теряется по мере государственного вмешательства. Кто же так рассуждает за других, того можно с полным правом подозревать в том, что он не знает человечества и хочет превратить людей в машины.

Всякая сила предполагает энтузиазм, и весьма мало влияний могут поддерживать этот энтузиазм сильнее, чем сознание, что предмет его составляет настоящую или будущую собственность человека. Но собственностью своей человек почитает не столько то, чем он обладает, сколько то, что он делает, - и рабочий, обрабатывающий сад, есть в более истинном смысле его собственник, чем праздный богач, которому сад принадлежит. Но еще более страдают от слишком усиленной заботливости государства энергия действия вообще и нравственный характер. Кем часто и много руководят, тот легко доходит до того, что как бы добровольно жертвует остатком своей самостоятельности. Через это нарушается правильность его представления о заслуге и вине. Он будет считать себя свободным от всякой обязанности, которую бы государство не прямо и ясно наложило на него, и от всякого необходимого улучшения своего собственного положения.

[...] Не следует упускать из виду и то, что самое ведение государственных дел усложняется и что для избежания путаницы необходимо большее число

частных учреждений и множество лиц, посвященных этого рода деятельности. Таким образом, нарождается и разрастается новый способ заработка - ведение государственных дел; и этот заработок ставит государственных слуг в гораздо большую зависимость от государства, платящего им жалованье, чем собственно от нации. Опыт неопровержимым образом доказывает, каковы дальнейшие вредные последствия, проистекающие из этого постоянного ожидания государственной помощи, именно: отсутствие самостоятельности, ложная гордость и бездеятельность. Поэтому в большинстве государств с каждым десятилетием увеличиваются персонал государственных слуг и объем ведомств, а свобода подданных уменьшается.

Государство должно воздержаться от всякой заботы о положительном благе граждан; оно не должно делать ни одного шага далее, чем необходимо для их безопасности друг от друга и от внешних врагов; ни для какой другой цели не должно оно стеснять их свободы.

ГЛАВА IV. Забота государства об отрицательном благе граждан – об их безопасности

[...] Никакие государственные союзы не были бы нужны, если бы зло, проистекающее из стремления людей переступать законные границы и заходить в область чужого права. При раздорах одна борьба ведет за собой другую. Оскорбление требует мести, а месть есть новое оскорбление. Поэтому тут необходимо найти такую месть, которая не допускала бы новой мести - и таковой именно является государственная кара; или же нужно такое решение, которое заставляло бы спорящие стороны успокоиться - именно решение судебное.

Сохранение безопасности как от внешних врагов, так и от внутренних междоусобий составляет исключительную цель государства и единственный предмет его деятельности. Это вполне подтверждается историей, так как у древних народов государи были не чем иным, как предводителями на войне или судьями в мирное время. [...]

ГЛАВА V. Забота государства о безопасности от внешних врагов

[...] Государство никоим образом не должно способствовать войне; если же она необходима, то оно также не должно ей и насильно препятствовать; оно должно предоставить полнейшую свободу влиянию войны на дух и характер всей нации; главным же образом государство обязано воздержаться от всяких положительных мероприятий, имеющих целью воспитать нацию для войны. Если некоторые из подобных мер бесспорно необходимы, как, например, военные упражнения граждан, то государство должно давать им такое направление, при котором в людях вырабатывались бы не только храбрость, ловкость и повиновение солдата, но и дух истинного воина или, лучше сказать, дух благородного гражданина, всегда готового броситься в битву для защиты отечества.

ГЛАВА VII. Религия

[...] Все, что касается религии, лежит вне границ деятельности государства, и священнослужители, как и вообще все священнодействия, должны быть поставлены в зависимость от общества и не допускают никакого особенного наблюдения со стороны государства.

ГЛАВА VIII. Улучшение нравов

[...] Человек более склонен к человеколюбивым, чем к себялюбивым, действиям. Свобода увеличивает силу и вызывает, как это всегда делает большая сила, настроение либеральное и человеческое. Принуждение уничтожает силу и ведет ко всевозможным эгоистичным желаниям и ко всем низким уловкам слабости.

Предоставленный самому себе человек, может быть, труднее доходит до истинных принципов, однако они неизгладимо запечатлеваются на его образе действия. Человек, намеренно руководимый, воспринимает их легче, но тем не менее ослабленная энергия его не дает ему возможности придерживаться их.

Все государственные установления вызывают всевозможные столкновения, ибо имеют целью привести к единству весьма разнообразные и различные интересы. Из столкновения проистекают несоответствия между желаниями человека и возможностью их удовлетворения – а от этого в свою очередь зависят проступки. Если бы было возможно (преимущественно по отношению к известным случаям) точно привести число зол, которые вызываются полицейскими учреждениями, и тех, которые предотвращаются ими, то первых всегда оказалось бы больше.

Чего может достигнуть строгий розыск действительно совершенных преступлений, справедливое и точно размеренное, но неотвратимое наказание и, следовательно, редкая безнаказанность – практически еще никогда не было в достаточной мере испытано.

Государство должно вполне воздерживаться от всякого стремления прямо или косвенно влиять на нравы или характер нации, за исключением тех случаев, где подобное влияние естественным и неотвратимым образом вытекает из его остальной необходимой деятельности, и что все то, что может способствовать подобному влиянию, именно всякое особенное наблюдение за воспитанием, религиозными учреждениями, всякие законы по отношению к роскоши и т.д., лежит вне границ государственной деятельности.

ГЛАВА X. Забота государства о безопасности, состоящая в определении таких действий граждан, которые относятся непосредственно и прямо только к самому действующему лицу (полицейские законы)

[...] Есть много вещей, обсуждение которых требует положительных знаний, не всякому присущих, и так как вследствие этого безопасность может быть нарушена, когда кто-либо намеренно или необдуманно воспользуется незнанием других в ущерб им и в свою пользу, то граждане в этом случае должны обладать свободой обращаться к государству как бы за советом. Примеры этого представляют врачи и юристы. Необходимо, чтобы государство подвергало испытанию тех, кто посвящает себя подобным занятиям (поскольку они захотят

подвергнуться ему), и, если испытание окажется удовлетворительным, давало бы им в этом свидетельство и объявляло гражданам, что они могут безопасно одарить своим доверием лишь тех, кто был подобным способом испытан. Государство никогда не должно идти далее; оно не должно запрещать заниматься своим делом ни тем, которые отказались подвергнуться испытанию, ни тем, которые не выдержали его; точно так же оно не должно мешать нации пользоваться их услугами.

Для того чтобы охранять безопасность граждан, должно запрещать или ограничивать те имеющие непосредственное отношение к действующему лицу действия, последствия которых приносят ущерб правам других лиц и без или против воли этих лиц уменьшают их свободу или достояние, или же такие действия, от которых этого с вероятностью можно опасаться, причем всегда одновременно должно принимать во внимание как объем грозящего вреда, так и важность вытекающего из запретительного закона ограничения свободы. Всякое же дальнейшее или на других основаниях установленное ограничение частной свободы лежит вне границ государственной деятельности.

ГЛАВА XV. Отношение вышеизложенной теории к средствам, необходимым для поддержания государственного устройства. Заключение теоретического изложения предмета

[...] По моему мнению, для государства могут существовать только троякого рода доходы: 1) доход от искони принадлежащего или от приобретенного им имущества; 2) от прямых и 3) от косвенных налогов. Всякое государственное имущество, каково бы оно ни было, вредно. Точно так же связаны с вредными последствиями и косвенные налоги; опыт показывает, что их установление и сбор предполагают множество учреждений, которые не могут быть одобрены. Поэтому остаются только прямые налоги.

Источник: В. фон Гумбольдт О пределах государственной деятельности. – Челябинск: Социум, 2009. – 304 с.

ОГЮСТ КОНТ

Исидор Мари Огюст Франсуа Ксавье Конт (1798-1857) – французский философ. Родоначальник позитивизма. Основоположник социологии самостоятельной науки.

Основные труды, принесший ему наибольшую известность «Курс позитивной философии» и «Система позитивной политики, или Трактат по социологии, устанавливающий религию Человечества»

СИСТЕМА ПОЗИТИВНОЙ ПОЛИТИКИ (1824)

ВВЕДЕНИЕ

Основной характер, сообщенный современной эпохе общим ходом цивилизации, выражается в переходе от доживающей свои последние дни старой социальной системы к новой, достигшей своей полной зрелости и стремящейся водвориться на место первой.

Сообразно этому положению вещей два разнородных движения волнуют в настоящее время общество: одно – разрушения, другое – преобразования.

Первое, рассматриваемое отдельно, увлекает общество к глубокой моральной и политической анархии, которая как бы угрожает ему будущим неизбежным разложением. Второе толкает его к окончательному социальному строю человеческого рода, наиболее соответствующее его природе, к строю, где его средства, ведущие к благосостоянию, должны получить свое наиболее полное развитие и свое наиболее непосредственное применение.

В существовании этих двух противоположных стремлений заключается великий кризис, испытываемый наиболее просвещенными нациями. [...]

Единственный способ положить конец этому бурному состоянию – остановить анархию, которая со дня на день охватывает общество, – одним словом, превратить кризис в простое моральное движение – это склонить просвещенные нации оставить критическое направление и принять направление органическое, сосредоточивая все свои усилия на образование новой социальной системы, которая должна явиться конечным результатом кризиса, и для которой

все, что было до сих пор сделано, является лишь подготовительной работой.

Такова первая забота современной эпохи; такова также вкратце общая цель наших трудов и специальная задача этого сочинения, которое имеет в виду призвать к деятельности силы, долженствующие увлечь общество на путь новой системы.

Краткое исследование причин, которые до сих пор препятствовали и препятствуют еще теперь обществу открыто взять органическое направление, должно естественно предшествовать изложению средств, которые должны быть употреблены для достижения этой цели.

Умножающиеся непрерывные усилия народов и королей для образования чувствуется всеми, но эта потребность понята одними и другими смутно и несовершенно. [...]

Единственное различие, существующее между ними в этом отношении, — это то, что, по мнению королей, правительство преднамеренно устанавливается в прямой и непрерывной оппозиции к обществу, между тем как, по воззрениям народов, именно общество систематически занимает постоянно враждебное положение против правительства.

Эти два противоположных и одинаково ложных мнения стремятся, в силу вещей, взаимно укрепляться и, следовательно, бесконечно питать источник революции. [...]

Все вышеизложенные соображения доказывают, что средство выйти, наконец, из этого печального порочного круга, неисчерпаемого источника революции, не состоит в торжестве воззрений ни королей, ни народов, в том их виде, в каком они представляются в настоящее время. Только образование и общее одобрение народами и королями органической доктрины единственно могут внушить королям оставить реакционное направление, а народам — критическое.

Только эта доктрина может закончить кризис, увлекая общество в его целом на путь новой системы, установление которой подготовлял ход цивилизации с момента своего зарождения и которую он призывает теперь

заменить собой феодально-теологическую систему. [...]

Общество, достигшее своей зрелости, предназначено отнюдь не для того, как это думают короли, чтобы всегда обитать в старых и жалких лачугах, служивших ему убежищем в дни его младенчества; и не для того, чтобы жить вечно без крова, после того как оно лишилось старого, как думают народы, но для того, чтобы с помощью приобретенного опыта строить себе, употребляя все собранные материалы, здания, наилучше приспособленное для его потребностей и его пользования. Таково великое и почетное предприятие, выпавшее на долю нынешнего поколения. [...]

ОБЩИЙ ОБЗОР ПОЗИТИВИЗМА

Общее введение

Позитивизм по существу складывается из философии и политики, которые по необходимости нераздельны, как образующие одна основание, другая цель единой универсальной системы, где разум и общественность находятся в тесном сочетании.

Действительно, с одной стороны, социальная наука не только наиболее важная из всех, но она, в особенности, даст единственную связь, одновременно логическую и научную, которую отныне допускает совокупность наших реальных размышлений. А эта конечная наука еще более, чем каждая из предварительных наук, не может развиваться сбой истинный характер без точной и общей гармонии с соответствующим искусством. Но, благодаря отнюдь не случайному совпадению, ее теоретическое основание находит тотчас огромное практическое применение, именно, служить руководством для полного преобразования Западной Европы. Ибо, с одной стороны, по мере того как естественное течение событий определяет характерные особенности великого современного кризиса, политическая реорганизация все более и более представляется совершенно невозможной без предварительного пересоздания мнений и нравов. Действительная систематизация всего человеческого мышления является, таким образом, нашей первой социальной потребностью,

относящейся одинаково как к порядку, так и к прогрессу. Постепенное выполнение этого обширного философского предприятия произвольно вызовет на всем Западе новую моральную власть, неизбежное влияние которой создаст прямое основание для окончательного преобразования, ибо оно объединит различные передовые народности единой системой всеобщего образования, системой, которая даст как для общественной, так и для частной жизни твердые принципы суждения и поведения. [...]

ЧАСТЬ I

Глава XIII

Все вышеприведенные указания достаточно характеризуют основное условие, согласно которому главная систематизация человеческого существования, оставаясь благодаря своему субъективному принципу по существу аффективной, должна в конечном итоге подвергнуться умозрительной обработке, единственно способной дать ей объективное основание, связывая ее со всем внешним порядком, влияние которого человечество испытывает и по возможности видоизменяет. [...] Оно позволяет непосредственно признать за главный центр позитивного синтеза раскрытие истинной теории человеческой эволюции, одновременно индивидуальной и коллективной. Ибо всякая решительная разработка этой конечной цели тотчас пополняет общее понятие о естественном порядке и необходимо возводит его в основной догмат всеобщей систематизации, постепенно подготовляемой всем умственным движением современных народов. Благодаря непосредственному содействию научных трудов, появившихся за последние три века, в этом отношении остался серьезный пробел только касательно явлений моральных и, в особенности социальных. Доказав существование непреложных законов также относительно этих двух классов явлений, путем предварительной систематизации всего прошлого человечества, современный ум завершит свое трудное предприятие и, поднявшись на единственную точку зрения, откуда можно все обнять взором, построит свой окончательный образ мыслей.

Такова была двоякая цель моего основного труда, посредством которого я, как это признали главные современные мыслители, пополнил и систематизировал всю естественную философию, установив общий закон человеческой эволюции как социальный, так и интеллектуальный. [...]

Как известно, этот закон гласит, что все наши умозрения необходимо проходят через три последовательных состояния: сперва они находятся в теологическом состоянии, когда открыто господствуют самопроизвольные верования, недопускающие никакого доказательства; затем переходят в метафизическое состояние, характеризующееся в особенности преобладающим значением олицетворенных абстракций или сущностей; и, наконец, вступают в позитивное состояние, всегда основанное на точной оценке внешнего реального мира. Первый из этих методов мышления является только предварительным и составляет во всех областях нашу единственную исходную точку; третий, который и есть окончательный метод, позволяет нам познать нашу действительную роль на земле; второй же имеет только модифицирующее или разрушающее влияние, благодаря чему он предназначен руководить только переходом от одного состояния к другому. [...]

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Религии человечества

Глава XXV

Окончательное преобразование заключается главным образом в замене прав обязанностями, дабы лучше подчинить личность общественности. Слово право, должно быть так же строго изгнано из политического языка, как слово причина из истинно философского языка. Первое из этих двух теолого-метафизических понятий будет считаться безнравственным и анархичным, а второе – нерациональным и софистичным. [...]

В позитивном строе, недопускающем небесных полномочий, идея права безвозвратно исчезает. Каждый имеет обязанности относительно всех людей, но никто не имеет права в собственном смысле слова. Справедливые

индивидуальные гарантии вытекают только из всеобщей взаимности обязательств, которые являются моральным эквивалентом прежних прав, но не представляют серьезных политических опасностей, сопряженных с последними. Другими словами, единственное право, которым каждый человек обладает, – это право выполнять свой долг. Только таким путем политика может, наконец, действительно быть подчинена морали, согласно поразительной программе средних веков. Католицизм мог лишь смутно поставить этот огромный социальный вопрос, разрешение которого, несовместимо ни с каким теологическим принципом, по необходимости выпало на долю позитивизма.

Чтобы этого достигнуть, он превращает политику в оружие служения Человечеству, т.е. призывает ее искусственно содействовать различным функциям, относящимся к порядку или прогрессу, которые Великое Существо естественным образом выполняет. Это окончательное назначение нового культа составляет его важнейшую часть, без которой все другие оказались бы недостаточными и стали бы вскоре призрачными. [...]

Глава XXVI

Главная характерная черта основной деятельности, которая освятит все наше существование, состоит в необъятном сотрудничестве, представление о котором ни один менее сложный организм не может дать. Эта согласованность действий, одинаково относящаяся ко времени и пространству, требует двух необходимых ступеней социального чувства: действительную солидарность и историческую непрерывность. [...] Это обстоятельство наилучшим образом показывает, насколько ложно и безнравственно понятие права в собственном смысле слова, предполагающее всегда абсолютную индивидуальность.

Действительное подчинение политики морали прямо вытекает из того, что все люди должны быть рассматриваемы не как отдельные существа, но как различные органы единого Великого Существа. Поэтому во всяком правильно устроенном обществе каждый гражданин всегда становился общественным деятелем, выполняющим, худо или хорошо, свои самопроизвольные или систематические обязанности. [...]

Глава XXVII

[...] Итак, позитивизм обеспечивает свободу и человеческое достоинство, благодаря тому, что считает, что социальные явления, так же как и все другие, подчинены естественным законам, изменяемым в известных пределах нашей мудрой деятельностью, в особенности коллективной. Напротив, только угнетения и унижения можно ожидать от всех метафизических утопий, которые предоставляют общество законодательным прихотям, не принимают в расчет врожденных свойств и добиваются солидарности только путем подавления независимости, как это было в древности.

Таким-то образом окончательный культ систематизирует активное существование Великого Существа, сообразно совокупности его естественных законов, причем он либо дополняет инстинкт солидарности чувством непрерывности, либо примиряет неизбежную независимость его различных органов с их необходимой общей деятельностью. Тогда политика может, наконец, действительно подчиниться морали, потому что долг заменит право. Теоретическая власть провозглашает неопровержимые правила, в которых рассудок и чувство всегда совместно способствует изменению деятельности. Каковы бы ни были органы практической власти, ее осуществление приобретает неизменный нравственный характер. Напротив, все метафизические системы ограничиваются регулированием объема каждой власти, не давая затем никакого принципа для поведения или оценки. [...]

Источник: История политических и правовых учений: хрестоматия / Под ред. О.Э. Лейста. – М., 2000. – С. 401-415.

АНРИ ДЕ СЕН-СИМОН

Анри де Сен Симон (1760-1825) – французский философ, социолог, известный социальный реформатор, основатель школы утопического социализма. Основные труды: «Письма женевого жителя к своим современникам» (1802 г.), «Катехизис индустриалов» (1823 г.), «Новое христианство» (1825 г.).

О ПРОМЫШЛЕННОЙ СИСТЕМЕ

4. ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

[...] Первый вопрос. Какие главные политические перемены произойдут в течение четвертой эпохи христианства?

Ответ. Я думаю, что в течение этого четвертого периода организуется новая духовная власть и новая светская власть.

Я полагаю, что новая духовная власть будет составлена из всех существующих в Европе академий наук и из всех лиц, заслуживающих допуска в эти научные корпорации. Я полагаю, что после образования этого ядра составляющие его лица сорганизуются сами. Я думаю, что этой новой духовной власти будет поручено дело воспитания и народного просвещения. Я полагаю, что основой нового общественного воспитания послужит чистая евангельская мораль и что оно будет затем очень расширяться в области положительных наук в зависимости от того времени, какое смогут проводить в школе дети разных имущественных положений.

И, наконец, я полагаю, что большее или меньшее количество представителей новой духовной власти будет рассеяно во всех общинах и что главным призванием этих разъединенных ученых будет пробуждение среди их духовной паствы страстного стремления к общественному благу.

Я полагаю, что управление светскими делами у всех европейских народов будет поручено руководителям мирных работ, которыми будет занято наибольшее число людей; я убежден, что это управление, в силу непосредственного личного интереса самих управляющих, будет прежде всего стремиться к сохранению мира между народами, а затем к возможному уменьшению налогов и будет распоряжаться доходами наиболее полезным для общества образом.

Вот те три соображения, на которых основывается мое мнение:

1. Так как эти новые основы общественного строя прямо соответствуют интересам громадного большинства населения, они должны рассматриваться как общий политический вывод из принципа божественной морали, гласящего: все

люди должны видеть друг в друге братьев, они должны любить друг друга и помогать друг другу.

Итак, очевидно, воля божия состоит в том, чтобы христианское общество при современном состоянии просвещения было организовано указанным образом.

2. Говоря с точки зрения человеколюбия и не выходя из рамок научного метода, мы должны сказать, что такое устройство христианского общества является естественным следствием и непосредственным результатом отмены рабства и преобладания, достигнутого опытными науками над богословием и другими отраслями метафизики.

3. Если ограничиться одними только политическими соображениями, то и тогда будет очевидно, что прогресс цивилизации приведет к такому результату, так как действительные умственные и материальные силы находятся теперь в руках тех, кто занимается опытными науками, и тех, кто организует и управляет промышленной деятельностью. Общество находится под игом дворян и богословов только вследствие старой привычки. Но опыт показывает, что общество всегда освобождалось от усвоенных им привычек, когда они вступали в противоречие с его интересами, и находило новые пути для удовлетворения своих потребностей. Нет сомнения, что оно откажется и от власти дворянства и духовенства. Нет сомнения, что политическая власть перейдет в руки тех, кто уже теперь распоряжается почти всеми общественными силами, кто повседневно управляет физическими силами общества, кто создает его денежную силу, наконец, тех, кто беспрерывно умножает его умственную силу.

Второй вопрос. Какая сила вызовет эту перемену и кто будет направлять эту силу?

Ответ. Эти перемены вызовет сила нравственного чувства, и главным двигателем этой силы будет вера в то, что все политические принципы должны быть выведены из общего принципа, данного Богом людям.

Направлять эту силу будут друзья человечества, они будут в этом случае в таком же положении, в каком они находились во время основания христианства,

т. е. прямыми агентами Бога.

Первым своим общим усилием друзья человечества заставили владык земли усвоить принцип божественной морали, вторым общим усилием человеколюбие заставит дворян и богословов подчиниться главному выводу из этого принципа. ...

В продолжение шести лет я стараюсь с большим рвением доказать ученым и промышленникам:

во-первых, что в настоящий момент общество обнаруживает явное стремление к организации, наиболее благоприятствующей прогрессу наук и процветанию промышленности;

во-вторых, что для организации общества, наиболее благоприятной прогрессу наук и процветанию промышленности, необходимо доверить духовную власть ученым, а светскую власть промышленникам;

в-третьих, что ученые и промышленники могут организовать общество в соответствии со своими желаниями и потребностями, так как ученые обладают силами интеллектуальными, а промышленники располагают силами материальными. ...

Третий вопрос. Какими средствами будут пользоваться друзья человечества для преобразования общества?

Ответ. Единственное средство ..., которое будут применять друзья человечества, будет состоять в проповеди, и единственная цель этой проповеди – побудить королей воспользоваться предоставленной им народом властью для осуществления ставших необходимыми политических перемен. ...

Источник: Анри де Сен-Симон О промышленной системе. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1150>

КАТЕХИЗИС ПРОМЫШЛЕННИКОВ (1823-1824)**ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ**

Вопрос. Что такое промышленник?

Ответ. Промышленник – это человек, который трудится для производства или для доставки разным членам общества одного или нескольких материальных средств, удовлетворяющих их потребности или физические склонности; значит, земледелец, сеющий зерно или разводящий домашних птиц и животных, является промышленником; каретник, кузнец, слесарь, столяр – промышленники; фабрикант обуви, шляп, полотна, сукна, кашемировой материи – также промышленник; купец, извозчик, матрос торгового судна – промышленники. Все промышленники вместе трудятся для производства или для доставки всем членам общества всех материальных средств, удовлетворяющих их потребности или физические склонности; они составляют три крупных класса, которые называются земледельцами, фабрикантами и торговцами.

Вопрос. Какое положение в обществе должны занять промышленники?

Ответ. Промышленный класс должен занять первенствующее положение, потому что он важнее всех, потому что он может обходиться без всех других классов, но никакой другой класс не может обходиться без него, потому что он существует своими собственными силами и своим личным трудом. Другие классы должны трудиться для него, потому что они являются его созданиями, и он поддерживает их существование; одним словом, так как все делается благодаря промышленности, то все должно делаться для нее. ...

Вопрос. Каков смысл предпринятого вами труда? Говоря коротко, какую цель вы себе ставите, составляя этот катехизис?

Ответ. Мы намерены указать промышленникам способы возможного повышения их благосостояния; мы намерены научить промышленников главным средствам, которые они должны употребить, чтобы возвысить свое социальное положение.

Вопрос. Каким образом вы беретесь достигнуть этой цели?

Ответ. С одной стороны, мы представим промышленникам картину их настоящего социального положения; мы им покажем, что их положение имеет совершенно подчиненный характер, что оно, следовательно, гораздо ниже того, каким оно должно быть, так как промышленники составляют самый способный и самый полезный класс общества.

С другой стороны, мы им укажем путь, которым они должны следовать, чтобы достигнуть первого места и по уважению и по власти. ...

Таким образом, предлагаемая нами перемена отнюдь не враждебна королевской власти, законности и даже божественному праву; наоборот, она непосредственно стремится доставить королю больше спокойствия и, следовательно, возможно больше счастья. ...

Вопрос. Резюмируя и дополняя высказанные вами в настоящей беседе взгляды, мы приходим к следующим положениям:

1. Человечество всегда стремилось к политическому утверждению промышленного строя.

2. Каждый народ следовал особым путем и пользовался особыми приемами для достижения этой цели.

3. Французская и английская нации ближе всего к этой цели. На первый взгляд английская нация гораздо ближе к ней, чем французская, но это - иллюзия: на самом деле французская нация гораздо менее далека от нее.

4. Во Франции для установления промышленного режима было бы достаточно простого королевского ордонанса, поручающего наиболее влиятельным промышленникам составление проекта бюджета, и этот ордонанс был бы наверное издан, если бы промышленный класс, насчитывающий во Франции свыше двадцати пяти миллионов человек, покорнейше попросил короля принять во внимание, что эта мера обеспечивает спокойствие трона и благосостояние нации.

5. Когда французский народ установит у себя промышленный режим, английский народ не замедлит последовать его примеру.

6. Когда промышленный режим будет установлен в Англии и во Франции,

прекратятся все бедствия, на которые было обречено человечество во время его перехода от правительственного режима к промышленному; так как силы всех правительств на земле уступают промышленной силе Франции и Англии, то кризис будет окончен, потому что не будет больше борьбы, и все народы на земле, пользуясь покровительством объединившихся Франции и Англии, будут быстро, один за другим, по мере развития их цивилизации, переходить к промышленному строю.

Так как вы убеждены в справедливости этих шести положений, то самое лучшее, что вы можете сделать, – это употребить все ваши силы и средства на то, чтобы убедить французских промышленников представить королю прошение, проект которого вы сочинили. Этот шаг благодаря ряду дальнейших событий, из него вытекающих, приведет к самому крупному улучшению участи человечества, какое только возможно. ...

ВСЕОБЩЕЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ И НАУЧНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

(Целью этого объединения является установление промышленного режима)

Промышленники и политические писатели образуют два отдельных комитета. Комитет промышленников распоряжается средствами общества. Труды, предлагаемые политическими писателями к печати, подвергаются обсуждению в этом комитете и могут быть напечатаны только с его согласия.

Промышленники-учредители смогут принимать в объединение всех промышленников, которых они сочтут подходящими для этого, и допускать их сразу в свой комитет.

Комитет политических писателей подвергнет первоначальному обсуждению научные труды, имеющие предметом установление промышленной системы. Этот комитет будет оценивать эти произведения в первой инстанции, т. е. он или отвергнет их или представит в комитет промышленников для получения разрешения и средств на их напечатание.

Все ученые, художники и литераторы Франции и иностранных государств будут приглашены сообщать о тех своих трудах, которые посвящены установлению промышленной системы. Всякий автор, труды которого допущены комитетом политических писателей и одобрены комитетом промышленников, по праву становится с этого момента членом комитета политических писателей.

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

Предисловие

Эта третья тетрадь принадлежит нашему ученику г. Огюсту Конту. Как мы указали в нашей первой тетради, мы поручили ему изложение общих идей нашей системы. Это есть начало его труда, который мы предлагаем вниманию читателя.

Этот труд, несомненно, очень хорош, если его рассматривать с точки зрения, на которую стал его автор, но он не достигает той цели, которую мы себе поставили: он не излагает общих идей нашей системы, вернее, он излагает лишь часть этих идей и притом придает преобладающее значение тем общим идеям, которые мы считаем второстепенными.

В созданной нами системе на первом плане должна находиться промышленная способность; именно эта способность должна судить о ценности всех других способностей и заставить их служить с наибольшей пользой.

Научные способности платоновского и аристотелевского направления промышленники должны считать одинаково полезными для себя. Поэтому, они должны придавать им одинаковое значение и в одинаковой мере содействовать их преуспеянию.

Такова наша главнейшая мысль. [...]

ЧЕТВЕРТАЯ ТЕТРАДЬ

...Проспект второй части

Мы обращаемся сначала к людям, отличающимся наиболее общими и положительными способностями, и говорим им:

Господа промышленники, моралисты и ученые! С тех пор как нация

объявила себя совершеннолетней, полностью уничтожив остатки рабства, ее моральными и физическими интересами должны управлять наиболее способные люди, т. е. ими должны управлять вы, правительственная же функция в социальной организации должна отойти на второй план. ...

Это вам, господа наиболее влиятельные промышленники, надлежит сказать, каким образом вы думаете управлять государственным достоянием, когда эта обязанность будет возложена на вас, и доказать царице мира, т. е. общественному мнению, что вы будете управлять им с гораздо большей выгодой для большинства нации, чем оно управлялось до сих пор.

Это вы, господа моралисты, должны доказать, что основной принцип божественной морали: не делай другому того, чего ты не желаешь, чтобы делали тебе, может найти совершенно новое и бесконечно более определенное приложение после того, как прогресс просвещения дал возможность уничтожить целиком остатки рабства.

Это вы, господа ученые, должны дать ясные понятия о том, каким образом частные интересы могут сочетаться с общими, и начертать такой план государственного обучения, при котором приобретенные положительные знания распространились бы возможно скорее среди всех классов общества и среди людей всех рангов. ...

Когда промышленники добьются прежде всего того, чтобы король соизволил поручить наиболее влиятельным из них составление проекта бюджета, когда они затем добьются, чтобы он издал приказ об учреждении трех научных коллегий, о которых мы только что говорили, тогда общество будет организовано так, как это соответствует современному состоянию просвещения и цивилизации; оно будет организовано наилучшим, какой только возможен для человечества, образом для удовлетворения всех своих моральных и физических потребностей, ибо эти четыре учреждения образуют основные начала социального строя, наиболее благоприятного для производства и для сочетания всего того, что только может быть самого полезного для людей в моральном и физическом отношениях.

Когда этот общественный строй будет, наконец, установлен во Франции, тогда не замедлит осуществиться знаменитое предсказание отцов церкви: одно социальное учение станет общим для всего человеческого рода; можно будет видеть, как все народы, один за другим, примут принципы, провозглашенные и проведенные в жизнь французами.

Изложенные только что мысли покажутся сначала странными и не будут приняты немедленно, но ясные умы скоро признают, что наш проект организации общества вытекает непосредственно из хода развития человеческого разума и что его принятие – необходимое следствие всей прошлой политической истории европейского общества. ...

Источник: Сен-Симон А. Избранные сочинения. – Т. 2. – С. 121–272.

ШАРЛЬ ФУРЬЕ

Франсуа Мари Шарль Фурье (1772-1837) – французский философ, социолог, один из представителей утопического социализма, основатель системы фурьеризма; автор термина «феминизм». Основные труды: «Теория четырех движений и всеобщих судеб». Наиболее известные из его трудов: «Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации», «Новый хозяйственный социетарный мир», «Ложная промышленность».

ОТКРЫТИЕ ВСЕОБЩИХ ЗАКОНОВ ДВИЖЕНИЯ (1808)

ВВЕДЕНИЕ

В начале, как и в конце этого произведения, я привлекаю внимание к истине, совершенно новой для людей периода цивилизации: она состоит в том, что теория четырех движений – социального, животного, органического и материального – была единственным исследованием, которое должен был иметь в виду разум. Это – исследование всеобщей системы природы; это – проблема, которую Бог ставит на разрешение перед всеми планетами; и их обитатели могут достигнуть счастья лишь после того, как они ее разрешат....

Здесь я приглашаю читателя вспомнить, что я счел необходимым ознакомить его с расчетами, которые подготовили мое открытие. Вследствие этого я собираюсь обсуждать предмет, который покажется совершенно лишенным отношения к судьбам,— земледельческую ассоциацию. Сам я, когда начинал размышлять об этом предмете, никогда не предполагал, чтобы столь скромный расчет мог привести к теории судеб; но, поскольку он стал ключом к этому, необходимо, чтобы я сказал о нем несколько пространно. ...

II. О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Решение этой столь пренебрегаемой проблемы вело к решению всех политических проблем. Известно, что иногда достаточно самых малых средств, чтобы произвести самые большие дела: при помощи металлической иглы управляют молнией и ведут судно сквозь бурю и мрак; при помощи столь же простого средства можно положить предел всем общественным бедствиям; и в то время как строй цивилизации плавает в крови, чтоб утолить торговое соперничество, узнают, без сомнения, с интересом, что одно хозяйственное мероприятие покончит с ним навсегда без всякой борьбы и что морская держава, до сих пор столь страшная, будет повержена в абсолютное ничтожество благодаря действию земледельческой ассоциации. ...

Эта идея на первый взгляд кажется гигантской и неосуществимой из-за препятствия, которое такому объединению противопоставляют страсти, препятствия тем более отпугивающего, что их невозможно понемногу преодолеть. Едва ли возможно объединить в земледельческое общество двадцать, тридцать, сорок человек или даже пятьдесят; нужно по крайней мере восемьсот, чтобы образовать ассоциацию природосообразную, или привлекательную. Я понимаю под этими словами общество, члены которого будут вовлечены в трудовую деятельность соревнованием, самолюбием и иными движущими силами, совместимыми с движущей силой выгоды: порядок, о котором идет речь, вызовет у нас страсть к земледелию, ныне столь отталкивающему, что им занимаются только по необходимости и из страха

умереть от голода. ...

Земледельческая ассоциация, если предположить, что она охватит около тысячи человек, представляет для хозяйства столь огромные благодеяния, что трудно объяснить беззаботность современных людей в этом отношении; существует же разряд ученых-экономистов, посвятивших себя специально расчетам усовершенствования хозяйства. Их пренебрежение исследованием метода ассоциации тем более непонятно, что они сами указали на некоторые выгоды, которые произошли бы от этого: например, они признали, и всякий мог признать это, как и они, что триста семейств ассоциированных селян имели бы лишь один-единственный амбар, хорошо содержимый, вместо трехсот плохо устроенных амбаров; одну-единственную чановую вместо трех сотен чанов, содержимых большей частью с крайним незнанием дела; что у них было бы в разных случаях, а особенно летом, лишь три или четыре больших очага вместо трехсот; что они посылали бы в город только одну молочницу с бочкой молока на рессорной повозке, что сэкономило бы сотню полудней, потерянных сотней молочниц, которые таскают сотню кувшинов молока. Вот некоторые виды экономии, которые предвидели различные наблюдатели, но все же они не указали и двадцатой доли выгод, какие были бы порождены земледельческой ассоциацией.

Ее сочли невозможной, потому что не знали никакого способа образования ее; разве это основание для заключения, что его не откроют и что не следует искать его? Если примут во внимание, что она бы утроила [а зачастую удесятирила бы] доходы от всего хозяйства, не станут сомневаться в том, что Бог не имел в виду средства к ее установлению, потому что он должен был заняться прежде всего организацией хозяйственного механизма, который является стержнем человеческих обществ.

Люди, торопящиеся опровергать, выдвинул против этого немало возражений. «Как соединить в одном обществе семьи, одна из которых обладает

100 000 ливров⁹⁴, а у другой нет ни обола⁹⁵? Как разобрать столько различных интересов, примирить столько противоречивых желаний? Как поглотить все эти проявления соперничества в плане согласованных интересов?» На это я отвечаю указанием на соблазн богатств и удовольствий: самая сильная страсть селян, как и горожан,— любовь к выигрышу. Когда они увидят, что социетарный кантон Дает, при равных шансах, в три раза [в пять раз, в семь раз] больше дохода, чем кантон из бессвязных семейств, и обеспечивает всем членам ассоциации самые разнообразные наслаждения, они забудут все предметы своего соперничества и поспешат создать ассоциацию: она распространится без какого-либо закона на все области, ибо повсеместно люди страстно стремятся к богатству и удовольствиям.

В общем, эта теория земледельческой ассоциации, которая изменит судьбу рода человеческого, потворствует страстям, общим всем людям, она их соблазняет приманкой наживы и высоких наслаждений; в этом гарантия ее успеха у дикарей и варваров, как и у людей строя цивилизации, поскольку страсти повсеместно одни и те же.

Нет спешной необходимости ознакомить с этим новым порядком, которому я дам наименование прогрессивных серий, или серий групп, серий по страсти.

Я обозначаю этими словами объединение нескольких ассоциированных групп, которые отдаются различным отраслям одного и того же вида труда или одной и той же страсти.

Теория серий по страсти, или прогрессивных серий, не выдумана произвольно, как наши социальные теории. Распорядок этих серий во всем аналогичен распорядку математических рядов, всеми свойствами которых они обладают, как, например, равновесием соперничества между крайними группами и средними группами серии. ...

Страсти, которые считали врагами согласия и против которых написали

⁹⁴ Ливр (Livre) – старинная французская монета, позднее – равнозначная франку.

⁹⁵ Обол – наименьшая старинная монета Франции.

столько тысяч томов, которые скоро падут в небытие, страсти, говорю я, стремятся только к согласию, только к социальному единству, от которого мы считали их столь отдаленными; но они могут приходить к гармонии только по мере того, как они правильно развиваются в прогрессивных сериях, или сериях групп. Вне этого механизма страсти – это только сорвавшиеся с цепи тигры, непонятные загадки; это-то и побуждает философов говорить, что следовало бы подавлять их, мнение вдвойне нелепое: потому что невозможно подавить страсти⁹⁶ и потому что, если бы каждый их подавлял, состояние цивилизованности склонилось бы быстро к ущербу и пало бы обратно к состоянию кочевничества, при котором страсти были бы еще столь же зловредны, какими их можно видеть среди нас; ибо я верю в добродетели пастухов не больше, чем в добродетели их защитников.

Социетарный⁹⁷ порядок, который придет на смену бессвязности⁹⁸ строя цивилизации, не допускает ни умеренности, ни уравниательства, ничего предусматриваемого философами; он хочет страстей пылких и утонченных: как только ассоциация образована, страсти приходят к согласию тем легче, чем они живее и многочисленнее.

Дело не в том, что этот новый порядок должен был что-либо изменить в страстях; это не было бы возможно ни для Бога, ни для людей: но можно изменить ход страстей, не изменяя ничего в их природе. Так, например, если человек без состояния ненавидит брак, а ему предложат женщину с приданым в 100 000 ливров ренты, он с радостью согласится заключить этот союз, который накануне отталкивал его. Изменилась ли из-за этого его страсть? Нет, но его господствующая страсть – любовь к богатству – изменила свой ход: чтобы достичь своей цели, она взяла путь, который не нравился ей вчера; от этого по природе своей она не изменилась, она изменила лишь ход:

Следовательно, если я утверждаю, что при социетарном порядке люди

⁹⁶ Иначе как путем насилия или взаимного поглощения. (Прим. автора.)

⁹⁷ Общественный строй по мнению Ш. Фурье.

⁹⁸ Существующий строй по мнению Ш. Фурье.

возымеют вкусы, отличные от тех, какие у них сейчас, и что пребывание в деревне они будут предпочитать городской жизни, то вовсе не следует думать, что, изменив вкусы, они изменят и страсти; они всегда будут руководимы только любовью к богатствам и наслаждениям.

Я настаиваю на этом замечании, чтобы отклонить смехотворное возражение, которое порождают некоторые тупые умы; когда они слышат разговор об изменениях вкусов и привычек, которые произойдут при социетарном порядке, они сейчас же восклицают: «Вы, значит, измените страсти!» Нет, конечно, но им откроют новые возможности, которые обеспечат им в три-четыре раза большее развитие, чем то, какое они получают в бессвязном строе, в котором мы живем. Вот почему можно будет увидеть, как люди строя цивилизации будут охвачены отвращением к привычкам, которые им приятны сейчас, как привычка к жизни семейным хозяйством, когда они заметят, что в семейном быту дети заняты лишь тем, что ревут, ломают, ссорятся и отказываются от всякой работы, и что те же дети, будучи введены в прогрессивные серии, или серии групп, заняты там только производительным трудом, без всякого внешнего побуждения соперничают в соревновании, что они вполне по собственному своему желанию обучаются земледельческим работам, промышленному труду, наукам и искусствам; что они создают продукцию . и дают доходы, в то же время полагая, что развлекаются. Когда отцы увидят этот новый порядок, они найдут, что их дети достойны обожания в сериях и отвратительны в бессвязных семьях. Когда они, далее, заметят, что в резиденции фаланги (таково наименование, которое я дал ассоциации, обрабатывающей кантон) держат столь чудесный стол, что за одну треть расходов, которых стоит питание в семье, в сериях находят обслуживание втрое более тонкое и более обильное, так что там можно питаться втрое лучше, расходуя на это втрое меньше, чем в семье, да еще избегать затруднений по приобретению продуктов и приготовлению; когда они увидят, наконец, что во взаимоотношениях серий никогда не терпят никакого обмана и что народ, столь лживый и столь грубый при строе цивилизации, в сериях становится сверкающим правдивостью и

учтивостью, они проникнутся отвращением к этому семейному быту, к этим городам, к этой цивилизации, которые являются предметом их нынешней привязанности; они захотят ассоциироваться в фаланге серий и жить в ее здании. [...]

III. О ПРИТЯЖЕНИИ ПО СТРАСТИ И О ЕГО ОТНОШЕНИЯХ С ОПРЕДЕЛЕННЫМИ НАУКАМИ

...Первой наукой, которую я открыл, была теория притяжения по страсти.

Когда я осознал, что прогрессивные серии обеспечивают полное развитие страстям людей обоего пола, разного возраста и различных классов; что при этом новом порядке станут приобретать тем больше силы и богатства, чем больше будут иметь страстей, я пришел отсюда к догадке, что если Бог предоставил столько влияния притяжению по страсти и столь мало разуму, его противнику, то это для того, чтобы повести нас к этому порядку прогрессивных серий, удовлетворяющему притяжение во всех отношениях. С тех пор я полагал, что притяжение, столь очерненное философами, было истолкователем видов Бога в отношении социального порядка, и я пришел к аналитическому и синтетическому исчислению притяжений и отталкиваний по страсти; они ведут во всех отношениях к земледельческой ассоциации. ...

О БЛИЗОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ МЕТАМОРФОЗЫ (1808)^{99,100}

... Люди легко верят тому, чего желают, и многие из читателей не будут дожидаться более пространныго разъяснения, чтобы возыметь к этому открытию полное доверие. Желая поддержать их надежду и укрепить ее у тех, кто колебался бы, я особо настаиваю на легкости безотлагательного перехода рода человеческого к порядку согласованности. Эта легкость столь велика, что можно будет уже с нынешнего - 1808 - года видеть начало организации земного шара: если какой-нибудь государь захочет использовать в опытном кантоне одну из

⁹⁹ Данная статья является эпилогом первой части «Теории четырех движений».

¹⁰⁰ Утопический социализм: хрестоматия / Общ. ред. А.И. Володина. – М.: Политиздат, 1982.

армий, которые континентальный мир оставляет в бездействии; если он назначит 20 000 человек на подготовительные работы в опытном кантоне, можно будет, пересаживая деревья вместе с их родной почвой (так, как это практикуется в Париже) и ограничиваясь кирпичными постройками, ускорить предприятие настолько, что к концу весны 1808 года первая фаланга прогрессивных серий вступит в действие, и хаос строя цивилизации, варварства и дикости тотчас же рассеется на всей земле, унося с собой единодушные проклятия всего рода человеческого. ...

Источник: Фурье Ш. Избранные сочинения: в 2 т. – М.-Л., 1951. – Т. 1. – С. 83–127.

РОБЕРТ ОУЭН

Роберт Оуэн – английский философ, педагог и социалист, один из первых социальных реформаторов XIX века. Основные труды: «Замечания о влиянии промышленной системы»; «Дальнейшее развитие плана, содержащегося в докладе»; «Книга о новом нравственном мире»; «Революция в сознании и деятельности человеческого рода».

КОНСТИТУЦИЯ ОБЩИНЫ «НОВАЯ ГАРМОНИЯ»

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ, ПОЛОЖЕННЫЕ В ОСНОВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ

Когда известное число людей объединяется на основе принципов, которые еще не приобрели влияния на жизнь остального человечества, должное уважение к мнениям других требует публичного заявления о целях объединения, его принципах и задачах.

Наша цель, общая со всеми разумными существами, – счастье.

Наши принципы:

Равенство прав для всех совершеннолетних, независимо от пола и

положения.

Равенство обязанностей, видоизменяемых в зависимости от физической и умственной пригодности.

Кооперативное объединение в работе и развлечениях.

Общность имущества.

Свобода слова и действия.

Искренность во всех наших мероприятиях.

Доброжелательство во всех наших действиях.

Вежливость в общении.

Порядок во всех наших делах.

Сохранение здоровья.

Приобретение знаний.

Хозяйственная практика или производство и потребление всего лучшего самым благотворным способом.

Соблюдение законов страны, в которой мы живем.

Мы считаем самоочевидным:

что стимулом для человека неизменно служит стремление к счастью;

что никто из человеческой семьи не рождается с преимущественными в сравнении с другими людьми правами на собственность или льготы;

что свобода искреннего выражения всякого чувства и мнения и направления всякого действия является неотчуждаемым правом каждого человеческого существа и не может по справедливости быть ограничена иначе, как с его собственного согласия;

что сохранение жизни в ее наиболее совершенном состоянии является первой из всех практических задач;

что, поскольку мы живем в штате Индиана, необходимо подчинение законам его и общего правительства. Опыт научил нас:

что характер человека, умственный, нравственный и физический определяется тем, как он формировался, местом жительства и обстоятельствами, в которых человек находится;

что человек при рождении формируется бессознательно для него самого, место его жительства выбирается без его согласия, и он ставится в условия, не подлежащие его контролю.

Поэтому характер человека не формируется им самим, и разум учит нас, что к существу такой природы одинаково не применимы искусственные награды и кары; доброта – единственный целесообразный способ обхождения с ним, а вежливость – единственный разумный метод поведения.

Мы наблюдали в делах человечества, что люди производительны в своей деятельности, продуктивны в работе и счастливы в общественной жизни только тогда, когда они действуют совместно и объединенно.

Кооперативное объединение мы рассматриваем поэтому как необходимое для достижения нашей цели.

Мы наблюдали, что наилучшие результаты достигались кооперативным объединением, когда главным средством для этого служили порядок и хозяйственность.

Таким образом, опыт делает порядок и хозяйственность одним из наших принципов.

Отклонение от принципа равных прав для людей, свойственное системе, основанной на индивидуальной собственности, сопровождается, как мы видим, конкуренцией и враждой, завистью и разногласиями, роскошью и нищетой, тиранией и рабством. Поэтому мы возвращаемся к принципу общности имущества. [...] Все члены общины рассматриваются как одна семья, и никто не будет почитаться выше или ниже в своей деятельности. Все будут получать в соответствии со своим возрастом одинаковую пищу, одежду и образование, поскольку это может быть обеспечено; и как только это станет осуществимо, все будут жить в одинаковых домах и во всех отношениях будут одинаково устроены. Каждый член общины будет приносить наибольшую возможную для него пользу для общего блага в соответствии с правилами и постановлениями, которые могут быть приняты общиной. Первоочередной задачей общины всегда будет предоставление всем ее членам наилучшего физического, нравственного и

умственного воспитания.

Власть законодательная будет вручена собранию, состоящему из всех проживающих в общине членов ее в возрасте старше 21 года, одна шестая часть которых составит кворум для решения дел. Исполнительная власть общины будет вручена совету, состоящему из секретаря, казначея, комиссара общины и четырех департаментских главных управляющих, которые будут выбираться, как указано ниже. Секретарь, казначей и комиссар будут избираться собранием.

Община будет разделяться на шесть департаментов: сельского хозяйства; промышленности и механики; литературы, науки и просвещения; домашнего хозяйства; общей экономики; торговли. Эти департаменты будут разделены на виды деятельности. Представители каждого рода деятельности (свыше 16-летнего возраста) будут предлагать собранию для утверждения своего управляющего, и управляющие всех родов деятельности в числе трех или больше лиц будут назначать главного управляющего своего департамента; комиссар будет главным управляющим департамента домашнего хозяйства, а казначей - департамента торговли; для назначения главных управляющих департамент торговли соединится с департаментом литературы, науки и просвещения, а департамент домашнего хозяйства - с департаментом общей экономики. В случае, если собрание не утвердит представленное лицо, должен быть назван новый кандидат. Секретарь, главные управляющие и управляющие будут оставаться в своей должности, пока это угодно собранию.

Задачей исполнительного совета является заключение всех договоров, выполнение всех общих постановлений и вообще руководство всеми делами общины и наблюдение за ними при условии постоянного подчинения указаниям большинства собрания, сообщаемым в письменном виде клерком собрания секретарю.

Исполнительный совет должен еженедельно докладывать собранию все отчеты обо всех действиях, поступлениях и расходах каждого департамента и рода деятельности, а также их суждения о каждом управляющем и мнение управляющего о каждом лице, занятом данным родом деятельности. Все отчеты

общины будут проверяться по крайней мере раз в неделю, и результаты должны сообщаться собранию. Все доклады главных управляющих и секретаря, и все решения собрания должны регистрироваться и тщательно храниться для постоянного обращения к ним. Собрание будет также еженедельно записывать свое мнение об исполнительном совете, а совет будет фиксировать таким же способом свое мнение о действиях собрания.

Никто не будет в дальнейшем приниматься в члены общины без согласия большинства членов собрания, и никто не будет исключаться из общины иначе как двумя третями голосов всех членов собрания; в обоих случаях вопрос должен быть предварительно обсужден на двух последовательных, еженедельно созываемых собраниях.

Недвижимость общины будет находиться в постоянном управлении по доверию общины в ее интересах и в интересах всех наличных ее членов; человек, выходящий из общины, теряет право на всякую претензию к этой недвижимости и на доходы с нее, но имеет право получить свою справедливую долю ценности той недвижимости, которая была приобретена во время его членства, причем эта доля вычисляется и устанавливается, как предусмотрено для случаев определения услуг, оказанных членами, выходящими из общины.

Всякий член будет иметь право отказаться от членства, уведомив общину о своем намерении за неделю; всякий член, покидающий таким образом общину или отпущенный из нее, будет иметь право получить из продукции общины справедливую компенсацию за свои предыдущие услуги, устанавливаемую советом, причем допускается апелляция к собранию и принимаются во внимание прибыли или убытки общины во время его членства, а также расходы данного лица и его семьи на образование и т. д.

Община не ответственна за личные долги, сделанные ее членами. Община и ее агенты не должны ни в каком случае оказывать или получать кредит, за исключением того имущества или денег, которые могут быть авансированы ей Робертом Оуэном, Вильямом Маклюром или членами общины. Деньги, внесенные в общину ее членами, должны возвращаться им при выходе из нее.

Все члены должны пользоваться полнейшей свободой во всех областях знания и в своих суждениях, особенно по вопросам религии. Дети скончавшихся членов будут продолжать пользоваться всеми привилегиями членства. Все недоразумения, которые могут возникнуть между членами общины, должны регулироваться ею. [...]

Конституция может изменяться или исправляться голосами трех четвертей всех членов собрания, но не ранее обсуждения вопроса на четырех последовательных открытых совещаниях, созываемых в течение четырех последовательных недель.

Источник: Оуэн Р. Избранные сочинения: в 2 т. – М.-Л., 1951. – Т. 1. – С. 276–283.

РЕВОЛЮЦИЯ В СОЗНАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА, ИЛИ ГРЯДУЩИЙ ПЕРЕХОД ОТ НЕРАЗУМИЯ К РАЗУМНОСТИ

...Глава IV

Основанная на неизменных законах природы универсальная рациональная конституция, служащая для управления новыми поселками и предназначенная для всех людей в совокупности, которые, где бы они ни жили, имеют лишь один общий реальный интерес, а также для каждого народа или области в отдельности до тех пор, пока они не приобретут надлежащих знаний и мудрости, чтобы объединиться в федеративный союз, причем приводятся разумные основания для каждого закона.

ВВЕДЕНИЕ

Быстро приближается эпоха, когда будет введена неизменно разумная общественная система, основанная на установленных людьми законах природы и предназначенная для преобразования человеческого характера и для управления населением земного шара в духе единения и мира ради его постоянного совершенствования и счастья; никакая человеческая сила не сумеет

долго противиться этой перемене.

Правительства всего мира будут поэтому скоро принуждены в интересах самосохранения принять эту более совершенную систему, чтобы не быть ввергнутыми в анархию, в войны и бедствия. Эта перемена с корнем вырвет и окончательно уничтожит во всем мире старую, негодную и жалкую систему, сеявшую невежество, бедность, индивидуальное соперничество, распри и национальные войны. Вместо нее будет введена разумная общественная система, при которой навсегда прекратятся соперничество, раздоры и войны, и люди с самого раннего детства будут приучаться содействовать счастью друг друга.

Начало этой системы может быть положено путем убеждения правительств в истине принципов, на которых она основана. Налицо должно иметься также достаточное число людей, сумевших усвоить себе ее истинный дух милосердия, благожелательности и любви к человеку и изучивших наилучший способ ее применения на практике. Эти люди должны также обладать терпением и выдержкой, чтобы преодолеть все те препятствия, которые поставят на их пути предрассудки, порожденные невежеством. Главное же заключается в том, что они должны быть едины, питать друг к другу полное доверие и быть руководимы как бы одним сердцем и одним умом. ...

Таково различие между разумной общественной системой, основанной на неизменных законах человеческой природы и построенной согласно с ними, и системой, основанной на лжи, и построенной вопреки твердо установленным законам человечности. [...]

Источник: Оуэн Р. Избранные сочинения. – Т. 2. – С. 116–267.

ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ

Фердинанд Лассаль (1825–1864) – немецкий философ, юрист, экономист, агитатор и политический деятель. Один из основоположников европейского социализма.

О СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦИИ (1862)

...Чем отличается конституция от обыкновенного закона? На такой вопрос всего скорее можно ждать ответа: конституция не просто закон, а закон *основной* для данной страны...

Основной закон, как уже сам эпитет показывает, должен быть *глубже* всех остальных законов и должен служить остальным законам *основой*. Основной закон, таким образом, является источником духа всех остальных законов, он во всех них должен в той или иной мере проявляться...

Мы установили, милостивые государи, таким образом, что конституция составляет в стране основной закон, и это бросает первый луч света на ее сущность. Конституция является, как мы пока нашли, той силой, которая направляет все другие законы и общественные правовые учреждения, направляет неослабно и непрерывно Законы и установления в данной стране из-за зависимого, подчиненного к конституции положения могут быть только тем, что он есть; в каждой стране со времени издания конституции могут быть издаваемы только известного характера законы, и других в ней быть не может.

Мы сделаем еще шаг вперед для уяснения интересующей нас истины, если ответим на новый вопрос: существует ли в стране какая-нибудь регулирующая постоянно действующая сила, которая оказывала бы влияние на все издаваемые в стране законы, влияла бы так, чтобы законы эти в известных границах всегда были таковы как они есть, и не могли бы быть иными?

На этот вопрос мы должны ответить утвердительно: такая сила существует, и сила эта то фактическое соотношение сил, которое существует в данном обществе. Эти действующие соотношения сил присущи всякому обществу, они составляют постоянно действующую силу, определяющую все законы и все правовые учреждения данного общества и делающую их такими, как они есть, и никакими другими...

Из всего вышесказанного мы можем уже сделать вывод и ответить до известной степени на вопрос, что такое конституция данной

страны. *Конституция является действительным отношением общественных сил страны.*

Но что обыкновенно называют конституцией; что такое конституция правовая? Нам нетрудно теперь ответить и на этот вопрос.

Упомянутые нами действительные отношения общественных сил записываются на бумагу, выражаются *письменно*, будучи записанными, они перестают быть уже только фактическими соотношениями, а становятся *правом* или *правовыми учреждениями*, неповиновение которым наказуется...

Реальную конституцию, действительный общественный уклад, как вы легко можете понять, имела и имеет всякая страна в любое время; совершенно ложно и ведет к неправильным заключениям думать, что в настоящее время делают весьма многие, что конституция составляет исключительную особенность новейшей эпохи. Каждая страна не может не иметь какую-нибудь реальную конституцию, какой-нибудь общественный уклад, хороший или дурной все равно, и это также верно, как верно то, что всякий организм, всякое тело имеет свое строение, свою, говоря иначе, конституцию. Это так понятно: ведь должны же в каждой стране существовать какие-либо реальные отношения между общественными силами.

Действительную, фактическую конституцию, таким образом, имели все страны и во все времена. Для новейшего времени характерной является не эта действительная конституция, а только писаная конституция; или, иначе говоря, лист или листы бумаги; это обстоятельство надо особенно себе заметить.

В новейшее время повсеместно наблюдается стремление установить *писаную* конституцию, собрать на одном листе бумаги, в одном акте основания учреждений и правительственной власти всей данной страны.

Какая причина характерного для новейшего времени всеобщего стремления?

Только ответив на этот важный вопрос, мы получим возможность решить, как следует составлять конституцию, каковы конституции уже существующие и

как к ним следует относиться; словом, только ответ на этот вопрос научит нас всему *конституционному искусству и всей конституционной мудрости...*

Не трудно понять, что для того, чтобы появилось такое стремление к созданию писаной конституции, необходимо, чтобы в стране, где это стремление появилось, произошла перемена в отношениях между общественными силами. Без этой перемены, при прежних неизменных действительных отношениях общественных сил не было бы никакого основания народу стремиться к созданию новой конституции... [...]

Источник: Лассаль Ф. О сущности конституции. – 1905. – 74 с.

КАРЛ МАРКС

Карл Маркс (1818–1883) – немецкий философ, социолог, экономист, писатель, поэт, политический журналист, лингвист, общественный деятель. Друг и единомышленник Фридриха Энгельса. Автор классического научного труда по политической экономии «Капитал. Критика политической экономии»

К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. ПРЕДИСЛОВИЕ

Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: *капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок*. Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная связь трех других рубрик очевидна. Первый отдел первой книги, трактующей о капитале, состоит из следующих глав: 1) товар, 2) деньги, или простое обращение, 3) капитал вообще. Первые две главы составляют содержание настоящего выпуска. Весь материал лежит предо мной в форме монографий, которые были написаны с большими перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов

самому себе; последовательная обработка этих монографий по указанному плану будет зависеть от внешних обстоятельств.

Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему. Однако некоторые замечания о ходе моих собственных политико-экономических занятий представляются мне здесь уместными.

Моим специальным предметом была юриспруденция, которую, однако, я изучал лишь как подчиненную дисциплину наряду с философией и историей. В 1842–1843 гг. мне как редактору “*Rheinische Zeitung*” пришлось впервые высказываться о так называемых материальных интересах, и это поставило меня в затруднительное положение. Обсуждение в рейнском ландтаге вопросов о краже леса и дроблении земельной собственности, официальная полемика, в которую г-н фон Шапер, тогдашний обер-президент Рейнской провинции, вступил с “*Rheinische Zeitung*” относительно положения мозельских крестьян, наконец, дебаты о свободе торговли и покровительственных пошлинах дали первые толчки моим занятиям экономическими вопросами. С другой стороны, в это время, когда благое желание «идти вперед» во много раз превышало знание предмета, в “*Rheinische Zeitung*” слышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого дилетантства, но вместе с тем в полемике с аугсбургской “*Allgemeine Zeitung*” откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне отважиться на какое-либо суждение о самом содержании французских направлений. Тем с большей охотой я воспользовался иллюзией руководителей “*Rheinische Zeitung*”, которые надеялись более умеренной позицией добиться отмены вынесенного ей смертного приговора, чтобы удалиться с общественной арены в учебную комнату.

Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права; введение к

этой работе появилось в 1844 г. в издававшемся в Париже “Deutsch-Französische Jahrbücher”. Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа г-на Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать

материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества.

Фридрих Энгельс, с которым я со времени появления его гениальных набросков к критике экономических категорий (в “Deutsch-Französische Jahrbücher”) поддерживал постоянный письменный обмен мнениями, пришел

другим путем к тому же результату, что и я (ср. его «Положение рабочего класса в Англии»); и когда весной 1845 г. он также поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было осуществлено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись – в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа – давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель – уяснение дела самим себе – была достигнута. Из отдельных работ, в которых мы в то время с той или иной стороны изложили наши взгляды публике, я упомяну лишь написанный совместно Энгельсом и мной «Манифест Коммунистической партии» и опубликованную мной «Речь о свободе торговли». Решающие пункты наших воззрений были впервые научно изложены, хотя только в полемической форме, в моей работе «Нищета философии», выпущенной в 1847 г. и направленной против Прудона. Февральская революция и последовавшее в связи с ней насильственное удаление меня из Бельгии прервали печатание написанной на немецком языке работы о «Наемном труде», в которой я собрал лекции, читанные мною в Немецком рабочем обществе в Брюсселе.

Издание “*Neue Rheinische Zeitung*” в 1848 и 1849 гг. и последовавшие затем события прервали мои экономические занятия, которые я смог возобновить только в 1850 г. в Лондоне. Огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, то обстоятельство, что Лондон представляет собой удобный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества, наконец, новая стадия развития, в которую последнее, казалось, вступило с открытием калифорнийского и австралийского золота, – все это побудило меня приняться за изучение предмета с начала и критически переработать новый материал. Эти занятия приводили, отчасти сами собой, к вопросам на первый взгляд совершенно не относящимся к предмету, но

на которых я должен был останавливаться более или менее продолжительное время. Но особенно сокращалось имевшееся в моем распоряжении время вследствие настоятельной необходимости работать ради хлеба насущного. Мое теперь уже восьмилетнее сотрудничество в “New-York Daily Tribune”, первой англо-американской газете (собственно газетные корреспонденции я пишу только в виде исключения), делало необходимым чрезвычайно частые перерывы в моих научных занятиях. Однако статьи о выдающихся экономических событиях в Англии и на континенте составляли настолько значительную часть моей работы для газеты, что я принужден был познакомиться с практическими деталями, лежащими за пределами собственно науки политической экономии.

Эти заметки о ходе моих занятий в области политической экономии должны лишь показать, что мои взгляды, как бы о них ни судили и как бы мало они ни согласовались с эгоистическими предрассудками господствующих классов, составляют результат добросовестных и долголетних исследований. А у входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

“Qui si convien lasciare ogni sospetto;
Ogni vilita convien che qui sia morta”.

Источник: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 13. – М., 1959. – С. 5–9.

КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ

Замечания к программе германской рабочей партии

[...] Свободное государство – что это такое?

Сделать государство «свободным» – это отнюдь не является целью рабочих, избавившихся от ограниченного верноподданнического образа мыслей. В Германской империи «государство» почти столь же «свободно», как в России. Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный; да и в наше время

большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают «свободу государства».

Германская рабочая партия – по крайней мере, если она принимает эту программу, обнаруживает, как неглубоко прониклась она социалистическими идеями; вместо того чтобы рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как «основу» существующего государства (или будущее общество как основу будущего государства), она, напротив, рассматривает государство как некую самостоятельную сущность, обладающую своими собственными «духовными, нравственными, свободными основами».

Да к тому же еще грубое злоупотребление в программе словами: «современное государство» и «современное общество», а также и еще более грубое непонимание того государства, которому она предъявляет свои требования!

«Современное общество» есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Возникает вопрос: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами, какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения.

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата.

Но программа не занимается ни этой последней, ни будущей государственностью коммунистического общества.

Ее политические требования не содержат ничего, кроме всем известных демократических перепевов: всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народное право, народное ополчение и прочее. Это простой отголосок буржуазной Народной партии, лиги мира и свободы. Все это сплошь требования, которые, поскольку они не переходят в фантастические представления, уже осуществлены. Только государство, их осуществившее, находится не в пределах Германской империи, а в Швейцарии, Соединенных Штатах и так далее. Подобного рода «государство будущего» есть современное государство, хотя и существующее вне «рамки» Германской империи.

Забыли, однако, об одном. Так как германская рабочая партия определенно заявляет, что она действует в пределах «современного национального государства», стало быть, своего государства, прусско-германской империи, да иначе и требования ее были бы в большей части бессмысленны, так как требуют ведь только того, чего не имеют, то она не должна была бы забывать самого главного, а именно, что все эти прекрасные вещицы покоятся на признании так называемого народного суверенитета и поэтому уместны только в демократической республике.

Раз уж не хватило мужества требовать демократической республики, как это делали французские рабочие программы при Луи-Филиппе и Луи-

Наполеоне, и разумно, ибо обстоятельства предписывают осторожность, то незачем было прибегать и к этой уловке, которая не является ни «честной», ни достойной, требовать вещей, которые имеют смысл лишь в демократической республике, от такого государства, которое представляет собой не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм, и сверх того еще торжественно заверять такое государство, что воображают добиться от него чего-либо подобного «законными средствами»!

Даже вульгарная демократия, которая в демократической республике видит осуществление царства божия на земле и совсем не подозревает, что именно в этой последней государственной форме буржуазного общества классовая борьба и должна быть окончательно решена оружием, даже она стоит все же неизмеримо выше такого сорта демократизма, который держится в пределах полицейски дозволенного и логически недопустимого. [...]

Источник: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-ое. Государственное издательство политической литературы. – Москва, 1961. – Т. 19. – С. 26-30.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Фридрих Энгельс (1820–1895) – немецкий политический деятель, философ, историк и предприниматель. Один из основоположников марксизма. Основные труды: «Положение рабочего класса в Англии» (1845); «Святое семейство» (1845), «Немецкая идеология» (1845-1846), обе совместно с Карлом Марксом; «Крестьянская война в Германии» (1850); «Революция и контрреволюция в Германии» (1851-52); «Анти-Дюринг» (1878); «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884); «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886); «Диалектика природы» (1873-1882, опубликована 1925); «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (1894)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА

I. ДОИСТОРИЧЕСКИЕ СТУПЕНИ КУЛЬТУРЫ

[...] Из трех главных эпох — дикости, варварства, цивилизации — его, само собой разумеется, занимают только две первые и переход к третьей. Каждую из этих двух эпох он подразделяет на низшую, среднюю и высшую ступень сообразно с прогрессом в производстве средств к жизни, потому что, говорит он, «искусность в этом производстве имеет решающее значение для степени человеческого превосходства и господства над природой; из всех живых существ только человеку удалось добиться почти неограниченного господства над производством продуктов питания. Все великие эпохи человеческого прогресса более или менее прямо совпадают с эпохами расширения источников существования».

Наряду с этим происходит развитие семьи, но оно не дает таких характерных признаков для разграничения периодов.

IX. ВАРВАРСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

[...] Итак, [...], цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе.

Производство на всех предшествовавших ступенях общественного развития было по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин. Этот коллективный характер производства осуществлялся в самых узких рамках, но он влек за собой господство производителей над своим производственным процессом и продуктом производства. Они знают, что делается с продуктом: они потребляют его, он не выходит из их рук, и пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить таинственные, чуждые им силы, как это постоянно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации.

Но в этот производственный процесс медленно проникает разделение труда. Оно подрывает коллективный характер производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом присвоение отдельными лицами и вместе с тем порождает обмен между ними – как это происходит, мы исследовали выше. Постепенно товарное производство становится господствующей формой.

При товарном производстве, производстве уже не для собственного потребления, а для обмена, продукты по необходимости переходят из рук в руки. Производитель при обмене отдает свой продукт; он уже не знает, что с ним станет. Когда же в роли посредника между производителями появляются деньги, а вместе с деньгами купец, процесс обмена становится еще запутаннее, конечная судьба продуктов еще неопределеннее. Купцов много, и ни один из них не знает, что делает другой. Товары теперь переходят уже не только из рук в руки, но и с рынка на рынок; производители утратили власть над всем производством условий своей собственной жизни, но эта власть не перешла и к купцам. Продукты и производство попадают во власть случая.

Но случайность – это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью. В природе, где также как будто господствует случайность, мы давно уже установили в каждой отдельной области внутреннюю необходимость и закономерность, которые пробивают себе дорогу в рамках этой случайности. Но что имеет силу для природы, имеет также силу и для общества. Чем больше какая-нибудь общественная деятельность, целый ряд общественных процессов ускользает из-под сознательного контроля людей, выходит из-под их власти, чем более эта деятельность кажется предоставленной чистой случайности, тем больше с естественной необходимостью пробивают себе дорогу в рамках этой случайности свойственные ей внутренние законы. Такие законы господствуют и над случайностями товарного производства и товарообмена: отдельному производителю и участнику обмена они противостоят как чуждые, вначале даже неведомые силы, природа которых только еще подлежит тщательному изучению и познанию. Эти экономические законы товарного производства

видоизменяются на различных ступенях развития этой формы производства, но в общем и целом весь период цивилизации протекает под знаком их господства. Еще и теперь продукт господствует над производителями, еще и теперь все общественное производство регулируется не согласно обща обдуманному плану, а слепыми законами, которые проявляются со стихийной силой, в последней инстанции – в бурях периодических торговых кризисов.

Мы видели, как на сравнительно ранней ступени развития производства рабочая сила человека становится способной давать значительно больше продуктов, чем это необходимо для существования производителя, и что эта ступень развития в основном есть та самая ступень, на которой возникает разделение труда и обмен между отдельными лицами. И немного потребовалось теперь времени для того, чтобы открыть великую «истину», что человек также может быть товаром, что силу человека можно обменивать и потреблять, если превратить человека в раба. Едва люди начали менять, как уже они сами стали предметами обмена. Действительный залог превратился в страдательный – хотели того люди или нет.

С появлением рабства, достигшего при цивилизации своего наивысшего развития, произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы. Это разделение продолжало существовать в течение всего периода цивилизации. Рабство – первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации; открытое, а с недавних пор замаскированное рабство всегда ее сопровождает.

Ступень товарного производства, с которой начинается цивилизация, экономически характеризуется: 1) введением металлических денег, а вместе с тем и денежного капитала, процента и ростовщичества; 2) появлением купцов как посреднического класса между производителями; 3) возникновением частной собственности на землю и ипотеки и 4) появлением рабского труда как господствующей формы производства. Цивилизации соответствует и вместе с ней

окончательно утверждает свое господство новая форма семьи – моногамия, господство мужчины над женщиной и отдельная семья как хозяйственная единица общества. Связующей силой цивилизованного общества служит государство, которое во все типичные периоды является государством исключительно господствующего класса и во всех случаях остается по существу машиной для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса. Для цивилизации характерно еще следующее: с одной стороны, закрепление противоположности между городом и деревней как основы всего общественного разделения труда; с другой стороны, введение завещаний, с помощью которых собственник может распоряжаться своей собственностью и после своей смерти. Этот институт, прямо противоречащий древнему родовому строю, в Афинах был не известен вплоть до Солона; в Риме он был введен уже на ранней стадии, но когда именно, мы не знаем; у германцев ввели его попы, для того чтобы добропорядочный германец мог беспрепятственно завещать церкви свое наследство.

Основывающаяся на этих устоях цивилизация совершила такие дела, до каких древнее родовое общество не доросло даже в самой отдаленной степени. Но она совершила их, приведя в движение самые низменные побуждения и страсти людей и развив их в ущерб всем их остальным задаткам. Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида было ее единственной, определяющей целью. Если при этом в недрах этого общества все более развивалась наука и повторялись периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого невозможны были бы все достижения нашего времени в области накопления богатства.

Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий шаг вперед в производстве означает одновременно шаг назад в положении угнетенного класса, то есть огромного большинства. Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса – новым угнетением для другого. Наиболее ярким примером этого является введение машин,

последствия которого теперь общеизвестны. И если у варваров, как мы видели, едва можно было отличить права от обязанностей, то цивилизация даже круглому дураку разъясняет различие и противоположность между ними, предоставляя одному классу почти все права и взваливая на другой почти все обязанности.

Но этого не должно быть. Что хорошо для господствующего класса, должно быть благом и для всего общества, с которым господствующий класс себя отождествляет. Поэтому чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждена набрасывать покров любви на неизбежно порождаемые ею отрицательные явления, прикрашивать их или лживо отрицать, одним словом, вводить в практику общепринятое лицемерие, которое не было известно ни более ранним формам общества, ни даже первым ступеням цивилизации и которое, наконец, достигает высшей своей точки в утверждении: эксплуатация угнетенного класса производится эксплуатирующим классом единственно и исключительно в интересах самого эксплуатируемого класса, и если последний этого не понимает и даже начинает восставать против этого, то это самая черная неблагодарность по отношению к благодетелям – эксплуататорам.

Источник: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – Том 21. – М.: Политиздат, 1961. – 782 с.

КАРЛ МАРКС, ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних¹⁰¹ и Гизо¹⁰², французские радикалы и немецкие полицейские.

¹⁰¹ Меттерних (Metternich), Клеменс, князь (1773–1859) – австрийский государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел (1809–1821) и канцлер (1821–1848), ярый реакционер, один из организаторов Священного союза.

¹⁰² Гизо (Guizot), Франсуа Пьер Гийом (1787–1874) – французский буржуазный историк и государственный деятель, с 1840 по 1848 г. фактически руководил внутренней и внешней политикой, выражал интересы крупной финансовой буржуазии.

Где та оппозиционная партия, которую ее противники, стоящие у власти, не ославили бы коммунистической? Где та оппозиционная партия, которая в свою очередь не бросала бы клеймящего обвинения в коммунизме как более передовым представителям оппозиции, так и своим реакционным противникам?

Два вывода вытекают из этого факта.

Коммунизм признается уже силой всеми европейскими силами.

Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии.

С этой целью в Лондоне собрались коммунисты самых различных национальностей и составили следующий “Манифест”, который публикуется на английском, французском, немецком, итальянском, фламандском и датском языках.

I. Буржуа и пролетарии¹⁰³

История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер¹⁰⁴ и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов.

В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, — целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века — феодальных господ, вассалов,

¹⁰³ Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу. (Примечание Ф. Энгельса к английскому изданию 1888 г.)

¹⁰⁴ Цеховой мастер — это полноправный член цеха, мастер внутри цеха, а не старшина его. (Примечание Ф. Энгельса к английскому изданию 1888 г.)

цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов – еще особые градации.

Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых.

Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса – буржуазию и пролетариат.

Из крепостных средневековья вышло свободное население первых городов; из этого сословия горожан развились первые элементы буржуазии.

Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для поднимающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента.

Прежняя феодальная, или цеховая, организация промышленности более не могла удовлетворить спроса, возраставшего вместе с новыми рынками. Место ее заняла мануфактура. Цеховые мастера были вытеснены промышленным средним сословием; разделение труда между различными корпорациями исчезло, уступив место разделению труда внутри отдельной мастерской.

Но рынки все росли, спрос все увеличивался. Удовлетворить его не могла уже и мануфактура. Тогда пар и машина произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла современная крупная промышленность, место промышленного среднего сословия заняли миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это в свою очередь оказало воздействие на расширение промышленности, и в той же мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от средневековья.

Мы видим, таким образом, что современная буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в способе производства и обмена.

Каждая из этих ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующим политическим успехом. Угнетенное сословие при господстве феодалов, вооруженная и самоуправляющаяся ассоциация в коммуне, тут – независимая городская республика, там – третье, податное сословие монархии, затем, в период мануфактуры, – противовес дворянству в сословной или в абсолютной монархии и главная основа крупных монархий вообще, наконец, со времени установления крупной промышленности и всемирного рынка, она завоевала себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве. Современная государственная власть – это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии.

Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль.

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли. Словом,

эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой.

Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям.

Буржуазия показала, что грубое проявление силы в средние века, вызывающее такое восхищение у реакционеров, находило себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы.

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения.

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи.

Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, – отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература.

Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ

производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т.е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию.

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни. Так же как деревню она сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы – от буржуазных народов, Восток – от Запада.

Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в *одну* нацию, с *одним* правительством, с *одним* законодательством, с *одним* национальным классовым интересом, с *одной* таможенной границей.

Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, – какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!

Итак, мы видели, что средства производства и обмена, на основе которых сложилась буржуазия, были созданы в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и обмена отношения, в которых

происходили производство и обмен феодального общества, феодальная организация земледелия и промышленности, одним словом, феодальные отношения собственности, уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты.

Место их заняла свободная конкуренция, с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством класса буржуазии.

Подобное же движение совершается на наших глазах. Современное буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства. Достаточно указать на торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества. Во время торговых кризисов каждый раз уничтожается значительная часть не только изготовленных продуктов, но даже созданных уже производительных сил. Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая всем предшествующим эпохам показалась бы нелепостью, — эпидемия перепроизводства. Общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства, как будто голод, всеобщая опустошительная война лишили его всех жизненных средств; кажется, что промышленность, торговля уничтожены, — и почему? Потому, что общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой

промышленностью и торговлей. Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы начинают преодолевать эти преграды, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. – Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых. Чем же, следовательно? Тем, что она подготавливает более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им.

Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, – современных рабочих, *пролетариев*.

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т.е. капитал, развивается и пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя поштучно, представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка.

Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда, труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего. Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы. Издержки на рабочего сводятся поэтому почти

исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода. Но цена всякого товара, а, следовательно, и труда¹⁰⁵, равна издержкам его производства. Поэтому в той же самой мере, в какой растет непривлекательность труда, уменьшается заработная плата. Больше того: в той же мере, в какой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и количество труда, за счет ли увеличения числа рабочих часов, или же вследствие увеличения количества труда, требуемого в каждый данный промежуток времени, ускорения хода машин и т.д.

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархального мастера в крупную фабрику промышленного капиталиста. Массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они – рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно поработывает их машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант. Эта деспотия тем мелочнее, ненавистнее, она тем больше ожесточает, чем откровеннее ее целью провозглашается нажива.

Чем менее искусства и силы требует ручной труд, т.е. чем более развивается современная промышленность, тем более мужской труд вытесняется женским и детским. По отношению к рабочему классу различия пола и возраста утрачивают всякое общественное значение. Существуют лишь рабочие инструменты, требующие различных издержек в зависимости от возраста и пола.

Когда заканчивается эксплуатация рабочего фабрикантом и рабочий получает, наконец, наличными свою заработную плату, на него набрасываются другие части буржуазии – домовладелец, лавочник, ростовщик и т.п.

Низшие слои среднего сословия: мелкие промышленники, мелкие торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне – все эти классы опускаются в ряды пролетариата, частью оттого, что их маленького капитала недостаточно для

¹⁰⁵ В трудах более позднего времени Маркс и Энгельс употребляли вместо понятий «стоимость труда», «цена труда» более точные понятия, введенные Марксом, – «стоимость рабочей силы», «цена рабочей силы».

ведения крупных промышленных предприятий, и он не выдерживает конкуренции с более крупными капиталистами, частью потому, что их профессиональное мастерство обесценивается в результате введения новых методов производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения.

Пролетариат проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием.

Сначала борьбу ведут отдельные рабочие, потом рабочие одной фабрики, затем рабочие одной отрасли труда в одной местности против отдельного буржуа, который их непосредственно эксплуатирует. Рабочие направляют свои удары не только против буржуазных производственных отношений, но и против самих орудий производства; они уничтожают конкурирующие иностранные товары, разбивают машины, поджигают фабрики, силой пытаются восстановить потерянное положение средневекового рабочего.

На этой ступени рабочие образуют рассеянную по всей стране и раздробленную конкуренцией массу. Сплочение рабочих масс пока является еще не следствием их собственного объединения, а лишь следствием объединения буржуазии, которая для достижения своих собственных политических целей должна, и пока еще может, приводить в движение весь пролетариат. На этой ступени пролетарии борются, следовательно, не со своими врагами, а с врагами своих врагов — с остатками абсолютной монархии, землевладельцами, непромышленными буржуа, мелкими буржуа. Все историческое движение сосредоточивается, таким образом, в руках буржуазии; каждая одержанная в таких условиях победа является победой буржуазии.

Но с развитием промышленности пролетариат не только возрастает численно; он скопляется в большие массы, сила его растет, и он все более ее ощущает. Интересы и условия жизни пролетариата все более и более уравниваются по мере того, как машины все более стирают различия между отдельными видами труда и почти всюду низводят заработную плату до одинаково низкого уровня. Возрастающая конкуренция буржуа между собою и

вызываемые ею торговые кризисы ведут к тому, что заработная плата рабочих становится все неустойчивее; все быстрее развивающееся, непрерывное совершенствование машин делает жизненное положение пролетариев все менее обеспеченным; столкновения между отдельным рабочим и отдельным буржуа все более принимают характер столкновений между двумя классами. Рабочие начинают с того, что образуют коалиции против буржуа; они выступают сообща для защиты своей заработной платы. Они основывают даже постоянные ассоциации для того, чтобы обеспечить себя средствами на случай возможных столкновений. Местами борьба переходит в открытые восстания.

Рабочие время от времени побеждают, но эти победы лишь преходящи. Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение рабочих. Ему способствуют все растущие средства сообщения, создаваемые крупной промышленностью и устанавливающие связь между рабочими различных местностей. Лишь эта связь и требуется для того, чтобы централизовать многие местные очаги борьбы, носящей повсюду одинаковый характер, и слить их в одну национальную, классовую борьбу. А всякая классовая борьба есть борьба политическая. И объединение, для которого средневековым горожанам с их проселочными дорогами требовались столетия, достигается современными пролетариями, благодаря железным дорогам, в течение немногих лет.

Эта организация пролетариев в класс, и тем самым – в политическую партию, ежеминутно вновь разрушается конкуренцией между самими рабочими. Но она возникает снова и снова, становясь каждый раз сильнее, крепче, могущественнее. Она заставляет признать отдельные интересы рабочих в законодательном порядке, используя для этого раздоры между отдельными слоями буржуазии. Например, закон о десятичасовом рабочем дне в Англии.

Вообще столкновения внутри старого общества во многих отношениях способствуют процессу развития пролетариата. Буржуазия ведет непрерывную борьбу: сначала против аристократии, позднее против тех частей самой же буржуазии, интересы которых приходят в противоречие с прогрессом

промышленности, и постоянно – против буржуазии всех зарубежных стран. Во всех этих битвах она вынуждена обращаться к пролетариату, призывать его на помощь и вовлекать его таким образом в политическое движение. Она, следовательно, сама передает пролетариату элементы своего собственного образования, т.е. оружие против самой себя.

Далее, как мы видели, прогресс промышленности сталкивает в ряды пролетариата целые слои господствующего класса или, по крайней мере, ставит под угрозу условия их жизни. Они также приносят пролетариату большое количество элементов образования.

Наконец, в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее. Вот почему, как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, именно – часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения.

Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт.

Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин – все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата.

Люмпен-пролетариат, этот пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней.

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. У пролетария нет собственности; его отношение к жене и детям не имеет более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерли с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия – все это для него не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы.

Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретенное ими положение в жизни, подчиняя все общество условиям, обеспечивающим их способ присвоения. Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения, а тем самым и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом. У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность.

Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество.

Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией.

Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии.

Все доньше существовавшие общества основывались, как мы видели, на антагонизме между классами угнетающими и угнетенными. Но, чтобы возможно было угнетать какой-либо класс, необходимо обеспечить условия, при которых он мог бы влачить, по крайней мере, свое рабское существование. Крепостной в крепостном состоянии выбился до положения члена коммуны так же, как мелкий буржуа под ярмом феодального абсолютизма выбился до положения буржуа. Наоборот, современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т.е. ее жизнь несовместима более с обществом.

Основным условием существования и господства класса буржуазии является накопление богатства в руках частных лиц, образование и увеличение капитала. Условием существования капитала является наемный труд. Наемный труд держится исключительно на конкуренции рабочих между собой. Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии

вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны.

II. Пролетарии и коммунисты

В каком отношении стоят коммунисты к пролетариям вообще?

Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом.

Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения.

Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий: формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти.

Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира.

Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших

глазах исторического движения. Уничтожение ранее существовавших отношений собственности не является чем-то присущим исключительно коммунизму.

Все отношения собственности были подвержены постоянной исторической смене, постоянным историческим изменениям.

Например, французская революция отменила феодальную собственность, заменив ее собственностью буржуазной.

Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности.

Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими.

В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

[...] Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т.е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах.

Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

2. Высокий прогрессивный налог.
3. Отмена права наследования.
4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.
5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.
6. Централизация всего транспорта в руках государства.
7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.
8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.
9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней
10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т.д.

Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса.

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

IV. Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям

[...] Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущее движения. Во Франции, в борьбе против консервативной и радикальной буржуазии, коммунисты примыкают к социалистическо-демократической партии, не отказываясь тем не менее от права относиться критически к фразам и иллюзиям, проистекающим из революционной традиции.

В Швейцарии они поддерживают радикалов, не упуская, однако, из виду, что эта партия состоит из противоречивых элементов, частью из демократических социалистов во французском стиле, частью из радикальных буржуа.

Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года.

В Германии, поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства.

Но ни на минуту не перестает она вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы, сейчас же после свержения реакционных классов в Германии, началась борьба против самой буржуазии.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции.

Одним словом, коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя.

Во всех этих движениях они выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения, независимо от того, принял ли он более или менее развитую форму.

Наконец, коммунисты повсюду добиваются объединения и соглашения между демократическими партиями всех стран.

Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Источник: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 4. М., 1955. – С. 419–459.

РУДОЛЬФ ФОН АУРИХ ИЕРИНГ

Рудольф фон Иеринг (1818–1892) – представитель юриспруденции понятий, затем – основоположник юриспруденции интересов, представитель реалистической школы права. Иеринг стремился соединить политико-правовые теории с социологическими, психологическими и иными концепциями.

БОРЬБА ЗА ПРАВО (1872)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель, руководившая мною при разработке и опубликовании этого сочинения, с самого начала была не столько теоретическая, сколько этико-практическая: я имел в виду содействовать не столько научному познанию права,

сколько развитию того настроения, которое должно служить для права последним источником его силы, развитию мужественного и стойкого правового чувства.

Основную свою идею я как прежде, так и потом считал столь несомненно справедливой и неопровержимой, что мне представлялось излишним тратить слова против тех, которые его оспаривают. Кто не чувствует, что в том случае, когда беззастенчиво нарушают и попирают его право, вопрос идет не просто об объекте этого права, но об его собственной личности, кто в подобном положении не испытывает стремления защищать себя и свое полное право, тот уже человек безнадежный, и для меня нет никакого интереса привлекать его на свою сторону. Это - тип, который остается лишь признать как факт, тип людей, которых я назвал бы филистерами права; их отличительными чертами служат доморощенный эгоизм и материализм. Они не были бы Санчо Пансами права, если бы не видели Дон-Кихота в каждом, кто при защите своего права преследует интересы иного рода, чем карманные. Мне нечего сказать им, кроме следующих слов Канта: «Кто делает из себя червяка, тот не может потом жаловаться, если его попирают ногами». В другом месте Кант называет такой образ действия «бросанием своих прав под ноги другим, нарушением обязанности человека к себе самому», и из «обязанности по отношению к достоинству человека в нас» выводит правило: «Не допускайте, чтобы ваше право безнаказанно попиралось другими». Это-та же самая мысль, которой я даю здесь дальнейшее развитие; на написана в сердце у всех сильных индивидуумов и народов и тысячу раз уже высказывалась. Единственная заслуга, на которую я могу претендовать, состоит в ее систематическом обосновании и более точном изложении. ...

Цель права есть мир, средство достижения этой цели – борьба. До тех пор, пока право должно держаться наготове против посягательств со стороны беззакония, а это будет продолжаться, пока стоит свет, оно не может обойтись без борьбы. Жизнь права есть борьба, борьба народов, государственной власти, сословий, индивидуумов.

Всякое право в мире было добыто путем столкновений, каждое важное

правоположение надо было сначала отвоевать у тех, кто ему противился, и каждое право – все равно, отдельного ли лица или целого народа, – предполагает постоянную готовность его отстаивать. Право есть не просто мысль, а живая сила. Поэтому-то богиня правосудия, имеющая в одной руке весы, на которых она взвешивает право, в другой держит меч, которым она его отстаивает. Меч без весов есть голое насилие, весы без меча – бессилие права. Тот и другой атрибуты дополняют друг друга, и действительное правовое состояние существует лишь там, где сила, с какой правосудие держит меч, не уступает искусству, с каким оно применяет весы.

Право есть непрерывная работа, притом не одной только власти, но всего народа. Вся жизнь права, взятая в ее целом, являет перед нами такое зрелище неустанной напряженности и труда со стороны всей нации, какое представляет деятельность последней в области экономического и духовного производства. Всякое отдельное лицо, которому приходит нужда отстаивать свое право, имеет свою долю участия в той национальной работе, по мере своих сил способствует осуществлению на земле идеи права [...]

Выражение «право», как известно, употребляется в двояком смысле – в объективном и субъективном. Право в объективном смысле есть совокупность применяемых государством правовых принципов, законный распорядок жизни, право в субъективном смысле – конкретное воплощение абстрактного правила в конкретном правомочии личности. В обоих направлениях право встречается с противодействиями, в обоих ему приходится их преодолевать, т. е. путем борьбы завоевывать или отстаивать свое существование. В качестве предмета своего обсуждения я избрал собственно борьбу во втором случае, но я не в праве уклоняться от доказательства того, что мое утверждение, будто борьба лежит в самой сущности права, имеет силу и для первого случая.

Что касается осуществления права со стороны государства, положение это не подлежит спору и потому не нуждается в дальнейшем разъяснении: поддержание правового порядка государством есть не что иное, как непрерывная борьба против посягающего на него беззакония. Но иначе обстоит дело с

вопросом о возникновении права, не только об его первоначальном возникновении на пороге истории, но об его ежедневно повторяющемся перед нашими глазами обновлении, упразднении существующих учреждений, замене имеющихся правоположений новыми – словом, о прогрессе в праве. Здесь, по моему мнению, указывающему и для формировки права тот же самый закон, которому подчиняется все его бытие, противостоит другой взгляд, который пока пользуется еще всеобщим признанием, по крайней мере в нашей романистической науке, и который я по имени двух его главных представителей вкратце обозначу как савиньи-пухтовскую теорию о возникновении права. Согласно этой теории, право образуется столь же незаметно и безболезненно, как и язык; для него не требуется напряжения, борьбы, не требуется даже искания: здесь действует тихая истины, без потрясений, медленно, но верно пробивающая себе дорогу, власть убеждения, постепенно покоряющего людей и получающего себе выражение в их деятельности, новое правоположение столь же легко вступает в жизнь, как какое-нибудь грамматическое правило. [...]

С таким же взглядом на происхождение права я сам оставил в свое время университет, еще много лет после того находился я под его влиянием, можно ли считать его правильным? Надо согласиться, что и в области права, точно так же как в языке, играет роль непреднамеренное и бессознательное, пользуясь традиционным выражением-органическое развитие, идущее изнутри. Такому развитию подлежат все те правоположения, которые постепенно отлагаются благодаря однообразному самостоятельному завершению правовых сделок в общезжитии, а также все те абстракции, следствия, правила, какие наука выводит аналитическим путем из существующего права, сообщая им этим сознательный характер. Но сила обоих этих факторов – общественной жизни и науки-ограниченна: она может регулировать, облегчать движение в пределах имеющихся уже путей, но она не в состоянии прорвать плотин, мешающих реке пойти по новому направлению. Это может делать лишь закон, т. е. преднамеренное, к этой именно цели направленное действие государственной власти, и потому-то не случайностью, а глубоко в самой сущности права

коренящейся необходимостью объясняется тот факт, что все коренные реформы процесса и вещного права связаны с законом. [...]

Но очень часто дело бывает так, что изменение это может быть достигнуто лишь ценою весьма значительного пожертвования имеющимися правами и частными интересами. Существующее право с течением времени пришло в столь тесную связь с интересами тысяч индивидуумов и целых сословий, что его нельзя бывает устранить без самого чувствительного нарушения последних: поставить вопрос об отмене правоположения или учреждения – значит объявить войну всем этим интересам, вырвать полипа, прикрепившегося тысячью отростков. Всякая подобного рода попытка вызывает поэтому естественную реакцию инстинкта самосохранения, самое энергическое сопротивление со стороны угрожаемых интересов и, следовательно, борьбу, при которой, как и при всякой борьбе, решающее значение имеет не вескость оводов, а относительная сила борющихся сторон, так что нередко получается такой же результат, как в параллелограмме сил – отклонение первоначального направления в диагонали. Этим только можно объяснить тот факт, что учреждения, над которыми общественное мнение давно уже произнесло свой приговор, часто долго еще влачат снос существование: они обязаны этим не своей исторической устойчивости, а силе сопротивления отстаивающих их интересов. [...]

Таким образом, право в своем историческом движении являет перед нами картину искания усилий, борьбы-словом, тяжелого напряжения. Человеческому уму, бессознательно работающему над образованием языка, не приходится при этом преодолевать каких-либо враждебных противодействий; у искусства не бывает никакого другого врага, кроме его собственного прошлого, представляемого господствующим вкусом. Право же как целевое понятие, будучи поставлено среди хаотического движения человеческих желаний, стремлений, интересов, постоянно должно ощупью отыскивать надлежащий путь, а отыскав его, уничтожать преграждающие его препятствия. Нет сомнения, что и развитие права точно так же отличается закономерностью, единством, как и развитие искусства и языка; тем не менее оно весьма отличается от последнего

по способу и форме своего проявления, так что в том смысле мы должны решительно отвергнуть выставленную Савиньи и так быстро получившую всеобщее признание параллель между правом, с одной стороны, языком и искусством – с другой. Ложная, но безопасная как теоретическое воззрение, в качестве политического принципа параллель эта заключает в себе одно из самых роковых заблуждений, какие только можно представить: в области, где человек должен действовать, притом действовать с полным, ясным сознанием цели и с приложением всех своих сил, она успокаивает его тем, что все здесь делается само собою, что самое лучшее для него сложить руки и с полным доверием ожидать того, что мало-помалу будет произведено на свет народным правовым убеждением, этим якобы первоисточником права. [...]

[...] Именно то обстоятельство, что право не достается народам без труда, что им приходится за него бороться и спорить, сражаться и проливать кровь, это именно обстоятельство завязывает между ними и их правом такую же тесную связь, какая образуется между матерью и рождающимся ребенком благодаря тому, что первая рискует при этом жизнью. Без труда приобретенное право стоит на одной доске с детьми, которых приносит аист: что принесет аист, то может вновь унести лиса или коршун. Но мать, родившая ребенка, не позволит его похитить: точно так же и народ не расстанется с правами и учреждениями, которые он должен был добывать кровавым трудом. Можно смело утверждать, что энергия любви, с какой народ держится своего права и отстаивает его, находится в зависимости от величины тех усилий и напряжения, каких оно стоило. Не простая привычка, а жертва создает наиболее прочную из связей между народом и его правом, и если Бог благоволит к какому народу, Он не дарит ему нужных для него условий и не облегчает ему работы их достижения, а делает ее более трудной. В этом смысле я, не колеблясь говорю: борьба, которой требует право для своего рождения, есть не проклятие, но благословение. Обращаюсь к борьбе за субъективное или конкретное право. Она возникает в том случае, если последнее подвергается нарушению или встречает себе препятствие. Так как против этой опасности не гарантировано никакое право, ни

индивидуальное, ни народное, – обладатель права, заинтересованный в его сохранении, всегда наталкивается на кого-либо другого, заинтересованного в его попрании, то отсюда происходит, что борьба эта постоянно возобновляется во всех сферах права: в низменностях частного права, как и на высотах права государственного и международного. Война, как и международная форма защиты нарушенного права, восстание, возмущение, революция, как форма народного сопротивления актам насилия, нарушениям конституции со стороны государственной власти, самовольное осуществление частного права в форме так называемого закона Линча, в форме средневекового кулачного и боевого права, последним остатком которого является в настоящее время дуэль, самозащита в форме вынужденной обороны, наконец, правильный способ утверждения права путем гражданского процесса – все это, несмотря на всю разницу в объектах спора и в риске, в характере и в размерах борьбы, не более как формы и сцены одной и той же борьбы за право. Если я из всех этих форм беру наиболее трезвую – законную борьбу за частное право в форме процесса, то это не потому, чтобы она была мне наиболее близка как юристу, но потому, что при ней истинное положение дела легче всего ускользает от понимания, притом в такой же мере со стороны представителей юридической науки, как и со стороны чуждых ей лиц. Во всех остальных случаях оно выступает открыто и вполне ясно. Даже самый тупоумный человек понимает, что в них дело идет о благах, оправдывающих всякие жертвы, и никому не придет здесь в голову вопрос: зачем бороться, почему лучше не уступить? При взятой же нами частноправовой борьбе оказывается совершенно иное. Относительная незначительность интересов, из которых она ведется, – обыкновенно вопрос о «моем» и «твоем», неизбежная проза, присущая этого рода вопросам, ограничивают ее, по-видимому, исключительно областью трезвых расчетов и житейских соображений, а ее формы, ее механический характер, исключаящий всякое свободное, энергическое проявление личности, едва ли может ослабить производимое ею неблагоприятное впечатление. Во всяком случае, было и для нее время, когда она не затрагивала самую личность и когда именно благодаря этому ясно выступило

истинное значение борьбы. В то время, когда еще меч решал спор о «моем» и «твоем», когда средневековый рыцарь посылал своему противнику объявление войны, тогда и незаинтересованные лица невольно чувствовали, что при этой борьбе дело идет не просто о ценности вещи, о предотвращении какой-нибудь денежной потери, но что в вещи этой ставит на карту и защищает себя самое, свое право, свою честь личность.

Нам нет, однако, нужды обращаться к давно исчезнувшим условиям, чтобы выяснить на них значение того, что, несмотря на изменившиеся формы, по своей сущности все остается совершенно таким же, как и тогда. То же самое даст нам взгляд на явления теперешней жизни и психологическое самонаблюдение.

При всяком нарушении права перед субъектом последнего возникает вопрос, должен ли он отстаивать это право, оказать противнику сопротивление, следовательно, бороться или же, примирившись с претерпленной несправедливостью, тем самым избежать борьбы: то или другое решение ему непременно надо принять. Каково бы решение это ни оказалось, в обоих случаях оно связано с жертвой: в одном право приносится в жертву миру, в другом-мир праву. Таким образом, вопрос сводится, по-видимому, к следующему: какая жертва будет сноснее при данных индивидуальных особенностях случая и личности. Богатый ради мира откажется от незначительной для него спорной суммы, бедный, для которого эта сумма сравнительно более значительна, ради нее откажется от мира. В таком случае вопрос о борьбе за право принял бы вид простой арифметической задачи, при которой надо взвесить представляющиеся с обеих сторон выгоды и невыгоды, чтобы принять решение сообразно их взаимному отношению.

Всякому известно, что в действительности дело обстоит совершенно иначе. Мы ежедневно можем видеть процессы, при которых ценность объекта спора несколько не соответствует имеющейся в виду затрате труда, волнений, денег. Ни один человек, уронивший в воду рубль, не истратит двух, чтобы достать его оттуда: для него вопрос о том, чем можно здесь поступиться, есть просто арифметическая задача. По чему же не прибегает он к такому

арифметическому расчету и при представляющемся ему процессе? Неосновательным было бы утверждение, будто он рассчитывает выиграть этот процесс и надеется, что его издержки падут на противника. Юрист знает, то даже несомненная перспектива дорого заплатить за победу во многих случаях не удерживает от процесса. Как часто адвокату, указывающему на сомнительность дела и отговаривающему начать процесс, приходится слышать такой ответ: «Я твердо решился на ведение процесса, сколько бы мне это не стоило!» [...] Оставим пока в стороне спор двух частных лиц и поставим на их место два народа. Один противозаконно отнял у другого квадратную милю пустынной, ничего не стоящей земли, должен ли тот начать войну? [...]

[...] Но подобно тому, как народ борется не за квадратную милю, а за самого себя, за свою честь и независимость, точно так же и в процессах, где истец хлопочет о том, чтобы оградить себя от наглого попрания своего права, дело идет не о ничтожном спорном объекте, а об идеальной цели - об утверждении самой личности и ее правового чувства. Наряду с такой целью в глазах правомочного субъекта теряют всякий дальнейший смысл соображения о всяких жертвах и неприятностях, сопряженных с процессом: цель вознаграждает средство. [...]

Тем не менее, опыт все-таки показывает, что многие люди в подобном положении принимают как раз противоположное решение: мир для них дороже права, защита которого сопряжена с усилиями. [...]

Этому взгляду я противопоставил следующее положение: сопротивление наглому, затрагивающему самое личность беззаконию, т. е. нарушению права, носящему по своему приему характер его попрания, характер личного оскорбления, есть обязанность. Это-обязанность правомочного по отношению к себе самому, потому что таково повеление нравственного самосохранения; это — обязанность по отношению к обществу, потому что таково необходимое условие для существования права.

Борьба за право есть обязанность правомочного по отношению к себе самому.

Защита собственного существования есть высший закон всего

одушевленного мира; он проявляется у каждого создания в инстинкте самосохранения. Для человека дело идет не только физической жизни, но вместе с тем о его моральном существовании, а одним из условий последнего служит отстаивание права. [...]

До сих пор я старался доказать первое из двух выставленных выше положений: борьба за право есть обязанность правомочного перед самим собою. Теперь я обращаюсь ко второму положению: защита права есть обязанность перед обществом.

Чтобы обосновать это положение, я должен несколько ближе коснуться отношения между правом в объективном смысле и правом в смысле субъективном. В чем состоит это отношение? Мне кажется, я вполне верно передам ходячее воззрение, если скажу: оно состоит в том, что первое право предполагается вторым; конкретное право может быть лишь там, где имеются налицо условия, с которыми его существование связано в абстрактном правоположении. Этим, о господствующему учению, совершенно исчерпывается взаимное отношение, в каком находятся между собой то и другое право. Но это совершенно одностороннее представление: оно подчеркивает исключительно зависимость конкретного права от абстрактного, упуская в то же время из виду, что подобное же отношение зависимости имело место и в противоположном направлении. Конкретное право не только воспринимает от абстрактного жизнь и силу, но и в свою очередь дает ему то же. Сущность права есть практическое осуществление. Правовая норма, никогда не получавшая себе такого осуществления или опять его утратившая, не может более претендовать на такое наименование: она стала испорченной пружиной в механизме права, которая не участвует в его работе и которую можно удалить без всякого изменения последней. [...]

[...] Право и справедливость проступают в стране не через то только, что судья неустанно готов выполнять свои обязанности и что полиция рассылает своих агентов, но каждый со своей стороны должен содействовать тому процветанию. Каждый призван и обязан подавлять гидру произвола и

беззакония, где только она не осмеливается поднимать свою голову; каждый, пользующийся благодеяниями права, должен в свой черед также поддерживать по мере сил могущество и авторитет закона – словом, каждый есть прирожденный борец за право в интересах общества. [...] Так и в борьбе за право один может выступать на арену, побуждаемый трезвым интересом, другой – болью от претерпленного им беззакония, третий – чувством обязанности или идеей права как таковой: все они протягивают друг другу руку для общего дела, для борьбы с произволом.

Здесь мы достигли идеальной вершины борьбы за право. Восходя от низменного мотива материального расчета, мы поднялись до точки зрения морального самосохранения личности и наконец пришли к участию отдельного индивидуума в работе над осуществлением правовой идеи в интересах общества. [...]

[...] Без борьбы нет права, как без труда нет собственности. Наряду с положением: «В поте лица твоего будешь ты есть хлеб свой» стоит одинаково верное положение: «В борьбе обрешь ты право свое».

Источник: Иеринг Р. Борьба за право. – М., 1991. – С. 3–64.

ЦЕЛЬ В ПРАВЕ (1877)

ПОНЯТИЕ ЦЕЛИ

Глава I

Целевой закон

По учению о достаточном основании, в мире ничто не совершается само собой, а напротив все, что ни совершается, то есть всякое изменение в чувственном мире, является последствием другого, предшествовавшего изменения. Этот логически необходимый и подтвержденный опытом факт мы, как известно, называем законом причинности.

Закон этот применим и к воле, потому что и деятельность воли подходит под понятие о происходящем, совершающемся. Без достаточного основания движение воли столь же немыслимо, как и движение материи; свобода воли в том смысле, что воля может прийти в движение самопроизвольно, без какого-либо побудительного основания, есть ни что иное, как сказочный Мюнхгаузен, извлекающий самого себя из болота за волосы.

Таким образом, воля столько же нуждается в достаточном основании, как и природа. Но в природе это основание механического свойства: причина; для воли оно должно быть свойства психологического: цель. Камень падает не для того, чтобы упасть, а потому что он должен падать, то есть потому, что он в данном случае лишен точки опоры; человек же, совершающий деяние, совершает его не потому что, а для того, чтобы, для того, чтобы деянием достигнуть того или другого. Вот это «для того, чтобы» столь же неизбежно для воли, как «потому что» для камня; сколь невозможно движение камня без причины, столь же мало возможно и движение воли без цели. В первом случае речь идет о механическом, в последнем же о психологическом законе причинности. Отчасти ради краткости, отчасти же и для того, чтобы и в названии постоянно указывать на цель, как на единственное психологическое основание проявления воли, я буду далее называть психологический закон причинности целевым законом, механический же – законом причинности.

Закон причинности в последнем смысле гласит: не может быть явления во внешнем чувственном мире без другого предшествующего ему, вызвавшего это явление, или, выражая то же самое известной формулой: нет следствия без причины. Целевой закон гласит: нет хотения, или, что-то же, нет деяния без цели. ...

... Без цели деяние немыслимо. Действовать – и действовать ради какой-либо цели – значит одно и то же; деяние без цели такая же бессмыслица, как следствие без причины. Здесь мы достигаем пункта, который мы обязались выше доказать: существование целевого закона. ...

Бесконечная цепь причин и следствий во внешнем мире прерывается при

всяком столкновении с человеческой волей; над последней закон причинности не имеет никакой власти, по отношению к природе воля свободна, не подчинена ее закону, она повинуетя лишь своему – целевому закону. Но, не признавая над собой власти природы, сама воля имеет несомненную власть над последней; природа должна повиноваться воле, когда того последняя хочет – человеческая воля постоянно является источником причинности во внешнем мире. Таким образом, волю можно назвать началом и концом движения причин и следствий в природе – волей называется способность к собственной причинности, существующей независимо, рядом с причинной связью явлений внешнего мира. ...

Глава III

Эгоизм на службе чужим целям

Спрашивается: каким образом мир может существовать при эгоизме? Отвечаем: пользуясь его услугами, давая ему вознаграждение, какого он требует. Пусть мир заинтересует эгоизм в осуществлении своих целей и его содействие будет для мира обеспечено.

Вот простое правило, посредством которого как природа, так и человечество, а равно и отдельный человек могут завладеть эгоизмом для своих целей. ...

Природа сама указала человеку путь, которым он может склонять других людей к содействию его целям; таким путем служит для него соединение собственной цели с чужим интересом. На этой формуле основана вся наша человеческая жизнь: государство, общество, торговля и промышленный оборот. ...

Организация государственной цели характеризуется обширным применением права. Но значит ли это, что в государственной сфере стимул эгоизма или интерес недостаточен или излишен? Ниоим образом, ибо само право, хотя девизом его и служит необходимость, все-таки принуждено обращаться к интересу, то есть к свободному деянию по собственному деятеля

выбору: в большинстве случаев право достигает своей цели лишь потому, что привлекает на свою сторону интерес человека. Преступник не заботится о цели государства или общества; при совершении преступления им руководит исключительно его собственная цель, личная страсть, злость, алчность, словом его собственный интерес. Но именно на это и рассчитано средство, которым государство защищается от него, – наказание. ...

Аппарат, с помощью которого государство осуществляет свои цели, совершенно тот же самый, которым пользуется и природа в своих целях. Он основан на двоякого рода принуждении: прямом или механическом и косвенном или психологическом. ...Средством, которым пользуются природа и государство, чтобы побудить человека к таким действиям (или бездействию), служит собственный интерес лица; средством же для того, чтобы повлиять на последний, являются опять-таки награда и наказание. ...

Все сказанное здесь о праве и обязанности можно выразить в следующих трех положениях:

- 1) Я существую для себя.
- 2) Мир существует для меня.

В этих двух положениях лицо выражает занимаемое им правовое положение; но мир, как эхо, откликается ему третьим положением:

- 3) Ты существуешь для меня, и тем противопоставляет праву обязанность.

На этих трех краугольных положениях зиждется не только весь правовой, но и весь этический мировой порядок: наша частная и семейная жизнь, гражданский оборот, общество, государство, международный оборот, взаимные отношения народов как современных, так и уже давно исчезнувших. ...

Лицо, то есть цель его физического самосохранения, создало имущество, то есть цель правильного и обеспеченного осуществления вышеуказанной первой цели. Лицо и имущество в свою очередь обуславливают необходимость права, то есть ограждения их обоюдных целей, – которые без права зависели бы от одной физической силы субъекта, – посредством силы, превосходящей силу каждого из отдельных индивидов, а именно: государственной власти. Поэтому

понятие о праве включает в себе два момента: систему целей и систему их осуществления. Подобно тому, как лицо и имущество необходимо вызывают собою право, так последнее неминуемо приводит к государству; не (логическая) сила отвлеченного понятия, а (практическая) производительная сила цели необходимо создает одно из другого.

Право охватывает лицо со всех сторон его существования. Охрану, удержание за собой такого положения, отведенного ему правом, мы называем правовым самоподдержанием лица. Оно простирается на все, что составляет сущность лица и что принадлежит ему: тело и жизнь, честь, имущество, семейство, общественное, правовое положение. ...

Глава VI

Жизнь с помощью других и для других или общество

Всякая человеческая жизнь служит во благо человеческому обществу. ...

Никто не существует только ради самого себя, никто не может в жизни обойтись самим собою, всякий живет, сознательно или бессознательно, с помощью и вместе с тем для других. Подобно тому, как всякое тело полученную им извне теплоту должно возратить обратно, так и человек, вдыхая в себя интеллектуальный или этический эфир, разлитый в культурной атмосфере общества, должен выдыхать его. ...

Понятие об обществе... понятие новейшего времени; в Германию, насколько мне известно, оно проникло из Франции. ...

Товарищество, общество в юридическом смысле, есть союз многих лиц, соединившихся для преследования одной общей цели, из которых поэтому каждое, направляя свою деятельность к осуществлению цели такого общества, действует вместе с тем и для себя. ... Согласно с сим общество можно определить так: оно есть фактическая организация жизни для и посредством других и – так как лучшими сторонами своего бытия отдельное лицо обязано исключительно другим – вместе с тем необходимая форма жизни для себя; общество, следовательно, в действительности есть вообще форма человеческой жизни.

Человеческая и общественная жизнь — одно и то же. ...

Итак, общество значит: каждое отдельное лицо существует для мира и мир существует для отдельного лица. ...

Глава VII

Социальная механика или двигатели социального движения

... Сила, приводящая в движение механизм человеческого общества, есть человеческая воля, то есть сила, которая одна только, в противоположность силам природы, может похвалиться свободой; но эта воля, в такой своей функции, должна носить название воли тысяч и миллионов индивидов, именоваться борьбой интересов, противоположностью интересов, противоположностью стремлений, называться эгоизмом, капризом, упрямством, ленью, слабостью, пороком, злобой. В мире нет ничего более достойного удивления, как дисциплина и укрощение человеческой воли, осуществление которых выражается словом общество. ...

... Социальная механика тождественна с учением о двигателях, посредством которых общество для своих целей приводит в движение волю, короче, она — учение о двигателях социального движения.

Таких двигателей четыре. Мотивом и предложением двух из них служит эгоизм; я называю их низшими или эгоистическими двигателями; они суть вознаграждение и принуждение. Без их общественная жизнь немыслима: оборот немыслим без вознаграждения, право и государство — без принуждения; поэтому они служат для нас представителями элементарных двигательных сил общества, необходимыми и неизбежными условиями его существования, хотя бы в самом неразвитом и несовершенном их состоянии. Этим двигателям противопоставляются два другие, мотивом и предположением которых является не эгоизм, а наоборот, отрицание его в видах общественной пользы, и которые я... называю высшими или нравственными социальными двигателями. ...Двигатели эти — чувство долга, то есть гармония личной воли с требованиями общества, выраженными (право) или невыраженными (нравственность, мораль) в форме

закона, и свободное самоотречение, простирающееся дальше требований общества. Первое – проза, второе – поэзия нравственности. ...

ГЛАВА VIII

... 2. Человек - самообладание власти

Жизнь сильнейшего за счет слабейшего, уничтожение последнего при столкновении с первым - таков склад совместной жизни в мире животных; обеспеченное существование наислабейшего и наибеднейшего рядом с сильнейшим и могущественным - таков вид общежития в человеческом мире. ...

...Интерес обуздывает страсть, стремящуюся уничтожить врага, и рекомендует силе ради ее самой, умеренность, то есть мир с врагом на справедливых условиях. Мир вызывает договор, последний родит право, право же как результат борьбы, представляет сознание сильного, что в интересе его самого необходимо допускать существование рядом с собой слабого – сознание необходимости самоограничения власти в ее собственном интересе. Мир более соответствует обоюдным интересам, чем война.

Таким образом, власть разумная и способная к самоодолению является источником права. Это будет возникновение права из власти сильнейшего; такому виду возникновения права противопоставляется другой, ... а именно: возникновение права из соединения власти равных. ...

...в моих глазах право представляется властью, сознавшей собственную выгоду, а вместе с тем и необходимость меры, следовательно, не чем-либо в сущности различным от власти, а лишь одной из форм ее проявления: властью правою, правильной, обусловленной правилами, следовательно, дисциплинированной властью в противоположность к власти или силе дикой, грубой, определяющейся лишь страстью и временной выгодой, к власти бесправной. Таким образом, не право владевает вместо власти, а сама власть, притом постоянно и всюду; она восседает на престоле, она вооружена мечом и право служит ей так же, как компас штурману. Но подобно тому, как не компас стоит на руле, а штурман, так точно не право, а власть управляет рулем.

Поэтому право не есть нечто противоположное власти, а придаток ее самой, усвоенное ею правило, превратившееся, вследствие постоянного соблюдения его, в свойство власти, в ее вторую природу. Уклонение власти от этого правила мы должны представлять себе не в виде того, что власть, нарушая обычный порядок, отстраняет право, а в виде акта постоянно господствующей власти, совершая который власть изменяет своим собственным принципам, увлекается импульсом минуты – это момент самозабвения, непоследовательности, уклонения в сторону первоначальной необузданности. ...

Желая выразить вышеизложенное сжато, скажем: право есть политика власти. Но, само собой разумеется, не отдельного, конкретного случая, – это политика близорукого, политика глупца, недостойная названия политки, а, напротив, политика разумная, дальновидная, никогда не теряющая из виду абстрактной, то есть постоянно подлежащей преследованию цели в связи ее с целями человеческой жизни, следовательно, политика, которая сознает, что низшей или мимолетной выгодой следует поступаться для достижения высшей, продолжительной. ...

8. Государство. Различие его от общества

Пройдя длинный окольный путь, мы нашли наконец предмет наших поисков: государство. Мы могли бы достигнуть того же с большими удобствами! Зависело вполне от нас взять идею социального принуждения прямо в той форме, в какой она встречается повсюду, именно в форме государства. К чему было избирать окольный путь? Для того, чтобы показать, каким образом и почему право вне государства находится на ложном пути. Только в государстве право находит то, к чему стремится: верховное господство над силой. ...

Социальная... организация принуждения – значит то же самое, что государство и право. Государство есть общество как держава регулирующей и дисциплинирующей принудительной власти. Совокупность основных правил, по которым общество или государство проявляет таким образом свою деятельность, дисциплина принуждения есть право. Давая такое определение

государству, я не желаю этим выразить, что этой формулой исчерпывается вся сущность государства. ...Но сколь бы ни были разнообразны и многочисленны цели, им уже освоенные и впредь подлежащие усвоению, есть одна цель, превосходящая все другие цели... именно правовая цель - развитие и обеспечение права. Все другие задачи государства отступают перед этой на задний план...; забота и попечение о праве, то есть управление социальной принудительной властью составляет важнейшую жизненную функцию государства.

...Государство есть общество, которое принуждает; для того, чтобы иметь возможность принуждать, общество принимает форму государства, государство представляется формой правильного и прочного отправления социальной принудительной власти, одним словом: государство есть организация социального принуждения.

...Организация социальной принудительной власти, являющаяся... первой и основной задачей государства, представляет собой две стороны: установление внешнего механизма власти и дисциплину ее применения. Формой, в которой разрешается первая задача, служит государственная власть, вторая же задача достигается посредством права. Оба эти понятия друг друга обуславливают: государственная власть нуждается в праве, для последнего необходима государственная власть.

10. Право – обусловленность его принуждением

Хотя определение гласит: право есть совокупность действующих в государстве принудительных норм, и такое определение, по моему мнению, вполне правильно. Оно включает в себе два момента: норму и осуществление ее посредством принуждения. Только те из установленных обществом норм заслуживают названия правовых норм, которые влекут за собою принуждение, или, так как согласно вышеизложенному только государству принадлежит монополия принуждения, которые влекут за собою государственное принуждение. Этим выражается, что правовыми нормами называются лишь нормы, обусловленные со стороны государства таким последствием, или что государство есть единственный источник права. ...

11. Право – момент нормы

Как на второй момент в приведенном выше определении права мы указали на норму. Создавая норму, сила, власть преобразуется в право.

...Темой нашего исследования, выражаясь кратко, послужит образование права путем самоограничения силы и власти. ...

Имеющий власть руководить действиями другого посредством повеления (положительного или отрицательного, повеления действовать или повеления бездействовать, приказа и запрета) может осуществлять такую власть трояким способом: или повелением по поводу каждого отдельного случая, когда признает нужным (индивидуальное повеление), или общим повелением, распространяя его на все будущие случаи определенной категории (абстрактное повеление) и притом в обоих случаях так, что повеление должно иметь обязательную силу лишь для других, или же и для самого издающего повеление (односторонне и двусторонне обязательная сила повеления). ...

Формой внешнего проявления нормы служит публичное оглашение ее; такая форма обуславливается самой целью нормы: то, что должно быть обязательно для всех, должно быть и объявлено во всеобщее сведение. ...

Норма или правило служит содержанием закона. ...

Норма следует необходимым предположением при всех... понятиях: закон – устанавливает норму; судья – применяет ее; право обнимает собою все нормы. ...

...Я разумею при этом, конечно, не простую форму права: норму, а то, что составляет сущность права, именно цели, осуществляемые им.

Цели эти суть: 1) порядок, то есть равномерность социального движения. Для полного установления порядка необходимо, конечно, содействие обеих сторон: той, которая руководит им, и той, которая соблюдает его; в последней не может развиться прочная склонность к порядку, постоянное, обратившееся во вторую натуру и в потребность стремление к сохранению этого порядка, когда первая не считает себя этим порядком связанной, и порядок в этом случае является лишь односторонним, основанным исключительно на страхе, но тем не

менее, какой бы то ни было, это все-таки порядок.

2) Равенство. Принципиально равенство заключается уже в самой норме, ибо всякая абстракция основана на предположении равенства в конкретном... В тот момент, когда власть обращается к закону для оглашения, возмещения ее поведений, она открывает доступ в свое обиталище праву, и тотчас же начинается обратное влияние закона на власть, потому что закон влечет за собой связанные с ним неразрывными узами порядок и равенство; принятый в виде приемыша в доме власти, закон с течением времени занимает в нем место старшего сына.

Наконец 3) право в субъективном смысле. Возможно ли такое право в деспотии? ...Деспотия, по самой сущности ее, исключает всякое участие подданных в государственной власти, ... - деспотия не знает государственного гражданского права. [...]

12. Содержание права – жизненные условия общества

Предметом предыдущего исследования послужили два момента – принуждения и нормы, заключающиеся в выше установленном нами понятии права в обширном смысле как совокупности действующих в государстве принудительных норм. И принуждение, и норма суть моменты чисто формальные, не заключающие в себе никакого указания на содержание права. ...

Возвращаясь к высказанному мною выше положению, что масштабом права служит не абсолютный масштаб истины, а относительный – цели. Отсюда само собою вытекает, что содержание права не только может, но и должно быть бесконечно разнообразным. Как врач не может приписывать всем больным одно и то же лекарство, а сообразует избираемое им средство с состоянием больного, так и право не может всюду создавать одни и те же определения, а должно, напротив, сообразоваться с состоянием народа, степенью его культуры, потребностями времени и, правильнее говоря, даже и не должно, а это само собою делается, это сам собою слагающийся исторический факт. ...

Всякому, не боящемуся исследований и размышления, цель нигде не

открывается с такой очевидностью, как в области права; обнаружить эту цель, освободить ее от обманчивой оболочки мнимой истины, отрешенной от всякой цели, составляет высшую задачу науки права. ...

Если эта идея справедлива, то вопрос о содержании права сводится к вопросу о цели права. ...

Возвращаясь к последнему понятию, я определяю право, как обеспечение жизненных условий общества в форме принуждения....

Я называю жизненными условиями ...не только условия физического существования, но и все те блага и наслаждения, которые по мнению субъекта придают жизни ее настоящую цену. ...

Источник: Цель в праве Рудольфа фон Иеринга. – СПб., 1881. – 412 с.

РАЗДЕЛ 5. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕРВЫХ БУРЖУАЗНЫХ ГОСУДАРСТВ

КОНСТИТУЦИЯ США 1787 ГОДА

Мы, народ Соединенных Штатов, вводим и утверждаем эту конституцию для Соединенных Штатов Америки с целью образовать более прочный союз, утвердить правосудие, обеспечить внутреннее спокойствие, охранять общую безопасность, способствовать общему благосостоянию и обеспечить блага свободы и для себя и для нашего потомства.

Статья I

Отдел 1. Все законодательные права, предоставляемые этой конституцией, должны принадлежать конгрессу, Соединенных Штатов, который должен состоять из сената и из палаты представителей.

Отдел 2. Палата представителей должна состоять из членов, избираемых раз в каждые два года народом различных Штатов, а в каждом Штате избиратели должны удовлетворять тем условиям, какие требуются для избирателей самой многолюдной составной части законодательного собрания Штата.

Не может быть представителем тот, кто не достиг двадцатипятилетнего возраста, кто не был в течение семи лет гражданином Соединенных Штатов и кто во время выборов не принадлежал к числу жителей того Штата, в котором предстоял выбор представителя.

(Представители и прямые налоги должны быть распределены между различными Штатами, могущими вступить в этот Союз, соразмерно с их населением; а чтоб определить число этого населения, следует к общей цифре свободных людей, со включением людей, поступивших в услужение на определенное число лет, и за исключением необложенных налогами индейцев,

прибавить три пятых всех прочих лиц)¹⁰⁶. Исчисление народонаселения должно быть произведено в течение трех лет после первого собрания конгресса Соединенных Штатов, и за тем должно производиться через каждые десять лет тем способом, который установят Соединенные Штаты особым законом. Представителей должно быть не более одного от каждых тридцати тысяч жителей, но каждый Штат должен иметь по меньшей мере одного представителя, а пока не будет сделано исчисление народонаселения. Штат Нью-Гемпшир будет иметь право выбирать трех представителей, Массачузетс – восемь, Род-Айленд и колония Провиденс – одного, Коннектикут – пять, Нью-Йорк – шесть, Нью-Джерси – четыре, Пенсильвания – восемь, Делавер – одного, Мериленд – шесть, Виргиния – десять, Северная Каролина – пять, Южная Каролина – пять, Георгия – три.

Если откроются вакансии в представительстве какого-нибудь Штата, то местная исполнительная власть разошлет избирателям приглашения заместить такие вакансии.

Палата представителей будет выбирать своего спикера и других должностных лиц и ей одной будет принадлежать право возбуждать уголовное преследование.

Отдел 3. Сенат Соединенных Штатов должен состоять из двух сенаторов от каждого Штата, выбранных законодательными собраниями этих Штатов на шесть лет, и каждый сенатор должен иметь один голос.

Немедленно вслед за тем, как они соберутся после первых выборов, они должны быть разделены на три по мере возможности равных разряда. Места сенаторов первого разряда должны считаться вакантными по истечении второго года, места сенаторов второго разряда - по истечении четвертого года и места сенаторов третьего разряда - по истечении шестого года, так что одна треть сенаторов будет избираться через каждые два года; а если открываются вакансии вследствие выхода в отставку или по другой причине, в то время как сессия

¹⁰⁶ В скобках постановление, которое изменено 2-м отделом XIV поправки Конституции.

законодательного собрания какого-либо Штата закрыта, то исполнительная власть этого Штата может сделать временные назначения до следующей сессии законодательного собрания, которое тогда должно заместить те вакансии.

Не может быть выбран в сенаторы тот, кто не достиг тридцатилетнего возраста, не был в течение девяти лет гражданином Соединенных Штатов и не принадлежал во время выборов к числу жителей того Штата, в котором предстоял выбор сенатора.

Вице-президент Соединенных Штатов должен быть председателем сената, но без права голоса, за исключением того случая, если голоса сенаторов разделятся поровну.

Сенат должен выбирать своих остальных должностных лиц равно как председателя *pro tempore*¹⁰⁷ для замещения вице-президента, когда он находится в отсуствии или, когда он исполняет обязанности президента Соединенных Штатов.

Одному сенату должно принадлежать право производить суд над лицами, против которых возбуждено уголовное преследование. Когда он заседает с этой цепью, его члены должны дать присягу или аффирмацию¹⁰⁸. Когда производится суд над президентом Соединенных Штатов верховный судья должен председательствовать, и никто не может быть признан виновным иначе, как двумя третями присутствующих членов.

В случае уголовного преследования обвинительный приговор должен ограничиваться удалением от должности и запрещением занимать в Соединенных Штатах какую-либо должность, с которой соединяется почет, доверие или выгода; но лицо, признанное виновным, тем не менее должно быть предано суду и наказанию по законам.

Отдел 4. Время, место и способ избрания сенаторов и представителей должны быть установлены в каждом Штате его законодательным собранием; но конгресс может во всякое время издать закон, устанавливающий или

¹⁰⁷ *Pro tempore* (лат.) – смотря по обстоятельствам.

¹⁰⁸ Аффирмация – письменное или устное подтверждение.

изменяющий правила этого рода; он только не может ничего изменять касательно места избрания сенаторов.

Конгресс должен собираться по меньшей мере один раз в год и непременно в первый понедельник декабря, если не издаст закона, назначающего какой-нибудь другой день.

Отдел 5. Каждая палата должна сама быть судьей в вопросах касательно выборов, касательно возражений против их правильности и касательно того, имеют ли ее члены все требуемые качества, а большинство каждой палаты должно составлять кворум¹⁰⁹ для производства дел; но менее многочисленное собрание может откладывать заседание со дня на день и может быть уполномочено принуждать отсутствующих членов к явке таким способом и под угрозой таких наказаний, которые будут установлены каждой палатой.

Каждая палата может устанавливать правила для своего делопроизводства, наказывать своих членов за бесчинства и исключать их из своего состава двумя третями голосов.

Каждая палата должна вести журнал того, что делает, и должна от времени до времени опубликовывать его, за исключением тех частей, которые, по ее мнению, следует хранить в тайне, а утвердительные и отрицательные ответы членов каждой палаты по какому бы то ни было вопросу должны быть записаны в журнал по требованию одной пятой части присутствующих членов.

Ни одна из палат не должна во время сессии конгресса отсрочивать свои заседания более, чем на три дня без согласия другой палаты и не должна куда-либо переносить свои заседания из того места, где должны заседать обе палаты.

Отдел 6. Сенаторы и представители должны получать за свою службу денежное вознаграждение, которое должно быть назначено законом и должно уплачиваться из казначейства Соединенных Штатов. Ни в каком случае, за исключением измены, уголовного преступления и нарушения общественного спокойствия, они не могут быть арестованы ни во время их присутствия на

¹⁰⁹ Кворум — установленное число присутствующих членов палаты, необходимое для принятия правомочных решений.

заседаниях, ни в то время, как отправляются на заседания, ни в то время, как возвращаются оттуда; а за свои речи и за участие в прениях не могут быть подвергаемы ответственности ни в каком другом месте.

Ни сенаторы, ни представители в течение того времени, на которое были выбраны, не могут быть назначены ни на какую гражданскую должность при Соединенных Штатах, которая учреждена или за которую увеличено жалование в течение этого времени, а тот, кто занимает какую-либо должность при Соединенных Штатах, не может быть членом которой-либо палаты во время своего нахождения при должности.

Отдел 7. Все билли касательно собирания доходов должны исходить из палаты представителей; но сенат может предлагать поправки точно так же, как и относительно других биллей.

Каждый билль, утвержденный палатой представителей и сенатом, прежде чем обратиться в закон, должен быть представлен президенту Соединенных Штатов; если президент одобрит его, то должен подписать его, если же не одобрит, то должен возвратить его со своими возражениями в ту палату, которою был составлен, а палата должна внести в свой журнал все эти возражения и должна приступить к пересмотру билля. Если после того пересмотра две, трети этой палаты утвердят билль, то его следует отослать вместе с возражениями в другую палату, которая также должна снова рассмотреть его, и если одобрит его двумя третями голосов, то он делается законом. Но во всех этих случаях голосование должно происходить в обеих палатах посредством утвердительных и отрицательных ответов, а имена лиц, подавших голоса за билль или против него, должны быть внесены каждой палатой в журнал. Если какой-либо билль не будет возвращен президентом в течение десяти дней (за исключением воскресных дней) со времени его представления, то он делается законом точно так же, как если бы был подписан президентом; если же билль не может быть возвращен по причине отсрочки заседаний конгресса, то он не признается законом.

Всякое предписание, резолюция или голосование, для которых необходимо совокупное участие и сената, и палаты представителей (за исключением тех, которые касаются отсрочки заседаний), должны быть представляемы президенту Соединенных Штатов и только после его одобрения вступают в силу; если же они не будут им одобрены, то должны быть снова утверждены двумя третями сената и палаты представителей сообразно с теми правилами и ограничениями, какие установлены относительно биллей.

Отдел 8. Конгресс должен иметь право: налагать и собирать пошлины, налоги, подати, акцизы, уплачивать долги и принимать меры для общей обороны и для общего благосостояния Соединенных Штатов; но все подати, налога и акцизные пошлины должны быть одинаковы для всех Соединенных Штатов;

Делать займы на кредит Соединенных Штатов;

Регулировать торговлю с иностранными государствами, между различными Штатами и с индейскими племенами;

Устанавливать однообразные правила натурализации и однообразные законы о банкротствах для всех Соединенных Штатов;

Чеканить монету, регулировать как ее ценность, так и ценность иностранных монет и устанавливать норму для мер и весов;

Принимать меры для наказания за подделку бумажных денежных знаков и ходячей монеты Соединенных Штатов;

Учреждать почтовые конторы и устраивать большие почтовые дороги;

Поощрять развитие науки и полезных искусств, обеспечивая за авторами и изобретателями на определенный срок исключительное право пользоваться их произведениями и открытиями;

Учреждать суды, которые должны стоять ниже верховного суда;

Определять, что должно считаться морским разбоем, преступлением, совершенным в открытом море, и нарушением международного права, и подвергать за них наказанию;

Объявлять войну, выдавать каперские свидетельства и разрешения на отобрание захваченных неприятелем судов, и издавать правила о захвате добычи на суше и на море;

Набирать и содержать армии, но ассигнование сумм на этот предмет не должно делаться на более длительный срок, чем два года;

Снаряжать и содержать флот;

Издавать правила для амортизации и организации сухопутных и морских военных сил;

Делать распоряжения о созыве милиции для исполнения законов Союза, для подавления восстаний, для отражения нашествий;

Принимать меры для организации милиции, ее вооружения и обучения дисциплине и для заведования той ее частью, которая может быть употреблена на службу Соединенных Штатов, предоставляя каждому Штату назначение офицеров и право обучать милицию по тем правилам, какие предписаны конгрессом;

Пользоваться в каких бы то ни было случаях исключительною законодательной властью в том округе (не превышающем десяти квадратных миль¹¹⁰, который может сделаться местопребыванием правительства Соединенных Штатов вследствие уступки, сделанной которым-нибудь из Штатов и принятой конгрессом, и пользоваться такою же властью во всех местах, купленных в каком-либо Штате с согласия его законодательного собрания для сооружения фортов, постройки магазинов, арсеналов, адмиралтейств и других необходимых зданий.

Издавать всякие законы, какие окажутся необходимыми и уместными для пользования как вышеперечисленными правами, так и всеми другими правами, какие предоставлены этой конституцией правительству Соединенных Штатов или которому-либо из его департаментов или должностных лиц.

¹¹⁰ Путевая линейная миля равна 1609,34 м

Отдел 9. Переселение или ввоз таких людей, которых согласен принять у себя тот или иной из существующих в настоящее время Штатов, не должны быть воспрещаемы конгрессом до тысяча восемьсот восьмого года, но на такой ввоз можно налагать таксу или пошлину, не превышающую десяти долларов с каждого человека.

Права, предоставленные актом о личной свободе (Writ of habeas corpus), не должны быть на время отменяемы, если это не окажется необходимым для общественной безопасности по причине восстания или неприятельского нашествия.

Запрещается издавать билли о наказании за государственную измену или законы, имеющие обратную силу.

Запрещается облагать подушную податью или другими прямыми налогами иначе, как соразмерно с цензом или с переписью, о производстве которой упомянуто выше.

Запрещается облагать пошлинами или налогами товары, вывозимые из которого-либо Штата¹¹¹.

Запрещается отдавать предпочтение гаваням одного Штата перед гаванями другого Штата посредством введения каких-либо торговых или финансовых постановлений, а корабли, направляющиеся к какому-нибудь Штату или выходящие из его гавани, не могут быть принуждены входить в гавань другого Штата, разгружаться там и уплачивать пошлины.

Запрещается брать из казначейства деньги иначе, как на основании ассигнований, сделанных легальным способом; а от времени до времени следует опубликовывать подробные отчеты о государственных доходах и расходах.

Соединенные Штаты не имеют права раздавать дворянские титулы, а тот, кто занимает при них какую-либо должность, приносящую выгоды или основанную на доверии, не может принимать без разрешения конгресса никаких

¹¹¹ Этот запрет распространялся на товары, вывозившиеся в другие штаты.

подарков, жалованья, должностей или титулов от какого-либо короля, принца или иностранного государства.

Отдел 10. Ни один из Штатов не имеет права: заключать трактаты, вступать в союз или в конфедерацию; выдавать каперские свидетельства или разрешения на отобрание захваченных неприятелем судов; чеканить монету; выпускать кредитные билеты; назначать что-либо, кроме золотой и серебряной монеты, способом для уплаты долгов; издавать билли о наказании за государственную измену, законы с обратной силой или законы, уничтожающие обязательную силу договоров; раздавать какие-либо дворянские титулы.

Ни один из Штатов не имеет права облагать, без согласия конгресса, какими-либо пошлинами или налогами предметы ввоза и вывоза; исключение допускается только в том размере, какой безусловно необходим для приведения в исполнение законов Штата касательно надзора; а всякий чистый доход от пошлин и налогов, которыми были обложены в Штате предметы ввоза или вывоза, должен поступать в пользу казначейства Соединенных Штатов; все законы этого рода должны подвергаться пересмотру и контролю конгресса.

Ни один из Штатов не имеет права, без согласия конгресса: налагать какие-либо пошлины на корабельные грузы, содержать в мирное время войска или военные корабли, вступать в какие-либо соглашения или договоры с другим Штатом или с иностранным правительством, или предпринимать войны иначе, как вследствие неприятельского нашествия или в случае такой неминуемой опасности, которая не допускает никаких проволочек.

Статья II

Отдел 1. Исполнительная власть должна быть предоставлена президенту Соединенных Штатов Америки. Он должен состоять в должности в течение четырех лет, а его избрание, точно так же, как избрание вице-президента на такой же срок, должно производиться следующим способом:

Каждый Штат должен назначить тем способом, который будет установлен его законодательным собранием, выборщиков в числе, равном тому числу сенаторов и представителей, какое он имеет право посылать в конгресс; но

выборщиком не может быть назначен ни сенатор, ни представитель, ни тот, кто занимает при Соединенных Штатах какую-либо должность, основанную на доверии или доставляющую выгоды.

(Выборщики должны собраться в своих Штатах и посредством баллотировки подавать голоса за двух лиц, из которых по меньшей мере одно не должно принадлежать к числу жителей одного-с ними Штата. Они должны составить список всех лиц, за которые подавались голоса, и всех голосов, поданных за каждое из этих лиц; этот список они должны подписать и удостоверить, и прислать его запечатанным в местопребывание правительства Соединенных Штатов на имя председателя сената. Председатель сената должен вскрыть удостоверенный список в присутствии сената и палаты представителей, и тогда следует счесть поданные голоса. Тот, кто получил самое большое число голосов, должен быть президентом, если это число составляет большинство всех назначенных выборщиков; если же несколько лиц получили такое большинство голосов и если за них подано равное число голосов, то палата представителей должна немедленно выбрать одного из них в президенты посредством баллотировки; если же никто не получил большинства голосов, то та же палата должна тем же способом выбрать президента из тех пяти лиц, которые стоят первыми в списке по числу голосов. Но при выборе президента следует подавать голоса по Штатам, так что представительство каждого Штата имеет один голос; для этой цели кворум должен состоять из числа представителей двух третей Штатов, а для выбора необходимо большинство из всех Штатов. Во всяком случае, после выбора президента должен быть признан вице-президентом тот, за кого было подано выборщиками самое большое число голосов; но если бы оказалось, что два или более лица получили одинаковое число голосов, то сенат должен выбрать из них вице-президента посредством баллотировки)¹¹².

¹¹² Постановление, заключенное в скобки, было заменено XII поправкой Конституции.

Конгресс может определить время для назначения выборщиков и день, в который они должны подавать голоса; этот день должен быть один и тот же для всех Соединенных Штатов.

В должность президента может быть избран только тот, кто родился гражданином Соединенных Штатов или, кто был их гражданином во время утверждения конституции; не может быть избран в эту должность тот, кто не достиг тридцатипятилетнего возраста и не имел в течение четырнадцати лет постоянного жительства в Соединенных Штатах.

В случае удаления президента от должности или в случае его смерти, выхода в отставку, или неспособности пользоваться правами и исполнять обязанности его должности, его заменяет вице президент, а конгресс может посредством издания закона принять меры на случай удаления от должности, смерти, отставки или неспособности и президента и вице-президента и объявить, какое должностное лицо должно в таком случае заменять президента; это лицо должно заменять президента, пока не прекратится причина удаления этого последнего от должности или пока не будет выбран новый президент.

Президент должен получать за свою службу в назначенные сроки вознаграждение, которое не может быть ни увеличено, ни уменьшено в течение того периода, на который он выбран, и он не должен получать в течение этого периода никакого другого денежного вознаграждения ни от Соединенных Штатов, ни от которого-либо из них.

Перед вступлением в исполнение своих обязанностей он должен дать следующую присягу или аффирмацию:

«Я торжественно клянусь (или утверждаю), что буду честно исполнять обязанности президента Соединенных Штатов и буду, по мере моих сил соблюдать, охранять и защищать конституцию Соединенных Штатов».

Отдел 2. Президент будет главнокомандующим армии и флота Соединенных Штатов и милиции отдельных Штатов, когда она будет призвана на службу Соединенных Штатов; он может требовать от высших должностных лиц каждого из административных департаментов письменно изложенного

мнения о всяком предмете, входящем в сферу их ведомства, и ему должно быть предоставлено право отсрочивать исполнение приговоров и миловать по преступлениям против Соединенных Штатов, за исключением тех случаев, когда возбуждено уголовное преследование.

Ему должно принадлежать право заключать трактаты по совету и с одобрения сената с тем, чтобы это одобрение было выражено двумя третями присутствующих сенаторов; он будет назначать, по совету и с одобрения сената, послов, других уполномоченных и консулов, членов верховного суда и всех других должностных лиц, о способе назначения которых не сделано никаких постановлений и должности которых будут учреждены законом; но конгресс может по своему усмотрению законом предоставить назначение таких низших должностных лиц или одному президенту, или судам, или начальникам департаментов.

Президент должен иметь право замещать открывающиеся во время закрытия сессии сената вакансии, выдавая патенты на должности, срок которых должен кончаться с окончанием следующей сессии.

Отдел 3. Он должен от времени до времени доставлять конгрессу сведения о положении Союза и предлагать на его усмотрение такие меры, какие считает необходимыми и полезными; он может в экстренных случаях созывать обе палаты или одну из них и, в случае разномыслия между ними касательно времени закрытия заседаний, может отлагать их заседания на столько времени, на сколько сочтет необходимым; он должен принимать послов и других уполномоченных, должен заботиться о точном исполнении законов и должен выдавать патенты всем должностным лицам Соединенных Штатов.

Отдел 4. Президент, вице-президент и все гражданские должностные лица Соединенных Штатов должны быть удаляемы от должностей в случае предания суду и обвинения в измене, во взяточничестве или в других важных преступлениях и проступках.

Статья III

Отдел 1. Судебная власть Соединенных Штатов должна быть предоставлена одному верховному суду и тем низшим судам, которые конгресс будет от времени до времени учреждать. И члены верховного суда, и члены низших судов должны оставаться в своих должностях, пока будут вести себя безукоризненно; они должны получать за свою службу в назначенные сроки денежное вознаграждение, которое не может быть уменьшено, пока они остаются в должности.

Отдел 2. Судебная власть должна простираться: на все дела, разрешаемые по закону и по справедливости, какие могут возникнуть из этой конституции, из законов Соединенных Штатов и из трактатов, которые заключены или будут заключены Соединенными Штатами; на все дела, касающиеся послов, других уполномоченных и консулов; на все дела, касающиеся адмиралтейства и морской юрисдикции; на тяжбы, в которых одною из тяжущихся сторон являются Соединенные Штаты; на тяжбы между двумя или более Штатами, между Штатом и гражданами другого Штата, между гражданами различных Штатов – между гражданами одного Штата, предъявляющими свои права на земли, полученные в дар от различных Штатов, и между Штатом или его гражданами, с одной стороны, и иностранными государствами, гражданами или подданными – с другой.

Во всех делах, касающихся послов, других уполномоченных и консулов, и в тех делах, в которых Штат является одною из тяжущихся сторон, верховному суду должна принадлежать первоначальная юрисдикция. Во всех других ранее упомянутых делах верховному суду должна принадлежать юрисдикция по апелляциям и относительно закона и относительно фактов с теми исключениями и по таким правилам, какие будут установлены конгрессом.

Все преступления, за исключением тех, за которые возбуждено уголовное преследование, должны судиться судом присяжных; суд должен происходить в том Штате, в котором совершено преступление; но если оно не совершено ни в

одном из Штатов, то суд должен происходить в том месте или в тех местах, которые будут указаны законом, изданным конгрессом.

Отдел 3. Под словом измена Соединенным Штатам следует разуметь только восстание против них с оружием в руках, присоединение к их врагам, оказывание помощи и содействие этим врагам. Никто не может быть признан виновным в измене иначе, как на основании двух свидетельских показаний о том, что преступное намерение перешло в действие, или на основании собственного признания, сделанного на суде.

Конгрессу должно быть предоставлено право назначать наказание за измену, но обвинительный приговор не должен подвергать лишению прав состояния или штрафу иначе, как в течение жизни осужденного.

Статья IV

Отдел 1. В каждом Штате следует относиться с полным доверием и уважением к публичным актам, официальным документам и судебным решениям каждого другого Штата. А конгресс может общими законами установить способ, которым следует удостоверять эти акты, документы и решения и их значение.

Отдел 2. Гражданам каждого Штата должны быть предоставлены все привилегии и права граждан в других Штатах.

Если человек, обвиняемый в котором-либо из Штатов в измене или в другом преступлении, спасется бегством от судебного преследования и будет отыскан в другом Штате, то по требованию исполнительной власти того Штата, из которого он бежал, он должен быть выдан для отправки в тот Штат, ведомству которого подсудно преступление.

Кто обязан исполнять какую-нибудь службу или работу в одном из Штатов на основании местных законов и убежит в другой Штат, тот не может быть освобожден от этой службы или работы на основании каких-либо законов или постановлений этого другого Штата; он должен быть выдан по требованию того, кому должен был исполнять службу или работу.

Отдел 3. Новые Штаты могут быть принимаемы конгрессом в этот Союз; но никакой новый Штат не может быть организован или учрежден в сфере юрисдикции какого-либо другого Штата; никакой Штат не может быть организован посредством соединения двух или более Штатов или частей Штатов без согласия как законодательных собраний этих Штатов, так и конгресса.

Конгрессу должно быть предоставлено право распоряжаться территорией или другой собственностью, принадлежащей Соединенным Штатам, и издавать относительно этой собственности все необходимые правила и руководства, а в этой конституции ничто не должно быть объясняемо в таком смысле, который был бы нарушением прав Соединенных Штатов или одного из Штатов.

Отдел 4. Соединенные Штаты должны обеспечить каждому Штату, вступившему в этот Союз, республиканскую форму правления и должны охранять каждый Штат от неприятельских нашествий, а по просьбе законодательного собрания или исполнительной власти (когда законодательное собрание не может собраться) должны охранять каждый Штат и от внутренних насилий.

Статья V

Если две трети членов обеих палат признают это необходимым, конгресс должен предложить поправки этой конституции или же по просьбе законодательных собраний двух третей Штатов должен созвать конвент для предложения поправок, которые в обоих случаях будут иметь обязательную силу в качестве составных частей этой конституции, если будут утверждены законодательными собраниями трех четвертей Штатов или конвентами в трех четвертых Штатов, так как и тот и другой способ утверждения может быть предложен конгрессом; но никакая поправка, утвержденная ранее тысяча восемьсот восьмого года, не должна касаться первого и четвертого постановлений в девятом разделе первой статьи, и ни один Штат не может быть без его согласия лишен равного с другими Штатами права голоса в сенате.

Статья VI

Все долги, которые были сделаны, и все условия, которые были заключены до утверждения этой конституции, должны считаться обязательными для Соединенных Штатов при этой конституции точно так же, как они были обязательны при Конфедерации.

Эта конституция и законы Соединенных Штатов, которые будут издаваться в исполнение ее, равно как все трактаты, которые заключены или будут заключены Соединенными Штатами, должны считаться верховным законом страны, а судьи в каждом Штате должны подчиняться этому закону, хотя бы некоторые постановления в конституции или в законах какого-либо Штата и находились в противоречии с ним.

Ранее упомянутые сенаторы и представители, равно как члены законодательных собраний различных Штатов и все административные и судебные должностные лица как Соединенных Штатов, так и отдельных Штатов, должны дать присягу или аффирмацию, что будут поддерживать эту конституцию; но никогда не следует требовать принадлежности к какому-либо вероисповеданию как необходимого условия для занятия какой-либо должности или для исполнения каких-либо общественных обязанностей в Соединенных Штатах.

Статья VII

Утверждение конвентами девяти Штатов должно считаться достаточным для введения этой конституции в тех Штатах, которые утвердили ее этим способом.

Утверждена на конвенте с единогласного одобрения присутствующих¹¹³. Штатов семнадцатого сентября 1787 года от Р.Х. и в двенадцатом году независимости Соединенных Штатов Америки.

¹¹³ От Род-Айленда представителей не было. Ряд делегатов покинул Конвент еще до того, как была закончена работа по обсуждению и принятию статей конституции, а некоторые из них отказались от подписания конституции. Всего конституцию подписали 39 представителей штатов из 55 присутствовавших на Конвенте (назначено же было от штатов 65 делегатов). Первым одобрил конституцию штат Делавер. Присоединение штата Нью-Гемпшир к конституции после ее одобрения 21 июня 1788 г. дало возможность считать конституцию вступившей в силу, так как этот штат был по счету девятым из числа одобрявших. Последним штатом, принявшим Конституцию США, был Род-Айленд (29 мая 1790 г.).

В удостоверение чего мы подписались под ней нашими именами.

Джордж Вашингтон,

Президент и депутат от Виргинии.

Нью-Гемпшир – John Langdon, Nicholas Gilman. Массачузетс – Nathaniel Gorham, Rufus King. Коннектикут – Wm. Saml. Johnson, Roger Sherman. Нью-Йорк – Alexander Hamilton. Нью-Джерси – Wil. Livingston, Wm. Patterson, David Brearley, Iona. Dayton. Пенсильвания – B. Franklin, Thos. Fitzsimons, Thomas Milflin, Jared Ingersoll, Robt Morris, James Wilson, Geo. Clymer, Gouv. Morris – Делавер – Geo. Read, Richard Basset, Gunning Bedford, Jura., Jaco. Brown, John Dickinson. Мериленд – Jahies Henry, Dan. Carroll, Dan. Jenifer, of St. Thomas. Виргиния – John Blair, James Madison, Jun. Северная Каролина – Wm. Blount, Hugh Williamson, Rich'd. Dobbs Speight. Южная Каролина – J. Rutledge, Charles Pinckney, Charles Cotesworth Pinckney, Pierce Butler. Георгия – William Few, Abr. Baldwin.

Источник: Конституция Соединенных Штатов. 1787 года // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957.

БИЛЬ О ПРАВАХ

[Первые десять поправок к Конституции, ратифицированные 15 декабря 1791 г., образуют Билль о правах]

Поправка I

Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб. *(Ратифицирована 15 декабря 1791 г.)*

Поправка II

Поскольку хорошо организованное народное ополчение необходимо для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться. *(Ратифицирована 15 декабря 1791 г.)*

Поправка III

В мирное время ни один солдат не должен размещаться на постой без согласия владельца дома; однако в военное время это допускается, но лишь в порядке, предусмотренном законом. *(Ратифицирована 15 декабря 1791 г.)*

Поправка IV

Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться; ни один ордер не должен выдаваться иначе как при наличии достаточного основания, и он должен быть подтвержден присягой или торжественным заявлением и содержать подробное описание места, подлежащего обыску, личностей или предметов, подлежащих аресту. *(Ратифицирована 15 декабря 1791 г.)*

Поправка V

Никто не должен привлекаться к ответственности за караемое смертью или иным образом позорящее преступление иначе, как по представлению или обвинительному заключению Большого жюри, за исключением дел, возбуждаемых в сухопутных или военно-морских силах либо в народном ополчении, когда оно призвано на действительную службу во время войны или угрожающей обществу опасности; никто не должен за одно и то же преступление дважды подвергаться угрозе нарушения телесной неприкосновенности или лишения жизни; никто не должен принуждаться в каком-либо уголовном деле давать показания в качестве свидетеля против самого себя; никто не может быть лишен жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры; частная собственность не должна изыматься для общественного пользования без справедливого возмещения. *(Ратифицирована 15 декабря 1791 г.)*

Поправка VI

При всяком уголовном преследовании обвиняемый имеет право на скорый и публичный суд беспристрастных присяжных того штата и округа, ранее установленного законом, где было совершено преступление; обвиняемый имеет право быть осведомленным о сущности и основаниях обвинения, право на очную ставку со свидетелями, показывающими против него, право на принудительный вызов свидетелей со своей стороны и на помощь адвоката для своей защиты.

(Ратифицирована 15 декабря 1791 г.)

Поправка VII

Во всех исковых производствах, основанных на общем праве, где оспариваемая цена иска превышает двадцать долларов, сохраняется право на суд присяжных; ни один факт, рассмотренный присяжными, не может быть пересмотрен каким-либо судом Соединенных Штатов иначе, как в соответствии с нормами общего права. *(Ратифицирована 15 декабря 1791 г.)*

Поправка VIII

Не должны требоваться чрезмерные залоги или налагаться чрезмерные штрафы либо назначаться жестокие и необычные наказания. *(Ратифицирована 15 декабря 1791 г.)*

Поправка IX

Перечисление в Конституции определенных нрав не должно толковаться как отрицание или умаление других нрав, сохраняемых за народом. *(Ратифицирована 15 декабря 1791 г.)*

Поправка X

Полномочия, которые не делегированы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и пользование которыми ею не запрещено отдельным штатам, сохраняются за штатами либо за народом. *(Ратифицирована 15 декабря 1791 г.)*

Источник: Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство // Под ред. О.А. Жидкова. Перевод В.И. Лафитского. – М.: Прогресс, Универс, 1993.

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

(Принято континентальным конгрессом 4 июля 1776 г.).

В конгрессе 4 июля 1776 г. Единогласная декларация тринадцати Соединенных Штатов Америки.

Когда в ходе человеческих событий является необходимость для одного народа порвать политические связи, соединявшие его с другим, и занять между земными державами отдельное и равноправное положение, на что ему предоставляется право самой природой и ее Творцом, то уважение к мнениям людей требует, чтобы он изложил причины, побуждающие его к такому отделению.

Мы считаем за очевидные истины, что все люди сотворены равными, что им даны их Творцом некоторые неотъемлемые права, в числе которых находятся – жизнь, свобода и право на счастье, что для обеспечения этих прав людьми учреждены правительства, пользующиеся своей властью с согласия управляемых, что если какое-либо правительство препятствует достижению этих целей, то народ имеет право изменить или уничтожить его и учредить новое правительство на таких основаниях и началах, организовав его власть в таких формах, которые лучше всего должны обеспечить его безопасность и счастье. Благоразумие указывает, чтобы давно уже учрежденные правительства не были сменяемы на основании маловеских и преходящих причин; и, согласно с этим, опыт показывает, что люди скорее склонны терпеть зло, пока оно выносимо, чем восстанавливать свои права путем уничтожения тех форм, к которым они привыкли. Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно преследующих ту же цель, обнаруживает стремление подчинить их полному деспотизму, то это их право, то это их долг – свергнуть такое правительство и установить новые гарантии ограждения их будущей безопасности. Таково было долготерпение этих колоний, и такова настоящая необходимость, которая принуждает их изменить их прежнюю систему правительства. История

настоящего короля Великобритании есть история ряда несправедливостей и насилий, имевших своей целью утверждение абсолютной тирании над этими штатами. Для доказательства этого пусть будут представлены самые факты на беспристрастное суждение всего света.

Он отказал в утверждении самых полезных и необходимых для общественного блага законов.

Он воспретил своим губернаторам утверждать законы, имевшие немедленное значение для страны, иначе как под условием неприменения их впредь до согласия на них самого короля; когда же действие их бывало таким образом приостанавливаемо, то он вовсе их и не рассматривал.

Он задерживал издание других законов, важных для устройства целых населенных округов, пока население их не откажется от своего права представительства в местных законодательных собраниях, права неоценимого для них и опасного только для тиранов.

Он созывал законодательные собрания в необычных, неудобных и отдаленных от их архивов местах, с единственной целью, понудить их на согласие с его распоряжениями.

Он несколько раз распускал представительные собрания за то, что они твердо противились его вторжениям в народные права.

Он долго после такого распускания не соглашался сделать распоряжение о выборе новых собраний; вследствие чего законодательная власть, не доступная уничтожению, возвратилась для пользования ею к народу, в его целостности, в то время, как страна подвергалась всем опасностям внешнего вторжения и внутренних переворотов.

Он старался препятствовать увеличению населения этих штатов, для чего задерживал действие существующих законов о натурализации иностранцев, отказывая в утверждении новых законов для поощрения эмигрантов, и стесняя условия земельного надела.

Он делал помехи к отправлению правосудия, отказывая в своем утверждении законов об открытии судов.

Он поставил судей в исключительную зависимость от своей воли, относительно срока их службы и их вознаграждения.

Он учредил множество новых должностей и наслал сюда толпы чиновников для отягощения и разорения народа.

Он содержал между нами, во время мира, постоянные армии, без согласия наших законодательных собраний.

Он стремился сделать военную власть независимой и поставить ее выше гражданской.

Он соединился с другими¹¹⁴ [законодательными учреждениями], чтобы подчинить нас юрисдикции, чуждой нашей конституции и непризнанной нашими законами, давая согласие на акты мнимого законодательства:

о постое значительных отрядов вооруженных войск между нами; о защите их, путем подобия настоящего суда, от наказания за убийство, совершенное среди населения этих штатов;

о прекращении нашей торговли со всеми частями света;

по обложению нас налогами, без нашего согласия;

о лишении нас, во многих случаях, преимуществ суда присяжных;

об отсылке нас за море для суда, по измышленным преступлениям;

по уничтожению свободных английских законов в соседней провинции, заменяя их неограниченным управлением и постепенно расширяя его пределы, чтобы сделать его в одно и то же время примером и пригодным орудием, для введения подобной же системы абсолютизма в наших колониях;

по уничтожению данных нам грамот с отменой наиболее ценимых нами законов и с основным изменением форм наших правительств;

по прекращению действия наших собственных законодательных собраний, с объявлением о своем праве законодательствовать для нас во всех случаях.

Он сам отказался от управления нами, поставив нас вне своей защиты и начав против нас войну.

¹¹⁴ Здесь подразумевается британский парламент. Слова в скобках добавлены для ясности переводчиком.

Он грабил на наших морях, опустошил наши берега, сжег наши города и лишил жизни многих из нашего народа.

В это самое время, он посылал целые армии иностранных наемников, чтобы довершить дело убийства, опустошения и тирании, начатое при сопровождавших его обстоятельствах такой жестокости и обмана, которые почти не имеют себе равных в самых варварских веках и вовсе не достойны главы цивилизованной нации.

Он принудил силой наших сограждан, захваченных в открытом море, поднять оружие против своей родины и сделаться палачами своих друзей и братьев, или самим пасть от их руки.

Он возбудил внутренние волнения между нами и пытался направить на жителей наших границ безжалостных индейских дикарей, известный способ войны которых представляет поголовное избиение всех возрастов, полов и состояний.

В продолжение всех этих притеснений мы неоднократно подавали самые покорные петиции о восстановлении наших прав; единственным ответом на наши неоднократные просьбы было повторение тех же несправедливостей.

Государь, характер которого отмечен всеми качествами, отличающими тирана, не может быть правителем свободного народа.

Мы не оставляли также без внимания и наших британских братьев. Мы предупреждали их, от времени до времени, о попытках их законодательного собрания, к незаконному распространению на нас своей юрисдикции. Мы напоминали им те обстоятельства, при которых совершилась наша эмиграция и переселение сюда. Мы взывали к их прирожденному чувству справедливости и к их великодушию и заклинали их, во имя нашего племенного родства, отречься от участия в этих несправедливостях, которые неминуемо должны были порвать наши родственные связи и сношения. Но они также оставались глухи к голосу справедливости и племенного родства. Мы должны поэтому примириться с необходимостью нашего отделения и отныне смотреть на них, как на остальных людей: врагов во время войны, друзей во время мира.

Поэтому мы – представители *Соединенных Штатов Америки*, собравшиеся на общий конгресс, призывая Верховного Судью мира свидетелем чистоты наших намерений, именем и властью народа этих колоний, торжественно объявляем, что эти соединенные колонии суть отныне *свободные* и независимые штаты; что они освобождены от всякого подданства британской короне, и что всякая политическая связь между ними и государством Великобритании окончательно порвана и что, как *свободные и независимые штаты*, они имеют полное право объявлять войну, заключать мир и союзы, заводить торговлю и совершать все другие акты и дела, на которые имеют право независимые государства. И для поддержания этой декларации, с твердой уверенностью в покровительстве божественного Провидения, мы даем взаимный обет и в том отвечаем нашей честью, жизнью и имуществом.

Источник: Декларация независимости Соединенных Штатов Америки. 4 июля 1776 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957.

СТАТЬИ КОНФЕДЕРАЦИИ (1781)¹¹⁵

Всем, до кого сие дойдет, мы, нижеподписавшиеся делегаты штатов, обозначенных рядом с нашими именами, посылаем свой привет. Делегаты Соединенных Штатов Америки, собравшиеся на конгресс пятнадцатого ноября тысяча семьсот семьдесят седьмого года, во второй год независимости Америки, пришли к соглашению по известным статьям конфедерации и вечного союза между штатами Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Род-Айленд и плантациями: Провиденс, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мэриленд, Виргиния, Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия, - в

¹¹⁵ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX вв. С. 171–178.

следующих словах: Статьи конфедерации и вечного союза между штатами Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Род-Айленд и плантациями: Провиденс, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мэриленд, Виргиния, Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия.

Статья I. Эта конфедерация должна называться *Соединенными Штатами Америки*.

Статья II. Каждый штат сохраняет свое верховенство, свободу и независимость, равно как и всякую власть, юрисдикцию и права, которые особо не предоставлены этой конфедерацией Соединенным Штатам, собравшимся на конгресс.

Статья III. Поименованные штаты входят в дружественный союз друг с другом, для общей защиты, обеспечения их свободы и для взаимной и общей пользы, обязуясь помогать друг другу против всякого насилия или нападения, против всех вместе, или каждого отдельно из-за религии, верховных прав, торговли или по каким-либо другим поводам.

Статья IV. Чтобы лучше обеспечить и упрочить взаимную дружбу и сношения между населением различных штатов этого союза, свободные жители каждого из этих штатов, за исключением нищих, бродяг и скрывающихся от правосудия, пользуются всеми привилегиями и льготами свободных граждан во всех штатах; жители каждого штата имеют право свободного въезда и выезда из каждого штата и пользуются в нем всеми промышленными и торговыми привилегиями, подчиняясь тем же пошлинам, налогам и ограничениям, наравне с их жителями; но эти ограничения не должны простирались до воспреещения перевозки ввезенного товара в какой-либо другой штат, где проживает его владелец; эти налоги, пошлины и ограничения не касаются также собственности Соединенных Штатов и какого-либо их них в отдельности.

Если человек, обвиняемый в измене, преднамеренном преступлении или другом важном проступке, совершенном в каком-либо из штатов, бежит от правосудия и будет найден в других штатах, то по требованию губернатора или

исполнительной власти того штата, откуда был совершен побег, он должен быть выдан ему и препровожден в штат, суду которого он подлежит.

В каждом из этих штатов постановления и судебные распоряжения судов или магистратуры другого штата должны пользоваться полным доверием.

Статья V. Для более удобного заведования делами, касающимися общих интересов Соединенных Штатов, ежегодно должны быть избираемы делегаты, в порядке, установленном по желанию каждого штата, которые в первый понедельник ноября каждого года собираются на конгресс; причем каждый штат имеет право во всякое время года отозвать своих делегатов или кого-либо из них и заменить их другими на остальную часть года.

Каждый штат должен иметь не менее двух и не более семи представителей в конгрессе; также никто не может быть делегатом на срок более трех лет, в продолжение каждых шести лет; кроме того, никто из делегатов не имеет права занимать какую-либо должность в Соединенных Штатах, за которую он сам, или кто другой вместо него, получает жалованье, вознаграждения или какие-либо денежные выгоды.

Каждый штат сам содержит своих делегатов во время собрания штатов, и когда они состоят членами их комитетов.

При решении вопросов в Соединенных Штатах, собравшихся на конгресс, каждый штат пользуется только одним голосом.

Свобода слова и прений в конгрессе не должны подвергаться обвинениям или встречать препятствия в каком-либо суде или месте, вне конгресса, и члены его не могут подвергаться аресту или заключению в тюрьму, пока они находятся на пути в конгресс, возвращаются с конгресса или присутствуют на нем, иначе как за государственную измену, предумышленное преступление или за нарушение общественного спокойствия

Статья VI. Ни один штат, без согласия Соединенных Штатов, собравшихся на конгресс, не может посылать или принимать посольства, или входить в какие-либо переговоры, соглашения, союзы или заключать трактаты с каким-либо королем или государством; никто, занимающий какую-либо

должность с содержанием или по доверию в Соединенных Штатах, не должен принимать никаких подарков, вознаграждений, должностей или титулов какого бы то ни было рода от какого-либо короля, принца или иностранного государства; равным образом, Соединенные Штаты, собравшиеся на конгрессе, или отдельный штат, не могут раздавать никаких дворянских титулов.

Никакие два штата, или более, не могут заключать между собой договора, союза или конфедерации без согласия Соединенных Штатов, собравшихся на конгрессе, причем первые должны точно определить цель таких соглашений и на какой срок они остаются в силе.

Ни один штат не может вводить у себя таких пошлин или налогов, которые могли бы нарушать какие-либо условия трактатов, заключенных Соединенными Штатами, собравшимися на конгресс, с каким-либо королем, принцем или государством, или уже предложенных конгрессом французскому и испанскому дворам.

Каждый штат имеет право держать в мирное время только такое число военных судов, какое будет признано необходимым Соединенными Штатами, собравшимися в конгрессе, для защиты самого штата или его торговли; также ни один штат не должен в мирное время содержать большее число войск против того, которое, по мнению Соединенных Штатов, собравшихся на конгрессе, будет признано достаточным для содержания гарнизонов в фортах, необходимых для защиты такого штата; но каждый штат должен всегда иметь хорошо организованную и обученную милицию, исправно вооруженную и снабженную всем нужным, и должен всегда иметь в общественных складах в готовности для употребления нужное число полевых орудий и палаток и достаточное количество оружия, снарядов и войскового обоза.

Ни один штат не имеет права начать войну без согласия Соединенных Штатов, собравшихся на конгрессе, если только он не подвергся вторжению неприятеля, или не получил предупреждения о намерении какого-либо индейского племени вторгнуться в его пределы, и если опасность будет настолько близка, что не может быть допущено замедление, пока будет запрошен

конгресс; каждый штат может командировать военные суда или выдавать каперские свидетельства только после объявления войны Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе, и тогда только против тех королей и государств, или их подданных, которым была объявлена война Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе, соблюдая при этом все правила, установленные Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе; исключение из этого может быть только в том случае, если штат подвергается нападению пиратов, когда он может снаряжать военные корабли и содержать их, пока будет продолжаться опасность или пока Соединенные Штаты, собравшиеся на конгрессе, не сделают другого распоряжения.

Статья VII. Когда каким-либо штатом собирается войско для общей защиты, то все его офицеры, в чине полковника или ниже, назначаются законодательным собранием соответствующего штата, вооружившего войско, и все открывающиеся вакансии должны быть замещены по его же распоряжению.

Статья VIII. Все военные издержки и все другие расходы для общей обороны или на общую пользу разрешенные Соединенными Штатами, собравшимися в конгрессе, покрываются из общей казны, пополняемой штатами сообразно стоимости земель в каждом штате, оцененных, со всеми находящимися на них постройками и со сделанными в них улучшениями, по способу, указанному Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе. Налоги для уплаты пропорциональной части таких расходов налагаются и взыскиваются по распоряжению и указанию законодательных собраний штатов в сроки, утвержденные Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе.

Статья IX. Соединенным Штатам, собравшимся на конгрессе, исключительно принадлежит право решения вопросов о мире и войне, за исключением случаев, упомянутых в VI статье, – права посылки и приема посольств – право заключения союзов и договоров, с тем однако условием, чтобы не заключались такие торговые трактаты, которые ограничивали бы право законодательных собраний штатов облагать иностранцев такими же налогами и пошлинами, какими обложены и их жители, и воспрещать ввоз и вывоз каких бы

то ни было товаров или продуктов; конгрессу также исключительно принадлежат права: установления правил, определяющих во всех случаях законность взятой у неприятеля добычи на суше или на море, и какими способами будет производиться раздел таких призов; выдача каперских свидетельств в мирное время; назначение судов для разбора дел о морских разбоях и судов для апелляционных решений во всех случаях захватов добычи, с тем ограничением, чтобы ни один из членов конгресса не был назначаем членом названных судов.

Соединенные Штаты, собравшиеся на конгрессе, представляют последнюю апелляционную инстанцию по всем спорам и разногласиям, существующим теперь или могущим возникнуть между двумя или более штатами, относительно границ, юрисдикции или по каким-либо другим вопросам. Этим правом конгресс пользуется таким образом: когда законодательная или исполнительная власть, или законный поверенный штата, находящегося в споре с другим, представит петицию конгрессу с изложением предмета спора и с просьбой о его разрешении, конгресс извещает об этом законодательную или исполнительную власть другого спорящего штата и назначает день для явки поверенных спорящих сторон, которым предоставляется назначить по взаимному соглашению комиссаров или судей, для выслушивания и решения спорного дела; если соглашение между ними не состоится, то конгресс назначает трех лиц от каждого из Соединенных Штатов, и из списка таких лиц каждая сторона попеременно вычеркивает по одному (причем первой начинает сторона, подавшая петицию), пока число имен не будет сокращено до тринадцати; из этого числа не менее семи и не более девяти имен должно быть вынуто по жребию, в присутствии конгресса; и лица, имена которых будут вынуты таким образом, или пятеро из них, должны быть комиссарами или судьями для выслушивания и решения спорного дела большинством голосов, но если которая-либо из спорящих сторон не явится без уважительных для конгресса причин в назначенный день или, явившись, откажется вычеркивать имена, то конгресс назначает по три лица от каждого штата, и право

вычеркивания имен вместо неявившейся стороны предоставляется секретарю конгресса; решение назначенного описанным способом суда будет являться окончательным. Но если которая-либо из тяжущихся сторон откажется подчиниться авторитету такого суда или не явится для защиты своего дела, то суд все-таки постановляет свое решение, которое также будет окончательным, и постановленное таким образом решение со всем производством дела, в том и другом случае, передается в конгресс и вносится в число его актов для обеспечения заинтересованных в деле сторон. При этом каждый комиссар, участвующий в суде, должен быть приведен одним из верховных судей того штата, где будет рассматриваться дело, к присяге, «добросовестно выслушать и разобрать дело, по своему крайнему разумению, без лицеприятия или надежды получить награду». Ни один штат не может быть лишен своей территории в пользу Соединенных Штатов.

Все споры относительно частных прав на земли, по концессиям от двух или более штатов, по представлении которой-либо из спорящих сторон о том петиции конгрессу Соединенных Штатов будут решаться описанным выше способом, установленным для решения споров касательно территориальной юрисдикции между различными штатами.

Соединенным Штатам, собравшимся на конгрессе, также принадлежит исключительное право: определять сплав и стоимость монеты, чеканенной по их распоряжению или по распоряжению других штатов; определять нормы весов и мер по всем Соединенным Штатам, регулировать торговлю и все дела с индейцами, не входящими в состав штатов, без нарушения законодательных прав какого-либо из них в пределах его территории; учреждать и регулировать почтовое сообщение между штатами и по всем Соединенным Штатам, взыскивая при этом такую плату за пересылку корреспонденции, которая покрывала бы расходы устройства означенного почтового сообщения; назначать всех офицеров сухопутных войск на службе Соединенных Штатов, кроме полковых офицеров; назначать всех офицеров флота и всех других должностных лиц, состоящих на

службе Соединенных Штатов; устанавливать правила для управления означенных сухопутных и морских сил и руководить их действиями.

Соединенные Штаты, собравшиеся на конгрессе, имеют право назначить комитет, заседающий во время перерыва заседаний конгресса, носящий название «комитета штатов» и состоящий из одного делегата от каждого штата; также назначать всякие другие комитеты и должностных лиц, как будет нужно для общего управления делами Соединенных Штатов, находящимися в их ведении; назначать одного из числа их председателем; причем никто не может занимать этой должности более одного года в трехлетний срок; определять необходимые денежные суммы на потребности Соединенных Штатов, распоряжаться ими и употреблять для покрытия государственных расходов; делать займы и выпускать кредитные билеты от имени Соединенных Штатов, представляя по истечении полугодия каждому штату отчет о занятых суммах и выпущенных кредитных билетах; строить и вооружать суда, устанавливать число сухопутных войск и представлять каждому штату требования на его долю участия в этом расходе, пропорционально размеру его белого населения; эти требования должны быть обязательны, и на основании их законодательное собрание каждого штата назначает полковых офицеров, набирает солдат, вооружает и обмундировывает их, соответственно военным требованиям, за счет Соединенных Штатов. Собранные и вооруженные таким образом войска собираются в назначенных местах и в сроки, определенные Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе. Но если конгресс, соображаясь с обстоятельствами, признает нужным, чтобы какой-либо из штатов вовсе не производил набора солдат или набирал их в меньшем числе, чем полагается на его долю, и чтобы другой штат вербовал их в большем числе против положенного для него, то все такое, превосходящее его норму, войско должно быть вооружено и обмундировано им, наравне с прочими. Если же законодательное собрание штата не признает возможным набрать у себя все экстренное число солдат, то оно набирает их только в возможном для него размере и отправляет их в тот пункт и к тому сроку, которые будут назначены Соединенными Штатами, собравшимися на конгрессе.

Соединенные Штаты, собравшиеся на конгрессе, не имеют права без согласия девяти штатов: начинать войну, выдавать каперские свидетельства во время мира, заключать какие-либо договоры или союзы, назначать суммы расходов, необходимых для защиты и благосостояния Соединенных Штатов, или которого-либо из них, выпускать кредитные билеты, делать займы от имени Соединенных Штатов, ассигновать суммы на расходы, назначать число военных судов для постройки или покупки и размер сухопутных или морских сил и назначать главнокомандующего армией и флотом. Равным образом, никакой другой вопрос, кроме отсрочки заседаний с одного дня на другой, не может быть решен иначе, как большинством голосов Соединенных Штатов, собравшихся на конгрессе.

Конгресс Соединенных Штатов имеет право отсрочить свои заседания на всякое время в продолжение года и перенести их во всякое место в Соединенных Штатах, если период такой отсрочки не превышает шести месяцев; он ежемесячно публикует протоколы своих заседаний, за исключением тех их частей, которые касаются договоров, союзов или военных операций, которые, по его мнению, должны сохраняться в тайне; по желанию каждого из делегатов должно быть помещено в протоколы число согласных и несогласных голосов от каждого штата при решении какого-либо из вопросов; делегаты штатов по их требованию получают копии означенных протоколов, кроме подлежащих исключению частей, для представления их своим штатам.

Статья X. Комитеты штатов, или девяти из них, имеют право, во время прекращения заседаний конгресса, пользоваться такими правами конгресса, которые Соединенные Штаты, собравшиеся на конгрессе, с согласия девяти штатов, от времени до времени, найдут нужным им предоставить; но означенным комитетам не может быть предоставлено ни одно из тех прав, для пользования которыми, на основании статей конфедерации, требуется согласие девяти штатов на конгрессе Соединенных Штатов.

Статья XI. Канада, присоединяющаяся к этой конфедерации и к мерам, принятым Соединенными Штатами, допускается в этот союз и пользуется всеми его преимуществами; но никакая другая колония не может быть допущена в него без согласия девяти штатов.

Статья XII. Все выпущенные кредитные билеты, займы и долги, сделанные конгрессом до собрания Соединенных Штатов на основании настоящей конфедерации, должны быть приняты на себя Соединенными Штатами, которые и отвечают, как представители общественного кредита, за их уплату.

Статья XIII. Каждый штат подчиняется решениям Соединенных Штатов, собравшихся на конгрессе, по всем вопросам, предоставленным, в силу этой конфедерации, на их разрешение. Все статьи этой конфедерации должны нерушимо соблюдаться всеми штатами, и союз должен быть вечен; в них не допускается никаких последующих изменений, иначе как с согласия конгресса Соединенных Штатов и с одобрения законодательного собрания каждого штата.

Так как Вседержитель мира склонил сердца законодательных собраний штатов, которых мы состоим представителями, чтобы они одобрили упомянутые статьи конфедерации и вечного союза и уполномочили нас утвердить их, то мы, нижеподписавшиеся делегаты, в силу данных нам полномочий, сим заявляем, что мы, от имени наших доверителей, вполне одобряем и утверждаем каждую из вышеозначенных статей этой конфедерации, со всем, что в них заключается. Далее, мы торжественно ручаемся за наших доверителей, что они будут подчиняться решениям Соединенных Штатов, собравшихся на конгрессе, по всем вопросам, которые, на основании этой конфедерации, будут представлены на их разрешение, и что ее статьи будут нерушимо соблюдаться штатами, которые мы представляем, и что союз будет вечный. В удостоверение чего мы к сему на конгрессе приложили свою руки. Дано в Филадельфии, в штате Пенсильвания, в девятый день июля, тысяча семьсот семьдесят восьмого года и в третий год независимости Америки.

От имени и по поручению штата
Делавэр

От имени и по поручению штата
Мэриленд

От имени и по поручению штата
Виргиния

От имени и по поручению штата Сев.
Каролина

От имени и по поручению штата Южн.
Каролина

От имени и по поручению штата
Джорджия

От имени и по поручению штата Нью-
Гэмпшир

От имени и по поручению штата
Массачусетс

Томас М. Кин, 12 фев. 1779 г.

Джон Дикинсон, 5 мая 1779 г.

Николай Ван-Дик.

Джон Гансон. 1 марта 1781 г.

Даниэль Карроль. Тогда же

Ричард Генри Ли.

Джон Баннистер.

Томас Адамс.

Дж. Гарви.

Фрэнсис Лайтфут Ли.

Джон Пенн, 21 июля 1778 г.

Корнс Гарнетт.

Дж. Вильямс.

Генри Лоренс.

Вильям Генри Дрейтон.

Дж. Матьюс.

Ричард Гудсон.

Том Гейворд 2.

Дж. Уольтон, 24 июля 1778.

Эд. Тельфер.

Эд. Лангуорти.

Джосайя Бартлет.

Джон Вентворт 2, 8 августа
1778.

Джон Ганкок.

Самюэль Адамс.

От имени и по поручению штата Род-
Айленд и плантации Провиденс

От имени и по поручению штата
Коннектикут

От имени и по поручению штата Нью-
Йорк

От имени и по поручению штата Нью-
Джерси, 26 ноября 1778 г.

От имени и по поручению штата
Пенсильвания

Эльбридж Герри.

Фрэнсис Дана.

Джемс Ловел.

Самюэль Гольтен.

Вильям Эллери.

Генри Марчант.

Джон Коллинс.

Роджер Шерман.

Самюэль Гонтингтон.

Оливер Уолькот.

Тайтус Госмер.

Эндрю Стернс.

Джемс Дьюэн.

Фр. Льюис.

Вил. Дьюэр.

Г. Моррис.

Дж. Уитерспун

Нат. Скоддеп

Роб. Моррис.

Даниэль Робердо.

Дж. Баярд Смит.

Вильям Клинген.

Джозеф Рид, 22 июля 1778.

*(Оригинал этого документа находится в библиотеке государственного
отдела)*

1-го марта, 1781 г.

Завершение конфедерации. Согласно постановлению сего числа, достопочтенные Джон Гансон и Даниэл Карроль, бывшие делегатами Штата Мэриленд, по постановлению этого собрания, значащегося как «акт, уполномочивающий делегатов этого штата в конгрессе подписать и ратифицировать статьи конфедерации», который был читан в конгрессе 12 февраля, и копия которого занесена в протоколы, от имени означенного штата Мэриленд, подписали и утвердили упомянутые статьи, которым актом конфедерация Соединенных Штатов Америки была вполне закончена, так как все тринадцать штатов, от Нью-Гэмпшира до Джорджии включительно, приняли и утвердили ее через своих делегатов в конгрессе.

(Рукописные протоколы конгресса, том 30).

Франция имеет давнюю конституционную историю. Со времени Великой буржуазной революции конца XVIII в. во Франции было принято 17 конституций и конституционных хартий. Однако первыми важнейшими документами в этом направлении явились Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и Конституция 1791 г. Крупная буржуазия вместе с либеральным дворянством с принятием в сентябре 1791 г. конституции юридически оформили свою власть. По конституции 1791 г. Франция становилась конституционной дуалистической монархией, в которой крупной буржуазии досталась законодательная и судебная власть, а дворянству – исполнительная.

Источник: Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX вв. – С. 171–178.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА 26 АВГУСТА 1789 г.

Представители французского народа, образовав Национальное собрание и полагая, что лишь невежество, забвение прав человека и пренебрежение к ним являются единственными причинами общественных бедствий и пороков правительства, приняли решение изложить в торжественной декларации естественные, неотъемлемые и священные права человека, чтобы такая декларация, неизменно пребывая перед взорами всех членов общественного союза, постоянно напоминала им их права и обязанности; чтобы действия законодательной и исполнительной власти при возможном сопоставлении в любой момент с целями каждого политического учреждения встречали большее уважение; чтобы притязания граждан, основанные на простых непререкаемых началах, устремлялись к соблюдению конституции и всеобщему благополучию...

1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы.

2. Цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

3. Источник суверенитета зиждется, по существу, в нации. Никакая корпорация, ни один индивид не могут располагать властью, которая не исходит явно из этого источника.

Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Границы эти могут быть определены законом.

5. Закон может воспрещать лишь деяния, вредные для общества. Все же, что не воспрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписываемому законом.

6. Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его образовании. Он должен быть равным для всех как в тех случаях, когда он оказывает свое покровительство, так и в тех, когда он карает. Всем гражданам ввиду их равенства перед законом открыт в равной мере доступ ко всем общественным должностям, местам и службам сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме обуславливаемых их добродетелями и способностями.

7. Никто не может подвергнуться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом. Тот, кто испросит, издаст произвольный приказ, приведет его в исполнение или прикажет его выполнять, подлежит наказанию; каждый гражданин, вызванный (органами власти) или задержанный в силу закона, должен беспрекословно повиноваться; в случае сопротивления он подлежит ответственности.

8. Закон может устанавливать наказания, лишь строго и бесспорно необходимые. Никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, надлежаще примененного, изданного и обнародованного до совершения правонарушения.

9. Так как каждый предполагается невиновным, пока не установлено обратное, то в случае задержания лица всякая излишняя строгость, не вызываемая необходимостью в целях обеспечения его задержания, должна сурово караться законом.

10. Никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом.

11. Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может высказываться, писать и печатать свободно под угрозой ответственности лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом

12. Обеспечение прав человека и гражданина влечет необходимость применения вооруженной силы; эта сила, следовательно, установлена в интересах всех, а не в частных интересах тех, кому она вверена.

13. На содержание вооруженной силы и на расходы по содержанию администрации необходимы общие взносы, они должны распределяться равномерно между всеми гражданами сообразно их состоянию.

14. Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государственного обложения; свободно давать согласие на его взимание, следить за его расходом и определять его долевого размер, основание, порядок и продолжительность взимания.

15. Общество имеет право требовать отчета у каждого должностного лица по вверенной ему части управления

16. Общество, в котором не обеспечено право пользования правами (человека и гражданина) и не проведено разделение властей, не имеет конституции.

17. Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения.

Источник: Декларация прав человека и гражданина (Принята Национальным собранием 26 августа 1789 г.) – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=57157#005008007331042563>

КОНСТИТУЦИЯ ФРАНЦИИ 1791 ГОДА

Основной закон Франции, утвержденный Национальным собранием 3 сентября 1791 года. Принятие конституции стало итогом первого этапа Великой французской революции, юридически ограничило прерогативы

королевской власти, закрепило сложившиеся за два первых революционных года политико-правовые порядки. Формально Конституция Франции 1791 года действовала до 1793 года, когда якобинский Национальный конвент принял Конституцию первого года республики, фактически имела силу около одного года.

ТИТУЛ I.

Основные положения, гарантированные Конституцией.

Конституция гарантирует как естественные и гражданские права: 1) Что все граждане имеют доступ к местам и должностям без всякого иного отличия кроме отличия по добродетели и талантам; 2) Что все налоги будут раскладываться на всех граждан равномерно, в соответствии с их средствами; 3) Что одни и те же проступки будут караемы одними и теми же наказаниями, без всякого различия лиц.

Конституция гарантирует равным образом как естественные и гражданские права: Свободу всякому человеку идти куда угодно, оставаться в любом месте и оставлять его, не опасаясь быть задержанным или арестованным, иначе как согласно формам, определенным Конституцией; Свободу всякому человеку говорить, писать, печатать и обнародовать свои мысли, — причем произведения пера не подлежат никакой цензуре, ни надзору до выпуска их в свет, — а также исполнять предписания и обряды той религии, которой он придерживается; Свободу гражданам собираться мирным образом и без оружия, с соблюдением полицейских законов; Свободу обращаться к установленным властям с ходатайствами, подписанными единолично. Законодательная власть не может издавать законов, нарушающих и затрудняющих осуществление естественных и гражданских прав, занесенных в настоящий титул и гарантированных Конституцией; но так как свобода состоит лишь в возможности делать все, что не вредит ни правам другого, ни общественной безопасности, Закон может устанавливать наказания за действия, которые, посягая или на права другого или на общественную безопасность, будут вредны для общества.

Конституция гарантирует неприкосновенность собственности или, если законным образом удостоверенная общественная необходимость потребует пожертвования ею, справедливое и предварительное вознаграждение. – Имущества, предназначенные для религиозных расходов и для всех общепользованных учреждений, принадлежат Народу и находятся во всякое время в его распоряжении.

Конституция гарантирует отчуждения, которые были или будут произведены согласно установленным Законом формам.

Граждане имеют право выбирать тем или иным порядком служителей их вероисповеданий. Будет создано и устроено общегосударственное учреждение Общественной Помощи для воспитания покинутых детей, для облегчения участи неимущих, неспособных к труду, и для доставления работы тем способным к труду неимущим, которые не могут ее найти.

Будет создано и устроено Общественное Образование, общее для всех граждан и бесплатное относительно предметов обучения, необходимых для всякого человека; образовательные учреждения будут расположены по степеням, применительно к делению Королевства. – Будут установлены национальные праздники для охранения памяти о французской Революции, для поддержания братства между гражданами и для возбуждения в них привязанностей к Конституции, Отечеству и Законам.

Будет составлено уложение гражданских законов, общих для всего Королевства.

ТИТУЛ II.

О разделении Королевства и о состоянии граждан.

1. Королевство едино и нераздельно; его территория делится на восемьдесят три департамента, каждый департамент – на дистрикты, каждый дистрикт – на кантоны.

2. Французские граждане суть: – лица, рожденные во Франции от отца француза; лица, которые, будучи рождены во Франции от отца-иностранца, избрали себе местожительство в пределах королевства; – лица, которые, будучи

рождены за границей от отца-француза, поселились во Франции и приняли гражданскую присягу; – наконец, лица, которые, будучи рождены за границей и происходя, в какой бы то ни было степени, от француза или француженки, оставивших отечество по религиозным причинам, поселятся во Франции и примут гражданскую присягу.

3. Лица, которые, будучи рождены вне королевства от родителей-иностранцев, проживают во Франции, становятся французскими гражданами после пятилетнего непрерывного жительства в королевстве, если они сверх того приобрели здесь недвижимость или женились на француженке или основали земледельческое или торговое предприятие, и если они приняли гражданскую присягу.

4. Законодательная власть может, по важным соображениям, дать иностранцу акт укоренения без всяких других условий, кроме водворения во Франции и принятия гражданской присяги.

5. Гражданская присяга гласит: *Клянусь быть верным Нации, Закону и Королю и поддерживать всеми моими силами Конституцию Королевства, установленную Национальным Учредительным Собранием в 1789, 1790 и 1791 гг.*

6. Французское гражданство теряется: 1) вследствие принятия подданства иностранного государства; 2) вследствие присуждения к наказаниям, влекущим за собой потерю гражданской чести, если осужденный не восстановлен в праве; 3) вследствие заочного приговора, если приговор не отменен; 4) вследствие вступления в какой-либо иностранный рыцарский орден или в какую-либо иностранную корпорацию, предполагающую либо доказательства дворянства, либо различия происхождения, или требующую религиозных обетов.

7. Закон рассматривает брак только как гражданский договор. – Законодательная власть установит для всего населения, без различия, порядок удостоверения рождений, браков и смерти, и обозначит государственных должностных лиц, которые будут вести и хранить соответствующие записи.

8. Французские граждане, в рассуждении местных отношений, возникающих из сожителства их в городах и в известных районах сельской территории, составляют Общины. Законодательная власть может устанавливать пространство района каждой общины.

9. Граждане, составляющие каждую общину, имеют право выбирать из своей среды на известный срок, согласно определенным Законом формам Муниципальных Должностных Лиц, на которых возлагается заведование особыми делами общины. – Муниципальным должностным лицам могут быть вверены известные функции, касающиеся общего интереса государства.

10. Правила, которым муниципальные должностные лица обязаны будут следовать при осуществлении функций как муниципальных, так и тех, которые им будут вверены в общегосударственном интересе, будут установлены законами.

ТИТУЛ III.

О государственных властях.

1. Суверенитет един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем. Он принадлежит Нации. Никакая часть народа, никакое лицо не может присваивать себе его осуществление.

2. Нация, от которой одной проистекают все власти, может их осуществлять лишь путем уполномочия. – Французская Конституция – представительная: представители суть Законодательный Корпус и Король.

3. Законодательная власть вверяется Национальному Собранию, состоящему из срочных представителей, свободно избранных народом, и осуществляется этим собранием, с утверждением Короля, порядком, который будет определен ниже.

4. Правительство имеет монархическую форму: Исполнительная Власть вверяется Королю и осуществляется под его начальством министрами и другими ответственными агентами порядком, который будет определен ниже.

5. Судебная власть вверяется судьям, избранным на срок народом.

ГЛАВА I.

О национальном Законодательном Собрании.

Ст. 1. Национальное Собрание, образующее Законодательный Корпус, постоянно и состоит из одной только палаты.

2. Оно составляется каждые два года путем новых выборов. Каждый двухлетний промежуток времени образует законодательный период.

3. Постановления предыдущей статьи не применяются к ближайшему Законодательному Корпусу, полномочия коего истекут в последний день апреля 1793 года.

4. Возобновление Законодательного Корпуса совершается непосредственной силой закона.

5. Законодательный Корпус не может быть распущен Королем.

СЕКЦИЯ I.

Число представителей. Основания представительства.

Ст. 1. Число представителей в Законодательном Корпусе определяется в семьсот сорок пять, в соотношении с восьмьюдесятью департаментами, составляющими королевство, и независимо от представительства, которое может быть даровано Колониям.

2. Представители распределяются между восьмьюдесятью тремя департаментами согласно тройкой пропорции: по территории, по народонаселению и по прямому обложению.

3. Из семисот сорока пяти представителей двести сорок семь приурочены к территории. Каждый департамент избирает троих из них, за исключением Парижского департамента, который избирает только одного.

4. Двести сорок девять представителей приурочены к народонаселению. Вся масса активного населения королевства делится на двести сорок девять долей, и каждый департамент выбирает столько депутатов, сколько в нем долей населения.

5. Двести сорок девять представителей приурочены к прямому обложению. Общая сумма прямых налогов королевства делится точно так же на двести сорок

девять долей, и каждый департамент выбирает столько депутатов, сколько он платит долей обложения.

СЕКЦИЯ II.

Первичные Собрания. Назначение избирателей.

1. Для составления Национального Законодательного Собрания активные граждане собираются через каждые два года в городах и кантонах. Первичные Собрания составляются непосредственной силой закона во второе воскресенье марта, если они не созваны ранее государственными должностными лицами, определенными к тому Законом.

2. Чтобы быть активным гражданином нужно: родиться или сделаться французом; — достигнуть двадцатипятилетнего возраста; — иметь местожительство в кантоне или городе в течение определенного законом срока; — платить в каком-либо месте королевства прямой налог, равный по крайней мере ценности трех рабочих дней и представить в том квитанцию; — не состоять в услужении, то есть не быть наемным слугой; — быть записанным в месте своего жительства в списки народной стражи; — принять гражданскую присягу.

3. Через каждые шесть лет Законодательный Корпус устанавливает высший и низший пределы ценности рабочего дня, а Администраторы департаментов определяют его местную стоимость для каждого дистрикта.

4. Никто не может осуществлять прав активного гражданина ни более, чем в одном месте, ни через представителя.

5. Не допускаются к осуществлению прав активного гражданина: состоящие под следствием и судом, подвергшиеся банкротству или несостоятельности, доказанной подлинными документами, если они не получают полного оправдания от своих кредиторов.

6. Первичные Собрания назначают избирателей соразмерно с числом активных граждан, имеющих местожительство в городе или кантон. На сто активных граждан, присутствующих ли или нет в Собрании, назначается один избиратель, на количество от ста пятидесяти одного до двухсот пятидесяти — двое, и так далее.

7. Никто не может быть назначен избирателем, если он не удовлетворяет сверх условий необходимых для того, чтобы быть активным гражданином, еще следующим требованиям: – в городах с населением свыше шести тысяч душ нужно быть собственником или пожизненным владельцем имущества, доходность которого оценена по податным книгам в сумме, равной местной ценности двухсот рабочих дней, или нанимать жилое помещение, доходность которого оценена по тем же книгам в сумме, равной ценности ста пятидесяти рабочих дней; – в городах с населением менее шести тысяч душ – быть собственником или пожизненным владельцем имущества, доходность которого оценена по податным книгам в сумме, равной местной ценности ста пятидесяти рабочих дней, или нанимать жилое помещение, доходность которого оценена по тем же книгам в сумме, равной ценности ста рабочих дней; – в селениях быть собственником или пожизненным владельцем имущества, доходность которого оценена по податным книгам в сумме, равной местной ценности ста пятидесяти рабочих дней или арендатором или съемщиком имущества, доходность которого оценена по тем же книгам в сумме, равной ценности четырехсот рабочих дней. – Если кто-либо является в одно и то же время отчасти собственником или пожизненным владельцем, отчасти нанимателем, арендатором или съемщиком, средства, принадлежащие ему на различных основаниях, складываются, пока не достигнут суммы, необходимой для избираемости.

СЕКЦИЯ III.

Избирательные собрания. Назначение представителей.

1. Избиратели, назначенные в каждом департаменте, собираются для избрания представителей, в количестве, установленном для их департамента, и заместителей в количестве, равном трети числа представителей. – Избирательные собрания составляются непосредственной силой закона в последнее воскресенье марта, если они не будут созваны ранее должностными лицами, определенными к тому Законами.

2. Представители и заместители избираются абсолютным большинством голосов и исключительно из числа активных граждан департамента.

3. В представители Народа могут быть избраны все активные граждане, каково бы ни было их состояние, занятие и обложение.

4. Но министры и другие сменяемые агенты Исполнительной Власти, комиссары Национального Казначейства, сборщики и приемщики прямых налогов, заведующие сборами и управлением по косвенным налогам и по национальным имуществам, и лица, которые, под каким бы то ни было наименованием, причислены к военной и гражданской квартире Короля, должны выбирать между своим местом и депутатским полномочием. Точно таким же образом обязаны выбирать между должностью и полномочием администраторы департаментов и дистриктов, муниципальные должностные лица и командиры народной стражи.

5. Осуществление судебных функций несовместимо с функциями народного представителя в течение всего законодательного периода. – Судьи заменяются их заместителями, а Комиссары Короля при судах лицами, назначаемыми Королем путем препоручительных приказов.

6. Члены Законодательного Корпуса могут быть вновь избираемы на следующий законодательный период, но затем могут быть избираемы лишь по истечении промежутка времени, равного одному законодательному периоду.

7. Представители, избранные в департаментах, суть представители не отдельного департамента, а всего Народа; им не может быть дано никакого наказа.

СЕКЦИЯ IV.

Порядок и формы деятельности первичных и избирательных Собраний.

1. Функции первичных и избирательных собраний ограничиваются выборами; они расходятся тотчас по окончании выборов и могут собраться снова только в силу созыва их, за исключением случаев, предусмотренных статьями 1 секции II и статьями 1 секции III настоящего титула.

2. Ни один активный гражданин не может присутствовать и подавать голос на собрании, будучи при оружии.

3. Вооруженная сила не может быть введена в помещение собрания без прямого выражения желания с его стороны, но, если в собрании будут совершены насильственные действия, для призыва государственной силы достаточно приказа президента.

4. Каждые два года в каждом дистрикте составляются списки активных граждан по кантонам, и список каждого кантона обнародуется и вывешивается на месте за два месяца до открытия первичного собрания. – Возражения, которые могут быть сделаны как со стороны лиц, оспаривающих права граждан, внесенных в список, так и со стороны лиц, заявляющих о неправильном пропуске их имен, направляются в суды и рассматриваются там в сокращенном порядке производства. Список, со включением поправок, которые будут произведены в нем судебными решениями, постановленными до открытия ближайшего первичного собрания, служит основанием для допущения граждан в это собрание.

5. Ни в каком случае и ни под каким предлогом ни Король, ни назначенные им агенты не могут входить в рассмотрение вопросов, касающихся правильности созыва и порядка деятельности собраний, формы выборов и политических прав граждан, – независимо от функций Королевских Комиссаров в определенных законом случаях, когда вопросы, касающиеся политических прав граждан, должны быть передаваемы на рассмотрение судов.

СЕКЦИЯ V.

Соединение Представителей в Национальное Законодательное Собрание.

1. Представители собираются в первый понедельник мая в месте заседаний последнего законодательного собрания.

2. Они составляют сначала предварительное собрание, под председательством старейшего по возрасту, для проверки полномочий присутствующих представителей.

3. Как только окажется налицо триста семьдесят три члена с проверенными полномочиями, они образуют Национальное Законодательное Собрание, которое выбирает Президента, Вице-президента и Секретарей и приступает к осуществлению своих функций.

4. В течение всего мая месяца, если число наличных представителей будет менее трехсот семидесяти трех, Собрание не может совершать никаких законодательных актов. Оно может особым постановлением предписать отсутствующим членам явиться к исполнению их обязанностей не позднее, как в двухнедельный срок, под страхом штрафа в три тысячи ливров, если они не представят оправданий, законных по мнению Собрания.

5. В последний день мая присутствующие представители образуют Национальное Законодательное Собрание, каково бы ни было их число.

6. Представители приносят все вместе, от имени Французского Народа, присягу жить свободными или умереть. Затем они дают каждый отдельно клятву поддерживать всеми своими силами Конституцию Королевства, установленную Национальным Учредительным Собранием в 1789, 1790 и 1791 годах, не предлагать и не принимать в течение предстоящего законодательного периода ничего, что могло бы нанести ей ущерб, и быть во всем верными Нации, Закону и Королю.

7. Представители Народа неприкосновенны; они не могут быть подвергаемы ни в какое время следствию, обвинению или суду за что-либо сказанное, написанное или сделанное ими при отправлении их функций, как представителей.

8. Они могут быть арестованы за уголовные деяния на месте преступления или в силу приказа о задержании; но об этом немедленно доводится до сведения Законодательного Корпуса, и преследованию может быть дан дальнейший ход лишь после того, как Законодательный Корпус решит, что есть основания к возбуждению обвинения.

ГЛАВА II.

О Королевском Сане, Регентстве и Министрах.

СЕКЦИЯ I.

О Королевском Сане и Короле.

1. Королевский Сан неделим и вверен наследственно царствующему роду в мужском поколении, по порядку первородства, с постоянным исключением женщин и их потомства. (При сем не предрешается ничего относительно последствий отречения в ныне царствующем роде.)

2. Особа Короля неприкосновенна и священна; его единственный титул есть Король Французов.

3. Во Франции нет власти выше Закона. Король царствует лишь силой Закона и только именем Закона может требовать повиновения.

4. Король, при восшествии на престол или тотчас по достижении совершеннолетия, дает Нации в присутствии Законодательного Корпуса присягу быть верным Нации и Закону, употреблять всю вверенную ему власть для поддержания Конституции, установленной Национальным Учредительным Собранием в 1789, 1790 и 1791 годах, и для исполнения Законов. – Если Законодательный Корпус не будет в сборе, Король обнародует прокламацию, в которой должна быть выражена эта клятва и обещание повторить ее, как только Законодательный Корпус соберется.

5. Если Король не дает присяги в течение месяца после приглашения к тому со стороны Законодательного Корпуса или, давши, отречется от нее, он считается отрекшимся от престола.

6. Если Король станет во главе вооруженной силы и направит ее против Нации или не воспротивится путем формального акта выполнению подобного предприятия от его имени, он считается отрекшимся от престола.

7. Если бы Король, выехав из Королевства, не вернулся в него после приглашения Законодательного Корпуса в срок, предельный в прокламации, каковой срок не может быть менее двух месяцев, он считается отрекшимся от престола. Течение срока начинается со дня обнародования прокламации

Законодательного Корпуса в месте его заседаний, после чего Министры обязаны, под своей ответственностью, совершать акты Исполнительной Власти, осуществление которой отсутствующим Королем приостанавливается.

8. После отречения, прямого или вытекающего из предположений закона, Король переходит в разряд граждан и может быть обвиняем и судим подобно им за действия, совершенные после отречения.

9. Частные имущества, которыми обладает Король в момент своего восшествия на престол, присоединяются бесповоротно к имуществу Нации; он может распоряжаться имуществом, приобретаемым им в качестве частного лица, но за отсутствием такого распоряжения оно точно так же поступает в собственность Нации с окончанием царствования.

10. Нация доставляет средства для блеска престола в виде гражданского листа, сумма которого определяется Законодательным Корпусом при каждой перемене царствования на все время нового царствования.

11. Король назначает заведующего гражданским листом, который ведет судебные иски Короля и против которого направляются иски, и постановляются приговоры, падающие на имущество Короля. Взыскания по приговорам, постановленным в пользу кредиторов гражданского листа, могут быть обращены на личность и имущество заведующего.

12. Король, независимо от почетной охраны, предоставляемой ему гражданами народной стражи в месте его пребывания, имеет наемную стражу, оплачиваемую из средств гражданского листа; она не может превышать количества тысячи двести человек пеших и шестисот человек конных. Чины и правила чинопроизводства в ней должны быть те же, что и в общих войсках, но служебное движение лиц, составляющих Королевскую стражу, происходит исключительно в их среде, и они не могут получать мест в общей армии. Король может набирать людей для своей стражи только из числа лиц, находящихся в данное время на действительной службе в общих войсках или прослуживших год в народной страже, если эти лица имеют местопребывание в Королевстве и приняли предварительно гражданскую присягу. Королевская стража не может

быть командирована или вытребована ни для какой иной государственной надобности.

СЕКЦИЯ II.

О регентстве.

1. Король несовершеннолетен до достижения восемнадцатилетнего возраста. Во время несовершеннолетия его правит Регент Королевства.

2. Регентство принадлежит ближайшему в порядке престолонаследия родственнику Короля, достигшему двадцатипятилетнего возраста, если только он француз, проживает в Королевстве, не является наследником какой-либо другой короны и принял предварительно гражданскую присягу. Женщины не допускаются к Регентству.

3. Если у несовершеннолетнего Короля нет родственников, удовлетворяющих вышеозначенным условиям, Регент Королевства избирается так, как будет сказано в нижеследующих статьях.

4. Законодательный Корпус не может избирать Регента.

5. Избиратели каждого дистрикта собираются в главном городе дистрикта, согласно прокламации, которая издается в течение первой недели нового царствования Законодательным Корпусом, если он в сборе; в противном случае эту прокламацию обязан издать министр юстиции в течение той же недели.

6. Избиратели выбирают в каждом дистрикте, путем единоименной баллотировки и абсолютным большинством голосов, одного гражданина, удовлетворяющего условиям избираемости и имеющего местожительство в дистрикте, и возлагают на него, в протоколе выборов, специальное полномочие, ограниченное исключительно избранием гражданина, которого он в душе и по совести считает наиболее достойным быть Регентом Королевства.

7. Уполномоченные граждане, выбранные в дистриктах, обязаны собраться не позже сорокового дня со времени восшествия на престол несовершеннолетнего Короля в городе, где будет заседать Законодательный Корпус, и образуют здесь избирательное собрание, которое приступает к выбору Регента.

8. Выбор Регента производится единоименной баллотировкой и абсолютным большинством голосов.

9. Избирательное собрание не может заниматься ничем иным, кроме выбора, и расходится тотчас по окончании избрания; всякое другое действие, которое бы оно предприняло, объявляется неконституционным и недействительным.

10. Избирательное собрание представляет через своего Председателя протокол избрания Законодательному Корпусу, который, проверив правильность избрания, обнародует его во всем Королевстве посредством прокламации.

11. Регент осуществляет до совершеннолетия Короля все функции королевского сана и не ответствен лично за акты своего управления.

12. Регент не может приступить к осуществлению своих функций, не дав предварительно Нации, в присутствии Законодательного Корпуса, присягу: быть верным Нации, Закону и Королю, употреблять всю предоставленную Королю власть, осуществление которой доверено ему на время несовершеннолетия Короля, для поддержания Конституции, установленной Национальным Учредительным Собранием в 1789, 1790 и 1791 годах, и для исполнения законов. Если Законодательный Корпус не находится в сборе, Регент обнародует прокламацию, в которой должны быть выражены эта присяга и обещание повторить ее, как только Законодательный Корпус соберется.

13. Пока Регент не вступил в отправление своих функций, утверждение законов приостанавливается; министры продолжают совершать, под своей ответственностью, все акты исполнительной власти.

14. Как скоро Регент дает присягу, Законодательный Корпус определяет его содержание, которое не может быть изменено в продолжение регентства.

15. Если ввиду несовершеннолетия родственника, призванного к регентству, этот сан перешел к более дальнему родственнику или замещен по выбору, Регент, вступивший в отправление своих функций, продолжает осуществление их вплоть до совершеннолетия Короля.

16. С регентством Королевства не связано никакого права по отношению к личности несовершеннолетнего Короля.

17. Попечение о несовершеннолетнем Короле вверяется его матери, если же у него нет матери или если она состоит во вторичном браке во время восшествия на престол ее сына или вступает во вторичный брак в течение его несовершеннолетия, попечение передается другому лицу по усмотрению Законодательного Корпуса. Не могут быть избраны для попечения о несовершеннолетнем Короле ни Регент и его нисходящие родственники, ни женщины.

18. В случае безумия Короля, сделавшегося общеизвестным, законным образом удостоверенного и признанного Законодательным Корпусом после трех постановлений об этом предмете, сделанных одно за другим с месячными промежутками, должно быть регентство, пока безумие продолжается.

СЕКЦИЯ III.

О Королевском доме.

1. Предполагаемый наследник престола именуется Королевским Принцем. Он не может выезжать из Королевства без разрешения Законодательного Корпуса и согласия Короля. – Если он выедет и, достигнув восемнадцатилетнего возраста, не вернется во Францию после вызова прокламацией Законодательного Корпуса, он считается отрекшимся от права престолонаследия.

2. Если предполагаемый наследник несовершеннолетен, несовершеннолетний родственник, имеющий ближайшее право на регентство, обязан пребывать в Королевстве. – В случае, если бы он выехал и не вернулся по требованию Законодательного Корпуса, он считается отрекшимся от права на регентство.

3. Если мать несовершеннолетнего Короля, опекающая его, или избранный попечитель выедут из Королевства, они отрешаются от попечительства. – Если мать несовершеннолетнего наследника престола выедет из Королевства, она, даже после своего возвращения, не может опекать своего сына, вступившего на престол, иначе, как по постановлению Законодательного Корпуса.

4. Будет издан закон о воспитании несовершеннолетнего Короля и несовершеннолетнего наследника престола.

5. Члены Королевского дома, могущие быть призванными к престолонаследию, пользуются правами активных граждан, но не могут быть избираемы на места, должности и функции, назначение на которые принадлежит народу. – Они могут принимать места и должности, замещаемые по назначению Короля, за исключением министерств, но не могут быть главнокомандующими сухопутных и морских армий и послами, иначе как с согласия Законодательного Корпуса, которое может быть дано по предложению Короля.

6. Члены Королевского дома, могущие быть призванными к престолонаследию, носят звание Французского Принца при имени, которое им будет дано в гражданском акте, удостоверяющем их рождение, причем это имя не может быть ни родовым, ни образованным из титулов, отмененных настоящей Конституцией. – Звание принца не может быть дано никакому другому лицу и не обуславливает собой никакой привилегии и никакого изъятия из общего права всех французов.

7. Акты, посредством коих удостоверяются рождения, браки и кончины Французских Принцев, представляются Законодательному Корпусу, который распоряжается о сдаче их на хранение в его архивы.

8. Членам Королевского дома не дается никаких земельных уделов. – Младшие сыновья Короля получают по достижении двадцатипятилетнего возраста или со времени вступления в брак удельный доход, который определяется Законодательным Корпусом и прекращается с пресечением их мужского потомства.

СЕКЦИЯ IV.

О Министрах.

1. Выбор и увольнение министров принадлежит исключительно Королю.

2. Члены настоящего Национального Собраниа и последующих законодательных собраний, члены Кассационного Суда и лица, исполняющие обязанности верховных присяжных, не могут быть назначаемы министрами, а

также принимать какие-либо места, подарки, пенсии, жалования и поручения от Исполнительной Власти и ее агентов как во время отправления своих функций, так и в течение двух лет по прекращении такового. – То же относится и к лицам, только внесенным в список верховных присяжных, до тех пор, пока они в нем числятся.

3. Никто не может вступить в отправление какой-либо должности ни в министерствах, ни по управлению или заведованию государственными доходами, ни, вообще, какой бы то ни было должности, замещаемой Исполнительной Властью, не приняв гражданскую присягу или не представив удостоверения о принятии таковой.

4. Никакой приказ Короля не может быть исполняем, если он не подписан им и не скреплен министром или распорядителем сумм соответствующего ведомства.

5. Министры ответственны за все проступки, совершенные ими против национальной безопасности и Конституции, за всякое посягательство на личную собственность и свободу, за всякую растрату денег, назначенных на расходы по их ведомству.

6. Ни в каком случае словесное или письменное повеление Короля не может освободить министра от ответственности.

7. Министры обязаны ежегодно при открытии сессии Законодательного Корпуса представлять ему обзор предстоящих расходов по их ведомству, отдавать отчет в назначенных для него суммах и указывать на злоупотребления, которые могли вкратиться в различные части управления.

8. Никакой министр, состоящий в должности или в отставке, не может подвергнуться уголовному преследованию по поводу своего управления без постановления Законодательного Корпуса.

ГЛАВА III.

Об осуществлении Законодательной Власти.

СЕКЦИЯ I.

Полномочия и функции Национального Законодательного Собрания.

1. Конституция вверяет исключительно Законодательному Корпусу нижеследующие полномочия и функции: 1) Предложение и установление законов; Король может только пригласить Законодательный Корпус войти в рассмотрение известного предмета; – 2) Определение государственных расходов; – 3) Установление государственных налогов, определение их рода, размера, срока существования и порядка взимания; – 4) Раскладку прямых налогов между департаментами Королевства, надзор за употреблением всех государственных доходов и требование отчета в нем; – 5) Учреждение или упразднение государственных должностей; – 6) Определение пробы, веса, чекана и наименования монет; – 7) Дозволение или запрещение вводить иностранные войска на Французскую территорию или иностранные морские силы в порты Королевства; – 8) Ежегодное издание постановлений, на основании предложения Короля, о числе людей и судов, составляющих сухопутные и морские силы, о жаловании и количестве лиц каждого чина, о правилах принятия на службу и чинопроизводства, о формах набора и увольнения от службы, о составлении морских экипажей, о допущении иностранных войск или морских сил на службу Франции и о вознаграждении войск в случае распускания; – 9) Издание постановлений об управлении национальными имуществами и предписаний об отчуждении их; – 10) Привлечение к ответственности пред Верховным Национальным Судом министров и главных агентов Исполнительной Власти, обвинение перед тем же Судом лиц, преследуемых за посягательство и заговор против общегосударственной безопасности или против Конституции; – 11) Установление законов, согласно которым лицам, оказавшим услуги государству, будут даваемы почетные награды и знаки отличия (чисто личного характера); – 12) Только Законодательный Корпус имеет право устанавливать общественное чествование памяти великих людей.

2. Война может быть решена лишь постановлением Законодательного Корпуса, сделанным на основании формального и необходимого предложения Короля и им утвержденным. В случае, если предстоят или уже начались неприязненные действия, если нужно поддержать союзника или защитить какое-

либо право силой оружия, Король безотлагательно извещает о сем Законодательный Корпус, с объяснением мотивов. Если Законодательный Корпус разошелся на вакации, Король тотчас созывает его. Если Законодательный Корпус решит, что вести войну не следует, Король немедленно принимает меры для прекращения или предупреждения всяких неприязненных действий, причем министры ответственны за промедление. Если Законодательный Корпус найдет, что начатые неприязненные действия представляют собой преступное нападение со стороны министров или какого-либо иного агента Исполнительной Власти, виновник нападения преследуется в уголовном порядке. В продолжение войны Законодательный Корпус во всякое время может потребовать, чтобы Король начал переговоры о мире, и Король обязан удовлетворить этому требованию. При прекращении войны Законодательный Корпус определяет срок, в течение которого войска, призванные на службу в количестве, излишнем против мирного времени, распускаются, и армия сводится к своему обычному составу.

3. Законодательному Корпусу принадлежит ратификация мирных, союзных и торговых трактатов; ни один трактат не может иметь силы без этой ратификации.

4. Законодательный Корпус имеет право определять место своих заседаний, продолжать их, сколько он сочтет необходимым, и отсрочивать. В начале каждого царствования, если он не будет в сборе, то обязан собраться немедленно. Он имеет полицейскую власть в месте своих заседаний и в определенной им окружной черте. Он имеет дисциплинарную власть над своими членами, но не может назначить наказания строже порицания, восьмидневного ареста или трехдневного тюремного заключения. Он имеет право, для охраны своей безопасности и поддержания должного к себе почтения, располагать вооруженными силами, которые, с его согласия, ставятся в городе, где он заседает.

5. Исполнительная Власть не может проводить или ставить отрядов общей армии в расстоянии тридцати тысячи туазов от Законодательного Корпуса, иначе как по требованию или с разрешения его.

СЕКЦИЯ II.

Порядок заседаний и форма совещаний и решений.

1. Заседания Законодательного Корпуса публичны, и протоколы их печатаются.

2. Законодательный Корпус, тем не менее, может преобразовываться по любому поводу в Общий Комитет. Пятьдесят членов имеют право требовать этого. Во время заседания Общего Комитета присутствующие удаляются, кресло президента остается незанятым, порядок поддерживается вице-президентом.

3. Ни один законодательный акт не может быть обсуждаем и устанавливаем иначе, как в нижеследующей форме.

4. Производится три чтения проекта постановления с тремя промежутками, не менее восьми дней каждый.

5. После каждого чтения открываются прения, но после первого или второго чтения Законодательный Корпус может объявить, что обсуждение отсрочивается или совершенно снимается с очереди; в последнем случае проект постановления может быть вновь представлен в той же сессии. Всякий проект постановления печатается и раздается прежде, чем может быть произведено второе чтение.

6. После третьего чтения президент обязан предложить на решение Законодательного Корпуса вопрос, считает ли он возможным сделать окончательное постановление или желает отложить решение до другого времени, чтобы собрать более подробные сведения о предмете.

7. Законодательный Корпус не может совещаться и постановлять решения, если в заседании не участвуют по меньшей мере двести членов, и никакое постановление не может быть сделано иначе, как абсолютным большинством голосов.

8. Всякий законопроект, который, будучи подвергнут обсуждению, будет отвергнут после третьего чтения, не может быть представлен вновь в той же сессии.

9. Во вступительной части всякого окончательного постановления должны быть обозначены: 1) дни заседаний, в которые были произведены три чтения проекта; 2) постановление, посредством которого было определено принять окончательное решение.

10. Король отказывает в своем утверждении постановлению, вступительная часть которого не будет свидетельствовать о соблюдении вышеуказанных форм; если бы подобное постановление было утверждено, министры не могут снабжать его печатью и обнародовать, и ответственность их в этом отношении длится шесть лет.

11. Изымаются из действия предшествующих положений постановления, предварительным решением Законодательного Корпуса признанные и объявленные неотложными, но они могут быть изменяемы и отменяемы в течение той же сессии. В постановлении, объявляющем вопрос неотложным, должны быть указаны мотивы, и об этом предварительном постановлении должно быть упомянуто во вступительной части окончательного постановления.

СЕКЦИЯ III.

О королевском утверждении.

1. Постановления Законодательного Корпуса представляются Королю, который может им отказать в своем согласии.

2. В случае, когда Король отказывает в своем согласии, этот отказ имеет только приостанавливающий характер. Если два законодательных собрания, следующие за тем, которое представило постановление, представят вновь, одно за другим, то же постановление в тех же выражениях, считается, что Король дал утверждение.

3. Согласие Короля обозначается на каждом постановлении следующей подписанной Королем формулой: Король согласен и прикажет исполнить. Приостанавливающий отказ обозначается формулой: Король обсудит.

4. Король обязан обозначить свое согласие или отказ на каждом постановлении в течение двух месяцев со времени его представления.

5. Всякое постановление, которому Король отказал в своей согласии, не может быть ему вторично представлено тем же законодательным собранием.

6. Постановления, утвержденные Королем или представленные ему тремя последовательными законодательными собраниями, имеют силу закона и носят наименование и заголовок «Законов».

7. Не подлежат утверждению, но тем не менее исполняются как законы акты Законодательного Корпуса, касающиеся: его организации как совещающегося и постановляющего решения собрания, – его внутренней полиции и]полицейской, которую он может осуществлять в определенной им окружной черте, – проверки полномочий его присутствующих членов, – предписаний отсутствующим членам, – созыва первичных собраний, не собравшихся в срок, – осуществления конституционного надзора за администраторами и общинными должностными лицами, – вопросов об избираемости или о действительности выборов. Равным образом, не подлежат утверждению акты, относящиеся к ответственности министров, и постановления о возбуждении обвинения.

8. Постановления Законодательного Корпуса, касающиеся установления, продления и взимания государственных налогов, носят название и заголовок Законов. Они обнародуются и исполняются, не подвергаясь утверждению, за исключением положений, устанавливающих иные наказания кроме штрафа и принудительного взыскания. – Эти постановления не могут быть сделаны иначе, как с соблюдением формальностей, предписанных статьями 4, 5, 6, 7, 8 и 9 секции II настоящей главы, и Законодательный Корпус не может включать в них положений, не относящихся к их предмету.

СЕКЦИЯ IV.

Отношения Законодательного Корпуса к Королю.

1. Когда Законодательный Корпус окончательно сформируется, он посылает к Королю депутацию, чтобы уведомить его об этом. Король может

ежегодно совершать открытие сессии и указывать предметы, которые, по его мнению, должны быть приняты к рассмотрению в течение этой сессии, но эта формальность не может считаться необходимой для деятельности Законодательного Корпуса.

2. Когда Законодательный Корпус хочет отсрочить свои заседания более, чем на две недели, он обязан по крайней мере за неделю предупредить об этом Короля посредством депутации.

3. По крайней мере за неделю до конца каждой сессии Законодательный Корпус посылает к Королю депутацию для извещения его о дне, когда он предполагает закончить свои заседания; Король может прибыть лично для закрытия сессии.

4. Если Король находит важным для блага государства, чтобы сессия была продолжена или чтобы отсрочка заседаний не имела места или состоялась на менее продолжительное время, он может по этому поводу отправить послание, которое Законодательный Корпус обязан обсудить.

5. Король созывает Законодательный Корпус в промежутки между его сессиями всякий раз, когда этого, по его мнению, требует интерес государства, равно как и в случаях, предусмотренных и определенных Законодательным Корпусом перед отсрочкой заседаний.

6. Всякий раз, когда Король отправляется в место заседаний Законодательного Корпуса, его встречает и провожает депутация; во внутренность залы его могут сопровождать только Королевский Принц и министры.

7. Президент ни в каком случае не может входить в состав депутации.

8. На время присутствия Короля Законодательный Корпус перестает быть совещающимся и голосующим учреждением.

9. Акты сношений Короля с Законодательным Корпусом всегда скрепляются министром.

10. Министры Короля могут присутствовать в Национальном Законодательном Собрании и имеют в нем отмеченное место. Они должны быть

выслушиваемы всякий раз, как они этого потребуют относительно предметов, касающихся их управления, или, когда у них будут затребованы разъяснения. — Они выслушиваются равным образом относительно предметов, не касающихся их управления, когда Национальное Собрание предоставит им слово.

ГЛАВА IV.

Об осуществлении Исполнительной Власти.

1. Верховная Исполнительная Власть находится исключительно в руках Короля. Король — верховный глава общего управления королевством: ему вверено попечение о поддержании порядка и общественного спокойствия. Король — верховный глава сухопутной и морской вооруженной силы. — Королю вверено попечение о внешней безопасности королевства и об охране его прав и владений.

2. Король назначает послов и других агентов политических сношений. Он назначает командующих армиями и флотами, и дает чины Маршала Франции и Адмирала. — Он назначает две трети контр-адмиралов, половину генерал-лейтенантов, генерал-майоров, капитанов кораблей и полковников национальной жандармерии. Он назначает треть полковников и подполковников и шестую часть флотских лейтенантов. Во всех этих назначениях он сообразуется с законами о чинопроизводстве. Он назначает, по гражданскому управлению флота, заведующих расходами, контролеров, казначеев арсеналов, начальников работ, смотрителей гражданских зданий, половину начальников управлений и смотрителей сооружений. Он назначает комиссаров при судах. — Он назначает главноуправляющих косвенными налогами и национальными имуществами. — Он надзирает за изготовлением монеты и назначает чиновников, на которых возлагается осуществление этого надзора в главной монетной комиссии и на монетных дворах. На всех монетах королевства чеканится изображение Короля.

3. Король распоряжается выдачей патентов, грамот и препоручительных указов государственным чиновникам и другим должностным лицам, которые должны получать таковые.

4. Король распоряжается составлением списка пенсий и наград, который представляется Законодательному Корпусу в каждую из его сессий и утверждается, если Законодательный Корпус сочтет это нужным.

СЕКЦИЯ I.

Об обнародовании Законов.

1. На Исполнительную Власть возлагается снабжение законов государственной печатью и обнародование их. – На нее равным образом возлагается обнародование актов Законодательного Корпуса, не нуждающихся в утверждении Короля.

2. Каждый закон изготовляется в двух подлинных документах, причем оба подписываются Королем, скрепляются Министром Юстиции и снабжаются государственной печатью. – Один остается на хранении в архивах государственной Печати, другой сдается в архивы Законодательного Корпуса.

3. Формула обнародования следующая: – «N (*имя Короля*) «Божьей милостью и по Конституционному Закону государства Король Французов всем настоящим и грядущим привет. Национальное Собрание постановило, и Мы соизволяем и повелеваем следующее (*помещается буквальное воспроизведение постановления, безо всяких изменений*): – Предписываем и повелеваем всем правительственным местам и судам занести сие в их книги, прочесть, обнародовать и вывесить в их подлежащих ведомствах и округах, и исполнять как Закон королевства; в удостоверение чего мы подписали сие и приказали приложить государственную печать».

4. Если Король несовершеннолетен, законы, прокламации и другие акты, исходящие от королевской власти во время Регентства, составляются следующим образом: «N (*имя Регента*) Регент Королевства именем N (*имя Короля*) Божьей милостью и по Конституционному Закону государства Короля Французов и т. д.».

5. Исполнительная Власть обязана рассылать законы правительственным учреждениям и судам, заботиться о засвидетельствовании этой рассылки и представлять удостоверение о ней Законодательному Корпусу.

6. Исполнительная Власть не может издавать никаких законов, даже и временных, но только прокламации, согласные с законами и имеющие целью предписать или подтвердить их исполнение.

СЕКЦИЯ II.

О внутреннем управлении.

Ст. 1. В каждом департаменте имеется высшая администрация, и в каждом дистрикте подчиненная администрация.

2. Администраторы отнюдь не имеют характера представителей. – Они суть агенты, избираемые на срок народом для осуществления административных функций, под надзором и начальством Короля.

3. Они не могут ни вмешиваться в осуществление Законодательной Власти или приостанавливать исполнение законов, ни вторгаться в судебное ведомство, ни в область военных распоряжений и действий.

4. Существенная обязанность администраторов состоит в раскладке прямых налогов и в надзоре за суммами, получаемыми от всех налогов и государственных доходов в их территориальном округе. – Определение правил и порядка отправления их функции как по вышеозначенным предметам, так и по всем другим частям внутреннего управления принадлежит Законодательной Власти.

5. Король имеет право отменять акты администраторов департамента, противные законам или данным им предписаниям. Он может временно устранить их от отправления их функций в случае упорного неповиновения или если их действия угрожают общественной безопасности или общественному спокойствию.

6. Точно так же администраторы департамента имеют право отменять акты администраторов дистрикта, противные законам, постановлениям администраторов департамента или предписаниям, данным или переданным им

этими последними. — Они могут равным образом в случае упорного неповиновения администраторов дистрикта, или, если действия этих последних угрожают общественной безопасности или спокойствию, устранять их от отправления их функций, но обязаны уведомить о том Короля, который может утвердить или отменить устранение.

7. Когда администраторы департамента не воспользуются властью, предоставленной им в предыдущей статье, Король может отменять непосредственно акты администраторов дистрикта и устранять их в тех же случаях.

8. Всякий раз, когда Король постановляет или утверждает устранение от должности администраторов департамента или дистрикта, он уведомляет о том Законодательный Корпус. Этот последний может или отменить устранение, или утвердить его, или даже распустить виновную администрацию и, если представляются основания, предать всех администраторов или некоторых из них уголовному суду или сделать постановление о возбуждении обвинения против них.

СЕКЦИЯ III.

О внешних отношениях.

1. Король один может поддерживать внешние политические отношения, вести переговоры, делать военные приготовления, соразмерные таким же приготовлениям соседних государств, распределять сухопутные и морские силы, как он сочтет нужным, и определять их движение в случае войны.

2. Всякое объявление войны делается в следующих выражениях: *от Короля Французов, именем Нации.*

3. Королю предоставляется устанавливать и подписывать со всеми иностранными державами всякие мирные, союзные и торговые трактаты и иные конвенции, которые он сочтет необходимыми для блага государства, под условием ратификации Законодательного Корпуса.

ГЛАВА V.

О судебной власти.

1. Судебная Власть не может быть ни в каком случае осуществляема ни Законодательным Корпусом, ни Королем.

2. Правосудие вершится беспошлинно судьями, избранными на срок Народом и поставленными на должность грамотами Короля, который не может отказать в выдаче таковых. Они не могут быть ни смещаемы, иначе как за преступление по должности, на основании надлежащего судебного разбирательства, ни временно устранимы от должности, иначе как в силу возбужденного обвинения. Общественный Обвинитель назначается Народом.

3. Суды не могут ни вмешиваться в осуществление Законодательной Власти или приостанавливать исполнение законов, ни вторгаться в административные функции или вызывать на разбирательство администраторов по поводу осуществления их функций.

4. Граждане не могут быть изъяты из подсудности судьям, которых им назначает закон, никакими препоручительными указами, ни иными распоряжениями о передаче или вытребовании дела, кроме определенных законами.

5. Право граждан разрешать окончательно их споры путем третейского разбирательства не может быть подвергнуто никакому умалению актами Законодательной Власти.

6. Общие суды не могут принять никакого гражданского иска без удостоверения в том, что стороны являлись, или истец вызывал противную сторону к посредникам с целью достижения примирения.

7. В кантонах и городах имеется по одному или по нескольку мировых судей. Число их определяется Законодательной Властью.

8. Законодательной Власти предоставляется определять число и округа судов и число судей, составляющих каждый суд.

9. В уголовном порядке ни один гражданин не может быть судим иначе, как на основании обвинения, принятого присяжными или постановленного Законодательным Корпусом в случаях, когда возбуждение обвинения предоставляется ему. После предания суду факт преступления должен быть

признан и объявлен присяжными. Обвиняемый может отводить их в количестве до двадцати, без объяснения причин. Присяжных, устанавливающих факт преступления, должно быть не менее двенадцати. Применение закона производится судьями. Следствие должно быть публично, и обвиняемым не может быть отказано в помощи поверенного. Всякий человек, оправданный законным судом присяжных, не может быть вторично привлекаем к ответственности или обвиняем по поводу того же факта.

10. Всякий арестованный человек должен быть препровожден к полицейскому чиновнику. Никто не может быть подвергнут задержанию или заключению иначе, как в силу полномочия полицейских чиновников, предписания суда о взятии под стражу, обвинительного постановления Законодательного Корпуса в случаях, когда ему предоставлено издавать таковое, или в силу судебного приговора, присуждающего к тюремному заключению или к исправительному аресту.

11. По делу всякого человека, арестованного и препровожденного к полицейскому чиновнику, производится дознание немедленно или, самое позднее, в двадцать четыре часа. Если из дознания оказывается, что против него нет никаких поводов к обвинению, он тотчас освобождается; если же представляется надобность отправить его в арестный дом, он препровождается туда в самый короткий срок, который ни в каком случае не может превышать трех дней.

12. Никакой арестованный человек не может быть удерживаем в заключении, если он представит достаточное обеспечение во всех тех случаях, когда закон позволяет оставаться на свободе под условием обеспечения.

13. Всякий человек, подвергаемый заключению на основании закона, может быть препровожден и заключен только в такое место, которое законно и официально назначено для того, чтобы служить арестным домом, судебным помещением или тюрьмой.

14. Никакой страж или тюремщик не может ни принимать, не удерживать в заключении кого-либо иначе, как в силу вышеупомянутых в статье 10:

полномочия или предписания о взятии под стражу, обвинительного постановления или судебного приговора, причем копии этих актов должны быть заносимы в его книгу.

15. Всякий страж или тюремщик обязан – и никакой приказ не может освободить его от этой обязанности – представлять заключенного гражданскому чиновнику, надзирающему за домом заключения, по всякому требованию последнего. В свидании с заключенным равным образом не может быть отказано его родственникам и друзьям, если они предъявят приказ гражданского чиновника (всегда обязанного выдать таковой), за исключением только случая, когда страж или тюремщик предъявит занесенную в его книгу копию приказа судьи о недопущении свиданий с заключенным.

16. Всякий человек, каково бы ни было его место и должность, кроме лиц, имеющих право ареста по закону, который выдаст, исполнит или прикажет исполнить предписание о задержании гражданина или кого бы то ни было, даже в случаях, когда задержание разрешается законом, – который примет или будет удерживать гражданина в месте заключения, законно и официально для того не предназначенном, и всякий страж или тюремщик, который нарушит постановления предшествующих 14 и 15 статей, виновны в преступлении самоуправного лишения свободы.

17. Никто не может быть подвергнут розыску или преследованию за сочинения, которые он напечатает или обнародует о каком бы то ни было предмете, если только он не имел умысла вызвать неповиновение закону, презрение к установленным Властям, сопротивление их актам или какие-либо из действий, объявленных законом преступлениями или проступками. Порицание актов установленных Властей дозволено, но произвольные клеветы, направленные против честности должностных лиц и чистоты их намерений при отправлении ими своих функций, могут быть преследуемы потерпевшими. Клеветы и оскорбления, направленные против каких бы то ни было лиц и относящиеся к фактам их частной жизни, наказываются по их жалобе.

18. Никто не может быть судим ни в гражданском, ни в уголовном порядке за напечатанные или обнародованные им сочинения без того, чтобы не было установлено и объявлено присяжными: 1) содержится ли проступок в сочинении, вызвавшем преследование; 2) виновно ли в этом проступке преследуемое лицо.

19. Учреждается для всего королевства один кассационный суд, состоящий при Законодательном Корпусе. Его функции заключаются в постановлении решений: по кассационным жалобам на приговоры, постановленные судами в последней инстанции, – по просьбам о передаче дела из одного суда в другой «вследствие законного подозрения в пристрастии», – по дисциплинарным делам о судьях и по искам, предъявляемым по суду в целом составе его.

20. В кассационном порядке кассационный суд никогда не может входить в рассмотрение существа дела, но, отменив приговор, постановленный с нарушением форм судопроизводства или прямо нарушающий закон, передает дело для рассмотрения по существу тому суду, к ведению которого оно принадлежит.

21. В случае, когда после двух кассаций приговор третьего суда будет обжалован в том же порядке, как и два первых, кассационный суд, прежде чем разбирать вопрос, должен представить его на рассмотрение Законодательного Корпуса, этот же последний издает изъясняющее закон постановление, с которым кассационный суд обязан сообразоваться.

22. Ежегодно кассационный суд обязан посылать к решетке Законодательного Корпуса депутацию из восьми своих членов, которые представляют Законодательному Корпусу перечень постановленных приговоров, причем против каждого из них помещается сокращенное извлечение из дела и текст закона, определившего решение.

23. Верховный Национальный суд, образованный из членов кассационного суда и верховных присяжных, судит проступки министров и главных агентов Исполнительной Власти и преступления против общей безопасности государства, когда Законодательный Корпус издаст постановление о возбуждении обвинения. Он собирается не иначе, как на основании прокламации

Законодательного Корпуса, и в расстоянии, по крайней мере, тридцати тысяч туазов от места, где заседает этот последний.

24. Приговоры излагаются в исполнительных документах следующим образом: «N (имя Короля) Божьей милостью и по Конституционному Закону государства Король Французов, всем настоящим и грядущим привет. Суд постановил следующий приговор. *(Здесь воспроизводится приговор, в котором должны быть названы по имени судьи.)*. Предписываем и повелеваем всем Приставам, по предъявлении сего, привести означенный приговор в исполнение, нашим Комиссарам при судах сему содействовать и Командирам, и Офицерам вооруженных сил оказывать поддержку в случае законного требования таковой. В удостоверение чего настоящий приговор подписан Председателем суда и Секретарем».

25. Функции Королевских комиссаров при судах заключаются в том, чтобы следить за соблюдением законов при постановлении приговора и распоряжаться об исполнении постановленных приговоров. Они не выступают в качестве общественных обвинителей, но их заключения выслушиваются относительно всех обвинений, и они следят в течение следствия за правильностью форм, а перед произнесением приговора за применением закона.

26. Королевские комиссары при судах доносят старшине присяжных, по собственному почину или по приказаниям, получаемым ими от Короля: о посягательствах против личной свободы граждан, против свободного обращения жизненных припасов и других предметах торговли и против взимания налогов, — о проступках, мешающих или препятствующих исполнению приказов, данных Королем при отправлении им вверенных ему функций, — о посягательствах против международного права, — и о случаях сопротивления исполнению приговоров и всех подлежащих исполнению актов, исходящих от установленных Властей.

27. Министр Юстиции доносит кассационному суду, через посредство Королевского Комиссара и независимо от права заинтересованных сторон, об актах судей, заключающих в себе превышение власти с их стороны. Суд

отменяет эти акты, и, если с ними связано преступление по должности, об этом доносится Законодательному Корпусу, который, если представляется надобность, делает постановление о возбуждении обвинения и отсылает обвиняемых к Верховному Национальному Суду.

ТИТУЛ IV.

О государственной вооруженной силе.

1. Государственная вооруженная сила установлена для защиты государства от внешних врагов для обеспечения порядка и исполнения законов внутри страны.

2. Ее составляют: сухопутная и морская армия, – войско, специально предназначенное для службы внутри страны и – в качестве вспомогательной силы – способные носить оружие активные граждане и их дети, внесенные в списки народной стражи.

3. Народная стража не образует ни военной корпорации, ни особого учреждения в государстве; это не что иное, как сами граждане, призванные на вооруженную службу государству.

4. Граждане никоим образом не могут собираться или действовать в качестве народной стражи иначе, как в силу законного призыва или разрешения.

5. Они подчиняются в этом качестве определенной законом организации. Во всем королевстве для них может быть только одна и та же дисциплина и одна и та же форменная одежда. Отличия по чину и субординация существуют только в отношении службы и пока она продолжается.

6. Офицеры избираются на срок и могут быть вновь избираемы, только прослужив в течение известного промежутка времени рядовыми. Никто не может командовать народной стражей более чем одного дистрикта.

7. Все части вооруженной силы, употребляемые для защиты безопасности государства от внешних врагов, действуют под начальством Короля.

8. Никакая часть или отряд общих войск не может действовать внутри королевства без законного призыва.

9. Никакой агент государственной вооруженной силы не может войти в дом гражданина иначе, как для исполнения полицейских и судебных предписаний или в случаях, в точности предусмотренных законом.

10. Призыв вооруженной силы внутри королевства предоставляется гражданским должностным лицам, с соблюдением правил, установленных Законодательной Властью.

11. Если целый департамент охвачен волнениями, Король дает, под ответственностью его министров, приказание, необходимые для исполнения законов и восстановления порядка, но обязан уведомить о том Законодательный Корпус, если он в сборе, а в противном случае созвать его.

12. Государственная вооруженная сила есть по существу своему сила повинующаяся; никакое вооруженное собрание не может обсуждать что-либо.

13. Сухопутная и морская армия и войско, назначенное для охраны внутренней безопасности, подчинены особым законам как относительно поддержания дисциплины, так и относительно форм суда и рода наказаний по воинским проступкам.

ТИТУЛ V.

О государственных налогах.

1. Государственные налоги ежегодно обсуждаются и устанавливаются Законодательным Корпусом, и не могут оставаться в силе более последнего дня следующей сессии, если они не возобновлены положительным образом.

2. Ни под каким предлогом недопустим отказ или приостановка в выдаче сумм, необходимых для погашения национального долга и для уплаты гражданского листа. Содержание сохраненных и состоящих на жалованье служителей католической религии, избранных или назначенных в силу постановлений Национального Учредительного Собрания, составляет часть национального долга. Законодательный Корпус не может ни в каком случае возложить на Нацию уплату долгов какого-либо отдельного лица.

3. Подробные счета расходов по министерским ведомствам, подписанные и засвидетельствованные министрами или главными распорядителями сумм,

предаются гласности путем печати в начале сессий каждого законодательного периода. То же относится и к росписям поступлений от различных налогов и от всех государственных доходных статей. Росписи этих расходов и поступлений различаются по роду их и обозначают суммы, взятые и истраченные год за годом в каждом дистрикте. Расходы, присвоенные каждому департаменту и относящиеся к судам, административным учреждениям и иным установлениям, равным образом предаются гласности.

4. Администраторы департаментов и дистриктов не могут ни устанавливать государственных налогов, ни выходить при раскладке их из пределов сроков и сумм, установленных Законодательным Корпусом, ни обсуждать или дозволять без его разрешения местных займов, лежащих на гражданах департамента.

5. Исполнительная Власть имеет руководство и надзор над взиманием и внесением в кассы налогов и дает все необходимые для этого приказания.

ТИТУЛ VI.

Об отношениях Французской Нации к иностранным нациям.

Французская Нация отказывается предпринимать войны с завоевательными целями и никогда не употребит своих сил против свободы какого-либо народа. Конституция не допускает права казны на наследство иностранца. Иностранцы, поселившиеся ли или нет во Франции, наследуют своим родственникам иностранцам или французам. Они могут заключать договоры, приобретать и принимать имущества, находящиеся во Франции, и распоряжаться ими так же, как всякий французский гражданин, всеми дозволенными законом способами. Иностранцы, находящиеся во Франции, подчинены тем же уголовным и полицейским законам, как и французские граждане, с теми изъятиями, которые могут быть постановлены в конвенциях, заключенных с иностранными державами. Их личность, имущество, промышленность, вероисповедание равным образом охраняются законом.

ТИТУЛ VII.

О пересмотре конституционных постановлений.

1. Национальное Учредительное Собрание объявляет, что Нация имеет неотъемлемое право изменять свою Конституцию, – но, принимая во внимание, что более сообразно с интересами Нации пользоваться только, – при помощи средств, взятых в самой Конституции, – правом изменять те статьи ее, неудобства которых были бы указаны опытом, постановляет, что такие изменения будут производиться Собранием Пересмотра в следующей форме.

2. Когда три следующих одно за другим Законодательных Собрания выразят единообразное мнение о желательности изменения какой-либо конституционной статьи, возникает основание для требуемого пересмотра.

3. Ближайшее Законодательное Собрание и следующее за ним не могут предлагать изменения какой-либо конституционной статьи.

4. Из трех Законодательных Собраний, могущих последовательно предложить какие-либо изменения, два первых могут заниматься этим вопросом только в два последних месяца их последней сессии, а третье в конце своей первой годичной сессии или в начале второй. Совещания их по этому вопросу подчиняются тем же формам, как и законодательные акты, но постановления, посредством которых они выразят свое пожелание, не подлежат утверждению Короля.

5. Четвертое Законодательное Собрание, с прибавлением двухсот сорока девяти членов, избранных в каждом департаменте, на основании удвоения обычного числа представителей, приуроченных к его народонаселению, образует Собрание Пересмотра. Эти двести сорок девять членов избираются после того, как будут окончены выборы представителей в Законодательный Корпус, и об избрании их составляются отдельные протоколы. Собрание Пересмотра состоит только из одной палаты.

6. Члены третьего Законодательного Собрания, потребовавшего изменения, не могут быть избраны в Собрание Пересмотра.

7. Члены Собрания Пересмотра, произнеся все вместе клятву: *жить свободными или умереть*, дают затем каждый в отдельности присягу: *ограничиваться постановлением о предметах, представленных на их рассмотрение единообразным мнением трех предшествующих Законодательных Собраний, и сверх того поддерживать всеми своими силами Конституцию Королевства, установленную Национальным Учредительным Собранием в 1780, 1790 и 1791 годах, и быть во всем верными Нации, Закону и Королю.*

8. Затем Собрание Пересмотра обязано немедленно заняться вопросами, которые будут представлены ему на рассмотрение; как только его работы будут закончены, двести сорок девять добавочных членов должны удалиться и не могут ни в каком случае принимать участия в законодательных актах.

Французские Колонии и владения в Азии, Африке и Америке хотя и входят в состав Французской Империи, не включаются в область действия настоящей Конституции.

Ни одна из Властей, установленных Конституцией, не имеет права изменять ее, ни в целом, ни в частях, за исключением преобразований, которые в ней могут быть сделаны путем пересмотра, сообразно постановлениям предыдущего VII титула.

Национальное Собрание вверяет охрану Конституции верности Законодательного Корпуса, Короля и судей, бдительности отцов семейств, супругам и матерям, преданности юных граждан, мужеству всех французов.

Изданные Национальным Собранием постановления, которые не включены в Акт Конституции, должны быть исполняемы как Законы; равным образом должны быть соблюдаемы прежние законы, не лишенные силы Собранием, поскольку те и другие не будут отменены или не изменены Законодательной Властью.

Национальное Собрание, прослушав чтение вышеизложенного Конституционного Акта и одоблив его, объявляет, что Конституция закончена и что оно не может ничего изменить в ней. Должна быть тотчас же назначена

депутация из шестидесяти членов для поднесения сегодня же Конституционного Акта Королю.

Источник: Конституция Франции 1791 г. URL:
<http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1791.htm>

ФРАНСУА-МАРИ ВОЛЬТЕР

Франсуа-Мари Вольтер (1694–1778) – зачинатель и крупнейший представитель французского Просвещения; писатель, историк, политический мыслитель, философ. Основные произведения: «Философские письма», «Опыт о всеобщей истории, о нравах и духе народов», «Философский словарь».

ФИЛОСОФСКИЕ ПИСЬМА

[...] Во вступительном рассуждении (к «Опыту о нравах и духе народов»), озаглавленном «Философия истории», мы пытались выяснить, каким образом родились основные мнения, которые вначале объединили общества, а затем разъединили их и вооружили одни против других. Происхождение их мы искали в природе – оно не могло быть иным.

Предметом была история человеческого разума, а не подробный разбор мелких фактов, почти всегда искаженных... Речь шла о том, по каким путям и ступеням происходило движение от варварской грубости тех времен к цивилизованности нашего времени. [...]

[...] О них (арабах) совершенно не говорят в наших всемирных историях, сфабрикованных на западе, и я хорошо знаю, почему: они не имеют никакого отношения к маленькому иудейскому народу, который стал главным объектом и основой наших историй, претендующих называться всемирными, – историй, в которых определенный род авторов, копируя друг друга, забывает три четверти человеческого рода. [...]

[...] Все люди, которых до сих пор открыли в самых диких и ужасных странах, живут обществами, как бобры, муравьи, пчелы и многие другие виды животных.

Никогда не видели такой страны, где бы люди жили порознь, где самец соединялся бы с самкой только случайно и оставлял ее в следующий момент вследствие отвращения; где мать не признавала бы своих детей, после того как она их воспитала, и где бы люди жили без семьи и без всякого общества.

Некоторые дурные шутники злоупотребили своим разумом до такой степени, что осмелились выдвинуть удивительный парадокс о том, что человек первоначально был создан для того, чтобы жить в одиночестве, и что общество извратило природу. Не скажут ли они также, что сельди в морях были первоначально созданы так, чтобы плавать поодиночке и что это верх испорченности, если они плавают косяками? Не скажут ли они еще, что журавли раньше летали по одному и что нарушением естественного права было их решение путешествовать стаями.

У каждого животного есть свой инстинкт. Инстинкт человека, укрепленный разумом, влечет его к обществу, так же как к еде и питью. Потребность в обществе не только не развратила человека, но его портит, наоборот, удаление от общества. Тот, кто жил бы совершенно один, вскоре потерял бы способность мыслить и изъясняться. Он стал бы в тягость самому себе. Он дошел бы до того, что превратился в животное. Избыток бессильной гордыни, восстающий против гордыни других, может заставить меланхолическую душу бежать от людей. Именно тогда она портится. И она сама наказывает себя за это. Ее гордыня является для нее источником страданий. В одиночестве и тайной досаде терзает она себя за то, что презираема и забыта. Она ставит себя в самое ужасное рабство, надеясь быть свободной. [...]

[...] На нашей несчастной планете невозможно, чтобы люди, живя в обществе, не были разделены на два класса: богатых, которые повелевают, и бедных, которые им служат. [...]

[...] Все крестьяне не будут богаты, и не нужно, чтобы они были богаты. Необходимы люди, которые обладают только руками и доброй волей.

Обойденные судьбой, они будут участвовать в благе других. Они будут свободны продавать свой труд тому, кто лучше заплатит. Эта свобода заменит им собственность. Их будет поддерживать прочная уверенность в справедливой заработной плате. Они с радостью вовлекут свои семьи в свой тяжелый, но полезный труд. [...]

[...] Английская нация – единственная в мире, которой удалось ограничить власть королей, сопротивляясь им, и которая после долгих усилий установила, наконец, это мудрое правление, где государь всемогущ, если он хочет творить добро, но руки которого связаны, если он замышляет зло; где вельможи величественны без наглости и вассалов и где народ участвует в управлении, не производя смуты. [...]

[...] Величайшее счастье для государя и для государства, что, есть много философов, которые запечатлевают эти максимы в головах людей.

Философы, не имея никакого частного интереса, могут говорить. только в пользу разума и общественного интереса. Философы всегда служат государю, уничтожая суеверие, которое является врагом монархов. [...]

[...] Растет новое поколение, которое ненавидит фанатизм. Наступит день, когда у руководства встанут философы. Готовится царство разума. [...]

[...] Все, что я вижу, сеет семена революции, которая неизбежно произойдет и до удовольствия видеть которую я не доживу Французы всегда запаздывают, но в конце концов они все же приходят к цели. Свет настолько распространится, что воссияет при первом же случае. [...]

Источник: Вольтер Ф. Философские письма. – М.: Издательство АСТ, 2011 г. – 752 с.

ЧЕЗАРЕ БЕККАРИА

Чезаре Беккариа (1738-1794) – итальянский просветитель, юрист, сторонник естественно-правовой доктрины.

Основное произведение: «О преступлениях и наказаниях».

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ

[...] Есть три источника моральных и политических принципов, лежащих в основе поведения людей: божественное откровение, законы природы и общественные договоры. Они не равнозначны, и первый источник отличается от двух других конечной целью. Но их роднит общая черта – направленность на достижение счастья при жизни на земле. Рассмотрение общественных отношений, основанных на третьем источнике, отнюдь не умаляет роли отношений, обусловленных двумя первыми. Но так как эти два источника, несмотря на божественность и неизменность своей природы, во вине людского рода бесконечно искажались ложным пониманием религии и превратным толкованием порока и добродетели в развращенных умах, то представляется необходимым рассматривать их отдельно от тех явлений, которые возникают исключительно в результате соглашений между людьми, заключаемых непосредственно или подразумеваемых, независимо от того, вызвано это необходимостью или осознанием общей пользы. С этой неизбежно согласятся все религиозные секты и системы морали, ибо всегда будут поощряться усилия, направленные на то, чтобы заставить самых упрямых и недоверчивых разделять те принципы, которые побуждают людей к жизни в обществе. Таким образом, существует три вида добродетелей и пороков: религиозные, природные и общественные. Они никогда не должны противоречить друг другу. Но не все последствия и обязанности, вытекающие из одного вида добродетелей и пороков, характерны и для других. Не все, предписываемое божественным откровением, предписывается законами природы и не все, предписываемое этими законами, предписывается законами общества. Однако исключительно важно выделить то, что вытекает непосредственно из общественного договора,

явно или молчаливо заключенного между людьми, договор очерчивает сферу действия правопорядка, который регулирует человеческие взаимоотношения без особой на то санкции Всевышнего. [...]

[...] И посему ошибочно было бы приписывать тому, кто говорит только об общественном договоре и последствиях, из него вытекающих, принципы, противоречащие законам природы и божественному откровению лишь на том основании, что он о них умалчивает. Ошибочно было бы также утверждать, что говорящий о состоянии войны, предшествованием общественному договору, следует в этом вопросе за Гоббсом, т.е. отрицает в человеке врожденное чувство долга и обязанностей, вместо того, чтобы усматривать причины этого состояния в испорченности человеческой натуры и в отсутствии писаных законов. Ошибочно было бы обвинять писателя, рассматривающего последствия общественного договора, и в том, что он исключает возможность возникновения этих последствий еще до появления самого договора.

Справедливость божественная и справедливость природная по сути своей неизменны и постоянны, так как отношение между двумя неизменными величинами всегда одинаково. Но человеческая, т. е. общественная, справедливость, не что иное, как результат соотношения между деятельностью в обществе и его постоянно меняющимся состоянием. А потому она может изменяться в зависимости от степени необходимости или полезности этой деятельности для общества. Таким образом, общественную можно определить лишь основываясь на анализе сложных и постоянно изменяющихся отношений общественной жизни. И если допустить смешение совершенно различных принципов, на которых основаны справедливость божественная, природная и общественная, то нельзя будет правильно рассуждать о делах общества. Пусть теологи разграничивают понятия справедливости и несправедливости с точки зрения соотношения добра и зла, присущих человеческим поступкам. Выявлять и соотносить понятия справедливости и несправедливости в смысле общественном, т.е. с точки зрения полезности или вреда для общества, задача публицистов. И в этом случае не пострадает ни одна из рассматриваемых сфер, так как каждому становится очевидным, насколько добродетель чисто

общественная должна уступать божественной добродетели, не подверженной никаким изменениям. [...]

[...] Вчитываясь в историю, мы убеждаемся, что законы, хотя они по существу не что иное как договоры свободных людей или по крайней мере должны быть таковыми, служат в основном инструментом выполнения желаний ничтожного меньшинства или же удовлетворения случайной и преходящей потребности. Но никогда еще законы не были результатом объективного исследования человеческой природы, что позволило бы сконцентрировать с их помощью усилия большинства людей для достижения единой цели и рассматривать эту цель исключительно как наивысшее счастье для максимально большего числа людей. Счастливы те немногие нации, которые, не дожидаясь пока неспешный ход человеческой истории и связанные с ним перемены в отношениях людей повлекут за собой постепенный поворот от зла, дошедшего до крайнего предела, к добру, сами ускорили этот поворот, насаждая хорошие законы. И философ, который отважился бросить людям из глубины своего полутемного и уединенного кабинета первые и долго не дающие всходов семена полезной истины, заслуживает людской признательности. [...]

[...] Законы суть условия, на которых люди, существовавшие до того независимо и изолированно друг от друга, объединились в общество. Устав воевать и радоваться бесполезной и хрупкой свободе, прочность которой никто не гарантировал, они поступились частью ее, чтобы пользоваться ею сообща, спокойно и безопасно. Совокупность всех частей свободы, пожертвованных на общее благо, составила верховную власть народа, а суверен стал законным ее хранителем и распорядителем. Но такой коллективной уступки прав ему было недостаточно. Их необходимо было защитить от посягательств и, в первую очередь, от посягательств частных лиц, ибо каждый стремился не только возратить собственную долю, но и присвоить себе долю другого. Потребовалось воздействовать на чувства, чтобы воспрепятствовать эгоистическим поползновениям души каждого отдельного индивида ввергнуть законы общества в пучину первобытного хаоса. Это воздействие на чувства служит наказанием нарушителям законов. Я говорю «воздействовать на чувства», ибо, как показал опыт, массы не в состоянии ни усвоить твердые

правила поведения, ни противостоят всеобщему закону разложения, проявление которого наблюдается и в мире физических явлений, и в сфере морали. Побудить их к усвоению первых и противостоят разрушительной силе второго возможно, лишь воздействуя непосредственно на чувства. Это устойчиво запечатляется в уме и служит противовесом проявлению сильных страстей, отрицающих общее благо: ни красноречие, ни высокопарные речи, ни даже высокие истины не могут удерживать длительное время от взрыва страстей, экзальтированных неисчерпаемым разнообразием явлений окружающего мира. [...]

[...] Право верховной власти наказывать за преступления основано на необходимости защищать вверенное ей общественное благо от узурпации его частными лицами. И чем больше обеспечивается священное и нерушимое право на безопасность, чем надежнее гарантия свободы граждан со стороны государства, тем наказание справедливее. И если мы обратимся к природе человека, то обнаружим, что в ней заложены те же основные принципы, которые подтверждают неотъемлемость права верховной власти наказывать за преступления. Нельзя надеяться на существенное улучшение морали, если политика, проводимая в нравственной сфере, не опирается на вечные чувства, присущие человеческой природе. И любой закон, идущий вразрез с этими чувствами, неизбежно столкнется с противодействием, которое в конце концов окажется сильнее, подобно тому, как меньшая, но постоянно действующая сила в теле одолевает мощный, но сообщенный ему извне единичный импульс. [...].

Источник: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Издательство ИНФРА-М. – 2018 г. – 183 с.

РАЗДЕЛ 6. РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

ДЕСНИЦКИЙ СЕМЕН ЕФИМОВИЧ

Десницкий Семен Ефимович (1760-1798) – юрист, просветитель, профессор юриспруденции, с 1773 года возглавлял кафедру российского законоведения. С 1771 года принимал активное участие в работе Вольного российского собрания при Московском университете. В 1783 году был избран действительным членом Российской Академии, работал над юридическими терминами «Словаря Академии Российской». С.Е. Десницкий представил в Комиссию для составления нового Уложения (1767-1768 гг.) проект преобразований «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768 г.). Из его трудов наиболее известны: «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» (М., 1768) и «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства» (М., 1778).

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О УЧРЕЖДЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ, СУДИТЕЛЬНОЙ И НАКАЗАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1768)

Законы делать, судить по законам и производить суд во исполнение – сии три должности составляют три власти, то есть законодательную, судительную и наказательную власть, от которых властей зависят все почти чиновположения и все главное правление в государствах.

Следовательно, учреждение сих властей по времени и месту, особливо при нынешнем намереваемом в России возобновлении, должно составлять у позванных на такое дело подданных первый рассуждения предмет.

При учреждении сих властей ту надобно осторожность иметь, чтоб одна власть не выходила из своего предела в другую и чтоб притом всякая из сих

властей имела своих надзирателей, которых опасению чтоб она была всегда подвержена.

Если сии власти прежде всего счастливо учреждены и ограничены будут в законоположении, прочие все установления, какие надобными покажутся, удобно по совершении сего главного дела учинены быть могут.

Каким образом такое установление в действие произведено может быть, о сем смею вашему императорскому величеству всеподданнейше предложить свой план.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Сей власти в Российской империи кроме монархов никто в полном значении не может иметь; позванные, однако, на такую должность монархами персоны могут и в законодательной власти иметь столько участия, сколько и ныне правительствующему сенату дозволяется, то есть их должность может дозволена быть с приказанием и по усмотрению монархов российских делать указы вновь, старые поправлять, дополнять или уничтожать так, как надобность и изволение монаршее потребует; сверх сего сенаторов будет дело пошлины в государстве налагать и облегчать оные, как надобность потребует, войну продолжать и заключение трактатов с соседними державами наблюдать, дабы отечеству предосудительными не были. А поелику законодательная власть всех прочих высшей поставляется, то следует, чтоб в сенате российском и апелляции всех дел, которых в нижних судах не решено, свое конечное решение имели. И когда будут по сенатскому рассмотрению пошлины, и казна государственная налагаема и собираема, того ради справедливо монархи могут приказать такому правительствующему сенату иметь смотрение и в расходах казны государственной так, чтоб все коллегии и корпусы и университеты без изъятия в издержании и расходах государственной казны правительствующему сенату ответны были.

НАКАЗАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Сия, поелику последняя, власть должна больше зависима быть от высших, нежели какая другая из сих властей. И для того порядок в отечестве требует

узаконить, чтоб имеющие наказательную власть ничего важного отнюдь от себя не предпринимали без осуждения публичного пред судьями.

1. Кому приличественно наказательная власть может быть поручена

Сию власть по соизволению монарха можно дозволить и поручить безопасно воеводам в губерниях и знатнейших только провинциальных городах так, чтоб один воевода не зависел от другого, а зависели они все от самого монарха, который один бы только доставлять их к такому месту самовластен был. Сие указание для того надобно, чтоб великие люди его не могли низвергнуть за неприятную им строгость, учиненную по воеводской должности.

А дабы иногда, и воевода напрасно не обижал невинных, для сего осторожность требует узаконить, чтоб он подвержен был судьям двенадцати в главном губернском суде, которые должны при всяком суде публично спрашивать присутствующих людей, нет ли жалобы какой на воеводу кому и нет ли обиды кому от него. И если явится какая жалоба или обида кому от него, судьи должны рапортовать о сем в правительствующий сенат, где воевода произвольному монарха штрафу и наказанию подвержен будет.

2. Какая должность может поручена быть воеводе

Его должность может состоять вообще в том, чтоб спокойство и тишину наблюдать в порученных себе местах, то есть воров, разбойников и подобных сим в тюрьму брать и описывать их к генерал-адвокату, который им будет насылатъ уличение, приказывая им именем монарха являться и готовиться к известному времени на суд в провинциальном городе или в главном суде губернском.

Сверх сего его должность будет – осужденных в тюрьме содержать и в приказанном судьями месте казнить. Наконец, воеводы ж должность может быть собирать подушное и пошлины из земельных владельцев, которые будут приказывать ему правительствующий сенат в порученной ему провинции или губернии.

А понеже для отправления толиких дел и для рачительного смотра за оными требуется известное число людей на помощь воеводе, того ради надобно

позволить воеводам в губерниях по сту человек солдат пехотных и по двадцати конных, которые все должны единственно под его смотрением состоять, и воевода бы за их шалости всегда ответен был судьям. В провинциальном городе довольно будет и пятидесяти человек воеводе для исполнения его должности.

Жалованья воеводам губернским и провинциальным можно позволить по шестисот рублей, а если можно, и дома им построить на казенный счет.

В столичных городах, как-то в Санкт-Петербурге и Москве, воеводам жалованья можно позволить по тысячи рублей в год и сверх сего и дома приличные ж им выстроить. Солдат також в таких городах позволять воеводе, сколько надобность требует. И, кроме сего учреждения, в столичных городах порядок, спокойство и безопасность требует, чтоб оные разделены были на команды, как, например, Москва – на двенадцать команд, и имели бы в каждой команде офицера со ста восьмидесяты пехотных и двадцатью конных человек безысходно, на месте, выстроенном для всякой команды с подзорного башнею, с тюрьмою, с пожарного трубою и с пожарными боченками английскими, которых действие на пожаре есть неизменное и неоспоримое.

Солдат пехотных во всякой команде будет дело – стоять по улицам на карауле завсегда и наблюдать спокойство и тишину в назначенных им местах; конных солдат дело будет – с дозором ездить, ловить беглецов, ворон, разбойников и уходящих из тюрьмы криминальных осужденных людей. Офицеров, поставленных в своих командах, должность будет – строгое иметь смотрение за солдатами и приказывать приводимых к ним виноватых содержать в тюрьмах до дальнейших по рапорте приказаний от своего воеводы, которого також должность будет приличенных и приводимых в смертоубийстве, в воровстве, в бунтах и в других криминальных делах описывать к генерал-адвокату и приводить к судьям на осуждение, по исполнении которого его ж должность будет наказывать и казнить осужденных в приказанных судом местах. Сверх сего в столичных городах воеводы должность будет смотреть строго, чтоб все по командам было исправно, для которого смотрения он должен сам повсеместный генеральный иметь дозор и объезд во всех командах по крайней

мере однажды в неделю. А в противном случае, когда воевода упустит или умедлит исполнить свою должность, за такое нерадение он должен подвержен быть строгому истязанию, во-первых, перед судьями, а потом штрафу и наказанию произвольному монаршему в правительствующем сенате. На все такое учреждение в столичных городах по две тысячи по восьмисот солдат на каждый город довольно будет. Солдаты и офицеры могут быть употреблены для такой должности отставные, только не совсем престарелые и дряхлые, для которых магазины и строения каменные по командам обыватели московские и Санкт-Петербургские выстроить не откажутся, будучи довольно уверены, что им в противном случае постоянных иметь в доме солдат и посылать своих дворовых людей на караул несравненно дороже становится и больше причиняет затруднения и беспокойств, нежели такое строение, которое, однажды сделано, служить будет для солдат и караульных завсегда. Впрочем, не излишне б было, если б соблаговолено приказать и во всех городах губернских и значительнейших провинциальных построить для солдат воеводских квартиры и магазины безопасные при воеводских домах так, чтоб находящиеся при нем солдаты всегда были пред его глазами и не отягощали бы подданных своим непорядочным постояльством, что все сделать на свой же кошт городские обыватели охотно согласятся и сверх сего не оставят исполнить, если приказано будет выписать в такие свои города пожарные трубы для защищения от огня, от которого они столько повсеместно претерпевают без таких машин, которых достаток, смотрение и всегдашняя исправность поручена воеводе, без сомнения, могли бы многих от огня восхищать и избавлять.

Источник: Классики теории государственного управления: управленческие идеи в России // Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Фак. гос. упр.; [редкол.: Ю.Ю. Петрунин (отв. ред.) и др.]. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 76–81.

РАДИЩЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Радищев Александр Николаевич (1749-1802) – русский писатель, по своим политическим убеждениям революционный республиканец. В 1775 г. он начал писать свою знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», которая позже была приговорена к публичному сожжению. Многие предвидели это, были сделаны рукописные копии, часть книг была тайно вывезена за границу.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ (1790)

Сегодня праздник. Пашущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, который оброку с него не берет. Крестьянин пашет с великим тщанием. Нива, конечно, не господская. Соху поворачивает с удивительной легкостью.

– Бог в помощь, – сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду. – Бог в помощь, – повторил я.

– Спасибо, барин, – говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду.

– Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям?

– Нет, барин, я прямым крестом крещусь, – сказал он, показывая мне сложенные три перста. – А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья.

– Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самый жар?

– В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим вставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, – крестясь, – чтоб под вечер сегодня дождик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у господина молят.

– У меня, мой друг, мужиков нет, и для того никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья?

– Три сына и три дочки. Первинькому-то десятый годок.

– Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным?

– Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает; а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и споро.

– Так ли ты работаешь на господина своего?

– Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты счет знаешь. Да хотя растянишь на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных¹¹⁶ не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще без приказчика. Правда, что иногда, и добрые господа берут более трех рублей с души; но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится отдавать деревни, как-то называется, на аренду. А мы называем это отдавать головой. Голый наемник¹¹⁷ дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимой не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?¹¹⁸

– Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают.

– Мучить? Правда; но небось, барин, не захочешь в мою кожу. – Между тем пахарь. запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет.

¹¹⁶ Подушные – подушный государственный налог, которым облагалось мужское население, кроме дворян, духовенства и чиновников.

¹¹⁷ Наемник – помещик-арендатор, приобретающий за плату во временное владение имение с крепостными крестьянами.

¹¹⁸ По указу Екатерины (1769) крестьяне не имели даже права жаловаться на помещиков под угрозой ссылки на каторгу.

Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный,¹¹⁹ когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила.

...Мне представилось, что я царь, шах, хан, король, бей, набаб, султан или какое-то сих названий нечто, сидящее во власти на престоле.

Место моего восседания было из чистого золота и хитро искладенными драгоценными разного цвета камнями блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло со блеском моих одежд. Глава моя украшалась венцом лавровым. Вокруг меня лежали знаки, власть мою изъясняющие. Здесь меч лежал на столпе, из серебра изваянном, на коем изображались морские и сухопутные сражения, взятие городов и прочее сего рода; везде видно было вверху имя мое, носимое Гением славы, над всеми сими подвигами парящим. Тут виден был скипетр мой, возлежащий на снопах, обильными класами¹²⁰ отягченных, изваянных из чистого золота и природе совершенно подражающих. На твердом коромысле возвешенные зрелися весы¹²¹. В единой из чаш лежала книга с надписью «Закон милосердия»; в другой книга же с надписью «Закон совести». Держава¹²², из единого камня иссеченная, поддерживаема была грудой младенцев, из белого мрамора иссеченных. Венец мой возвышен был паче всего и возлежал на раменах¹²³ сильного исполина, воскраие¹²⁴ же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змия, из светлых стали искованная, облежала вокруг всего седалища¹²⁵ при его подножии и, конец хвоста в зеве держаща, изображала вечность.

Но не единые бездыханные изображения возвещали власть мою и величество.

¹¹⁹ Радищев, как и другие философы XVIII века, считал, что государство возникло путем добровольного соглашения людей.

¹²⁰ Класы – колосья.

¹²¹ Весы – символ правосудия.

¹²² Держава – драгоценный шар с крестом наверху, эмблема власти монарха.

¹²³ Рамена – плечи.

¹²⁴ Воскраие – край.

¹²⁵ Седалище – трон.

С робким подобострастием и взоры мои ловящи, стояли вокруг престола моего чины государственные. В некотором отдалении от престола моего толпилося бесчисленное множество народа, коего разные одежды, черты лица, осанка, вид и стан различие их племени возвещали. Трепетное их молчание уверяло меня, что они все воле моей подвластны. По сторонам, на несколько возвышенном месте, стояли женщины в великом множестве в прелестнейших и великолепнейших одеждах. Взоры их изъявляли удовольствие на меня смотреть, и желания их стремились на предупреждение моих, если бы они возродились.

Глубочайшее в собрании сем присутствовало молчание; казалось, что все в ожидании были важного какого происшествия, от коего спокойствие и блаженство всего общества зависели. Обращенный сам в себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку в душе моей, от насыщающегося скоро единообразия происходящую, я долг отдал естеству и, рот разинув до ушей, зевнул во всю мочь. Все вняли чувствованию души моей. Внезапу смятение распростерло мрачный покров свой по чертам веселия, улыбка улетала со уст нежности и блеск радования с ланит¹²⁶удовольствия. Искраженные взгляды и озиранье являли нечаянное нашествие ужаса и предстоящие беды. Слышны были вздохи, колющие предтечи скорби; и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствием страха стенание. Уже скорыми в сердца всех стопами шествовало отчаяние и смертные содрогания, самая кончины мучительнее. Тронутый до внутренности сердца толико печальным зрелищем, ланитные мышцы нечувствительно стянулись ко ушам моим и, растягивая губы, произвели в чертах лица моего кривление, улыбке подобное, за коим я чхнул весьма звонко.

Подобно как в мрачную атмосферу, густым туманом отягченную, проникает полуденный солнца луч, летит от жизненной его жаркости сгущенная парами влага и, разделенная в составе своем, частию, улегчась, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира и частию, удержав в себе одну только тяжесть земных частиц, падает низу стремительно, мрак,

¹²⁶ Ланиты – щеки.

присутствовавший повсюду в небытии светозарного шара¹²⁷, исчезает весь вдруг и, сложив поспешно непроницательный свой покров, улетает на крылах мгновенности, не оставляя по себе ниже¹²⁸ знака своего присутствования, – тако при улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся; радость проникла сердца всех быстротечно, и не осталось косого вида неудовольствия нигде. Все начали восклицать:

– Да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки. – Подобно тихому полуденному ветру, помавающему¹²⁹ листьям дерев. И любострастное производящему в дубраве шумление, тако во всем собрании радостное шептание раздавалось.

Иной вполголоса говорил:

– Он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе.

Другой восклицал:

– Он обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю, он любит науки и художества, поощряет земледелие и рукоделие.

Женщины с нежностью вещали:

– Он не дал погибнуть тысячам полезных сограждан, избавя их до конца еще гибельные кончины. Иной с важным видом возглашал:

– Он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание.

Юношество, с восторгом руки на небо простирая, рекло:

– Он милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя первым его служителем. Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех царей велик, он вольность дарует всем.

Речи таковые, ударяя в тимпан¹³⁰ моего уха, громко раздавались в душе моей. Похвалы сии истинными в разуме моем изображались, ибо сопутствуемы

¹²⁷ Светозарный шар – солнце.

¹²⁸ Ниже – даже.

¹²⁹ Помавающий – колеблющий.

¹³⁰ Тимпан – древний музыкальный инструмент типа литавр.

были искренности наружными чертами. Таковыми их приемля, душа моя возвышалась над обыкновенным зренья кругом; в существе своем расширялась и, вся объемля, касалась степеней божественной премудрости. Но ничто не сравнилось с удовольствием самоодобрения при раздавании моих приказаний. Первому военачальнику повелевал я идти с многочисленным войском на завоевание земли, целым небесным поясом от меня отделенной.

– Государь, – отвечал он мне, – слава единая имени твоего победит народы, оную землю населяющие. Страх предшествовать будет оружию твоему, и возвращуся, приносяй дань царей сильных.

Учредителю плавания я рек:

– Да корабли мои рассеются по всем морям, да узрят их неведомые народы; флаг мой да известен будет на Севере, Востоке, Юге и Западе.

– Исполню, государь. – И полетел на исполнение, яко ветер, определенный надувать ветрила корабельные.

– Возвести до дальнейших пределов моя область, – рек я хранителю законов, – се день рождения моего, да ознаменится он в летописях навеки отпущением повсеместным. Да отверзнутся темницы, да изыдут преступники и да возвратятся в дома свои, яко заблудшие от истинного пути.

– Милосердие твое, государь! есть образ всещедрого существа. Богу возвестити радость скорбящим отцам по чадах их, супругам по супругам их.

– Да воздвигнутся, – рек я первому зодчию, – великолепнейшие здания для убежища мусс¹³¹, да украсятся подражаниями природы разнообразными; и да будут они ненарушима, яко небесные жительницы, для них же они уготовляются.

– О премудрый, – отвечал он мне, – егда¹³² велениям твоего гласа стихии повиновались и, совокупя силы свои, учреждали в пустынях и на дебрях обширные грады, Превосходящие великолепием славнейшие в древности;

¹³¹ Муссы – музы, девять богинь греческой мифологии, покровительницы искусств.

¹³² Егда – когда.

колико маловажен будет сей труд для ревностных исполнителей твоих велений. Ты рек, и грубые строения припасы уже гласу твоему внемлют.

– Да отверзется ныне, – рек я, – рука щедроты, да излиются остатки избытка на немощствующих, сокровища ненужные да возвратятся к их источнику.

– О всещедрый владыко, всевышним нам дарованный, отец своих чад, обогатитель нищего, да будет твоя воля.

Источник: Радищев А. Путешествие из Петербурга в Москву. – М.: Изд-во «Детская литература», 2006. – С. 76–81.

ЧИЧЕРИН БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) – русский правовед, философ, историк. Последователь либеральных доктринеров, Чичерин отличался узостью и прямолинейностью научных и политических воззрений, но вызывали всеобщее уважение стойкость его убеждений и благородство поведения. Из работ Чичерина следует выделить «Опыты по истории русского права» и «Очерки Англии и Франции», первое на русском языке систематическое описание государственного устройства этих стран.

О НАРОДНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ (1866)

...Под именем общества разумеется вообще совокупность частных сил и элементов, входящих в состав народа. Тот же самый народ, который, будучи устроен в единое, цельное тело, образует государство, с другой стороны, как состоящий из разнообразных элементов, является обществом. Отношение государства к обществу представляет, следовательно, отношение единства ко множеству. Это две формы быта, которые существуют вместе и имеют непосредственное влияние друг на друга.

Эта связь проявляется особенно ярко в представительном порядке, когда свобода становится участницей государственной власти. Политическая деятельность граждан, как членов целого, определяется понятиями, привычками, нравами, которые они приобретают в частной жизни, как члены общества...

Общество слагается из разных народностей, из различных состояний и классов, в нем борются противоположные партии. Каждая из этих групп имеет свой дух, свое направление, нередко враждебные другим. Интересы их сталкиваются беспрерывно; одни стремятся к преобладанию, другие не хотят признавать превосходства. Все эти противоположности не всегда могут быть соглашены и направлены к общему благу, а потому и представительное устройство не везде приложимо. Если бы в выборном собрании всегда могло образоваться большинство, действующее сообразно с истинною пользою государства, то представительное правление было бы единственным, существующим на земле. История показывает, однако, что желанное согласие далеко не составляет общего явления; напротив, политическая свобода нередко ведет к смутам и раздорам, ибо различные интересы и направления, не сдержанные господствующею над ними властью, проявляются во всей своей исключительности. Поэтому так часто народ, усталый от борьбы, слагает все свои права в руки одного властителя. Потребность самодержавия основана именно на раздельности общественных стихий... Можно постановить общим политическим правилом, что чем менее единства в обществе, тем сосредоточеннее должна быть власть... Наоборот, чем более крепнет общественное единство, тем легче власть может быть разделена. На этом законе основывается возможность или невозможность политической свободы.

...Цель государства есть общее благо, удовлетворение народных потребностей. Для этого необходима деятельность, которая может быть двоякого рода: правительственная и общественная. Нужды могут удовлетворяться либо частною предприимчивостью, собственною инициативой граждан, либо действием власти. И здесь опять отношение обратно пропорциональное: недостаток деятельности одного рода восполняется избытком другой. Чем менее

инициативы у граждан, тем более приходится делать государству, ибо общественные потребности должны быть удовлетворены... Наоборот, государственная власть может значительно ограничить сове ведомство там, где частная предприимчивость и энергия общества достаточны для покрытия нужд...

...Представительные учреждения призывают общество к самодеятельности, притом в высшей, политической области. Это предполагает в гражданах и личную энергию, и умение вести общественные дела. Самоуправление не может водвориться в высшей сфере, когда нет самодеятельности в низшей. Народ, не одаренный духом инициативы и привыкший во всяком общественном деле полагаться на правительство, неспособен к политической свободе. Он, естественно, стремится к абсолютизму.

...есть различие гораздо важнейшее, которое существует везде, и которым, главным образом, определяется состав и свойства представительных собраний; это — различие общественных классов... однородные группы соединяются в общих целях, разнородные нередко вступают друг с другом в борьбу. От взаимного отношения этих элементов зависят направление, сила, а потому успех или неудача представительных учреждений...

Главное начало, определяющее разделение общества на отдельные группы, есть собственность. Она дает человеку не только материальные средства, но и влияние на людей, а потому силу и власть... Через нее он приобретает досуг для образования и для занятия общественными делами. Наконец, она внушает ему любовь к гражданскому порядку, оберегающему ее неприкосновенность и правильное ее движение.

...Большая часть человеческого рода непременно должна быть обращена на физический труд, без которого невозможно покорение природы; другая, избранная часть посвящает себя умственной работе, деятельности духа, для которой необходимое условие заключается в материальном достатке...

...В обществе, в котором господствуют нормальные отношения, низшие классы редко даже принимают живое участие в политике. Пока их ближайшие

интересы обеспечены, они охотно возлагают на других попечение о государственных нуждах. По природному своему характеру, они имеют более склонности к подчинению, нежели к владычеству. Поэтому они составляют естественную опору всякого сильного правительства... Правительства, идущие наперекор либеральным стремлениям высших классов, ищут поддержки в массах... Постоянное участие массы в политической жизни совместно с разумным порядком только при весьма благоприятных условиях: при высоком образовании народа, при значительном материальном благосостоянии и несложном общественном быте. Такой порядок вещей легко склоняется к республике, особенно там, где не довольно крепки аристократические элементы. Там же, где эти условия не существуют, низшие классы, искусственно призванные к несвойственной им задаче, сбиваются с толку, и, вместо того, чтобы дать опору правительству, могут примкнуть к революции.

...Человек, по природе своей, как существо свободное, имеет права... Но определение этих прав и установление их границ зависит не от личного усмотрения каждого, не от неизменных указаний естественного закона, а единственно от общественной власти, которая одна может предписывать правила, обязательные для всех. Власть же руководится при этом как взаимным отношением свободы отдельных лиц, так и требованиями общественной пользы, которым всегда и везде подчиняется личная свобода. Граждане суть члены одного политического тела, а потому подчиняются последнему, как части целому...

В действительности не права, которое бы не подлежало значительным ограничениям и даже во многих случаях прекращению по требованиям общественной пользы. Если самая жизнь граждан может быть отнята за преступление или подвержена неминуемой опасности на войне...; если человек может быть лишен свободы за проступок или даже по простому подозрению, или в видах общественной безопасности; если собственность подвергается налогам по усмотрению власти и принудительному отчуждению во имя общественной пользы, - то еще скорее могут быть ограничены такие права, как свобода печати

или свобода собраний, когда того требует сохранение порядка или образ правления, установленный законом и полезный для народа. Если может быть запрещено то, что вредит другим, тем более подлежит запрещению то, что вредит целому обществу. Начало общественной пользы никогда и нигде не может быть устранено, как бы оно ни было стеснительно для отдельных лиц; оно всегда составляет не только существеннейший элемент, но и верховную цель всякого общественного союза.

...Крепость личных прав, без сомнения, необходима в порядке вещей, признающем начало свободы существенным элементом политического устройства, но целью законодательства должно быть не безмерное расширение этих прав, а разумное их сочетание с требованиями государственной жизни. Если недостаточное их развитие может отучить граждан от самостоятельности, препятствовать разработке мыслей и выражению общественной воли, если оно дает правительству чрезмерное и незаконное влияние на выборы, то, с другой стороны, избыток свободы и излишнее стеснение власти могут не только помешать исполнению общих целей, но и повергнуть общество в анархическое состояние.

...очевидно, что в смутных обстоятельствах свобода должна подвергаться стеснениям, вовсе не нужным в спокойном положении дел. При внутренней или внешней опасности, ограничения свободы являются, как временная потребность, но они могут получить и более или менее постоянный характер, смотря по силе и количеству внутренних врагов, с которыми приходится бороться правительству. Чем более в обществе революционных элементов, чем более людей, стремящихся к низвержению законного порядка, тем менее можно обойтись без значительных стеснений свободы.

Источник: Чичерин Б.Н. О народном представительстве. – М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1899. – 838 с.

ЛАВРОВ ПЕТР ЛАВРОВИЧ

Лавров Петр Лаврович (1823-1900) – философ, публицист, один из идеологов народничества. Главной сферой интересов Лаврова становятся проблемы философии. Свою философскую систему он именовал антропологизмом (от греч. «антропос» – «человек» и «логос» – «понятие», «суждение», «основание»). В ее основе — свободная личность, неизбежно вступающая в конфликт с несправедливым обществом, которое необходимо преобразовать.

Вперед! – Наша программа (март 1872-март 1873 гг.)

...Для нас в настоящую минуту существуют две общечеловеческие цели, две борьбы, в которых должен участвовать всякий мыслящий человек, становясь на сторону прогресса или реакции; две борьбы, в которых индифферентным быть нельзя, отношение к которым должно определить отношение ко всем остальным вопросам, как к второстепенным; две борьбы, которые должны быть девизом всякой личности, всякой партии, всякой нации, желающей участвовать в развитии человечества. Это, во-первых, борьба реального мирозерцания против мирозерцания богословского, ясно сознанных человеческих потребностей против всех идолов богословских и метафизических, теоретических и нравственных, короче говоря, борьба науки против религии,) Это, во-вторых, борьба труда против праздного пользования благами жизни, борьба полной равноправности личности против монополии во всех ее формах и проявлениях, борьба рабочего против классов, его эксплуатирующих, борьба свободной ассоциации против обязательной государственности, – короче говоря, борьба за реализацию справедливейшего строя общества.

...Для этой цели необходима почва, которая определяет возможную деятельность; необходим выбор средств, которые были бы целесообразны. Почву составляет современное общество так, как оно есть, в тех его формах, которые даны, как допускающие стремления к поставленной выше цели, как

враждебные ей или как индифферентные для нее. На формы современной жизни, допускающие стремления к справедливейшему строю, мы будем опираться и будем указывать возможность их развития в прогрессивном смысле. К враждебным общественным формам мы будем относиться безусловно враждебно. Ко всему тому, что в сущности индифферентно, но, смотря по данным обстоятельствам, может быть прогрессивно или регрессивно, мы будем относиться именно настолько сочувственно или враждебно в частных случаях, насколько оно положительно или отрицательно соприкасается с нашим вопросом. Мы знаем, что разом торжество наших целей осуществиться не может, что для него нужна подготовка, ясное понимание возможного в данную минуту. Именно это возможное мы будем постоянно иметь в виду. В небольших прогрессивных явлениях мы постараемся указать возможность сделать из них почву дальнейшего прогресса. Для широких целей будущего мы постараемся указать возможные средства в жалком строе настоящего.

Средством для распространения истины не может быть ложь; средством для реализации справедливости не может быть ни эксплуатация, ни авторитетное господство личностей; средством торжества над праздным наслаждением не может быть насильственный захват незаработанного богатства, переход возможности наслаждаться от одной личности к другой.

Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный. Мы видим: в нем самую важную задачу настоящего, единственную возможность лучшего будущего. В союзе большинства рабочих: в свободную ассоциацию, в организации этого союза для совокупного и могучего действия, в торжестве этой организации и в установлении нового общественного строя на развалинах промышленно-легальных государств и сословий настоящего мы видим единственное средство осуществить это будущее. Возможные орудия этого осуществления в настоящую минуту различны для России и для Европы, а в самой Европе довольно важные разногласия вооружают по этому поводу друг против друга партии, которых одинаковую искренность в стремлении к одной и той же общей цели мы не имеем никакого основания заподозрить. При этом

различии взглядов на способы исполнения программы самая программа в своих принципах уже определилась. Она высказана в постановлениях нескольких конгрессов, выражавших общие стремления рабочего пролетариата в Европе; она высказана в органах и брошюрах всех оттенков мнений, которые, расходясь во многом, сходятся в борьбе с легально-промышленным строем настоящего в пользу рабочего; она лежит в основе всех стремлений наших русских деятелей в пользу крестьян; к ней может и должен примкнуть каждый, кто серьезно хочет установления лучшего общественного строя; к ней примкнем и мы. Начала этой программы одинаково существенны и для тех, которые думают, что русский сельский работник должен идти в перестройке русского общества путем иной организации, чем фабричный работник Запада, и для тех, которые преимущественно напевают на необходимость сильного центрального учреждения для рабочего; сословия в Европе и Америке, на важность участия рабочих в политической борьбе настоящего, и для тех, которые стоят с особой энергией за самостоятельность мелких групп, за резкое отличие политической программы рабочих от всех политических программ современности. Все эти взгляды сходятся в потребности совокупного действия (более или менее централизованного, более или менее федеративного) для доставления полного господства рабочему в новом общественном строе; все они сходятся на решимости действовать сообща против общего врага, опирающегося на армии, на полицию, на одностороннюю легальность, на громадные силы государственной организации.

...Вопрос политический для нас подчинен вопросу социальному и в особенности экономическому. Государства, так, как они существуют, враждебны рабочему движению, и все они должны окончательно разложиться, чтобы дать место новому общественному строю, где самая широкая свобода личности не будет препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной кооперации для общей цели. Но это – далекое будущее, общественный идеал, который следует иметь постоянно в виду, не обманывая себя, однако же, надеждою на возможность его осуществления ни сегодня, ни завтра.

Между этим идеалом будущего свободного общежития, в котором исчезнет всякий след государственной принудительности, и теми централизованными государствами мира, которые давят на большинство населения при посредстве сложного легального формализма и обширной административной сети, лежит целый ряд посредствующих политических форм, которые выставлены были теоретически, или для которых существовали более или менее удачные попытки практического осуществления, и в борьбе этих форм с современною государственностью подготавливается торжество далекого будущего. При разнообразии этих политических программ мы обратим в них внимание лишь на самое существенное: группировка личностей все менее зависит от легального] деления территорий или от прирожденного различия национальностей, но в ней все более преобладает элемент экономического противоположения эксплуататоров и эксплуатируемых и нравственный элемент противоположения консерваторов прогрессистам. Начало государственное и централизационное все более уступает началу свободной федерации все более мелких общественных единиц. Именно в замене искусственной и случайной группировки личностей существенными и сознанными противоположениями их, именно в увеличении автономного начала в мелких группах коммун и свободных союзов на счет централизационного начала современных легальных государств заключается, по нашему мнению, политический прогресс человечества. В борьбе политических партий и политических программ мы будем постоянно обращать внимание на расширение элемента свободного союза на счет государственности и будем относиться к этим теориям и программам тем более сочувственно или враждебно, чем ближе они будут подходить к будущим свободным союзам равноправных личностей и подготавливать эту форму общежития, или чем более будут сохранять традиции нынешнего легально-промышленного, централизационного строя.

Все нынешние централизационные политические программы нам прямо враждебны. Все, политические партии с их конституционными идеалами более или менее либерального свойства, всякая попытка заменить централизованную

и буржуазную империю централизованной и буржуазной республикой, заменить существующее распределение территорий другими распределениями, с другими центрами и другими законами – все это нам враждебно в своем основном строе и индифферентно для нас в своем проявлении. Эти факты исторической жизни буржуазного общества могут быть для нас хороши или дурны, смотря по тому, обещают ли они организации рабочих союзов и принципам социальной борьбы более или менее широкое влияние. Так как свобода мысли и слова, свобода ассоциации, участие низших классов в управлении, расширение обучения безусловно помогают этим принципам, то мы будем их поддерживать всюду, кто бы ни был их противником; но мы посоветуем нашим единомышленникам поддерживать эти элементы политических программ и пользоваться ими, не вступая в союз с либеральными партиями, которые вносят их в свои программы. Мы с ними можем сходиться в некоторых пунктах. Но наши цели безусловно различны. Вопрос об участии рабочих в современном политическом движении Европы и Америки мы оставим, как уже сказано, спорным. Мы охотно примем сотрудничество лиц, которые думают, что в государствах, где рабочее сословие (крестьянское или фабричное) может захватить в свои руки политическое влияние, едва ли не полезнее ему воспользоваться существующими политическими формами для своего дела, чтоб потом перестроить общество путем прямого законодательства. Мы не отказываемся и от содействия лиц, считающих этот путь нецелесообразным и проповедующих, что рабочие не должны иметь ничего общего с современным государственным строем, должны противопоставлять ему свою самостоятельную организацию, которая в данную минуту, достигнув надлежащей силы, низвергнет весь существующий порядок вещей путем социальной революции и заменит этот порядок другим. Мы обратим лишь внимание первых на то обстоятельство, что при участии рабочих в буржуазных формах борьбы политических партий всего сильнее грозит им опасность уступить долю своей программы и увлечься формальной и пустою диалектикою парламентских говорунов, и еще на то, что политическое господство рабочего сословия в существующих государственных формах

возможно лишь в некоторых странах, в других же для них неизбежно идти к своей цели путем социальной революции. Мы обратим, с другой стороны, внимание вторых на то, что партия, избирающая систематически путь революции для достижения своих целей, берет на себя обязанность организовать победу.

Вопрос национальный, по нашему мнению, должен совершенно исчезнуть пред важными задачами социальной борьбы. Национальности представляют совершенно реальную и неизбежную почву для каждого общественного процесса. Приходится действовать в данной местности, на общество, говорящее данным языком, выработавшееся до данной культуры. Если это не взять в соображение, то цель общественной деятельности получит совершенно отвлеченное значение и никогда не осуществится. В разных местностях, для разных национальностей задачи данного мгновения могут быть различны, но каждая нация должна делать свое дело, сходясь в общем стремлении к общечеловеческим целям. Борьба против религиозного элемента, отрицание всякого союза с церковною или сектаторскою* организацией, распространение организации Международной ассоциации рабочих, стремление к федерации самоуправляющихся общин или свободных союзов – в этом все национальности могут и должны работать сообща, и этой общей работе нет препятствий. Для нее границ, языков, преданий не существует. Есть только люди и общие им всем цели. Эти принципы неизбежно требуют самой решительной борьбы противу той национальной раздельности, противоположности, враждебности, которые еще слишком часто отзываются в привычках даже мыслящих людей. Всякое возбуждение к соперничеству рас или наций есть прямое отрицание международной солидарности социального вопроса и единства борьбы подавленных классов общества противу их притеснителей.

...На первое место мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и посредством народа. Современный русский деятель должен, по нашему мнению, оставить за собою устарелое мнение, что народу могут быть

навязаны революционные идеи, выработанные небольшою группою более развитого меньшинства, что социалисты-революционеры, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, облагодетельствовав им неподготовленную массу. Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой, каков бы ни был источник новой власти. Будущий строй русского общества, осуществлению которого мы решились содействовать, должен воплотить в дело потребности большинства, им самим, созданные и понятые. При малой грамотности и при неподготовленности большинства мы не можем обратиться прямо к нему с нашим словом. Мы обращаемся с ним к той доле цивилизованного русского меньшинства, которая понимает, что будущее принадлежит народу, что эксплуатация его должна кончиться, и кончится так или иначе, что им остается лишь стать в ряды народа или отказаться от всякой возможной для них прогрессивной деятельности. На этой доле цивилизованного русского меньшинства лежит обязанность не навязывать народу свои идеи в виду облагодетельствования большинства, но уяснить народу его истинные потребности, наилучшие средства удовлетворения этих потребностей и ту силу, которая лежит в народе, но им не признана и потому не может быть им употреблена в дело для подавления его врагов и для доставления себе лучшего положения. Тот, кто желает блага народу, должен стремиться не к тому, чтобы стать властью при пособии удачной революции и вести за собою народ к цели, ясной лишь для предводителей, но к тому, чтобы вызвать в народе сознательную постановку целей, сознательное стремление к этим целям и сделаться не более как исполнителем этих общественных стремлений, когда настанет минута общественного переворота.

Источник: Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8-ми т.т. / Вступ. статья и ред. И.А. Теодоровича; Подготовка к печати, комментарии, примеч., биогр. и биогр. очерки И.С. Книжника-Ветрова. – М., 1934. – С. 23–41.

БАКУНИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Бакунин Михаил Александрович (1814-1876) – деятель российского и международного революционного движения, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества. Организатор «Альянса социалистической демократии». С 1864 г. член 1-го Интернационала (в 1872 г. исключен за раскольническую деятельность). Пытался претворить анархистские планы во время восстаний в Лионе (1870 г.), Болонье (1874 г.). В последние два года жизни разочаровывается в возможности революционной борьбы. Умер в Швейцарии. Основные труды: Государственность и анархия (1873); Федерализм, социализм и антитеологизм (1867, не закончена); Бог и государство (не закончена).

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ (1873)

Новейшее капитальное производство и банковые спекуляции для дальнейшего и полнейшего развития своего требуют тех огромных государственных централизации, которые только одни способны подчинить многомиллионные массы чернорабочего народа их эксплуатации. Федеральная организация снизу-вверх рабочих ассоциаций, групп, общин, волостей и, наконец, областей и народов это единственное условие настоящей, а не фиктивной свободы, столь же противна их существу, как несовместима с ними никакая экономическая автономия. Зато они уживаются отлично с так называемою *представительною демократией*; так как эта новейшая государственная форма, основанная на мнимом *господстве мнимой* народной воли, будто бы выражаемой мнимыми представителями народа в мнимо народных собраниях, соединяет в себе два главные условия, необходимые для их преуспевания, а именно: государственную централизацию и действительное подчинение государя-народа интеллектуальному управляющему им, будто бы представляющему его и непременно эксплуатирующему его меньшинству.

... оказалось, с ясностью, столь же ужасною, сколько и несомненною, что отныне между диким, голодным пролетариатом, обуреваемым социально-революционными страстями и стремящимся неотступно к созданию иного мира на основании начал человеческой истины, справедливости, свободы, равенства и братства, – начал, терпимых в порядочном обществе разве только как невинный предмет риторических упражнений, – и между пресыщенным и образованным миром привилегированных классов, отстаивающих с отчаянною энергиею порядок государственный, юридический, метафизический, богословский и военно-полицейский, как последнюю крепость, охраняющую в настоящее время драгоценную привилегию экономической эксплуатации, – что между этими двумя мирами, говорю я, между чернорабочим людом и образованным обществом, соединяющим в себе, как известно, всевозможные достоинства, красоты и добродетели, всякое примирение невозможно... Или буржуазно-образованный мир должен укротить и поработить бунтующую народную стихию, дабы силою штыков, кнута или палки, благословенных, разумеется, каким-нибудь Богом и объясненных разумно наукою, заставить чернорабочие массы работать по-прежнему, что ведет прямо к полнейшему восстановлению государства в его искреннейшей форме, которая одна возможна в настоящее время, т. е. в форме военной диктатуры или императорства; или же рабочие массы сбросят с себя окончательно ненавистное многовековое иго, разрушат в корне буржуазную эксплуатацию и основанную на ней буржуазную цивилизацию – а это значит торжество социальной революции, сокрушение всего, что называется государством.

...Между монархией и самою демократическою республикою существует только одно существенное различие: в первой чиновный мир притесняет и грабит народ для вящей пользы привилегированных, имущих классов, а также и своих собственных карманов, во имя монарха; в республике же он будет точно так же теснить и грабить народ для тех же карманов и классов, только уже во имя народной воли. В республике мнимый народ, народ легальный, будто бы представляемый государством, душит и будет душить народ живой

и действительный. Но народу отнюдь не будет легче, если палка, которою его будут бить, будет называться палкою народной.

...Народное восстание, по природе своей стихийное, хаотическое и беспощадное, предполагает всегда большую растрату и жертву собственности, своей и чужой. Народные массы на подобные жертвы всегда готовы; они потому и составляют грубую, дикую силу, способную к совершению подвигов и к осуществлению целей, по-видимому, невозможных, что, имея лишь очень мало или не имея вовсе собственности, они не развращены ею. Когда это нужно для обороны или для победы, они не остановятся перед истреблением своих собственных селений и городов, а так как собственность большею частью чужая, то в них обнаруживается нередко положительная страсть к разрушению. Этой отрицательной страсти далеко не достаточно, чтобы подняться на высоту революционного дела; но без нее последнее немыслимо, невозможно, потому что не может быть революции без широкого и страстного разрушения, разрушения спасительного и плодотворного, потому что именно из него и только посредством него зарождаются и возникают новые миры.

Такое разрушение несовместно с буржуазным сознанием, с буржуазною цивилизациею, потому что она вся построена на фанатическом богопочитании собственности. Бюргер или буржуа отдадут скорее жизнь, свободу, честь, но не отступятся от своей собственности; самая мысль о посягательстве на нее, о разрушении ее для какой бы то ни было цели кажется им святотатством; вот почему они никогда не согласятся на уничтожение своих городов и домов, даже когда это потребует защита края; и вот почему французские буржуа в 1870 году и немецкое бюргерство до самого 1813 года так легко поддавались счастливым завоевателям. Мы видели, что обладания собственностью было достаточно, чтобы развратить французское крестьянство и убить в нем последнюю искру патриотизма.

... нищета самая ужасная, даже когда она поражает многомиллионный пролетариат, не есть еще достаточный залог для революции. Человек одарен от природы изумительным и, право, иногда доводящим до отчаяния терпением,

и черт знает, чего он не переносит, когда вместе с нищетой, обрекающей его на неслыханные лишения и медленную голодную смерть, он еще награжден тупоумием, тупостью чувств, отсутствием всякого сознания своего права и тем невозмутимым терпением, и послушанием, которыми между всеми народами особенно отличаются восточные индейцы и немцы. Такой человек никогда не воспрянет; умрет, но не взбунтуется.

Но когда он доведен до отчаяния, возмущение его становится уже более возможным. Отчаяние – острое, страстное чувство. Оно вызывает его из тупого, полусонного страдания и предполагает уже более или менее ясное сознание возможности лучшего положения, которого он только не надеется достигнуть.

В отчаянии, наконец, долго оставаться не может никто; оно быстро приводит человека или к смерти, или к делу. К какому делу? Разумеется, к делу освобождения и завоевания условий лучшего существования...

Но и нищеты с отчаянием мало, чтобы возбудить Социальную Революцию. Они способны произвести личные или, много, местные бунты, но недостаточны, чтобы поднять целые народные массы. Для этого необходим еще общенародный идеал, вырабатывающийся всегда исторически из глубины народного инстинкта, воспитанного, расширенного и освещенного рядом знаменательных происшествий, тяжелых и горьких опытов, – нужно общее представление о своем праве и глубокая, страстная, можно сказать, религиозная вера в это право. Когда такой идеал и такая вера в народе встречаются вместе с нищетой, доводящею его до отчаяния, тогда Социальная Революция неотвратима, близка, и никакая сила не может ей воспрепятствовать.

... выработалось наконец направление совершенно новое и прямо идущее к уничтожению всякого эксплуатирования и всякого политического или юридического, равно как и правительственно-административного притеснения, т. е. к уничтожению всех классов посредством экономического уравнивания всех состояний и к уничтожению их последней опоры, Государства.

Такова программа Социальной Революции.

Итак, в настоящее время существует для всех стран цивилизованного мира только один всемирный вопрос, один мировой интерес – полнейшее и окончательное освобождение пролетариата от экономической эксплуатации и от государственного гнета. Очевидно, что этот вопрос без кровавой, ужасной борьбы разрешиться не может и что настоящее положение, право, значение всякого народа будет зависеть от направления, характера и степени участия, которое он примет в этой борьбе...

... Но Социальная Революция не может быть одинокою революциею одного народа; она по существу своему революция интернациональная, значит, славяне, отыскивающие своей свободы и ради своей свободы, должны связать свои стремления и организацию своих народных сил с стремлениями и с организацией народных сил всех других стран; славянский пролетариат должен войти целою массою в Интернациональную ассоциацию рабочих...

...не будет более государств, – а к разрушению их стремятся все усилия социально-революционной партии в Европе, – будет время, когда на развалинах политических государств оснуется совершенно свободно и организуясь снизу-вверх, вольный братский союз вольных производительных ассоциаций, общин и областных федераций, обнимающих безразлично, потому что свободно, людей всех языков и народностей...

... мы не только не имеем намерения и ни малейшего опыта навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из книжек или выдуманного нами самими, но в убеждении, что народные массы носят в своих, более или менее развитых историею инстинктах, в своих насущных потребностях и в своих стремлениях, сознательных и бессознательных, все элементы своей будущей нормальной организации, мы ищем этого идеала в самом народе; а так как всякая государственная власть, всякое правительство, по существу своему и по своему положению поставленное вне народа, над ним, непременною образом должно стремиться к подчинению его порядкам и целям ему чуждым, то мы объявляем себя врагами всякой правительственной, государственной власти, врагами

государственного устройства вообще и думаем, что народ может быть только тогда счастлив, свободен, когда, организуясь снизу вверх, путем самостоятельных и совершенно свободных соединений и помимо всякой официальной опеки, но не помимо различных и равно свободных влияний лиц и партий, он сам создаст свою жизнь.

Таковы убеждения социальных революционеров, и за это нас называют анархистами. Мы против этого названия не протестуем, потому что мы действительно враги всякой власти, ибо знаем, что власть действует столь же развратительно на тех, кто облечен ею, сколько и на тех, кто принужден ей покоряться. Под тлетворным влиянием ее одни становятся честолюбивыми и корыстолюбивыми деспотами, эксплуататорами общества в свою личную или сословную пользу, другие – рабами...

Источник: Бакунин М.А. Государственность и анархия. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.

ТКАЧЕВ ПЕТР НИКИТИЧ

Ткачев Петр Никитич (1844-1886) – российский деятель революционного движения, один из идеологов народничества, публицист, идеолог «русского бланкизма». Во второй половине 1860-х годов активно сотрудничая в журналах «Русское слово» и «Дело», он сложился как публицист, чей авторитет и популярность в радикальных кругах приобрели устойчивый характер. За границей Ткачев - один из руководителей русских революционеров, автор многочисленных брошюр и статей. Сторонник заговорщических методов борьбы.

АНАРХИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО (1876)

...Пока революционер не уяснит себе, хотя в самых общих чертах, как и чем следует заменить существующий ненормальный строй общественных отношений, пока в его голове не сложится хотя какого-нибудь идеала «лучшего

будущего», до тех пор от его деятельности нельзя ждать никаких особенно полезных результатов, в ней не будет ни устойчивости, ни последовательности, ни целесообразности; это будет деятельность неосмысленная, так сказать инстинктивная, не заключающая в самой себе никакого внутреннего, разумного стимула.

...Общество, имеющее надобность в полиции и жандармах, общество, где еще имеют место тяжбы и процессы, где есть преступники, где существуют тюрьмы и исправительные колонии, – такое общество, конечно, еще не может быть названо «окончательно устроенным», вполне воплотившим в жизнь идеи социальной революции. Это общество переходное, общество, делающее лишь первые шаги на пути социальных реформ.

...Все те разнообразные общественные отправления, которые анархисты подводят под категорию общественной службы, все они составляют в своей совокупности то, что в данном обществе называется государственным и общественным управлением. Слово управление – равнозначает слову власть. Всякое управление, хотя бы его объектом были водосточные трубы, предполагает власть.

...Вообще невозможно себе представить ни одной такой общественной службы, которая могла бы осуществиться без атрибута власти. Власть – это ее постоянный, наиболее существенный элемент, это тот характеристический признак, который отличает ее от всякой общепольной работы вообще. Едва только какая-нибудь общепольная работа возводится в общественную службу, как она становится властью (конечно, властью в пределах своей деятельности), а люди, отправляющие ее, – людьми власти. При этом решительно все равно, будут ли эти люди по собственному призванию отправлять ту или другую общественную службу, или их будет назначать какая-нибудь верховная власть, община, федерация, законодательное собрание и т. п.

Теперь мы без труда можем понять, почему анархисты не могли дать точного определения термину общественная служба, почему они так тщательно скрывали тот существенный признак, который отличает ее от полезной работы

вообще. Скажи они прямо, без виляний и двусмыслиц, что обыкновенно подразумевается и что необходимо должно подразумеваться под общественной службой, – и для всех стало бы вполне очевидным, что их проекты организации общественной службы суть не что иное, как проекты организации общественной власти. Отрицать власть в принципе и в то же время сочинять проекты организации власти – это, разумеется, не совсем последовательно. И вот, чтобы замаскировать эту непоследовательность, они и решились прибегнуть к фальсификации понятия общественной службы.

... сами анархисты сознают, что требовать уничтожения государства так же дико и нелепо, как и требовать уничтожения машин. Нет, говорят они, не уничтожать мы его должны, мы должны овладеть им, вырвать его из рук привилегированных классов и передать его в руки рабочих, из орудия эксплуатации и консерватизма превратить его в орудие социальной революции!

...умные анархисты не только признают необходимость, но считают даже совершенно неизбежным авторитарно-диктаторское государство в том по крайней мере случае, когда насильственный переворот опередит ход легального прогресса, опередит мирную революцию, совершающуюся под влиянием социалистической пропаганды в чувствах, понятиях, идеалах, привычках и традициях большинства народа. Но ведь этот-то случай и имеют в виду социалисты-революционеры, ведь на него-то они и рассчитывают; следовательно, установление авторитарного государства должно быть ближайшей и непосредственной целью всех их стремлений.

...станет ли государство само заниматься эксплуатацией земель в обширных размерах, или оно будет сдавать их мелкими участками во временное владение рабочих артелей и ассоциаций, или же, наконец, предоставит в собственность общинам, во всяком случае определение условий обработки и пользования этими землями, условий производства и распределения продукта будет зависеть всецело от него одного. То же самое можно сказать о заводах, фабриках, рудниках и всех вообще орудиях производства, экспроприированных государством и предоставленных им в пользование рабочих ассоциаций.

Следовательно, факт экспроприации (как бы ни было поступлено с экспроприированным имуществом) сделает государство полным хозяином в деле организации труда и распределения его продуктов, во всех отраслях промышленности, на всех пунктах подвластной ему территории.

... тогда уже не будет существовать ни индивидуальной собственности, ни семьи (как необходимого ее постулата), ни кредита, ни денег, ни менового обращения товаров, не будет существовать и никаких поводов к преступлениям, не будет надобности в карательном правосудии, ни в тюрьмах, ни в жандармах...

...раз коммунистическая система производства и потребления будет осуществлена в практической жизни, раз общественное воспитание, руководимое государством, вполне проникнется духом и принципом этой системы, как уже и самое понятие об общественной службе утратит всякий разумный смысл.

Мы уже показали выше, что никакая общественная служба немыслима без власти, без принуждения; что именно этот-то элемент власти и принуждения и составляет тот характеристический признак, который выделяет представление о ней из представления об «общепольной работе» вообще. Но при полном осуществлении в жизни идеи братства, равенства, при устранении «всех препятствий, лежащих на пути к освобождению» человечества от ярма экономического рабства, эксплуатации и конкуренции, не может быть более речи о власти и принуждении.

Источник: Ткачев П.Н. Сочинения. В 2-хх т. Т. 2. Общ. ред. А.А. Галактионова, В.Ф. Пустарнакова, Б.М. Шахматова. – М.: «Мысль», 1976. – С. 171–194.

КРОПОТКИН ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ

Кропоткин Петр Алексеевич (1842-1921) – русский революционер-анархист, географ и геоморфолог. Из княжеского рода Кропоткиных. Исследователь тектонического строения Сибири, Средней Азии и ледникового периода. Историк, философ и публицист, эволюционист, создатель идеологии анархо-коммунизма и один из самых влиятельных теоретиков анархизма.

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И АНАРХИЯ (1892)

IX. АНАРХИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

Никакая борьба не может иметь успеха, если она остается бессознательной, если она не отдает себе конкретного, реального отчета в своих целях. Никакое разрушение существующего невозможно без того, чтобы уже в момент разрушения и борьбы, ведущей к разрушению, люди не представляли себе в уме, что займет место того, что желают разрушить. Невозможно даже теоретически критиковать существующее, не рисуя уже себе в уме более или менее определенный образ того, что желают видеть на месте существующего. Сознательно или бессознательно идеал – понятие о лучшем – рисуется в уме каждого, кто критикует существующие учреждения.

X. АНАРХИЯ

...Мы представляем себе общество в виде организма, в котором отношения между отдельными его членами определяются не законами, наследием исторического гнета и прошлого варварства, не какими бы то ни было властителями, избранными или же получившими власть по наследию, а взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками и обычаями, также свободно признанными...

Таким образом – никаких властей, которые навязывают другим свою волю, никакого владычества человека над человеком, никакой неподвижности в жизни, а вместо того – постоянное движение вперед, то более скорое, то замедленное,

как бывает в жизни самой природы. Каждому отдельному лицу предоставляется, таким образом, свобода действий, чтобы оно могло развить все свои естественные способности, свою индивидуальность, т.е. все то, что в нем может быть своего, личного, особенного. Другими словами – никакого навязывания отдельному лицу каких бы то ни было действий под угрозой общественного наказания или же сверхъестественного мистического возмездия: общество ничего не требует от отдельного лица, чего это лицо само не согласно добровольно в данное время исполнить. Наряду с этим – полнейшее равенство в правах для всех.

Мы представляем себе общество равных, не допускающих в своей среде никакого принуждения; и, несмотря на такое отсутствие принуждения, мы нисколько не боимся, чтобы в обществе равных вредные обществу поступки отдельных его членов могли бы принять угрожающие размеры. Общество людей свободных и равных сумеет лучше защитить себя от таких поступков, чем наши современные государства, которые поручают защиту общественной нравственности полиции, сыщикам, тюрьмам – т.е. университетам преступности, – тюремщикам, палачам и судам. В особенности сумеет оно предупреждать самую возможность противообщественных поступков путем воспитания и более тесного общения между людьми.

...Само историческое развитие государства было вызвано не чем иным, как возникновением земельной собственности и желанием сохранить ее в руках одного класса, который таким образом стал бы господствующим. Какие же средства может доставить государство для уничтожения этой монополии, если сами трудящиеся не смогут найти этих средств в своих собственных силах и в своем объединении? В течение XIX века государство неимоверно усилилось в смысле утверждения монополий промышленной собственности, торговли и банков в руках вновь разбогатевших классов, которым оно доставляло дешевые рабочие руки, отнимая землю у деревенских общин и сокрушая крестьян непосильными налогами. Какие преимущества может доставить государство, чтобы уничтожить эти самые привилегии, если у крестьян не будет сил

объединиться и добиться этого самим? Государственный механизм, развиваясь, имел своей целью созидание и укрепление привилегий – как же может он послужить их уничтожению? Разве такая новая деятельность не потребует новых исполнительных органов? И разве эти исполнительные органы не должны быть созданы теперь самими рабочими, внутри их союзов, их федераций, без всякого отношения к государству?

Тогда, когда падут созданные и поддерживаемые государством преимущества для отдельных лиц и классов, существование государства потеряет всякий смысл. Совершенно новые формы общежития должны будут возникнуть, раз отношения между людьми перестанут быть отношениями между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Жизнь упростится, когда станет излишним механизм, существующий для того, чтобы помогать богатым еще более богатеть за счет бедных.

Представляя себе мысленно свободные общины, сельские и городские (т.е. земельные союзы людей, связанных между собой по месту жительства), и обширные профессиональные и ремесленные союзы (т.е. союзы людей по роду их труда), причем общины и профессиональные и ремесленные союзы тесно переплетаются между собою, представляя себе такое устройство взаимных отношений между людьми, анархисты могли уже составить себе определенное конкретное представление о том, как может быть организовано общество, освободившееся от ига капитала и государства. К этому им оставалось прибавить, что рядом с общинами и профессиональными союзами будут появляться тысячами бесконечно разнообразные общества и союзы: то прочные, то эфемерные, возникающие среди людей в силу сходства их личных наклонностей. Мало ли у людей общих интересов, общественных, религиозных, художественных, ученых, в целях воспитания, исследования или даже просто развлечения! Такие союзы, вне всяких политических или хозяйственных целей, создаются уже теперь во множестве; число их, несомненно, должно расти, и они будут тесно переплетаться с другими союзами как земельными, так и союзами для производства, для потребления и для обмена продуктов.

Эти три рода союзов, сетью покрывающих друг друга, дали бы возможность удовлетворять всем общественным потребностям: потребления, производства и обмена, путей сообщения, санитарных мероприятий, воспитания, взаимной защиты от нападений, взаимопомощи, защиты территории; наконец – удовлетворения потребностей художественных, литературных, театральных, а также потребностей в развлечениях и т. п. Все это – полное жизни и всегда готовое отвечать на новые запросы и на новые влияния общественной и умственной среды и приспособляться к ним.

Если бы общество такого рода развивалось на достаточно обширной и достаточно населенной территории, где самые различные вкусы и потребности могли бы проявить себя, то всем скоро стала бы ясна ненужность каких бы то ни было начальственных принуждений. Бесполезные для поддержания экономической жизни общества, эти принуждения были бы столь же бесполезны для того, чтобы помешать большинству противообщественных деяний.

И в самом деле, в современном государстве самой большой помехой развитию и поддержанию нравственного уровня, необходимого для жизни в обществе, является отсутствие общественного равенства. Без равенства – «без равенства на деле», как выражались в 1793 г., чувство справедливости не может сделаться общим достоянием. Справедливость должна быть одинакова для всех; а в нашем обществе, расслоенном на классы, чувство равенства терпит поражения каждую минуту, на каждом шагу. Чтобы чувство справедливости по отношению ко всем вошло в нравы и в привычки общества, надо, чтобы равенство существовало на деле. Только в обществе равных мы найдем справедливость.

Тогда потребность в принуждении или, вернее, желание прибегать к принуждению перестало бы проявляться. Всякому стало бы ясно, что нет нужды стеснять личную свободу, как это делается теперь, то страхом наказания, судебного или свыше, то подчинением людям, признанным высшими, то преклонением перед метафизическими существами, созданными страхом или невежеством. Все это в современном обществе ведет только к умственному

рабству, к принижению личной предприимчивости, к понижению нравственного уровня людей, к остановке движения вперед.

... все законы, говорим мы, имеют двоякое происхождение, и это именно отличает их от устанавливавшихся путем обычая привычек, которые представляют собой правила нравственности, существующие в данном обществе в данное время. Закон подтверждает эти обычаи, кристаллизует их, но в то же время пользуется ими, чтобы ввести, обыкновенно в скрытой, незаметной форме, какое-нибудь новое учреждение в интересах правящего меньшинства и военной касты. Например, закон, подтверждая разные полезные обычаи, вводит или утверждает рабство, деление на классы, власть главы семьи, жреца или воина; он незаметно вводит крепостное право, а позднее – порабощение государством. Таким образом, на людей всегда умели наложить ярмо, так что они этого даже не замечали, ярмо, от которого впоследствии они не могли освободиться иначе как путем кровавых революций.

Источник: Кропоткин П.А. Анархия: Сборник / Сост. и предисловие Р.К. Баландина. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 576 с.

ШЕРШЕНЕВИЧ ГАБРИЭЛЬ (ГАВРИИЛ) ФЕЛИКСОВИЧ

Шершеневич Габриэль Феликсович (1863-1912) – русский юрист, цивилист, профессор Казанского и Московского университетов, депутат I Государственной Думы. Один из наиболее видных членов партии «Народной Свободы», состоял членом Центрального комитета партии кадетов. Ему принадлежит ряд крупных произведений: «История философии права» (1904-1905 гг.), «Наука гражданского права в России» (1893 г.), «Курс торгового права» (1899 г.), «Общая теория права» (1910-1912 гг.) в 4-х выпусках, «Общее учение о праве и государстве» (1911 г.) и др. Ряд работ Шершеневич посвятил конкретным проблемам теории права: «О применении норм права» (1893 г.),

«Общее определение понятия о праве» (1896 г.), «О чувстве законности» (1897 г.) и др.

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Общество

Общежительность человека не есть свойство, данное ему природою в отличие от других живых существ. Это есть свойство, приобретенное в течение долгого развития человеческого рода, вследствие опыта, показавшего человеку, что жизнь в обществе более способна обеспечить интересы, нежели жизнь в одиночку...

Присматриваясь к современному обществу, мы замечаем два одновременных явления: связующие его интересы становятся все сложнее и в то же время возрастают интересы, его расчленяющие... Живя в обществе, с которым человек связан единством политической защиты, человек принадлежит лишь к одной его части по языку и вере, к другой – по своим экономическим интересам, к третьей – по своим умственным запросам.

Государство

...Под именем государства понимается союз людей, осевших в известных границах и подчиненных одной власти... Совокупность людей, образующих государство, представляет собою не просто известное число лиц, живущих рядом, но является организацией. Организация же состоит в том, что все эти люди подчинены одной верховной власти, которая связывает их вместе, подчиняет себе, обязывает к повиновению...

Государство как союз людей, связанных принудительною силою власти, предполагает ряд таких благ, которые вытекают из этой силы и не могут быть достигнуты общежитием без содействия принудительной силы.

Сюда относится прежде всего обеспечение личной безопасности. Этой безопасности могут угрожать извне и изнутри государства. Без государственной силы никто не был бы обеспечен в том, что не придут враги и не расхитят всего имущества, не завладеют всем, что принадлежит ему и его близким... На

обязанности власти, и притом единственно в ее возможности, лежит принятие мер, обеспечивающих жизнь, здоровье, неприкосновенность, личную и имущественную, каждого. Там, где государственная власть оказывается не в состоянии обеспечить каждому личную и имущественную безопасность, наступает опасный для государства момент – у населения может возникнуть сомнение в необходимости самого государства.

Рядом с обеспечением безопасности государство способно обеспечить благосостояние каждого. Там, где недостаточны личные силы в борьбе с природою, в приобретении всех средств удовлетворения потребностей, там должны выступать силы государства. И не добровольные силы общества, а организованные принудительным образом... И только государство в состоянии выполнить эту задачу, благодаря своей организованной силе.

...Нет общества, которое не имело бы своих правил общежития, но только государство в состоянии установить те правила, которые называются правом. Право нуждается... в организованной силе, и только государство обладает такою силою. Поэтому вне государства нет права.

Государственная власть

...Как бы ни была организована государственная власть, – находится ли она полностью в руках одного монарха, или же в руках многочисленного республиканского парламента, – все же властвующие по своей физической силе представляют прямо ничтожную величину по сравнению с огромной силой всех подвластных... Где же в современном государстве источник силы властвующих?

Прежде всего в распоряжении государственной власти огромная полицейская и военная сила...

Среди других средств, поддерживающих государственную власть, внушающих подданным уважение к ней, является идея ее божественного происхождения.

Другое основание, на котором держится установленная государственная власть, – это есть сила сложившегося порядка.

Наиболее могучим оплотом государственной власти является сочувствие населения направлению правительственной политики... При все большей демократизации современных обществ только то государство может считать себя сильным, могучим, которого государственная власть имеет на своей стороне сочувствие широких масс.

...государственная власть неограничена в проявлении своей силы. Государственная власть может издать какие угодно законы: может или восстановить рабство, или ввести социалистический строй... Но если юридически для государственной власти нет пределов, потому что она, подобно вершине, высящейся над облаками, стоит над правом, а не под правом, – то, спрашивается, нет ли пределов ее произволу в чем-либо ином, кроме права?.. Одна граница дана тем, что сами властвующие – сыны своего времени, дети того же общества. Как бы далеко ни отстояли по своему воспитанию и понятиям люди, облеченные высшею властью, все же дух времени, через ряд незаметных путей воздействует и на них. Границы произвола монарха или членов парламента следует искать в их собственном мировоззрении... Вторая граница произвола государственной власти дана степенью готовности населения подчиняться власти.

Источник: Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. Лекции. – М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1908. – 156 с.

ЛЕНИН (УЛЬЯНОВ) ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870-1924) – российский революционер, советский политический и государственный деятель, создатель Российской социал-демократической партии (большевиков), один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года в России, председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР, создатель первого в мировой истории социалистического государства. Марксист,

публицист, основоположник марксизма-ленинизма, идеолог и создатель Третьего (Коммунистического) интернационала, основатель СССР, первый председатель СНК СССР.

Среди основных работ – «Развитие капитализма в России» (1899), «Что делать?» (1902), «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916), «Государство и революция» (1917), «Великий почин» (1919), «О погромной травле евреев» (1924).

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ (1917)

Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены... государство есть орган господства определенного класса, который *не может* быть примирен со своим антиподом (с противоположным ему классом)... оно есть сила, стоящая *над* обществом и «*все более и более отчуждающая* себя от общества»... освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, *но и без уничтожения* того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это «отчуждение» воплощено.

...Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т. е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем «отмирания».

...Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплуататорский класс, т. е. буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее.

Эксплуаторским классам нужно политическое господство в интересах поддержания эксплуатации, т. е. в корыстных интересах ничтожного меньшинства, против громаднейшего большинства народа. Эксплуатируемым классам нужно политическое господство в интересах полного уничтожения всякой эксплуатации, т. е. в интересах громаднейшего большинства народа, против ничтожного меньшинства современных рабовладельцев, т. е. помещиков и капиталистов.

...Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого подготавливают его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьянство и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает, объединяет, организует пролетариат. Только пролетариат, – в силу экономической роли его в крупном производстве, – способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше,

...Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию *политического господства* пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в *господствующий класс*, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства *все* трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров, и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства.

...все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

...пролетариат не может свергнуть буржуазии, не завоевав сначала политической власти, не получив политического господства, не превратив государства в «организованный, как господствующий класс, пролетариат», и что это пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно.

...империализм, эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление «государственной машины», неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах.

Всемирная история подводит теперь, несомненно, в несравненно более широком масштабе, чем в 1852 году, к «концентрации всех сил» пролетарской революции на «разрушении» государственной машины.

...диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*.

...разбитую государственную машину [Парижская] Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой

наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (= особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство...

Особенно замечательна ... отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы *всем* должностным лицам в государстве до уровня «заработной платы рабочего». Тут как раз всего нагляднее сказывается *перелом* – от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от государства, как «особой силы» для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян....

Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т. е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность.

...парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь *нет*.

...Мы не «мечтаем» о том, как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь

оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся — пролетариату. Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего».

Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, *сами* мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней) — вот *наша*, пролетарская задача, вот с чего можно и должно *начать* при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному «отмиранию» всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка... такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как *особые* функции особого слоя людей.

...Коммуна — «открытая наконец» пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

Коммуна — первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которою можно и должно *заменить* разбитое.

Источник: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Т. 33. — М.: Издательство политической литературы, 1969. — С. 1–120.

РАЗДЕЛ 7. КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТЕОРИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

ДЖОН ЛОКК

Джон Локк (1632-1704) – английский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма. Способствовал распространению сенсуализма. Его идеи оказали огромное влияние на развитие эпистемологии и политической философии. Он широко признан как один из самых влиятельных мыслителей Просвещения и теоретиков либерализма. Основные труды: «Опыт о человеческом разумении»; «Два трактата о правлении»; «Опыты о законе природы»; «Письма о веротерпимости»; «Мысли о воспитании»

ДВА ТРАКТАТА О ПРАВЛЕНИИ

Глава VII

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЛИ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

77. Бог создал человека таким существом, что, по господнему решению, нехорошо было быть ему одиноким, и, положив необходимость, удобства и склонности могучими побудительными силами, которым должен был подчиниться человек, он заставил его искать общества, равно как и снабдил его разумом и языком, дабы тот мог поддерживать его и наслаждаться им. Первое общество состояло из мужа и жены, что дало начало обществу, состоящему из родителей и детей; к этому с течением времени добавилось общество из хозяина и слуги. И хотя все они могли, как это обычно и происходило, сочетаться и образовывать одну общую семью, в которой хозяин или хозяйка обладали в некотором роде правом правления, свойственным семье, однако ни одно из этих обществ и все они вместе не являлись политическим обществом, как мы увидим, если рассмотрим различные цели, связи и границы каждого из них.

78. Брачное сообщество образуется посредством добровольного соглашения между мужчиной и женщиной; и хотя оно преимущественно сводится к соединению и к праву каждого супруга на тело другого, поскольку это необходимо для основной цели — произведения потомства, оно вместе с тем влечет за собой взаимную поддержку и помощь, а также общность интересов, поскольку им необходимо не только объединить свою заботу и привязанность, но также обеспечить общее потомство, которое имеет право на пропитание и поддержку с их стороны до тех пор, пока не будет в состоянии само о себе заботиться.

79. Ведь целью союза между мужчиной и женщиной является не просто порождение потомства, но продолжение рода; этот союз между мужчиной и женщиной должен продолжаться даже и после рождения потомства столь долго, сколь это необходимо для пропитания и поддержки детей, которых обязаны содержать те, кто их произвел, до того возраста, пока дети не будут в состоянии обходиться без посторонней помощи и сами о себе заботиться. Мы видим, [...] что этому закону, который установил бесконечно мудрый творец для творений рук своих, неизменно повинуются низшие существа. У тех живородящих существ, которые питаются травой, союз между самцом и самкой длится не дольше, чем сам половой акт, потому что сосцы самки в состоянии прокормить детеныша до того момента, пока он сможет питаться травой, и самец только осуществляет зачатие, но не заботится ни о самке, ни о детеныше, для поддержания которых он ничего не в состоянии дать. Но у хищных животных союз длится дольше, так как самка не в состоянии полностью содержать себя и питать свое многочисленное потомство исключительно своей добычей; это более трудный, равно как и более опасный, способ существования, чем питание травой; поддержка самца необходима для содержания их общей семьи, члены которой не могут сами содержать себя до того, как они будут в состоянии сами ходить на добычу, следовательно, здесь необходима общая забота самца и самки. То же самое наблюдается и у всех птиц (за исключением некоторых домашних птиц, где изобилие пищи дает возможность петуху не кормить потомство и не

заботиться о нем), птенцы которых нуждаются в пище, находясь в гнезде, и самец и самка продолжают находиться в союзе до тех пор, пока птенцы не научатся летать и не смогут сами заботиться о своем пропитании.

80. И в этом, мне думается, заключается основная, если не единственная, причина того, что у людей самец и самка связаны более длительным союзом, чем у других существ, а именно потому, что самка способна зачать, и *de facto* снова обычно бывает беременна, и приносит новое потомство задолго до того, как предыдущий ребенок перестает нуждаться в поддержке и помощи своих родителей и будет в состоянии сам о себе заботиться; он все еще нуждается в помощи, которую ему обязаны оказывать его родители. Вследствие этого отец, который обязан заботиться о тех, кого он зачал, должен находиться в брачном союзе с той же женщиной дольше, чем другие существа, потомство которых может само заботиться о себе раньше, чем снова наступает период деторождения, и брачная связь которых распадается сама собой, и они свободны до тех пор, пока Гименей¹⁶ в свое обычное ежегодное время снова не призовет их выбирать новых супругов и подруг. При этом нельзя не восхищаться мудростью великого творца, который наделил человека даром предвидения и способностью запасать на будущее, равно как и обеспечивать настоящие [с.307] нужды, и сделал необходимым, чтобы общество мужчины и женщины было более длительным, чем самца и самки у других существ; так, чтобы их трудолюбие поощрялось и чтобы их интересы были лучше соединены на предмет обеспечения всем необходимым и создания запасов для их общего потомства, которому сильно повредили бы беспорядочные связи или легкое и частое расторжение брачного союза.

81. Но хотя человечество связано этими обязательствами, которые делают брачные узы более прочными и более длительными у человека, чем у других видов животных, все же имеется повод для вопроса: почему это соглашение, при котором обеспечено производство и воспитание потомства и наследование, нельзя сделать ограниченным — либо в зависимости от согласия, либо на определенное время, либо при определенных условиях, подобно любым другим

добровольным соглашениям? Ведь в самой природе вещи, равно как и для ее цели, нет необходимости, чтобы это было всегда пожизненным. Я имею в виду тех, кто не подвержен ограничениям какого-либо положительного закона, предписывающего, чтобы все подобные договоры были вечными.

82. Но так как муж и жена, хотя они и имеют одну общую заботу, все же думают по-разному, то они неизбежно иногда будут проявлять и различную волю; поскольку необходимо, чтобы окончательное решение, т. е. руководство, было возложено на кого-либо, то оно, естественно, падает на долю мужчины как более способного и более сильного. Но это распространяется только на то, что относится к их общим интересам и собственности, и оставляет жене полное и свободное владение тем, что по договору составляет ее особое право, и дает мужу не большую власть над ее жизнью, чем она имеет над его жизнью. Власть мужа настолько далека от власти абсолютного монарха, что жена во многих случаях свободна разойтись с ним, когда естественное право или их договор допускают это, независимо от того, был ли этот договор заключен ими самими в естественном состоянии или по обычаям и законам страны, в которой они живут; и дети в случае такого раздельного жительства отходят к отцу или матери в соответствии с тем, что предписывает договор.

83. Так как все цели брака могут быть осуществлены при политическом правлении, равно как и в естественном состоянии, то гражданский правитель не умаляет ни права, ни власти каждого из тех, кто, естественно, необходим [...] для этих целей, для произведения потомства и для взаимной поддержки и помощи, пока они находятся вместе, но только разрешает любой спор, который может возникнуть между мужем и женой по этому поводу. Если бы дело обстояло иначе и абсолютное главенство, и власть над жизнью и смертью, естественно, принадлежали мужу и были бы необходимы для общества мужа и жены, то не могло бы быть брака ни в одной из тех стран, где мужу не дана такая абсолютная власть. Но цели брака не требуют, чтобы муж был облечен такой властью, и условие брачного сообщества не дает ему ее, поскольку в ней в данной ситуации нет никакой необходимости. Брачное сообщество может существовать и

достигать своих целей без этого; ведь общность имущества и право распоряжаться им, взаимная помощь и поддержка и все прочее, относящееся к брачному сообществу, могут изменяться и регулироваться тем договором, который соединяет мужчину а женщину в это сообщество в той мере, в какой это связано с произведением на свет потомства и воспитанием детей до тех пор, пока они не станут самостоятельными; ничто не является необходимым ни для какого общества, если это не необходимо для тех целей, ради которых данное общество создано.

84. Сообщество между родителями и детьми и различные права, и власть, соответственно принадлежащие им, я настолько подробно рассмотрел в предыдущей главе, что мне нет необходимости говорить что-либо об этом здесь. И мне думается, совершенно очевидно, что это значительно отличается от политического общества.

85. Хозяин и слуга – эти названия так же стары, как и история, но они относятся к людям, находящимся в совершенно различных условиях; так, например, свободный человек делает себя слугой другого, продав ему на некоторое время те услуги, которые он обязуется выполнять взамен той платы, которую он получит; и хотя это обычно связано с тем, что он входит в семью своего хозяина и подчиняется установленному там порядку, но тем не менее это дает хозяину только временную власть над ним, причем не превышающую то, что содержится в заключенном между ними договоре. Но существует другой род слуг, которых мы называем особым именем рабы: это пленные, взятые в справедливой войне, и по естественному праву они находятся в абсолютном подчинении и под деспотической властью своих хозяев. Эти люди, как я сказал, утратили право на свою жизнь и вместе с этим свою свободу и потеряли свое имущество; и, находясь в состоянии рабства, они [...] не могут иметь какой-либо собственности; следовательно, в этом состоянии их нельзя считать какой-либо частью гражданского общества, главной целью которого является сохранение собственности.

86. Теперь мы рассмотрим главу семьи со всеми этими подчиненными и родней – женой, детьми, слугами и рабами, которые объединены под домашним правлением в семье; все это, как бы оно ни было похоже по своему порядку, обязанностям и числу на небольшое государство, все же весьма далеко от него как по устройству, власти, так и по цели; или же, если что рассматривать как монархию, а *paterfamilias* – как абсолютного монарха, то подобная абсолютная монархия будет обладать очень неустойчивой и кратковременной властью, поскольку уже ясно из вышеизложенного, что глава семьи обладает весьма определенной и по-разному ограниченной как в отношении времени, так и в отношении размера властью над теми несколькими лицами, которые составляют эту семью; ведь если не считать рабов (а семья является в одинаковой степени семьей, и его власть как *paterfamilias* так же велика независимо от того, имеются ли в этой семье рабы или нет), то он не обладает законодательной властью над жизнью и смертью никого из них и вообще не имеет никакой власти, которой бы не могла обладать в семье и хозяйка. И совершенно несомненно, что не может иметь никакой абсолютной власти над всей семьей тот, кто обладает лишь весьма ограниченной властью над каждой отдельной личностью, входящей в эту семью. Но насколько семья или какое-либо подобное общество людей отличаются от того, что является собственно политическим обществом, мы лучше всего увидим, рассмотрев, из чего состоит само политическое общество.

87. Человек рождается, как было уже доказано, имея право на полную свободу и неограниченное пользование всеми правами и привилегиями естественного закона в такой же мере, как всякий другой человек или любые другие люди в мире, и он по природе обладает властью не только охранять свою собственность, т. е. свою жизнь, свободу и имущество, от повреждений и нападений со стороны других людей, но также судить и наказывать за нарушение этого закона других, как того заслуживает, по его убеждению, данное преступление, даже смертью, в тех случаях, когда гнусность поступка, по его мнению, этого требует. Но поскольку ни одно политическое общество не может ни быть, ни существовать, не обладая само правом охранять собственность и в

этих целях наказывать преступления [...] всех членов этого общества, то политическое общество налицо там, и только там, где каждый из его членов отказался от этой естественной власти, передав ее в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом. И таким образом, всякий частный суд каждого отдельного члена исключается, и общество становится третейским судьей, устанавливая постоянные правила, беспристрастные и одни и те же для всех сторон, и с помощью людей, получивших от общества полномочия проводить в жизнь эти правила, разрешает все разногласия, которые могут возникнуть между любыми членами этого общества в отношении всякого правового вопроса, равно как и наказывает те преступления, которые любой член общества совершил по отношению к обществу, такими карами, которые установлены законом. Вследствие этого легко различить, кто находится и кто не находится вместе в политическом обществе. Те, кто объединены в одно целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников, находятся в гражданском обществе; но те, кто не имеют такого общего судилища, я имею в виду – на земле, все еще находятся в естественном состоянии, при котором каждый, когда нет никого другого, сам является судьей и палачом, а это, как я уже показал, и есть совершенное естественное состояние.

88. Таким образом, государство получает власть устанавливать, какое наказание должно полагаться за различные нарушения, совершенные членами этого общества, и какие нарушения того заслуживают (это есть законодательная власть), так же как оно обладает властью наказывать за ущерб, нанесенный любому из его членов любым из тех, кто не входит в это общество (это власть решать вопросы войны и мира), и все это для сохранения собственности всех членов общества, насколько это возможно. Но хотя каждый человек, вступивший в гражданское общество и ставший членом какого-либо государства, тем самым отказался от своей власти наказывать преступления против закона природы и осуществлять свое собственное частное правосудие, все же вместе с правом

судить за преступления, которое он передал законодательной власти во всех случаях, когда он может обратиться к суду, он дал право государству употреблять его силу для исполнения приговоров государства в тех случаях, когда его к этому призовут: ведь эти приговоры являются его собственными, [...] так как они вынесены им самим или его представителями. И здесь мы имеем первоначало законодательной и исполнительной власти гражданского общества, которой надлежит определять на основании постоянных законов, в какой мере должны наказываться преступления, когда они совершены внутри государства, а также определять с помощью решений, принимаемых в каждом отдельном случае на основании обстоятельств данного дела, в какой мере должен возмещаться ущерб, нанесенный извне, и в обоих этих случаях употреблять силу всех членов общества, когда это потребуется.

89. Следовательно, когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда, и только тогда, существует политическое, или гражданское, общество. И это происходит, когда какое-либо число людей, находящихся в естественном состоянии, вступает в общество, чтобы составить один народ, одно политическое тело под властью одного верховного правительства, или, когда кто-либо присоединяется к ним и принимается в какое-либо уже существующее государство. Тем самым он уполномочивает общество или, что все равно, его законодательную власть создавать для него законы, каких будет требовать общественное благо; он должен способствовать исполнению этих законов (как своим собственным установлениям). И это переносит людей из естественного состояния в государство, поскольку на земле появляется судья, имеющий власть разрешать все споры и возмещать любой ущерб, который может быть нанесен любому члену государства; этим судьей является законодательная власть или назначенное ею должностное лицо. В тех же случаях, когда есть какое-то число людей, хотя бы и связанных между собой, но не имеющих такой принимающей

решения власти, к которой они могли бы обратиться, они все еще находятся в естественном состоянии.

90. Отсюда очевидно, что абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления. Ведь цель гражданского общества состоит в том, чтобы избегать и возмещать те неудобства естественного состояния, которые неизбежно возникают из того, что каждый человек является судьей в своем собственном деле. Это достигается путем установления известного [...] органа власти, куда каждый член этого общества может обратиться, понеся какой-либо ущерб или в случае любого возникшего спора, и этому органу должен повиноваться каждый член этого общества*. В тех случаях, когда существуют какие-либо лица, не имеющие такого органа, к которому они могли бы обратиться для разрешения каких-либо разногласий между ними, эти лица все еще находятся в естественном состоянии. И в таком состоянии находится каждый абсолютный государь в отношении тех, кто ему подвластен.

91. Ведь предполагается, что он, и только он, обладает всей, и законодательной и исполнительной, властью и нельзя найти никакого судьи, не к кому обратиться, кто бы мог справедливо и беспристрастно решить дело, обладая необходимыми полномочиями, и от чьего решения можно было бы ожидать помощи и возмещения любого ущерба или неудобства, которые можно претерпеть от самого государя или по его приказу. И таким образом, подобный человек, как бы он ни назывался – царь, или владетельный сеньор, или еще как-нибудь, в такой же степени находится в естественном состоянии по отношению ко всем, кто ему подвластен, как и по отношению ко всему остальному человечеству. Ведь во всех случаях, когда имеются два каких-либо человека, у которых нет ни постоянного правила, ни общего судьи, к которому они могли бы обратиться на земле для решения их споров о том, кто из них прав, они все еще находятся в естественном состоянии** и испытывают все неудобства этого с одной лишь прискорбной [...] разницей для подданного или, скорее, раба

абсолютного повелителя; в обычном естественном состоянии он волен сам судить о своем праве и поддерживать его, насколько в его силах; теперь же, когда его собственностью распоряжается воля и каприз его монарха, ему не только некуда обратиться, как это следует делать тем, кто живет в обществе, но он лишен свободы судить о своем праве или защищать его, как если бы он стоял на ступень ниже обычного состояния разумных существ; и, таким образом, он подвержен всем бедствиям и неудобствам, которых может опасаться человек от того, кто, находясь в ничем не ограниченном естественном состоянии, еще и развращен лестью и облечен властью.

92. Тому же, кто полагает, что абсолютная власть очищает кровь людей и исправляет низость человеческой природы, достаточно хотя бы прочитать историю нашей или любой другой эпохи, чтобы убедиться в противном. Тот, кто был бы наглым и несправедливым в лесах Америки, вряд ли стал бы лучше на троне, где, вероятно, привлекут науку и религию, чтобы оправдать все, что он будет творить в отношении своих подданных, а меч заставит сразу же замолчать тех, кто осмелится сомневаться в этом. К чему приводит защита абсолютной монархии, каких отцов отечеств она делает из государей и до какой степени счастья и безопасности она доводит гражданское общество, в котором достиг совершенства этот род правления, легко увидит тот, кто ознакомится с недавним рассказом о Цейлоне.

93. В самом деле, в абсолютных монархиях, так же, как и при других формах правления, существующих в мире, подданные имеют право обращаться к закону, а судьи вольны разрешать любые споры и сдерживать любое насилие, которое может проявиться среди самих подданных, между одним и другим. Подобное положение всякий считает необходимым и верит, что тот, кто решит уничтожить его, будет отъявленным врагом общества и человечества. [...] Но происходит ли это от подлинной любви к человечеству и к обществу и от того милосердия, которое мы должны проявлять друг к другу, — в этом можно сомневаться; ведь это не больше, чем то, что каждый человек, который любит свое могущество, выгоду или величие, может и, естественно, должен делать, не

давать вредить друг другу или уничтожать друг друга тем животным, которые трудятся и надрываются только ради его удовольствия и выгоды; и поэтому о них заботятся не из любви, которую хозяин якобы к ним питает, но из любви хозяина к самому себе и ради той выгоды, которую они ему приносят. Ведь стоит только спросить, какая защита, какое ограждение существует в подобном состоянии против насилия и угнетения со стороны этого абсолютного владыки? Самый вопрос уже вряд ли является допустимым. Они готовы ответить вам, что за самую просьбу о безопасности полагается смерть. Между подданным и подданным, согласятся они, должны существовать правила, законы и судьи ради их взаимного мира и безопасности. Но во всем, что касается правителя, он должен быть абсолютным, и он выше всех подобных обстоятельств; поскольку он обладает властью причинять больший ущерб и творить больше зла, то, когда он это делает, это справедливо. Если вы спросите, как можно защититься от вреда или ущерба с той стороны, откуда творит их эта самая сильная десница, то это сочтут голосом крамолы и мятежа. Как будто бы люди, оставив естественное состояние и вступив в общество, согласились, что все, кроме одного, должны удерживаться законами, но что он, этот один, должен по-прежнему сохранять всю свободу естественного состояния, увеличившуюся вместе с властью и превратившуюся в распущенность вследствие безнаказанности. Это все равно что думать, будто люди настолько глупы, что они стараются избежать вреда от хорьков или лис, но довольны и даже считают себя в безопасности, когда их пожирают львы.

94. Но что бы ни болтали льстецы с целью отвлечь умы людей, это не мешает людям чувствовать; и когда они замечают, что какой-либо человек, независимо от того, какое положение он занимает, вышел из границ гражданского общества, в котором они живут, и что им не к кому обратиться на земле за защитой от того зла, которое он им может причинить, то они начинают думать, что сами находятся в естественном состоянии по отношению к тому человеку, который, как они считают, находится в таком состоянии, и стараются так скоро, как только могут, обрести [...] ту безопасность и защиту в

гражданском обществе, для которых оно было первоначально учреждено и ради которых только они в него вступили. И поэтому, хотя, возможно, вначале (как будет показано более подробно в дальнейшей части этого рассуждения) какой-то один добродетельный и превосходный человек, выделившийся среди остальных, из уважения к его хорошим качествам и добродетелям как к своего рода естественному авторитету был отмечен тем, что бразды правления, равно как и вынесение решений по их спорам, по молчаливому согласию перешли в его руки без каких-либо иных мер предосторожности, кроме уверенности в его справедливости и мудрости, все же когда время, придающее авторитет и (как пытаются убеждать нас некоторые) святость обычаям, которые возникли благодаря небрежности и простодушной непредусмотрительности первых веков, породило преемников иного склада, то народ нашел, что его собственность не находится в безопасности при том правлении, какое было (в то время как правление не имеет иной цели, кроме сохранения собственности), и что он не мог пользоваться ни безопасностью, ни покоем, ни считать, что живет в гражданском обществе, до тех пор пока законодательная власть не была отдана в руки коллективного органа, который можно называть сенатом, парламентом или как угодно*. Благодаря этому каждое отдельное лицо стало наравне с другими, самыми ничтожными людьми, подданным тех законов, которые оно само как член законодательного органа установило; точно так же никто не мог по своей собственной власти избежать силы закона после того, как этот закон был создан. Не мог никто также под предлогом превосходства просить об исключении для собственных нарушений или для нарушений, совершенных кем-либо из его близких! Но и для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключения из законов [...] этого общества**. Ведь если какой-либо человек может делать все, что ему заблагорассудится, и на земле не будет места, куда можно было бы обратиться для исправления причиненного им зла или для защиты от него, то, спрашиваю я, не будет ли такой человек все еще полностью в естественном состоянии; но тем самым он не может быть ни частью, ни членом этого гражданского общества, если только кто-либо

не станет утверждать, что естественное состояние и гражданское общество — это одно и то же; но до сих пор я еще не нашел ни одного столь страстного приверженца анархии, который бы стал на этом настаивать. [...]

Глава VIII

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

95. Поскольку люди являются, как уже говорилось, по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного согласия. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и надевает на себя узы гражданского общества, это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества. Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы. Когда какое-либо число людей таким образом согласилось создать сообщество или государство, то они тем самым уже объединены и составляют единый политический организм, в котором большинство имеет право действовать и решать за остальных.

96. Ведь, когда какое-либо число людей создано с согласия каждого отдельного лица сообщества, то они тем самым сделали это сообщество единым организмом, обладающим правом выступать как единый организм, что может происходить только по воле и решению большинства. [...] Ведь то, что приводит в действие какое-либо сообщество, есть лишь согласие составляющих его лиц, а поскольку то, что является единым целым, должно двигаться в одном направлении, то необходимо, чтобы это целое двигалось туда, куда его влечет большая сила, которую составляет согласие большинства; в противном случае оно не в состоянии выступать как единое целое или продолжать оставаться единым целым, единым сообществом, как на то согласились все объединенные в него отдельные лица; и, таким образом, каждый благодаря этому согласию

обязан подчиняться большинству. И вот почему мы видим, что в законодательных собраниях, облеченных властью силою положительных законов, в тех случаях, когда в положительном законе, который облек их властью, не указано число, действие большинства считается действием целого и, разумеется, определяет силу целого, которой по закону природы и разума оно обладает.

97. И таким образом, каждый человек, согласившись вместе с другими составить единый политический организм, подвластный одному правительству, берет на себя перед каждым членом этого сообщества обязательство подчиняться решению большинства и считать его окончательным; в противном же случае этот первоначальный договор, посредством которого он вместе с другими вступил в одно общество, не будет что-либо значить и вообще не будет договором, если этот человек останется свободным и не будет иметь никаких иных уз, кроме тех, которые он имел, находясь в естественном состоянии. Ведь как тогда будет выглядеть любой договор? Какое это будет новое обязательство, если человек будет связан любыми постановлениями общества лишь постольку, поскольку он сам это считает удобным и дал на это свое согласие? Ведь тогда он будет все еще пользоваться такой же свободой, какой он пользовался до этого договора или какой пользуется человек, находящийся в естественном состоянии, который может побудить себя и согласиться на любые действия, если он считает их подходящими для себя.

98. Ведь если согласие большинства не будет разумно восприниматься как действие целого и не будет обязательным для каждого отдельного человека, то ничто, за исключением согласия каждого индивидуума, не сможет сделать что-либо действием целого; но достижение подобного согласия вряд ли является возможным, если мы примем во внимание болезни и деловые обстоятельства, которые значительному количеству людей, хотя это число и будет [...] намного меньше всех членов общества, по необходимости не дают возможности присутствовать на общем собрании. Если же к этому добавить разнообразие мнений и противоположность интересов, которые неизбежно наличествуют

всегда, когда люди собираются вместе, то создание общества при подобных условиях будет напоминать только приход Катона в театр, который пришел лишь для того, чтобы сейчас же уйти. Подобное устройство сделает могучего Левиафана менее долговечным, чем самые слабые существа, и он не переживет даже дня своего рождения, а это можно предположить только в том случае, если мы сможем допустить, что разумные существа пожелают создавать общества лишь для того, чтобы они распадались; ведь если большинство не может решать за всех, то такие общества не могут выступать как единое целое, и, следовательно, они немедленно вновь распадутся.

99. Следовательно, подразумевается, что все, кто из естественного состояния объединяется в сообщество, отказываются в пользу большинства этого сообщества от всякой власти, необходимой для осуществления тех целей, ради которых они объединились в общество, если только они не договорились совершенно определенно о каком-либо числе, превышающем простое большинство. И все это совершается посредством одного лишь согласия на объединение в единое политическое общество, а это и есть весь тот договор, который существует или должен существовать между личностями, вступающими в государство или его создающими. И таким образом, то, что является началом всякого политического общества и фактически его составляет, — это всего лишь согласие любого числа свободных людей, способных образовать большинство, на объединение и вступление в подобное общество. И именно это, и только это, дало или могло дать начало любому законному правлению в мире.

100. На это мне делают два возражения.

Первое, «что не имеется примеров в истории, чтобы какая-либо группа людей, независимых и равных друг другу, сошлась и подобным образом учредила правительство».

Второе, «невозможно с точки зрения права, чтобы люди поступили подобным образом, поскольку все люди, будучи рожденными под властью

какого-либо правительства, должны повиноваться ему и не свободны учреждать новое».

101. На первое я отвечу, что нет ничего удивительного, что история лишь очень мало сообщает нам о людях, которые жили вместе в естественном состоянии. Неудобства подобного состояния, а также любовь к обществу и желание его вызывали то, что стоило какому-либо количеству людей встретиться, как они сразу же объединялись и вступали в соглашение, если они решали быть вместе. Если же мы не можем предположить, что люди когда-то были в естественном состоянии, лишь на том основании, что мы мало об этом слышали, то мы в равной мере можем предположить, что солдаты армий Салманасара или Ксеркса никогда не были детьми, потому что мы мало слышали о них до того, как они стали взрослыми мужчинами и составили армии. Государственный строй повсюду предшествует летописям, и литература редко появляется у народа, прежде чем длительное существование гражданского общества при помощи других более необходимых искусств обеспечило безопасность, удобства и изобилие для народа, и люди только тогда начинают интересоваться историей основателей своего государства и ищут его источник, когда из их памяти уже изгладилось воспоминание о нем. Ведь с государствами происходит то же, что и с отдельными лицами: они обычно не имеют никакого представления о своем рождении и младенчестве. А если им что-либо и известно о происхождении их государства, то они обязаны этим случайным записям, которые велись другими. Что же касается записей, которыми мы располагаем, о появлении какого-либо государства в мире, за исключением тех, где говорится о государстве евреев, когда непосредственно вмешался сам бог, причем эти записи не в пользу отцовской власти, то все они либо являются очевидными примерами такого начала, о котором я говорил, либо по крайней мере в них имеются явные следы его.

102. Тот, кто не допускает, что возникновение Рима и Венеции произошло путем объединения нескольких свободных и независимых друг от друга людей, среди которых не было ни естественного превосходства, ни подчиненности, тот

должен обладать странной склонностью к отрицанию очевидных фактов, когда они не согласуются с его гипотезой. И если можно верить словам Джозефа Акосты, то он говорит нам, что во многих частях Америки вообще не было никакого государственного правления. «Имеются весьма веские и явные основания, – говорит он, – предполагать, что эти люди, а именно перуанцы, в течение длительного времени не имели ни королей, ни государств, а жили группами, как еще до сих пор живут во Флориде чериканы, индейцы Бразилии и многие другие нации, которые не имеют постоянных королей, но в случае необходимости в мирное или военное время выбирают своих руководителей по собственному желанию» (кн. I, гл. 25). Если скажут, что каждый человек там родился подданным своего отца или главы семьи, то уже было доказано, что повиновение, которое ребенок оказывал отцу, не отнимало у него свободы вступить в то политическое общество, которое он считал подходящим. Но как бы то ни было, эти люди, совершенно очевидно, были действительно свободны; и какое бы превосходство некоторые политики теперь ни приписывали кому-нибудь из них, они сами на это не претендовали, но по согласию были все равными, до тех пор, пока по тому же согласию они не устанавливали у себя правителей. Таким образом, их политические общества все начались с добровольного союза и с взаимного соглашения людей, действующих свободно при выборе своих правителей и форм правления.

103. И я надеюсь, что тем, кто покинул Спарту вместе с Фалантом, о чем говорится у Юстина (кн. III, гл. 4), будет позволено быть свободными людьми, независимыми друг от друга, и создать государственное правление по своему собственному соглашению²³. Таким образом, я привел из истории несколько примеров свободных людей, находящихся в естественном состоянии, которые, собравшись вместе, объединились и положили начало государству. И если отсутствие подобных примеров может служить аргументом, доказывающим, что государственный строй не начинался и не мог начаться таким образом, то я полагаю, что защитникам отцовской империи лучше не прибегать к подобному доказательству и не выдвигать его против естественной свободы. Ведь если они

могут привести так много примеров из истории, когда государства создавались на основе отцовского права (хотя в лучшем случае аргумент, посредством которого на основе того, что было, доказывается то, что по праву должно быть, не имеет большой силы), то, мне думается, можно было бы без особой опасности уступить им в этом вопросе. Однако если мне позволено давать советы в этом случае, то им лучше было бы не слишком уж старательно разыскивать источник происхождения государств, как они уже начали *de facto*, а то ведь они найдут при основании большинства из этих государств нечто очень мало благоприятствующее той идее, которую они проводят, и той власти, которую они защищают.

104. В заключение следует сказать: разум совершенно очевидно на нашей стороне, и он говорит, что люди по природе свободны, а исторические примеры показывают, что те государства, которые возникли на земле мирным путем, брали свое начало из этой основы и были созданы соглашением людей. Остается мало места для сомнений в том, на чьей стороне правда или каковы были мнение и практика человечества при создании первых государств. Но я не буду отрицать, что если мы оглядываемся назад настолько, насколько это нам позволяет история, к истокам происхождения государств, то мы обычно обнаруживаем, что они находились под властью и управлением одного человека. И я также склонен полагать, что в тех случаях, когда семья была достаточно многочисленной, чтобы содержать самое себя, и продолжала существовать как сплоченное целое, не смешиваясь с другими, как это часто бывает там, где имеется много земли и мало людей, правление обычно начиналось с отца. Ведь отец, обладая по закону природы той же властью, что и всякий другой человек, — наказывать в необходимых, по его мнению, случаях за любые нарушения этого закона, — мог, следовательно, наказывать своих непокорных детей даже и тогда, когда они уже были взрослыми и самостоятельными; и весьма возможно, что и они так же покорно принимали наказание от него и все объединялись вместе с ним против преступника, в свою очередь давая отцу тем самым власть выполнять свой приговор в случае какого-либо проступка, и тем самым фактически делали его

законодателем и правителем всех, кто оставался в составе его семьи. Ему более чем кому-либо можно было доверять; отцовская любовь охраняла их собственность и их интересы, которые находились на его попечении; а привычка повиноваться ему с детства облегчала повиновение скорее именно ему, чем кому-нибудь другому. И, следовательно, если они должны были иметь кого-либо, кто управлял бы ими, поскольку правления трудно избежать среди живущих вместе людей, то кто же, как не их общий отец, мог быть скорее всего этим человеком, если только небрежность, жестокость или какой-либо другой душевный или телесный недостаток не делали его непригодным для этого? Но в тех случаях, когда-либо умирал отец и оставлял наследника, который по малолетству, недостатку ума, мужества или каких-либо других качеств менее всего был пригоден для управления, либо, когда встречались несколько семейств и решали продолжать жить совместно, можно не сомневаться, что они использовали свою естественную свободу для выбора того, кого они считали наиболее способным и наиболее подходящим для того, чтобы хорошо управлять ими. Этому соответствует то, что мы находим у народов Америки, которые (живя вне досягаемости мечей завоевателей и расширяющегося господства двух великих империй – Перу и Мексики) наслаждались своей природной свободой, хотя *caeteris paribus* они обычно предпочитали наследника своего покойного короля; однако же если они обнаруживали его в каком-либо отношении слабым или неспособным, то обходили его и выбирали своим правителем самого крепкого и самого храброго.

106. Таким образом, хотя, оглядываясь назад на такое расстояние, какое допускают летописи, сохранившие сведения о заселении земного шара, и история народов, мы обычно обнаруживаем, что правление находилось в одних руках, однако это не опровергает того, что я утверждаю, что зарождение политического общества зависит от согласия отдельных лиц объединиться и создать одно общество и эти лица, когда они подобным образом вступили в соглашение, могут установить любую, по их мнению пригодную, форму правления. Но поскольку это дало повод людям ошибаться и полагать, что по

самой своей природе правление было монархическим и принадлежало отцу, постольку не будет неуместно рассмотреть здесь, почему люди вначале обычно останавливались на этой форме; и хотя, возможно, верховенство отца могло при первоначальном учреждении некоторых государств привести к возникновению и сосредоточению вначале власти в одних руках, но все же совершенно очевидно, что причиной продолжения такой формы правления, когда оно осуществляется одним лицом, было не почтение или уважение к отцовскому авторитету; ведь все мелкие монархии, т. е. почти все монархии, недалеко ушедшие от своего первоначала, были обычно или хотя бы иногда выборными.

107. Прежде всего сначала правление отца во время детства его отпрысков приучило их к руководству одного человека, и они усвоили, что там, где оно проводится с заботой и умением, с любовью и привязанностью к тем, кто находится под его руководством, этого вполне достаточно для достижения и обеспечения людям всего того политического счастья, которого они искали в обществе. Нет ничего удивительного, что они прибегли к этой форме правления и совершенно естественно на нее натолкнулись, ведь именно к такой форме они все привыкли с детства и по опыту знали, что она необременительна и надежна. Если же к этому мы добавим, что монархия является простой и самой очевидной формой для людей, которых ни опыт не научил различным формам правления, ни тщеславие и бесстыдство империи не привели к осознанию того, что надо опасаться покушений на прерогативы и остерегаться неудобств абсолютной власти, на которую склонна претендовать и которую склонна навязывать им наследственная монархия, то нет ничего странного, что они не слишком утруждали себя размышлением о методах ограничения каких-либо беззаконий со стороны тех, кому дали над собой власть, и не старались уравновесить власть правительства путем передачи отдельных частей ее в разные руки. Они не чувствовали угнетения со стороны тиранической власти, и ни обычай их эпохи, ни их владения, ни их образ жизни (который предоставлял весьма мало пищи для алчности или честолюбия) не давали им никакого повода опасаться ее или от нее защититься; и вот почему нет ничего удивительного, что они создали себе такую

структуру правления, которая, как я уже сказал, не только была самой очевидной и простой, но также лучше всего подходила к их настоящему положению и состоянию, когда они более нуждались в защите от иноземных вторжений и набегов, чем во многообразии законов. При одинаковости для всех простого, бедного образа жизни, когда желания людей сдерживались узкими пределами небольшой собственности каждого, оставалось мало поводов для споров и, следовательно, не было необходимости во многих законах для их разрешения. И тогда не нужна была система правосудия, поскольку было мало проступков и мало преступников. Следовательно, нельзя не предположить, что те, кто настолько нравились друг другу, что желали объединиться в общество, были связаны каким-либо знакомством и дружбой друг с другом и доверием друг к другу; они гораздо больше опасались остальных, чем друг друга, и, таким образом, нельзя не предположить, что их первой заботой и первой мыслью было – как защитить себя от иноземных сил. Для них было естественным создать для себя такую форму правления, которая бы лучше всего служила этой цели, и избрать самого мудрого и самого храброго, для того чтобы он предводительствовал ими в войнах, и вел их против врагов, и в этом главным образом был их правителем.

108. Так, мы видим, что у американских индейцев, где все еще наблюдается та же картина, как в первые века в Азии и в Европе, когда население было слишком малочисленным для страны и отсутствие жителей и денег не толкало людей на увеличение своих земельных владений или на споры из-за стремления расширить размеры своих угодий, короли представляют собой немного больше, чем генералы их армий; и хотя на войне их власть абсолютна, дома и в мирное время они обладают весьма малой властью и весьма умеренным суверенитетом; решения о мире и войне обычно выносятся либо народом, либо в совете, хотя сама война, так как она не допускает многовластия, естественно, передает командование только в руки короля.

109. И также в самом Израиле основным занятием судей и первых царей, по-видимому, было выступать в качестве полководцев на войне и предводителей

армий; это совершенно явственно выступает (помимо того, что на это укапывается – «выходить и входить пред народом», что означает, что они отправлялись на войну и возвращались домой во главе своих войск) в истории Иеффая. Аммонитяне пошли войной на Израиль, жители Галаада в страхе послали за Иеффаем, побочным отпрыском их семьи, которого они изгнали, и заключили с ним условие, что если он поможет им против аммонитян, то они сделают его своим правителем; это было выражено в следующих словах: «И народ поставил его над собой начальником и вождем» (Суд. 11, 11), что, по-видимому, было то же самое, как и быть судьей. «Иеффай был судьей Израиля» (Суд. 12, 7), т. е. был их вождем, «шесть лет». И когда Иофам порицает сихемитов, напоминая, как обязаны они были Гидеону, который был их судьей и правителем, то он говорит им: «За вас отец мой сражался, не дорожил жизнью своею, и избавил вас от руки Маданитян» (Суд. 19, 17). О нем говорится только то, что он совершил в качестве полководца; и действительно, это все, что мы можем найти в его истории или в остальной части Книги судей. И Авимелеха преимущественно называют царем, хотя он, самое большее, был полководцем, и когда наконец, устав от дурного поведения сыновей Самуила, дети Израиля пожелали иметь царя, «как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши» (1 Цар. 8, 20), то бог, удовлетворяя их желания, говорит Самуилу: «Я пришлю к тебе человека из земли Вениаминовой, и ты помажь его в правителя народу моему – Израилю, и он спасет народ мой от руки Филистимлян» (9, 16), как если бы единственное занятие царей – это предводительствовать их армиями и сражаться, защищая их; соответственно и Самуил при помазании Саула, выливая на него елей из сосуда, говорит ему: «Господь помазывает тебя в правители наследия своего» (10, 1). Вот почему, после того как Саул торжественно был избран царем и ему отдали почести племена в Массифе, те, кто не хотел иметь его своим царем, не делали никаких возражений, кроме следующего: «Ему ли спасать нас?» (10, 27), как если бы они хотели сказать, что этот человек не подходит для того, чтобы быть их царем, так как не обладает достаточными военными способностями и опытом, чтобы быть

в состоянии защитить их. А когда Господь решил передать власть Давиду, то об этом говорится в следующих словах: «Но теперь не устоять царствованию твоему: Господь найдет себе мужа по сердцу своему, и повелит ему Господь быть вождем народа своего» (13, 14), как будто бы вся царская власть сводилась к тому, чтобы быть их полководцем. И вот почему те колена, которые остались верными семье Саула и сопротивлялись правлению Давида, придя в Хеврон и заявляя о своем подчинении Давиду, среди прочих доводов в пользу того, что они должны повиноваться ему как своему царю, указывают на то, что он действительно был их царем во времена Саула и что, следовательно, у них нет оснований не признать его теперь своим царем. «Еще вчера, – сказали они, – и третьего дня, когда Саул царствовал над нами, ты выводил и вводил Израиля»; и сказал Господь тебе: «Ты будешь пасти народ мой Израиля, и ты будешь вождем Израиля».

110. Следовательно, происходило ли дело таким образом, что семья постепенно вырастала и становилась государством, и отцовская власть передавалась старшему сыну, и каждый в свою очередь рос под этой властью и молчаливо ей повиновался, и необременительность ее и беспристрастие не обижали никого, и каждый с ней соглашался, пока время, по-видимому, не утвердило это и не установило право наследования в силу давности обычая; или же несколько семейств или потомки нескольких семейств, оказавшиеся вместе по воле случая, или в силу соседства, или по деловым обстоятельствам, объединялись в общество, и необходимость в полководце, под водительством которого они могли бы защитить себя от врагов на войне, и то огромное доверие, которое люди питали друг к другу в эту бедную, но добродетельную эпоху в силу ее простодушия и искренности (таковы почти все эпохи, когда создаются государства, которые впоследствии существуют длительное время), побуждали первых основателей государств обычно сосредоточивать власть в руках одного человека без каких-либо четких границ или пределов, кроме тех, каких требовал характер дела и цель правления; независимо от того, по какой из этих причин власть была первоначально вложена в руки одного лица, несомненно, что, кому

бы она ни доверилась, это делалось лишь ради общественного блага и безопасности и именно в этих целях в те времена, когда государства находились в младенчестве, лица, обладавшие этой властью, обычно ее и использовали. А если бы они так не поступали, то молодые общества не могли бы существовать; не имея подобных отцов-кормильцев, заботливых и внимательных к общественному благу, все государства разрушились бы от слабости и болезней своего младенчества; и государь и народ вскоре погибли бы вместе.

111. Но хотя золотой век (прежде, чем пустое тщеславие и *amor sceleratus habendi*²⁷, злое вожеление, развратили людские умы и создали ошибочное представление о власти и чести) обладал большей добродетелью, а следовательно, лучшими правителями, равно как и менее порочными подданными, и тогда, с одной стороны, не было превышения власти для угнетения народа и, как следствие, не было, с другой стороны, какого-либо спора о привилегиях для уменьшения или ограничения власти должностных лиц*, и, таким образом, не было споров между повелителями и народом о правителях или о правлении; и все же, когда честолюбие и роскошь последующих веков стали удерживать и увеличивать власть, не делая того, ради чего эта власть была дана, и при помощи лести приучили правителей иметь собственные и отдельные от их народа интересы, тогда люди сочли необходимым более тщательно изучить происхождение и права правительства и найти способ ограничить беззакония и предотвратить злоупотребление той властью, которую они передали в другие руки лишь ради своего блага, по которую стали использовать им во вред.

112. Таким образом, мы можем видеть, насколько вероятно, что люди, которые были от природы свободными и по собственному согласию либо покорились правлению своего отца, либо объединились как представители нескольких семейств, чтобы создать государство, обычно передавали власть в руки одного человека и предпочитали повиноваться одному лицу, не ограничивая и никак не регулируя его власть, так как они доверяли его честности и благоразумию, хотя им никогда не снилось, что монархия есть *jure divino*, о которой мы ничего не слышали от кого-либо из представителей человечества до

тех пор, пока это откровение не было нам сделано богословием этого последнего века; в равной мере люди никогда не допускали и того, чтобы отцовская власть имела право повелевать или являлась основанием всякого правления. Всего этого достаточно, чтобы показать, что в той мере, в какой мы обладаем какими-то историческими доказательствами, мы имеем основание заключить, что всякое мирное образование государства имело в своей основе согласие народа. Я говорю мирное, так как буду иметь случай говорить в другом месте о завоевании, которое некоторые считают способом происхождения государства.

Следующее возражение, которое, как я обнаружил, высказывается против образования государств тем способом, который я указывал, заключается в следующем.

113. «Поскольку все люди рождаются в том или ином государстве, то невозможно, чтобы кто-либо из них был когда-нибудь свободен и был волен объединиться с другими и положить начало новому государству или быть в состоянии создать законное правительство».

Если этот аргумент справедлив, то, спрашиваю я, каким же образом на свете появилось столько законных монахий? Ведь если кто-либо, исходя из этого предположения, может показать мне на земле какого-либо человека в любую эпоху, который свободен положить начало законной монахии, то мне придется показать ему десять других свободных людей, которые в то же время вольны объединиться и положить начало новому государству в форме монахии или какой-либо еще; тем самым показывается, что если кто-либо родившийся под властью другого может быть настолько свободным, чтобы обладать правом повелевать людьми в новой самостоятельной империи, то всякий родившийся под властью другого может быть столь же свободен, и в состоянии сделаться повелителем или подданным в самостоятельном отдельном государстве. И таким образом, согласно их собственному принципу, либо все люди, независимо от своего рождения, свободны, либо же на свете существует лишь один законный государь, одно законное правительство. И тогда им ничего не остается делать,

как просто показать нам, какой именно; и когда они это сделают, то я не сомневаюсь, что все человечество охотно согласится ему повиноваться.

114. Хотя это достаточный ответ на их возражение, показывающий, что оно ставит их в столь же трудное положение, как и тех, против кого они его употребляют, я все же попытаюсь еще глубже раскрыть слабость этой аргументации.

«Все люди, — говорят они, — рождаются под властью какого-либо правительства, и поэтому они не могут свободно устанавливать новое. Каждый рождается подданным своего отца или своего государя и поэтому связан вечными узами повиновения и верности». Совершенно очевидно, что человечество никогда не было связано никаким природным повиновением от рождения, которое обязывало бы людей без их собственного согласия повиноваться государям и их наследникам, и никогда не соглашалось на это.

115. Ведь в истории, как священной, так и гражданской, чаще всего встречаются примеры того, как люди выходили из повиновения и отказывались подчиняться той юрисдикции, под которой они родились, и той семье или сообществу, в которых они выросли, и создавали новые государства в других местах; отсюда появилось все то множество мелких государств, которые существовали в первоначальную эпоху и количество которых непрерывно увеличивалось, до тех пор пока было достаточно места, а затем более сильный или более удачливый поглощал более слабого, а великие державы снова распадалась на части и превращались в мелкие владения. Все это дает множество доказательств против отцовского правления и ясно доказывает, что не природное право отца, переходящее к его потомкам, создало вначале государство, так как на подобной основе невозможно было создать такое множество маленьких царств; все они представляли бы собой одну всеобщую монархию, если бы люди не были свободны отделяться от своих семейств и от своего государства, каково бы оно ни было, и, отделившись, создавать отдельные государства и другие правления, которые они считали подходящими.

116. Так происходило в мире от его начала до сегодняшнего дня. И сейчас свободе человечества не в большей степени препятствует то, что люди рождаются в организованных и древних государствах, которые имеют установленные законы и устойчивые формы правления, чем если бы они родились в лесах среди их ничем не ограниченных обитателей, которые там скитаются. Ведь те, кто уверяет нас, что, «родившись под властью какого-либо правительства, мы, естественно, являемся его подданными» и не имеем никакого права или основания на свободу естественного состояния, не располагают никаким другим доводом (оставляя в стороне рассуждения об отцовской власти, на что мы уже, ответили), кроме того, что поскольку наши отцы и предки отказались от своей естественной свободы, то они тем самым обрекли себя и свое потомство на вечное подчинение тому правительству, которому они сами подчинились. Справедливо, что, какое бы обязательство или обещание кто-либо ни сделал от своего имени, он обязан их выполнять, но он не может ни по какому договору обязать к этому своих детей или свое потомство. Ведь его сын, став совершеннолетним, так же свободен, как и отец, и любое действие отца, может не в большей степени ограничивать свободу его сына, чем свободу кого-либо другого. Отец действительно может обусловить подобными обязательствами право на владение той землей, которой он пользовался в качестве подданного какого-либо государства, причем эти условия могут обязывать его сына принадлежать к данному сообществу, если он хочет обладать теми владениями, которые принадлежали его отцу; поскольку данное имение – собственность его отца, то он может распоряжаться им или ставить любые условия по собственному желанию.

117. И вот это-то обычно являлось причиной ошибки в данном вопросе; так как государства не разрешают, чтобы какая-либо часть их владений была отрезана или чтобы какой-либо частью пользовался кто-либо, кроме принадлежащих к данному сообществу, то сын обычно может пользоваться владениями своего отца только на тех же условиях, на которых ими пользовался его отец. т. е. став членом общества; тем самым он сразу же ставит себя в

подчинение тому правительству, которое он находит установленным, в такой же степени, как любой другой подданный этого государства. И таким образом, только согласие свободных людей, родившихся под властью какого-либо правительства, делает их членами этого государства, и это согласие дается порознь поочередно, по мере того как каждый достигает совершеннолетия, а не всеми вместе; люди не замечают этого и считают, что этого вообще не происходит или что это не обязательно, и заключают, что они являются подданными по природе, точно так же как они являются людьми.

118. Но совершенно очевидно, что сами правительства понимают это иначе; они не претендуют на власть над сыном только потому, что они обладали этой властью над отцом; точно так же они не считают детей своими подданными, хотя их отцы и находились в подданстве. Если у английского подданного рождается сын от англичанки во Франции, то чьим подданным он является? Он не является подданным английского короля, так как он еще должен быть допущен к связанным с этим привилегиям. Точно так же он не является и подданным французского короля, ведь в этом случае как мог бы его отец обладать свободой увезти его и воспитывать по собственному желанию? И разве кто-либо когда-либо считался предателем или дезертиром, если он покидал ту страну, в которой он просто родился от родителей-иностранцев, или участвовал в военных действиях против этой страны? Таким образом, совершенно очевидно, что из практики самих государств, так же, как и из законов здравого разума, следует, что ребенок не рождается подданным какой-либо страны или правительства. Он находится под опекой и под властью своего отца, пока не достигает совершеннолетия; а тогда он является свободным человеком, который волен выбирать, под властью какого правительства он хочет находиться и членом какого государственного организма он хочет стать. Ведь если сын англичанина, родившийся во Франции, свободен и может так поступать, то очевидно, что на него не налагается никаких обязательств, вытекающих из того, что его отец является подданным определенного королевства; точно так же он не связан никаким из договоров, заключенных его предками. А тогда почему его

сын в силу тех же причин не обладает такой же свободой, хотя бы он и родился где-либо в другом месте? Ведь власть, которой отец по природе обладает над своими детьми, является одной и той же, где бы они ни родились, и узы естественных обязательств не ограничены какими-либо конкретными границами королевств и государств.

119. Каждый человек, как было показано, по природе свободен, и ничто не в состоянии поставить его в подчинение какой-либо земной власти, за исключением его собственного согласия; необходимо рассмотреть, что следует считать достаточным выражением согласия человека, которое влекло бы за собой его подчинение законам какого-либо правительства. Обычно различают выраженное и молчаливое согласие, которое мы сейчас и рассмотрим. Никто не сомневается, что лишь выраженное согласие какого-либо человека, вступающего в какое-либо общество, делает его подлинным членом этого общества, подданным его правительства. Трудность заключается в том, что следует понимать под молчаливым согласием и в какой степени оно обязывает, т. е. в какой степени следует считать, что человек согласился и тем самым подчинился какому-либо правительству, когда он не сделал никаких заявлений по этому поводу. На это я скажу, что всякий человек, который владеет или пользуется какой-либо частью территории какого-либо государства, тем самым дает свое молчаливое согласие и в такой же степени обязан повиноваться законам этого правительства в тот период, когда он пользуется этим владением, как и всякий другой, находящийся под властью этого правительства, независимо от того, состоит ли это владение из земли, навечно закрепленной за ним и за его наследниками, или из жилища, снятого на неделю, или же это просто право бесплатного передвижения по дорогам; и на деле оно распространяется на само существование любого человека в пределах территории этого государства.

120. Для того чтобы лучше понять это, следует принять во внимание, что каждый человек, впервые вступая в какое-либо сообщество и присоединившись к нему, присоединяет также и подчиняет обществу те владения, которые он имеет или которые приобретет и которые еще не принадлежат какому-либо

другому государству. Ведь было бы прямым противоречием, если бы кто-либо вступал в общество вместе с другими для защиты и регулирования собственности и при этом предполагал, что его земля, земля человека, собственность которого должна регулироваться законами общества, должна быть изъята из юрисдикции того правительства, подданным которого является сам он, владелец этой земли. Следовательно, тем же самым актом, посредством которого кто-либо присоединяет свою персону, бывшую прежде свободной, к государству, тем же самым актом присоединяет к этому государству и свои владения, которые до того были свободными; и оба они, и персона и ее владения, становятся подчиненными правительству и власти этого государства до тех пор, пока это государство существует. Отсюда вытекает, что каждый, кто по праву наследования, покупки, разрешения или каким-либо иным путем пользуется какой-либо частью земли, присоединенной подобным образом и находящейся под властью этого государства, должен принимать ее вместе с теми обязательствами, которые с этим связаны, т. е. подчиняясь правительству государства, под юрисдикцией которого находится эта земля, в такой же степени, как и каждый из подданных этого государства.

121. Но так как правительство обладает непосредственной юрисдикцией только над землей и эта юрисдикция распространяется на ее владельца (до того, как он фактически включает себя в общество), только пока он живет на этой земле и пользуется ею, то и обязательство, лежащее на каждом в силу этого пользования, подчиняться правительству начинается и кончается вместе с пользованием; таким образом, когда владелец, который не давал ничего правительству, кроме молчаливого согласия, откажется от указанного владения посредством дара, продажи или иным образом, то он свободен идти и присоединиться к любому другому государству или вступить в соглашение с другими для основания нового *in vacuis locis*, в любой части света, которую они найдут свободной и никому не принадлежащей. Между тем тот, кто однажды посредством фактического соглашения и какого-либо явного волеизъявления дал свое согласие являться членом какого-либо государства, обязан вечно и

неизменно быть и оставаться подданным этого государства и никогда снова не может пользоваться свободой естественного состояния, если только в результате какого-либо бедствия правительство, которому он подчиняется, не распадается или если оно посредством какого-либо публичного акта не лишает его права оставаться в дальнейшем членом этого общества.

122. Но если человек подчиняется законам какой-либо страны, ведет спокойную жизнь и пользуется привилегиями и защитой этих законов, то это еще не делает его членом данного общества; это только местная защита и подчинение, которые обязательны для всех тех и ожидаются от всех тех, кто, находясь в состоянии войны, пребывает на территории любого государства, на все части которого распространяется действие его законов. Однако это не в большей степени делает человека членом данного общества, вечным подданным данного государства, чем делало бы человека подданным того, в семье которого он в силу каких-либо причин пребывал некоторое время; хотя во время такого пребывания он был бы обязан повиноваться законам и подчиняться правлению, которое он там нашел.

И действительно, мы видим, что иностранцы всю свою жизнь живут под властью другого правительства и пользуются привилегиями и защитой его и хотя они обязаны, даже по совести, подчиняться его велениям в такой же степени, как и местные жители, но они все же не становятся в силу этого подданными или членами данного государства. Ничто не может сделать человека таковым, кроме как его фактическое вступление в сообщество посредством положительного обязательства и непосредственно выраженного обещания, и договора. Именно это, я считаю, относится к началу политических обществ, и именно такое согласие делает любого человека членом какого-либо государства.

Глава IX

О ЦЕЛЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВЛЕНИЯ

123. Если человек в естественном состоянии так свободен, как об этом говорилось, если он абсолютный господин своей собственной личности и владений, равный самым великим людям и никому не подчиненный, то почему

расстается он со своей свободой, почему отказывается он от этой империи и подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы? На это напрашивается самый очевидный ответ, что хотя в естественном состоянии он обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других. Ведь, поскольку все являются властителями в такой же степени, как и он сам, поскольку каждый человек ему равен, а большая часть людей не особенно строго соблюдает равенство и справедливость, постольку пользование собственностью, которую он имеет в этом состоянии, весьма небезопасно, весьма ненадежно. Это побуждает его с готовностью отказаться от такого состояния, которое хотя и является свободным, но полно страхов и непрерывных опасений; и не без причины он разыскивает и готов присоединиться к обществу тех, кто уже объединился или собирается объединиться ради взаимного сохранения своих жизней, свобод и владений, что я называю общим именем "собственность".

124. Поэтому-то великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности. А для этого в естественном состоянии не хватает многого.

Во-первых, не хватает установленного, определенного, известного закона, который был бы признан и допущен по общему согласию в качестве нормы справедливости и несправедливости и служил бы тем общим мериллом, при помощи которого разрешались бы между ними все споры. Ведь хотя закон природы ясен и понятен всем разумным существам, однако люди руководствуются своими интересами, к тому же они его не знают, так как не изучали, и поэтому не склонны признавать его в качестве закона, обязательного для них в применении к их конкретным делам.

125. Во-вторых, в естественном состоянии не хватает знающего и беспристрастного судьи, который обладал бы властью разрешать все затруднения в соответствии с установленным законом. Ибо каждый в этом состоянии является одновременно и судьей, и исполнителем закона природы, а люди пристрастны к себе, и страсть и месть очень даже могут завести их

слишком далеко и заставить проявить слишком большую горячность в тех случаях, когда дело касается их самих; точно так же небрежность и безразличие могут сделать их слишком невнимательными к делам других людей.

126. В-третьих, в естественном состоянии часто недостает силы, которая могла бы подкрепить и поддержать справедливый приговор и привести его в исполнение. Те, кто совершает какую-либо несправедливость, вряд ли удержатся от того, чтобы силой настоять на своем, когда они в состоянии это сделать: подобное сопротивление часто делает наказание опасным и нередко гибельным для тех, кто пытается его осуществить.

127. Таким образом, люди, несмотря на все преимущества естественного состояния, находятся в скверных условиях, пока они в нем пребывают, и быстро вовлекаются в общество. Вот почему получается так, что мы редко видим, чтобы какое-либо количество людей сколько-нибудь длительное время жило вместе в этом состоянии. Неудобства, которым они при этом подвергаются в результате беспорядочного и ненадежного применения власти, которой обладает каждый человек для наказания проступков других, вынуждают их искать убежища под сенью установленных правительством законов, и здесь они стремятся найти сохранение своей собственности. Именно это побуждает их столь охотно отказываться от того индивидуального права на наказание, которым обладает каждый, для того чтобы оно осуществлялось только тем из них, кто будет назначен на это, и посредством тех законов, о которых согласятся сообщество или уполномоченные на то лица. И вот это-то и является первоначальным правом и источником как законодательной, так и исполнительной власти, а равно и самых правительств, и обществ.

128. Ведь в естественном состоянии, не говоря о свободе, которой человек обладает для невинных развлечений, он обладает двумя видами власти.

Во-первых, это власть делать то, что он считает необходимым для сохранения себя и других в рамках закона природы. По этому закону, общему для всех, он и все остальное человечество представляют собой одно сообщество, составляют единое общество, отличное от всех других творений. И если бы не

разложение и порочность выродившихся людей, то не требовалось бы никакого другого; не было бы необходимости, чтобы люди отделялись от этого великого и естественного сообщества и посредством положительных соглашений составляли ряд меньших отдельных объединений.

Другая власть, которой обладает человек в естественном состоянии, это власть наказывать за преступления, совершенные против данного закона. От обоих этих видов власти он отказывается, когда присоединяется к частному, если я могу так выразиться, или отдельному политическому обществу и вступает в какое-либо государство, отделенное от остального человечества.

129. От первой власти, *viz.* совершить все, что он считает необходимым для сохранения себя и остальной части человечества, он отказывается ради того, чтобы это регулировалось законами, созданными обществом, в той мере, в какой этого потребует сохранение его самого и остальной части этого общества; а эти законы общества во многих отношениях ограничивают ту свободу, которую он имел по закону природы.

130. Во-вторых, от власти наказывать он отказывается полностью и употребляет свою естественную силу (которую он до того мог использовать для исполнения закона природы по своему собственному единоличному решению, когда считал это необходимым) для оказания помощи исполнительной власти общества в той мере, в какой этого потребует закон. Ведь, находясь теперь в новом состоянии, в котором он будет пользоваться многими благами благодаря труду, помощи и обществу других членов того же сообщества, равно как и защитой всей его силы, он должен также расстаться в такой же мере со своей естественной свободой ради обеспечения себя, в какой этого потребуют благо, процветание и безопасность общества; это не только необходимо, но и справедливо, поскольку остальные члены общества поступают подобным же образом.

131. Но хотя люди, когда они вступают в общество, отказываются от равенства, свободы и исполнительной власти, которыми они обладали в естественном состоянии, и передают их в руки общества, с тем чтобы в

дальнейшем этим располагала законодательная власть в той мере, в какой этого будет требовать благо общества, все же это делается каждым лишь с намерением как можно лучше сохранить себя, свою свободу и собственность (ведь нельзя предполагать, чтобы какое-либо разумное существо сознательно изменило свое состояние на худшее). Власть общества или созданного людьми законодательного органа никогда ни может простирается далее, нежели это необходимо для общего блага; эта власть обязана охранять собственность каждого, не допуская тех трех неудобств, о которых говорилось выше и которые делали естественное состояние столь небезопасным и ненадежным. И кто бы ни обладал законодательной или верховной властью в любом государстве, он обязан править согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным народу, а не путем импровизированных указов; править с помощью беспристрастных и справедливых судей, которые должны разрешать споры посредством этих законов, и применять силу сообщества в стране только при выполнении таких законов, а за рубежом — для предотвращения вреда или для получения возмещения за него и для охраны сообщества от вторжений и захватов. И все это должно осуществляться ни для какой иной цели, но только в интересах мира, безопасности и общественного блага народа.

Глава X

О ФОРМАХ ГОСУДАРСТВА

132. Поскольку с момента объединения людей в общество большинство обладало, как было показано, всей властью сообщества, то оно могло употреблять всю эту власть для создания время от времени законов для сообщества и для осуществления этих законов назначенными им должностными лицами; в этом случае форма правления будет представлять собой совершенную демократию; или же оно может передать законодательную власть в руки нескольких избранных лиц и их наследников или преемников, и тогда это будет олигархия; или же в руки одного лица, и тогда это будет монархия; если в руки его и его наследников, то это наследственная монархия; если же власть передана

ему только пожизненно, а после его смерти право назначить преемника возвращается к большинству, то это выборная монархия. И в соответствии с этим сообщество может устанавливать сложные и смешанные формы правления и в зависимости от того, что оно считает лучшим. И если законодательная власть первоначально была передана большинством одному или нескольким лицам лишь пожизненно или на какое-то ограниченное время, а затем верховная власть снова должна была вернуться к большинству, то, когда это происходило, сообщество могло снова передать ее в какие ему угодно руки и, таким образом, создать новую форму правления. Ибо форма правления зависит от того, у кого находится верховная власть, которая является законодательной (невозможно предположить, чтобы низшая власть предписывала высшей или чтобы кто бы то ни было, кроме верховной власти, издавал законы); в соответствии с этим форма государства определяется тем, у кого находится законодательная власть.

133. Под государством я все время подразумеваю не демократию или какую-либо иную форму правления, но любое независимое сообщество (*any independent community*), которое латиняне обозначили словом «*civitas*»; этому слову в нашем языке лучше всего соответствует слово «государство» (*commonwealth*), оно более точно выражает понятие, обозначающее такое общество людей, а английские слова «община» (*community*) или «город» (*citty*) его не выражают, ибо в государстве могут быть подчиненные общины, а слово «город» у нас имеет совершенно иное значение, чем «государство». Вот почему во избежание двусмысленности я стараюсь использовать слово «государство» в этом смысле, в котором, как я обнаружил, его употреблял король Яков I, и я полагаю, что это подлинное значение данного слова; если же кому-либо это не нравится, то я готов с ним согласиться, как только он заменит его более подходящим словом.

Глава XI

ОБ ОБЪЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

134. Основной целью вступления людей в общество является стремление мирно и безопасно пользоваться своей собственностью, а основным орудием и

средством для этого служат законы, установленные в этом обществе; первым и основным положительным законом всех государств является установление законодательной власти; точно так же первым и основным естественным законом, которому должна подчиняться сама законодательная власть, является сохранение общества и (в той мере, в какой это будет совпадать с общественным благом) каждого члена общества. Эта законодательная власть является не только верховной властью в государстве, но и священной и неизменной в руках тех, кому сообщество однажды ее доверило. И ни один указ кого бы то ни было, в какой бы форме он ни был задуман и какая бы власть его ни поддерживала, не обладает силой и обязательностью закона, если он не получил санкции законодательного органа, который избран и назначен народом. Ибо без этого данный закон не будет обладать тем, что совершенно необходимо для того, чтобы он стал действительно законом, – согласием общества, выше которого нет ничего, и издавать законы не может иметь права никто, кроме как с согласия этого общества* и на основании власти, полученной от его членов. И, следовательно, все то повиновение, которое любой может быть обязан посредством самых торжественных обязательств оказывать, в конце концов заканчивается в этой верховной власти и направляется теми законами, которые она издает. И никакая присяга какой-либо иностранной державе, и никакая отечественная подчиненная власть не могут освободить любого члена общества от повиновения законодательному органу, действующему по доверию от общества; равным образом нельзя любого члена общества обязать повиноваться чему-либо противному изданным таким образом законам или же повиноваться в большей степени, чем они это допускают: смешно воображать, что кто-либо может быть обязан полностью повиноваться какой-либо власти в обществе, которая не является верховной властью.

135. Хотя законодательная власть, независимо от того, сосредоточена ли она в руках одного человека или нескольких, осуществляется ли она непрерывно или только через определенные промежутки, хотя она и является верховной властью в каждом государстве, но все же:

Во-первых, она не является и, вероятно, не может являться абсолютно деспотической в отношении жизни и достояния народа. Ведь она представляет собой лишь соединенную власть всех членов общества, переданную тому лицу или собранию, которые являются законодателями; она не может быть больше той власти, которой обладали эти лица, когда они находились в естественном состоянии, до того, как они вступили в общество и передали эту власть сообществу. Ибо никто не может передать другому большую власть, нежели та, которую он сам имеет, и никто не обладает абсолютной деспотической властью над собой или над кем-либо другим, правом лишить себя жизни или лишить жизни или имущества другого. Человек, как было доказано, не может подчинять себя деспотической власти другого; и так как в естественном состоянии он не обладал деспотической властью над жизнью, свободой или собственностью другого, но имел лишь такую власть, какую закон природы давал ему для сохранения себя и остальной части человечества, то это, следовательно, все, что он дает или может передать государству, а тем самым законодательной власти, так что законодательная власть не может иметь больше этого. Эта власть в своих самых крайних пределах ограничена общественным благом. Она не имеет иной цели, кроме сохранения [общества], и, следовательно, никогда не может иметь права уничтожать, порабощать или умышленно разорять подданных*. Обязательства закона природы не перестают существовать в обществе, но только во многих случаях они более четко выражены, и в соответствии с человеческими законами им сопутствуют известные наказания, для того чтобы принудить их соблюдать. Таким образом, закон природы выступает как вечное руководство для всех людей, для законодателей в такой же степени, как и для других. Те законы, которые они создают для направления действий других людей, должны, так же, как и их собственные действия и действия других людей, соответствовать закону природы, т. е. божьей воле, проявлением которой он является; и так как основным законом природы является сохранение человечества, то никакая человеческая санкция не может быть благодетельной или обоснованной, если она тому противоречит.

136. Во-вторых, законодательная, или высшая, власть не может брать на себя право повелевать посредством произвольных деспотических указов**; наоборот, она обязана отправлять правосудие и определять права подданного посредством провозглашенных постоянных законов и известных уполномоченных на то судей. Ведь так как закон природы не является писанным законом и его нигде нельзя найти, кроме как в умах людей, то тех, кто благодаря страсти или личным интересам будет искажать или неправильно применять его, не так-то легко убедить в их ошибке, если не имеется поставленного на то судьи. В этом случае закон не служит, как он должен, для того, чтобы определять права и охранять собственность тех, на кого распространяется его действие, в особенности там, где каждый к тому же является судьей, толкователем и исполнителем его, и притом в своем собственном деле; и тот, на чьей стороне право, обычно располагает только своей личной силой, а, следовательно, не имеет достаточной силы, чтобы защитить себя от обид или чтобы наказать преступников. Для того чтобы избежать этих неудобств, которые приводят в расстройство человеческую собственность в естественном состоянии, люди объединяются в общество, дабы иметь объединенную силу всего общества для сохранения и защиты своей собственности и иметь постоянные законы, определяющие ее, благодаря которым каждый может знать, что ему принадлежит. Для этого люди передают всю свою природную власть обществу, в которое они вступают, а сообщество вкладывает законодательную власть в руки тех, кого оно считает для этого подходящими; при этом люди надеются, что ими будут управлять посредством провозглашенных законов, в противном же случае их мир, покой и собственность будут по-прежнему в таком же неопределенном положении, как и в естественном состоянии.

137. Абсолютная деспотическая власть, или управление без установленных постоянных законов, не может ни в какой мере соответствовать целям общества и правительства, для которых люди отказались от свободы естественного состояния и связали себя соответствующими узами, только чтобы сохранить свою жизнь, свободу и имущество, и чтобы с помощью установленных

законоположений о праве и собственности обеспечить свой мир и покой. Нельзя предположить, чтобы они намеревались, даже если бы они и были в состоянии поступить так, передать какому-либо лицу или нескольким лицам абсолютную деспотическую власть над своими личностями и достоянием и вложить власть в руки должностного лица для того, чтобы тот неограниченно творил произвол в отношении их. Ведь это значило бы поставить себя в еще более худшее положение, чем естественное состояние, когда они обладали свободой защищать свои права от посягательств других и в равной мере имели силу, чтобы отстоять их, подвергшись нападению одного человека или сразу многих. Если же мы предположим, что они подчиняли себя абсолютной деспотической власти и воле одного законодателя, то они обезоружили себя и вооружили его, так что он в любую минуту может сделать их своей добычей. Ведь в гораздо худшем положении находится тот, кто зависит от деспотической власти одного человека, имеющего у себя под началом 100 000, чем тот, кто подчиняется деспотической власти 100 000 отдельных людей; ведь никто не может иметь гарантию, что воля того, кто имеет подобную власть, лучше, чем воля других людей, хотя бы его сила и была в 100 000 раз больше. И, следовательно, какова бы ни была форма государства, правящая власть должна управлять с помощью провозглашенных и установленных законов, а не импровизированных приказов и неопределенных решений. Ибо человечество очутится в гораздо худшем положении, чем в естественном состоянии, если оно вооружит одного человека или немногих людей объединенной силой множества, для того чтобы принудить это множество людей повиноваться произволу непомерных и выходящих за рамки возможного требований, которые вдруг взбредут им на ум, или ничем не ограниченной и до этого момента неизвестной воле при отсутствии каких-либо установленных мерил, которые могли бы направлять действия властвующих и оправдывать их. Ведь вся власть правительства существует только для блага общества, и, поскольку она не должна быть деспотической и произвольной, постольку она должна осуществляться при помощи установленных и опубликованных законов, так чтобы и народ знал свои обязанности и находился в безопасности в пределах

закона, и правители также держались в своих границах и не испытывали бы искушения благодаря находящейся в их руках власти применять ее в таких целях и с помощью таких мер, о которых они не дерзнули бы заявить открыто.

138. В-третьих, верховная власть не может лишить какого-либо человека какой-либо части его собственности без его согласия. Ибо сохранение собственности является целью правительства, и именно ради этого люди вступают в общество; и, таким образом, отсюда по необходимости предполагается и требуется, чтобы люди обладали собственностью, так как без этого следует предположить, что они, вступая в общество, теряют то, что являлось целью, ради которой они вступили в него; это слишком большая нелепость, вряд ли кто-либо с ней согласится. Следовательно, люди, находясь в обществе, обладают собственностью; они имеют такое право на имущество, которое по закону сообщества является их собственностью, что никто не имеет права отнять у них их добро или какую-либо его часть без их собственного согласия; без этого они не имеют вообще никакой собственности. Ведь я действительно не имею никакой собственности, если другой может по праву отнять ее у меня, когда ему заблагорассудится, без моего согласия. Таким образом, ошибочно думать, что верховная, или законодательная, власть любого государства может делать все, что ей угодно, и деспотически распоряжаться имуществом подданных или брать часть этого имущества по собственной прихоти. Этого можно не очень опасаться в тех системах правления, где законодательный орган состоит, полностью или целиком, из собраний, состав которых меняется, а члены которого после роспуска подчиняются общим законам своей страны наравне с прочими. Но в тех системах правления, где законодательный орган представляет собой одно постоянно действующее собрание или же вся законодательная власть сосредоточена в руках одного человека, как в абсолютных монархиях, все же существует опасность, что эти лица или лицо будут считать, что они имеют особые интересы, отличные от интересов остальной части сообщества, и поэтому будут склонны увеличивать свои собственные богатства и власть, беря все, что им вздумается, у народа. Ведь

собственность человека вовсе не находится в безопасности, хотя бы имелись хорошие и справедливые законы, отделяющие его собственность от собственности его сограждан, если тот, кто повелевает этими гражданами, обладает властью изъять у любого частного лица любую долю его собственности, по своему желанию и пользоваться и располагать ею, как ему заблагорассудится.

139. Но правительство, в чьих бы руках оно ни находилось, как я уже показал, обладает властью только на том условии и ради той цели, чтобы люди могли иметь и обеспечить свою собственность; государь или сенат, какой бы властью они ни обладали для издания законов, регулирующих собственность между подданными, все же никогда не могут обладать властью брать себе всю или какую-либо часть собственности подданных без их собственного согласия, ведь это фактически значило бы оставить подданных вообще без всякой собственности. И для того чтобы убедиться, что даже абсолютная власть там, где она необходима, не является деспотической, будучи абсолютной, но все же ограничена теми обстоятельствами и определяется теми целями, которые требуют, чтобы в некоторых случаях эта власть была абсолютной, нам достаточно рассмотреть обычную практику воинской дисциплины. Сохранение армии, а тем самым всего государства требует абсолютного повиновения приказу каждого вышестоящего офицера, и вполне справедливо, что за неповиновение или оспаривание самых опасных или неразумных приказов полагается смерть; и все же мы видим, что сержант, который может приказать солдату подойти к жерлу пушки или стоять в проломе крепостной стены, где он почти наверняка погибнет, не может приказать этому солдату дать ему хотя бы пенни из своих денег; точно так же и генерал, который может приговорить его к смерти за самовольное оставление поста или за неповиновение самым безрассудным приказам, не может при всей своей абсолютной власти над жизнью и смертью распорядиться хотя бы одним фартингом из собственности этого солдата или присвоить хотя бы малую толику из его имущества; и тем не менее этому солдату он может приказать все, что угодно, и повесить за малейшее

неповиновение, так как подобное слепое повиновение необходимо для достижения той цели, ради которой командир обладает своей властью, т. е. для сохранения остальных; но право распоряжаться его имуществом не имеет к этому никакого отношения.

140. Это правда, что правительства не могут содержаться без больших расходов, и каждый, кто пользуется своей долей защиты, должен платить из своего имущества свою долю на его содержание. Но все же это должно делаться с его собственного согласия, т. е. с согласия большинства, которое дает его либо само, либо через посредство избранных им представителей. Ведь если кто-либо будет претендовать на право вводить и взимать налоги с народа своей собственной властью и без такого согласия со стороны народа, то он тем самым посягает на основной закон собственности и препятствует осуществлению цели правительства. Ибо каким правом собственности могу я обладать на то, что другой может по праву взять себе, когда ему заблагорассудится?

141. В-четвертых, законодательный орган не может передать право издавать законы в чьи-либо другие руки. Ведь это право, доверенное народом, и те, кто им обладает, не могут передавать его другим. Только народ может устанавливать форму государства, делая это посредством создания законодательной власти и назначения тех, в чьих руках она будет находиться. И когда народ заявил: мы будем подчиняться предписаниям и управляться законами, созданными для нас такими-то людьми и в такой-то форме, — никто больше не может сказать, что другие люди будут создавать законы для народа; точно так же и народ не может быть связан какими-либо иными законами, кроме тех, которые изданы теми, кто был избран народом и уполномочен создавать для него законы. Законодательная власть, поскольку она исходит от народа через посредство положительного добровольного дара и учреждения, не может быть ничем иным, кроме как тем, что передано этим положительным даром, а он был сделан только для создания законов, а не для создания законодателей, и законодательный орган не имеет права передоверять свою законодательную власть и передавать ее в другие руки,

142. Вот те пределы, которые полномочия, данные обществом, и закон бога и природы установили для законодательной власти всякого государства, во всех формах правления.

Во-первых, они должны управлять посредством опубликованных установленных законов, которые не должны меняться в каждом отдельном случае; напротив, должен существовать один закон для богатого и бедного, для фаворита при дворе и для крестьянина за плугом.

Во-вторых, эти законы не должны предназначаться ни для какой иной конечной цели, кроме как для блага народа.

В-третьих, они не должны повышать налоги на собственность народа без согласия народа, данного им самим или через его представителей. И это, собственно, касается только таких государств, где законодательный орган действует непрерывно или по крайней мере где народ не сохранил какую-то часть законодательной власти за депутатами, которые время от времени избираются им самим.

В-четвертых, законодательный орган не должен и не может передавать законодательную власть кому-либо другому или передоверять ее кому-либо, кроме как тем, кому ее доверил народ.

Глава XII

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ФЕДЕРАТИВНОЙ ВЛАСТИ В ГОСУДАРСТВЕ

143. Законодательная власть — это та власть, которая имеет право указывать, как должна быть употреблена сила государства для сохранения сообщества и его членов. Но так как те законы, которые должны постоянно соблюдаться и действие которых непрерывно, могут быть созданы за короткое время, то нет необходимости, чтобы законодательный орган действовал все время и тогда, когда ему нечего будет делать. И кроме того, поскольку искушение может быть слишком велико при слабости человеческой природы, склонной цепляться за власть, то те же лица, которые обладают властью создавать законы, могут также захотеть сосредоточить в своих руках и право на

их исполнение, чтобы, таким образом, сделать для себя исключение и не подчиняться созданным ими законам и использовать закон как при его создании, так и при его исполнении для своей личной выгоды; тем самым их интересы становятся отличными от интересов всего сообщества, противоречащими целям общества и правления. Вот почему в хорошо устроенных государствах, где благо целого принимается во внимание так, как это должно быть, законодательная власть передается в руки различных лиц, которые, собравшись должным образом, обладают сами или совместно с другими властью создавать законы; когда же они это исполнили, то, разделившись вновь, они сами подпадают под действие тех законов, которые были ими созданы; это для них новая и непосредственная обязанность, которая побуждает их следить за тем, чтобы они создавали законы для блага общества.

144. Но так как законы, которые создаются один раз и в короткий срок, обладают постоянной и устойчивой силой и нуждаются в непрерывном исполнении или наблюдении за этим исполнением, то необходимо, чтобы все время существовала власть, которая следила бы за исполнением тех законов, которые созданы и остаются в силе. И таким образом, законодательную и исполнительную власть часто надо разделять.

145. Существует еще одна власть в каждом государстве, которую можно назвать природной, так как она соответствует той власти, которой по природе обладал каждый человек до того, как он вступил в общество. Ведь хотя в государстве члены его являются отличными друг от друга личностями и в качестве таковых управляются законами общества, все же по отношению к остальной части человечества они составляют одно целое, которое, как прежде каждый из его членов, все еще находится в естественном состоянии по отношению к остальной части человечества. Отсюда следует, что все споры, которые возникают между кем-либо из людей, находящихся в обществе, с теми, которые находятся вне общества, ведутся народом; и ущерб, нанесенный одному из его членов, затрагивает, в вопросе о возмещении этого ущерба, весь народ. Таким образом, принимая это во внимание, все сообщество представляет собой

одно целое, находящееся в естественном состоянии по отношению ко всем другим государствам или лицам, не принадлежащим к этому сообществу.

146. Следовательно, сюда относится право войны и мира, право участвовать в коалициях и союзах, равно как и право вести все дела со всеми лицами и сообществами вне данного государства; эту власть, если хотите, можно назвать федеративной. Лишь бы была понята сущность, а что касается названия, то мне это безразлично.

147. Эти две власти, исполнительная и федеративная, хотя они в действительности отличаются друг от друга, так как одна из них включает в себя исполнение муниципальных законов общества внутри его самого по отношению ко всему, что является его частями, другая же включает в себя руководство внешними безопасностью и интересами общества в отношениях со всеми теми, от кого оно может получить выгоду или потерпеть ущерб, все же эти два вида власти почти всегда объединены. И хотя эта федеративная власть при хорошем или дурном ее осуществлении имеет огромное значение для государства, все же она менее способна руководствоваться предшествующими постоянными положительными законами, чем исполнительная власть; и поэтому по необходимости она должна предоставляться благоразумию и мудрости тех, в чьих руках она находится, для того чтобы она была направлена на благо общества. Ведь законы, касающиеся взаимоотношений подданных друг с другом, направлены на руководство их действиями и вполне могут предшествовать им. Но то, что следует сделать в отношении иностранцев, во многом зависит от их поступков и от различных замыслов и интересов, и это по большей части следует предоставлять благоразумию тех, кому доверена эта власть, чтобы они могли руководствоваться самым лучшим, что дает их искусство, ради пользы государства.

148. Хотя, как я сказал, исполнительная и федеративная власть в каждом сообществе в действительности отличается друг от друга, все же их вряд ли следует разделять и передавать одновременно в руки различных лиц. Ведь обе эти власти требуют для своего осуществления силы общества, и почти что

невыполнимо сосредоточивать силу государства в руках различных и друг другу не подчиненных лиц или же создавать такое положение, когда исполнительная и федеративная власть будут доверены лицам, которые могут действовать независимо, вследствие его сила общества будет находиться под различным командованием, а это может рано или поздно привести к беспорядку и гибели.

Глава XIII

О СОПОДЧИНЕННОСТИ ВЛАСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕ

149. Хотя в конституционном государстве, опирающемся на свой собственный базис и действующем в соответствии со своей собственной природой, т. е. действующем ради сохранения сообщества, может быть всего одна верховная власть, а именно законодательная, которой все остальные подчиняются, и должны подчиняться, все же законодательная власть представляет собой лишь доверенную власть, которая должна действовать ради определенных целей, и поэтому по-прежнему остается у народа верховная власть устранять или заменять законодательный орган, когда народ видит, что законодательная власть действует вопреки оказанному ей доверию. Ведь вся переданная на основе доверия власть предназначается для достижения одной цели и ограничивается этой целью; когда же этой целью явно пренебрегают или оказывают ей сопротивление, то доверие по необходимости должно быть отобрано, и власть возвращается в руки тех, кто ее дал, и они снова могут поместить ее так, как они сочтут лучше для их безопасности и благополучия. И таким образом, сообщество постоянно сохраняет верховную власть для спасения себя от покушений и замыслов кого угодно, даже своих законодателей, в тех случаях, когда они окажутся настолько глупыми или настолько злонамеренными, чтобы создавать и осуществлять заговоры против свободы и собственности подданного. Ведь ни один человек и ни одно общество людей не обладают властью передать свое сохранение или, следовательно, средства к тому абсолютной воле и деспотическому господству другого; когда кто-либо будет стараться привести их в такое рабское состояние, то они всегда будут сохранять право на то, с чем они не имеют права расстаться, а также право избавить себя

от тех, кто посягает на этот основной священный и неизменный закон самосохранения, ради которого они вступили в общество. И таким образом, можно сказать, что в этом отношении сообщество всегда представляет собой верховную власть, но его нельзя считать таковой при наличии какой-либо формы правления, так как эта власть народа не может осуществляться до тех пор, пока не распущено правительство.

150. Во всех случаях, пока существует правление, законодательная власть является верховной. Ведь то, что может создавать законы для других, необходимо должно быть выше их; а поскольку законодательная власть является законодательной в обществе лишь потому, что она обладает правом создавать законы для всех частей и для каждого члена общества, предписывая им правила поведения и давая силу для наказания, когда они нарушены, постольку законодательная власть по необходимости должна быть верховной и все остальные власти в лице каких-либо членов или частей общества проистекают из нее и подчинены ей.

151. В некоторых государствах, где законодательный орган не всегда действует, а исполнительная власть доверена одному лицу, которое также участвует и в законодательном органе, то это одно лицо с некоторой натяжкой можно также назвать верховным. Не потому, что этот человек носит в себе всю верховную власть, каковой является власть законодательная, но потому, что он сам в себе носит право верховного исполнения, из чего проистекают все различные подчиненные виды власти или по крайней мере наибольшая часть их, которыми обладают все нижестоящие должностные лица; так как над ним нет вышестоящего законодательного органа, так как нет такого закона, который мог бы быть создан без его согласия, — а вряд ли можно ожидать, что будет такой закон, который когда-либо подчинит его остальной части законодательного органа, — то он вполне справедливо в этом отношении может быть назван верховным. Но следует отметить, что, хотя ему приносится присяга и клятва на верность, она приносится ему не как верховному законодателю, а как верховному исполнителю закона, созданного совместной властью его и других:

присяга представляет собой лишь повиновение в соответствии с законом; когда же он нарушает этот закон, то он не имеет права притязать на повиновение и не может его требовать иначе, кроме как будучи общественным деятелем, наделенным властью закона; и поэтому его следует считать образом, фантомом или представителем государства, движимым волею общества, объявленной в его законах; и следовательно, он не имеет ни воли, ни власти, кроме тех, которыми обладает закон. Но когда он теряет это представительство, эту общественную волю и действует по своей личной воле, то он роняет себя и является лишь частным лицом без власти и без воли, которое не имеет права на повиновение; члены общества обязаны повиноваться только воле общества.

152. Исполнительная власть, если она находится где угодно, но только не в руках лица, которое участвует также и в законодательном органе, явно является подчиненной и подотчетной законодательной власти и может быть по желанию изменена и смещена; это значит, что не высшая исполнительная власть свободна от подчинения, а высшая исполнительная власть, доверенная одному человеку, который, принимая участие в законодательном органе, не имеет отдельного вышестоящего законодательного органа, которому он подчиняется и подотчетен, подчинен тому лишь в такой степени, в какой он сам примкнет и даст свое согласие; таким образом, он подчинен не в большей степени, чем он сам будет это считать нужным, а это, как можно с уверенностью заключить, будет лишь в самой незначительной степени. О прочих министерских и подчиненных властях в государстве нет необходимости говорить, поскольку они столь многочисленны и существуют в таком бесконечном разнообразии, в разных обычаях и учреждениях отдельных государств, что невозможно подробно рассказать о всех них. Мы коснемся лишь того, что необходимо для наших целей, и отметим, что ни одно из них не обладает каким-либо видом власти, кроме той, которая передана им посредством определенного дара и поручения, и все они подотчетны какой-либо другой власти в государстве.

153. Нет никакой необходимости и даже нет большого удобства в том, если законодательный орган будет действовать непрерывно. Однако это абсолютно

необходимо для исполнительной власти: ведь не всегда имеется нужда в создании новых законов, но всегда необходимо выполнять те законы, которые созданы. Когда законодательный орган передал исполнение созданных им законов в другие руки, то у него все еще остается власть взять это из других рук, когда к тому будет причина, и наказать за любое дурное управление, нарушающее законы. То же самое справедливо и в отношении федеративной власти, так, как и она, и исполнительная власть — обе являются министерскими и подчиненными по отношению к законодательной власти, которая, как было показано, в конституционном государстве является верховной. В этом случае также предполагается, что законодательный орган состоит из нескольких лиц {если он будет состоять из одного лица, то он не может не действовать непрерывно, и, таким образом, как верховная власть, естественно, будет обладать верховной исполнительной властью наряду с законодательной), которые могут собираться и осуществлять свои, законодательные функции в те сроки, какие предусмотрены в первоначальной конституции или определены их решением при окончании предыдущей сессии, или же тогда, когда им заблагорассудится, если нигде не было предусмотрено какое-либо время созыва либо же их созыв не был предписан каким-либо другим образом. Ведь верховная власть им доверена народом, они всегда являются ее носителями и могут осуществлять ее, когда им угодно, если только их первоначальная конституция не ограничивает их определенными периодами или если они посредством акта той верховной власти, которой они обладают, не перенесли это на определенный срок, и тогда, когда настанет этот срок, они имеют право собраться и снова действовать.

154. Если законодательный орган или какая-либо часть его состоит из представителей, избранных на этот срок народом, которые впоследствии возвращаются в обычное состояние подданных и не принимают участия в законодательном органе, кроме как по новому выбору, то это право выбора должно также осуществляться народом либо в определенные назначенные сроки, либо же тогда, когда он будет призван к этому. В этом последнем случае право

созывать законодательный орган обычно дается исполнительной власти и имеет одно из следующих двух ограничений в отношении срока: либо первоначальная конституция требует, чтобы представители собирались и действовали через определенные промежутки, и тогда исполнительная власть не делает ничего, кроме официального издания руководств к их выбору и созыву в соответствии с должными формами, или же благоразумию исполнительной власти предоставляется выносить решение об их созыве путем новых выборов, когда обстоятельства или острые нужды народа требуют изменения старых законов, или создания новых, или же устранения либо предотвращения любых неудобств, которые терпит народ или которые ему угрожают.

155. Здесь могут спросить: что произойдет, если исполнительная власть, обладая силой государства, использует эту силу, чтобы воспрепятствовать созыву и работе законодательного органа, в то время как первоначальная конституция или народные нужды требуют этого? Я утверждаю, что применение силы в отношении народа без всякого на то права и в противоречие доверию, оказанному тому, кто так поступает, представляет собой состояние войны с народом, который обладает правом восстановить свой законодательный орган, чтобы он осуществлял его власть. Ибо народ создал законодательный орган для того, чтобы он осуществлял его законодательную власть либо в определенное время, либо тогда, когда в этом есть необходимость, а когда ему мешает какая-либо сила делать то, что необходимо для общества и от чего зависит безопасность или сохранение народа, народ вправе устранить эту силу силой же. Во всех положениях и состояниях лучшее средство против силы произвола – это противодействовать ей силой же. Применение силы без полномочий всегда ставит того, кто ее применяет, в состояние войны как агрессора и дает право поступать с ним соответствующим образом.

156. Право созывать и распускать законодательный орган – право, которым обладает исполнительная власть, – не дает исполнительной власти верховенства над законодательной, а является просто доверенным полномочием, данным ей в интересах безопасности народа в том случае, когда неопределенность и

переменчивость человеческих дел не могут вынести постоянного установленного правила. Ведь невозможно, чтобы первые создатели государства благодаря какому-либо предвидению в такой степени смогли предугадывать будущие события, чтобы быть в состоянии установить точно определенные периоды созывов и длительности работы законодательных органов во все времена, причем так, чтобы это в точности отвечало всем потребностям государства. Лучшим средством против этого недостатка было доверить это благоразумию тех, кто всегда будет налицо и чьей задачей является следить за общественным благом. Постоянные частые созывы законодательного органа и длительные периоды его заседаний без особой на то необходимости не могут не быть тягостны для народа и с течением времени обязательно создадут более опасные неудобства; и тем не менее стремительный ход событий иногда может потребовать немедленной помощи этого органа, малейшее промедление с его созывом может подвергнуть народ опасности; иногда же вопросы, рассматриваемые этим органом, могут иметь такое огромное значение, что ограниченное время его заседаний может оказаться слишком коротким для его работы и лишить народ того блага, которое он мог бы получить только благодаря зрелому обсуждению их. Что же в таком случае можно сделать, чтобы сообщество не подвергалось время от времени неизбежному риску с той или с другой стороны, порождаемому раз навсегда фиксированными промежутками и периодами созыва и работы законодательного органа, как не доверить это благоразумию тех, кто, будучи налицо и разбираясь в положении общественных дел, может использовать эту прерогативу на благо общества? И в чьи руки лучше всего это передать, как не в руки тех, кому доверено исполнение законов для той же цели? Таким образом, если назначение времени для созыва и заседаний законодательного органа не установлено первоначальной конституцией, то оно, естественно, переходит в руки исполнительной власти, причем не как деспотической власти, зависящей от собственной прихоти, — эти полномочия всегда должны использоваться только на благо общества, как этого требуют события и изменения в делах. В мою задачу не входит установить, возникает ли

меньше неудобств тогда, когда существуют определенные сроки созыва законодательного органа, или тогда, когда это предоставлено на усмотрение государя, или, возможно, тогда, когда имеется смешение того и другого; я хотел только показать, что, хотя исполнительная власть может обладать прерогативой созывать и распускать подобные сессии законодательного органа, она из-за этого все же не является верховной в отношении его.

157. Вещи в этом мире находятся в таком непрерывном изменении, что ничто не остается долго в том же состоянии. Так, народы, богатства, торговля, сила меняют свое местонахождение; могущественные цветущие города превращаются в руины и с течением времени оказываются забытыми пустынными уголками, в то время как другие отдаленные места становятся многолюдными странами, изобилующими богатством и населением. Но вещи не всегда изменяются одинаково, и частные интересы нередко сохраняют обычаи и привилегии, когда оснований для них уже нет; нередко случается, что в государствах, где часть законодательного органа состоит из представителей, избираемых народом, с течением времени это представительство становится крайне неравным и не соответствующим тем основам, на которых оно первоначально было установлено. К каким чудовищным нелепостям приводит следование обычаю, когда смысла в нем уже нет, мы можем видеть, если обратим внимание на одно лишь название города, от которого не осталось ничего, кроме руин, где почти что нет никаких строений, кроме овчарни, и нет жителей, кроме пастуха, а этот город посылает столько же представителей в великое собрание законодателей, как и целое графство, густонаселенное и обладающее большими богатствами. Чужеземцы этому удивляются, и каждый вынужден признать, что необходимо принять соответствующие меры, хотя большинство считает, что здесь трудно что-нибудь придумать, поскольку конституция законодательного органа является первоначальным и верховным актом общества, предшествуя всем его положительным законам и завися исключительно от народа, и поэтому ни одна низшая власть не может изменить ее. И поэтому народ, после того как однажды учрежден законодательный орган, не имеет при такой системе

правления, о которой мы говорили, никакой власти для принятия мер, до тех пор, пока эта система правления существует; думают, что против этого неудобства нет никакого средства.

158. *Salus populi supreme lex* является, несомненно, настолько справедливым и основным законом, что тот, кто искренне ему следует, не может впасть в какое-либо пагубное заблуждение. Следовательно, если исполнительная власть, имеющая право созывать законодательный орган, заботясь больше о правильной пропорции, чем о форме представительства, регулирует не по старому обычаю, а на разумной основе число членов от всех мест, которые имеют право самостоятельного представительства, на что никакая часть народа, как бы она ни была объединена, не может претендовать иначе, как пропорционально к той помощи, которую она оказывает обществу, то в этом случае нельзя считать, что будет создан новый законодательный орган, напротив, будет восстановлен старый и настоящий и исправлены те непорядки, которые возникли с течением времени столь же незаметно, как и неизбежно. Ведь интересы и намерения народа требуют справедливого и равного представительства; тот, кто приближает его к этому, является несомненным другом и установителем правительства и не может не получить согласие и одобрение сообщества. Прерогатива представляет собой не более чем власть в руках государя для заботы об общественном благе в тех случаях, когда в связи с непредвиденными и переменчивыми событиями определенные и неизменяемые законы не могут служить надежным руководством; что бы ни делалось явно для блага народа и для установления власти правительства на его истинных основах – это есть и всегда будет справедливой прерогативой. Право создавать новые объединения и в связи с этим выбирать новых представителей предполагает, что с течением времени нормы представительства могут меняться и справедливое право быть представленными получают те места, которые раньше такого права не имели, и по той же причине те, что имеют право, теряют его и становятся слишком незначительными для той привилегии, которую раньше имели. Не изменение нынешнего положения, возникшего, вероятно, вследствие

продажности и разложения, является покушением на правительство, а его стремление нанести ущерб народу или угнетать его и создать какую-либо группу или партию, отличную от всего остального общества и находящуюся по отношению к нему в неравном положении. Все, что не может не быть признано полезным для общества и всего народа и осуществлено посредством справедливых и серьезных мероприятий, всегда, когда это будет сделано, оправдывает себя; и если народ изберет своих представителей на основе справедливых и, бесспорно, равных пропорций, соответствующих первоначальной структуре правительства, то нельзя сомневаться, что это явится волей и актом общества независимо от того, кем это было разрешено или кто был тому причиной.

Глава XIV

О ПРЕРОГАТИВЕ

159. Где законодательная и исполнительная власть находятся в различных руках (как это имеет место во всех умеренных монархиях и правильно организованных правительствах), там благо общества требует, чтобы некоторые вещи были предоставлены благоразумию того, кто обладает исполнительной властью. Ведь законодатели не в состоянии предвидеть все и создавать соответствующие законы на все случаи, когда это может быть полезно сообществу, и тогда исполнитель законов, имея в своих руках власть, обладает на основе общего закона природы правом использовать ее на благо общества во многих случаях, когда муниципальный закон не даст никаких указаний, до тех пор, пока не будет удобно собрать законодательный орган и издать соответствующий закон. Существует много вещей, которых закон никак не может предусмотреть; и их необходимо предоставить благоразумию того, в чьих руках находится исполнительная власть, для того чтобы он распоряжался так, как того требуют общественное благо и выгода; более того, в некоторых случаях необходимо, чтобы сами законы уступали место исполнительной власти или, скорее, этому основному закону природы и правления, *viz.* чтобы, насколько только возможно, были сохранены все члены общества. Ведь может возникнуть

целый ряд обстоятельств, когда строгое и неуклонное соблюдение законов может принести вред (как, например, нельзя снести дом невинного человека, чтобы прекратить пожар, когда горит соседний дом), а иногда человек может подпасть под действие закона, который не делает различия между людьми, за поступок, который может заслуживать награды и прощения; надо, чтобы правитель обладал властью во многих случаях умерять строгость закона и прощать некоторых преступников, поскольку целью правительства является сохранение всех по мере возможности, и следует щадить даже виновных, когда это не наносит ущерба невинным.

160. Эта власть действовать сообразно собственному разумению ради общественного блага, не опираясь на предписания закона, а иногда даже вопреки ему, и есть то, что называется прерогативой. Так как в некоторых системах правления законодательная власть не является постоянно действующей и обычно слишком громоздка и поэтому поворачивается слишком медленно, а для исполнения закона необходима быстрота и поскольку также невозможно предвидеть и, таким образом, заранее создать соответствующие законы на все необходимые случаи, которые касаются общества, или создать такие законы, которые не будут причинять вреда, если их исполнять с неукоснительной строгостью во всех случаях и по отношению ко всем лицам, которых это может коснуться, поэтому исполнительной власти предоставляется свобода делать многое по собственному выбору, чего не предусматривает закон.

161. Эта власть, пока она употребляется на благо общества и сообразно с ответственностью и целями правительства, несомненно, является прерогативой и никогда не ставится под вопрос. Ведь люди очень редко или даже никогда не требуют тщательного или неукоснительного соблюдения всех тонкостей; они далеки от того, чтобы исследовать прерогативу, до тех пор, пока она в какой-либо приемлемой степени используется для той цели, для которой, она предназначалась, т. е. на благо народа, а не явно во вред ему. Но если в отношениях между исполнительной властью и народом возникает сомнение

относительно вещи, именуемой прерогативой, склонность употреблять такую прерогативу на благо народа или во вред ему легко решает это сомнение.

162. Легко понять, что во времена младенчества правительства, когда государства лишь немногим отличались от семей по количеству людей, они в столь же малой степени отличались от них по количеству законов. И поскольку правители были для народа как бы отцами, опекающими его ради его собственного блага, то правление почти полностью являлось прерогативой. Обходились немногими установленными законами, а благоразумие и забота правителя делали остальное. Но когда ошибка или лень побудила слабых государей использовать эту власть в их собственных личных целях, а не на общее благо, народ стал стремиться посредством определенных законов ограничить прерогативу в тех ее проявлениях, в каких народ терпел от нее ущерб. И таким образом, народ счел необходимым установить ограничения для прерогативы в тех случаях, в каких сам народ и его предки прежде предоставляли полную свободу решений благоразумию тех государей, которые пользовались данной прерогативой только по справедливости, т. е. на благо своего народа.

163. И, следовательно, те, кто утверждает, что народ посягает на прерогативу, когда ограничивает определенными законами какую-либо ее часть, имеют весьма превратное представление о правлении. Ведь поступая подобным образом, народ не отнимает у государя, ничего принадлежащего ему по праву, а лишь заявляет, что та власть, которую народ неограниченно оставлял в его руках или в руках его предков, чтобы они употребляли ее на благо народа, становится не тем, что народ ему предоставил, когда государь употребил ее на что-то иное. Ибо целью правления является благо сообщества, и все изменения, которые в нем производятся для этой цели, не могут быть посягательством на кого-либо, поскольку никто из находящихся у власти не может обладать правом, употребляемым для какой-либо иной цели; а посягательством является лишь то, что наносит ущерб или препятствует общественному благу. Те, кто говорят иначе, рассуждают так, как если бы государь обладал отдельными, не имеющими никакого отношения к благу сообщества интересами и не был бы сам для этого

создан; а это есть корень и источник происхождения почти всех тех бед и беспорядков, которые имеют место при монархическом правлении. И действительно, если это так, то народ, находящийся под властью такого государя, не является обществом разумных существ, объединившихся ради взаимного блага: значит, не они сами поставили над собой правителей, чтобы охранять это благо и способствовать ему; напротив, на них следует смотреть лишь как на стадо низших существ, находящихся под властью хозяина, который их содержит и распоряжается ими для своего удовольствия или выгоды. Если бы люди были настолько лишены разума и настолько скотоподобны, чтобы вступить в общество на таких условиях, то прерогатива действительно могла бы стать такой, какой ее хотят иметь некоторые, — деспотической властью, направленной на то, чтобы вредить народу.

164. Но поскольку нельзя предположить, чтобы разумное существо, будучи свободным, стало повиноваться другому во вред себе (хотя когда человек находит хорошего и мудрого правителя, то он, возможно, не считает ни необходимым, ни полезным четко ограничивать во всем его власть), постольку прерогатива не может представлять собой что-либо иное, кроме как разрешение со стороны народа его правителям делать некоторые вещи по их собственному свободному выбору, когда закон молчит, а иногда также и поступать вопреки букве закона ради общественного блага; и народ соглашается с этим, когда это сделано. Ведь хороший государь, который помнит об оказанном ему доверии и заботится о благе своего народа, не может обладать слишком большой прерогативой, т. е. слишком большой властью творить добро; слабый же и дурной государь, притязающий на то, что власть, которой его предшественники пользовались без предписания закона, является прерогативой, принадлежащей ему по его сану, которой он может пользоваться по собственному усмотрению, преследуя или осуществляя интерес, отличный от интересов народа, такой государь дает народу повод заявить о своем праве и ограничить ту власть, которую народ, пока она осуществлялась на благо ему, молчаливо допускал.

165. Вот почему тот, кто заглянет в историю Англии, увидит, что самая большая прерогатива всегда была в руках наших самых мудрых и самых лучших государей, ибо народ, наблюдая, что в целом их действия были направлены на общее благо, не оспаривал того, что совершалось вне закона ради этой цели или если какая-либо человеческая слабость или ошибка (ведь государи всего лишь люди, созданные подобно другим) проявлялась в некоторых небольших отклонениях от этой цели, но все же было видно, что в основном их поведение диктовалось только лишь заботой о народе. Вот почему народ, имея основание быть довольным этими государями, в тех случаях, когда они поступали не по закону или вопреки букве закона, соглашался с содеянным и без малейшей жалобы давал им возможность увеличивать сколько угодно свою прерогативу, справедливо считая, что они этим не наносили ущерба законам, поскольку они поступали в соответствии с основой и целью всех законов общественным благом.

166. Такие богоподобные государи действительно имели некоторое право на деспотическую власть, если пользоваться аргументом, который доказывает, что абсолютная монархия является лучшим правлением в мире, поскольку сам господь бог подобным образом управляет вселенной; ведь такие короли были наделены частью его мудрости и благости, на этом основана пословица: "Правление хороших государей всегда было наиболее опасным для свобод их народа", поскольку их преемники, распоряжаясь властью с иными мыслями, возводили действия этих хороших правителей в прецедент и считали их мерилom своей прерогативы, как если бы то, что делалось исключительно на благо народа, давало им право причинять вред народу, когда им заблагорассудится. Это часто вызывало споры, а иногда и общественные беспорядки, прежде чем народ мог вернуть себе свое первоначальное право и добивался того, чтобы прерогативой не объявлялось то, что ею в действительности никогда не было, поскольку невозможно, чтобы кто-либо в обществе когда-либо имел право причинять вред народу, хотя весьма возможно и здраво, чтобы народ не стремился установить границы прерогативы тех королей или правителей, которые сами не преступали

границ общественного блага. Ибо прерогатива является не чем иным, как правом творить общественное благо без закона.

107. Право созыва парламента в Англии в том, что касается времени, места и срока, является, несомненно, прерогативой короля, но при том условии, что она будет использована на благо нации, как этого потребуют время и обстоятельства. Ведь невозможно предусмотреть, в каком месте парламенту будет лучше всего собраться и в какое время, а поэтому выбор здесь предоставляется исполнительной власти, чтобы наилучшим образом содействовать общественному благу и соответствовать целям парламента.

168. В том, что касается прерогативы, будет задаваться старый вопрос: «Но кто будет судьей, определяющим правильность применения этой власти?» Я отвечаю: между действующей исполнительной властью, обладающей подобной прерогативой, и законодательным органом, зависящим от нее в отношении созыва, на земле не может быть судьи; точно так же, как не может быть судьи между законодательной властью и народом, если исполнительный либо законодательный орган, получив власть в свои руки, умыслит поработить или уничтожить народ или станет осуществлять это. Против этого у народа нет никаких средств, как и во всех других случаях, где для него нет судьи на земле, кроме как обращения к небесам. Ведь правители, пытаясь совершить это, используют власть, которую народ никогда не передавал в их руки (нельзя же предположить, чтобы народ согласился на то, чтобы кто-либо управлял во вред ему), и, следовательно, делают то, на что они не имеют права. А в тех случаях, когда группа людей или какой-либо отдельный человек лишаются своего права или находятся под давлением власти без права и им некуда обратиться на земле, тогда они вольны воззвать к небесам, если они считают повод достаточно серьезным. И, следовательно, хотя народ не может быть судьей, обладающим по конституции этого общества высшей властью для определения и вынесения действенного приговора в этом случае, все же он сохраняет по закону, предшествующему и превосходящему все положительные законы людей, то окончательное определение, которым обладает все человечество в тех случаях,

когда не к кому обратиться на земле, правом судить о том, имеется ли у него достаточный повод воззвать к небесам. И лишиться этого суждения народ не может, поскольку свыше человеческих сил в такой степени покориться другому, чтобы дать ему свободу уничтожить себя; бог и природа никогда не разрешали человеку забываться в такой степени, чтобы пренебрегать самосохранением, и поскольку он не может сам лишиться себя жизни, то он не может дать такое право и другому. Пусть никто не думает, что тем самым дается основа для вечных беспорядков: ведь это не вступает в силу, пока неудобство не становится столь велико, что большинство его ощущает и тяготится им и тогда оно считает необходимым исправить это положение. Но исполнительной власти или мудрым государям никогда не нужно допускать этой опасности, и именно ее они больше всего должны избегать, и она больше всех других является самой губительной. [...]

Источник: Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 137–405.

КАРЛ МАРКС, ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

(ИЗВЛЕЧЕНИЯ)

Работа «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании». В этом полемическом произведении Маркс и Энгельс выступают как воинствующие материалисты, подвергая сокрушительной критике субъективистские взгляды младогегельянцев. Маркс и Энгельс также критикуют здесь идеалистическую философию самого Гегеля; отдавая должное тому рациональному, что было в диалектике Гегеля, они подвергают критике мистифицирующую сторону этой диалектики.

В «Святом семействе» сформулирован ряд важнейших положений диалектического и исторического материализма. В этой работе Маркс уже

подходит к основной идее исторического материализма о решающей роли способа производства в развитии общества. Опровергая господствовавшие ранее идеалистические взгляды на историю, Маркс и Энгельс доказывают, что сами по себе передовые идеи могут вывести общество лишь за пределы идей старого строя, что «для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу» (см. том 2, стр. 132). Огромное значение имеет выдвинутое в «Святом семействе» положение о том, что масса, народ, является действительным творцом истории человечества. Маркс и Энгельс указывают, что чем шире и глубже происходящий в обществе переворот, тем многочисленнее массы, которые совершают этот переворот. Ленин особенно подчеркивал значение этой мысли, характеризуя ее как одно из самых глубоких и самых важных положений исторического материализма.

В «Святом семействе» содержится почти сложившийся взгляд на всемирно-историческую роль пролетариата как класса, который в силу своего положения при капитализме «может и должен сам себя освободить», а вместе с тем уничтожить все бесчеловечные жизненные условия буржуазного общества, ибо пролетариат «не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу труда. Дело не в том, в чем в данный момент видит свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что такое пролетариат на самом деле и что он, сообразно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать»

Большое значение имеет раздел «Критическое сражение с французским материализмом», в котором Маркс, давая краткий очерк развития материализма в западноевропейской философии, показывает, что коммунизм является логическим выводом из материалистической философии.

«Святое семейство» написано под значительным влиянием материалистических взглядов Л. Фейербаха, сыгравшего большую роль в переходе Маркса и Энгельса от идеализма к материализму; вместе с тем в этой работе уже содержатся элементы той критики метафизического и созерцательного материализма Фейербаха, которую Маркс дал весной 1845 г. в «Тезисах о Фейербахе». Впоследствии Энгельс, определяя место «Святого

семейства» в истории марксизма, писал: «Надо было заменить культ абстрактного человека, это ядро новой религии Фейербаха, наукой о действительных людях и их историческом развитии. Это дальнейшее развитие фейербаховской точки зрения, выходящее за пределы философии Фейербаха, начато было в 1845 г. Марксом в книге «Святое семейство»» (Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»).

В «Святом семействе» сформулированы некоторые исходные положения марксистской политической экономии. В отличие от социалистов-утопистов Маркс обосновывает объективную неизбежность победы коммунизма тем, что частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к гибели.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом в сентябре — ноябре 1844 г.

Печатается по тексту издания 1845 г. Перевод с немецкого

[...] Политическое движение, начавшееся в 1840 г., освободило г-на Бауэра от его консервативной политики и подняло его на один момент до либеральной политики. Но и тут политика была, собственно говоря, только предлогом для теологии. В произведении «Правое дело свободы и мое собственное дело» свободное государство является критиком теологического факультета в Бонне и аргументом против религии. В «Еврейском вопросе» главный интерес сосредоточивается на противоположности между государством и религией, так что критика политической эмансипации превращается в критику еврейской религии. В последнем политическом произведении Бауэра «Государство, религия и партия» выступает, наконец, наружу самое сокровенное сердечное желание критика, раздувшегося до размеров государства. Религия приносится в жертву государству, или, вернее, государство есть только средство для того, чтобы покончить с противником «критики», с некритической религией и теологией. Наконец, после того как критика, благодаря распространившимся с 1843 г. в Германии социалистическим идеям, освободилась, хотя только по

видимости, от всякой политики, подобно тому как она, благодаря политическому движению после 1840 г., освободилась от своей консервативной политики, – после этого она может, наконец, провозгласить свои писания против некритической теологии общественными и беспрепятственно заняться своей собственной критической теологией – противопоставлением духа массе, – равно как провозвещенном пришествии критического спасителя и искупителя мира. Вернемся к нашей теме!

Признание свободной человечности? «Свободная человечность», признания которой евреи действительно добивались, а не только думали, что добиваются, есть та самая «свободная человечность», которая нашла свое классическое признание в так называемых всеобщих правах человека. Сам г-н Бауэр рассматривал стремление евреев добиться признания своей свободной человечности именно как их стремление к получению всеобщих прав человека.

В «Deutsch-Französische Jahrbucher» доказывалось г-ну Бауэру, что эта «свободная человечность» и ее «признание» суть не что иное, как признание эгоистического гражданского индивидуума и необузданного движения духовных и материальных элементов, образующих содержание жизненного положения этого индивидуума, содержание современной гражданской жизни; что поэтому права человека не освобождают человека от религии, а только предоставляют ему свободу религии; что они не освобождают его от собственности, а предоставляют ему свободу собственности, не освобождают его от грязной погони за наживой, а только предоставляют ему свободу промысла.

Ему было показано, что признание прав человека современным государством имеет такой же смысл, как признание рабства античным государством. А именно, подобно тому как античное государство имело своей естественной основой рабство, точно так же современное государство имеет своей естественной основой гражданское общество, равно как и человека гражданского общества, т. е. независимого человека, связанного с другим человеком только узами частного интереса и бессознательной естественной

необходимости, раба своего промысла и своей собственной, а равно и чужой своекорыстной потребности. Современное государство признало эту свою естественную основу как таковую во всеобщих правах человека. Оно не создало ее. Будучи продуктом гражданского общества, в силу собственного своего развития, вынужденного вырваться из старых политических оков, современное государство, со своей стороны, признало путем провозглашения прав человека свое собственное материнское лоно и свою собственную основу. Политическая эмансипация евреев и предоставление им прав человека – это, стало быть, такой акт, в котором обе стороны взаимно обуславливают друг друга. Г-н Рассер правильно толкует смысл стремления евреев добиться признания свободной человечности, когда он говорит, между прочим, о свободе хождения, жительства, передвижения, промысла и т. п. Все эти проявления «свободной человечности» весьма определенно признаны таковыми во французской Декларации прав человека. Еврей имеет тем большее право на признание своей «свободной человечности», что «свободное гражданское общество» носит насквозь коммерческий, еврейский характер и еврей наперед уже является его необходимым членом. Далее, в «Deutsch-Französische Jahrbucher» было показано, почему член гражданского общества именуется «человеком» *par excellence*: и почему права человека называются «прирожденными правами».

«Критика» не сумела сказать о правах человека ничего более критического, чем-то, что права эти не прирождены, а возникли историческим путем, что было сказано уже Гегелем. Наконец, ее утверждению, что евреи и христиане – для того чтобы предоставить другим и получить самим всеобщие права человека – должны пожертвовать привилегией веры (критический теолог толкует все вещи с точки зрения своей единственной навязчивой идеи), был специально противопоставлен тот факт, фигурирующий во всех некритических декларациях прав человека, что право верить во что угодно, право отправлять культ любой религии весьма определенно признано как всеобщее право человека. Кроме того, «критика» должна была бы знать, что предлогом к разгрому партии Эбера послужило главным образом приписанное ей покушение

на права человека ввиду ее посягательства на свободу религии и что при позднейшем восстановлении свободы культа точно таким же образом ссылались на права человека.

«Что касается политической сущности, то критика проследила ее противоречия вплоть до того пункта, где противоречие между теорией и практикой вот уже 50 лет как было разработано наиболее основательным образом, – вплоть до французской представительной системы, в которой свобода теории опровергается практикой, а свобода практической жизни тщетно ищет своего выражения в теории.

После того как была вскрыта еще и основная иллюзия, необходимо было бы показать, что обнаруженное критикой противоречие в дебатах французской палаты, противоречие между свободной теорией и практическим значением привилегий, между законодательным освящением привилегий и таким публичноправовым состоянием, где эгоизм чистого индивидуума старается овладеть привилегированной замкнутостью, – что это противоречие есть всеобщее противоречие в этой области».

Противоречие, открытое критикой в дебатах французской палаты, было не чем иным, как противоречием конституционализма. Если бы критика поняла его как всеобщее противоречие, она поняла бы общее противоречие конституционализма. Если бы она пошла еще дальше, чем она «должна была бы», по ее мнению, пойти, а именно – если бы она дошла до мысли об упразднении этого всеобщего противоречия, то она пришла бы от конституционной монархии прямо к демократическому представительному государству, к завершенному современному государству. Будучи весьма далекой от того, чтобы критически проанализировать сущность политической эмансипации и раскрыть ее отношение к человеческой сущности, критика пришла бы только к факту политической эмансипации, к развитому современному государству, т. е. пришла бы только к тому пункту, где существование современного государства соответствует его сущности, где

поэтому могут быть наблюдаемы и охарактеризованы не только относительные, но и абсолютные, образующие его сущность, пороки.

Цитированное выше «критическое» место тем более ценно, чем более оно со всей очевидностью доказывает, что в тот самый момент, когда критика считает себя решительно возвысившейся над «политической сущностью», она, напротив, стоит гораздо ниже этой сущности, все еще продолжает искать в политической сущности разрешения своих противоречий и все еще упорствует в своем полном непонимании современного государственного принципа.

Критика противопоставляет «свободной теории» — «практическое значение привилегий» и «законодательному освящению привилегий» — «публичноправовое состояние».

Чтобы не истолковать ложно мнение критики, восстановим в памяти открытое ею противоречие в дебатах французской палаты, то самое противоречие, которое «должно было бы быть понято» как всеобщее противоречие. Речь шла, между прочим, о том, чтобы установить один день в неделю, в который дети должны быть освобождены от работы. В качестве такого дня было предложено воскресенье. Один депутат в ответ на это внес предложение опустить в законе упоминание о воскресном дне, рассматривая такое упоминание как неконституционное. Министр Мартен (дю Нор) увидел в этом предложении попытку провозгласить, что христианство прекратило свое существование. Г-н Кремье от имени французских евреев заявил, что евреи, из уважения к религии громадного большинства французов, ничего не имеют против упоминания о воскресном дне. Итак, согласно свободной теории евреи и христиане равны, согласно же этой практике христиане обладают привилегией по сравнению с евреями, ибо иначе каким образом могло христианское воскресенье найти себе место в законе, предназначенном для всех французов? И разве еврейская суббота не имела такого же права и т. д.? Или же бывает и так, что в практической французской жизни еврей на деле не страдает от христианских привилегий, но закон не осмеливается открыто признать это практическое равенство. Таковы все противоречия политической сущности,

приводимые г-ном Бауэром в «Еврейском вопросе», противоречия конституционализма, который вообще представляет собой противоречие между современным представительным государством и старым государством привилегий.

Г-н Бауэр делает весьма основательный промах, полагая, что пониманием и критикой этого противоречия, как «всеобщего» противоречия, он восходит от политической сущности к сущности человеческой. Такое понимание этого противоречия означало бы лишь восхождение от половинчатой политической эмансипации к полной политической эмансипации, от конституционной монархии к демократическому представительному государству.

Г-н Бауэр полагает, что, упраздняя привилегию, он упраздняет предмет привилегии. По поводу заявления г-на Мартена (дю Нора) он замечает:

«Нет вообще больше религии, раз нет никакой привилегированной религии. Отнимите у религии ее дух исключительности, – и религия перестанет существовать».

Промышленная деятельность не уничтожается уничтожением привилегий ремесел, цехов и корпораций; напротив, только после уничтожения этих привилегий начинает развиваться настоящая промышленность. Земельная собственность не уничтожается уничтожением привилегий землевладения; напротив, только после уничтожения привилегий земельной собственности начинается ее универсальное движение путем свободного парцеллирования и свободного отчуждения. Торговля не уничтожается уничтожением торговых привилегий; напротив, только в свободной торговле она получает свое истинное осуществление. Точно таким же образом и религия разворачивается во всей своей практической универсальности лишь там, где нет никакой привилегированной религии (вспомним о Североамериканских Штатах).

Основу современного «публичноправового состояния», основу современного развитого государства составляет не такое общество, где господствуют привилегии, как думает критика, а такое общество, где привилегии упразднены и уничтожены, развитое гражданское общество, в котором находят

себе свободный простор жизненные элементы, еще скованные политически при господстве привилегий. Никакая «привилегированная замкнутость» не противостоит здесь ни другой замкнутости, ни публичноправовому состоянию. Свободная промышленность и свободная торговля упраздняют привилегированную замкнутость, а тем самым и борьбу привилегированных замкнутостей между собой; наоборот, на место привилегий, которые отделяют людей от общественного целого, но в то же время сплачивают их в какую-нибудь меньшую по размерам исключительную корпорацию, — они ставят человека, освобожденного от привилегий и уже не связанного с другим человеком хотя бы видимостью общих уз, и порождают всеобщую борьбу человека против человека, индивидуума против индивидуума. Таким же точно образом и все гражданское общество есть эта война отделенных друг от друга уже только своей индивидуальностью индивидуумов друг против друга и всеобщее необузданное движение освобожденных от оков привилегий стихийных жизненных сил. Противоположность демократического представительного государства и гражданского общества есть завершение классической противоположности публичноправового союза и рабства. В современном мире каждый человек одновременно — член рабского строя и публичноправового союза. Именно рабство гражданского общества по своей видимости есть величайшая свобода, потому что оно кажется завершенной формой независимости индивидуума, который принимает необузданное, не связанное больше ни общими узами, ни человеком, движение своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религии и т. д., за свою собственную свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой его завершенное рабство и полную противоположность человечности. На место привилегии здесь стало право.

Итак, только здесь, где не существует никакого противоречия между свободной теорией и практическим значением привилегий, где, наоборот, «свободной теории» соответствует практическое уничтожение привилегий, свободная промышленность, свободная торговля и т. д., где публичноправовому

состоянию не противостоит никакая привилегированная замкнутость, где упразднено обнаруженное критикой противоречие, – только здесь имеется налицо завершенное современное государство. Здесь царит закон [...]

[...] В развитом современном государстве дело обстоит как раз наоборот. Государство провозглашает, что религия, как и прочие элементы гражданской жизни, начинает существовать в своем полном объеме лишь с того момента, когда оно объявляет их неполитическими и поэтому предоставляет их самим себе. Прекращению их политического бытия, как, например, прекращению политического бытия собственности путем уничтожения избирательного ценза, политическому упразднению религии путем упразднения государственной церкви, – именно этому провозглашению их политической смерти соответствует колоссальное развитие жизни этих элементов, которая отныне беспрепятственно подчиняется своим собственным законам и разворачивается во всю ширь.

Анархия есть закон гражданского общества, эмансипированного от расчленяющих общество привилегий, а анархия гражданского общества составляет основу современного публичноправового состояния, равно как публичноправовое состояние, со своей стороны, является гарантией этой анархии. Поскольку и в какой степени они противоположны друг другу, постольку и в той же степени они друг друга обуславливают [...].

ИММАНУИЛ КАНТ

Иммануил Кант (1724-1804), заложил основы проблем немецкой классической философии. В своей критической философии выступал против догматизма умозрительной метафизики и скептицизма. К условиям прогресса сообщества людей естественную конкуренцию и стремление к самоутверждению. История при этом есть поступательное движение к полному признанию свободы и ценности личности, к «вечному миру» и созданию всемирного федеративного государства.

ИДЕЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ВО ВСЕМИРНО-ГРАЖДАНСКОМ ПЛАНЕ (1784 Г.)

Какое бы понятие мы ни составили себе с метафизической точки зрения о свободе воли, необходимо, однако, признать, что проявления воли, человеческие поступки, подобно всякому другому явлению природы определяются общими законами природы. История, занимающаяся изучением этих проявлений, как бы глубоко ни были скрыты их причины, позволяет думать, что если бы она рассматривала действия свободы человеческой воли в совокупности, то могла бы открыть ее закономерный ход; и то, что представляется запутанным и не поддающимся правилу у отдельных людей, можно было бы признать по отношению ко всему роду человеческому как неизменно поступательное, хотя и медленное, развитие его первичных задатков. Так, браки, обуславливаемые ими рождения и смерти, на которые свободная воля человека имеет столь большое влияние, кажутся не подчиненными никакому правилу, на основании которого можно было бы наперед математически определить их число. Между тем ежегодные данные о них в больших странах показывают, что они также происходят согласно постоянным законам природы, как те столь изменчивые колебания погоды, которые в единичных случаях нельзя заранее определить, но которые в общем непрерывно и равномерно поддерживают произрастание злаков, течение рек и другие устройства природы. Отдельные люди и даже Целые народы мало думают о том, что когда они, каждый по своему разумению и часто в ущерб другим, преследуют свои собственные цели, то они незаметно для самих себя идут к неведомой им цели природы как за путеводной нитью и содействуют достижению этой цели, которой, даже если бы она стала им известна, они бы мало интересовались.

Так как люди в своих стремлениях действуют в общем не чисто инстинктивно, как животные, но и не как разумные граждане мира, по согласованному плану, то кажется, что и не может быть у них планомерной истории (так же как, скажем у пчел или бобров). Нельзя отделаться от некоторого неудовольствия, когда видишь их образ действий на великой мировой арене.

Тогда находишь, что при всей мнимой мудрости, кое-где обнаруживающейся в частностях, в конечном счете все в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению. И в конце концов не знаешь, какое себе составить понятие о нашем роде, столь убежденном в своих преимуществах. Для философа здесь остается один выход: поскольку нельзя предполагать у людей и в совокупности их поступков какую-нибудь разумную собственную цель, нужно попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел цель природы, на основании которой у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы. — Посмотрим, удастся ли нам найти путеводную нить для такой истории, и тогда предоставим природе произвести того человека, который был бы в состоянии ее написать. Ведь породила же она Кеплера, подчинившего неожиданным образом эксцентрические орбиты планет определенным законам, и Ньютона, объяснившего эти законы общей естественной причиной.

Положение первое

Все природные задатки живого существа предназначены для совершенного и целесообразного развития. Это подтверждают внешнее наблюдение над всеми животными и изучение их анатомии. Орган, не имеющий применения, устройство, не достигающее своей цели, представляют собой противоречие в телеологическом учении о природе. В самом деле, если мы отказываемся от этих основоположений, то имеем не закономерную, а бесцельно действующую природу; и, как ни печально, вместо разума путеводной нитью становится случай.

Положение второе

Природные задатки человека (как единственного разумного существа на земле), направленные на применение его разума, развиваются полностью не в индивидуе, а в роде. Разум, которым наделено существо, — это способность расширять за пределы природного инстинкта правила и цели приложения всех его сил; замыслам его нет границ. Но сам разум не действует инстинктивно, а

нуждается в испытании, упражнении и обучении, дабы постепенно продвигаться от одной ступени проницательности к другой. Вот почему каждому человеку нужно непомерно долго жить, чтобы научиться наиболее полно использовать свои природные задатки; или если природа установила лишь краткий срок для его существования (как это и есть на самом деле), то ей нужен, быть может, необозримый ряд поколений, которые последовательно передавали бы друг другу свое просвещение, дабы наконец довести задатки в нашем роде до той степени развития, которая полностью соответствует ее цели. И этот момент должен быть, по крайней мере в мыслях человека, целью его стремлений, иначе природные задатки следовало бы рассматривать большей частью как бесполезные и бесцельные; а это свело бы на нет все практические принципы и позволило бы заподозрить природу, мудрость которой должна служить правилом при рассмотрении всех прочих установлений, в том, что только с человеком она сыграла глупую шутку.

Положение третье

Природа хотела, чтобы человек все то, что находится за пределами механического устройства его животного существования, всецело произвел из себя и заслужил только то счастье или совершенство, которое он сам создает свободно от инстинкта, своим собственным разумом. Природа не делает ничего лишнего и не расточительна в применении средств для своих целей. Так как она дала человеку разум и основывающуюся на нем свободную волю, то уже это было ясным свидетельством ее намерения наделить его [способностями]. Она не хотела, чтобы он руководствовался инстинктом или был обеспечен прирожденными знаниями и обучен им, она хотела, чтобы он все произвел из себя. Изыскание средств питания, одежды и крова, обеспечение внешней безопасности и защиты (для чего она дала ему не рога быка, не когти льва и не зубы собаки, а только руки), все развлечения, могущие сделать жизнь приятной, даже его проницательность и ум, даже доброта его воли, — все это должно быть исключительно делом его рук. Природа, кажется, здесь сама находит удовольствие в величайшей бережливости, и она так скупой наделила людей

животными качествами, так строго нацелила уже первоначальное существование их на высшую потребность, как если бы она хотела, чтобы человек, когда он от величайшей грубости возвысится до величайшей искусности, до внутреннего совершенства образа мыслей (поскольку это возможно на земле) и благодаря этому достигнет счастья, — чтобы только он воспользовался плодами своих трудов и был обязан ими только самому себе. Похоже на то, что она рассчитывала больше на его разумную самооценку, чем на его внешнее благополучие. Ведь на этом пути человека ждут неисчислимы трудности. Кажется, однако, что природа беспокоилась вовсе не о том, чтобы человек жил хорошо, а о том, чтобы он сам достиг такого положения, когда благодаря своему поведению он станет достойным жизни и благополучия. При этом всегда удивляет то что старшие поколения трудятся в поте лица как будто исключительно ради будущих поколений, а именно для того чтобы подготовить им ступень, на которой можно было бы выше возводить здание, предначертанное природой, и чтобы только позднейшие поколения имели счастье жить в этом здании, для построения которого работал длинный ряд предшественников (хотя, исключительно, не преднамеренно), лишенных возможности пользоваться подготовленным ими счастьем. Но каким бы загадочным ни казался такой порядок, он необходим, если раз навсегда признать, что одаренные разумом животные, которые, как класс разумных существ, все смертны, но род которых бессмертен, должны достигнуть полного развития своих задатков.

Положение четвертое

Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, — это антагонизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка. Под антагонизмом я разумею здесь недоброжелательную общительность людей, т. е. их склонность вступать в общение, связанную, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением. Задатки этого явно заложены в человеческой природе. Человек имеет склонность общаться с себе подобными, ибо в таком состоянии он больше чувствует себя

человеком, т. е. чувствует развитие своих природных задатков. Но ему также присуще сильное стремление уединяться (изолироваться), ибо он в то же время находит в себе необщительное свойство — желание все сообразовать только со своим разумением — и поэтому ожидает отовсюду сопротивление, так как он по себе знает, что сам склонен сопротивляться другим. Именно это сопротивление пробуждает все силы человека, заставляет его преодолевать природную лень, и, побуждаемый честолюбием, властолюбием или корыстолюбием, он создает себе положение среди своих ближних, которых он, правда, не может терпеть, но без которых он не может и обойтись. Здесь начинаются первые истинные шаги от грубости к культуре, которая, собственно, состоит в общественной ценности человека. Здесь постепенно развиваются все таланты, формируется вкус и благодаря успехам просвещения кладется начало для утверждения образа мыслей, способного со временем превратить грубые природные задатки нравственного различия в определенные практические принципы и тем самым патологически вынужденное согласие к жизни в обществе претворить в конце концов в моральное целое. Без этих самих по себе непривлекательных свойств необщительности, порождающих сопротивление, на которое каждый неизбежно должен натолкнуться в своих корыстолюбивых притязаниях, все таланты в условиях жизни аркадских пастухов, [т. е.] в условиях полного единодушия, умеренности и взаимной любви, навсегда остались бы скрытыми в зародыше; люди, столь же кроткие, как овцы, которых они пасут, вряд ли сделали бы свое существование более достойным, чем существование домашних животных; они не заполнили бы пустоту творения в отношении цели его как разумного естества. Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества остались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо, и она хочет раздора. Он желает жить беспечно и весело, а природа желает, чтобы он вышел из состояния нерадивости и бездеятельного довольства и окунулся с головой в работу и испытал трудности, чтобы найти средства

разумного избавления от этих трудностей. Таким образом, естественные побудительные причины, источники необщительности и всеобщего сопротивления, вызывающие столько бедствий, но и беспрестанно побуждающие человека к новому напряжению сил и, стало быть, к большему развитию природных задатков, прекрасно обнаруживают устройство, созданное мудрым творцом; и здесь вовсе ни при чем злой дух, который будто бы вмешивается в великолепное устройство, созданное творцом, или из зависти портит его.

Положение пятое

Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, — достижение всеобщего правового гражданского общества. Только в обществе, и именно в таком, в котором членам его предоставляется величайшая свобода, а стало быть существует полный антагонизм и тем не менее самое точное определение и обеспечение свободы ради совместимости ее со свободой других, — только в таком обществе может быть достигнута высшая цель природы: развитие всех ее задатков, заложенных в человечестве; при этом природа желает, чтобы эту цель, как и все другие предначертанные ему цели, оно само осуществило. Вот почему такое общество, в котором максимальная свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым принуждением, т.е. совершенно справедливое гражданское устройство, должно быть высшей задачей природы для человеческого рода, ибо только посредством разрешения и исполнения этой задачи природа может достигнуть остальных своих целей в отношении нашего рода. Вступать в это состояние принуждения заставляет людей, вообще-то расположенных к полной свободе, беда, и именно величайшая из бед — та, которую причиняют друг другу сами люди, чьи склонности приводят к тому, что при необузданной свободе они не могут долго ужиться друг с другом. Однако в таком ограниченном пространстве, как гражданский союз, эти же человеческие склонности производят впоследствии самое лучшее действие подобно деревьям в лесу, которые именно потому, что каждое из них старается отнять у другого воздух и

солнце, заставляют друг друга искать этих благ все выше и благодаря этому растут красивыми и прямыми; между тем как деревья, растущие на свободе, обособленно друг от друга, выпускают свои ветви как попало и растут уродливыми, корявыми и кривыми. Вся культура и искусство, украшающие человечество, самое лучшее общественное устройство — все это плоды необщительности, которая в силу собственной природы сама заставляет дисциплинировать себя и тем самым посредством вынужденного искусства полностью развить природные задатки.

Положение шестое

Эта проблема самая трудная и позднее всех решается человеческим родом. Трудность, которую ясно показывает уже сама идея этой задачи, состоит в следующем: человек есть животное, которое, живя среди других членов своего рода, нуждается в господине. Дело в том, что он обязательно злоупотребляет своей свободой в отношении своих ближних; и хотя он, как разумное существо, желает иметь закон, который определил бы границы свободы для всех, но его корыстолюбивая животная склонность побуждает его, где это ему нужно, делать для самого себя исключение. Следовательно, он нуждается в господине, который сломил бы его собственную волю и заставил его подчиняться общепризнанной воле, при которой каждый может пользоваться свободой. Где же он может найти такого господина? Только в человеческом роде. Но этот господин также есть животное, нуждающееся в господине. Поэтому, как ни поступит человек в данном случае: предоставит ли он верховную власть одному или сообществу многих избранных для этой цели лиц, нельзя понять, как он создаст себе главу публичной справедливости, который сам был бы справедлив. Ведь каждый облеченный властью всегда будет злоупотреблять своей свободой, когда над ним нет никого, кто распоряжался бы им в соответствии с законами. Верховный глава сам должен быть справедливым и в то же время человеком. Вот почему эта задача самая трудная из всех; более того, полностью решить ее невозможно; из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого. Только приближение к этой идее вверила нам природа¹. Что эта

проблема решается позднее всех, следует еще из того, что для этого требуются правильное понятие о природе возможного [государственного] устройства, большой, в течение многих веков приобретенный опыт и, сверх того, добрая воля, готовая принять такое устройство. А сочетание этих трех элементов — дело чрезвычайно трудное, и если оно будет иметь место, то лишь очень поздно, после многих тщетных попыток. (...)

Положение девятое

Попытка философов разработать всемирную историю согласно плану природы, направленному на совершенное гражданское объединение человеческого рода, должна рассматриваться как возможная и даже как содействующая этой цели природы. Правда, писать историю, исходя из идеи о том, каким должен быть обычный ход вещей, если бы он совершался сообразно некоторым разумным целям, представляется странным и нелепым намерением; кажется, что с такой целью можно создать только роман. Если, однако, мы вправе допустить, что природа даже в проявлениях человеческой свободы действует не без плана и конечной цели, то эта идея могла бы стать весьма полезной; и хотя мы теперь слишком близоруки для того, чтобы проникнуть взором в тайный механизм ее устройства, но, руководствуясь этой идеей, мы могли бы беспорядочный агрегат человеческих поступков, по крайней мере в целом, представить, как систему. В самом деле, если начать с греческой истории как той, благодаря которой для нас сохранилась всякая другая, более древняя либо современная ей или по крайней мере засвидетельствована; если проследить влияние греков на создание и разложение Римской империи, поглотившей греческое государство, и влияние римлян на варваров, в свою очередь разрушивших Римскую империю, и так далее вплоть до нашего времени, причем, однако, государственную историю других народов, поскольку сведения о них постепенно дошли до нас именно через эти просвещенные нации, присовокупить как эпизод, — то в нашей части света (которая, вероятно, со временем станет законодательницей для всех других) будет открыт закономерный ход улучшения государственного устройства. Далее, если только повсеместно обращать

внимание на гражданское устройство, на его законы и на внешние политические отношения, поскольку они благодаря тому доброму, что содержалось в них, в течение долгого времени способствовали возвышению и прославлению народов (и вместе с ними также наук и искусств), в то время как то порочное, что было им присуще, приводило эти народы к упадку, однако так, что всегда оставался зародыш просвещения, который, развиваясь все больше после каждого переворота, подготовлял более высокую ступень совершенствования, — то, я полагаю, будет найдена путеводная нить, способная послужить не только для объяснения столь запутанного клубка человеческих дел или для искусства политического предсказания будущих государственных изменений (польза, которую уже когда-то извлекли из истории человечества, когда ее рассматривали как бессвязное действие произвольной свободы!), но и для открытия утешительных перспектив на будущее (надеяться на что, не предполагая плана природы, нет основания): когда-нибудь, не очень скоро, человеческий род достигнет наконец того состояния, когда все его природные задатки смогут полностью развиться и его назначение на земле будет исполнено. Такое оправдание природы или, вернее, провидения — немаловажная побудительная причина для выбора особой точки зрения на мир. В самом деле, что толку прославлять великолепие и мудрость творения в лишенном разума царстве природы и рекомендовать их рассмотрению, когда часть великой арены, на которой проявляется высшая мудрость и которая составляет цель всего творения, — история человеческого рода — должна оставаться постоянным возражением против этого. Зрелище ее заставляет нас с негодованием отворачиваться от нее и, поскольку мы отчаиваемся когда-нибудь найти здесь совершенно разумную цель, приводит нас к мысли, что на нее можно надеяться только в загробном мире.

Предположение, что этой идеей мировой истории, имеющей некоторым образом априорную путеводную нить, я хотел заменить разработку чисто эмпирически составляемой истории в собственном смысле слова, было бы неверным истолкованием моего намерения. Это только мысль о том, что

философский ум (который, впрочем, должен быть весьма сведущ в истории) мог бы еще попытаться сделать, стоя на другой точке зрения. Кроме того, похвальная в общем обстоятельность, с которой пишут теперь современную историю, все же должна естественно навести каждого на размышления о том, как наши отдаленные потомки через несколько веков разберутся в громоздком историческом материале, который мы им оставим. Без сомнения, в истории древнейшего времени, свидетельства о котором давно сотрутся в их памяти, они будут ценить только то, что представит для них непосредственный интерес, а именно чего достигли или что загубили народы и правительства во всемирно-гражданском плане. Возможность же обратить на это внимание, а также направить честолюбие глав государств и их подчиненных на единственное средство, способное оставить о них славную память, может еще, кроме того, послужить небольшим толчком к попытке создать такую философскую историю.

Источник: Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения в 6-ти т. Т. 6. – М., 1966. – С. 423–435.

ГУГО ГРОЦИЙ

О ПРАВЕ ВОЙНЫ И МИРА

(ИЗВЛЕЧЕНИЕ)

Право большинства в любого рода обществах

XVII. Кроме этого, наиболее естественного общения людей, существуют еще и другие союзы как частного, так и публичного порядка. Последние составляются народом или несколькими народами. Однако же все союзы имеют то общее, что в делах, ради которых учреждается союз, целое общество и большая его часть именем целого обязывают отдельных лиц, входящих в то или иное гражданское общество (Витториа, «О гражданской власти», 14). Всегда ведь предполагается, что воля вступающих в общество такова, чтобы

существовал какой-нибудь способ ведения дел; но явно же противоречит справедливости, чтобы большинство следовало меньшинству; поэтому естественно, оставив в стороне договоры и законы, определяющие порядок ведения дел, признать, что большинство имеет права целого. У Фукидида читаем (кн. V): «Преобладает то, что угодно большинству». У Аппиана сказано: «В народных собраниях, как и в судах, преобладает большинство». У Дионисия Галикарнасского говорится сходным образом: «Что угодно большинству, то и одерживает верх». У него же (кн. VII) утверждается: «Принятое большинством представляет собой решение целого». Аристотель заявляет («Политика», IV, 8; VI, 2): «Имеет силу мнение большинства». Квинт Курций пишет (кн. X): «То, что постановит большинство, составляет решение». Согласно Пруденцию:

В немногих, состоящих в меньшинстве,

Не зиждется ни родина, ни же совет.

И затем:

Бессилен голос меньшинства,

Пускай уступит большинству и замолчит.

У Ксенофонта говорится следующее: «Все ведется согласно тому мнению которое преобладает».

При равенстве голосов чье мнение преобладает?

XVIII. Если же различные мнения имеют за собой равное число голосов, то ничего не предпринимается, ибо для изменения существующего состояния нет достаточного побуждения. По этой же причине, если за и против подано одинаковое количество голосов, то обвиняемый считается оправданным⁴⁶. Это право оправдания греки в басне об Оресте называют подсчетом Минервы, соответствующий вопрос трактуется у Эсхила в трагедии «Фурии», у Еврипида в трагедиях «Орест» и «Электра». Согласно тому же правилу вещь сохраняется у владельца; этот способ разрешения споров неплохо рассмотрен автором «Проблем», приписываемых Аристотелю (разд. XXIX). В «Спорных вопросах» у Сенеки имеется следующее: «Один судья осуждает, другой оправдывает; между противоположными мнениями побеждает более умеренное». Также и в

диалектических рассуждениях заключение следует той посылке, которая наименее обременительна.

О разделении и соединении голосов.

XIX. Но тут обычно возникает вопрос об объединении и разделении мнений. На основании только естественного права, то есть если ни договор, ни закон не предписывают иного, в этом вопросе следует, как видно, различать между мнениями, которые различаются во всем, и теми, из которых одно мнение содержит часть другого, так что последние необходимо объединять в том, в чем они согласны, первые же не объединяются. Так, если одни осуждают на двадцать другие – на десять лет, то они объединяются на десяти против оправдания. А если одни приговаривают обвиняемого к смерти, а другие – к изгнанию, то их мнения нельзя объединить, потому что они различны; изгнание не включается в осуждение на смерть. Но и оправдание не может быть объединено с осуждением к ссылке, ибо если даже согласятся на том, чтобы не предавать смерти, то это, тем не менее, не есть то самое, что гласит суждение, отсюда возможен один последовательный вывод: тот, кто осуждает, не оправдывает. Поэтому правильно полагает Плиний («Письма к Аристону», VIII), что когда нечто подобное происходит в сенате, то это обозначает такое различие мнений, что они могут только расходиться; и имеет мало значения то обстоятельство, что сенаторы выступают против какого-либо предложения, вместе с тем не соглашаясь между собой на каком-нибудь другом предложении. Полибий сообщает о том, как претором Постумием был допущен обман при опросе мнений, когда он тех, кто требовал осудить пленных греков, и тех, кто предлагал лишь задержать их на время, объединил вместе против предлагавших освободить их («Извлечения о посольствах»).

В том же роде поставлен вопрос у Авла Геллия в книге-девятой и у Курия Фортунатиана в одном месте книги «О сравнении количеств», а также в «Спорных вопросах» у Квинтилиана-отца (CCCLXV), где встречаются такие слова: «В одном мнении ты явно различаешь многие. Это множество, которое вредит целому, ты уничтожишь разделением. Двое высказываются за изгнание и

двое за бесчестие – угодно ли тебе, чтобы я объединил тех, кто сами по себе расходятся?»).

Право отсутствующих идет на пользу правам присутствующих

XX. Следует добавить еще вот что: если кто-нибудь ввиду отсутствия или же иного препятствия не в состоянии воспользоваться своим правом, то их право дает преимущество присутствующим. Это Сенека исследует, а «Спорных вопросах» (кн. III): «Вообрази себя общим рабом нескольких господ, то будешь служить тому господину, который налицо».

Сословие равных, включая королей.

XXI. Естественный порядок рангов членов общества зависит от времени их вступления в общество. Так, между братьями соблюдается такой порядок, что первый по времени рождения главенствует над прочими и далее – один за другим по очереди, причем откидываются все прочие качества. «Братья, – по словам Аристотеля, – равны, поскольку они не различаются возрастом». Феодосии и Валент в постановлении о порядке рангов, который должен соблюдаться между консулами, предписывают: «Кто же в одном и том же достоинстве должен быть первым, если не тот, кто первый заслужил это достоинство» (*D de Albo scribendo. L.I.C. de Cons. 1. XII*). И тут древний обычай возобладавал также в обществе царей и народов, так что те, которые первые исповедали христианство, имели преимущество перед прочими на соборах по делам христианства.

В обществах, образуемых путем объединения имущества, голоса считаются соразмерно принадлежащим каждому паям.

XXII. Однако же нужно добавить следующее: всякий раз, когда общество имеет основание в имуществе, в котором все члены участвуют не в равной мере, например, если в наследстве или в каком-нибудь имении один имеет половину, другой – треть, третий – четверть, тогда не только следует сообразовать порядок с мерой их участия в имуществе, но и голоса членов следует оценивать тем же способом, то есть, так сказать, сообразно размерам их пая. Это столь же соответствует естественной справедливости, как и подтверждено римскими законами (*L. Malorem partem. D. de pactis. L. Si plures. D. Depositi. L. Cum bona.*

D. de rebus auct. lud poesid.). Так, Страбон сообщает (кн. XIII), что когда Ливия и три соседних города соединились как бы в одно целое, то они согласились, что прочие при голосовании будут иметь по одному голосу, а Ливия – два, ибо в общее достояние она внесла гораздо больше прочих. Он же сообщает (кн. XIV), что в Ливии было двадцать три города, из которых одни имели по три, другие – по два, третьи – по одному голосу при голосовании, и таким же образом между ними распределялись повинности. Но правильно замечает Аристотель, что это справедливо, «если общество учреждено ради объединения имущества» («Политика», кн. III, гл. IX).

Право государства в отношении подданных.

XXIII. Общение, которым многие отцы семейств объединяются в единый народ и государство, сообщает наибольшее право целому над частями; ибо это есть совершеннейшее общество; и нет ни одного внешнего человеческого действия, которое не было бы подчинено этому обществу само по себе или силой обстоятельств. И это есть то самое, что высказано Аристотелем: «Законы содержат предписания о всякого рода вещах» («Этика», кн. V, гл. 3).

Дозволено ли гражданам выходить из состава государства; пояснение этого с помощью различения понятий

XXIV. 1. Здесь обычно возникает вопрос, дозволено ли гражданам выходить из состава государства, не испросив на это разрешения. Нам известны народы, где это не дозволено, как, например, у москвитян. Мы не отрицаем, что на подобных условиях можно вступать в гражданское общество, и нравы могут получить силу договора. По римским законам, по крайней Мере по позднейшим, было дозволено менять свое место жительства, но тот, кто менял место жительства, тем не менее не освобождался от повинностей по отношению к прежнему городскому управлению (L. Filii. D. ad. Municipium). Однако те, для которых было издано такое постановление, оставались в пределах Римской империи, и это самое постановление преследовало особую цель, а именно – уплату налогов.

2. Но мы спрашиваем, чего же следует естественно ожидать, если нет никакой другой договоренности не в отношении какой-нибудь части государства, но в отношении всего государства или даже пределов единой империи. И в самом деле, что нельзя выходить из состава государства скопом⁵⁸, в достаточной мере следует из необходимости, заложенной в его цели, которая в области нравственной составляет право; ибо если такой выход дозволен, то гражданское общество не может существовать. Выход отдельных лиц представляет собой нечто иное, подобно тому, как одно дело черпать воду из реки, а иное дело отводить ее русло. «Возможность каждого избирать государство и быть членом любого государства не ограничена» – говорит Трифоний. Цицерон в речи «В защиту Бальба» одобряет то право, согласно которому «никто не обязан оставаться в государстве против воли», и называет «основой свободы возможность для каждого быть хозяином своего права, то есть по усмотрению удерживать или оставлять его» (*L. in bello. D. de capt. et postl.*). Однако же здесь надлежит соблюдать правило естественной справедливости, которому римляне следовали при прекращении существования частных обществ и согласно которому не дозволено то, что противоречит интересам всего общества. Ибо, как правильно заметил юрист Прокул, всегда следует соблюдать не то, что важно в частности для одного из участников общества, но то, что годится для всего общества. Но гражданскому обществу важно⁵⁹, чтобы отдельный гражданин не выходил из его состава, если в его лице сосредоточены большие долговые обязательства и если только такой гражданин не изъявит готовности уплатить свою часть, равным образом если с согласия населения начата война, в особенности если угрожает осада, и такой гражданин не выражает готовности представить взамен себя другого подходящего для защиты государства (*L. actione. Labeo. D. pro socio*).

3. Кроме указанных случаев, вполне вероятно, что народы дадут согласие на свободный выход граждан из государства, потому что они могут извлечь не меньшую пользу из такой свободы, чем другие страны.

О том, что государству не принадлежит право на изгнанников.

XXV. Государство не имеет никакого права на изгнанников. Гераклиды после изгнания их Эврисфеем из Аргоса так говорят у Еврипида устами своего покровителя Иолая:

За что же гонит нас теперь к микенянам,
Творящих то же, изгнанных из города?
Ведь мы теперь уж более не граждане!

В речи Исократы сын Алкивиада, упоминая о временах изгнания отца, говорит: «Когда наше государство не имело никаких отношений с ним». Объединение многих народов, самих по себе или через своего главу, есть союз, о природе и последствиях которого речь будет тогда, когда мы обратимся к обязательствам по договорам.

Право в отношении приемного сына в силу соглашения.

XXVI. Подчинение по взаимному соглашению бывает частное или публичное. Подчинение по взаимному соглашению I частном порядке может быть разнообразно, подобно тому, как различны бывают виды власти. Благороднейший вид составляет аррогация, согласно которой кто-либо входит в семью другого, чтобы подчиняться ей таким же образом, как взрослый сын подчиняется отцу. Отец же не может отдать своего сына другому так, чтобы отцовское право целиком перешло к последнему, и сам освободиться от отеческих обязанностей, ибо этого не допускает природа. Он может лишь предложить другому своего сына и отдать на прокормление как бы вместо себя.

Право в отношении рабов.

XXVII. 1. Недостойнейший вид подчинения есть тот, когда кто-нибудь поступает в полное рабство, как те люди у германцев, которые рисковали свободой, ставя ее напоследок во время игры в кости. «Побежденный поступает в добровольное рабство», – говорит Тацит («Об обычаях германцев»). Также у греков, по рассказу Диона Прусийского (в речи XV), «бесчисленное количество свободных поступают в рабство, дабы служить согласно условиям договора».

2. Рабство бывает полным, когда оно обязывает к пожизненному выполнению работ за пропитание и за удовлетворение прочих насущных потребностей; если такое состояние принимается в естественных границах, то в нем нет никакой чрезмерной горечи, ибо подобное пожизненное обязательство возмещается постоянным обеспечением пропитания, что не всегда имеет поденный рабочий. Поэтому нередко, по словам Эвбула, бывает, что:

Остаться пожелал у них и без вознаграждения,

Довольствуясь питанием.

То же самое у создателя комедий в другом месте:

Те беглецы, что чванились свободой,

В неволю прежнюю обратно возвращаются.

Так, в «Истории» стоик Посидоний сообщал, что прежде было немало таких, которые, сознавая свою беспомощность, добровольно поступали в рабство к другим, «чтобы хозяева обеспечивали их необходимым, сами же они обязывались взамен этого исполнять посильные работы». Приводят в связи с этим в пример мариандинян, которые по той же причине сделались рабами гераклеян.

В какой степени в этом праве подразумевается жизнь и смерть?

XXVIII. Право жизни и смерти в отношении рабов (я говорю о полной и внутренней справедливости) господам не принадлежит, ибо никто не имеет права умертвить другого человека, если только тот не совершил уголовного преступления. Но по законам некоторых народов господин, умертвивший раба по какой бы то ни было причине, остается безнаказанным. Также обстоит дело повсеместно с царями, которым принадлежит самая неограниченная власть. Этим сравнением до нас воспользовался Сенека («О благодеяниях», кн. III, гл. 18): «Если рабу достигнуть заслуженного положения препятствует нужда и смертный страх, то это же воспрепятствует и тому, кто имеет над собой царя или военачальника, потому что, хотя и при неодинаковых условиях, в отношении их дозволено одно и то же». Однако, вне всякого сомнения, раб может испытать обиду от господина, как правильно утверждает тот же Сенека («О

благодетелях», кн. III, гл. 22), но в таком случае безнаказанность действия господина называется правом в несобственном смысле. Подобное же право Солон и древние законы римлян предоставили родителям над детьми. Сопатр полагает: «Отцу как таковому дозволено убивать сыновей, конечно, если теми совершено преступление, ибо закон дозволил это потому, что считает отца непогрешимым судьей» (Секст Эмпирик, «Пирроновы вопросы», кн. III). Такое право существует у многих народов, прославившихся законами, по словам Диона в речи пятнадцатой.

Что вытекает из естественного права для тех, кто рождается от рабов.

XXIX. 1. Вопрос о тех, кто рождается от рабов, представляет более значительные трудности. По постановлениям римского права и права народов о пленных, как мы сказали в другом месте, потомство людей рабского состояния, как и животных, следует участи матери. Это, однако же, не вполне соответствует естественному праву, если отец может быть в достаточной мере опознан каким-нибудь образом. А так как у бессловесных животных отцы несут заботы о потомстве не в меньшей мере, чем матери, то тем самым доказывается, что потомство обоих является общим. Следовательно, если бы даже внутригосударственные законы об этом молчали, потомство следует участи отца, как и матери. Предположим в целях большей простоты, что оба родителя находятся в рабстве, и посмотрим, вытекает ли отсюда рабское состояние естественно для детей. Конечно, при отсутствии какого-либо иного способа воспитания родители могут свое потомство вовлечь только в рабство с собою, тем более что родителям дозволено продавать даже детей, рожденных в свободном состоянии.

2. Но так как это право имеет источник в необходимости, то вне ее у родителей нет права вручить кому-либо свое потомство. Поэтому в рассматриваемом случае право господ на потомство рабов возникает на том же основании, а именно — вследствие необходимости снабжения пищей и предметами первой необходимости, а так как дети рабов нуждаются в продолжительном пропитании, прежде чем их работа может стать полезной их

господину, и последующая работа соответствует пропитанию в свое время, то детям, происшедшим таким образом, нельзя избежать рабства иначе, как путем соответствующего возмещения стоимости их пропитания. Конечно, если жестокость господина бесчеловечна, то, хотя бы даже их рабы сами добровольно вступали в рабство, единственный возможный совет им – искать спасения в бегстве (Лессий, кн. V, гл. V, спорн. вопр. 5). Ибо то, что апостолы и древние правила предписывают им не покидать своих господ, есть общее повеление противоположное заблуждению тех, кто отвергал всякое подчинение, как частное, так и публичное, которое якобы несовместимо с христианской свободой (посл. I ап. Павла к коринфянам, VII, 21; к галатам, VI, 5; к колоссям, III, 22; к Титу, II, 9; посл. I ап. Петра, II, 16).

Различные виды рабства

XXX. Кроме полного рабства, о котором мы уже потолковали, существуют также виды неполной неволи на срок, на известных условиях или в известных целях (*C Si quis servum*, 17. q. 4). Таково состояние вольноотпущенников, подобное положению детей, кабальных, приписанных я земле крепостных, семилетнее рабство у евреев и иные его виды вплоть до отпускаемых в юбилейный год, пенестов у фессалийцев, так называемых крестьян «мертвой руки», наконец, наемных рабочих. Все подобного рода разряды устанавливаются законами или договорами. Неполное рабство, как известно, естественно свойственно также рожденным от одного родителя свободного и от другого несвободного состояния по причине, указанной нами выше.

Право, полученное по соглашению, в отношении народа, поступившего в подданство

XXXI. Государственное подданство есть такого рода подчинение, в силу которого народ отдает себя во власть какому-нибудь лицу, нескольким лицам или даже другому народу. Формулу такого подчинения Капуи мы привели в пример выше. С ней сходна следующая формула народа коллатинского: «Сдаете ли вы, народ коллатинский, ваш город, поля, воды, пограничные знаки, храмы,

орудия, все религиозные и светские учреждения во власть мне и римскому народу? Сдаем. А я принимаю». Намекая на это, Плавт говорит в «Амфитрионе»:

Они сдаются и сдают святыни, город и детей

Во власть и усмотрение всему народу финскому.

Персы называют это отдать воду и землю. Таково полное подданство; есть и другие, менее полные формы в зависимости от правового основания и пределов верховной власти, о степенях которой можно почерпнуть понятие из того, что нами было изложено выше, в кн. I, гл. III.

Право в отношении личности преступника

XXXII. Подчинение вследствие совершения преступления возникает также, помимо личного согласия, всякий раз, как кто-либо заслуживает утраты свободы и насильно приводится в состояние повиновения тем, кому принадлежит право приведения наказания в исполнение. А кому принадлежит это право приведения наказания в исполнение, мы видели выше. Таким образом, могут быть приведены не только отдельные граждане в состояние частного подчинения, как в Риме лица, укrywшиеся от отбывания воинской повинности, лица, давшие неправильные сведения о своей собственности цензорам, затем женщины, соединившиеся браком с чужим рабом, но и народы также могут быть приведены в публичное подчинение за совершение публичного преступления (Цицерон, «В защиту Цэяны»). Важно то, что государственное рабство само по себе вечно, ибо преемственная смена частей не препятствует единству народа. С другой стороны, уголовное рабство отдельных людей не распространяется за пределы их личностей, потому что кабала падает на личность. Однако же тот и другой виды рабства – как частное, так и публичное рабство – могут быть или полными или же неполными, соразмерно виновности и наложенному наказанию.

О рабстве частном и публичном, возникающем в силу права народов, устанавливаемого волей народов, будет речь ниже, когда мы дойдем до последствий войны.

Источник: Гроций Гуго О праве войны и мира. – URL: http://royallib.com/book/grotsiy_hugo/o_prave_voyni_i_mira.html

РАЗДЕЛ 8. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 2 ноября 1991 г. «О проекте Декларации прав и свобод человека и гражданина»

Съезд народных депутатов РСФСР постановляет:

Поручить Верховному Совету РСФСР рассмотреть представленный Президентом РСФСР проект Декларации прав и свобод человека и гражданина и принять по нему соответствующее решение.

Председатель Верховного Совета РСФСР

Р.И. Хасбулатов

Москва, Кремль

2 ноября 1991 г.

Постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-І «О Декларации прав и свобод человека и гражданина»

Рассмотрев представленный Президентом РСФСР проект Декларации прав и свобод человека и гражданина, Верховный Совет РСФСР постановляет:

1. Принять Декларацию прав и свобод человека и гражданина.
2. Комитету Верховного Совета РСФСР по законодательству, Комитету Верховного Совета РСФСР по правам человека, Комитету Верховного Совета РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью подготовить предложения по приведению законодательства РСФСР в соответствие с положениями настоящей Декларации и внести их на рассмотрение Верховного Совета РСФСР.
3. Президиуму Верховного Совета РСФСР:

включить намеченные к разработке законы в план законопроектных работ;
поручить соответствующим комиссиям палат и комитетам Верховного Совета РСФСР подготовку указанных законопроектов.

Председатель

Р.И. Хасбулатов

Верховного Совета РСФСР

Москва, Дом Советов РСФСР

22 ноября 1991 года

Декларация прав и свобод человека и гражданина
(принята постановлением ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-I)

Утверждая права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность общества и государства,

отмечая необходимость приведения законодательства РСФСР в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека,

Верховный Совет РСФСР принимает настоящую Декларацию.

Статья 1.

(1) Права и свободы человека принадлежат ему от рождения.

(2) Общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами РСФСР и непосредственно порождают права и обязанности граждан РСФСР.

Статья 2.

(1) Перечень прав и свобод, закрепленных настоящей Декларацией, не является исчерпывающим и не умаляет других прав и свобод человека и гражданина.

(2) Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, законных прав и интересов других людей в демократическом обществе.

Статья 3.

(1) Все равны перед законом и судом.

(2) Равенство прав и свобод гарантируется государством независимо от расы, национальности, языка, социального происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

(3) Мужчина и женщина имеют равные права и свободы.

(4) Лица, виновные в нарушении равноправия граждан, привлекаются к ответственности на основании закона.

Статья 4.

(1) Осуществление человеком своих прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц.

(2) Запрещается использование прав и свобод для насильственного изменения конституционного строя, разжигания расовой, национальной, классовой, религиозной ненависти, для пропаганды насилия и войны.

Статья 5.

(1) Каждый имеет право на приобретение и прекращение гражданства Российской Федерации в соответствии с законом РСФСР.

(2) Гражданин РСФСР не может быть лишен гражданства Российской Федерации или выслан за ее пределы.

(3) Гражданин РСФСР не может быть выдан другому государству иначе как на основании закона или международного договора РСФСР, или СССР.

(4) Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами.

Статья 6.

Лица, не являющиеся гражданами РСФСР и законно находящиеся на ее территории, пользуются правами и свободами, а также несут обязанности граждан РСФСР, за изъятиями, установленными Конституцией, законами и международными договорами РСФСР или СССР. Лицо не может быть лишено почетного гражданства либо предоставленного политического убежища на территории РСФСР без согласия Верховного Совета РСФСР.

Статья 7.

Каждый имеет право на жизнь. Никто не может быть произвольно лишен жизни. Государство стремится к полной отмене смертной казни. Смертная казнь впредь до ее отмены может применяться в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления только по приговору суда с участием присяжных.

Статья 8.

(1) Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

(2) Задержание может быть обжаловано в судебном порядке.

(3) Заключение под стражу и лишение свободы допускаются исключительно на основании судебного решения в порядке, предусмотренном законом.

(4) Никто не может быть подвергнут пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без его добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

Статья 9.

(1) Каждый имеет право на неприкосновенность его частной жизни, на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только в соответствии с законом на основании судебного решения.

(2) Каждый имеет право на уважение и защиту его чести и достоинства.

(3) Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются, за исключением случаев, указанных в законе.

Статья 10.

(1) Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища.

(2) Государство поощряет жилищное строительство, содействует реализации права на жилище.

(3) Жилье малоимущим гражданам предоставляется бесплатно или на льготных условиях из государственных и муниципальных жилищных фондов.

Статья 11.

(1) Жилище неприкосновенно. Никто не имеет права проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц.

(2) Обыск и иные действия, совершаемые с проникновением в жилище, допускаются на основании судебного решения. В случаях, не терпящих отлагательств, возможен иной, установленный законом порядок, предусматривающий обязательную последующую проверку судом законности этих действий.

Статья 12.

(1) Каждый имеет право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации.

(2) Гражданин РСФСР имеет право свободно выезжать за ее пределы и беспрепятственно возвращаться.

(3) Ограничение этих прав допускается только на основании закона.

Статья 13.

(1) Каждый имеет право на свободу мысли, слова, а также на беспрепятственное выражение своих мнений и убеждений. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений.

(2) Каждый имеет право искать, получать и свободно распространять информацию. Ограничения этого права могут устанавливаться законом только в

целях охраны личной, семейной, профессиональной, коммерческой и государственной тайны, а также нравственности. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, устанавливается законом.

Статья 14.

Каждому гарантируется свобода совести, вероисповедания, религиозной или атеистической деятельности. Каждый вправе свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выбирать, иметь и распространять религиозные либо атеистические убеждения и действовать в соответствии с ними при условии соблюдения закона.

Статья 15.

Каждый гражданин РСФСР, убеждениям которого противоречит несение военной службы, имеет право на ее замену выполнением альтернативных гражданских обязанностей в порядке, установленном законом.

Статья 16.

(1) Каждый вправе свободно определять свою национальную принадлежность. Никто не должен быть принужден к определению и указанию его национальной принадлежности.

(2) Каждый имеет право на пользование родным языком, включая обучение и воспитание на родном языке.

(3) Оскорбление национального достоинства человека преследуется по закону.

Статья 17.

Граждане РСФСР имеют право участвовать в управлении делами общества и государства как непосредственно, так и через своих представителей, свободно избираемых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании.

Статья 18.

Граждане РСФСР имеют равное право доступа к любым должностям в государственных органах в соответствии со своей профессиональной подготовкой и без какой-либо дискриминации. Требования, предъявляемые к

кандидату на должность государственного служащего, обуславливаются исключительно характером должностных обязанностей.

Статья 19.

Граждане РСФСР вправе собираться мирно и без оружия, проводить митинги, уличные шествия, демонстрации и пикетирование при условии предварительного уведомления властей.

Статья 20.

Граждане РСФСР имеют право на объединение. Ограничение этого права может быть установлено только решением суда на основании закона.

Статья 21.

Граждане РСФСР имеют право направлять личные и коллективные обращения в государственные органы и должностным лицам, которые в пределах своей компетенции обязаны рассмотреть эти обращения, принять по ним решения и дать мотивированный ответ в установленный законом срок.

Статья 22.

(1) Каждый имеет право быть собственником, то есть имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом и другими объектами собственности как индивидуально, так и совместно с другими лицами. Право наследования гарантируется законом.

(2) Каждый имеет право на предпринимательскую деятельность, не запрещенную законом.

Статья 23.

(1) Каждый имеет право на труд, который он свободно выбирает или на который свободно соглашается, а также право распоряжаться своими способностями к труду и выбирать профессию и род занятий.

(2) Каждый имеет право на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, на равное вознаграждение за равный труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного законом минимального размера.

(3) Каждый имеет право на защиту от безработицы.

(4) Принудительный труд запрещен.

Статья 24.

(1) Каждый работник имеет право на отдых.

(2) Работающим по найму гарантируются установленные законом продолжительность рабочего времени, еженедельные выходные дни, праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск, сокращенный рабочий день для ряда профессий и работ.

Статья 25.

(1) Каждый имеет право на квалифицированную медицинскую помощь в государственной системе здравоохранения. Государство принимает меры, направленные на развитие всех форм оказания медицинских услуг, включая бесплатное и платное медицинское обслуживание, а также медицинское страхование; поощряет деятельность, способствующую экологическому благополучию, укреплению здоровья каждого, развитию физической культуры и спорта.

(2) Соккрытие государственными должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу жизни и здоровью людей, преследуется по закону.

Статья 26.

(1) Каждый имеет право на социальное обеспечение по возрасту, в случае утраты трудоспособности, потери кормильца и в иных, установленных законом случаях.

(2) Пенсии, пособия и другие виды социальной помощи должны обеспечивать уровень жизни не ниже установленного законом прожиточного минимума.

(3) Государство развивает систему социального страхования и обеспечения.

(4) Поощряется создание общественных фондов социального обеспечения и благотворительность.

Статья 27.

(1) Каждый имеет право на образование.

(2) Гарантируется общедоступность и бесплатность образования в пределах государственного образовательного стандарта. Основное образование обязательно.

Статья 28.

Государство обеспечивает защиту материнства и младенчества, права детей, инвалидов, умственно отсталых лиц, а также граждан, отбывших наказание в местах лишения свободы и нуждающихся в социальной поддержке.

Статья 29.

(1) Свобода художественного, научного и технического творчества, исследований и преподавания, а также интеллектуальная собственность охраняются законом.

(2) Признается право каждого на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры.

Статья 30.

Каждый вправе защищать свои права, свободы и законные интересы всеми способами, не противоречащими закону.

Статья 31.

Государственные органы, учреждения и должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Статья 32.

Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и деяния должностных лиц, государственных органов и общественных организаций, повлекшие за собой нарушение закона или превышение полномочий, а также ущемляющие права граждан, могут быть обжалованы в суд.

Статья 33.

Права жертв преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает им доступ к правосудию и скорейшую компенсацию за причиненный ущерб.

Статья 34.

(1) Каждый обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором компетентного, независимого и беспристрастного суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

(2) Каждый осужденный за уголовное преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящей судебной инстанцией в порядке, установленном законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания.

(3) Никто не должен дважды нести уголовную или иную ответственность за одно и то же правонарушение.

(4) Признаются не имеющими юридической силы доказательства, полученные с нарушением закона.

Статья 35.

(1) Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность лица, обратной силы не имеет. Никто не может нести ответственность за действия, которые в момент их совершения не признавались правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон.

(2) Закон, предусматривающий наказание граждан или ограничение их прав, вступает в силу только после его опубликования в официальном порядке.

Статья 36.

Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга или близких родственников, круг которых определяется законом. Законом могут устанавливаться и иные случаи освобождения от обязанности давать показания.

Статья 37.

(1) Каждому гарантируется право на пользование квалифицированной юридической помощью. В случаях, предусмотренных законом, эта помощь оказывается бесплатно.

(2) Каждое задержанное, заключенное под стражу или обвиняемое в совершении преступления лицо имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Статья 38.

Каждый имеет право на возмещение государством всякого вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов и их должностных лиц при исполнении служебных обязанностей.

Статья 39.

Временное ограничение прав и свобод человека и гражданина допускается в случае введения чрезвычайного положения на основаниях и в пределах, устанавливаемых законом РСФСР.

Статья 40.

(1) Парламентский контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации возлагается на Парламентского уполномоченного по правам человека.

(2) Парламентский уполномоченный по правам человека назначается Верховным Советом РСФСР сроком на 5 лет, подотчетен ему и обладает той же неприкосновенностью, что и народный депутат РСФСР.

(3) Полномочия Парламентского уполномоченного по правам человека и порядок их осуществления устанавливаются законом.

Декларация прав и свобод человека

(принята Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. № 2393-I)

Высшая ценность нашего общества – свобода человека, его честь и достоинство. Каждому обеспечивается реализация его способности к труду и творческого потенциала, активное участие в общественной и государственной жизни. Никакие групповые, партийные или государственные интересы не могут быть поставлены выше интересов человека.

Руководствуясь общими принципами демократии, гуманизма, социальной справедливости и исходя из уроков собственной истории, Съезд народных депутатов СССР принимает настоящую Декларацию.

Статья 1. Каждый человек обладает естественными, неотъемлемыми, ненарушимыми правами и свободами. Они закрепляются в законах, которые должны соответствовать Всеобщей декларации прав человека. Международным пактам о правах человека, другим международным нормам и настоящей Декларации.

Все государственные органы обязаны обеспечивать и охранять права и свободы человека как высшие социальные ценности.

Осуществление прав гражданином не должно противоречить правам других людей.

Каждый человек несет конституционные обязанности, выполнение которых необходимо для нормального развития общества.

Статья 2. Положения Декларации имеют прямое действие и обязательны к исполнению всеми государственными органами, должностными лицами, общественными организациями, гражданами.

Все права и свободы, закрепленные в Декларации, подлежат судебной защите.

Статья 3. Все граждане равны перед законом и имеют равное право на защиту закона независимо от национального или социального происхождения,

языка, пола, политических и иных убеждений, религии, места жительства, имущественного положения или иных обстоятельств.

Никакие лица, социальные слои и группы населения не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону.

Статья 4. Каждому человеку обеспечивается право на пользование родным языком, обучение на родном языке, сохранение и развитие национальной культуры.

Прямое или косвенное ограничение прав либо установление преимуществ по расовым и национальным признакам не допускается.

Статья 5. Никто не может быть лишен гражданства или права на изменение гражданства.

Каждому гражданину, находящемуся за пределами своего государства, гарантируется правовая защита.

Статья 6. Каждый человек имеет право на свободу слова, на беспрепятственное выражение мнений и убеждений и распространение их в устной или письменной форме. Средства массовой информации свободны. Цензура не допускается.

Идеологическая, религиозная, культурная свобода гарантируется. Не должно существовать никакой государственной идеологии, вменяемой в обязанности граждан. Никто не может быть подвергнут преследованию за свои убеждения.

Статья 7. Свобода совести и религии гарантируется. В соответствии со своими убеждениями каждый имеет право свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, распространять религиозные или атеистические взгляды, заниматься религиозным или атеистическим воспитанием и образованием детей. Гарантируется свобода отправления религиозных обрядов.

Статья 8. Граждане имеют право собираться мирно и без оружия, осуществлять свою общественную активность в форме митингов, собраний,

уличных шествий и демонстраций в соответствии с законодательством Союза ССР и суверенных государств.

Статья 9. Граждане имеют право объединяться в политические партии, профессиональные союзы и другие общественные организации, участвовать в массовых движениях.

Права, свободы и достоинство лиц, составляющих оппозиционное меньшинство в политических партиях, общественных организациях, массовых движениях, а также в представительных органах власти, гарантируются законом.

Статья 10. Каждый человек в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой имеет право равного доступа к любым должностям в государственных органах, учреждениях и организациях.

Статья 11. Каждый гражданин имеет право свободно избирать и быть избранным в органы власти на основе всеобщего, равного избирательного права при тайном голосовании, непосредственно участвовать в решении государственных дел, в том числе путем референдума.

Статья 12. Каждый человек имеет право на получение полной и достоверной информации о положении дел во всех сферах государственной, экономической, общественной и международной жизни, а также по вопросам прав, законных интересов и обязанностей.

Опубликование законов и других нормативных актов является обязательным условием их применения.

Статья 13. Неотъемлемым правом каждого человека является право на жизнь. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

Государство защищает от незаконных посягательств на жизнь, здоровье, личную свободу и безопасность.

Статья 14. Каждый имеет право на охрану своей чести и репутации, защиту от любого произвольного вмешательства в сферу личной жизни.

Статья 15. Неприкосновенность личности гарантируется.

Никто не может быть подвергнут аресту или незаконному содержанию под стражей иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора. В

случае ареста или содержания под стражей гражданин имеет право на судебную проверку и обжалование этих действий.

Каждый человек, привлекаемый к ответственности за правонарушение, считается невиновным, пока его вина не будет установлена судом в рамках надлежащей правовой процедуры. Право на защиту гарантируется.

Статья 16. Каждый человек имеет право на справедливое и открытое разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом.

Статья 17. Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение их достоинства.

Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство наказанию.

Статья 18. Неприкосновенность жилища гарантируется. Никто не имеет права войти в жилище и проводить обыск или осмотр против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях и порядке, предусмотренных законом.

Статья 19. Тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений и использования других средств связи гарантируется.

Изъятия из этого правила допускаются лишь в случаях и порядке, предусмотренных законом.

Статья 20. Брак основывается на добровольном согласии и равноправии женщины и мужчины. Семья, материнство и детство находятся под защитой государства.

Статья 21. Каждый человек имеет право на свободное передвижение внутри страны, выбор местожительства и местопребывания. Ограничения этого права могут устанавливаться только законом.

Граждане имеют право покидать свою страну и возвращаться в нее, не могут быть высланы из страны.

Статья 22. Каждый имеет право судебного обжалования незаконных действий должностных лиц, государственных органов и общественных организаций, а также право на возмещение морального и материального ущерба.

Статья 23. Каждый человек имеет право на труд и его результаты, включая возможность распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду, право на свободный выбор работы и отказ от работы, на благоприятные условия труда, на гарантированный государством минимум оплаты труда и на защиту от безработицы. Каждый без какой-либо дискриминации имеет право на равное вознаграждение за равный труд.

Трудящиеся имеют право на защиту своих экономических и социальных интересов, на ведение коллективных переговоров, а также право на забастовку.

Принудительный труд запрещен законом.

Статья 24. Каждый человек имеет право на собственность, то есть право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, как индивидуально, так и совместно с другими лицами. Право наследования гарантируется законом. Неотчуждаемое право быть собственником является гарантией осуществления интересов и свобод личности.

Статья 25. Каждый человек имеет право на достаточный и достойный жизненный уровень, улучшение условий жизни, социальную защищенность. Гарантируется право на отдых, на социальное обеспечение в старости, в случае болезни и утраты трудоспособности, утраты кормильца, при рождении ребенка.

Статья 26. Каждый человек имеет право на образование. Начальное образование обязательно. Профессиональное, среднее специальное и высшее образование должно быть доступным для всех в соответствии со способностями каждого. Обучение в государственных учебных заведениях бесплатно.

Статья 27. Каждый человек имеет право на поддержку государства в получении и постоянном пользовании благоустроенным жилым помещением в домах государственного или общественного жилого фонда, в индивидуальном жилищном строительстве. Никто не может быть произвольно лишен жилища иначе как на основаниях, установленных законом.

Статья 28. Каждый человек имеет право на охрану здоровья, включая бесплатное пользование широкой сетью государственных учреждений здравоохранения.

Статья 29. Человек имеет право на благоприятную окружающую среду и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическими нарушениями.

Статья 30. Осуществление прав и свобод несовместимо с действиями, причиняющими ущерб государственной и общественной безопасности, общественному порядку, здоровью и нравственности населения, защите прав и свобод других лиц.

Статья 31. Право народов на самоопределение не должно входить в противоречие с правами и свободами человека, провозглашаемыми настоящей Декларацией.

Съезд народных депутатов СССР

Москва, Кремль

5 сентября 1991 г. № 2393-I

**Декларация о государственном суверенитете Российской Советской
Федеративной Социалистической Республики
от 12 июня 1990 г.**

Первый Съезд народных депутатов РСФСР,

- признавая историческую ответственность за судьбу России,
- свидетельствуя уважение к суверенным правам всех народов, входящих в Союз Советских Социалистических Республик,
- выражая волю народов РСФСР,

торжественно провозглашает государственный суверенитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на всей ее территории и заявляет о решимости создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР.

1. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика есть суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами.

2. Суверенитет РСФСР – естественное и необходимое условие существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции.

3. Носителем суверенитета и источником государственной власти в РСФСР является ее многонациональный народ. Народ осуществляет государственную власть непосредственно и через представительные органы на основе Конституции РСФСР.

4. Государственный суверенитет РСФСР провозглашается во имя высших целей – обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу – на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах.

5. Для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета РСФСР устанавливается:

полнота власти РСФСР при решении всех вопросов государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение Союза ССР;

верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории. Разногласия между Республикой и Союзом разрешаются в порядке, устанавливаемом Союзным договором;

исключительное право народа на владение, пользование и распоряжение национальным богатством России;

полномочное представительство РСФСР в других союзных республиках и зарубежных странах;

право Республики участвовать в осуществлении полномочий, переданных ею Союзу ССР.

6. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика объединяется с другими республиками в Союз на основе Договора. РСФСР признает и уважает суверенные права союзных республик и Союза ССР.

7. РСФСР сохраняет за собой право свободного выхода из СССР в порядке, устанавливаемом Союзным договором и основанным на нем законодательством.

8. Территория РСФСР не может быть изменена без волеизъявления народа, выраженного путем референдума.

9. Съезд народных депутатов РСФСР подтверждает необходимость существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как краев и областей РСФСР. Конкретные вопросы осуществления этих прав должны определяться законодательством РСФСР о национально-государственном и административно-территориальном устройстве Федерации.

10. Всем гражданам и лицам без гражданства, проживающим на территории РСФСР, гарантируются права и свободы, предусмотренные Конституцией РСФСР, Конституцией СССР и общепризнанными нормами международного права.

Представителям наций и народностей, проживающим в РСФСР за пределами своих национально-государственных образований или не имеющим их на территории РСФСР, обеспечиваются их законные политические, экономические, этнические и культурные права.

Граждане РСФСР за пределами Республики находятся под защитой и покровительством РСФСР.

11. На всей территории РСФСР устанавливается республиканское гражданство РСФСР. За каждым гражданином РСФСР сохраняется гражданство СССР.

12. РСФСР гарантирует всем гражданам, политическим партиям, общественным организациям, массовым движениям и религиозным

организациям, действующим в рамках Конституции РСФСР, равные правовые возможности участвовать в управлении государственными и общественными делами.

13. Разделение законодательной, исполнительной и судебной властей является важнейшим принципом функционирования РСФСР как правового государства.

14. РСФСР заявляет о своей приверженности общепризнанным принципам международного права и готовности жить со всеми странами и народами в мире и согласии, принимать все меры к недопущению конфронтации в международных, межреспубликанских и межнациональных отношениях, отстаивая при этом интересы народов России.

15. Настоящая Декларация является основой для разработки новой Конституции РСФСР, заключения Союзного договора и совершенствования республиканского законодательства.

Председатель Верховного Совета
РСФСР

Б.Н. Ельцин

Москва, Кремль, 12 июня 1990 года.

Закон РСФСР от 31 октября 1990 г. № 293-1

«Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР»

В целях защиты экономической основы суверенитета РСФСР, стабилизации и развития народного хозяйства РСФСР, руководствуясь Декларацией о государственном суверенитете РСФСР и признавая право республик, входящих в состав Союза ССР, на исключительное владение, пользование и распоряжение своим национальным богатством, Верховный Совет РСФСР постановляет:

Статья 1. Земля, ее недра (запасы алмазов, золота, платины, драгоценных и полудрагоценных камней, серебра, нефти, угля, газа, урана, редкоземельных цветных и черных металлов и иных полезных ископаемых), воздушное пространство, воды, леса, растительный и животный мир, другие природные и сырьевые ресурсы, расположенные на территории РСФСР, ресурсы континентального шельфа и морской экономической зоны РСФСР, а также образующиеся в реках РСФСР запасы анадромных видов рыб за пределами морской экономической зоны, художественные и культурные ценности являются национальным богатством народов РСФСР.

Порядок и условия владения, пользования и распоряжения указанными объектами регулируются законодательством РСФСР и республик, входящих в состав РСФСР.

Расположенные на территории РСФСР объекты государственной собственности, включая имущество государственных предприятий, учреждений, организаций союзного подчинения, их основные производственные и непроизводственные фонды или иные общесоюзные фонды, имущество, находящееся в управлении общесоюзных органов, являются собственностью РСФСР.

Государственное имущество (части 1 и 3 настоящей статьи) может передаваться в управление Союза ССР для выполнения функций, добровольно делегированных ему РСФСР.

Статья 2. Золотой запас, алмазный и валютный фонды СССР являются собственностью союзных республик.

РСФСР признает за другими союзными республиками право на принадлежащие им доли в алмазном, валютном фондах и золотом запасе СССР. Конкретный размер долей устанавливается на основе соглашения со всеми союзными республиками.

Порядок владения, пользования и распоряжения своей долей в указанных фондах устанавливается Российской Федерацией по согласованию с республиками и регионами, входящими в состав РСФСР.

Статья 3. РСФСР оставляет за собой право и признает право других союзных республик предъявить в установленный республиками срок претензии на конкретные объекты собственности, расположенные на территории другой союзной республики. Порядок рассмотрения претензий устанавливается соглашениями между республиками.

На основании межреспубликанских соглашений может устанавливаться общая (долевая или совместная) собственность РСФСР и других союзных республик.

Основные производственные и непроизводственные фонды, иное имущество и ресурсы государственных предприятий, учреждений, организаций и органов РСФСР, расположенных на территориях других союзных республик, являются собственностью РСФСР.

РСФСР гарантирует на своей территории охрану имущественных прав союзных республик, иностранных государств, их граждан и организаций.

Статья 4. Уполномочить Совет Министров РСФСР распоряжаться и управлять государственным (республиканским) имуществом. Разгосударствление и приватизация указанных объектов и средств с оставлением части в государственной или муниципальной собственности с передачей прав полного хозяйственного ведения предприятиям, учреждениям, организациям осуществляются в соответствии с законодательством РСФСР.

Преобразование расположенных на территории РСФСР государственных предприятий союзного подчинения в акционерные общества, перевод в иные формы собственности осуществляется исключительно на условиях и в порядке, предусмотренном законодательством РСФСР.

До принятия законов РСФСР о собственности, приватизации и заключения нового Союзного договора не подлежат исполнению на территории РСФСР любые акты органов государственной власти и управления СССР, связанные с изъятием материальных, финансовых, валютных и денежных ценностей, другого имущества, принадлежащего гражданам, трудовым коллективам, общественным

организациям и иным собственникам, за исключением случаев, установленных законодательством РСФСР.

Статья 5. Внешнеэкономические союзные, союзно-республиканские и межреспубликанские сделки в отношении находящихся на территории РСФСР ресурсов и фондов, указанных в ст. 1, 2 настоящего Закона, заключенные без согласия РСФСР, признаются недействительными.

Указанные соглашения и сделки вступают в силу в порядке, предусмотренном Законом РСФСР «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР».

РСФСР и республики, входящие в состав РСФСР, не несут обязательств по соглашениям и сделкам органов Союза ССР, заключенным в нарушение установленного данной статьей порядка.

Совету Министров РСФСР предоставляется исключительное право:

- определять порядок лицензирования и квотирования товаров и услуг, ввозимых или вывозимых с территории РСФСР;
- на определение таможенных пошлин по экспортно-импортным операциям участников внешнеэкономической деятельности, находящихся под юрисдикцией РСФСР;
- на регистрацию участников внешнеэкономической деятельности, имеющих юридические адреса на территории РСФСР;
- на аккредитацию иностранных фирм, банков и других организаций, имеющих свои офисы на территории РСФСР;
- на частотное присвоение на территории РСФСР в виде лицензирования.

Статья 6. РСФСР не несет обязательств по общесоюзным кредитам, а также соглашениям и сделкам в отношении указанных в статьях 1 и 2 ресурсов и фондов, заключенным без согласования с соответствующими органами РСФСР.

Статья 7. Решения органов Союза ССР, принимаемые без согласования с соответствующими органами РСФСР в отношении должностных лиц, предприятий, учреждений, организаций союзного и республиканского

подчинения, находящихся на территории РСФСР и осуществляющих деятельность в соответствии с настоящим Законом и иным законодательством РСФСР, признаются недействительными.

Первый заместитель Председателя
Верховного Совета РСФСР

Р.И. Хасбулатов

Москва, Дом Советов РСФСР

31 октября 1990 года

№ 293-1

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года
с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования

1 июля 2020 года

Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ГЛАВА 1.

ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

Статья 1

1. Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления.

2. Наименования Российская Федерация и Россия равнозначны.

Статья 2

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Статья 3

1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

4. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону.

Статья 4

1. Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию.

2. Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации.

3. Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории.

Статья 5

1. Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации.

2. Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство.

3. Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации.

4. Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны.

Статья 6

1. Гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения.

2. Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации.

3. Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его.

Статья 7

1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого

направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Статья 8

1. В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности.

2. В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

Статья 9

1. Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

2. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности.

Статья 10

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Статья 11

1. Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и

Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации.

2. Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти.

3. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий.

Статья 12

В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Статья 13

1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие.

2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность.

4. Общественные объединения равны перед законом.

5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Статья 14

1. Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Статья 15

1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

2. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

3. Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

4. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Статья 16

1. Положения настоящей главы Конституции составляют основы конституционного строя Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном настоящей Конституцией.

2. Никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации.

ГЛАВА 2.

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Статья 17

1. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

2. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

3. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Статья 18

Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Статья 19

1. Все равны перед законом и судом.

2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

3. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

Статья 20

1. Каждый имеет право на жизнь.

2. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Статья 21

1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.

2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

Статья 22

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Статья 23

1. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

2. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

Статья 24

1. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

2. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Статья 25

Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

Статья 26

1. Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности.

2. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Статья 27

1. Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства.

2. Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию.

Статья 28

Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Статья 29

1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова.

2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.

4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.

5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

Статья 30

1. Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется.

2. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем.

Статья 31

Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование.

Статья 32

1. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.

2. Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть

избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме.

3. Не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

4. Граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе.

5. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия.

Статья 33

Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Статья 34

1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

2. Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

Статья 35

1. Право частной собственности охраняется законом.

2. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами.

3. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

4. Право наследования гарантируется.

Статья 36

1. Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю.

2. Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц.

3. Условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона.

Статья 37

1. Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

2. Принудительный труд запрещен.

3. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы.

4. Признается право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку.

5. Каждый имеет право на отдых. Работающему по трудовому договору гарантируются установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск.

Статья 38

1. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства.

2. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей.

3. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях.

Статья 39

1. Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом.

2. Государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом.

3. Поощряются добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность.

Статья 40

1. Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища.

2. Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище.

3. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Статья 41

1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

2. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

3. Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом.

Статья 42

Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Статья 43

1. Каждый имеет право на образование.

2. Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

3. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии.

4. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.

5. Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования.

Статья 44

1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом.

2. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям.

3. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

Статья 45

1. Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется.

2. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Статья 46

1. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

2. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

3. Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Статья 47

1. Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

2. Обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Статья 48

1. Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

2. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Статья 49

1. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

2. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

3. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

Статья 50

1. Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление.

2. При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

3. Каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания.

Статья 51

1. Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.

2. Федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания.

Статья 52

Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Статья 53

Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Статья 54

1. Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

2. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон.

Статья 55

1. Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

2. В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина.

3. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Статья 56

1. В условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия.

2. Чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях может вводиться при наличии обстоятельств и в порядке, установленных федеральным конституционным законом.

3. Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46 - 54 Конституции Российской Федерации.

Статья 57

Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют.

Статья 58

Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам.

Статья 59

1. Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации.

2. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом.

3. Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой.

Статья 60

Гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет.

Статья 61

1. Гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству.

2. Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами.

Статья 62

1. Гражданин Российской Федерации может иметь гражданство

иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

2. Наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

3. Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

Статья 63

1. Российская Федерация предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права.

2. В Российской Федерации не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в Российской Федерации преступлением. Выдача лиц, обвиняемых в совершении преступления, а также передача осужденных для отбывания наказания в других государствах осуществляются на основе федерального закона или международного договора Российской Федерации.

Статья 64

Положения настоящей главы составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном настоящей Конституцией.

ГЛАВА 3.

ФЕДЕРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО

Статья 65

1. В составе Российской Федерации находятся субъекты Российской Федерации:

Республика Адыгея (Адыгея), Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия <1>, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия <2>, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Крым <3>, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия - Алания <4>, Республика Татарстан (Татарстан), Республика Тыва, Удмуртская Республика, Республика Хакасия, Чеченская Республика, Чувашская Республика - Чувашия <5>;

Алтайский край, Забайкальский край <6>, Камчатский край <7>, Краснодарский край, Красноярский край <8>, Пермский край <9>, Приморский край, Ставропольский край, Хабаровский край;

Амурская область, Архангельская область, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Волгоградская область, Вологодская область, Воронежская область, Ивановская область, Иркутская область <10>, Калининградская область, Калужская область, Кемеровская область - Кузбасс <11>, Кировская область, Костромская область, Курганская область, Курская область, Ленинградская область, Липецкая область, Магаданская область, Московская область, Мурманская область, Нижегородская область, Новгородская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Псковская область, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Сахалинская область, Свердловская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Ульяновская область, Челябинская область, Ярославская

область;

Москва, Санкт-Петербург, Севастополь <12> – города федерального значения;

Еврейская автономная область;

Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра <13>, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ.

2. Принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта осуществляются в порядке, установленном федеральным конституционным законом.

<1> Новое наименование Республики дано в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 января 1996 г. № 20 «О включении новых наименований субъектов Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 3, ст. 152).

<2> Новое наименование Республики дано в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 10 февраля 1996 г. № 173 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 7, ст. 676).

<3> Наименование нового субъекта Российской Федерации – Республика Крым – дано в соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, № 12, ст. 1201).

<4> Новое наименование Республики дано в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 января 1996 г. № 20 «О включении новых наименований субъектов Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 3, ст. 152).

<5> Новое наименование Республики дано в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2001 г. № 679 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 24, ст. 2421).

<6> Наименование нового субъекта Российской Федерации – Забайкальский край – дано в связи с его образованием с 1 марта 2008 г., а наименования прекративших существование с 1 марта 2008 г. в качестве субъектов Российской Федерации Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа исключены из части 1 статьи 65 Конституции Российской Федерации на основании Федерального конституционного закона от 21 июля 2007 г. № 5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, № 30, ст. 3745).

<7> Наименование нового субъекта Российской Федерации – Камчатский край – дано в связи с его образованием с 1 июля 2007 г., а наименования прекративших существование с 1 июля 2007 г. в качестве субъектов Российской Федерации Камчатской области и Корякского автономного округа исключены из части 1 статьи 65 Конституции Российской Федерации на основании Федерального конституционного закона от 12 июля 2006 г. № 2-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2006, № 29, ст. 3119).

<8> Наименование нового субъекта Российской Федерации – Красноярский край – дано в связи с его образованием с 1 января 2007 г., а наименования прекративших существование с 1 января 2007 г. в качестве субъектов Российской Федерации Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа исключены из части 1 статьи 65 Конституции Российской Федерации на основании Федерального

конституционного закона от 14 октября 2005 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2005, № 42, ст. 4212).

<9> Наименование нового субъекта Российской Федерации – Пермский край – дано в связи с его образованием с 1 декабря 2005 г., а наименования прекративших существование с 1 декабря 2005 г. в качестве субъектов Российской Федерации Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа исключены из части 1 статьи 65 Конституции Российской Федерации на основании Федерального конституционного закона от 25 марта 2004 г. № 1-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, № 13, ст. 1110).

<10> Наименование нового субъекта Российской Федерации – Иркутская область – дано в связи с его образованием с 1 января 2008 г., а наименование прекратившего существование с 1 января 2008 г. в качестве субъекта Российской Федерации Усть-Ордынского Бурятского автономного округа исключено из части 1 статьи 65 Конституции Российской Федерации на основании Федерального конституционного закона от 30 декабря 2006 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, № 1, ст. 1).

<11> Новое наименование области дано в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 27 марта 2019 г. № 130 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2019, № 13, ст. 1390).

<12> Наименование нового субъекта Российской Федерации – город

федерального значения Севастополь – дано в соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, № 12, ст. 1201).

<13> Новое наименование автономного округа дано в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25 июля 2003 г. № 841 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 30, ст. 3051).

Статья 66

1. Статус республики определяется Конституцией Российской Федерации и конституцией республики.

2. Статус края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа определяется Конституцией Российской Федерации и уставом края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа, принимаемым законодательным (представительным) органом соответствующего субъекта Российской Федерации.

3. По представлению законодательных и исполнительных органов автономной области, автономного округа может быть принят федеральный закон об автономной области, автономном округе.

4. Отношения автономных округов, входящих в состав края или области, могут регулироваться федеральным законом и договором между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области.

5. Статус субъекта Российской Федерации может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и субъекта Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом.

Статья 67

1. Территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. На территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории. Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом <*>.

2. Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права.

2.1. Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются <*>.

3. Границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия.

Статья 67.1 <*>

1. Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации.

2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство.

3. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается.

4. Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

Статья 68 <*>

1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации.

3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

4. Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством.

Статья 69 <*>

1. Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

2. Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия.

3. Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности.

Статья 70 <*>

1. Государственные флаг, герб и гимн Российской Федерации, их описание и порядок официального использования устанавливаются федеральным конституционным законом.

2. Столицей Российской Федерации является город Москва. Статус столицы устанавливается федеральным законом. Местом постоянного пребывания отдельных федеральных органов государственной власти может быть другой город, определенный федеральным конституционным законом.

Статья 71

В ведении Российской Федерации находятся:

а) принятие и изменение Конституции Российской Федерации и федеральных законов, контроль за их соблюдением;

б) федеративное устройство и территория Российской Федерации;

в) регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; гражданство в Российской Федерации; регулирование и защита прав национальных меньшинств;

г) организация публичной власти; установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности; формирование федеральных органов государственной власти <*>;

д) федеральная государственная собственность и управление ею;

е) установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, научно-технологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации; установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования, в том числе непрерывного

образования <*>;

ж) установление правовых основ единого рынка; финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики; федеральные экономические службы, включая федеральные банки;

з) федеральный бюджет; федеральные налоги и сборы; федеральные фонды регионального развития;

и) федеральные энергетические системы, ядерная энергетика, расщепляющиеся материалы; федеральные транспорт, пути сообщения, информация, информационные технологии и связь; космическая деятельность <*>;

к) внешняя политика и международные отношения Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации; вопросы войны и мира;

л) внешнеэкономические отношения Российской Федерации;

м) оборона и безопасность; оборонное производство; определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества; производство ядовитых веществ, наркотических средств и порядок их использования; обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных <*>;

н) определение статуса и защита государственной границы, территориального моря, воздушного пространства, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации;

о) судостроительство; прокуратура; уголовное и уголовно-исполнительное законодательство; амнистия и помилование; гражданское законодательство; процессуальное законодательство; правовое регулирование интеллектуальной собственности <14>;

п) федеральное коллизионное право;

р) метрологическая служба, стандарты, эталоны, метрическая система и исчисление времени; геодезия и картография; наименования географических объектов; метеорологическая служба; официальный статистический и бухгалтерский учет <*>;

с) государственные награды и почетные звания Российской Федерации;

т) федеральная государственная служба; установление ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, в том числе ограничений, связанных с наличием гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, а также ограничений, связанных с открытием и наличием счетов (вкладов), хранением наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации <*>.

<14> Редакция пункта «о» приведена в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», вступившим в силу со дня его официального опубликования 6 февраля 2014 г. (Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 2014, 6 февраля, № 0001201402060001).

Статья 72

1. В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся:

а) обеспечение соответствия конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции Российской Федерации и федеральным законам;

б) защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон;

в) вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами;

г) разграничение государственной собственности;

д) природопользование; сельское хозяйство; охрана окружающей среды и

обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры <*>;

е) общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики <*>;

ж) координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью; социальная защита, включая социальное обеспечение <*>;

ж. 1) защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях <*>;

з) осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий;

и) установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации;

к) административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды;

л) кадры судебных и правоохранительных органов; адвокатура, нотариат;

м) защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей;

н) установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления;

о) координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации.

2. Положения настоящей статьи в равной мере распространяются на республики, края, области, города федерального значения, автономную область, автономные округа.

Статья 73

Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти.

Статья 74

1. На территории Российской Федерации не допускается установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств.

2. Ограничения перемещения товаров и услуг могут вводиться в соответствии с федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

Статья 75 <*>

1. Денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются.

2. Защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти.

3. Система налогов, взимаемых в федеральный бюджет, и общие принципы налогообложения и сборов в Российской Федерации устанавливаются федеральным законом.

4. Государственные займы выпускаются в порядке, определяемом федеральным законом, и размещаются на добровольной основе.

5. Российская Федерация уважает труд граждан и обеспечивает защиту их прав. Государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по

Российской Федерации.

6. В Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом.

7. В Российской Федерации в соответствии с федеральным законом гарантируются обязательное социальное страхование, адресная социальная поддержка граждан и индексация социальных пособий и иных социальных выплат.

Статья 75.1 <*>

В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Статья 76

1. По предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации.

2. По предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации.

3. Федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам.

4. Вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации республики, края,

области, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов.

5. Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым в соответствии с частями первой и второй настоящей статьи. В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон.

6. В случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным в соответствии с частью четвертой настоящей статьи, действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации.

Статья 77

1. Система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом.

2. В пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации.

3. Высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) может быть гражданин Российской Федерации, достигший 30 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное

проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) <*>.

Статья 78

1. Федеральные органы исполнительной власти для осуществления своих полномочий могут создавать свои территориальные органы и назначать соответствующих должностных лиц.

2. Федеральные органы исполнительной власти по соглашению с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации могут передавать им осуществление части своих полномочий, если это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам.

3. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по соглашению с федеральными органами исполнительной власти могут передавать им осуществление части своих полномочий.

4. Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации обеспечивают в соответствии с Конституцией Российской Федерации осуществление полномочий федеральной государственной власти на всей территории Российской Федерации.

5. Руководителем федерального государственного органа может быть гражданин Российской Федерации, достигший 30 лет, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Руководителю

федерального государственного органа в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации <*>.

Статья 79 <*>

Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Статья 79.1 <*>

Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства.

ГЛАВА 4. ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья 80

1. Президент Российской Федерации является главой государства.
2. Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной

целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти <*>.

3. Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства.

4. Президент Российской Федерации как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях.

Статья 81 <*>

1. Президент Российской Федерации избирается сроком на шесть лет гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

2. Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 25 лет, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Требование к кандидату на должность Президента Российской Федерации об отсутствии у него гражданства иностранного государства не распространяется на граждан Российской Федерации, ранее имевших гражданство государства, которое было принято или часть которого была принята в Российскую Федерацию в соответствии с федеральным конституционным законом, и постоянно проживавших на территории принятого в Российскую Федерацию государства или территории принятой в Российскую Федерацию части государства. Президенту Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

Примечание.

О возможности участия в качестве кандидата на выборах Президента РФ лица, занимавшего и (или) занимающего должность Президента РФ на момент вступления в силу ч. 3 и 3.1 ст. 81 (в ред. Закона РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ), см. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

3. Одно и то же лицо не может занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков.

3.1. Положение части 3 статьи 81 Конституции Российской Федерации, ограничивающее число сроков, в течение которых одно и то же лицо может занимать должность Президента Российской Федерации, применяется к лицу, занимавшему и (или) занимающему должность Президента Российской Федерации, без учета числа сроков, в течение которых оно занимало и (или) занимает эту должность на момент вступления в силу поправки к Конституции Российской Федерации, вносящей соответствующее ограничение, и не исключает для него возможность занимать должность Президента Российской Федерации в течение сроков, допустимых указанным положением.

4. Порядок выборов Президента Российской Федерации определяется федеральным законом.

Статья 82

1. При вступлении в должность Президент Российской Федерации приносит народу следующую присягу:

«Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу».

2. Присяга приносится в торжественной обстановке в присутствии сенаторов Российской Федерации, депутатов Государственной Думы и судей Конституционного Суда Российской Федерации <*>.

Статья 83

Президент Российской Федерации:

а) назначает Председателя Правительства Российской Федерации, кандидатура которого утверждена Государственной Думой по представлению Президента Российской Федерации, и освобождает Председателя Правительства Российской Федерации от должности <*>;

б) осуществляет общее руководство Правительством Российской Федерации; вправе председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации <*>;

б.1) утверждает по предложению Председателя Правительства Российской Федерации структуру федеральных органов исполнительной власти, вносит в нее изменения; в структуре федеральных органов исполнительной власти определяет органы, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, и органы, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации. В случае если Председатель Правительства Российской Федерации освобожден Президентом Российской Федерации от должности, вновь назначенный Председатель Правительства Российской Федерации не представляет Президенту Российской Федерации предложения о структуре федеральных органов исполнительной власти <*>;

в) принимает решение об отставке Правительства Российской Федерации;

в.1) принимает отставку Председателя Правительства Российской Федерации, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров, а также руководителей федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации <*>;

г) представляет Государственной Думе кандидатуру для назначения на должность Председателя Центрального банка Российской Федерации; ставит перед Государственной Думой вопрос об освобождении от должности Председателя Центрального банка Российской Федерации;

д) назначает на должность заместителей Председателя Правительства

Российской Федерации и федеральных министров, кандидатуры которых утверждены Государственной Думой (за исключением федеральных министров, указанных в пункте «д. 1» настоящей статьи), и освобождает их от должности <*>;

д.1) назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности <*>;

е) представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации; назначает председателей, заместителей председателей и судей других федеральных судов <*>;

е.1) назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должности Генерального прокурора Российской Федерации, заместителей Генерального прокурора Российской Федерации, прокуроров субъектов Российской Федерации, прокуроров военных и других специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов Российской Федерации; назначает на должность и освобождает от должности иных прокуроров, для которых такой порядок назначения и освобождения от должности установлен федеральным законом <*>;

е.2) назначает и освобождает представителей Российской Федерации в Совете Федерации <15>;

е.3) вносит в Совет Федерации представление о прекращении в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя

Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий <*>;

е.4) представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Председателя Счетной палаты и половины от общего числа аудиторов Счетной палаты; представляет Государственной Думе кандидатуры для назначения на должность заместителя Председателя Счетной палаты и половины от общего числа аудиторов Счетной палаты <*>;

е.5) формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства; статус Государственного Совета Российской Федерации определяется федеральным законом <*>;

ж) формирует Совет Безопасности Российской Федерации в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внутренних и внешних угроз; возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации. Статус Совета Безопасности Российской Федерации определяется федеральным законом <*>;

з) утверждает военную доктрину Российской Федерации;

и) формирует Администрацию Президента Российской Федерации в целях обеспечения реализации своих полномочий <*>;

к) назначает и освобождает полномочных представителей Президента Российской Федерации;

л) назначает и освобождает высшее командование Вооруженных Сил Российской Федерации;

м) назначает и отзывает после консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат Федерального Собрания дипломатических представителей Российской Федерации в иностранных государствах и международных организациях.

<15> Статья 83 дополнена пунктом «е.2» в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», вступившим в силу со дня его официального опубликования 22 июля 2014 г. (Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 2014, 22 июля, № 0001201407220002).

Статья 84

Президент Российской Федерации:

а) назначает выборы Государственной Думы в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законом;

б) распускает Государственную Думу в случаях и порядке, предусмотренных Конституцией Российской Федерации;

в) назначает референдум в порядке, установленном федеральным конституционным законом;

г) вносит законопроекты в Государственную Думу;

д) подписывает и обнародует федеральные законы;

е) обращается к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства.

Статья 85

1. Президент Российской Федерации может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В случае недостижения согласованного решения он может передать разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда.

2. Президент Российской Федерации вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае противоречия этих актов Конституции Российской Федерации и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом.

Статья 86

Президент Российской Федерации:

- а) осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации;
- б) ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации;
- в) подписывает ратификационные грамоты;
- г) принимает верительные и отзывные грамоты аккредитуемых при нем дипломатических представителей.

Статья 87

1. Президент Российской Федерации является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации.

2. В случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии Президент Российской Федерации вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной

Думе.

3. Режим военного положения определяется федеральным конституционным законом.

Статья 88

Президент Российской Федерации при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом, вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе.

Статья 89

Президент Российской Федерации:

- а) решает вопросы гражданства Российской Федерации и предоставления политического убежища;
- б) награждает государственными наградами Российской Федерации, присваивает почетные звания Российской Федерации, высшие воинские и высшие специальные звания;
- в) осуществляет помилование.

Статья 90

- 1. Президент Российской Федерации издает указы и распоряжения.
- 2. Указы и распоряжения Президента Российской Федерации обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации.
- 3. Указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам.

Статья 91

Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью.

Статья 92

1. Президент Российской Федерации приступает к исполнению полномочий с момента принесения им присяги и прекращает их исполнение с истечением срока его пребывания в должности с момента принесения присяги вновь избранным Президентом Российской Федерации.

2. Президент Российской Федерации прекращает исполнение полномочий досрочно в случае его отставки, стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия или отрешения от должности. При этом выборы Президента Российской Федерации должны состояться не позднее трех месяцев с момента досрочного прекращения исполнения полномочий.

3. Во всех случаях, когда Президент Российской Федерации не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации. Исполняющий обязанности Президента Российской Федерации не имеет права распускать Государственную Думу, назначать референдум, а также вносить предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации.

Статья 92.1 <*>

1. Президент Российской Федерации, прекративший исполнение полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки или стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, обладает неприкосновенностью.

2. Иные гарантии Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки или стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, устанавливаются федеральным законом.

3. Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, может быть лишен неприкосновенности в порядке,

предусмотренном статьей 93 Конституции Российской Федерации.

Статья 93 <*>

1. Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности, а Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, лишен неприкосновенности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации, как действующего, так и прекратившего исполнение своих полномочий, признаков преступления и заключением Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения.

2. Решение Государственной Думы о выдвижении обвинения и решение Совета Федерации об отрешении Президента Российской Федерации от должности, о лишении неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, должны быть приняты двумя третями голосов от общего числа соответственно сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной Думы по инициативе не менее одной трети депутатов Государственной Думы и при наличии заключения специальной комиссии, образованной Государственной Думой.

3. Решение Совета Федерации об отрешении Президента Российской Федерации от должности, о лишении неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, должно быть принято не позднее чем в трехмесячный срок после выдвижения Государственной Думой обвинения против Президента Российской Федерации. Если в этот срок решение Совета Федерации не будет принято, обвинение против Президента Российской Федерации, Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, считается отклоненным.

ГЛАВА 5.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Статья 94

Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации – является представительным и законодательным органом Российской Федерации.

Статья 95 <*>

1. Федеральное Собрание состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы.

2. Совет Федерации состоит из сенаторов Российской Федерации.

В Совет Федерации входят:

а) по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти - на срок полномочий соответствующего органа;

б) Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности или досрочно в случае его отставки, – пожизненно. Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности или досрочно в случае его отставки, вправе отказаться от полномочий сенатора Российской Федерации;

в) не более 30 представителей Российской Федерации, назначаемых Президентом Российской Федерации, из которых не более семи могут быть назначены пожизненно.

3. Общее число сенаторов Российской Федерации определяется исходя из числа представителей от субъектов Российской Федерации, перечисленных в статье 65 Конституции Российской Федерации, и числа лиц, осуществляющих полномочия сенаторов Российской Федерации, указанных в пунктах "б" и "в" части 2 настоящей статьи.

4. Сенатором Российской Федерации может быть гражданин Российской Федерации, достигший 30 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации,

Федерации, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Сенаторам Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

5. Представителями Российской Федерации в Совете Федерации, осуществляющими полномочия сенаторов Российской Федерации пожизненно, могут быть назначены граждане, имеющие выдающиеся заслуги перед страной в сфере государственной и общественной деятельности.

6. Представители Российской Федерации в Совете Федерации, за исключением представителей Российской Федерации, осуществляющих полномочия сенаторов Российской Федерации пожизненно, назначаются сроком на шесть лет.

7. Государственная Дума состоит из 450 депутатов.

Статья 96

1. Государственная Дума избирается сроком на пять лет <16>.

2. Порядок формирования Совета Федерации и порядок выборов депутатов Государственной Думы устанавливаются федеральными законами.

<16> Редакция части 1 приведена в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы», вступившим в силу со дня его официального опубликования 31 декабря 2008 г. (Российская газета, 2008, 31 декабря). Применяется в отношении Государственной Думы, избранной после вступления в силу названного Закона.

Статья 97

1. Депутатом Государственной Думы может быть избран гражданин Российской Федерации, достигший 21 года и имеющий право участвовать в выборах, постоянно проживающий в Российской Федерации, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Депутатам Государственной Думы в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации <*>.

2. Одно и то же лицо не может одновременно являться сенатором Российской Федерации и депутатом Государственной Думы. Депутат Государственной Думы не может быть депутатом иных представительных органов государственной власти и органов местного самоуправления <*>.

3. Депутаты Государственной Думы работают на профессиональной постоянной основе. Депутаты Государственной Думы не могут находиться на государственной службе, заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности.

Статья 98

1. Сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной Думы обладают неприкосновенностью в течение всего срока их полномочий. Они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, а также подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей <*>.

2. Вопрос о лишении неприкосновенности решается по представлению Генерального прокурора Российской Федерации соответствующей палатой Федерального Собрания.

Статья 99

1. Федеральное Собрание является постоянно действующим органом.

2. Государственная Дума собирается на первое заседание на тридцатый день после избрания. Президент Российской Федерации может созвать заседание Государственной Думы ранее этого срока.

3. Первое заседание Государственной Думы открывает старейший по возрасту депутат.

4. С момента начала работы Государственной Думы нового созыва полномочия Государственной Думы прежнего созыва прекращаются.

Статья 100

1. Совет Федерации и Государственная Дума заседают раздельно.

2. Заседания Совета Федерации и Государственной Думы являются открытыми. В случаях, предусмотренных регламентом палаты, она вправе проводить закрытые заседания.

3. Палаты могут собираться совместно для заслушивания посланий Президента Российской Федерации <*>.

Статья 101

1. Совет Федерации избирает из своего состава Председателя Совета Федерации и его заместителей. Государственная Дума избирает из своего состава Председателя Государственной Думы и его заместителей.

2. Председатель Совета Федерации и его заместители, Председатель Государственной Думы и его заместители ведут заседания и ведают внутренним распорядком палаты.

3. Совет Федерации и Государственная Дума образуют комитеты и комиссии, проводят по вопросам своего ведения парламентские слушания.

4. Каждая из палат принимает свой регламент и решает вопросы внутреннего распорядка своей деятельности.

5. Для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета Совет Федерации и Государственная Дума образуют Счетную палату, состав и

порядок деятельности которой определяются федеральным законом.

Статья 102

1. К ведению Совета Федерации относятся:

а) утверждение изменения границ между субъектами Российской Федерации;

б) утверждение указа Президента Российской Федерации о введении военного положения;

в) утверждение указа Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения;

г) решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации;

д) назначение выборов Президента Российской Федерации;

е) отрешение Президента Российской Федерации от должности; лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий <*>;

ж) назначение на должность по представлению Президента Российской Федерации Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации <*>;

з) проведение консультаций по предложенным Президентом Российской Федерации кандидатурам на должность Генерального прокурора Российской Федерации, заместителей Генерального прокурора Российской Федерации, прокуроров субъектов Российской Федерации, прокуроров военных и других специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов Российской Федерации <*>;

и) назначение на должность и освобождение от должности Председателя Счетной палаты и половины от общего числа аудиторов Счетной палаты по

представлению Президента Российской Федерации <*>;

к) проведение консультаций по предложенным Президентом Российской Федерации кандидатурам на должность руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности <*>;

л) прекращение по представлению Президента Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий <*>;

м) заслушивание ежегодных докладов Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации <*>.

2. Совет Федерации принимает постановления по вопросам, отнесенным к его ведению Конституцией Российской Федерации.

3. Постановления Совета Федерации принимаются большинством голосов от общего числа сенаторов Российской Федерации, если иной порядок принятия решений не предусмотрен Конституцией Российской Федерации <*>.

Статья 103

1. К ведению Государственной Думы относятся:

а) утверждение по представлению Президента Российской Федерации

кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации <*>;

а.1) утверждение по представлению Председателя Правительства Российской Федерации кандидатур заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров, за исключением федеральных министров, указанных в пункте «д.1» статьи 83 Конституции Российской Федерации <*>;

б) решение вопроса о доверии Правительству Российской Федерации;

в) заслушивание ежегодных отчетов Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой <17>;

г) назначение на должность и освобождение от должности Председателя Центрального банка Российской Федерации;

г.1) заслушивание ежегодных отчетов Центрального банка Российской Федерации <*>;

д) назначение на должность и освобождение от должности заместителя Председателя Счетной палаты и половины от общего числа аудиторов Счетной палаты по представлению Президента Российской Федерации <*>;

е) назначение на должность и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека, действующего в соответствии с федеральным конституционным законом. Уполномоченным по правам человека может быть гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий в Российской Федерации, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Уполномоченному по правам человека в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации <*>;

ж) объявление амнистии;

з) выдвижение обвинения против Президента Российской Федерации в целях отрешения его от должности или против Президента Российской

Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, в целях лишения его неприкосновенности <*>.

2. Государственная Дума принимает постановления по вопросам, отнесенным к ее ведению Конституцией Российской Федерации.

3. Постановления Государственной Думы принимаются большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы, если иной порядок принятия решений не предусмотрен Конституцией Российской Федерации.

<17> Часть 1 дополнена новым пунктом «в», буквенные обозначения последующих пунктов изменены в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации», вступившим в силу со дня его официального опубликования 31 декабря 2008 г. (Российская газета, 2008, 31 декабря).

Статья 103.1 <*>

Совет Федерации, Государственная Дума вправе осуществлять парламентский контроль, в том числе направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц. Порядок осуществления парламентского контроля определяется федеральными законами и регламентами палат Федерального Собрания.

Статья 104

1. Право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, сенаторам Российской Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду

Российской Федерации по вопросам их ведения <*>.

2. Законопроекты вносятся в Государственную Думу.

3. Законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации.

Статья 105

1. Федеральные законы принимаются Государственной Думой.

2. Федеральные законы принимаются большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы, если иное не предусмотрено Конституцией Российской Федерации.

3. Принятые Государственной Думой федеральные законы в течение пяти дней передаются на рассмотрение Совета Федерации.

4. Федеральный закон считается одобренным Советом Федерации, если за него проголосовало более половины от общего числа членов этой палаты либо если в течение четырнадцати дней он не был рассмотрен Советом Федерации. В случае отклонения федерального закона Советом Федерации палаты могут создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий, после чего федеральный закон подлежит повторному рассмотрению Государственной Думой.

5. В случае несогласия Государственной Думы с решением Совета Федерации федеральный закон считается принятым, если при повторном голосовании за него проголосовало не менее двух третей от общего числа депутатов Государственной Думы.

Статья 106

Обязательному рассмотрению в Совете Федерации подлежат принятые Государственной Думой федеральные законы по вопросам:

а) федерального бюджета;

- б) федеральных налогов и сборов;
- в) финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования, денежной эмиссии;
- г) ратификации и денонсации международных договоров Российской Федерации;
- д) статуса и защиты государственной границы Российской Федерации;
- е) войны и мира.

Статья 107

1. Принятый федеральный закон в течение пяти дней направляется Президенту Российской Федерации для подписания и обнародования.

2. Президент Российской Федерации в течение четырнадцати дней подписывает федеральный закон и обнародует его.

3. Если Президент Российской Федерации в течение четырнадцати дней с момента поступления федерального закона отклонит его, то Государственная Дума и Совет Федерации в установленном Конституцией Российской Федерации порядке вновь рассматривают данный закон. Если при повторном рассмотрении федеральный закон будет одобрен в ранее принятой редакции большинством не менее двух третей голосов от общего числа сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной Думы, он подлежит подписанию Президентом Российской Федерации в течение семи дней и обнародованию. Если Президент Российской Федерации в течение указанного срока обратится в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности федерального закона, срок для подписания такого закона приостанавливается на время рассмотрения запроса Конституционным Судом Российской Федерации. Если Конституционный Суд Российской Федерации подтвердит конституционность федерального закона, Президент Российской Федерации подписывает его в трехдневный срок с момента вынесения Конституционным Судом Российской Федерации соответствующего решения. Если Конституционный Суд Российской Федерации не подтвердит конституционности федерального закона, Президент Российской Федерации

возвращает его в Государственную Думу без подписания <*>.

Статья 108

1. Федеральные конституционные законы принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией Российской Федерации.

2. Федеральный конституционный закон считается принятым, если он одобрен большинством не менее трех четвертей голосов от общего числа сенаторов Российской Федерации и не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. Принятый федеральный конституционный закон в течение четырнадцати дней подлежит подписанию Президентом Российской Федерации и обнародованию. Если Президент Российской Федерации в течение указанного срока обратится в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности федерального конституционного закона, срок для подписания такого закона приостанавливается на время рассмотрения запроса Конституционным Судом Российской Федерации. Если Конституционный Суд Российской Федерации подтвердит конституционность федерального конституционного закона, Президент Российской Федерации подписывает его в трехдневный срок с момента вынесения Конституционным Судом Российской Федерации соответствующего решения. Если Конституционный Суд Российской Федерации не подтвердит конституционности федерального конституционного закона, Президент Российской Федерации возвращает его в Государственную Думу без подписания <*>.

Статья 109

1. Государственная Дума может быть распущена Президентом Российской Федерации в случаях, предусмотренных статьями 111, 112 и 117 Конституции Российской Федерации <*>.

2. В случае роспуска Государственной Думы Президент Российской Федерации назначает дату выборов с тем, чтобы вновь избранная Государственная Дума собралась не позднее чем через четыре месяца с момента

ропуска.

3. Государственная Дума не может быть распущена по основаниям, предусмотренным статьей 117 Конституции Российской Федерации, в течение года после ее избрания.

4. Государственная Дума не может быть распущена с момента выдвижения ею обвинения против Президента Российской Федерации до принятия соответствующего решения Советом Федерации.

5. Государственная Дума не может быть распущена в период действия на всей территории Российской Федерации военного или чрезвычайного положения, а также в течение шести месяцев до окончания срока полномочий Президента Российской Федерации.

ГЛАВА 6.

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья 110

1. Исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации под общим руководством Президента Российской Федерации <*>.

2. Правительство Российской Федерации состоит из Председателя Правительства Российской Федерации, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров.

3. Правительство Российской Федерации руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, за исключением федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации <*>.

4. Председателем Правительства Российской Федерации, Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации, федеральным министром, иным руководителем федерального органа исполнительной власти может быть гражданин Российской Федерации, достигший 30 лет, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа,

подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Председателю Правительства Российской Федерации, заместителям Председателя Правительства Российской Федерации, федеральным министрам, иным руководителям федеральных органов исполнительной власти в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации <*>.

Статья 111

1. Председатель Правительства Российской Федерации назначается Президентом Российской Федерации после утверждения его кандидатуры Государственной Думой <*>.

2. Представление по кандидатуре Председателя Правительства Российской Федерации вносится в Государственную Думу Президентом Российской Федерации не позднее двухнедельного срока после вступления в должность вновь избранного Президента Российской Федерации или после отставки Правительства Российской Федерации либо в течение недели со дня отклонения кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой или освобождения Президентом Российской Федерации от должности либо отставки Председателя Правительства Российской Федерации <*>.

3. Государственная Дума рассматривает представленную Президентом Российской Федерации кандидатуру Председателя Правительства Российской Федерации в течение недели со дня внесения представления <*>.

4. После трехкратного отклонения представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой Президент Российской Федерации назначает Председателя Правительства Российской Федерации. В этом случае Президент Российской Федерации вправе распустить Государственную Думу и назначить новые выборы <*>.

Статья 112 <*>

1. Председатель Правительства Российской Федерации не позднее недельного срока после назначения представляет Президенту Российской Федерации предложения о структуре федеральных органов исполнительной власти, за исключением случая, когда предшествовавший Председатель Правительства Российской Федерации освобожден от должности Президентом Российской Федерации.

2. Председатель Правительства Российской Федерации представляет Государственной Думе на утверждение кандидатуры заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров (за исключением федеральных министров, указанных в пункте «д.1» статьи 83 Конституции Российской Федерации). Государственная Дума не позднее недельного срока принимает решение по представленным кандидатурам.

3. Заместители Председателя Правительства Российской Федерации и федеральные министры, кандидатуры которых утверждены Государственной Думой, назначаются на должность Президентом Российской Федерации. Президент Российской Федерации не вправе отказать в назначении на должность заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров, кандидатуры которых утверждены Государственной Думой.

4. После трехкратного отклонения Государственной Думой представленных в соответствии с частью 2 настоящей статьи кандидатур заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров Президент Российской Федерации вправе назначить заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров из числа кандидатур, представленных Председателем Правительства Российской Федерации. Если после трехкратного отклонения Государственной Думой представленных в соответствии с частью 2 настоящей статьи кандидатур более одной трети должностей членов Правительства Российской Федерации (за исключением должностей федеральных министров, указанных в пункте «д.1» статьи 83 Конституции Российской Федерации) остаются вакантными,

Президент Российской Федерации вправе распустить Государственную Думу и назначить новые выборы.

5. В случае, предусмотренном частью 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации, а также в случае роспуска Государственной Думы в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президент Российской Федерации назначает заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров (за исключением федеральных министров, указанных в пункте "д.1" статьи 83 Конституции Российской Федерации) по представлению Председателя Правительства Российской Федерации.

Статья 113 <*>

Председатель Правительства Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами, распоряжениями, поручениями Президента Российской Федерации организует работу Правительства Российской Федерации. Председатель Правительства Российской Федерации несет персональную ответственность перед Президентом Российской Федерации за осуществление возложенных на Правительство Российской Федерации полномочий.

Статья 114

1. Правительство Российской Федерации:

а) разрабатывает и представляет Государственной Думе федеральный бюджет и обеспечивает его исполнение; представляет Государственной Думе отчет об исполнении федерального бюджета; представляет Государственной Думе ежегодные отчеты о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой <18>;

б) обеспечивает проведение в Российской Федерации единой финансовой, кредитной и денежной политики;

в) обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки,

укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды <*>;

в.1) обеспечивает государственную поддержку научно-технологического развития Российской Федерации, сохранение и развитие ее научного потенциала <*>;

в.2) обеспечивает функционирование системы социальной защиты инвалидов, основанной на полном и равном осуществлении ими прав и свобод человека и гражданина, их социальную интеграцию без какой-либо дискриминации, создание доступной среды для инвалидов и улучшение качества их жизни <*>;

г) осуществляет управление федеральной собственностью;

д) осуществляет меры по обеспечению обороны страны, государственной безопасности, реализации внешней политики Российской Федерации;

е) осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью;

е.1) осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики <*>;

е.2) осуществляет меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности <*>;

е.3) содействует развитию предпринимательства и частной инициативы <*>;

е.4) обеспечивает реализацию принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений <*>;

е.5) осуществляет меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным <*>;

е.6) создает условия для развития системы экологического образования

граждан, воспитания экологической культуры <*>;

ж) осуществляет иные полномочия, возложенные на него Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами Президента Российской Федерации.

2. Порядок деятельности Правительства Российской Федерации определяется федеральным конституционным законом.

<18> Редакция пункта «а» части 1 приведена в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации», вступившим в силу со дня его официального опубликования 31 декабря 2008 г. (Российская газета, 2008, 31 декабря).

Статья 115

1. На основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов, распоряжений, поручений Президента Российской Федерации Правительство Российской Федерации издает постановления и распоряжения, обеспечивает их исполнение <*>.

2. Постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации обязательны к исполнению в Российской Федерации.

3. Постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента Российской Федерации могут быть отменены Президентом Российской Федерации <*>.

Статья 116

Перед вновь избранным Президентом Российской Федерации Правительство Российской Федерации слагает свои полномочия.

Статья 117

1. Правительство Российской Федерации может подать в отставку, которая принимается или отклоняется Президентом Российской Федерации.

2. Президент Российской Федерации может принять решение об отставке Правительства Российской Федерации.

3. Государственная Дума может выразить недоверие Правительству Российской Федерации. Постановление о недоверии Правительству Российской Федерации принимается большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. После выражения Государственной Думой недоверия Правительству Российской Федерации Президент Российской Федерации вправе объявить об отставке Правительства Российской Федерации либо не согласиться с решением Государственной Думы. В случае если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству Российской Федерации, Президент Российской Федерации объявляет об отставке Правительства Российской Федерации либо распускает Государственную Думу и назначает новые выборы <*>.

4. Председатель Правительства Российской Федерации вправе поставить перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству Российской Федерации, который подлежит рассмотрению в течение семи дней. Если Государственная Дума отказывает в доверии Правительству Российской Федерации, Президент Российской Федерации в течение семи дней вправе принять решение об отставке Правительства Российской Федерации или о роспуске Государственной Думы и назначении новых выборов. В случае если Правительство Российской Федерации в течение трех месяцев повторно поставит перед Государственной Думой вопрос о доверии, а Государственная Дума в доверии Правительству Российской Федерации откажет, Президент Российской Федерации принимает решение об отставке Правительства Российской Федерации или о роспуске Государственной Думы и назначении новых выборов <*>.

4.1. Председатель Правительства Российской Федерации, Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, федеральный министр

вправе подать в отставку, которая принимается или отклоняется Президентом Российской Федерации <*>.

5. В случае отставки или сложения полномочий Правительство Российской Федерации по поручению Президента Российской Федерации продолжает действовать до формирования нового Правительства Российской Федерации. В случае освобождения от должности Президентом Российской Федерации или отставки Председателя Правительства Российской Федерации, Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, федерального министра Президент Российской Федерации вправе поручить этому лицу продолжать исполнять обязанности по должности или возложить их исполнение на другое лицо до соответствующего назначения <*>.

6. Государственная Дума не может выразить недоверие Правительству Российской Федерации, а Председатель Правительства Российской Федерации не может ставить перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству Российской Федерации в случаях, предусмотренных частями 3–5 статьи 109 Конституции Российской Федерации, а также в течение года после назначения Председателя Правительства Российской Федерации в соответствии с частью 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации <*>.

ГЛАВА 7.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ПРОКУРАТУРА <19>

<19> Редакция наименования главы 7 приведена в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», вступившим в силу со дня его официального опубликования 6 февраля 2014 г. (Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 2014, 6 февраля, № 0001201402060001).

Статья 118

1. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.

2. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства <*>.

3. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации. Создание чрезвычайных судов не допускается <*>.

Статья 119 <*>

Судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, постоянно проживающие в Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Судьям судов Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации.

Статья 120

1. Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону.

2. Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта

государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом.

Статья 121

1. Судьи несменяемы.

2. Полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом.

Статья 122

1. Судьи неприкосновенны.

2. Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в порядке, определяемом федеральным законом.

Статья 123

1. Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом.

2. Заочное разбирательство уголовных дел в судах не допускается, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом.

3. Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

4. В случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей.

Статья 124

Финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом.

Статья 125

Примечание.

Об осуществлении полномочий и назначении новых судей Конституционного суда РФ в связи с вступлением в силу ст. 1 Закона РФ о

поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ см. ст. 3 указанного Закона.

1. Конституционный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации состоит из 11 судей, включая Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и его заместителя <*>.

2. Конституционный Суд Российской Федерации по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, одной пятой сенаторов Российской Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации <*>:

а) федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных актов Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации <*>;

б) конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации <*>;

в) договоров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, договоров между органами государственной власти субъектов Российской Федерации <*>;

г) не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации <*>.

3. Конституционный Суд Российской Федерации разрешает споры о компетенции:

- а) между федеральными органами государственной власти;
- б) между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;
- в) между высшими государственными органами субъектов Российской Федерации.

4. Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, проверяет <*>:

- а) по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан – конституционность законов и иных нормативных актов, указанных в пунктах «а» и «б» части 2 настоящей статьи, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты <*>;
- б) по запросам судов – конституционность законов и иных нормативных актов, указанных в пунктах «а» и «б» части 2 настоящей статьи, подлежащих применению в конкретном деле <*>.

5. Конституционный Суд Российской Федерации по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, органов законодательной власти субъектов Российской Федерации дает толкование Конституции Российской Федерации.

5.1. Конституционный Суд Российской Федерации:

- а) по запросу Президента Российской Федерации проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также принятых в порядке, предусмотренном частями 2 и 3 статьи 107 и частью 2 статьи 108 Конституции Российской Федерации, законов до их подписания Президентом Российской Федерации;
- б) в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров

Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации;

в) по запросу Президента Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, проверяет конституционность законов субъекта Российской Федерации до их обнародования высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) <*>.

6. Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению. Акты или их отдельные положения, признанные конституционными в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации, не подлежат применению в ином истолковании <*>.

7. Конституционный Суд Российской Федерации по запросу Совета Федерации дает заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации либо Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления <*>.

8. Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет иные полномочия, установленные федеральным конституционным законом <*>.

Статья 126 <*>

Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам, образованным в соответствии с федеральным

конституционным законом и осуществляющим судебную власть посредством гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Верховный Суд Российской Федерации осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

Статья 127

Исключена поправкой к Конституции Российской Федерации (Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации») <20>.

<20> Статья 127 исключена в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», вступившим в силу со дня его официального опубликования 6 февраля 2014 г. (Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 2014, 6 февраля, № 0001201402060001).

Статья 128 <*>

1. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судьи Конституционного Суда Российской Федерации, Председатель Верховного Суда Российской Федерации, заместители Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судьи Верховного Суда Российской Федерации назначаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации.

2. Председатели, заместители председателей и судьи других федеральных судов назначаются Президентом Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом.

3. Полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и иных федеральных судов устанавливаются Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Порядок осуществления гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства регулируется также соответствующим процессуальным законодательством.

Статья 129 <*>

1. Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом.

2. Прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Прокурорам в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

3. Генеральный прокурор Российской Федерации, заместители Генерального прокурора Российской Федерации назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации.

4. Прокуроры субъектов Российской Федерации, прокуроры военных и других специализированных прокуратур, приравненные к прокурорам субъектов Российской Федерации, назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации.

Федерации.

5. Иные прокуроры могут назначаться на должность и освобождаться от должности Президентом Российской Федерации, если такой порядок назначения на должность и освобождения от должности установлен федеральным законом.

6. Если иное не предусмотрено федеральным законом, прокуроры городов, районов и приравненные к ним прокуроры назначаются на должность и освобождаются от должности Генеральным прокурором Российской Федерации.

ГЛАВА 8.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Статья 130

1. Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью.

2. Местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления.

Статья 131

1. Местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом. Территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций. Структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно в соответствии с общими принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации, установленными федеральным законом <*>.

1.1. Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом <*>.

2. Изменение границ территорий, в пределах которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий в порядке, установленном федеральным законом <*>.

3. Особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом <*>.

Статья 132

1. Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы, решают иные вопросы местного значения, а также в соответствии с федеральным законом обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи. <*>

2. Органы местного самоуправления могут наделяться федеральным законом, законом субъекта Российской Федерации отдельными государственными полномочиями при условии передачи им необходимых для осуществления таких полномочий материальных и финансовых средств. Реализация переданных полномочий подконтрольна государству <*>.

3. Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории <*>.

Статья 133 <*>

Местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на судебную защиту, на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций, а также запретом на ограничение прав местного самоуправления, установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

ГЛАВА 9.**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОПРАВКИ И ПЕРЕСМОТР КОНСТИТУЦИИ****Статья 134**

Предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации могут вносить Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство Российской Федерации, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, а также группа численностью не менее одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы.

Статья 135

1. Положения глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием.

2. Если предложение о пересмотре положений глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации будет поддержано тремя пятими голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, то в соответствии с федеральным конституционным законом созывается Конституционное Собрание.

3. Конституционное Собрание либо подтверждает неизменность Конституции Российской Федерации, либо разрабатывает проект новой Конституции Российской Федерации, который принимается Конституционным Собранием двумя третями голосов от общего числа его членов или выносится на всенародное голосование. При проведении всенародного голосования Конституция Российской Федерации считается принятой, если за нее проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нем приняло участие более половины избирателей.

Статья 136

Поправки к главам 3 - 8 Конституции Российской Федерации принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного

закона, и вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации.

Статья 137

1. Изменения в статью 65 Конституции Российской Федерации, определяющую состав Российской Федерации, вносятся на основании федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта Российской Федерации, об изменении конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации.

2. В случае изменения наименования республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа новое наименование субъекта Российской Федерации подлежит включению в статью 65 Конституции Российской Федерации.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ И ПЕРЕХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Конституция Российской Федерации вступает в силу со дня официального ее опубликования по результатам всенародного голосования.

День всенародного голосования 12 декабря 1993 г. считается днем принятия Конституции Российской Федерации.

Одновременно прекращается действие Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России, принятой 12 апреля 1978 года, с последующими изменениями и дополнениями.

В случае несоответствия положениям Конституции Российской Федерации положений Федеративного договора – Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти суверенных республик в составе Российской Федерации, Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной

власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации, Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации, а также других договоров между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, договоров между органами государственной власти субъектов Российской Федерации – действуют положения Конституции Российской Федерации.

2. Законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Российской Федерации до вступления в силу настоящей Конституции, применяются в части, не противоречащей Конституции Российской Федерации.

3. Президент Российской Федерации, избранный в соответствии с Конституцией (Основным Законом) Российской Федерации – России, со дня вступления в силу настоящей Конституции осуществляет установленные ею полномочия до истечения срока, на который он был избран.

4. Совет Министров – Правительство Российской Федерации со дня вступления в силу настоящей Конституции приобретает права, обязанности и ответственность Правительства Российской Федерации, установленные Конституцией Российской Федерации, и впредь именуется – Правительство Российской Федерации.

5. Суды в Российской Федерации осуществляют правосудие в соответствии с их полномочиями, установленными настоящей Конституцией.

После вступления в силу Конституции судьи всех судов Российской Федерации сохраняют свои полномочия до истечения срока, на который они были избраны. Вакантные должности замещаются в порядке, установленном настоящей Конституцией.

6. Впредь до введения в действие федерального закона, устанавливающего порядок рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей, сохраняется прежний порядок судебного рассмотрения соответствующих дел.

До приведения уголовно-процессуального законодательства Российской

Федерации в соответствии с положениями настоящей Конституции сохраняется прежний порядок ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления.

7. Совет Федерации первого созыва и Государственная Дума первого созыва избираются сроком на два года.

8. Совет Федерации на свое первое заседание собирается на тридцатый день после избрания. Первое заседание Совета Федерации открывает Президент Российской Федерации.

9. Депутат Государственной Думы первого созыва может одновременно являться членом Правительства Российской Федерации. На депутатов Государственной Думы – членов Правительства Российской Федерации не распространяются положения настоящей Конституции о неприкосновенности депутатов в части ответственности за действия (или бездействие), связанные с выполнением служебных обязанностей.

Депутаты Совета Федерации первого созыва осуществляют свои полномочия на непостоянной основе.

<*> Редакция статей, частей и пунктов, помеченных символом <*>, приведена в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Изменения, внесенные названным Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, вступают в силу со дня официального опубликования результатов общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3: Европа. Америка: XVII–XX вв. / Национальный общественно-научный фонд; Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; Отв. ред. О.О. Жидков. – М.: Мысль, 1999. – 829 с.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Издательство ИНФРА-М. – 2018 г. – 183 с.
3. Бентам И. Избранные сочинения / Перевод (по английскому изданию Боуринга и французскому Дюмона) А.Н. Пыпина и А.Н. Неведомского с предисловием Ю.Г. Жуковского. – С.-Петербург: Изд. «Русской книжной торговли», 1867. – 678 с.
4. Борьба за право. Перевод с 13-го немецкого издания / Иеринг Р.; Пер.: Ершов С.И. – М.: Феникс, 1991. – 64 с.
5. Вильгельм фон Гумбольдт. О пределах государственной деятельности. – Челябинск: Социум, 2009. – 304 с.
6. Вольтер Ф. Философские письма. – М.: Издательство АСТ. – 2011 г. – 752 с.
7. Гай Институты / Пер. с лат. Ф. Дыдынского. Под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – Москва: Юрист, 1997. – 368 с.
8. Гаспаров М.Л. Источник: Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры. Зарубежная литература древних эпох, средневековья и Возрождения / Ред. и сост. В. И. Новиков. – М.: Олимп: АСТ, 1997. – 848 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В.С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
10. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. / Отв. ред. Е. П. Ситковский. Ред. коллегия: Б. М. Кедров и др. – М., «Мысль», 1977. – 471 с.

11. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. / Г. В.Ф. Гегель; сост., общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1970-1971. – (Философское наследие). Т. 2. – 1971. – 632 с.
12. Гегель Г.В.Ф. Философия духа / Ред. М. Терешина. – М.: Издательство «Эксмо-Пресс», 2016. – 160 с.
13. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – Москва: Соцэкгиз, 1936 г. – 503 с.
14. Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
15. Декларация прав человека и гражданина (Принята национальным собранием 26 августа 1789 г.). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=57157#005008007331042563>
16. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. – СПб.: Изд. Н. В. Муравьева, 1881. – 412 с.
17. История политических и правовых учений: хрестоматия / Под ред. О.Э. Лейста. – М.: Городец, 2000. – 512 с.
18. История политических и правовых учений: хрестоматия / Сост. и ред. Г.Г. Демиденко, Г.А. Борисов. – Белгород, 1999. – 1158 с.
19. Кант И. Собрание сочинений: Юбил. изд., 1794-1994: в 8 т. / Под общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: ЧОРО, 1994. – (Мировая филос. мысль). – Т. 6. – 613 с.
20. Кант И. Собрание сочинений: Юбил. изд., 1794-1994: в 8 т. / Под общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: ЧОРО, 1994. – (Мировая филос. мысль). – Т. 7. – 495 с.
21. Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей. – Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 97.
22. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: Сборник документов / Под редакцией профессора П.Н. Галанзы. – М.: Госюриздат, 1957. – 588 с.

23. Лассаль Ф. О сущности конституции / Пер. с нем. К. Чекеруль-Куша; С предисл. Эд. Бернштейна; Ф. Лассаль. – Киев: кн. маг. С.И. Иванова и К°, 1905. – 32 с.
24. Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тома 1-39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955-1974 г.г. – Т. 19. – 703 с.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тома 1-39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955-1974 г.г. – Т. 13. – 805 с.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тома 1-39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955-1974 г.г. – Т. 4. – 638 с.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тома 1-39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955-1974 г.г. – Т. 21. – 782 с.
29. Марсилий Падуанский Защитник мира. *Defensor pacis* / Марсилий Падуанский: Пер. с франц. Б. У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2014. – 656 с.
30. Мачин И.Ф. История политических и правовых учений: конспект лекций. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 208 с.
31. Милль Д. О свободе / Пер. с англ. М.И. Ловцовой. 2-е изд. – СПб., 1906. – 236 с.
32. Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М: Издательство РИПОЛ Классик, 2018. – 690 с.
33. Оуэн Р. Избранные сочинения: В 2 т. / Пер. с фр. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. – Т. 1. – 352 с.
34. Оуэн Р. Избранные сочинения: В 2 т. / Пер. с фр. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. – Т. 2. – 402 с.
35. Оуэн Р. Конституция общины «Новая Гармония» // Антология мировой правовой мысли. – М., 1993. – Т. 3.
36. Политика / Аристотель; пер. с древнегреч. С.А. Жебелева: АСТ; Москва. – 2016. – 456 с.

37. Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI-XVII вв. – Ленинград. – Наука. – 1990. – 246 с.

38. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. – М.: Издательство Типография Г.В. Фальк, 1872. – 100 с.

39. Руссо Ж.Ж. Трактаты. Серия: Литературные памятники // В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин. – М.: Наука, 1969. – 703 с.

40. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 146 с. – (Антология мысли). – URL: <https://urait.ru/bcode/441987>.

41. Сен-Симон А. Избранные Сочинения: В 2 т. / Пер. с фр. под редакцией и с комментариями Л.С. Цетлина. Вступительная статья В.П. Волгина. – Москва - Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1948. – Т. 2.

42. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. / Под ред. О.А. Жидкова. Перевод В.И. Лафитского. – М.: Прогресс, Универс, – 1993. – 768 с.

43. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.

44. Утопический социализм: хрестоматия / Общ. ред. А.И. Володина. – М.: Политиздат, 1982. – 512 с.

45. Фурье Ш. Избранные сочинения: В 4 т. / Пер. с фр. И. И. Зильберфарб. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 1.